ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

PECHAT' I REVOLIUTSIIA

ZHURNAL LITERATURY ISKUSSTVA KRITIKI I BIBLIOGRAFII

Vol. 8

Nos. 1-3

1925

MOCKBA
KRAUS REPRINT
A Division of
KRAUS-THOMSON ORGANIZATION LIMITED
Nendeln, Liechtenstein
1970

ПЕРАТЬ N
РЕВОЛЮЦИЯ

РЕСНАТ I REVOLUTSIIA

SOVIET LITERATURE INDUSTRY CRITICAL BIBLIOGRAPH

Vol. 8

Nos. 1-3

1973

MICRO-FILM
KRAUS REPRINT
A Division of
KRAUS-THOMSON ORGANIZATION LIMITED
Nendeln, Liechtenstein
1978

Р.С.Ф.С.Р.

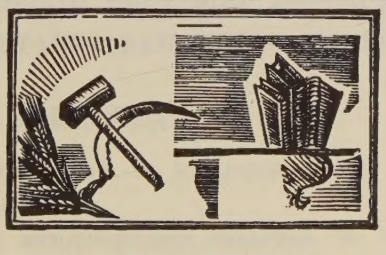
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА,
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.



КНИГА-ПЕРВАЯ
ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925

Редакция
номера закончена
5-го января

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

1. ПЯТЬ ПИСЕМ В. И. ЛЕНИНА А. М. ГОРЬКОМУ 1
2. Н. Мещеряков. ЛЕНИН И ПРЕД-ИСТОРИЯ КОМИНТЕРНА . . 9
3. Ц. Фридлянд. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛЕНИНИЗМА 21
4. Р. Авербух. А. ОЛАР И ТЕОРИЯ НАСИЛИЯ. 43
5. В. Стоклицкая-Терешкович. ГОРОД С ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ 62
6. Е. Казанович. НЕКРАСОВ И ПИСАРЕВ 79
7. П. Сакулин. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ИСТОРИКА ЛИТЕРАТУРЫ 96
8. П. Эттингер. Т. А. СТЕЙНЛЕН 105

9—13. ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ и ЛИТЕРАТУРЫ.

9. А. Лежнев. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР 129
10. П. Марков. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В МОСКВЕ 138
11. Е. Браудо. МУЗЫКА В МОСКВЕ 150
12. И. Маца. О НОВОЙ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 153
13. А. Греч. ВЫСТАВКА ЗАПАДНОГО ИСКУССТВА 158

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

I. Социализм и коммунизм. В. Адоратского, М. Зеликмана, В. Виленского-Сибирякова. 165
II. Империализм и международная политика. Ф. Ротштейна, П. Китайгородского, Б. Пурецкого, В. Гурко-Кряжина 172
III. Экономические науки и народное хозяйство. Ф. Капелюша, А. Кона, С. Каплуна, М. Эльской, С. Боброва, А. Хавина, А. Бессера . . 179
IV. Вопросы текущей жизни. Я. Шафира, Ц. Фридлянда, Ю. Спасского 190
V. Литература о Германии. М. Брагинского 194
VI. Рабочее и профессиональное движение. Ф. Ротштейна, А. Чекина, И. Ильинского, М. Брагинского, М. Зеликмана 198
VII. История:
1. Всеобщая история. А. Неусыхина 205
2. Русская история. М. Клевенского, Ю. Спасского 207

Стр.

3. История революционного движения в России. В. Невского, М. Зеликмана, П. Лепешинского, Ст. Кривцова, Р. Ковнатор, В. Волковичера, В. Виленского-Сибирякова, Г. Лелевича, С. Пионтковского, Ст. Кривцова 211
4. История революционного движения на Западе. Ц. Фридлянда, Б. Горева 229

VIII. Науки об обществе и государстве. А. Пионтковского, И. Ильинского. 231

IX. Философия и психология. И. Луппола, Гр. Баммеля, М. Рейснера, С. Васильева 235

X. Народное просвещение. А. Залкинда, Н. Чехова, В. Чарнолуского, М. Пистрака, проф. А. Селихановича, Н. Ефимова 241

XI. Библиография и библиотековедение. А. Сигорского, Л. Хавкиной . . 249

XII. Народы и страны. Н. Попова-Тативы, В. Виленского-Сибирякова, В. Дембо 252

XIII. Науки о природе. Проф. А. Тимирязева, проф. С. Блажко, М. Гремяцкого, проф. Н. Кольцова 258

XIV. Теория и история литературы. Г. Винокура, С. Боброва, В. Переверзева, М. Клевенского, проф. Н. Фатова, Ю. Соболева, В. Лебедева-Полянского, А. Лежнева 265

XV. Художественная литература:
1. Русская. А. Лежнева, Федорова-Давыдова, Д. Горбова, В. Вешнева, В. Волькенштейна, Д. Фурманова 281
2. Иностранная. И. Аксенова, Л. Розенталя, А. Луначарской, К. Локса, М. Эйхенгольца, В. Кряжина, М. Лейтейзена, А. Старикова 287

XVI. Искусства. Федорова-Давыдова, В. Гливенко, проф. Н. Романова, М. Достоевского, А. Греча, Н. Щербакова, Е. Браудо, Ант. Углова, С. Бугославского, С. Беляевой-Экземплярской 300

Литературная хроника 315
Список книг, полученных для отзыва 330

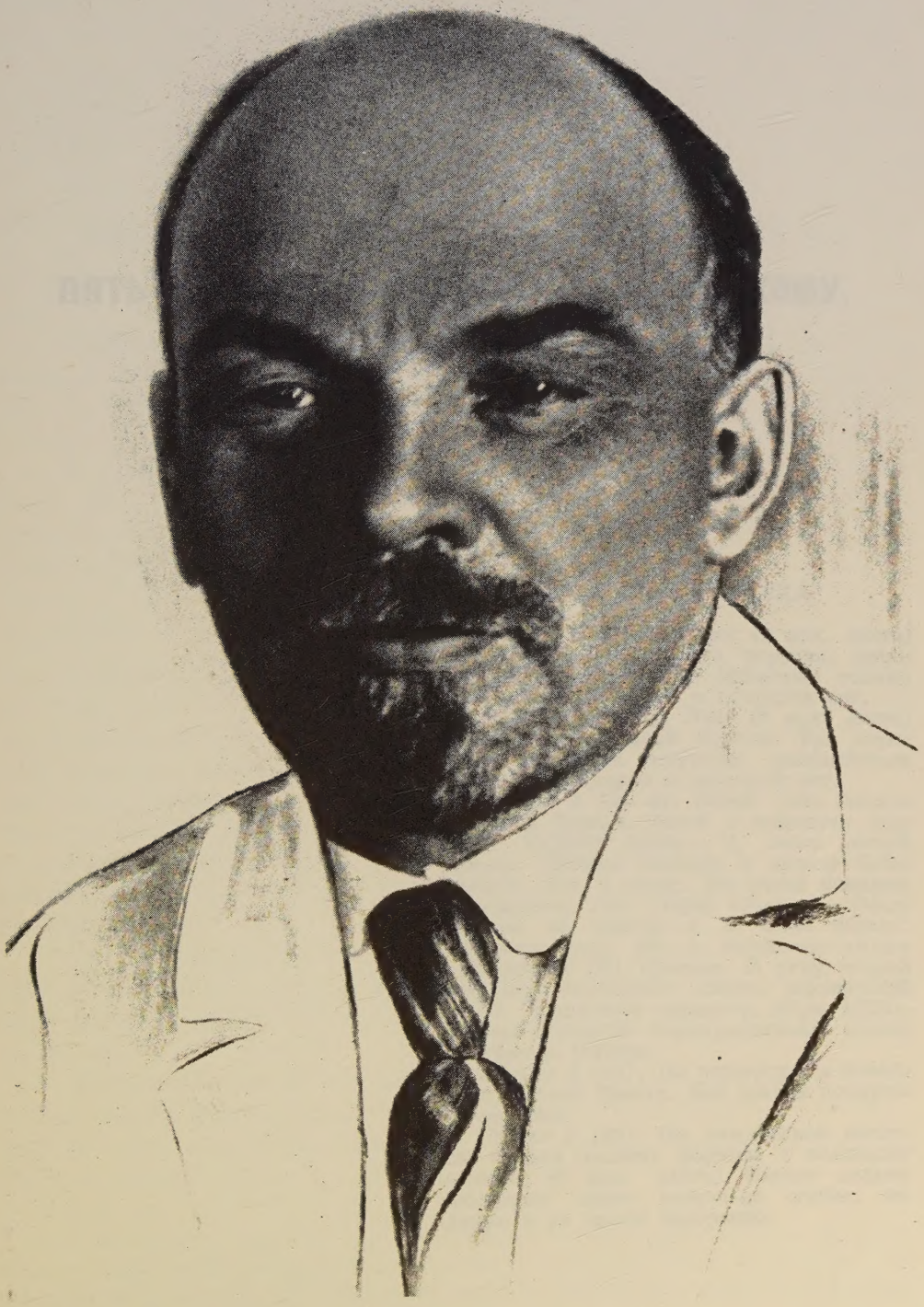
Портрет В. И. Ленина на вкладном листе.
34 иллюстрации в тексте и на вкладных листах.

21 января 1924 г. в 18 ч. 50 м.

СКОНЧАЛСЯ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

ЛЕНИН



Digitized by the Internet Archive
in 2025

https://archive.org/details/pechat-i-revolyutsiya_january-february-1925_8_1

ПЯТЬ ПИСЕМ В. И. ЛЕНИНА — А. М. ГОРЬКОМУ.

Под редакцией и с примечаниями Л. Б. Каменева.

АРХИВНАЯ СПРАВКА.

Письмо 1 (16 а). Лист (2 арх. листа) почтовой бумаги, малого формата, линованный, светло-синий. Исписаны только 3 страницы. Помарок и поправок нет.

Письмо 2 (16 б). Лист (2 арх. листа) почтовой желтоватой бумаги. Три страницы исписаны крупным размашистым почерком. Помарок и поправок нет.

Письмо 3 (21 а). Имеет пять листов почтовой бумаги, белой с водяными знаками. Размер листа — $^1/_4$ листа писчей бумаги. Почерк ровный, в начале более мелкий, чем в конце. Ни одной помарки и поправки нет. *Перед* абзацем: «Вашу радость по поводу...» и *после* абзаца: «Я очень рад, что...» поставлен синим карандашем (X) крестик. В углу второй страницы последнего листа, неизвестной рукой, чернилами написано: «Рук. 4/921». Четные страницы перенумерованы рукою Владимира Ильича.

Письмо 4 (35). На четвертушке белого листа писчей бумаги. Без единой помарки и поправки.

Письмо 5 (36). На линованной почтовой бумаге среднего формата с водяными знаками (2 арх. листа). Письмо сильно потрепано: имеет несколько сгибов, по сгибам и по краям надорвано.

ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНА — А. М. ГОРЬКОМУ *).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Публикуемые здесь пять писем Владимира Ильича к А. М. Горькому получены Институтом от Ленинградской Публичной библиотеки и А. Н. Тихонова уже после выхода «Ленинского Сборника» № 2. Первые тут из них относятся к 1911—1912 г.г., два последних — к 1916 г.

В хронологической цепи писем, помещенных в «Ленинском Сборнике» № 1, эти письма должны стоять соответственно под номерами: первое — № 16 а, второе — № 16 б, третье — № 21 а, четвертое — № 35 и пятое — № 36.

Письмо 1.

15/IX 11. [Париж.]

Дорогой А. М.! Писал я вам последний раз месяца, должно быть, два тому назад — в начале школы [1]) (которая теперь уже окончилась, и слушатели разъехались). Ответа не было, — я думал, не затянулись ли «переговоры» [2]) или не изменилось ли что-либо радикально. На-днях был здесь Лещенко [3]), рассказал про Капри, и я был очень рад узнать, что дело вышло все из-за отсрочки предполагавшихся вами свиданий до «после ярмарки» [4]). Планы же — говорил Л[ещенко] — на Капри прежние: и толстый журнал, и большая газета, и еще, кажись, газета-Копейка.

Да, да, теперь бы как раз кстати. Ликвидаторы покупают (так говорят в Питере, откуда мы сегодня получили письмо) Киевскую Копейку и переводят в Питер. Крайне важно было бы сорганизовать им отпор.

Пока мы смогли только раздобыть последние деньжонки на возобновление *Звезды*. Рассчитываю очень на вашу подмогу: пришлите статейку. Подмога особ[енно] важна в начале, ибо налаживать прерванное издание будет не легко.

---

*) Настоящие, еще не опубликованные, письма предоставлены редакции нашего журнала Институтом В. И. Ленина — с разрешения Л. Б. Каменева, за что редакция приносит ему свою благодарность. Письма эти включены в «Ленинский Сборник» № 3, находящийся в печати.

Они являются дополнением к письмам, опубликованным в «Ленинских Сборниках» №№ 1 и 2 и напечатанным в нашем журнале № 3 за 1924 г.

Получили ли и читали ли брошюру Каменева [5])? Я питаю надежды, что она должна рассеять некоторые предубеждения, имеющиеся у Вас, повидимому, против ее автора.

В партийных делах у нас каша здоровая, но все же к развязке ближе. Плеханов виляет — это перед развязкой у него всегда, вроде болезни. Мартов послал Каутскому и Цеткиной перевод (на пиш[ущей] машине) своей брошюры, чем *очень* помог нам: и Каутск[ий и Цеткина обругали брошюру жестоко, первый — «отвратительной», вторая — «грязной» [6]).

Ну, всего лучшего. Пишите в *Звезду*.

Черкните пару слов, коли не лень. Большой привет М. Ф.

Ваш Ленин.

[1]) Школа в Лонжюмо (под Парижем), организованная большевистским центром летом 1911 г. для прибывших из России рабочих. В. И. прочел здесь ряд лекций по политической экономии, по аграрному вопросу и по теории и практике социализма.

[2]) «Переговоры» — имеются в виду переговоры А. М. Горького в связи с планами издания в России толстого журнала и ежедневной газеты, в которых должен был принять участие и Владимир Ильич. Планы эти не получили осуществления.

[3]) Д. И. Лещенко, большевик, принимавший участие в ряде партийных изданий 1906—1907 г.г. После Октября стоял во главе Кино и работал в Наркомпросе.

[4]) «Ярмарка» — что подразумевалось под этим обозначением, неясно.

[5]) Брошюра Л. Б. Каменева — «Две партии», вышедшая в августе 1911 г. с предисловием В. И. Ленина.

[6]) Брошюра Ю. О. Мартова — «Спасители или упразднители», вышедшая летом 1911 г. и посвященная внутрипартийной борьбе. Ответом большевиков на эту брошюру и явилась вышеупомянутая брошюра Л. Б. Каменева.

Письмо 2.

[Начало 1912 г. Париж.]

Дорогой А. М.! В скором времени пришлем вам решения конференции [1]). Наконец, удалось — вопреки силе ликвидаторской сволочи — возродить партию и ее ЦК. Надеюсь, Вы порадуетесь этому вместе с нами.

Не напишете ли майский листок? Или листовочку в таком же майском духе? Коротенькую, «духо-подъемную», а? Тряхните стариной — помните 1905 год [2])—и черкните пару слов, ежели явится охота написать. В России есть 2—3 нелегал[ьные] типографии, и ЦК переиздаст, вероятно, в нескольких десятках тысяч. Хорошо бы иметь *революционную* прокламацию в типе сказок «Звезды» [3]). Очень и очень рад, что Вы помогаете *Звезде*. Трудно нам с ней чертовски — и внутренние, и внешние, и финансовые трудности необъятны — а все же пока тянем.

Жму руку. Ленин.

P. S. А Современник [4])-то догадался-таки умереть! Хороший это поступок с его стороны.

[1]) Имеется в виду Парижская конференция в январе 1912 г., на которой был восстановлен центральный аппарат партии.

[2]) Намек на ряд прокламаций и воззваний, написанных А. М. Горьким в 1905 г для ЦК партии.

[3]) В «Звезде» Горький поместил ряд своих произведений, которые носили общее название «Сказки».

[4]) «Современник» — выходивший с января 1911 г. ежемесячный журнал, участие в котором принимал и М. Горький.

Письмо 3.

[Конец декабря 1912 г. Краков.]

Дорогой А. М.! Поздравляю и Вас с новым годом, желаю всего, всего лучшего, а больше всего здоровья! У нас здесь сейчас Малиновский, Петровский и Бадаев. Вчера получил Ваше письмо, читал его им, все чрезвычайно были рады. Мал[иновский] хотел ехать к Вам, да, пожалуй, дальность помешает. Эх, кабы можно было Вам поближе... Ежели бы здоровье позволило, перебраться в здешние галицийские курорты вроде Закопане, отыскать место в горах здоровое, на два дня ближе к России, приезды рабочих можно участить, школу бы опять рабочую наладили, переход через границу нетруден, цена проезда 12 руб. от Питера, сношения с рабочими Москвы, юга тоже возможны!.. Размечтался я в связи с поездкой М. Ф... Вот чудесно она придумала, право, чудесно. Черкните непременно при случае, удалось ли ей легализоваться (наверное, удастся). Еще черкните, как Малиновскому найти ее в Питере или в Москве. Через Тихонова? Ежели не найти деньжонок на расширение и упрочение Правды — погибнет она. Дефицит теперь 50—60 р. в день. Надо повысить тираж, удешевить расходы, расширить газету. 200 номеров выдержали — рекорд. Влияем все же на 20—30 тысяч читателей рабочих систематически в марксистском духе, дело большущее, дьявольски жаль было бы, ежели оно погибнет. Обдумываем со всех сторон и всячески с депутатами, как бы вывернуться из трудного положения Правды, но боимся, что без финансовой поддержки со стороны не вывести.

Мал[иновский], Петр[овский] и Бадаев шлют Вам горячий привет и лучшие пожелания. Парни хорошие, особенно первый. Можно, ей-ей можно, с такими людьми построить рабочую партию, хотя трудности невероятно велики. Краковская база оказалась полезной: вполне «окупился» (с точки зрения дела) наш переезд в Краков. Депутаты подтверждают, что среди масс рабочих революционное настроение безусловно растет. Ежели создать теперь хорошую пролетарскую организацию, без помех предателей-ликвидаторов, — чорт знает какие победы можно тогда одержать при росте движения снизу...

То, что Вы сообщаете про письма из России, замечательно интересно и характерно. Ме[ньшеви]ки-рабочие говорят, что Россия пережила Маркса!! И это не единичный случай. Ликвидаторы такой разврат, такой предательский дух, такое ренегатство вносят, что и представить себе трудно. А тут еще тысячи интриг для «соединения» с ними: единственное средство изгадить *все* дело, испортить с трудом начатое строительство партии, это опять начать интриги = «соединение» с ликвидаторами. Ну, мы еще повоюем...

Вашу радость по поводу возврата впередовцев [1]) от всей души готов разделить, *ежели... ежели* верно Ваше предположение, что «махизм, богостроительство и все эти штуки увязли навсегда», к[а]к Вы пишете. Если это так, если это впередовцы поняли или поймут теперь, тогда я к Вашей радости по поводу их возврата присоединяюсь горячо. Но я подчеркиваю «*ежели*», ибо это пока еще пожелание больше, чем факт.

Помните весной 1908 года на Капри наше «последнее свидание» с Богд[ановым], Баз[аровым] и Лунач[арским]? Помните, я сказал, что придется разойтись годика на 2—3, и тогда еще М. Ф., бывшая председателем, запротестовала бешено, призывая меня к порядку и т. п.!

Оказалось—$4^1/_2$, почти 5 лет. И это еще не много для такого периода глубочайшего развала, какой был в 1908—1911 г.г. Не знаю, *способны* ли Богданов, Базаров, Вольский (полуанархист), Луначарский, Алексинский *научиться* из тяжелого опыта 1908—1911? Поняли ли они, что *марксизм* штука посерьезнее, поглубже, чем им казалось, что нельзя над ней глумиться, как делывал Алексинский, или третировать ее как мертвую вещь, как делали остальные? *Ежели* поняли, — тысячу им приветов, и все личное (неизбежно внесенное острой борьбой) пойдет в минуту на смарку. Ну, а ежели не поняли, не научились, тогда не взыщите: дружба дружбой, а служба службой. За попытки поносить марксизм или путать политику рабочей партии воевать будем, не щадя живота.

Я *очень* рад, что нашлась *дорога* к постепенному возврату впередовцев именно через Правду, которая непосредственно их не была. Очень рад. Но именно в интересах *прочного* сближения надо теперь итти к нему медленно, *осторожно*. Так я написал и в Правду. На это должны направить свои усилия и друзья воссоединения впередовцев с нами: осторожный, опытом проверяемый, **возврат** впередовцев **от** махизма, отзовизма, богостроительства может дать чертовски многое. Малейшая неосторожность и «рецидив болезни махистской, отзовистской и пр.»,— и борьба вспыхнет еще злее... Не читал новой «Философии живого опыта» Богданова: наверное, тот же махизм в новом наряде [2])...

С Сергеем Моисеевым [3]) в Париже мы отлично связаны, давно его знаем и вместе работали. Это партиец и б[ольш] [ви]к настоящий. С такими людьми строим партию, но мало их стало чертовски.

Еще раз жму руку, надо же кончить письмо, а то затянул неприлично. Будьте же здоровы.

Ваш Ленин.

Н. К. шлет горячий привет!

(У нас здесь еще несколько работников хороших из России съехалось. Устраиваем совещание [4]). Эх, денег нет, а то из здешней базы мы бы черт знает сколько наделали!)

В Правду пишу сегодня, чтобы они, спросив Тихонова, напечатали, что Тихонов и Вы заведуете беллетрис[ическим] отделом Правды [5]). Не так ли? Черкните и им, ежели не напечатают.

[1]) «Впередовцы» — группа, отколовшаяся от большевиков в 1908 г. Во главе ее стояли А. А. Богданов и Г. А. Алексинский.

[2]) Книга А. А. Богданова «Философия живого опыта». Вышла в Петербурге в конце 1912 г.

[3]) С. И. Моисеев (Илья Джапаридзе) — большевик, был осужден в 1902 г. в ссылку на поселение по делу сормовской демонстрации. Эмигрант. В настоящее время работает в Москве.

[4]) Совещание это состоялось в конце декабря 1912 г. По конспиративным соображениям оно названо было «февральским 1913 г. совещанием».

[5]) В «Правде» такого объявления не появилось.

Письмо 4.

11/I 1916. [Берн.]

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Посылаю Вам на адрес «Летописи» [1]), но не для Летописи, а для издательства рукопись брошюры с просьбой издать ее [2]).

Я старался как можно популярнее изложить новые данные об Америке, которые [3]), по моему убеждению, особенно пригодны для популяризации марксизма и для фактического обоснования его. Надеюсь, что мне удалось изложить эти важные данные ясно и понятно. Для новых слоев читающей публики, которые умножаются в России и нуждаются в освещении экономической эволюции мира.

Хотел бы продолжить и впоследствии издать и вып. II — о Германии.

Сажусь за работу над брошюрой об империализме.

В силу военного времени я крайне нуждаюсь в заработке и потому просил бы, если это возможно и не затруднить Вас чересчур, ускорить издание брошюры.

Уважающий Вас В. Ильин.

Адрес:
Mr Wl. Oulianoff
Seidenweg 4-a Berne (Suisse).

[1]) «Летопись» — журнал интернационалистского направления, в издании которого ближайшее участие принимал А. М. Горький. Выходил в Петрограде в 1915—1917 г.г. При журнале существовало изд-ство «Парус», которое и имеет в виду Ленин. Брошюра, о которой пишет Ленин, вероятно, «Новые данные об эк. развитии Америки». «Парус» ее не издал. Она появилась в печати лишь в 1917 г., после революции в изд. Б.-Бруевича «Жизнь и Знание». См. Собр. соч., т. IX.

[2]) Брошюра Ленина: «Империализм как новейший этап капитализма» (см. Собр. соч. т. XIII).

[3]) В рукописи стоит «который».

Письмо 5.

[1916.] Для А. М. Горького.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Посылаю Вам заказной бандеролью брошюру моей жены: «Народное образование и демократия» [1]).

Автор занимается педагогикой давно, более 20 лет. И в брошюре собраны как личные наблюдения, так и материалы о новой школе Европы и Америки. Из оглавления Вы увидите, что дан также, в первой половине, очерк истории демократических взглядов. Это тоже очень важно, ибо обычно взгляды великих демократов прошлого излагают неверно или с неверной точки зрения. Не знаю, в состоянии ли Вы сами урвать время для чтения и интересуетесь ли; §§ 2 и 12 могли бы служить образцом. Изменения в школе новейшей, империалистской эпохи очерчены по материалам последних лет и дают очень интересное освещение для демократии в России.

Вы очень обяжете меня, если посодействуете — прямо или косвенно — изданию этой брошюры. Спрос на литературу этой области, верно, сильно возрос теперь в России [2]).

Лучшие приветы и пожелания.

В. Ульянов.

[1]) На адрес «Летописи».

[2]) Книга Н. К. Крупской «Народное образование и демократия» не была издана «Парусом», появилась в печати лишь в 1918 году

ЛЕНИН И ПРЕД-ИСТОРИЯ КОМИНТЕРНА.

Н. Л. Мещеряков.

I.

Громадна роль, которую сыграл Ленин в международном социалистическом движении. Им произведена была наиболее острая, основательная убийственная критика II Интернационала. Им была брошена идея образования III Интернационала. Он был основателем и руководителем III Интернационала. Поэтому чрезвычайно интересным является изучение совокупности статей Ленина, посвященных на всем протяжении его деятельности вопросам международного социалистического движения и вопросам международной политики.

Все написанное Лениным о международном социалистическом движении можно разделить на 3 части:

Первая группа статей относится ко времени расцвета II Интернационала, до начала мировой империалистической войны. Эта группа невелика. Она обнимает около 160 страниц по Собранию сочинений Ленина.

Вторая группа представляет собою статьи, написанные во время мировой империалистической войны до образования III Интернационала.

Третья группа обнимает статьи и речи, написанные и произнесенные со времени образования III Интернационала.

Настоящий очерк посвящен анализу статей первой из указанных групп.

II.

Ленин начал свою работу в рядах социал-демократии. Он кончил ее, как противник социал-демократии. Но и в первых статьях Ленина по вопросам международного рабочего движения, как и во многих статьях, посвященных другим вопросам, уже видны его глубокие расхождения с социал-демократией, уже видны идеи, которые легли позже в основу политики и тактики Коминтерна и коммунистических партий. Проследить эволюцию этих идей, развитие их в могучий целостный организм — вот одна из наиболее интересных и важных задач, решению

или хотя бы выяснению которой пытаемся мы в настоящей статье дать толчок.

Замечу еще, что для выяснения этой эволюции недостаточно внимательное изучение только статей; недостаточно изучение даже *всех* литературных произведений Ленина. Под руководством Ленина в большевистских газетах и журналах работал ряд товарищей. Работа часто распределялась между ними так, что статья была написана кем-нибудь из других редакторов и сотрудников газеты или журнала, но была написана по указаниям Ленина, под *его* руководством и прошла через *его* редакцию. В сочинениях Ленина мы не найдем откликов на ряд чрезвычайно важных вопросов, потому что вопросы эти были освещены в статьях других товарищей. Но в этих статьях отразились идеи и эволюция того же ленинизма. Изучение статей самого Ленина необходимо поэтому дополнять изучением всех статей тех газет и журналов, которые выходили под его редакцией, и в особенности изучением произведений ближайших учеников и товарищей Ленина, например, изучением произведений тов. Зиновьева.

Для полноты изучения необходима еще переписка Ленина, в которой он затрагивает те же вопросы. Но эта переписка еще не опубликована. Такое полное изучение является поэтому делом будущего.

Попробую теперь бегло проследить эволюцию идей коммунизма, поскольку они отражались в статьях и речах Ленина по вопросам международного рабочего движения в период до начала мировой империалистической войны.

III.

Просматривая первые томы сочинений Ленина, мы ничего не найдем в них по вопросам о социалистическом или рабочем движении за границей. Все внимание Ленина в это время было обращено на российские дела, на назревающую российскую революцию. Если он говорит в это время о западно-европейских социал-демократах, то только или по вопросам теоретическим (например, бернштейнианство), или по вопросу об их отношении к российской революции, к тем вопросам, которые ставит эта революция и об их отношении к различным течениям российского революционного движения. Ленин ясно видел в то время, что в России революция быстро назревает, что здесь неизбежно применение революционной тактики, примеров которой не может дать мирно-развивавшееся до тех пор западно-европейское рабочее движение. Не у деятелей II Интернационала хочет в это время учиться Ленин. Он учится по литературным произведениям и работе основателей и руководителей I Интернационала, у авторов «Манифеста Коммунистической Партии». Мирная легальная работа II Интернационала в это время Ленина мало интересует. О ней он не пишет ничего.

Поражение революции 1905—1906 годов приводит Ленина к мысли, что решающий революционный взрыв отсрочен, что до этого взрыва Россия должна пережить некоторый период, в течение которого надо

будет научиться «говорить по-немецки», т.-е. использовывать в революционном направлении для подготовки новой революции все имеющиеся на-лицо хотя бы и «куцые» легальные возможности, оставшиеся после революции 1905 года (государственная дума, кое-какая возможность издания легальных рабочих газет, возможность для рабочих участвовать на различных съездах и т. п.). Для такой работы мог пригодиться опыт западно-европейского рабочего движения, а потому к этому опыту нужно было приглядываться, его нужно было изучать.

Но Ленин отнюдь не думал, что мы должны слепо брать этот опыт. Наоборот, он чрезвычайно критически относился к этому опыту, а потому его статьи о западно-европейском рабочем движении имели чрезвычайно важное значение и тогда, когда они появлялись впервые, и имеют громадное значение для изучения нарождения того революционного рабочего движения, которое сплотилось теперь в коммунистическую партию и в III Интернационал.

IV.

Одной из характернейших особенностей II Интернационала служило (и служит до сих пор) почти полное отсутствие централизации международного движения, идущего под этим знаменем, чрезвычайно слабая связь между социал-демократическими партиями различных стран.

Многие даже очень важные вопросы каждая партия решает по своему; нет однообразия в решениях; нет единого, дисциплинированного цельного, как гранитный монолит, рабочего движения, подобного тому, какое представляет III Интернационал. Под покровом такой децентрализованности, такого отсутствия дисциплины может легко проскакивать всякая беспринципность, всякий оппортунизм, столь характерные для II Интернационала.

Ленин сразу заметил эту слабую сторону II Интернационала и уже в первой своей статье «Международный социалистический конгресс в Штутгарте», помещенной в газете «Пролетарий» за 1907 год, он с радостью отмечает, что «по ряду вопросов, которые до сих пор решались исключительно внутри отдельных социалистических партий, конгресс вынес общие резолюции. Сплочение социализма в одну международную силу выражается особенно ярко в этом увеличении числа вопросов, требующих одинакового принципиального решения в разных странах». Положение, в которое до сих пор еще недостаточно вдумались многие из представителей крайнего правого и крайнего левого уклонов III Интернационала, которые пытаются отстаивать право коммунистических партий решать те или иные вопросы самостоятельно, независимо от общего решения конгресса III Интернационала.

Одной из характернейших черт империализма является то, что он пытается найти для себя опору в рабочей аристократии, в тех слоях пролетариата, труд которых оплачивается хорошо за счет усиленной эксплоатации громадного большинства трудящихся. В статьях эпохи

мировой войны и в книге об империализме Ленин подробно говорит по этому вопросу. Но этот же вопрос он отмечает, хотя и бегло, но вполне отчетливо и в упомянутой статье о Штутгартском конгрессе... «Широкая колониальная политика, — говорит он, — привела к тому, что европейский пролетарий *отчасти* попадает в такое положение, что *не* его трудом содержится все общество, а трудом порабощенных колониальных туземцев. Английская буржуазия, например, извлекает больше доходов с десятков и сотен миллионов населения Индии и других ее колоний, чем с английских рабочих. При таких условиях создается в известных странах материальная экономическая основа заражения пролетариата той или другой страны колониальным шовинизмом». В этом отрывке мы видим также проявление того интереса к революционному движению эксплоатируемых колониальных стран, которое позже стало одним из основных камней ленинизма и III Интернационала.

Ниже, в той же статье по поводу вопроса об эмиграции, Ленин еще раз отмечает «тот же дух аристократизма среди пролетариев некоторых «цивилизованных» стран, извлекающих известные выгоды из своего привилегированного положения и склонных поэтому забывать требования международной классовой солидарности».

Итак, вопрос объединения всех трудящихся (рабочих стран капиталистических и крестьян стран колониальных) в борьбе против эксплоатирующего всех их империализма, вопрос, который не решен до сих пор II Интернационалом, совершенно правильно намечен к решению уже в первой статье Ленина на международные темы, написанной еще в 1907 году.

Следующей характерной чертой рабочего движения эпохи II Интернационала было то, что все различные виды этого движения — организации политические, профессиональные и кооперативные — рассматривались как три совершенно независимые друг от друга формы движения. Рабочие партии имели социалистический характер, а независимые от этих партий профессиональные союзы могли стоять довольно далеко от социализма. А большинство вождей кооперации и слышать не хотело о социализме. Такое расслоение единого рабочего движения было, конечно, одной из причин его слабости. Оно было также чрезвычайно выгодно для оппортунизма, так как широкая масса пролетариев, объединенных в профессиональные союзы, не подвергалась влиянию политической партии, настроенной в большинстве случаев более социалистически и более революционно, чем другие виды рабочих организаций. Поэтому русские большевики выдвинули и провели на Лондонском съезде 1907 г. резолюцию о сближении профсоюзов с партией вплоть до признания при известных условиях союзов партийными. Штутгартский конгресс также признает необходимость тесных связей союзов с политической партией, и Ленин отмечает эту резолюцию как победу революционного течения. В III Интернационале эта связь осуществлена целиком.

Наконец, на Штутгартском конгрессе был затронут вопрос о войне. По поводу позиции Эрве, который предлагал в то время ответить

на каждую войну всеобщей стачкой и восстанием, Ленин пишет, что Эрве «не понимал, с одной стороны, того, что война есть необходимый продукт капитализма, и пролетариат не может зарекаться от участия в революционной войне, ибо возможны такие войны и бывали такие войны в капиталистических обществах». Эрве не понимал, что борьба против войны «должна состоять не в одной замене войны миром, а в замене капитализма социализмом. Не в том суть, чтобы помешать только возникновению войны, а в том, чтобы использовать порожденный войной кризис для ускорения свержения буржуазии». Это как раз та точка зрения на войну, которую так яростно защищал Ленин во время мировой войны: надо проповедывать не пацифизм, не простое прекращение войны; нужно империалистическую бойню превратить в гражданскую войну. Итак, и эту важную составную идею ленинизма мы находим у Ленина вполне ясно и определенно выраженной уже в 1907 году.

В № 22 «Пролетария» помещена статья Ленина «О происшествии с королем португальским». (Эта статья относится к 1908 году.) Буржуазные корреспонденты нападали на португальских республиканцев за убийство ими короля, упрекали их за строгости цензуры. «Коль война, так по-военному», —отвечает на эти упреки Ленин. «Мы со своей стороны,— пишет он далее, — можем пожалеть об одном: о том, что республиканское движение в Португалии недостаточно решительно и открыто расправилось со всеми авантюристами. Мы жалеем о том, что в происшествии с королем португальским ясно виден еще элемент заговорщицкого, т.-е. бессильного, в существе своем не достигающего цели террора, при слабости того настоящего, всенародного, действительно обновляющего страну террора, которым прославила себя Великая Французская Революция».

Можно подумать, что эти энергичные слова в защиту энергичной, ни перед чем не останавливающейся революционной борьбы были написаны в 1918 — 1920 годах. Нет, они были написаны в 1908 году, в годы революционного отлива. Разве эта защита «всенародного», «обновляющего страну тéррора» не представляет гениального предвосхищения той революционной тактики, которая развернулась только через 10 лет, в эпоху Великой Российской Революции?

V.

Недостаток места мешает мне останавливаться на всех статьях Ленина на международные темы, написанных в этот период, и отметить в них все интересные зародыши тех идей, которые легли позже в основу коммунизма. Я могу отметить только некоторые, наиболее интересные из этих зародышей.

Интересна статья «Горючий материал в мировой политике», напечатанная в № 33 «Пролетария» (июль 1908 года). Этот горючий материал Ленин ищет главным образом в странах колониальных (Персия, Индия, Турция, Китай). Ленин уже в то время ясно и отчетливо чувствовал связь между революционным социалистическим движением пролетариата

капиталистических стран и революционным крестьянским движением колониальных стран Востока. «Песенка английско-русских порядков в Индии спета», — пишет Ленин в упомянутой статье. «У европейского сознательного рабочего есть уже азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам». «У русской революции есть великий международный союзник и в Европе, и в Азии». «Горючий материал быстро растет во всех передовых государствах мира; пожар явно перекидывается на большинство государств Азии, вчера еще спавших глубоким сном». В этой статье 1908 года таким образом мы находим уже совершенно правильную оценку только что нарождавшегося революционного движения в ряде стран Европы и Азии и явное предвидение той тактики, которая через 10 лет стала основой политики российской революции и Коминтерна.

Интересна и следующая статья «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии» («Пролетарий» № 33 от 23 июля 1908 года.) Здесь Ленин констатирует, что «горючего материала (для войны) за последнее время накопилось достаточно и он все растет», а поэтому социалистические партии должны твердо установить свою «антимилитаристическую тактику». В этой тактике есть два неправильные уклона. Одни, к числу которых относится и известный впоследствии социал-патриот и палач германского пролетариата Носке, заявляли, что в случае войны против Германии «социал-демократы не отстанут от буржуазных партий и вскинут ружья на плечи». Это течение Ленин называет «оппортунистической трусостью». Он с сочувствием указывает, что «блестящая критика Каутского не оставила камня на камне от этих взглядов. Каутский указал на полную невозможность подчас разобраться, особенно в моменты патриотического угара, вызвана ли данная война оборонительными или наступательными целями. С.-д. запутались бы в сетях дипломатических переговоров, если бы вздумали в зависимости от этого признака устанавливать свое отношение к войне. С.-д. могут очутиться даже в таком положении, чтобы потребовать наступательных войн». Ленин предвидит здесь то великое грехопадение, ту измену, которую совершили социал-демократы в 1914 году, прикрываясь лозунгом оборонительной войны защиты отечества.

С другой стороны Ленин возражает и течению Эрве, который требовал всеобщей стачки в случае объявления какой-либо войны. «Что пролетариат не имеет отечества — это действительно сказано в «Коммунистическом Манифесте»,—пишет Ленин.—Но отсюда еще не следует правильность утверждения Эрве и эрвеистов, что пролетариату безразлично, в каком отечестве он живет: живет ли в монархической Германии или в республиканской Франции или в деспотической Турции. Отечество, т.-е. данная политическая, социальная и культурная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата... Пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы; следовательно, ему не могут быть безразличны и судьбы его страны. Но

судьба его страны его интересует лишь постольку, поскольку это касается его классовой борьбы, а не в силу какого-то буржуазного, совершенно неприличного в устах с.-д. «патриотизма». «Не оборонительный и наступательный характер войны, а интересы классовой борьбы пролетариата или, лучше сказать, интересы международного движения пролетариата представляют ту единственно возможную точку зрения, с которой может быть рассматриваем и решен вопрос об отношении с.-д. к тому или другому явлению в международных отношениях». Как видит читатель, в этой короткой статье 1908 года Ленин намечает все те основные мысли, которые он впоследствии развивал в эпоху империалистической войны.

В статье «Заседание Международного Социалистического Бюро» («Пролетарий» № 37 от 16 октября 1908 г.) отметим то место, которое относится к вопросу о допущении в Интернационал английской «Рабочей партии». Эта партия не называла себя открыто социалистической и не признавала решительно и определенно принципа классовой борьбы. Часть членов Бюро была против допущения. Ленин решительно возражает против этого якобы левого течения... «Когда Аврамов [1]) сказал, что допустить «Рабочую партию» значит поощрить оппортунизм — это было вопиющее неправильное мнение, — пишет Ленин. — Когда есть объективные условия, задерживающие рост политической сознательности и классовой самостоятельности пролетарских масс, надо уметь терпеливо, выдержанно работать рука об руку с ними, не делая уступок в своих принципах, но и не отказываясь от деятельности в гуще пролетарских масс». Здесь даже не намечена, а целиком формулирована та точка зрения, которая развивалась Лениным в Коминтерне по вопросу о вхождении английской коммунистической партии в «Рабочую партию», по вопросу о вхождении коммунистов в профсоюзы и т. д. и т. п.

Отметим в этой же статье еще одну фразу: «Что теперь в Англии быстро растет социализм в рабочем классе, что социализм становится в этой стране опять массовым движением, что социальная революция надвигается в Великобритании — этого могут не видеть только слепые люди», пишет Ленин. В другой статье «Конгресс Английской социалистической партии» («Звезда» № 18 от 16 апреля 1911 года) Ленин пишет еще раз по этому вопросу: «Либералы всех стран, и России в том числе, ликуют и смеются теперь при виде господства оппортунизма в английском рабочем движении. Но хорошо посмеется тот, кто посмеется последним».

Это предвидение Ленина пока еще целиком не исполнилось, но весь ход развития английского рабочего движения в настоящее время ясно показывает, что именно в указанном Лениным направлении идет это развитие.

---

[1]) Делегат от Болгарии.

VI.

В № 17 «Социал-Демократа» (от 25 сентября/8 октября 1910 г.) помещена интересная статья Ленина, посвященная Копенгагенскому социалистическому конгрессу. Из всех вопросов порядка дня этого конгресса Ленин касается только одного — вопроса о кооперативах. В своей статье он подвергает критике позицию, занятую в этом вопросе оппортунистическим крылом социал-демократии и приводит текст резолюции, представленный русской делегацией. Эта резолюция великолепно определяет роль и значение кооперации в период нормального развития капитализма. Резолюция энергично предостерегает от чрезвычайно широко распространенных кооперативных иллюзий, состоящих в том, что кооперативные организации «являются средством, при помощи которого социальный вопрос может быть решен без классовой борьбы и экспроприации буржуазии». Резолюция указывает, что «улучшения, которые могут быть достигнуты при помощи потребительских товариществ, могут быть лишь весьма незначительны до тех пор, пока средства производства находятся в руках того класса, без экспроприации которого не может быть осуществлен социализм».

Эта последняя фраза показывает, что уже в 1910 г. Ленин прекрасно предвидел ту громадную роль, которую должна приобрести кооперация во время пролетарской революции, после того как власть перейдет в руки пролетариата и начнется период строительства социализма.

Невысоко оценивая роль кооперации в период нормального капитализма, Ленин тем не менее прекрасно понимал, что революционный пролетариат должен создать себе крепкие позиции во всех своих классовых организациях, какой бы мирный характер ни имела их деятельность. В особенности важно это по отношению к кооперации, которая должна будет играть громадную роль в деле строительства социализма после завоевания политической власти пролетариатом. Поэтому Ленин в своем проекте резолюции предлагает конгрессу «призвать рабочих всех стран вступить в пролетарские потребительские товарищества и всячески способствовать их развитию», «способствуя путем *неустанной* социалистической пропаганды распространению среди рабочих-кооператоров идей классовой борьбы и социализма». Наконец, в той же резолюции Ленин настаивает на необходимости «достигнуть возможно более полного сближения всех форм рабочего движения».

Рассматриваемая статья Ленина является лучшим изложением точки зрения революционного марксизма на кооперацию в период нормального развития капитализма. Для Западной Европы идеи этой статьи до сих пор имеют громадное значение. В несколько заостренном и приспособленном к переживаемому периоду падения капитализма виде они до сих пор входят в основу тактики коммунистов-кооператоров в странах, где власть находится еще в руках капиталистов.

В № 25 «Социал-Демократа» (от 8 декабря 1911 г.) помещена короткая (всего одна страница!) речь, произнесенная Лениным на похоронах Поля и Лауры Лафарг. Вот конец этой речи:

«Русская революция открыла эпоху демократических революций во всей Азии, и 800 миллионов людей входят теперь участниками в демократическое движение всего цивилизованного мира. А в Европе все более множатся признаки, что близится к концу эпоха так называемого мирного буржуазного парламентаризма, чтобы уступить место эпохе революционных битв организованного и воспитанного в духе идей марксизма пролетариата, который свергнет господство буржуазии и установит коммунистический строй».

В этой цитате много интересного. Интересна высокая оценка революционного движения Востока, связанного с революционным движением пролетариата; интересно предвидение близости «эпохи революционных битв», которая должна сменить эпоху «мирного буржуазного парламентаризма»; интересно указание, что целью революционного движения пролетариата является «установление *коммунистического строя*, а не социалистического как говорилось обыкновенно в эпоху II Интернационала.

Две небольшие газетные заметки — «В Швейцарии», — посвященные описанию одной небольшой стачки, интересны по тому отношению, которое обнаруживает в них Ленин к старым вождям социал-демократии и профессиональных союзов. «Стачки были решены, хотя вожди политических организаций были против (старый дух мещанских, оппортунистических швейцарских вождей!)»,—пишет Ленин в первой заметке.

Во второй он упрекает этих вождей за соглашательство с буржуазией. «Политические вожди швейцарских рабочих, — пишет Ленин,— дошли в своем оппортунизме до прямой *измены партии*». Эта измена «именно потому имеет крупное международное значение, что она *наглядно* показывает нам, *откуда и каким образом* грозит рабочему движению опасность *внутреннего* разложения».

Это предсказание опасности *внутреннего* разложения социал-демократии вследствие измены оппортунистических вождей оправдалось через два года, при начале мировой войны.

В предыдущих статьях Ленина можно найти много мест в защиту демократии. В конце рассматриваемой статьи мы встречаем уже несколько иную ноту. «Наступил острый момент классовой борьбы,—пишет Ленин,— и разлетелись сразу в пух и прах иллюзии конституционного «порядка» и «демократической республики»—растерялись и скатились в болото наши обыватели в должности социал-демократических членов городской управы».

«Сознательные рабочие на этом печальном примере могут видеть, к чему *должно* [1]) привести распространение оппортунизма в рабочей партии».

---

[1]) Курсив Ленина.

С началом войны, со вступлением социалистов в состав буржуазных правительств оправдалось это предсказание.

В следующей статье («Социальное значение сербо-болгарских побед»— «Правда» от 7 ноября 1912 г.) обращают на себя внимание последние строки статьи:

«Рабочая демократия одна только отстаивает действительное и полное освобождение балканских народов. Только доведенное до конца экономическое и политическое освобождение *крестьян* всех балканских народностей может уничтожить всякую возможность какого бы то ни было национального угнетения».

Эти строки сохраняют все свое значение до настоящего времени.

Пропускаю ряд статей, из которых можно было бы привести выписки, аналогичные вышеприведенным, и перехожу к статье «Значение избрания Пуанкаре».

«Во Франции у власти стоит *последняя* буржуазная партия—радикалы, — пишет Ленин.—Отличие ее от реакции становится все меньше. Против социалистического пролетариата все теснее сплачивается *вся* буржуазия, от радикальной до реакционной, и все больше стираются границы между той и другой». Весь ход политических событий после того, как были написаны эти строки, показывает правильность намеченной в них линии. Только вместо слова «радикальная буржуазия» в настоящее время нужно поставить слова «социал-демократия». Процесс сплочения буржуазной реакции пошел еще дальше, чем указывал Ленин в начале 1913 года.

Я уже приводил цитаты, показывающие, с каким большим вниманием следил Ленин за начинающимся ростом революционного движения в Азии. Чем дальше, тем восторженнее относится Ленин к этому движению. В статье «Отсталая Европа и передовая Азия» («Правда» от 18 мая 1913 года) он пишет:

«В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение. Буржуазия там *еще* идет с народом против реакции. Просыпаются к жизни, к свету, к свободе *сотни* миллионов людей. Какой восторг вызывает это мировое движение в сердцах всех сознательных рабочих, знающих, что путь к коллективизму лежит через демократию. Каким сочувствием к молодой Азии проникнуты все честные демократы».

«Вся молодая Азия, т.-е. сотни миллионов трудящихся, имеет надежного союзника в лице пролетариата всех цивилизованных стран. Никакая сила в мире не сможет удержать его победы, которая освободит и народы Европы, и народы Азии».

И эти строки сохранили все свое значение до настоящего времени, если только в них сделать кое-какие оговорки относительно демократии,— оговорки, необходимость которых была вызвана начавшейся мировой революцией.

Не буду приводить ряда цитат из следующих статей Ленина, ибо все они касаются вопросов, уже затронутых в предыдущих статьях, отмеченных мною.

VII.

Из приведенных выше цитат мы видим, что еще в своих статьях до мировой войны Ленин определенно наметил ряд положений, которые впоследствии стали чрезвычайно существенными элементами идеологии и тактики Коммунистического Интернационала.

Но всего этого было бы все-таки не достаточно для того, чтобы признать, что Ленин уже в эпоху до мировой войны был коммунистом. Для уяснения этого вопроса гораздо важнее другое обстоятельство.

Коммунистом мы можем и должны назвать того, кто осуществление коммунистического строя ставит главнейшей целью всей своей деятельности. Но коммунизм может быть осуществлен только в результате *победы пролетариата*, ибо никакой другой класс в торжестве коммунизма не заинтересован, а, с другой стороны, коммунизм (или даже социализм) не может быть осуществлен до тех пор, пока политическая власть и экономическое могущество находятся в руках буржуазии. Необходимым условием для того, чтобы стало возможным осуществление коммунизма, является захват власти пролетариатом, **диктатура пролетариата.** Признание идеи диктатуры пролетариата основным, руководящим принципом *всей* борьбы рабочего класса, в каких бы сферах и на какой бы степени развития ни велась эта борьба, является основным признаком коммуниста.

В статьях сборника читатель найдет много таких мест, которые могут внушить мысль, что Ленин до начала империалистической войны выступал только как социал-демократ, хотя и крайнего левого течения, что Ленин «в общем и целом» одобрял работу социал-демократии и II Интернационала. Но не в этих фразах сущность дела. Важно то, что Ленин с самого начала своей революционной и литературной деятельности являлся всегда ожесточеннейшим противником всякого оппортунизма, всякой попытки притупить, затушевать или ослабить ярко революционный характер марксизма. Ленин всегда был горячим сторонником революционной борьбы пролетариата во имя коммунизма. Это выражение мы встречаем уже в его наиболее ранних статьях (напр., в книге «Что такое друзья народа?»). Ленин всегда утверждал, что победа пролетариата может быть достигнута только путем пролетарской революции. Уже в эпоху революции 1905 г. Ленин был убежден, что условия для торжества социалистической революции в капиталистических странах Запада созрели, что революция эта должна привести к установлению диктатуры пролетариата.

Уже в эпоху революции 1905 г. Ленин выдвигал идею диктатуры пролетариата и крестьянства как программу *совершающейся* революции. Таким образом диктатура пролетариата являлась уже в то время для Ленина не как бесконечно далекая цель, не как пустая красивая фраза, не обязывающая ни к каким революционным действиям, а как основной вопрос переживаемого времени, как основная цель, к достижению которой

должно стремиться рабочее движение в настоящее время, как основной принцип всей революционной деятельности пролетариата.

То же мы замечаем и в статьях Ленина, входящих в настоящий сборник. Дело не столько и не только в том, что мы встречаем в этих статьях отдельные положения, легшие в основу принципов и тактики Коммунистического Интернационала, сколько в том, что **всю** борьбу рабочего класса Западной Европы Ленин в это время оценивает с точки зрения ярко революционной, как подготовку к пролетарской революции, которая — как сказано выше — должна привести к диктатуре пролетариата.

И если Ленин в то время продолжал оставаться в рядах Второго, социал-демократического Интернационала и, занимая в нем крайнюю левую позицию, стремился не разрушить его, создав немедленно новый, Коммунистический Интернационал, то это потому, что не было в то время еще на-лицо условий для создания такой организации. Там же, где такие условия существовали, он уже в то время создавал такую революционную организацию и отказывался от сотрудничества с типичнейшими представителями II Интернационала. Так обстояло дело в России, где Ленин решительно разрывал с меньшевиками и строил решительно-революционную, дисциплинированную, большевистскую партию — этот зародыш III Интернационала. В этом построении большевистской партии выражалась практическая борьба Ленина против оппортунизма II Интернационала и подготовка к созданию Третьего, Коммунистического.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛЕНИНИЗМА.

Ц. Фридлянд.

I.

К изучению литературного наследства Ленина мы только приступаем. Предварительным условием для полного и исчерпывающего исследования наследства Ильича является полное собрание тех материалов, которые, по правильному замечанию т. Каменева, рассеяны по всему миру. Но и эта работа лишь в самом начале. Общее собрание работ Ильича должно составить около 50 томов. В нашем распоряжении имеется, вероятно, до 10.000 рукописей, что составляет лишь меньшую половину литературного наследства Ленина. Основная задача сводится к централизации собираемого материала. Это огромное дело лежит на Институте Ленина и на так наз. «Ленинских Сборниках», где широкая коммунистическая и рабочая аудитория может найти все то новое, что изо дня в день прибавляется к огромному наследству. В особенности богат второй номер «Ленинских Сборников». Здесь в бюллетене Института («Л.С.»№2) помещена речь Каменева, сообщение на XIII съезде РКП об открытии Института. В связи с докладом т. Рязанова о задачах Института Маркса и Энгельса, Каменев заявил: «Вы сейчас выслушали сообщение, смысл которого заключается в том, что через 40 лет после смерти Маркса мы не только не имеем собрания его сочинений, но далеко еще не закончена работа по собиранию тех материалов, которые должны лечь в основу действительно полного собрания сочинений основателя научного социализма. Естественно, что это произошло в буржуазном мире, естественно, что международный пролетариат, окруженный врагами, до сих пор не мог собраться с силами для того, чтобы выполнить эту необходимую работу. Мы находимся в более благоприятном положении. Мы работаем в стране, в которой пролетариат победил, и поэтому мы должны употребить все усилия к тому, чтобы действительно собирание всех материалов, оставленных нам Ильичем, и действительно научное собрание его сочинений было предоставлено в распоряжение международного пролетариата не только не в 40 лет, не только не в 20 лет, не только не в 10 лет, а в самый короткий срок, который должен исчисляться месяцами». Чтобы ускорить и выпол-

нить эту огромную задачу, создан Институт Ленина. Его первая задача— собрать все, что осталось в виде рукописей, материалов, записок, заметок Ильича. С другой стороны, Институт должен превратиться в истинный рассадник ленинизма, и совершенно естественно, что Институт Ленина не должен и не может быть, как правильно заметил т. Каменев, оторванным от жизни, академическим органом. Это не было бы в духе Ленина: «как вся жизнь Владимира Ильича была постоянной войной против буржуазного строя, так и Институт Ленина должен превратиться в боевой орган, в боевой рассадник ленинизма». Органом Института Ленина служат «Ленинские Сборники». Вот почему не только внимательное чтение, но и изучение этих сборников — долг всякого коммуниста и сознательного рабочего.

Как мы указывали выше, содержание второго «Сборника» чрезвычайно богато. Материал его относится к основным моментам из истории ленинизма, как и к наиболее интересным моментам биографии Ильича. Почти все, что дано в этом сборнике, на протяжении 520 страниц,—*новый* материал огромной важности и колоссального интереса.

Содержание сборника может быть разбито на три раздела. Это прежде всего материалы к выработке программы РСДРП, дискуссия по основным программным вопросам между Плехановым и Лениным, накануне II съезда партии. Материал этот занимает большую часть сборника, почти одну треть его. Второй раздел не менее важный, относящийся к эпохе войны: здесь переписка между Лениным и т.т. Шляпниковым и Коллонтай. К этому же разделу относится неопубликованная статья Ильича: «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический». Затем дан любопытный материал из истории первых дней революции, так сказать, у самой колыбели ее Этот раздел называется: «Из эмиграции в Россию». Он распадается собственно на две части. Прежде всего дан материал о приезде Ленина в Россию и о его переезде через Германию. Но особенно существенна вторая часть, это—так наз. «Письма издалека». Незачем разъяснять огромное значение этих материалов. Здесь мы имеем возможность выяснить документально не только злополучную историю с «пломбированным вагоном», в который не верили даже те, которые о нем писали и говорили, но, что особенно важно, мы выясняем детально первые отклики Ленина на русские революционные события, и тем самым можно уяснить себе подробно историю выработки апрельских тезисов которые были динамитом, взорвавшим Россию, царя и Керенского. Особняком во втором сборнике стоят письма к Горькому. Дополнительно даны два письма из серии, опубликованной в предшествующем сборнике. Затем, мы имеем интереснейший материал, специально касающийся биографии Ильича: «Биографический календарь» — «основные вехи жизни В. И. Ленина», а затем и новые материалы к научной его биографии и, наконец, бюллетень Института с библиографическим указателем литературы о Ленине и ленинизме. Сборник с внешней стороны издан блестяще. При этом он богато иллюстрирован. Дано до 97 воспроизведений и фотографий, как-то: снимок с временного мавзолея на Красной площади, портрет

Ленина 1900 г., тюремная камера в галицийской тюрьме, где Ленин сидел в августе 1914 г., интересный снимок семьи Ульяновых (1881—1882); затем воспроизведен и проект программы РСДРП с поправками и замечаниями карандашом Владимира Ильича, а также его поправки к аграрной части проекта программы РСДРП о выкупе. Совершенно очевидно, что этот огромный материал—колоссальное поле для исследований, и мы отнюдь не думаем в этой статье заняться анализом всего материала. Наша задача, естественно, сводится лишь к реферированию сборника, и для удобства нашего реферата разобьем весь материал на три основные части.

Первый, самый большой раздел, — материалы, посвященные выработке программы РСДРП. *Второй* — переписка в эпоху войны и первых недель революции. *Третий* — специально биографического, так сказать, характера.

II.

Начнем с конца, с материалов по биографии Ильича. Мы отмечали выше любопытную попытку т. Аросева дать, так сказать, «календарь» жизни Ленина, наметить основные вехи его жизни. Научное значение этого «календаря» в том, что отдельные детали биографии Ленина даны на фоне общей истории социалистического и революционного движений России. В этом научный интерес «календаря». Тов. Аросеву, составлявшему эти биографические таблицы, принадлежат также два сообщения из жизни Ильича: «Первые шаги» и «Новые данные о деятельности Владимира Ильича Ленина, как помощника присяжного поверенного в Самаре» (1892 г.). Что касается статьи «Первые шаги», то она имеет в виду арест Ильича на сходке студентов 4 декабря 1887 г. в Казани, т.-е. сообщает нам о первых политических шагах будущего вождя мирового пролетариата. Тов. Аросев приводит список арестованных на этой сходке, разбивая их по возрасту на отдельные группы; это дает нам возможность установить, что «основную массу студентов на сходке составляли старшекурсники». Владимир Ильич, по словам автора заметки, сознательно примкнул к более революционной группе старшего поколения, поколения Александра Ильича Ульянова, доказательством чему служат как цифры о возрасте арестованных на студенческой сходке, так и любопытный полицейский документ, цитируемый в заметке. Мы приведем его: «Студенты, исключенные из университета за участие в сходке 4 декабря. Ульянов Владимир—скрытный, невнимательный и невежливый, что очень поражало, ввиду того что он при окончании курса в гимназии получил золотую медаль. Еще дня за два до сходки подавал повод подозревать его в приготовлении чего-то нехорошего. Проводил время в курильной с Зегржддой, Ладыгиным и другими, уходил домой и снова возвращался, принося по просьбе других что-то с собою и вообще о чем-то шушукаясь. 4-го же декабря пронесся в актовый зал в первой партии, и вместе с Полянским первые неслись по коридору 2-го этажа. Ввиду исключительных обстоятельств, в которых находится семья Ульяновых,

такое поведение его на сходке дало повод инспекции считать его вполне способным к различного рода противозаконным и даже преступным демонстрациям». Так как студенты Зегржда и Ладыгин были в возрасте А. И. Ульянова, то, по словам т. Аросева, вышеприведенный полицейский документ свидетельствует о том, что В. И. Ленин сознательно искал революционно-настроенных товарищей среди старшего поколения. Из второй заметки об Ильиче, как помощнике присяжного поверенного в Самаре, мы узнаем, что в мае 1890 года министр разрешил Ленину держать экстерном государственные испытания в юридической комиссии при Петербургском университете. В 1891 г. 22 ноября Владимир Ильич получил соответствующее удостоверение и возвратился в Самару. Наконец, 4 января 1892 г. присяжный поверенный Андрей Николаевич Хардин, живший тогда в Самаре, зачисляет его своим помощником. Так как помощники присяжных поверенных имели право вести без ограничения лишь уголовные дела, Владимир Ильич ходатайствует перед соответствующими инстанциями о предоставлении ему права вести также и гражданские дела без ограничения. После соответствующей справки об его политической благонадежности, Самарский окружный суд постановляет дать Владимиру Ильичу соответствующее удостоверение и, примерно, 27 июля, после опубликования в «Самарских губернских ведомостях», Владимир Ильич приступает к своей недолгой и не весьма успешной адвокатской деятельности. С 1892 г. он выступил защитником в десяти процессах, которые почти все касались мелких крестьянских дел. Мы не будем здесь останавливаться на судьбе каждого из обвиняемых Владимира Ильича, укажем только, что огромное большинство этих дел кончилось для него неудачно, и последнее дело, заслушанное в суде 17 декабря 1893 г., также не удалось ему, как и предыдущие. Подсудимые были признаны виновными. Через два дня, 18 августа 1893 г., Владимир Ильич получает просимое им удостоверение о своей адвокатской практике и в сентябре 1893 г. уезжает в Петербург.

К биографическому материалу относится также сообщение т. Ганецкого об аресте Ильича в Галиции в начале войны. 7 августа 1914 г. Ильич пришел на квартиру Ганецкого в Поронине — захудалая горная деревушка в Галиции — и рассказал ему следующее: «Только что у меня был обыск, произвел здешний жандармский вахмистр. Он приказал утром явиться к поезду и поехать с ним вместе в Новый Тарг к старосте. Обыск был довольно поверхностный. Дурак, всю партийную переписку оставил, а забрал мою переписку по аграрному вопросу, статистические таблицы в ней принял за шифр. Хорошо, что переписки не взял, а жаль рукописи, не закончена, не затерялась бы, да в хламе нашел какой-то браунинг. Я не знал даже, что имеется. Как думаете — арестуют завтра в Новом Тарге или отпустят?», замечает Ганецкий: «Положение неважное... Война. Глупый жандарм подозревает в шпионаже, — пожалуй, арестуют...». Ильича арестовали, и в протоколе, составленном жандармским вахмистром, по поводу его ареста, старосте передано, что в волости Бялый Дунаец, в доме Терезы Скупень, проживал русский подданный

Владимир Ульянов, литератор, который показывал, что бежал из России за политические преступления, и у него в доме всегда собиралось много русских, при чем их было так много, что «даже сени были переполнены слушателями». Со времени объявления мобилизации шли слухи, будто бы Ульянов занимается шпионажем. «Однако,—заявляет сей мудрый страж австрийской государственности,—произведенным расследованием установлено, что все неправда, так как ни один свидетель этого не заявляет, а показывает лишь, что видели его только гуляющим по возвышенностям». Ввиду того, что бдительные стражи австрийского государства не желали освободить Ильича, пришлось Надежде Константиновне обратиться к Адлеру с просьбой заступиться за арестованного и добиться его освобождения. Надежда Константиновна напоминает Адлеру о том, что Ленин был членом Международного Социалистического Бюро и что она надеется, что им будут приняты все меры для скорейшего его освобождения. 17 августа министерство внутренних дел прислало в краковскую полицию следующее сообщение: «Члены парламента, д-р Адлер и Диаманд, явились сюда и заявили следующее: Ульянов решительный противник царизма, посвятил свою жизнь борьбе против России, и если бы он появился в России, с ним бы поступили по всей строгости и, возможно, казнили. Он пользуется европейской известностью благодаря своей борьбе против русского царизма. Д-р Адлер и д-р Диаманд ручаются, что Ульянов не шпион. Они могут дать о нем исчерпывающие сведения и предлагают свои услуги, как сведущие лица. Статистические работы (цифры и сводки), которые были найдены у Ульянова, относятся, по мнению названных депутатов, к аграрному вопросу, над которым работал Ульянов». В заключение идет мудрая приписка: «Производит впечатление, что д-р Адлер и д-р Диаманд говорят правду». Мы не будем здесь подробно останавливаться на этом незначительном, в конце концов, эпизоде из жизни Ильича, для которого арест был не впервые. Как и все то, что дает сборник, и этот эпизод иллюстрирован многочисленными документами. 5 сентября Ильич уже был в Цюрихе, откуда и написал соответствующее письмо к Адлеру, благодаря его за оказанную помощь. Адлер оказал, таким образом, Ленину немалую услугу. Но Ленин использовал свое освобождение не в интересах императорского правительства Австро-Венгрии против России, как хотел бы оборонец В. Адлер, а в интересах международного пролетариата против мирового империализма.

К серии биографических материалов относится также материал о переезде Ленина через Германию, нашумевшем «пломбированном вагоне». В сборнике дана исчерпывающая документальная история этого эпизода. Когда пришедшее на смену царскому правительству правительство государственной думы начало саботировать вопрос о возвращении из-за границы эмигрантов-интернационалистов, Ленин и другие большевики взяли на себя инициативу в этом деле. Они через швейцарского социалиста Гримма пытались обратиться к швейцарскому правительству с просьбой добиться у английского правительства свободного проезда для русских эмигрантов, но Швейцария

не желала нарушать свой нейтралитет. Правительство Антанты, в свою очередь, не очень спешило с этим, да и некоторые группы эмигрантов, желая сохранить лойяльность, думали дождаться результатов переговоров временного правительства в Петрограде. Тогда Ленину и другим эмигрантам-интернационалистам пришлось действовать самостоятельно, тем более что взявшийся за посредничество Гримм вел себя весьма двусмысленно. Поездка через Германию стала теперь единственно возможным исходом, и, чтобы она не была использована «патриотами», Ильич и его близкие решили обратиться к французским, шведским и социалистам других стран, в частности, к Ромену Роллану и Гильбо, с просьбой приехать в Швейцарию и так сказать санкционировать неизбежность их проезда через Германию. Как совершенно правильно указано в одном из документов, связанных с этим эпизодом: «Милюковы облегчили бы приезд Либкнехта в Германию, если бы он находился в России, — таково же отношение Бетман-Гольвегов к русским интернационалистам». Интернационалисты всех стран не только вправе, но и обязаны поэтому использовать эту спекуляцию империалистических правительств в интересах пролетариата, не отказываясь от своего пути и не делая правительствам ни малейшей уступки, тем более что временное правительство, как и Антанта, сделает все, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию. Так состоялся переезд по «враждебной территории». Участники проезда через Германию дали следующую подписку: «Я подтверждаю, что переговоры, которые велись Платтеном с германским посольством, мне сообщены, что я подчиняюсь всем распоряжениям руководителя поездки Платтена, что мне известно сообщение «Пти Паризьен» о том, что русское временное правительство проезжающих через Германию угрожает объявить государственными изменниками, что всю политическую ответственность за эту поездку я беру исключительно на себя и, наконец, что поездка моя гарантирована Платтеном только до Стокгольма». Если принять во внимание, что при договоре с германским посольством оговорено было, что право проезда имеют все независимо от их политических взглядов и, в частности, взглядов на войну, то ясна вся подлость тех, кто в свое время использовал этот эпизод для бешеной кампании против Ленина.

Ильич был в первые дни революции совершенно отрезан от России, и в письмах Ганецкого Шляпникову мы имеем указание на то, в каких ужасных условиях был Ленин и все близкие к нему, когда, сидя в «проклятой эмиграции», они не имели достаточно ясного представления о том, что делалось в это время в стране. Большевистская организацяи Питера решила, однако, наперекор всем стихиям поддерживать связь с Лениным через специально на то посланного человека. Таким была т. Стецкевич, знавшая языки и умевшая конспирировать. Когда Ильич после весьма сложных перипетий поездки приехал, наконец, в Россию, Исполнительный Комитет, в лице Чхеидзе, решил приветствовать его, при чем это приветствие должно было превратиться в политическую демонстрацию в славу меньшевизма. Господин Чхеидзе подчеркнул, что настоятельная задача революционеров—защищать Россию. «Владимир Ильич держал

ответную речь буквально через головы соглашателей, обращаясь прямо к рабочим, солдатам и крестьянам, приветствовал в их лице победившую революцию. Его речь была ответом на оборонческое предложение Чхеидзе о защите революционной России. Лозунг мировой революции, по словам Шляпникова, брошенный им, буквально ошпарил делегатов Исполкома и другие соглашательские элементы, присутствовавшие в зале». По пути с вокзала, во дворец Кшесинской, Ленин беспрерывно выступал перед солдатами и рабочими, разъясняя им необходимость дальнейшей борьбы против капиталистов и империалистов. 4 апреля он выступил со своими знаменитыми тезисами и, по словам Шляпникова, «те меньшевики и правые большевики, которые питали особые надежды на то, что т. Ленин задаст неблагоразумным левым большевикам, ошиблись в своих расчетах. Позиция Ленина была левее наших левых».

О том, в каких условиях приходится собирать материал даже по биографии Ленина, свидетельствует история поездки Ганецкого в Польшу за ленинским архивом. Еще в первые годы Октябрьской революции т. Ленин обратился с запиской к т. Ганецкому в Ригу со следующей просьбой: «Тов. Ганецкий, тов. Крестинский напомнил мне сегодня о Вигилеве из Закопане, хочет де ехать сюда. Нельзя ли, в связи с этим (и миром) попытаться достать мои (и Зиновьева) книги, рукописи из Поронина и Кракова. Подумайте и поразузнайте, можно ли, стоит ли затевать, и черкните мне». Когда Ганецкий приехал со специальной миссией в Польшу, все правительственные чиновники, во главе с министром иностранных дел графом Замойским, обещали оказать ему всяческое содействие для получения этого архива на том основании, что ведь, как говорил граф Замойский, и большевики не отказались бы отдать полякам материалы по биографии Мицкевича, если таковые у нас найдутся. Тов. Ганецкому удалось точно установить, что в общей сложности всех материалов и рукописей Ленина было весом, приблизительно, в 10 центнеров, которые после долгих перипетий посланы были в Варшаву, в генеральный штаб.Об этом свидетельствует документ от 9 апреля 1921 г., где особоуполномоченный генерального штаба в Варшаве, капитан Стройка, принял под расписку 10 ящиков разных печатных произведений и 7 мешков с точной описью содержимого. Но, несмотря на эти точные доказательства, в наших руках оказалось лишь кое-что из этого богатого материала. Любопытно приводимое тов. Ганецким сообщение о «ленинской папке» в краковской дирекции полиции. Заголовок на лицевой странице красуется следующий: «Ленин — властелин Советской России». Между прочим, в папке хранится вырезка из статьи пепеэсовской газеты «*Напржод*» от 15 ноября 1918 г., под заголовком «*Ленин*», она гласит: «А поэтому будущее принадлежит Ленину. Последние телеграммы сообщают, что Ленин разбил на-голову Керенского и Корнилова и задушил волнения, начатые в интересах Англии с целью продолжения войны. Его победа предзнаменует мир, торжество идеи мира. Да здравствует Ленин!». Как правильно замечает т. Ганецкий, к счастью для ППС, цензура не пропустила в печать этой заметки.

III.

Особняком, как мы говорили, стоят два письма к Горькому, имеющие огромный, не только биографический, но и широко политический интерес. Биографический — в том смысле, что они рисуют нам Ленина, как человека, умеющего относиться к своим близким с особой мягкостью, по-отечески, и в то же самое время они рисуют нам Ленина, как человека, который с большим интересом относится к Горькому, как к *художнику*-гению, выходцу из пролетарской среды. По-отечески Ленин журит Горького за его политическое невежество и наивность. Горький—эхо мещанских и мелко-буржуазных настроений. «Из слов Михаила,—читаем мы в письме от 16 ноября 1909 г.,—я вижу, дорогой А. М., что вам теперь очень тяжело. Рабочее движение и социал-демократию пришлось вам сразу увидеть с такой стороны, в таких проявлениях, в таких формах, которые не раз уже в истории России и Западной Европы приводили интеллигентских главарей к отчаянию в рабочем движении и социал-демократии. Я уверен, что с вами этого не случится, и после разговора с Михаилом мне хочется крепко пожать вашу руку. Своим талантом художника вы принесли рабочему движению России, да и не одной России, такую громадную пользу. Вы принесете еще столько пользы, что ни в каком случае не позволительно для вас отдавать себя во власть тяжелым настроениям, вызванным эпизодами заграничной борьбы. Бывают условия, когда жизнь рабочего движения порождает неминуемо такую заграничную борьбу и раскол, и свару, и драку кружков. Это не потому, чтобы рабочее движение было внутренне слабо, или социал-демократия внутренне ошибочна. А потому, что слишком разнородны и разнокалиберны те элементы, из которых приходится рабочему классу выковывать себе свою партию. Выкует, во всяком случае, выкует превосходную революционную социал-демократию в России. Выкует скорее, чем кажется иногда с точки зрения треклятого эмигрантского положения. Выкует вернее, чем представляется, если судить по некоторым внешним проявлениям и отдельным эпизодам. Такие люди, как Михаил, тому порукой» Михаил Заводской, Ник. Ефремович Вилонов, рабочий, сын столяра калужских ж.-д. мастерских, умер в Давосе в 1910 г. от туберкулеза. Для Владимира Ильича Вилонов и Вилоновы были теми, которые вывезут социал-демократию на верный путь во что бы то ни стало и, что бы ни произошло, вывезут вопреки всем заграничным склокам, и сварам, и историям и проч. и т. п. Ленин сознательно противопоставляет рабочего Михаила писателю Горькому; свою веру — слабости и безволию писателя. Горький заблудился в трех соснах в годы реакции, когда под видимостью склок происходило серьезное размежевание в рядах российской социал-демократии. Горького смущал раскол, а Ленин писал: «Ежели глубже раскол, чем большевики и меньшевики, значит, дело не в нигилизме и не в неверующих в свои писания писателей... Выбор рабочие социал-демократы сделают легко и быстро, ибо тактика хра-

нения в консервах революционных слоев (1905—1906 г.г.), вместо применения революционного метода к новой, иной обстановке, к измененной эпохе, требующей иных приемов и иных форм организации, — это тактика мертвая. К революции пролетариат идет и придет, но не так, как до 1905 г. Тем, кто «верит», что идет и придет, но *не понимает* этого «не так», — тем наша позиция должна казаться не искренной, никчемной, скучной, на неверии в пролетариат и социализм основанной». В заключение на замечание Горького: «Людей понимаю, а дела их не понимаю» — Ленин отвечает: «Не понимая дел, нельзя понять и людей, иначе как внешне. Т.-е. можно понять психологию того или другого участника борьбы, но не смысл борьбы, не значение ее партийное и политическое». Эти дополнительные два письма, как и вся переписка Ленина и Горького,— материал колоссальной важности для характеристики Ильича, как человека и политика. Письма рисуют нам отношение Ленина к областям, непосредственно к политике не примыкающим и вместе с тем еще более оттеняющим ленинскую позицию в политических вопросах.

IV.

Переходим к разбору материалов сборника, которые, будучи органически связаны с биографией Ленина, являются вместе с тем в первую очередь материалами ленинизма. Здесь раньше всего остановимся на материалах по вопросу программы РСДРП, принятой на 2-м съезде партии. Уже т. Каменев на последнем съезде партии, отмечая задачи Института Ленина, заявил: «Находки Института бросают новый свет на целый ряд моментов нашей партийной жизни. Так, например, до сих пор оставался совершенно неясным и темным такой важный момент в истории нашей партии, как выработка программы 1902—1903 г.г.,—программы, с которой мы жили, как партия, до 1917—1918 г.г.». Значение этих материалов велико, во-первых, потому, что он вскрывает нам глубокие принципиальные предпосылки раскола на 2-м съезде, которые шире, чем тот знаменитый организационный вопрос, в котором лишь выявились эти основные принципиальные расхождения. Материалы вместе с тем показывают нам, что фактически принципиальную ответственность за программу РСДРП несет не Ленин, а Плеханов, тогда как Ленин в целом ряде вопросов защищал неурезанную революционно-заостренную программу социал-демократии. Ленин выступил таким образом против Плеханова, противопоставляя ему свой собственный проект программы. Проект этот непосредственно примыкает, по словам Каменева, «к той работе над выработкой программы партии, которую Вл. Ильич вел, начиная с 1895 г.». Может быть установлена следующая программа работ Ильича по выработке платформы РСДРП: «Проект программы 1895 г.», объяснение к этой программе, написанное в тюрьме в 1896 г., статья «Наша программа», предназначенная для неосуществившегося нелегального органа в России в 1899 г., наконец, обширная статья «Проект программы нашей партии 1900 г.», написанная Вл. Ильичем накануне его выезда за границу.

Когда мы присматриваемся к обильным проектам программы 1903 г., замечаниям к этим проектам, то мы, чтобы не потонуть в этом огромном материале, для исследования должны выделить несколько основных вопросов, решающие разногласия между Плехановым и Лениным. Эти вопросы и по сей день не потеряли своего актуального значения: они лишний раз подтверждают то положение, что *Ленин еще до войны, в начале XX столетия, занимал особую позицию в рядах II Интернационала;* это дает нам право говорить о ленинизме задолго до империалистической войны 1914—1918 г.г. Центральными пунктами расхождения являлись вопрос о взаимоотношении пролетариата и мелких производителей, точнее, крестьянства, в ходе подготовки социалистической революции, вопрос о судьбе этих самых мелких производителей в процессе победы крупного капитала и, наконец, вопрос о судьбах русского капитализма.

Сохранившиеся материалы в бумагах Владимира Ильича найдены были в разрозненном виде, и главная задача Института сводилась к тому, чтобы путем анализа и сопоставления этих заметок восстановить последовательную картину развития борьбы, происходившей в рядах редакции «Искры», эта борьба не получила своего внешнего выражения на съезде, так как редакция «Искры» на нем выступала единым фронтом. Вот почему нас не должно удивлять, что на съезде дискуссия шла по другому направлению. Повторяю, мы не можем анализировать все формулировки и отдельные проекты. Обратимся к основному, первоначальному проекту программы Плеханова. Первый пункт его гласит: «Экономическую основу современного буржуазного общества составляет капиталистический способ производства, при котором важнейшая часть средств производства и обращение продуктов, производимых в виде товаров, составляет частную собственность сравнительно малочисленного класса, между тем как большинство населения не может продолжать своего существования иначе как продажей своей рабочей силы. Вследствие этого оно находится в зависимом положении наемных рабочих (пролетариев), создающих своим трудом доход собственников средств производства и обращения товаров (капиталистов и крупных землевладельцев)». Второй пункт: «Область господства капиталистического производства расширяется по мере того, как непрерывное усовершенствование техники увеличивает хозяйственное значение крупных предприятий и тем суживает роль мелких самостоятельных производителей в экономической жизни общества, принижая их жизненный уровень, вытесняя одних в ряды пролетариата, превращая других прямо или косвенно в слуг и данников капитала». Следующие пункты говорят о «все более и более ухудшающемся материальном положении эксплоатируемых рабочих», особенно в связи с кризисами, и устанавливают, что развитие капитализма приводит «к относительному, а местами и к абсолютному ухудшению положения пролетариата и мелких производителей». Затем устанавливается, что развитие капитализма приводит к организации рабочего класса и к его борьбе, которая в своем логическом развитии должна неминуемо привести к социальной революции и диктатуре пролетариата, с целью превращения капи-

талистического способа производства в социалистический. При чем 7-й пункт первоначального проекта Плеханова гласит: «Эта революция пролетариата будет освобождением всего угнетенного и страдающего теперь человечества, так как она положит конец всем причинам притеснения, эксплоатации человека человеком». Первое замечание Ильича на этот проект сводится к указанию абстрактности плехановской программы. Так, например, в примечании под № 1 Ленин пишет: «Капитализм не особенность современного общества (см. п. 1-й плехановского проекта программы. *Ц.Ф.*), а его экономический строй, уклад и т.д.». Затем он отмечает в заметке под №10: «П. 3-й выражен весьма не популярно, абстрактно»; по вопросу об уменьшении экономического значения мелких производителей он пишет: «Слишком абстрактный термин» и т.д. И вместе с тем он считает необходимым подчеркнуть уже в первых своих замечаниях и серьезные принципиальные расхождения. Отметим его критику пункта о диктатуре пролетариата. Он делает следующую отметку на полях: «Господин положения», «беспощадно раздавить», «диктатура»??? «Довольно с нас социальной революции». И это вовсе не потому, что Ленин был против диктатуры, как пытался это доказать Плеханов. Но об этом дальше.

Все эти предварительные замечания Ленин сделал к первому проекту программы, но сопоставление ленинского проекта с плехановским даст нам точное представление о пунктах расхождения между ними. Первый пункт своего проекта программы Ленин формулирует так: «Все более развивается товарное производство в России. Все более полное господство приобретает в ней капиталистический способ производства». Пункт второй: «Непрерывное усовершенствование техники ведет к тому, что мелкое производство все более вытесняется крупным». Затем, отмечая значение этого вытеснения, в связи с кризисами, он пишет: «Бедность, нищета масс совмещаются с расточительством общественного богатства, вследствие невозможности найти сбыт для произведенных товаров» и вместе с ростом неизбежных противоречий капитализма «растет число, сплоченность, недовольство и возмущение пролетариев, обостряется борьба рабочего класса с классом капиталистов, растет стремление освободиться от невыносимого ига капитализма». В пункте 7 этого же проекта Ленин отмечает, что «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса, а все остальные классы современного общества стоят за сохранение основ существующего экономического строя». А в дальнейшей поправке к этому пункту он формулировал свою мысль еще более резко: «Мелкий производитель, гибнувший под гнетом капитализма, становится действительно революционным лишь постольку, поскольку он сознает безвыходность своего положения и переходит на точку зрения пролетариата». В пункте 9, говоря о заинтересованности пролетариата в политической власти, Ленин устанавливает необходимость диктатуры пролетариата, как обязательного политического условия, в том смысле, что диктатура сделает его господином положения и позволит ему устранить все препятствия, стоящие на пути к этой великой

цели. Таким образом предшествующие возражения Ленина против пункта о диктатуре по существу были лишь протестом против неопределенно крикливых форм редакции этого пункта у Плеханова. Мы не будем здесь останавливаться на переписке между Мартовым, Потресовым, Засулич, в связи с проектом программы, а обратим внимание на второй проект программы, представленный Плехановым. Под влиянием предложений Ильича этот проект принимает несколько иной характер, менее книжный. Но в общем и целом, в основных пунктах, Плеханов оставляет свою программу без изменений. В своих замечаниях на этот второй проект плехановской программы Ленин резко и определенно выявляет свои возражения против плехановского предложения. Он формулирует их в заключении так: «Резюмируя все вышеприведенные замечания, я нахожу в проекте четыре основных недостатка, делающие, по-моему, этот проект неприемлемым: 1) крайняя *абстрактность* многих формулировок, как будто бы они предназначены не для боевой партии, а для курса лекций; 2) отстранение и затемнение вопроса о специально *русском капитализме*— особенно важный недостаток, ибо программа должна дать свод и руководство для агитации против русского капитализма. Мы должны выступить с прямой оценкой его и с прямым объявлением войны именно русскому капитализму; 3) совершенно одностороннее и неправильное изображение *отношения пролетариата к мелким производителям*, отнимающим у нас базис в войне и с «критиками», и с многими другими; 4) стремление постоянно дать в программе *объяснение* процесса. Объяснение дать все равно не удается, а изложение становится растянутым, встречается масса повторений, программа постоянно сбивается на комментарий». Смысл основного расхождения в вопросе о судьбе мелкой буржуазии. Ленин настаивает на резкой формулировке этого вопроса. «Необходимо,—говорит он,—отмечать не увеличение значения крупных, не сужение роли мелких предприятий, а именно *вытеснение* мелкого производства. Иная формулировка будет растянутой и неопределенной». «В самой общей форме процесс развития капитализма в этом отношении можно выражать так: все производство равно 100, крупное равно a, мелкое равно $100 - a$». Это исходный период. Следующий период: «Все производство равно 200. Крупное равно $2a+b$, мелкое равно $200-2a-b$». Но это есть именно вытеснение, «будет ли $200-2a-b$, по своей величине больше, чем $100-a$, или меньше», т.-е. будем ли мы иметь абсолютное или относительное вытеснение. Это во всяком случае процесс вытеснения. Возражая против программы Плеханова, как учебника для учащихся, а не как программы практически борющейся партии, Ленин во главу угла ставит то возражение, что Плеханов имеет дело с *капитализмом вообще*, а не с *русским капитализмом*, с которым конкретно приходится бороться русской социал-демократии. Он отмечает также абстрактность формулировок вопроса социальных последствий капитализма и требует, чтобы он был острее сформулирован. Речь идет,—утверждает Ленин,—не только об абсолютном или относительном ухудшении положения трудящихся масс, не «вообще о всяческом унижении, а конкретно о таких явлениях,

как проституция, превращение «интеллигенции» в простых наймитов, превращение рабочих в продавцов жены и детей, подчинение железной дисциплине капитала, пользование экономической силой для политического гнета, для давления на свободу мнений и т. п. и проч. Он считает необходимым подчеркнуть бедность и нищету масс при капитализме с тем, чтобы ясно было, что все главные выгоды процесса развития производительных сил монополизирует ничтожное меньшинство населения. Здесь Ленин ссылается на авторитет Каутского, который, критикуя австрийский проект программы РСДРП, отмечает при этом, что эта программа недостаточно ярко подчеркивает, что капитализм неизбежно ведет к массовому обнищанию и к массовой нужде и *тем самым* противоречит смыслу и духу программы социал-демократии. Такой же остроты формулировки он требует и в вопросе о последствиях кризисов. Мы видим таким образом, что некоторый оппортунизм старой программы РСДРП отнюдь не принадлежит Ленину.

Центральное место в своих рассуждениях Ленин уделяет вопросу о связи между пролетариатом и социально-смежной с ним мелкой буржуазией. Здесь мы имеем любопытную постановку Лениным вопроса о крестьянстве и его союза с пролетариатом. Ленин утверждает, что формулировка Плеханова единства «трудящихся и эксплоатируемых масс», во главе которых стоит пролетариат, своей неопределенностью и расплывчатостью противоречит основным положениям Коммунистического Манифеста и статутам Интернационала и, как он замечает, «открывает настежь дверь для народнических, экономических и всяких мелко-буржуазных недоразумений». «Растет, — сказано в плехановском проекте, — недовольство трудящихся, эксплоатируемых масс», но это верно, если при этом мы не забудем отметить принципиальное различие недовольства пролетариата и мелкой буржуазии, сливать их не следует, потому что «недовольство мелкого производителя часто порождает и неизбежно должно в нем или в значительной части его порождать стремление *отстоять свое существование, как мелкого собственника*, т.-е. отстоять основы современного порядка и даже его повернуть назад». Плеханов утверждает: «Обостряется ее борьба (борьба «эксплоатируемой и трудящейся массы») и прежде всего борьба ее передового представителя — пролетариата». Но обострение борьбы мелкого производителя часто направляется и против пролетариата, ибо «самое положение мелкого производителя очень во многом *резко противополагает его интересы интересам пролетариата*» (Ленин). И поэтому пролетариат и является передовым представителем мелкой буржуазии. Вообще говоря, пролетариат бывает представителем мелкой буржуазии лишь тогда, «когда мелкий производитель сознает неизбежность своей гибели, когда он покидает свою точку зрения и переходит на точку зрения пролетариата», так как представителем современного мелкого производителя может быть и антисемит, и аграрий, и националист. Утверждение, что международная социал-демократия стоит во главе освободительного движения трудящихся и эксплоатируемых масс, неверно еще и потому, что, вообще говоря, социал-демократия

стоит только *во главе рабочего класса*, только *рабочего движения*. При этом социал-демократия организует боевые силы *только* пролетариев, потому что мелкая буржуазия должна перейти на сторону рабочего класса, чтобы быть представляемой социал-демократией. Отсюда вывод: «проект говорит в *положительной* форме о революционности мелкой буржуазии (если она поддерживает пролетариат, разве это не значит, что она революционна?) и ни слова не говорит об ее консервативности (и даже реакционности). «Это совершенно односторонне и неправильно», — замечает Ленин.

Таким образом смысл ленинской постановки вопроса сводится к следующему: «обязательно *сначала* отгородить себя от всех. Выделить один только единственно и *исключительно* пролетариат, а потом уже заявлять, что пролетариат всех освободит, зовет, *всех* приглашает». И с точки зрения Ленина «партия революционного класса *только в этой форме* и может выразить условную революционность других классов, чтобы изложить перед ними *свое* понимание их бедствий и средств излечения от этих бедствий, чтобы выступить в *своем* объявлении войны капитализму не только от своего имени, но от имени всех «бедствующих и нищенствующих масс». Мы не будем останавливаться на дальнейших перипетиях борьбы в рядах редакции «Искры» по вопросу о программе РСДРП. Важно отметить, что в конечном счете комиссионный проект программы составлен в духе плехановского, а не ленинского предложения. И в своих замечаниях на комиссионный проект программы, к § 8-му его, Ленин принужден был снова подчеркнуть, что комиссия упорно не желает соблюсти точное, недвусмысленное условие, поставленное при самом рождении комиссии, и говорит не только о классовой борьбе одного пролетариата, но топит его роль в роли смежных с пролетариатом социальных группировок. Тем самым «половинчатость мелкого производителя, его *полуреакционность*, комиссия — по словам Ленина — *ничем не выразила*. Это совершенно недопустимо. Получилась такая вещь, что *возможность* нахождения этого мелкого производителя или *части* этого слоя в числе *принципиальных* «защитников этого порядка» совершенно *забыта!!!*» «Чтобы иметь право, — читаем мы дальше в ленинской критике ком-го проекта, — говорить о движении пролетариата в классовой борьбе и даже о *классовой диктатуре*, обязательно сначала *выделить* этот *один* класс, а потом уже сделать добавление о его роли представителя. А то в проекте получилась несогласованность»... Мы видим таким образом, как осторожно и как продуманно точно ставит Ленин вопрос о диктатуре. Интересно для личной характеристики Ленина, как литератора, бесконечное напоминание всем о необходимости найти точную литературно-обработанную формулировку для каждого пункта программы. Комиссионный проект программы, составленный Мартовым, в этом смысле очень часто грешил и, делая свои заметки к пункту 13-му программы, Ленин цитирует неудачный литературный оборот Мартова: «становящимся, преобладающим»... и замечает: «щи... щи... фи, фи!».

Принятая на 2-м съезде программа в основном совпадает с плехановским проектом. Предложения Ленина в борьбе против плехановских форму-

лировок, несмотря на все то влияние, которое они имели при выработке отдельных пунктов ее, были отклонены. Та же борьба развернулась и при выработке аграрной части программы. Ленин требовал выбросить ту часть резолюции по аграрному вопросу, где шла речь о выкупе отрезков, доказывая, что в аграрной программе мы выставляем наш «максимум». допущение же выкупа противоречит социально-революционному характеру наших требований. «Допуская выкуп,—пишет Ленин,—мы возлагаем *денежный* платеж на крестьян, которые, именно в силу отработок, всего глубже стоят в натуральном хозяйстве: резкий переход к *денежным платежам* может *особенно быстро* разорить крестьян, а это противоречило бы всему духу нашей программы». Ту же точку зрения Ленин защищал и на II съезде партии. «Мы отделяем наши крестьянские требования от нашей рабочей программы,—говорил он.—Мы даем в нашей аграрной программе только тот минимум, который необходим для устранения препятствий к развитию капитализма в России. Мы должны завершить то, чего не доделала буржуазия. Тов. Либер забыл о различии между демократической и социалистической частями программы. Он принял за «мизерность» отсутствие чего-либо социалистического в демократической программе. Он не заметил, что социалистическая часть нашей аграрной программы находится в другом месте, именно в рабочем отделе, который относится и к сельскому хозяйству. Только эсеры с характеризующей их беспринципностью могут смешивать, и смешивают постоянно демократические и социалистические требования, а партия пролетариата обязана строжайшим образом отделять и различать их».

Выделение пролетариата из рядов социально-смежных слоев, что одно уже дает право Ленину занимать особую позицию в рядах II Интернационала, не должно быть, однако, понято так, что Ленин накануне 2 съезда был против использования и руководства пролетариатом крестьянского движения в стране. Он призывал 2 съезд партии помнить, что крестьянство, как целое, может перейти на сторону пролетариата, если апеллировать не только к его предрассудку, но и к его рассудку. «Нельзя сомневаться в том, что при известных условиях переход того или иного слоя трудящихся на сторону пролетариата отнюдь не невозможен,—говорил он.—Все дело в том, чтобы точно определить эти условия и условия перехода на точку зрения пролетариата, о котором идет речь, выражены с полной точностью в программе. Эти условия отграничивают нас, с.-д., самым решительным образом от якобы социалистических течений вообще и так называемых эсеров в особенности».

V.

Обратимся теперь к переписке Ленина с т.т. Шляпниковым и Коллонтай. Эти письма относятся к эпохи империалистической войны. Они рисуют нам условия жизни и работы Ильича в годы, когда он вел борьбу за собирание революционных сил для разрыва

с оппортунизмом и создания III Интернационала. Во всей этой переписке, с первых же дней войны, мы можем проследить оформление той идеологии крайней левой Циммервальда, которая стала программой Коммунистического Интернационала. Уже в первом письме от 17 октября 1914 г. Ленин считает необходимым подчеркнуть, что Каутский «теперь *вреднее всех*». Он в этом письме уже отмечает, что наименьшее зло — поражение царизма в войне и что основная задача, единственная возможность прекратить войну это — превращение ее в гражданскую войну. При чем мы должны вести работу в направлении превращения империалистической войны в гражданскую немедленно. Когда наступит момент революции, неясно, но надо дать назреть этому моменту и «заставлять его назревать» систематически. Для Ленина германская социал-демократия уже с первых шагов ее военной деятельности стала «*образцом того, чего не надо делать*», и он требует от Шляпникова, как и от Коллонтай, прежде всего говорить рабочим правду. В. И. пишет в письме от 27 октября 1914 г.: «Рабочим нужна теперь, более чем когда бы то ни было, правда, вся правда, не поганая дипломатическая игра в заклеивание и замазывание зла каучуковыми резолюциями, а вся правда о крахе социалистических партий и II Интернационала. Для нас важно снова и снова отметить крах II Интернационала, как социалистической, пацифистской организации». «Эпоха *штыка*, — так пишет он,—наступила. Это факт, значит, и *таким орудием* надо бороться». Вот почему Ленин с радостью приветствует признаки раскола в рядах официальной социал-демократии, как единственное условие спасения Интернационала от гниения, вот почему он так резко в письмах выступает против всякого лозунга мира, так как объективно «кому же теперь сыграет на руку лозунг мира?», — спрашивает он. И отвечает: «Во всяком случае не пропаганде идей *революционного* пролетариата! Не идее *использовать* войну для *ускорения* краха капитализма! Добавьте природу оппортунистов-шовинистов почти во всех странах: только этим людям поможет выпутаться лозунг мира!». Мы подчеркиваем еще раз ту колоссальную работу по собиранию сил, которую Ильич проводил в это время. Он расспрашивает с особым вниманием Коллонтай о движении молодых в Швеции, он с интересом присматривается к интернационалистским группам в Америке. Но вместе с тем он не забывает подчеркнуть: «Я более всего боюсь в настоящее время огульного объединительства, которое, по моему убеждению, наиболее опасно, наиболее вредно для пролетариата». В конце концов, «нет худа без добра»: европейская война принесла ту великую пользу международному социализму, что наглядно вскрыла всю старую гнилость, подлость и низость оппортунизма, дав тем великолепный толчок к очищению рабочего движения от «накопленного десятилетием мирной эпохи навоза». Ведя борьбу с пацифизмом во всех его видах, он спорит с Коллонтай по вопросу о лозунге вооружения народа и возражает против постановки вопроса о национальном самоопределении, которую давали в те годы Бухарин и Пятаков. Для него важно подчерк-

нуть, что выходом из войны является гражданская война, но что сама гражданская война, как Ленин это неоднократно отмечает в письмах, — длительный процесс развития. «Я, — пишет он в письме к Коллонтай летом 1915 г.,—считаю ошибочным теоретически и вредным практически не различать типов войны. Мы не можем быть против национально-освободительных войн» Вот почему он в письме от 17 февраля 1917 года иронизирует над Бухариным, который выкидывает всю программу минимум как ненужную, ввиду наступления эпохи социальной революции.

В эти годы Ильичу приходилось работать в ужасных материальных условиях. Об этом свидетельствует приписка его в двух письмах. «О себе лично скажу,—пишет он в письме от сентября 1916 г.,— что заработок нужен, иначе прямо поколевай, ей-ей?!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем. Надо вытащить *силком* деньги (о деньгах Беленин поговорит с Катиным и с самим Горьким, конечно, *если не будет* неудобно), от издателя «Летописи», коему посланы мои брошюры (пусть платит; *тотчас* и побольше!). То же—с Бончем. То же насчет *переводов*. Если не наладить этого, то я, ей-ей, не продержусь. Это вполне серьезно, вполне, вполне». То же самое мы читаем в письме от 25 июня 1916 г. к А. Коллонтай: «Одна личная просьба, нет ли у Вас издательских связей? У меня нет. Для заработка хотелось бы иметь либо *перевод*. либо *педагогическо*-литературную работу. Наде (ибо ее болезнь требует *длительной* жизни в горах, а это стоит дорого)». Но это не мешает Ильичу быть оптимистом и верить в быструю победу революции. Он неоднократно в письмах в Россию требует восстановления организации и установления связи между ним и 2—3 в каждом городе руководящими рабочими, для того, чтобы они, как он пишет, «писали сами, *сами* овладели конспиративной перепиской (не боги горшки обжигают!), сами приготовили для себя по 1—2 «наследнику» на случай провала. Не доверять этого интеллигенции одной, не доверять. Это смогут и должны сделать руководящие рабочие. Без этого *нельзя* установить преемственность и цельность работы, а это главное».

Важен также материал, который дает сборник в связи с вопросом об отношении Ленина к Циммервальду и к борьбе, которая происходила в его рядах. Он пишет в письме от 5 марта 1917 г.: «Циммервальд явно обанкротился, и хорошее слово служит опять для прикрытия гнили! Циммервальдское большинство, это — Турати и К-о, Каутский с Ледебуром, Meerheim — *все* перешло на позицию социал-шовинизма, осужденного столь торжественно (и столь бесплодно!) в Кинтале». Циммервальдский центр вошел в союз с социал-патриотами Швейцарии для борьбы против левых. «Я вне себя от бешенства на этих подлецов; противно слышать их и об них, противно еще более думать о работе вместе с ними. Комедианство!» Это заставляет его твердо заявить: «Я вижу только и *знаю*, что вопрос о программе и тактике *нового* социализма, действительно революционного марксизма, а не поганого каутскизма, *стоит* на очереди дня *везде*».

Наконец, в эмиграции Ленин получает первое сообщение о революции. В письме от 16 марта к А. Коллонтай он пишет: «Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучковы + Керенский у власти!! По «старому» европейскому шаблону?.. Ну, что ж! Этот «первый этап первой (из порожденных войной) революций не будет ни последним, ни только русским». Он напоминает о статье в последнем номере «Социал-Демократа», где большевики предвидели возможность «правительства Милюкова с Гучковым, если не Милюкова с Керенским». «Оказалось,—пишет он,—*и—и*: все трое вместе. Премило! Теперь главное—печать, организация рабочих в *революционную* социал-демократическую партию». Для этого необходимо, чтобы соединена была легальная работа с нелегальной. «*Ни за что* снова по типу II Интернационала! *Ни за что* с Каутским! Непременно *более революционная* программа и тактика... и непременно соединение легальной работы с нелегальной. Республиканская пропаганда, борьба против империализма, *попрежнему* революционная пропаганда, агитация и борьба с целью *международной* пролетарской революции с завоеванием власти советом рабочих депутатов» (а не кадетскими жуликами)... После «great rebellion» 1905 г.—«glorious revolution» 1917 года!» В следующем письме от 17 марта к т. Коллонтай он снова подчеркивает необходимость не поддаваться объединительным попыткам и продолжать работу исключительно в интернационалистско-революционном духе. «Сейчас на очереди,—пишет он,—уширение работы, организация масс, пробуждение новых слоев, отсталых, сельских, прислуги, ячейки в войске для систематической, обстоятельной Entlarvung нового правительства и подготовки завоевания власти *советами рабочих депутатов*. Такая власть *может* дать хлеб, *мир* и свободу». И снова и снова: — «ни в коем случае по образцу II Интернационала!» «Вширь! Новые слои поднять! Новую инициативу будить, новые организации во всех слоях и им *доказать*, что мир даст лишь вооруженный совет рабочих депутатов, если он возьмет власть».

VI.

Большой интерес представляет статья Ленина «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический». Ее содержание—критика идеи мира, которую пропагандировали социал-оппортунисты всех стран. Ленин доказывает в ней, что всякая попытка заключить мир в конце концов сводится к дележу империалистической добычи; он показывает, как Каутский не раскрывает конкретных империалистических замыслов своего правительства, а ограничивается общими положениями вроде: «Турция не должна быть во что бы то ни стало вассальным государством», не упоминая ни одним словом, кто должен быть ее сюзереном. Задачи революционной агитации требуют совершенно конкретных указаний державы поработителя и свержения прежде всего своего империалистического государства. Вот почему, когда Турати в итальянском

парламенте заявил, что он не будет возражать против такого мира, который предложит Германия, если он «способен разрешить в главных чертах вопросы, вроде: эвакуация Бельгии, Франции, восстановление Румынии, Сербии и Черногории», исправление итальянских границ в отношении того, что является бесспорно итальянским, и отвечает гарантиям стратегического характера,—представители буржуазных фракций в парламенте с восторгом встретили это заявление: оно совпадало со «справедливыми» требованиями итальянских империалистов. Для Ленина нет лучшего доказательства пацифистской беспомощности и лицемерия пацифистских лозунгов, чем этот эпизод с Турати. Он отмечает также, как запутались итальянские пацифисты, которые предлагают исключить из партии Зюдекума и Легина и в то же самое время допускают, чтобы Мергейм голосовал вместе с Жуо. И по вине пацифистов Циммервальд на распутьи, Циммервальд, в котором, с одной стороны, Жуо соединился с Мергеймом, Бурдероном, Лонге и Раффен-Дюжанс—с Реноделем, Самба и Тома, а немецкие социал-шовинисты, Зюдекум, Давид, Шейдеман, провозглашают предстоящее восстановление «социал-демократического единства» с Каутским. Такое объединение не может существовать. «Или — или».

Наконец, последняя часть сборника посвящена первым откликам Ленина на нашу Февральскую революцию. В наброске тезисов о революции от 17 марта Лениным совершенно точно сформулирована та постановка вопросов, которая привела нас к победоносному Октябрю. Тезисы 17 марта отмечают опасность контр-революционного, монархистского выступления. Эго делает задачу пролетариата довольно сложной. «Новое правительство, захватившее власть в Петербурге или, вернее, вырвавшее ее из рук победившего в героической борьбе пролетариата, состоит из либеральной буржуазии, помещиков, на поводу у них идут представители демократического крестьянства и, возможно, частью увлекут на буржуазный путь забывших интернационализм рабочих». «Новое правительство не может дать ни народам России, ни тем нациям, с которыми связала нас война, ни мира, ни хлеба, ни полной свободы», и поэтому рабочему классу предстоит взять на себя борьбу за социализм и за мир. «В своих первых шагах правительство обнаружило, что оно не имеет в виду ни мира, ни свободы. Необходимо поэтому, чтобы создано было рабочее правительство, которое в союзе с беднейшей частью деревенского населения и, во-вторых, с революционными рабочими всех воюющих стран выполнит задачу революции. Без решительных мер против помещиков и капиталистов нельзя добиться победы, а эти меры в состоянии осуществить лишь рабочее правительство». Последнюю мысль Ленин в наброске тезисов от 17 марта повторяет неоднократно: «Дать народу мир,—пишет он,—хлеб и полную свободу в состоянии лишь рабочее правительство, опирающееся, во-первых, на громадное большинство крестьянского населения, на сельских рабочих и беднейшее крестьянство; во-вторых — на союз с революционными рабочими всех воюющих стран». Революционный пролетариат не может поэтому рассматривать

революцию иначе, как первый успех и первую победу на своем пути, и должен продолжать борьбу за завоевание демократической республики и социализм.

Сборник дает нам ряд ленинских писем «*Издалека*»: первое письмо появилось еще раньше вобрании ленинских работ, и 2, 3 и 4-ое впервые появляются. Ленину приходилось судить о русской революции на основании чрезвычайно скудных материалов, но прозорливость его поэтому еще более поразительна. Он отмечает прежде всего роль Антанты в происшедшем в России перевороте. Ленин видит, что для русской буржуазии, как и для международной, основная опасность и угроза—российский пролетариат. И не даром буржуа всех стран так много говорят об анархии внутри страны и о катастрофе извне. «Пролетарская республика, поддержанная силами рабочих и беднейшей частью горожан, одна только может обеспечить мир, дать хлеб, порядок и свободу». Вот почему все эти лозунги—мятежничество с точки зрения Гучкова и Милюкова, а министерские места для них—порядок. И Ленин прибавляет: «Старые, знакомые речи!». Он «*издалека*» зовет к борьбе против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, и за союз с международным пролетариатом для социалистической революции. В этом главная задача пролетариата России. Ленин в письмах «Издалека» формулирует основные мысли своих апрельских тезисов, что, в свою очередь, совпадает с тезисами, опубликованными не задолго до революции в большевистском «Социал-Демократе». Между прочим, любопытна следующая деталь. Ленин, под влиянием неправильной информации европейских газет, с восторгом говорит об идее «Комитета надзора», о той злополучной контактной комиссии, которую Ленин потом, по приезде в Россию, так высмеял. Но дело в том, что Ленин понимал под этим «Комитетом надзора» нечто совсем другое, чем оно было на самом деле. Он пишет: «Вот это дело! Вот это достойно рабочих, проливающих свою кровь за свободу, за мир, за хлеб для народа! Вот это—*реальный шаг* по пути *реальных гарантий* и против царизма, и против монархии, и против монархистов Гучкова, Львова с К°! Вот это признак того, что русский пролетариат, несмотря ни на что, ушел вперед по сравнению с французским пролетариатом, в 1848 г. ««уполномачивающим» Луи Блана! Вот это доказательство, что инстинкт и ум пролетарской массы не удовлетворяется декламациями, восклицаниями, посулами реформ и свобод, званием «министра по уполномочию» рабочих и тому подобной мишурой, а ищет опоры *только* там, где она есть,—в *вооруженных* народных массах, организуемых и руководимых пролетариатом, сознательными рабочими». Но «контактная комиссия» далеко не была тем «Комитетом надзора», как представлял себе Ленин «*издалека*». Интересно также третье письмо о пролетарской милиции, где Ленин из «проклятой эмиграции» видит ясно, насколько близка вторая революция. Он требует марксистского учета своеобразий *переходного периода* от одной революции к другой. Он требует длительной подготовки к свержению гучковского и милюковского правительств. «Участвовать,—пишет он,—в гучковском, милюковском правительстве есть

теоретическая и практическая нелепость». Участвовать в меньшинстве, значило бы быть пешкой, участвовать поровну невозможно. Нельзя примирить требования продолжать войну с требованием заключить перемирие, открыть мирные переговоры! «Чтобы участвовать в большинстве, надо иметь силу *свергнуть* гучковско-милюковское правительство. На практике требование «участия» есть наихудшая луиблановщина т.-е. забвение классовой борьбы и ее реальной обстановки, увлечение пустейшей звонкой фразой, распространение иллюзий среди рабочих, потеря в переговорах с Милюковым или Керенским *драгоценного* времени, которое надо употребить на создание *действительной* классовой и революционной силы, пролетарской милиции». Она способствует сближению, собиранию всех беднейших слоев населения, составляющих огромное большинство страны, и поможет им организоваться, поможет им бороться за хлеб, мир, свободу. Вот почему для Ленина основной лозунг момента это есть организация, но организация не в обычном смысле этого слова: «рабочему надо проявить чудеса пролетарской организованности... Рабочие своим классовым инстинктом поняли, что в революционное время им нужна совсем иная, не *только* обычная организация, они правильно встали на путь, указанный опытом нашей революции 1905 года и Парижской Коммуны 1871 года, они создали *Совет Рабочих Депутатов*. Они стали развивать, расширять, укреплять его привлечением *солдатских* депутатов и, несомненно, депутатов от сельских *наемных* рабочих, а затем (в той или иной форме) от всей крестьянской бедноты». Эта организованность нужна не во имя завоевания революционной власти. «Нам нужно государство, — пишет Ленин,—но не такое государство, каким создала его повсюду буржуазия», а для того, чтобы разбить старую буржуазную систему и привести пролетариат к социалистическому обществу. Вот почему Ленин зовет нас не восстанавливать полиции, не выпускать местной власти из своих рук, а создать действительно общенародную, руководимую пролетариатом милицию. Вот задача дня, вот лозунг момента, «одинаково отвечающий и правильно понятым интересам дальнейшей классовой борьбы, дальнейшего революционного движения, и демократическому инстинкту всякого рабочего, всякого крестьянина, всякого трудящегося и эксплоатируемого человека, который не может не ненавидеть полиции, стражников, урядников, команды помещиков и капиталистов над вооруженными людьми, получающими власть над народом». Конечно, все эти меры не будут еще социализмом, как и меры по удовлетворению острой нужды масс в хлебе, в молоке для ребят. Но только диктатура пролетариата и крестьянства сможет использовать дворцы и богатые квартиры, оставленные царем и аристократией, для бескровных и неимущих. Все это, повторяю, не будет, по мнению Ленина, социализмом, потому что они касаются потребления, а не реорганизации производства. «Они не были бы еще «диктатурой пролетариата», а только «революционно-демократической» диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства». Не в том, однако, дело, как их теоретически классифицировать. «Было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали

укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся практические задачи революции в прокрустово ложе узко-понятой теории, вместо того чтобы увидеть в теории прежде всего и больше всего *руководство к действию*». И над всей революционной работой в России ее цель, основная задача—помочь международному пролетариату, ускорить революцию в других странах.

При внимательном изучении ленинских писем мы должны отметить два основных момента: во-первых, то, что с первых же дней революции «из проклятого далека» Ленин устанавливает те основные положения большевистской тактики, которые он развил позже в знаменитых апрельских тезисах. Но еще больше поражает нас то, что «*издалека*» Ленин совершенно правильно учитывает *конкретную* ситуацию и *дает* совершенно конкретные указания к построению революционной тактики и поведению. Это служит лучшим доказательством ленинского революционного гения.

На этом мы кончим изложение богатейших материалов второго «Ленинского Сборника». Мы далеко не исчерпали все,—но и то, что нам удалось в самых кратких чертах изложить, свидетельствует о необходимости для всякого коммуниста внимательно изучить сборник и увязать его богатства с тем материалом, который мы имеем в ранее напечатанных произведениях Ильича.

А. ОЛАР И ТЕОРИЯ НАСИЛИЯ *).

Р. Авербух.

I.

Недавняя гражданская война выдвинула вопрос о терроре. Вокруг этого пункта сосредоточились нападки на Советскую власть определенных кругов русской и европейской интеллигенции. Неоднократно делались попытки подкрепить эти нападки авторитетом людей науки. Такой попыткой является появление в белой эмигрантской печати перевода речи Олара, произнесенной им на конгрессе ученых обществ в Париже: «Теория насилия и Французская революция». Олар—один из авторитетнейших исследователей Французской революции, и появление этой книги должно быть отмечено на страницах нашей печати.

Брошюра снабжена 2-мя предисловиями: одно принадлежит автору книги, другое—приват-доценту Миркину-Гецевичу. Последний в своей статье подчеркивает злободневность выступления Олара. «Маститый историк,—говорит Миркин-Гецевич,—задался определенной целью, разрушить легенду, что Французская революция создала теорию насилия и классовую диктатуру, на которую постоянно ссылаются большевики в Москве в оправдание проводимого ими террора». «Олар,—говорит Миркин-Гецевич,—произнес речь о той теории насилия, которую в Москве хотят подкрепить историческими примерами французского террора. Таким образом речь знаменитого историка, являющегося вместе с тем идеологом французского демократизма, касаясь явлений и идей минувших, вырастает в некоторую программу. Олар заклеймил насилие главным образом потому, что Москва, практикующая террор и насилие, пытается оправдать кровь Чека террором Конвента». «Речь Олара поэтому,—говорит Гецевич,—приобретает для русского читателя особое современное волнующее значение,—ее тема, ее авторитетный автор, момент ее произнесения, все в ней злободневно и близко» (стр. 10)

Таким образом характер этой речи ясен. Это—политическая программа, как определяет и Миркин-Гецевич. Нужно было уничтожить

*) А. Олар. «Теория насилия и Французская революция». Русск. к—во Я. Поволоцкий и К-о. Париж 1924 г.

террор Французской революции для того, чтобы иметь возможность осудить Советскую власть. В этой речи Олар выступает больше как политический деятель, чем как историк. Поэтому нам кажутся неправильными все утверждения Миркина-Гецевича о том, что Олар, являясь общественным и политическим деятелем,—в изучении революции—лишь ученый, следующий своим строго-научным методам. В данном выступлении политический темперамент отвлекает его в сторону от объективного исследования, он вступает в полемику с защитниками террора. Факты освещаются Оларом тенденциозно, с явным стремлением уничтожить насильственный характер некоторых моментов Французской революции, так что в общем получается неправильная картина основных этапов революционной борьбы. И все это сделано для того, чтобы иметь возможность осудить «современных русских революционеров», которые, по его выражению, «не только возвеличили теорию насилия, но и применили ее на деле».

С осуждения революционеров и начинается эта книга. В своем предисловии к русскому изданию речи Олар говорит, что он с «величайшей радостью» дал свое согласие на русский перевод своей речи о насилии и Французской революции. Предисловие оканчивается следующими словами: «Да будет мне позволено в связи с этим переводом сказать, что я как гражданин, как демократ являюсь искренным другом великого русского народа, призванного сыграть крупную роль в истории человечества». В этих словах—сущность всего предисловия. Этой фразой Олар подчеркивает, что он противопоставляет русских революционеров—«великому русскому народу», и свое осуждение он направляет только по адресу «русских революционеров», подразумевая под этим коммунистическую партию, у которой, по мнению Олара, нет ничего общего с «великим русским народом».

Каково же содержание его речи, на перевод которой, как мы видели выше, он дал свое согласие с «величайшей радостью». В начале своей речи Олар указывает, что его «задача—изложить теорию насилия в связи с Французской революцией». «С течением времени, — говорит Олар,— создалась теория, которая из книг перешла в умы даже во Франции и которую современные русские революционеры не только возвеличили, но и применили на деле. Согласно этой теории насилие может быть плодотворным, и только оно может исправить общество. Эта теория претендует на историческое обоснование. Она ссылается на пример Французской революции, которую воспринимают, как школу насилия».

В своей речи он стремится доказать неправильность такого взгляда. Оказывается, среди вождей Французской революции не было идеологов насилия. «Если не считать пылких и быстро забытых аббата Ру, Варле, Леклера, чьи призывы к насилию в Париже во время террора имели некоторую видимость системы,—среди влиятельных революционеров одному лишь Марату можно, по-моему,— говорит Олар,— приписать известную теорию насилия. Но в этом смысле Марат был одиноким: в Конвенте не было маратистов» (стр. 18). Кинжал Шарлотты Корде, по мнению Олара, очистил образ Марата. Марат становится символом патриотизма,

а не насилия (стр. 19). Его призывы к убийству, диктатуре забыты. В нем видят воплощение революции, которую хотел уничтожить внешний и внутренний враг. Теории же Марата остались без школы, без последователей.

Еще менее был теоретиком террора и диктатуры Дантон. «Никто не был человечнее ни сердцем, ни разумом Дантона, который столь жестоко громил аристократов и, громя, в то же время спас столько голов» (стр. 35). «Насилие и диктатура,—пишет Олар,—эти два слова, эти два явления неразрывно связаны между собой, и если насилие может быть плодотворным, то лишь во имя или путем диктатуры, диктатуры личности, либо диктатуры группы, класса. И вот, если во Французской революции и были насилия, если эта революция привела, в конце концов, к диктатуре, самая теория насилия и диктатуры была, повторяю, чужда и духу революции, и ее вождям» (стр. 20).

Для обоснования этого положения Олар дает краткий очерк наростав-ших и сменявших друг друга фазисов борьбы от созыва Генеральных Штатов до Наполеона. В 1789 г. французы нигде не выражают призывов к насилию. В данный момент французы хотели лишь одного: заменить то, что являлось в их глазах состоянием насилия и анархии,— не состоянием насилия и диктатуры, а состоянием законности или, как они выражались, «царством закона». По словам Олара, французы, главным образом, отрицали ту анархичность, которая создавалась многообразием гражданских законов. Эту анархичность они хотели уничтожить созданием конституции, а также социального законодательства, носящего определенный и постоянный характер. «Но,—говорит Олар,—это стремление не могло быть осуществимо из-за сопротивления короля. Людовик XVI считал своим долгом оставаться деспотом, *правда, отечески добрым*, но все же деспотом и передать нетронутой своему преемнику ту абсолютную власть, которую он получил от Людовика XV и которую, в свою очередь, тот принял от Людовика XIV» (стр. 22). «В наказах Генеральных Штатов, даже самых смелых, не было никакого призыва к насилию». Наказы не говорят о короле иначе как с уважением, с верностью, с любовью и доверием... «Депутаты третьего сословия Генеральных Штатов получили наказ не насилия» (стр. 24).

Если проследить ход событий от собрания Генеральных Штатов в Версале 5 мая 1789 г. до взятия Бастилии 14 июля, то никогда, по мнению Олара, революция не начиналась столь мирными путями, с таким спокойствием, отвергая все похожее на насилие, хотя бы словесное. Революционная идея понималась, как праздник мира, как мирное устроение наций. Французская монархия, по мнению Олара, не поняла этого, король не понял, что, встав во главе революционного движения, он спасет страну; абсолютизм остался верным своим традициям. Король объявил войну, стал во главе контр-революции, и тогда своим слепым сопротивлением старый режим толкнул революцию к насилию. Протест против действий короля воплотился в насильственном акте—взятии Бастилии. Но если взятие Бастилии в Париже было кровопролитным, то дви-

жение революции во Франции совершалось бескровно. Вспоминая фразу Мишле о празднике федерации в 1790 г. «бог явил свой лик», Олар утверждает, что и в этот период бог революции был богом мира, а не богом насилия.

Перейдем к эпохе террора. «Взгляд на террор, как на последствие войны, так часто развивался, что мне здесь незачем настаивать на нем,—пишет Олар.—Мне хотелось бы лишь отметить, что в нашей революции постоянно, даже в моменты проявления самой грубой жестокости, жил дух законности» (стр. 31). Эту «законность» Олар видит в выражении общей воли, народного суверенитета. «Эта революция,—говорит Олар,—начатая и формулированная сперва юристами, даже в дни своих самых страшных конвульсий была проникнута мыслью, что она создает законы, т.-е. что воля отдельных личностей подчиняется общей воле». Отдельные акты насилия, если они и существовали, не создали ничего ценного. Все законы общего характера были проведены, по мнению Олара, без всякого давления улицы. Провозглашение республики 22 сентября 1792 года—это крупное политическое событие—прошло среди полного спокойствия населения, почти в молчании. Известной долей легальности отличается, по мнению Олара, и приговор, вынесенный Людовику XVI, так как он был вынесен законодательным учреждением, вотирован как закон, без всякого вмешательства толпы.

Все же и Олару приходится признать, что отдельные акты насилия имели место. Уничтожение феодальных прав, как акт насилия, ему кажется целесообразным. Ибо если насилие никуда не годно для созидания, то оно весьма необходимо для разрушения старого. Революционные комитеты, являвшиеся органами сыска, надзора, поставлявшие жертвы гильотине, нельзя сравнивать, по мнению Олара, с органами диктатуры пролетариата: революционные комитеты состояли из представителей буржуазии и рабочих, при чем первых было больше, чем вторых, революционные комитеты осуществляли не диктатуру класса, а общенациональные идеи (стр. 34).

Что же касается Конвента, то он все же не поставил террор в порядок дня, как от него требовала Коммуна, и даже уничтожил крайних, или считавшихся такими, как Эбера и его друзей. Едва лишь была достигнута военная победа, едва лишь была обеспечена национальная оборона, Конвент сбросил Робеспьера, этот символ насилия и террора.

Но в сущности и Робеспьер, как думает Олар, никогда не хотел сделать насилия ни системой, ни даже режимом; он был, как и все, легистом. 9 термидора у городской Ратуши, очаге восстания, готовившегося против Конвента, Робеспьеру подали перо, чтобы он подписал вместе с другими членами муниципалитета призыв к восстанию. Это было единственным средством спасти свою голову. Но Робеспьер не пожелал подписать этого призыва к восстанию. Общая воля оказалась сильнее воли Робеспьера (стр. 35).

«Итак,—заключает Олар,—можно признать, что во внутренней политике Французская революция, столь жестокая, когда ей противо-

действовали, все же не была системой насилия». И только Наполеон Бонапарт круто повернул Францию на старую стезю насилия. Он совершает государственный переворот, обращается к теории насилия не во имя общей воли, а ради собственных, личных целей. По мнению Олара, у теоретика насилия Марата в революции оказался единственный последователь — Наполеон. Олар убежден, что если бы Марат дожил до империи, то в ежегоднике императорского дворянства значился бы барон или граф Марат. Таково содержание этой брошюры, столь злободневной с точки зрения Миркина-Гецевича.

II.

Разберем содержание брошюры по пунктам. Начнем с общих положений Олара. «Насилие и диктатура, эти два слова, эти два явления неразрывно связаны между собою; и если насилие может быть плодотворным, то лишь во имя или путем диктатуры, диктатуры личности, либо диктатуры группы, класса».

Но два понятия «диктатура» и «насилие» далеко не идентичны. В зависимости от того, кто осуществляет диктатуру, в значительной степени изменяется понятие насилия. Если осуществляется диктатура личности, что мы наблюдаем при господстве военной диктатуры в буржуазно-капиталистических странах, то нужно максимум насилия, чтобы осуществить эту диктатуру. «Для успеха такого дела, как систематическое подавление меньшинством эксплоататоров большинства эксплоатируемых, нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нужны моря крови, через которые человечество и ведет свой путь в состоянии рабства, крепостничества, наемничества» (Ленин, Государство и революция, 1919 г., 114 стр.).

«Другое дело, когда имеется на-лицо диктатура большинства над меньшинством, какое мы имеем при переходе от капитализма к коммунизму. Здесь «подавление» еще необходимо, но уже подавление меньшинства эксплоататоров большинством эксплоатируемых. И это дело настолько сравнительно легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих—оно обойдется человечеству гораздо дешевле» (Ленин, Государство и революция, стр. 114).

Французская республика жила на гранях феодального и капиталистического хозяйства. После недолгого господства крупной буржуазии наступила власть мелкой буржуазии, которая была властью большинства в сравнении с феодальной эпохой. Против этой группы выступила вся старая феодальная знать, а также вся крупная буржуазия. Республика жила в обстановке беспримерной борьбы с внешними опасностями, а кроме того, мелкая буржуазия была поставлена в необходимость бороться с имущими классами.

Эта борьба по роковой, неотвратимой необходимости должна была принять террористический характер. Только террором и могла отстаивать

мелкая буржуазия свое господство в своем тогдашнем положении, полном самых неразрешимых экономических противоречий.

В противоположность Олару, который говорит, что теория насилия была чужда и духу революции и ее вождям, необходимо выставить другое положение: мы встречаем почти у всех видных вождей Французской революции отчетливое представление о терроре, как о методе борьбы, то с феодальной, то с жирондистской контр-революцией, то в борьбе с продовольственными затруднениями и даже, если можно так выразиться, преувеличенное представление о значении террора.

Вспомним, что Олар говорит о деятелях Французской революции в их отношении к террору. «Если не считать пылких и быстро забытых Ру, Варле и Леклера, чьи призывы к насилию имели некоторую видимость системы, то одному лишь Марату можно приписать известную теорию насилия». Нужно было бы к этому добавить, что такую же известную теорию насилия можно было бы приписать Дантону (в определенную эпоху его деятельности), Шометту, Сен-Жюсту и, наконец, Робеспьеру.

«Никто не был человечнее ни сердцем, ни разумом Дантона»,— говорит Олар. Трудно с этим согласиться, особенно если припомнить роль Дантона в проведении террора весною и осенью 93 года. По инициативе Дантона был создан целый ряд террористических законов. По его настоянию был принят регламент Революционного Трибунала. В произнесенной им речи 10 марта при обсуждении регламента Революционного Трибунала террор рассматривается как могущественное средство революционной борьбы. Террор необходим, по мнению Дантона, ибо страна окружена врагами. «Враг свободы, — говорит Дантон,—бросает дерзкий вызов, повсюду измена, повсюду провокаторы, а потому необходимы экстренные меры, необходимо создание Революционного Трибунала».

Он настаивает на создании Революционного Трибунала, ибо создание последнего приведет Францию к победе. Создание Революционного Трибунала уничтожит возможность проявлений народной злобы по отношению к противникам революции и уничтожит возможность самосуда, подобного сентябрьским дням. Кроме того, создание Революционного Трибунала укрепит исполнительную власть, и это должно явиться залогом победы. Кончает Дантон свою речь следующим призывом: «Если в данный момент вы будете вооружены всеми необходимыми силами, сегодня же враг будет отброшен от ваших фронтов. Я прошу, чтобы Революционный Трибунал был организован в этом же заседании, чтобы исполнительная власть в ее новой организации получила бы то количество сил и энергии, которые ей необходимы» (Mon. XV, 683, № 72) [1]).

Итак, для Дантона создание орудия для проведения террора имеет самое решающее значение для судьбы Франции. «Человечность разума и сердца Дантона» молчит перед требованиями суровой необходимости.

---

[1]) Все речи взяты из протоколов Конвента, помещенных в Rempression de l'ancien Moniteur XV—XX; в ссылках—Mon. и соответствующая римская цифра.

Олар упоминает, что Дантон громил аристократов, но он не говорит о том, что в борьбе с дворянской контр-революцией Дантон занимает особое место. Когда в конце марта в Конвент стали поступать известия, что в провинциях не выполняются приказания Конвента и комиссары Республики подвергаются оскорблениям на улицах и площадях, Дантон выступает на защиту самых решительных мер борьбы с контр-революционными выступлениями. «Необходимо,—говорит Дантон,—чтобы Конвент сделался действительно революционным органом. Как! гражданская война во всех частях Франции, а Конвент ничего не делает для ее уничтожения! Революционный Трибунал декретирован, тот Трибунал, который должен карать контр-революционеров, и он еще не проявляет деятельности! Я требую, чтобы каждый гражданин имел меч наготове. Я требую, чтобы чрезвычайный Трибунал проявил достаточную энергию. Я гребую, чтобы Конвент оповестил весь французский народ, Европу, мир, что он революционное учреждение» (Mon. XV, стр. 807—818, № 87).

Результатом речи Дантона было принятие целого ряда репрессивных мер. Была объявлена беспощадная борьба аристократам и всем врагам революции: они объявляются вне закона. Было принято решение, чтобы Революционный Трибунал, организованный 10 марта, приступил к своей работе (M. XV, стр. 807, № 87). Если для того, чтобы победить, нужен террор, и чтобы уничтожить контр-революцию — нужен террор, то, очевидно, террор выступает здесь как всеспасительное средство.

Наконец, когда осенью 1793 года во всей остроте был выдвинут вопрос о продовольственных затруднениях, целый ряд видных деятелей революции—тот же Дантон, Шометт, Билло-Варенн—выдвигают опять-таки террор. Создайте революционную армию, которая специально займется борьбой со скупщиками—и продовольствие будет. Таков смысл речей Шометта, Дантона, Билло-Варенна. Таковы в точности слова Дантона, произнесенные им на заседании Конвента 5 сентября 1793 года, при обсуждении декрета о создании революционной армии. «Пусть,—говорит он,—комитет законодательства вырабатывает свои меры, это не мешает тому, чтобы сейчас же декретировать организацию революционной армии. Революционный Трибунал действует слишком медленно. Нужно, чтобы ежедневно аристократ, злодей расплачивались за свои преступления головой. Кроме того, нужно вооружить всех граждан. Нужно каждому гражданину, каждому патриоту дать ружье для спасения родины» (Mon. XVII, № 250, стр. 523). И Дантон явился одним из самых энергичных защитников создания революционной армии. Революционная же армия создавалась для того, чтобы проводить насильственные мероприятия в области продовольственного дела, для проведения закона о максимуме, в сущности говоря, для насильственного регулирования хозяйственной жизни страны. Правда, мы знаем, что в дальнейшем Дантон изменил свои воззрения на террор и стал призывать к «милосердию». Но в эпоху своего наибольшего влияния на дела революционной Франции Дантон являлся решительным сторонником террора и говорил о необхо-

димости террора, шел ли этот вопрос о борьбе с контр-революцией или даже о борьбе с продовольственной разрухой.

Также определенно по вопросу о терроре высказывался и Робеспьер. Последний является решительным сторонником террора, проводимого революционными комитетами. 17 сентября 1793 года издается закон о подозрительных, по которому революционные комитеты получили право составления списков заподозренных и арестов последних. Революционные комитеты отнеслись к своей новой функции с такой энергией, что скоро не стало хватать мест в тюрьмах и арестных домах. И Робеспьер защищает террор, проводимый революционными комитетами. Известен следующий факт: 18 октября 1793 года Конвент издает постановление, которым он вменяет в обязанность революционным комитетам объяснять арестованным точные причины ареста и представлять все списки об арестованных в течение 3-х дней Комитету общественной безопасности, при чем эти списки должны сопровождаться объяснением причин всех арестов, имевших место до сего времени (Mellié, стр. 213) [1].

Революционные комитеты опротестовали это постановление Конвента (21 октября 1793 года). «Мы,—сказано было в протесте комитетов,— с прискорбием узнали о декрете, требующем, чтобы арестованным сообщали о мотивах их ареста. Нравственные убеждения часто определяют те меры, какие направляются против этих людей. А потому было бы трудно изложить в протоколе мотивы их ареста. Кроме того, революционные комитеты, состоящие из санкюлотов, стали бы часто делать в редакции протоколов невольные ошибки, которыми пользовались бы контр-революционеры для того, чтобы освобождаться от ареста» [2].

Петиция была направлена в Комитет общественной безопасности. Робеспьер защищает эту петицию революционных комитетов. «Предшествующий декрет,—говорит Робеспьер,—только заставил бы революционные комитеты выполнять излишние формальности и сбескуражил бы всех великодушных граждан, имеющих мужество подвергнуть себя всей злобе аристократии... Эти люди, простые, добродетельные уменьшат свои старания. Не время ослаблять национальную энергию»,—говорит Робеспьер. И декрет был отменен 24 октября 1793 года. (Вся речь Робеспьера помещена в Mon. XVIII, № 35, стр. 215.)

Победа в октябре придала еще большую смелость революционным комитетам, и в этот момент, по выражению Мелье, они делаются «господами Парижа». Так «законник», по выражению Олара, Робеспьер выявил свое отношение к «беззаконию», творимому революционными комитетами.

---

[1]) Mellié, Les sections de Paris, 1898; в ссылках—Mellié и соответствующая страница.

[2]) Это указание на «невольные ошибки» чрезвычайно характерно. Оно показывает, что революционные комитеты состояли в большинстве из городской бедноты и рабочих, а не буржуазии, как это утверждает Олар. На подобный состав революционных комитетов указывает и Мелье. Об этом же говорит и проф. Кареев («Парижские секции», стр. 47).

Еще определеннее Робеспьер изложил свои взгляды на террор в известной речи о принципах революционного правительства.

Доклад Конвенту о принципах революционного правительства Робеспьер читает несколько позже, а именно 25 декабря 1793 года.

Весь доклад в целом, это—попытка определить задачи и принципы власти, действующей в эпоху революции. Он стремится разрешить эту проблему не только для своего времени, но определить задачи и принципы всякого революционного правительства. Робеспьер сознает трудности для создания такой теории, ибо «теория революционного правительства,—говорит Робеспьер,—так же нова, как революция, которая ее создала. Искать эту теорию надо не в книгах политических мыслителей, которые не предвидели подобную революцию, и не в законах тиранов: они стремятся злоупотребить ею; черпать эту историю нужно из осознания общественной пользы» (Mon. XIX, № 97, стр. 51).

Далее Робеспьер проводит отчетливое различие между обычными формами и задачами власти и задачами революционного правительства. «Задача правительства, действующего на основе конституции,—говорит Робеспьер,—направить жизнь Республики, задача революционного—ее создать».

Каково же по своему характеру должно быть революционное правительство? Оно должно быть чрезвычайно активным именно потому, что оно—правительство войны. «Оно подчинено правилам, менее определенным и менее строгим, потому что обстоятельства, в которых оно находится, чрезвычайно бурны, изменчивы, и особенно потому, что оно вынуждено применять беспрестанно новые, быстрые средства против все новых и новых, опасностей» (Mon. XIX, № 97, стр. 51).

Как видно, Робеспьер вовсе не такой сторонник «законных» средств, как это изображено у Олара. Он признает только одну цель—спасение народа, один закон—необходимость.

Каков же основной принцип революционного правительства, определяющий все его действия? Это—террор. «Правительство, действующее на основе конституции, должно преимущественно заботиться о личной свободе, правительство революционное—о свободе общественной. Революционное правительство защищает добрых граждан, оно знает только наказание смертью для врагов народа» (Mon. XIX, № 97, стр. 51).

Эти замечания достаточны, чтобы объяснить происхождение и природу законов, которые мы называем революционными. Те, кто называет эти законы тираническими,—глупые софисты или испорченные люди, которые желают смешать понятия: они желают объединить воедино мир и войну, здоровье и болезнь. В конце концов, они хотят только зарождения тирании и смерти отечества (Mon. XIX, № 97, стр. 51).

Итак, Робеспьер дает общую теорию революционного правительства и говорит, что революционное правительство, по необходимости, должно быть построено на терроре, что никакие иные законы не руководят этим правительством, как только законы спасения народа и необходимость, что революционное правительство знает только наказание

смертью для врагов народа. Разве это не самое полное выражение теории террора или, по выражению Олара, «теория насилия».

Чтобы покончить с этим вопросом, необходимо еще остановиться на речи Сен-Жюста, произнесенной 10 октября 1793 года. Этот преданнейший сторонник и друг Робеспьера разрешает сначала чисто практический вопрос: каким образом выйти из затруднений, в которые попала в данный момент Республика, а затем переходит к общим положениям, утверждая, что террор должен сделаться руководящим принципом революционной власти. Республике угрожают федерализм, заговоры и голод. Какие же средства для уничтожения этих опасностей? Не что иное как террор. «Нельзя надеяться на благодеяние,—говорит Сен-Жюст,—пока не исчезнет последний враг свободы. Вы должны наказывать не только преступников, но и индифферентных. Вы должны наказывать тех, кто бездеятельнен в Республике и ничего не делает для нее. С тех пор, как народ французский выразил свое желание, все, что ему препятствует, посягает на его независимость, все, кто посягает на его независимость, являются его врагами» (Mon. XVIII, № 23, стр. 106).

Но далее Сен-Жюст выставляет уже общее положение, что миролюбие и правосудие—хорошие принципы для мирного времени, но когда родина окружена врагами, то милостивые законы приводят ее к гибели. «Правосудие и миролюбие хорошие средства для друзей свободы, но для врагов они не что иное, как меч. Нужно управлять железом, если нельзя управлять законом» (Mon. XVIII, № 23, стр. 106).

Могут ли помочь конституционные средства Республике, окруженной врагами? В том положении, в котором находится Республика, конституция не может быть установлена, она будет умерщвлена. Конституция допускает злодейства против свободы, ибо нет необходимых средств, чтобы их отразить. И здесь вместо конституционной гарантии самоуправление должно быть построено на принципах самого строгого контроля над действием властей, самой неукоснительной бдительности.

«Невозможно, чтобы революционные законы выполнялись, если управление организовано не революционно». Революционное правительство, по мнению Сен-Жюста, должно проявлять наибольшую бдительность по отношению к врагу, но также наибольший контроль над своими собственными действиями. «Нужно точно определить обязанности, мечом искоренить злоупотребления, тем порядком, что все свободно в Республике за исключением тех, которые злоумышляют против нее и которые плохо управляют» (Mon. XVIII, № 23, стр. 106).

В речи Сен-Жюста мы находим, в основном, мысли, сходные с взглядами, высказанными Робеспьером по данному вопросу. И Сен-Жюст считает, что революционное правительство это—нечто отличное от правительства, действующего на основе конституции, управляющееся своими особыми принципами. И Сен-Жюсту свойственна мысль, что в момент, когда родина окружена всеми врагами, никакая другая власть не может существовать, как только революционная. При революционном прави-

тельстве иные средства невозможны, как только действие террора, или, по его выражению, «действие железа».

Та же речь Сен-Жюста интересна еще в одном отношении. Она выявляет его взгляд на террор, как на средство, спасающее от всех зол. Таксы на зерно, по мнению Сен-Жюста, не уменьшили страдания народа. Те, кто имели капиталы, удвоили их. Нужно и с богатством бороться террором. «Необходим налог на богатых, необходим Революционный Трибунал, который бы посчитался с теми, кто присвоивал себе средства республики в течение 4-х лет. Общественное богатство должно быть изъято из рук грабителей, и правосудие должно господствовать с неуклонностью» (Mon. XVIII, № 23, стр. 107).

Реквизиции, налоги и террор должны уничтожить жадность богатых. Эти же средства являются наилучшими и в борьбе с продовольственными затруднениями. Различные законы, которые вы создаете для улучшения продовольственного дела, были бы хороши, если бы люди не были плохими. Вы издаете законы о максимуме: враги народа, имея средства, покупают не по максимуму. Рынки не снабжаются провиантом из-за корыстолюбия тех, кто продает; цены на зерно понижаются, но зерно делается редким.

Что же он предлагает для борьбы с этими явлениями?—Создание комиссии, которая специально займется реквизициями нужного продовольствия (Mon. XVIII, № 23, стр. 108). Наконец, Франция страдает от плохого управления: и с этим недостатком нужно бороться террором. Вспомним его слова: «Нужно мечом искоренить злоупотребления и сделать так, чтобы все были свободны в Республике, за исключением тех, которые замышляют против нее и которые плохо управляют» (Mon. XVIII, № 23, стр. 108).

Сен-Жюст еще более определенно высказывается о терроре. Нет продовольствия?—действуйте террором,—и продовольствие будет. Плохое управление?—можно исправить, если будет больше надзора, бдительности и террора. Много врагов в Республике?—нужно их уничтожить террором. Террор, поистине, всеспасительное средство.

III.

Итак, против Олара, утверждавшего, что теория террора чужда вождям революции, выступают сами деятели революции, в ряде своих речей подчеркивающие, что революционное правительство ими мыслится тесно связанным с режимом террора. Дантон, Робеспьер и Сен-Жюст очень много говорят о значении террора. Террор, стихийно применявшийся в революции, в их речах делается осознанным методом революционной борьбы.

Как видит читатель, выше обрисованные взгляды вождей революции значительно разнятся от тех, которые им приписывает Олар. Видные деятели Французской революции выявили и свое отношение к вопросу о диктатуре. Вопрос о необходимости диктатуры особенно

отчетливо поставлен в речи Сен-Жюста 10 октября и в речи Билло-Варена от 18 ноября.

Момент для постановки этого вопроса в высшей степени подходящий. Франция в огне гражданской войны, между тем власть сорганизована на принципах разделения властей, независимости провинциальной администрации, принятая летом 93 года конституция подтверждает все основы действующей власти.

В результате—декреты Конвента не выполняются на местах, положение Республики неустойчиво. Необходимо разрешить вопрос, как сорганизовать власть. Нужно ли провести конституцию, вотированную Конвентом и принятую народом, или установить власть, построенную на иных принципах. Сен-Жюст в своем докладе Конвенту 10 октября высказывается совершенно определенно: «при том положении, в котором находится Республика, конституция не может быть установлена, она будет уничтожена. Она допускает преступления против свободы, потому что в ней нет необходимых средств, чтобы их отразить».

Но действующему правительству недостает также очень много. Оно медлительно, оно не управляет администрацией, ибо оно слишком удалено от администрации, необходима централизация. «Вы слишком удалены,—говорит Сен-Жюст,—от преступлений, которые происходят, нужно, чтобы меч закона действовал быстро и вы были всегда готовы, чтобы отразить преступления»... «Невозможно, чтобы выполнялись революционные законы, если правительство само не революционно. Вы не можете рассчитывать на благополучие, если вы не организуете управление, которое, проявляя мягкость по отношению к народу, наложит строгую ответственность на самого себя» (Mon. XVIII, № 23, стр. 106).

Итак, Сен-Жюст требует централизации власти, говорит о гибельности проведения принципа разделения властей, о вреде департаментской администрации,—главного очага контр-революции—о вялости всего правительственного аппарата, он требует реорганизации правительства, но не в сторону установления конституционных гарантий,—введение конституции в настоящий момент было бы гибельным,—а, наоборот, в сторону установления диктатуры, супрематии Конвента и его главного филиала—Комитета общественного спасения, осуществлявшего диктатуру мелкой буржуазии.

Еще решительнее, чем Сен-Жюст, высказывался по данному вопросу Билло-Варен: в своем докладе от 18 ноября 1793 года он прямо высказывается за установление диктатуры. Он является сторонником централизации и уничтожения гибельного разделения исполнительных и законодательных органов. «Настал момент,—говорит он,—создать власть сильную и независимую, которая бы выработала определенные принципы управления и вместе с тем следила бы за выполнением этих принципов, т.-е., иначе говоря, соединяла бы в себе и законодательные и исполнительные функции» (изложение этой речи помещено в Mon. XVIII, № 60, стр. 464).

Да, наконец, уже упомянутая речь Робеспьера о принципах революционного правительства—разве не есть решительный отказ от закон-

ных конституционных гарантий, во имя создания власти активной, задачи которой—заботиться об общественной свободе и уничтожать врагов народа. «Если революционное правительство,—говорит Робеспьер,—должно быть более решительным и более смелым в своих действиях, чем обычное правительство, менее ли оно законно поэтому? Нет, оно опирается на более святой из всех законов—спасение народа, на наиболее важное из всех требований—на необходимость. На нас возложены обязанности употребить все необходимые решительные и политические меры, чтобы раздавить врагов революции и прежде всего удержать между собою единство, в котором вы нуждаетесь, чтобы выполнить ваше великое назначение. Установление Французской республики не детская игра, она не может быть делом каприза или беспечности, ни результатом случайного толчка. Если революционное правительство не будет поддержано энергией, просвещением, патриотизмом и добросовестностью всех депутатов, как будем мы обладать достаточной силой, равной противодействию Европы и всех врагов свободы, которые атакуют нас и теснят Францию со всех сторон» (Mon. XIX, № 97, стр. 51).

Все это является решительным требованием создания власти, энергичной в борьбе с своими врагами, полной, объединяющей в себе закон и его исполнение, централизованной, имеющей в себе одну волю и неуклонно отстаивающей ее; это есть целая и полная программа создания диктатуры.

Разве все эти выступления не разрушают вконец всех утверждений Олара о революции, якобы не создавшей теории насилия и диктатуры? У вождей революции складывается вполне отчетливое представление о значении насилия в революции, а также вполне отчетливое представление о диктатуре, поддерживаемой суровыми мерами насилия.

Желание Олара уничтожить жестокость и насилие Французской революции заставляет его умалчивать об общеизвестных фактах первого года революционной борьбы? Как характеризует Олар этот первоначальный этап революции? Как помнит читатель, 1789 год рисуется Олару особо мирным. В наказах также, по его мнению, не было никакого призыва к насилию. Неправильность такой характеристики совершенно очевидна, если мы вспомним, что именно с зимы 1788 года особенно усилились крестьянские волнения. Движение делается грозным к началу 1789 года. Как только начались выборы в Генеральные Штаты, крестьяне начинают отказываться от барщины. Движение направлено против дворян. Разгром барских усадеб с требованием выдачи всех сеньериальных документов, записей барщин и оброков являются типичным для этого рода движения.

Олар говорит о том, что в наказах не было никакого призыва к насилию. Но крестьянские настроения лишь в очень малой степени отразились в приходских наказах, ибо они обычно писались, составлялись в кругах городской буржуазии и интеллигенции—вспомним, что именно так характеризует составление наказов Олар [1]). Крестьянство напоминает о себе

[1]) А. Олар, Политическая история Французской революции, изд. 1918 года, стр. 23.

и выявляет себя агрессивными выступлениями. И эти выступления ярко рисуют недовольство, правда, направленное не против короля, а против сеньоров, но тем самым, следовательно, против господствующего строя в целом. В конце брошюры Олар сам признает наличие крестьянских восстаний и даже необычайно важную роль этих крестьянских восстаний, как он признает, что именно последние вызвали создание декрета 4 августа и определили дальнейшую политику Легислативы и Конвента по крестьянскому вопросу. Раз вся страна охвачена пламенем восстания, трудно говорить о «наказах не насилия», которыми якобы население снабжает депутатов третьего сословия.

Далеко не мирное настроение господствует и в рабочих классах. «Проследите,—пишет Олар,—ход событий от собраний Генеральных Штатов в Версале 5 мая 1789 года до взятия Бастилии 14 июля: никогда революция не начиналась столь мирными путями, с таким спокойствием, отвергая все похожее на насилие, хотя бы словесное».

Олар забывает упомянуть о рабочих беспорядках, имевших место как раз в момент созыва Генеральных Штатов. Рабочее население как Парижа, так и всей Франции страдает от безработицы и дороговизны хлеба (Тарле, Рабочий класс в эпоху революции, часть I, стр. 17). За неделю до созыва Генеральных Штатов, совершенно неожиданно, по ничтожному поводу произошел разгром домов и фабрик Ревельона и Анрио в Сент-Антуанском предместьи Парижа. Разгром домов и фабрик продолжается два дня, в этом разгроме участвуют 500—600 человек. Посланные войска, в усиленном количестве, в полной боевой готовности, произвели несколько залпов из ружей в толпу, после чего бунтующие рассеялись, преследуемые солдатами. Жестокая расправа, многочисленные аресты, торжественная и публичная казнь по суду,—такова картина событий после разгрома.

Единственными причинами этого движения был голод, безработица и дороговизна. Движение даже не задавалось какими-либо определенными целями борьбы за права третьего сословия. Но это движение было одним из первых судорожных сотрясений. Стихия поднималась. Голодные массы искали приложения и выхода для раздражения, которые ощущали в себе (Тарле, Рабочий класс в эпоху революции, изд. 1909 г., часть I, стр. 55).

Но если это так, то можно ли сказать, что революция начиналась мирно, как утверждает Олар...

Национальное Собрание кажется Олару настоящим олицетворением преданности королевской власти. Но трудно говорить о таком отношении Национального Собрания к королю, когда всем известны слова Мирабо, что депутаты покинут свои места лишь под напором штыков (этот факт не отрицает сам Олар, см. его «Политическую историю», стр. 25). Первые месяцы деятельности Национального Собрания проходили мирно, но этот мир был нарушен насильственным актом—взятием Бастилии. Как же это случилось? По мнению Олара, насилие 14 июля, а также насильственное свержение монархии было вызвано поведением короля. Король

«не понял своей роли, стал на сторону реакции и тем толкнул революцию на путь насилия, приведший, в конце концов, к свержению монархии».

Такая точка зрения едва ли может быть признана научной. Она уделяет слишком много места явлениям случайным и роли личности. Король не понял своей роли, не выполнил своей задачи и привел, таким образом, страну к катастрофе. Но независимо от поведения короля монархия должна была пасть. Падение последней было вызвано классовыми противоречиями, создавшимися к моменту революции. Старые производственные отношения, закрепленные монархией, становятся препятствием к развитию капитализма. Буржуазия должна была захватить власть революционным путем, для того, чтобы создать новое буржуазное право, освящавшее новые производственные отношения.

Сеньериальная реакция конца XVIII века сделала из крестьянства революционную силу, действующую в интересах буржуазии. Кризис 1786 года и неурожай 1788 года, как мы видели, революционизировали и рабочий класс.

С другой стороны, социальные основы королевского самодержавия дали опасную трещину, так как финансисты и привилегированные стали в оппозицию королю.

Такова та обстановка, в которой свершилось падение монархии. 14 же июля было одним из взрывов классовой борьбы, поведшим к насильственному захвату твердыни абсолютизма—Бастилии.

Взятие Бастилии, по мнению Олара, было насильственным актом. «Но если,—продолжает далее Олар,—взятие Бастилии в Париже было кровопролитным, то движение революции во Франции совершалось бескровно». Так ли это было в действительности? Посмотрим, что говорит сам Олар в своей «Политической истории Французской революции». О муниципальной революции он говорит, как о таком моменте, когда нация стояла с оружием в руках, во всем своем составе и столкнула старый порядок. Миллионы вооруженных французов защищают Собрание. Олар сам осуждает Национальное Собрание, которое принимало меры для подавления восстаний, вспыхивающих там и сям, ибо эти восстания были повсюду победоносными и свергали феодальный порядок. В «Политической истории» Олар говорит о восстаниях по всей Франции, о миллионах вооруженных французов, защищающих Национальное Собрание; в цитируемой нами брошюре тот же Олар говорит о том, что революция во Франции протекала мирно.

Но этого мало. Ни один историк не станет теперь утверждать, что 4 августа явилось результатом особого желания дворян расстаться с феодальным порядком, да и сам Олар в этой же самой брошюре через несколько страниц говорит, что декреты 4 августа 1789 года были вотированы под влиянием крестьянских восстаний. Но когда же могли происходить эти восстания, как не в промежуток времени от 14 июля до 4 августа. Но тогда менее всего можно утверждать, что после взятия Бастилии революция совершалась бескровно.

А что говорит Олар об эпохе террора? По его мнению, террор являлся следствием войны. Но эта точка зрения, как исключительно политическая, вряд ли сейчас кого-либо может удовлетворить. Она совершенно не объясняет, почему террор продолжается, несмотря на некоторые военные успехи в 1794 году. Победа при Флерюссе открывает новую эпоху наступательного движения Франции на Европу, а между тем террор продолжается. Не фронт и его неудачи определяют в эту эпоху террор, а в значительной степени неудачи экономической политики. Закон о максимуме не разрешает продовольственной проблемы, не уничтожает дороговизны и безудержного падения ассигнаций. Недовольство низов, а вместе с тем стремление обойти закон о максимуме верхов, создает неустойчивое положение власти и стремление ее с помощью террора удержать свои позиции. Слабые социальные основы правящей группы мелкой буржуазии и борьба за максимум—вот те причины, которые определяют террористическую политику, политику Робеспьера и его группы в 1794 году.

Но и вся нарисованная Оларом картина 1793 года, в сущности говоря, неправильна. Существенное, по мнению Олара, для данной эпохи это то, что все законы общего характера были проведены без всякого давления улицы. Такой революционный акт, как приговор, вынесенный Людовику XVI, облекались в форму закона без всякого вмешательства толпы. Последнее положение фактически неправильно.

Процесс Людовика XVI проходил под давлением враждебных манифестаций народных масс. Сейчас же после революции 10 августа чувство ненависти к узнику Тампля начало выявляться в требованиях головы Людовика XVI. «Его уже иначе не называли, как Капетом, по имени его предков; на улицах и площадях порой раздавались зловещие крики: «на гильотину Капета!» (Беркова, Процесс Людовика XVI, стр. 61, Москва 1923 г.). То же самое настроение выражали депутации от секций, являвшиеся к парижской коммуне.

Измена и казнь Людовика были предметами драматических сцен, которые разыгрывались бродячими актерами. Якобинский клуб энергично требовал суда над низложенным королем. «Я требую,—говорил один якобинец в клубе,—чтобы мы самым решительным образом выдвигали на очередь вопрос о суде над королем, пока не будет казнена вся семья бывшего короля».

Таким образом суд над королем делается лозунгом народных масс. В дальнейшем, когда под давлением этих требований вопрос о суде над королем встал на очередь дня, когда по этому вопросу были открыты прения в Конвенте, сюда направляются многочисленные адреса из департаментов с требованием головы Людовика XVI. «У наших законодателей,—говорил адрес жителей Краона,—не хватило силы или мужества, чтобы поразить чудовище, которое хотело нас пожрать».—«Пусть предатель падет пред лицом закона»,—говорил адрес из Пюлливера. «Великий преступник остается безнаказанным,—грозно восклицали рейнские республиканцы,—этот преступник был королем и убийцей своего народа, его жизнь теперь

лишь источник надежд для изменников» (Беркова, Процесс Людовика XVI, стр. 101).

Эти манифестации влияли на развитие прений в Конвенте, заставили спешить с преданием Людовика XVI суду и с его осуждением. Вот почему нельзя согласиться с Оларом, что осуждение Людовика XVI происходило помимо вмешательства толпы.

Продолжая рассмотрение эпохи террора, Олар говорит, что Конвент, принимая террористические меры для обеспечения военной победы, все же не решился формально поставить террор в порядок дня, как от него требовала Коммуна. Характерно, что в своей «Политической истории» те же самые факты Олар освещает совершенно иначе. Здесь он говорит, что вся террористическая политика Конвента, создание очень многих террористических актов, была проведена в значительной степени под давлением улицы и что террор была поставлен в «порядок дня», как того требовала многочисленная депутация от секций. Вот подлинные его слова по этому поводу: «5 сентября депутация, состоявшая из комиссаров от сорока восьми Парижских секций и из членов Якобинского клуба, явилась сказать Конвенту: «Законодатели, поставьте террор на очередной порядок». Далее он отмечает, что в этом же заседании Конвент аплодирует речи Барера, в которой тот призывает депутатов поставить террор в порядок дня». «И в течение некоторого времени,—заключает Олар,—в правительственной политике, а особенно в речах, террор действительно был вопросом дня». И далее: «Происхождение террора в собственном смысле этого слова, террора официального, было следующее: в августе и сентябре 1793 года парижане стали бояться голода; они приписывали этот голод внутреннему и внешнему врагу и требовали подавления этого врага террором. Тогда правительство облеклось во внешние формы террора, но не из предпочтения к ним и не в силу системы, а с целью успокоить парижан и избежать мятежа в Париже» (стр. 246).

В той же «Политической истории» Олар говорит, что на практике Конвент стремился дать перевес гуманной и умеренной политике. Но, во всяком случае, основная мысль Олара такова, что под давлением улицы в правительственную политику проник террор. И под влиянием той же улицы террор сделался вопросом дня на протяжении определенного времени.

А это значит, что в пылу полемики Олар отказывается от тех воззрений, которые были высказаны им прежде, в то же время он допускает явное искажение основных фактов Французской революции. Как известно, очень многие террористические законы вотируются под давлением улицы. Еще в феврале 1793 года, во время продовольственных беспорядков, возникла мысль о создании революционного суда. В дальнейшем, вследствие требования Коммуны и секций, вырабатывается регламент революционного суда (Mon. XV, № 70, стр. 106).

Декретирование создания революционной армии в значительной степени создалось под влиянием движения 4 сентября.

В конце брошюры Олар опять возвращается к своей основной идее, что теория диктатуры чужда и духу революции, и ее вождям. Говоря о Робеспьере, он утверждает, что вождь Французской революции никогда не хотел сделать террора ни системой, ни режимом. Это был—как почти все эти революционеры—юрист. Как помнит читатель, и падение Робеспьера Олар определяет, как результат боязни вождя Французской революции совершить насилие и поднять восстание против Конвента.

Надо думать, что в значительно большей степени, чем боязнь совершить насилие, падение Робеспьера обуславливалось слабостью социальных основ его власти. Революционное правительство в эту эпоху опиралось только на зажиточные элементы мелкой буржуазии, на городское мещанство. Против него стояла враждебно-настроенная, лишившаяся своих вождей (казнь Гебера и Шометта) масса мелкой городской буржуазии. Не желала его поддерживать и рабочая масса, разочарованная в максимуме, стесненная до крайности в своей борьбе за улучшение условий труда и, наконец, крупная буржуазия, алчная и хищная, желавшая полной свободы своим стремлениям к наживе. И достаточно было сорганизоваться оппозиции против Робеспьера из остатков дангонистов и радикальных якобинцев, сочувствовавших казненным шометтистам и гебертистам, а также части болота, связанных с новой буржуазией, скомпрометированной на ажиотаже и злоупотреблениях, как власть Робеспьера рушится. Попытка Коммуны поднять парижских рабочих и ремесленников против Конвента оказалась тщетной. Подавляющее большинство секций высказывалось против восстания и за поддержку Конвента. Коммуне удалось-было освободить Робеспьера и его друзей, но Конвент объявил восставших вне закона. Верные Конвенту секции заняли здание городской думы и снова арестовали Робеспьера и его друзей. Бессилие и тщетное стремление удержаться у власти характеризует последние дни Робеспьера, а вовсе не боязнь совершить какое-либо насилие. Робеспьер не побоялся предложить закон 22 прериаля. Надо думать, что и здесь он поступил бы так же решительно, если бы была какая-либо надежда на успех.

Олар, высказавший положение, что теория насилия и диктатуры чужда революции и ее вождям, неминуемо должен был впасть в целый ряд противоречий. За время революции насилие не создало, кажется, ничего ценного, утверждает Олар, а говоря о насильственном акте 10 августа, он характеризует его, как насилие, совершенное ради торжества «общей воли источника закона»,—воли, которая стремилась поддержать революцию и обеспечить независимость Франции, т.-е., иначе говоря, благодаря восстанию, т.-е. акту насилия, устанавливается демократия, конечно, ценное завоевание, с точки зрения Олара, «этого идеологического борца демократии», по выражению Миркина-Гецевича. Мало того, «факты самая упрямая вещь», и уничтоживший-было ценность насилия Олар, сейчас же должен был признать, что и феодальный строй был также уничтожен рядом насильственных актов—крестьянских восстаний. Правда,

он сейчас же спешит оговориться: «Надо признать,—пишет Олар,—что в революции бывали моменты, когда лишь насилие действенно, но для разрушения, а не для созидания». К чему нужно было такое искусственное подразделение? Разве в революции каждое разрушение не расчищает место и не обеспечивает возможности для создания новых форм? Разве крестьянство, насильственно уничтожая феодальный строй, не создавало новых форм экономической жизни и новых форм собственности?

IV.

Подведем итоги всему вышесказанному. Олар, в своем предисловии подчеркнувший, что его очерк является научной работой, а не полемическим произведением, в дальнейшем позволил себе недопустимое для научной работы искажение общеизвестных фактов Французской революции. Нужно было обо многом умолчать и многое неправильно истолковать для того, чтобы уничтожить насилие Французской революции.

В действительности Французская революция, как момент обостреннейшей классовой борьбы, применяла насилие. Насилие было пущено в ход революции стихийно; в дальнейшем применение насилия делалось осознанным методом революционной борьбы. Выступления виднейших вождей революции—Дантона, Сен-Жюста, Робеспьера, Билло-Варена—свидетельствуют о существовании в эпоху Французской революции отчетливого представления о значении террора в революции, а также вполне отчетливое представление о диктатуре, поддерживаемой мерами насилия. И Олару, пытавшемуся опровергнуть «легенду, которая представляет людей Французской революции теоретиками насилия», пришлось не посчитаться с этими довольно известными выступлениями деятелей революции.

Все это сделано с определенной целью — осудить современных русских революционеров, «возвеличивших насилие и применявших его на деле».

Олар называет себя «искренним другом великого русского народа, призванного сыграть крупную роль в истории человечества». Не обязывали ли эти уверения к большему принятию русской революции, чем это имеется у Олара? Ведь русская революция и есть тот момент, когда «великий русский народ» в лице своего пролетариата приступил к выполнению «крупной роли в истории человечества»,—роли, заключающейся в освобождении путем революции трудящихся всего мира.

ГОРОД С ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ *).

В. Стоклицкая-Терешкович.

Значение той формы поселения, которая именуется городом, для экономической, социальной, политической и культурной истории человечества настолько общепризнано, что было бы совершенно излишне вновь доказывать его. Проблема города и городского строя давно уже стоит в центре исторического исследования разных стран, и порожденная ими литература, особенно на немецком языке, поистине огромна. Отличительной чертой этих конкретно-исторических работ является их ограниченность — как по заданиям, так и по привлекаемому материалу — рамками национально-государственными. В этой области мы имеем или чисто местные исследования: монографии, посвященные истории отдельного города, истории ряда городов какой-либо страны, истории городов вообще данной страны или же труды, обосновывающие ту или иную теорию происхождения городского строя, но опять-таки на основе материала, относящегося к истории определенной страны — Германии ли, Франции или Англии. Немногие попытки сопоставления и сравнения городов разных эпох, делавшиеся в немецкой литературе, привели к небольшому количеству скудных выводов. Одним из них является ведущее начало от К. Бюхера резкое противопоставление двух типов городского развития: античного города как ассоциации потребителей, обязанной своими размерами политической централизации, которая стянула хозяйственные избытки больших территорий в немногие пункты, являвшиеся местопребыванием правящего класса, — городу средневековому, как общине чисто производительской, как средоточию торговли и промышленности. Уничтожающая критика, которой историки подвергли теорию Бюхера о стадиях хозяйственной эволюции, оставила, однако, неразрушенной только что

*) Предлагаемая статья представляет собой переработку доклада, прочитанного весной 1923 г. в средневековой секции Исследовательского Института Истории в Москве, об очерке М. Вебера «Город и его значении для историка».

охарактеризованную антитезу, и один из новых историков германских городов, *Зандер*,—в недавно вышедшей работе «Geschichte des deutschen Städtewesens»—целиком повторяет взгляд Бюхера на античное и средневековое городское развитие, подверждая и развивая его на ряде конкретных примеров.

Ввиду такого уклона исторического исследования попытка Макса Вебера прорвать узкие рамки существующих работ и дать исторической проблеме города широкое социологическое освещение невольно и сразу приковывает к себе внимание. В предлагаемой статье я имею в виду очерк М. Вебера «Die Stadt», впервые напечатанный в «Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» за 1921 год, а затем вошедший, как один из отделов, в состав большого труда его «Wirtschaft und Gesellschaft», с остальными частями которого он объединен общностью идеи, плана и метода. Что касается другой исторической работы М. Вебера «Agrarverhältnisse im Altertum (Handwörterbuch der Staatswiss., изд. 3), затрагивающей, между прочим, и вопрос об эволюции и значении города в античном мире и средние века, то ее данные я привлекала лишь попутно, поскольку это вызывалось потребностями сравнения с основным объектом моего рассмотрения, каким являлось «Die Stadt».

Мы упомянули выше о социологическом освещении исторической проблемы города. Это наводит нас на мысль о понимании М. Вебером задач и сущности социологии. Макс Вебер—мыслитель чрезвычайно тонкий и индивидуальный. Примыкая в своем взгляде на историю, как на одну из «наук о культуре», теснейшим образом к Риккерту, он оригинально развивает и видоизменяет построения последнего, своеобразно претворяя вместе с тем и материалистическое понимание истории, под сильным влиянием которого он одно время находился. Не только характеристика основных понятий социологии, которую он приводит в теснейшую органическую связь с историей, но и методология «наук о культуре», в частности методология «истории», носят у М. Вебера глубоко индивидуальный отпечаток. Но по вполне понятным причинам мы не можем остановиться здесь на подробной обрисовке социологии и методологии М. Вебера. По своему объему и сложности эта задача потребовала бы отдельного очерка. С другой стороны, мы не можем и совершенно обойти молчанием взглядов М. Вебера в этой области как в силу характера задания, ставимого себе этой статьей, так и потому, что М. Вебер принадлежит к числу тех мыслителей, которые, будучи творцами определенного направления в методологии науки, в то же самое время стремятся в своих собственных научных работах, в данном случае в историко-социологических исследованиях, сознательно и нарочито-усиленно применять некоторые из тех методов мышления, которые они считают необходимыми формами и условиями всякого, хотя бы и не осознанного, процесса научного мышления. Отсюда ясно, что методологических и социологических воззрений М. Вебера нам придется коснуться в связи с общей оценкой характера и приемов его работы.

Таким образом план настоящей статьи намечается следующим образом: мы собираемся, прежде всего, поделиться с читателем основным содержанием интересного очерка «Die Stadt», затем остановиться на методе и приемах работы М. Вебера, в связи с уяснением некоторых его методологических взглядов, главным образом понятия так называемого «идеального типа», и, наконец, сделаем попытку осветить значение очерка «Die Stadt» с точки зрения задач чисто исторического исследования, исходя при этом преимущественно из фактов городской эволюции средних веков.

Излагать М. Вебера — дело нелегкое. Представляя себе исторический процесс, как сложнейший продукт взаимодействующего влияния очень большого количества факторов и причин самого различного качества и силы, Макс Вебер проводит эту основную концепцию через все изгибы и детали своих работ. Она просвечивает в каждой отдельной мысли, в констатировании каждого отдельного факта. Внешним выражением такого понимания истории является чрезвычайно сложная, даже для немецкой речи, архитектоника фразы. Главное предложение обрастает массой придаточных и вводных фраз и испещряется большим количеством мелких и мельчайших частиц, то смягчающих и ограничивающих, то, наоборот, усиливающих и подчеркивающих тот или иной оттенок мысли. Эти особенности изложения, в связи с своеобразной, чисто индивидуальной терминологией, создали В. Веберу репутацию «темного» писателя, трудного для понимания. На самом же деле в них отразилось стремление к максимально уточненной передаче мысли, что в конечном счете и достигается. Графически произведения М. Вебера можно было бы изобразить в виде рисунка, представляющего собой сложнейшее сплетение большого количества линий, прямых и кривых, разной толщины, идущих в самых разнообразных направлениях, но местами встречающихся и в некоторых точках взаимно перекрещивающихся. Требуется большое напряжение зрения, чтобы сквозь эту густую сеть различить контуры основного построения. Для более или менее полного усвоения М. Вебера его нужно читать не в изложении, но в подлиннике. Передача его мыслей поневоле сводится к их интерпретации. И если интерпретатору удалось верно восстановить очертания основных движущих рядов мысли, основных, так сказать, лейтмотивов ее, и вместе с тем пробудить у читателя желание непосредственно прикоснуться к тому богатому источнику осмысленного знания, каким являются труды Вебера, то он может считать свою задачу исполненной.

Небольшой по объему (90 стр. большого формата убористой печати), но большой по обилию сконцентрированного научного материала, очерк Макса Вебера первоначально (в «Archiv für Sozialwissenschaft und Statistik») распадался на четыре главы. В «Wirtschaft und Gesellschaft» тот же материал, без всяких изменений, разделен на пять глав; первая посвящена понятию и категориям города, вторая — городу Запада, третья — трактует о родовом городе средних веков и античности, четвертая — о плебейском городе и, наконец, пятая — об античной и средневековой демократии.

М. Вебер приступает к своему исследованию с установления понятия города. Что такое город? Ответ на этот вопрос зависит от того, под каким углом зрения будем рассматривать это понятие. В *обычном представлении* с понятием город связывается прежде всего признак *количественный:* это большое селение. С *социологической* точки зрения, это означает следующее: город представляет собой настолько обширное и густо заселенное место, что возможность взаимного знакомства жителей между собой в значительной степени исключается. Но этот признак далеко не всегда был решающим для того типа селений, которые в прошлом носили *правовой* характер города. А, с другой стороны, имеются огромные по своим размерам деревни.

Если подойти к городу с *экономической* точки зрения, то характерной для него окажется следующая черта: местное население города удовлетворяет большую часть своих повседневных потребностей путем покупки-продажи на местном рынке и при том в значительной степени предметами, произведенным иили приобретенными с целью сбыта им же самим или населением ближайшей округи. В этом смысле всякий город сводится к рыночному поселению. Город,—в экономическом смысле, представляет две основных разновидности: во первых, *город-производитель*, покупательная способность и налогоплатежная сила которого покоятся на местных предприятиях промышленного и торгового характера (Produzentenstadt), и, во-вторых, *город-потребитель*, население которого черпает средства из внегородских источников дохода (Konsumentenstadt). К последней категории относятся города, населенные преимущественно бюрократией, помещиками (пример — Москва дореформенного периода!) или же членами политическо-господствующего класса, потребляющими в городе земельную ренту, получаемую ими с поместий, и другие доходы, связанные с их политическим положением. Но действительность — ни настоящая, ни прошедшая — не дает в чистом виде только что охарактеризованные типы. Все существующие и существовавшие города представляют собой переходные ступени, смешение черт разных типов в самых различных комбинациях.

От города в экономическом смысле следует отличать город *в административно-политическом* значении. Наиболее характерной чертой этого последнего понятия является признак, совершенно ускользающий от экономического анализа и сводящийся к наличию крепости (бурга). Город-крепость встречался и в древности, и в средние века, и в Европе, и вне Европы. Но признак этот не носит характера повсеместности. Ни города Японии, ни древняя Спарта не знали крепости. А с другой стороны, город был не единственной крепостью, которую знала история: известны случаи существования деревень, обнесенных укреплениями, как, напр., в славянских областях Эльбы.

Но, помимо социологической, экономической, административно-политической точек зрения, существует еще один аспект, под углом которого возможно рассмотрение города — аспект самостоятельности города, взятого, как нечто целое, как по отношению к отдельным жителям его,

так и по отношению к стоящим вне его политическим силам. В этом смысле мы, кратко выражаясь, ищем *города-общины*. Только поселения с относительно сильно выраженным торгово-промышленным характером, имеющие рынок и к тому же обладающие крепостью, могут стать общинами. Для этого последнего необходимо наличие следующих признаков: 1) собственного суда и, хотя бы отчасти, собственного права; 2) характер корпоративности (Verbandscharakter) и связанной с ним, хотя бы частичной, автономии и автокефалии, т.-е. управления города властями, в назначении которых горожане принимают участие. Такие права в прошлом обычно облекались в форму *сословных привилегий*. Носителями их выступало обособленно *сословие* горожан — характернейшая черта города в политическом смысле. Как массовое явление город-община известен лишь Западу, но необходимо упомянуть, что и не все города средневекового Запада обладали *в полном объеме* всеми указанными признаками. Передняя Азия знала город-общину лишь в зачаточном состоянии,—остальной же Восток, за весьма немногими исключениями, совершенно его не знал.

Итак, город продефилировал перед нами под разными видами. Но что такое в конце концов город? Так как не *все* города обладали *всеми* указанными признаками, то возникает вопрос: какой же именно из этих последних является неотъемлемой принадлежностью города и какие случайны? Напрасно мы стали бы ожидать от М. Вебера отделения общих черт, свойственных всем городам, от их случайных особенностей, т.-е. производства той логической операции, к которой сводится сущность образования всякого понятия. Он спокойно оставляет читателя перед развернутой им кинематографической лентой города под разными аспектами, очевидно, считая этим самым свою задачу выполненной. Но если внимательно вглядеться в ткань Веберовского рисунка, то можно найти едва заметно подчеркнутой экономическую характеристику города. Говоря о том, что не всякий город был крепостью и не всякая крепость городом, он под словом «город» подразумевает, повидимому, селение соответствующего экономического типа. Этот последний и есть *собственно* «город», город par excellence, каковым понятием Вебер преимущественно оперирует в дальнейшем изложении. Но вместе с тем огромное значение как при объяснении генезиса городского строя, так и при истолковании дальнейшей истории городских институтов придается сочетанию черт двух типов — экономического и административно-политического. «Наряду с гарантированным королем или сеньором миром рынка... стоит военный мир бурга. Бург, находящийся под охраной мира, и военно-политический рынок города, т.-е. место военных упражнений, военных собраний, а также... общегражданских собраний, с одной стороны, и охраняемый миром экономический рынок города, с другой стороны, часто расположены рядом, являя этим пластический образ дуализма», читаем мы на 521-й странице.

От города вообще переходим к городу Запада. Каким образом сложились его специфические особенности? Другими словами, в силу каких

условий город Востока не смог создать особого городского права и исключительной подсудности горожан городскому суду, не смог выдвинуть понятия городской общины, как корпорации, обладающей известной автономией, и понятия горожан, как особого сословия? Основной причиной, помешавшей городу Востока превратиться в общину, явилась господствовавшая там родовая и кастовая организация общества. Повсюду, где развилась городская община, ближайшей ее основой послужило заключение гражданами братского союза, покоящегося на взаимной клятве (eine Schwurverbrüderung). Это явление одинаково обще античной Греции и средневековой Германии. Даже внешние символы, порожденные им, как-то: городской святой в средние века, городской бог и общегородская пританея, как символ застольного единения в античном полисе,—одинаковы в обоих случаях. Но возможен ли был такого рода братский союз в общественной среде, распадающейся на ряд замкнутых организмов, каждый из которых объединен был извнутри и отгорожен извне принципом сакральной исключительности? Возможен ли он был там, где родовая группа всевластно господствовала над индивидуумом как в правовом, так и — благодаря тотемизму и культу предков — в религиозном отношении? Мыслимо ли было слияние во братстве, приводившее в конечном счете к правовому равенству всех граждан там, где каста являлась всемогущей организацией, предписывающей своим членам специфический образ жизни, и где ритуальная исключительность доходила до того, что одного взгляда, брошенного на пищу членом другой кастовой ячейки, было достаточно для осквернения ее? Правда, М. Вебер признает, что в сущности *одни только касты* составляли абсолютное препятствие для возникновения городской общины. Что касается родового строя, то под влиянием ряда разнообразных причин он с течением времени постепенно разрушался и, следовательно, переставал мешать развитию корпоративной самостоятельности города. Зато в тех областях, где распространена была родовая организация общества — в Передней Азии, Египте и частью в Китае,— влияние ее на эволюцию города усиливалось еще одним привходящим фактором, действовавшим в одинаковом с нею направлении. Сущность этого последнего сводится к военной организации государства. Необходимость регулировать речное сообщение и орошение страны повела в Передней Азии, Египте и частью Китае к образованию сильной бюрократии, вначале исполнявшей одни лишь строительные функции, но впоследствии завладевшей всем аппаратом государственного управления, не исключая и армии. Основой военной власти стала армия, снабжавшаяся продовольствием и амуницей из центральных правительственных магазинов. Результатом такого стечения условий явилась полная беззащитность населения. Иначе протекало развитие на Западе. Здесь сохранился принцип *самоснаряжения* войска, было ли то крестьянское ополчение, рыцарское войско или городская милиция. Это влекло за собой значительную самостоятельность каждого отдельного воина и в конечном счете делало высшего представителя государственного союза зависимым от армии. На Востоке армия являлась слепым орудием в руках государя. На Западе

вполне возможно было возникновение союзов и объединений, направленных против него. Подобного рода соединения образовывались каждый раз, когда государь обращался к населению с требованиями экономического характера, в особенности денежного свойства. «Этим объясняется происхождение сословий на Западе и только там. Этим же объясняется происхождение автономной, корпоративно построенной городской общины... Все союзы Запада, начиная с древнейших моментов античной истории, были союзами городских классов, *способных* к ношению оружия. Это и являлось решающим обстоятельством» (стр. 543). Таким образом история городской общины оказывается теснейшим образом сплетенной со всеми остальными сторонами общественной эволюции Запада. Вместе с тем выплывает та положительная причина, вернее, одна из тех положительных причин, которые породили специфические особенности городского развития Запада. Мы видели, какое именно стечение факторов *помешало* городу Востока превратиться в общину: то были родовая, кастовая и военно-административная организация общества. Теперь мы узнаем, *что* толкало город Запада на этот путь: толкали экономические интересы. Прежде всего *экономическая самооборона против притязаний центральной власти*. Но не только она одна, на-ряду с этим моментом и в одинаковом с ним направлении действовало и естественное *стремление горожан монополизировать в своих руках все экономические возможности, даваемые городом, а также и ряд других тенденций с их стороны, как-то: стремление организовать правосудие на началах, соответствующих их экономическим интересам, оградить себя от произвола городского сеньора и создать такого рода военную организацию, которая давала бы возможность расширения политического и экономического могущества коммуны*. Резюмируя, можно сказать: городская община родилась из стремления горожан создать оборонительно-наступательный союз, предназначенный преимущественно для защиты экономических интересов.

Предыдущее изложение привело нас к определенной и ясной антитезе города-общины и города-необщины. Теперь мы сгруппируем ряд ограничений, исключений и смягчений, признаваемых самим М. Вебером, которые лишают указанное противопоставление характера абсолютной непреложности и вносят в него всю живучую текучесть, изменчивость и расплывчатость конкретного исторического процесса. Античный полис, как и средневековый город, представляют собой тип единения, основанного на взаимной присяге. Однако между ними есть различия и при том настолько существенные, что благодаря им полис древности до некоторой степени сближается с городом Востока, становясь как бы переходной ступенью между Западом и Востоком. В городах средневековья клятвенный союз заключали между собой отдельные граждане или отдельные отцы семейств. В античных городах объединение происходило между целыми союзами, «частью,—говорит М. Вебер,—родовыми, частью (имеется в виду фратрия) первоначально военного характера». В противоположность типичному Востоку, античный полис не знает больше полной обособленности родов; между ними проложен

мост; однако основным слагаемым городской conjuratio остается все-таки род. В сущности прочность родовых связей уже сильно подорвана в античной Греции благодаря переселениям, пиратским набегам и основанию колоний. Тем не менее схема основания полиса, как объединения родовых союзов, упорно сохраняется, *хотя бы она покоилась на чистейшей фикции*. По этому образцу протекал каждый эллинский и римский синойкизм; принадлежность к роду была необходимым условием для участия гражданина в культе и исполнения им функций, требовавших сношения с богами.—Тот же принцип конфедерации родов лежал и в основе некоторых южно-европейских приморских городов. Характерным примером может служить Сиенна. Но ритуальная исключительность рода, значительно ослабленная в античное время, окончательно исчезает в средневековых городах. То, чему положило начало переселение народов, завершено было христианством; это последнее обесценило всякое религиозное значение родовых уз, атомизировало общество и, благодаря этому, сыграло значительную роль в истории средневековой городской коммуны.

Подведем итоги. Город — этот до известной степени социологический хамелеон, эта совокупность меняющихся признаков, в которой, однако, неизменно присутствуют характерные экономические моменты и очень часто имеются на-лицо не менее характерные административно-политические особенности, — этот город, в силу самих основ своего преимущественно экономического, но также и всякого иного бытия, неизменно тяготеет к превращению в «общину». Но такого рода эволюция может быть нарушена привходящими факторами — частью религиозно-родового, частью военно-политического характера. Там, где произошло подобного рода вмешательство пертурбирующих причин, город не становится общиной. Но действительность далека от беспримесной чистоты логических построений. Благодаря разнородному сцеплению перекрещивающихся условий, города исторического прошлого в большинстве случаев представляли собой не логически-чистые, а смешанные разновидности городского строя.

В первых двух главах очерчен общий фон исследования «Город». В дальнейшем фактическая основа работы суживается, и все внимание автора сосредоточивается на городе Запада. Анализируя город средневековья, Макс Вебер строит несколько типов развития,—итальянский, английский, континентальный,—считая, однако, возможным говорить в то же самое время и о средневековом городе вообще, как о чем-то едином. Содержание последних трех глав «Города» сводится к параллели между средневековой и античной общинами, при чем вначале устанавливаются черты аналогии, а затем — пункты расхождения.

Оба города — средневековый и античный — прошли в своей эволюции две существенно сходных стадии: эпоху господства аристократии и период власти плебса. Первейший толчок к развитию знати — родов (der Geschlechter) — в средние века дан был той же самой причиной, которая вызвала необходимость ограничить обязанности свободной массы

посещением всего лишь трех судебных заседаний в год: широкие слои населения экономически неспособны были уделять много времени ни государственному, ни городскому управлению. В дальнейшем, развитие принимает различные формы и дает качественно различные результаты. Наиболее ярким образцом развития аристократии в средние века являются некоторые южно-европейские приморские города, как, напр., Венеция, представляющая вместе с тем в социально-политическом отношении поразительные черты сходства с античным городом. Основным ядром древнейших патрицианских родов Венеции послужила военная знать позднего Рима. С падением денежного хозяйства и милитаризацией Византии этот общественный класс стал исполнять функции римских курий и дефензоров. В начале VIII века аристократия и клир захватили в свои руки право избрания дожа. Затем наступает реакция. В течение ближайших трех столетий дож все более оттесняет знать на задний план, становясь одновременно почти единоличным правителем. Социальной опорой его власти служит землевладение и торговля. Некоторые отрасли последней (торговля рабами) являются исключительной его монополией. Но воинственная политика города, направленная к расширению торговли и созданию колоний, порождает такие огромные денежные потребности, которые не могут быть удовлетворены одними средствами дожа. Возникает необходимость привлечь капиталы знати. Это обстоятельство является источником нового подъема политического могущества аристократии. Права дожа постепенно ограничиваются, и в конце концов роль его низводится до положения первого между равными (primus inter pares) или, иными словами, чиновника, состоящего на службе у патрициата и строго контролируемого этим последним. Начиная с этого момента, дальнейшее накопление капитала становится почти исключительной монополией аристократии. Все большая часть его—мы имеем в виду как государственный, так и частный капитал и, в рамках последнего, как светский, так и церковный—вкладывается в торговлю, государственные аренды и землевладение. При императоре Алексее Венеция приобретает монополию торговли на Востоке. Этот источник доходов становится основным базисом экономического могущества *всей* венецианской аристократии, что устраняет всякую возможность розни между отдельными патрицианскими родами, столь частой в других городских республиках Италии. Сущность политического режима средневековой Венеции заключается в коллективной тирании *всего* городского патрициата над зависимой от Венеции территорией. Эта цель достигается через особую сеть своеобразно построенных учреждений и путем строжайшего взаимного контроля родов друг над другом.

Эволюция городского патрициата Северной Европы протекала на совершенно другой основе. В этой области типичным примером служит английская городская олигархия. История английского города не знает борьбы бюргерства с королем или городским сеньором. Олигархия укрепилась здесь благодаря содействию королевской власти, заинтересованной в той финансовой и административной поддержке, которую оказывали

ей имущие слои города. Централизация управления в Англии, в связи с отсутствием у центральной власти собственного бюрократического аппарата, обрекала эту последнюю на сотрудничество с привилегированными классами. Но те права, которые приобрел благодаря этому развитию имущий слой городского населения, облеклись здесь не в форму все растущей самостоятельности отдельного города, а в форму создания общенационального сословия горожан. Права этого последнего складываются из отдельных разрозненных привилегий, приобретенных горожанами в пределах сословного, полуфеодального, полупатримониального государства. Английский город проходит следующие основные этапы на пути к самостоятельности: город, как принудительный союз, несущий известные литургические обязанности, возложенные на него королем; город, обладающий очень ограниченной автономией; город, так сказать ,гильдейского периода: гильдия города, которая в юридическом отношении носит частный характер, но тем не менее признана королевскими привилегиями, берет на себя ручательство за правильное выполнение финансовых обязанностей его; наконец, город, добившийся корпоративных прав. Не все, однако, английские города достигли высшей стадии развития. Собственно говоря, коммуной в континентальном смысле слова стал один лишь Лондон; остальные города Англии остановились на какой-либо из предыдущих ступеней. Принципиальное отличие английского города от континентального *в общем очень велико;* Англии осталось совершенно чуждо понятие городской общины, как такой корпорации, принадлежность к которой определяется постоянным жительством на определенной территории. Меж тем этот признак чрезвычайно характерен для континента, особенно в период развития цехов. Права гражданства являлись в Англии наследственным достоянием членов городской корпорации и первоначально приобретались путем денежного взноса.

Континентальный тип городской аристократии отличается как от итальянского, так и от английского. Во многих городах европейского материка, не исключая и искусственно основанных (Neugrundungsstädte), развитие патрициата примыкало к экономическим и сословным различиям, существовавшим в самый момент возникновения городского союза. Но в большей части искусственно основанных городов правящая знать складывается постепенно. Очень большую роль в этом процессе сыграл институт кооптации как средство пополнения городского совета. Благодаря ему политическая власть сосредоточилась в руках ограниченного количества семейств.

Обращаемся к аристократическому полису древности. Уже наиболее ранние исторические известия рисуют его в вполне сложившемся виде. У него совершенно другое прошлое, чем у континентального города средневековой Европы, и совершенно иные внешние условия развития. Средневековый город развивается в рамках сформировавшегося государственного союза; его главные противники, с которыми ему приходится вести ожесточенную борьбу — светские и духовные феодалы. Полис же —

это продукт эволюции городской монархии (Stadtkönigtum); его местоположение—берег моря; его окружение—варварские и крестьянские поселения древности. Комбинированные данные «Города» и «Аграрных отношений древнего мира» (эта последняя работа пополняет некоторые пробелы и умолчания «Города») рисуют генезис античной городской аристократии следующим образом. По велению монарха или в силу взаимного соглашения родов, происходит синойкизация этих последних в пределах укрепленного города (бурга). Первый период городской жизни характеризуется расцветом монархии. Социальной опорой ее служит посредническая торговля, в форме ли непосредственного участия в ней монарха, или в виде извлечения им доходов от контроля над торговыми операциями и от защиты, предоставляемой им купечеству. Но с течением времени роды, находившиеся в ленной зависимости от монарха, эмансипируются из-под его власти, низводят его на положение ежегодно избираемой магистратуры и — в противоположность эволюции раннего европейского средневековья, когда феодальная знать жила разбросанно по своим поместьям—конституируются как самоуправляющаяся городская община, подразделенная на военные единицы. Деление полиса на стереотипное число фил, фратрий и родов характерным образом отражает эту первоначальную сущность города, ибо все это—ячейки, имевшие вначале сакральное и военное значение. Все граждане, составлявшие вооруженную силу полиса, принадлежали к филам и фратриям; но *не все* они пользовались правами активного гражданства, т.-е. правом участия в государственном управлении. Это последнее принадлежало лишь членам аристократических родов. Эти-то—так называемые «Астой»—являются настоящими экономическими и политическими властителями страны. Основная форма их богатства — землевладение, но в то же самое время центр тяжести их экономической деятельности лежит не в деревне, а в городе. «Источником экономического могущества городской знати являлось прямое или косвенное участие ее в торговле и судоходстве. Эти занятия даже в позднее время считались соответствующими ее званию и только в Риме были совершенно запрещены сенаторам. Ради этих доходов здесь (т.-е. в Греции), как и на Востоке, и в средние века стремились поселиться в городе. Накопленные таким образом капиталы отдавались в рост крестьянству, жившему по деревням и лишенному участия в политической власти. Происходит обращение масс в долговое рабство и скопление в руках «Астой» самой лучшей доходной земли в противоположность склонам гор (местопребывание Диакриев), которые, не давая ренты, повсюду заняты были крестьянами» (стр. 556). Таким образом землевладельческие рессурсы городской знати в значительной степени покоились на городских источниках дохода.

Итак, правящая городская знать, сосредоточивающая в своих руках как денежные капиталы, так и крупнейшее землевладение, с одной стороны, и политически бесправная и вместе с тем экономически-порабощаемая масса сельского населения, с другой стороны - -таков основной социальный фон аристократического полиса древности.

Перед нами прошло четыре разных типа городского патрициата. Социальное происхождение этого класса в каждом из обрисованных случаев различно. В Италии и древней Греции в него вливается сильный поток военной и феодальной знати. Более или менее значительную примесь этого элемента в составе городской аристократии можно констатировать в некоторых германских (главным образом южно-германских) городах. Зато в позднее основанных городах Германии, как и вообще на Востоке и Севере, патрициат и купечество часто составляют нечто единое, особенно на ранних стадиях городской истории. Не менее различно и социально-политическое значение городской аристократии, достигнутое ею в конечном итоге эволюции. Между венецианским патрицием, одним из немногих властителей обширной державы, и каким-нибудь членом городской олигархии Англии, все преимущества которого перед другими обитателями города исчерпываются ограниченным количеством судебных и финансовых привилегий, октроированных короной — разница в этом смысле громадная. И тем не менее все разновидности патрициата обладают некоторой общей, сближающей их чертой. Кем бы ни был городской патриций по первоначальному своему происхождению и отмежеванной ему социальной роли, он всегда и неизменно тяготеет к превращению в рантье. Ни античный эвпатрид, ни средневековый патриций не были купцами в современном смысле слова. Они снабжали торговлю и судоходство капиталами, были коммендаторами и коммендатистами в торгово-морских предприятиях и участвовали в прибылях и убытках от этих последних; в некоторых случаях они давали основное направление всему делу. Но работа, связанная с осуществлением торговых начинаний, самые хлопоты и ведение дела лежали не на них, а на другом классе. Безделие стало отличительной чертой городской аристократии, часто вменяемой ей в обязанность общественным мнением. «Ehrsame Müssiggänger»—почтенные бездельники—так квалифицируют этих банкиров и рантье некоторые нижнерейнские статуты. При этом «осуждалась не сама жажда наживы, как психологический мотив,—говорит М. Вебер,— осуждался систематический труд ради заработка» (стр. 560). Не надо, конечно, забывать, что между патрицием и собственно предпринимателем возможны были различные переходные ступени. Такого рода промежуточные образования встречаются особенно часто в период господства цехов, когда, с одной стороны, члены старых аристократических фамилий, желая сохранить руководящую роль в политической жизни города, записываются в цехи, с другой же стороны, из среды самих цехов поднимается новая аристократия, постепенно отстающая от занятий, связанных с непосредственным трудом. Но эта сложность и текучесть конкретного исторического процесса нисколько не нарушают констатированной выше тенденции к превращению патрициата в класс рантье.

Но наступает момент, когда против правления патрициев поднимают голову общественные слои, стоящие ниже их. И для этой стадии эволюции —если взять средние века—наиболее характерна история итальянских

городов. Экономическое и политическое могущество аристократии выли-лось здесь в особенно яркие формы. Соответственно этому и реакция против владычества знати также получила в Италии особенно колоритное выражение. Типичным примером расцвета городского плебса служит Флоренция. Здесь popolo образует особую политическую общину, постепенно выделившуюся из недр правящей общины. Это, так сказать, особое государство в пределах государства, с собственными чиновниками, особым войском и финансами, владеющее даже своими крепостями. Исходным пунктом политической силы плебейской общины явилось право представителя ее, так называемого капитана, выступать защитником пополянов перед судом, опротестовывать постановления должностных лиц коммуны в интересах плебса и вносит запросы по поводу новых законов. Создается особый плебейский суд, складываются плебейские статуты, имеющие силу на-ряду с обще-коммунальными постановлениями. Право интерцессии «капитана» с течением времени превращается в право контроля плебеев над неплебейской общиной и кассации ее постановлений. Плебс подчиняет себе патрициат. *В экономическом отношении* popolo представляет собой разношерстную массу. В ее состав входят и крупные предприниматели, и купцы, и представители интеллигентного труда (совокупность этих слоев носила название popolo grasso), и мелкие предприниматели, и второ-разрядные купцы — 14 низших цехов (arti minori popolo minuto), и, наконец, ремесленники, еще ниже стоящие на социальной лестнице и не примыкающие даже к 14-ти низшим цехам. Во главе плебейского движения становится popolo grasso, пожинающий первые плоды политических достижений плебса. Лишь постепенно, путем дальнейших восстаний, к власти приобщаются и popolo minuto, и даже, весьма, впрочем, кратковременно, самые низшие разряды трудящихся. При этом возможны самые разнообразные классовые группировки и сочетания, вплоть до объединенного действия неимущих и патрициата против буржуазии, т.-е. против popolo grasso.

Античный мир представляет некоторые аналогии только что охарактеризованному народному движению. Прежде всего Рим. И здесь существовала особая община плебеев, некоторыми чертами напоминающая итальянский popolo. Казначеями ее были эдилы, а выборными старшинами, соответствующими «капитанам», трибуны. Источником власти этих последних явилось завоеванное ими право интерцессии, т.-е. заступничества перед магистратом за плебеев и приостановки действия законов. Благодаря интерцессии трибун не только занял положение кассационной инстанции, но и приобрел права высшей власти города в мирное время. Из этого ядра развились в дальнейшем все политические завоевания плебса, поколебавшие привилегированное положение знати: право провокации (апелляции) против приговоров по уголовным делам, смягчение долговых законов, судопроизводство в базарные дни, право плебса на занятие всех должностей и обязательность постановлений его для всей общины. После этих успехов плебейского движения деление общины на плебеев и патрициев утрачивает всякое практическое значение. Власть

трибуна начинает падать и впоследствии становится атрибутом власти принцепса.

Очень отдаленное и бледное отражение роли капитанов и трибунов М. Вебер усматривает в той функции спартанских эфоров, в силу которой они обязаны были оказывать гражданам защиту от притеснений царя. В остальных греческих полисах движение народной массы против знати не носило такого радикального характера, как в итальянских городах. Восстание плебса не приводило ни к равенству всех граждан в смысле одинакового участия во власти, ни даже к включению всех лично свободных в союз граждан. Так, напр., в Афинах правом голоса в народном собрании в начальный период демократии пользовались лишь те, кто имел возможность самовооружения для службы в рядах гоплитского войска. Масса малоимущих приобщилась к власти лишь в IV веке, в конечной стадии существования демократии, после того, как военное значение армии гоплитов совершенно утратилось.

Однако при ближайшем, более глубоком, анализе только что отмеченные аналогии между античной и средневековой демократией оказываются очень поверхностными. Социальное содержание и внутренний смысл этой фазы развития существенно различны в обоих случаях. «Количество административно-технических форм, которыми город располагает для регулировки сословных компромиссов, ограничено, и одинаковость административно-политических форм не должна поэтому истолковываться, как одинаковая надстройка над одинаковым экономическим основанием,—наоборот, они (т.-е. формы) повинуются собственной закономерности».

Средневековый город, как самоуправляющееся целое, отличается рядом особенностей, которые, однако, не все в одинаковой мере присущи ему. Резюмируя эти характерные черты, М. Вебер сводит их к 6 основным категориям: 1) политическая самостоятельность, 2) автономное правотворчество, 3) автокефалия, т.-е. исключительная подсудность горожан собственным судебным и административным учреждениям, 4) право податного обложения и свобода горожан от негородских налогов, 5) рыночное право, автономная, промышленная и торговая полиция и всякого рода монополистические запреты (monopolistische Banngewalten) и 6) определенное отношение к негородским слоям населения. Но политическою самостоятельностью обладали весьма немногие города средневековья. Автономное правотворчество, автокефалия и право налогового обложения свойственны всем городским общинам средних веков, но далеко не в одинаковом объеме. *Зато черты, указанные на пятом месте, составляют неотъемлемый признак каждого средневекового города*, вернее, каждого континентального города средневековья, так как экономическая жизнь приморских городов строилась на иных основаниях, приближавших их к античному полису. Рынок имеется в каждом городе. Полицейский надзор за промышленностью и торговлей находится, смотря по стадии развития, в руках городских властей или цехов. Промышленная полиция следит за качеством товаров и контролирует цены, частью

в интересах доброго имени ремесла, составляющего необходимую предпосылку успешного экспорта, частью в нуждах городских потребителей. Характерна, далее, для этого города тенденция дать возможность самостоятельного существования возможно более широким слоям мелкого бюргерства. Из этого стремления вытекает целый ряд специфических мероприятий, как-то: ограничение количества учеников, подмастерьев, а в более позднее время, по мере иссякания источников заработка,— и мастеров; монополизация ремесла, поскольку речь идет о самостоятельных мастерах, в руках местного населения, преимущественно сыновей старых мастеров; контроль над ссудными операциями; ограничение количества приобретаемого сырья, организация самой покупки его и сбыт готовых продуктов; борьба с «мануфактурой» и другими формами крупных предприятий, широко говоря, со всеми проявлениями капиталистической зависимости. С другой стороны, ведется борьба с промышленной конкуренцией сельскохозяйственной округи, примыкающей к городу, в виде подавления сельского ремесла. Вместе с тем население этой округи принуждается покрывать весь спрос в произведениях промышленности на городском рынке и там же сбывать продукты сельско-хозяйственного производства. Совершенно очевидно, что это последнее мероприятие, помимо интересов покупателей сырья, т.-е. производителей, продиктовано еще нуждами городских потребителей. Интересами же производства и торговли обусловлено стремление города сосредоточить в своих руках монополию перепродажи товаров и завоевать привилегированное положение во внешней торговле. Основными предпосылками только что изображенной экономической политики являются: во-первых, теснейшая хозяйственная связь города с принадлежащей к нему сельско-хозяйственной округой и постоянный обмен продуктами между ними, как регулярное явление, и, во-вторых, господство ремесла, как главнейшего базиса производства. Этот сложный комплекс политико-экономических явлений, глубоко уходящий корнями как в сферу производства, так и в сферу потребления и придающий городской жизни средневековья исключительно своеобразную, неповторяемую окраску, получает свое крайнее выражение в эпоху господства цехов. Можно сказать, что в своем кульминационном проявлении «экономическая политика» средневекового города есть не что иное, как внешнее отражение глубочайших социальных устремлений политически властвующего цеха.

В таком специфическом виде она совершенно чужда античной городской демократии. Последняя знает, на-ряду с нуждами потребителей, почти одни лишь интересы торговых слоев населения. И в античном мире принимались меры, направленные к облегчению вывоза, но при этом речь шла в большинстве случаев *не* о вывозе предметов производства. *Политика античного города никогда не направлялась нуждами этого последнего.* В начальных стадиях развития ею руководили стремления городского патрициата, затем — потребности сельских слоев населения, или, что то же, тех, кто пополнял ряды гоплитского войска, и, наконец, интересы денежного капитала, рабовладельцев и мелко-буржуазных слоев города, вращающиеся так или иначе вокруг государственных нужд

и добычи. Вся хозяйственная жизнь полиса имела совершенно иной уклон, чем экономика средневекового города. Жизненным нервом античного мира была политика. Ею направлялся не только античный капитализм, базировавшийся на государственных поставках, государственных постройках, государственном кредите, империализме, военной добыче, принудительных взносах с покоренных областей и торговле с ними. И античная демократия в такой же точной мере получала основное направление от политики. «Поскольку крестьянство составляло ядро гоплитского войска, оно заинтересовано было в завоевании земель для колонизационных целей. Что касается мелко-буржуазных слоев городского населения, то их интересы заключались в получении прямых или косвенных доходов от зависимых общин, в государственных постройках, театральных деньгах... в хлебных и всякого рода иных раздачах...» (стр. 587). Более того: *самый носитель городской демократии средних веков — цех как профессиональное объединение свободных граждан, являвшееся конститутивной ячейкой городского управления, совершенно неизвестен был античной демократии в период ее расцвета.*

Союзы, напоминающие некоторыми чертами средневековые цехи, встречаются на ранних стадиях античной истории и в эпоху перехода к средним векам. Но они абсолютно чужды классическому периоду. Это явление имеет глубокое основание в своеобразных особенностях античной экономики. Рабский труд играл в ней настолько преобладающую роль, что всякое объединение людей одинаковой профессии неизбежно должно было включать в себе большое количество рабов. К тому же античный город в силу ряда сложных причины, которых мы не будем здесь касаться, совершенно не знал перехода несвободных масс в свободное состояние (Stadtluft macht frei!), столь характерного для средневекового города [1]). Отсюда ясно, что профессиональные союзы, если бы они даже возникли, заранее обречены были на отказ от какой бы то ни было политической роли в силу того, что основной контингент их вербовался из несвободных элементов. Это обстоятельство должно было, конечно, чрезвычайно неблагоприятно отразиться и на осуществлении их экономических заданий, т.-е., другими словами, — должно было тормозить самое их развитие. *Основным элементом античной демократии, на котором она зиждилась, был не цех, а чисто территориальное деление — дема.* В средневековых городах торжество демократии *всегда* означало политический рост и укрепление чисто городского класса, кровным образом заинтересованного в развитии торговли и промышленности. В античном полисе переход к демократии сопровождался делением городской области на демы и трибы, заменявшие собой старые родовые союзы — филы и фратрии — или, по крайней мере, становившиеся рядом с этими последними. Это обстоятельство практически приводило к двоякого рода последствиям: к падению политического значения живущей в городе аристократии,

[1]) М. Вебер подробно останавливается на обрисовке этих условий в «Аграрных отношениях древнего мира», к которым мы отсылаем читателя.

владения которой были рассеяны по *разным* демам и, как дальнейший результат, к политическому подъему масс, населявших сельские области и их господству над городом. Таким образом носителем демократии в средние века являлся промышленный класс, в древности же, в классическую эпоху — крестьянство [1]).

Какого рода причины обусловили различный характер очерченных двух типов демократии? На одну из них мы уже указали мимоходом, говоря о своеобразии экономической структуры античного мира [2]). Сам М. Вебер, подводя итоги, скорее склонен подчеркивать значение двух других источников несходства: с одной стороны, географических условий (континентальный город и приморский город), с другой — условий военных, вернее, военно-политического окружения. Античный город, выросший у Средиземного моря, не сталкивался при своем возникновении ни с какой сколько-нибудь значительной военно-политической силой; сам же он был носителем высоко-развитой военной техники. Наоборот, промышленные города континентальной Европы (в особенности Северной Европы) сами не обладали военной силой, но зато развивались в пределах государств, успевших создать собственную административную и военную организацию. С первых же шагов эволюции они окружены были военным вассалитетом, располагавшим укрепленными замками. Большинство их возникло на севере на основе концессии, пожалованной городу каким-либо крупным феодалом, который заинтересован был в получении с него определенных доходов. С городской автономией он мирился постольку, поскольку лишен был бюрократического аппарата, необходимого для управления города. Дальнейшими же успехами в борьбе за самостоятельность город обязан был столкновениям центральной власти с светскими и духовными феодалами; эти конфликты вынуждали спорящие стороны попеременно опираться на города и заключать с ними союзы. В одном из своих конечных резюме М. Вебер находит возможным сказать, что в то время как победа средневекового popolo покоилась на экономических началах, торжество античной демократии обусловлено было изменениями военной техники: «Борьбу с аристократией вынесло на своих плечах самоснаряжающееся дисциплинированное войско гоплитов, устранившее знать сперва, как военную силу, а затем и политически» (стр. 590).

(Окончание следует.)

---

[1]) М. Вебер признает, что территориальное значение демы, как конститутивной ячейки полиса, сохранилось лишь в Риме. В Афинах дема с течением времени приобрела характер персонального союза граждан, живущих в городе.

[2]) На античной экономике М. Вебер подробно останавливается в «Аграрных отношениях древнего мира», где он развивает теорию античного капитализма.

НЕКРАСОВ И ПИСАРЕВ.

Е. Казанович.

1.

К тому времени, когда закрыт был «Современник» и Некрасов начал обдумывать сначала литературный сборник, а затем и журнал для продолжения своей оборвавшейся деятельности редактора и издателя, — Писарев представлял собою вполне сложившуюся фигуру в литературе. В «Русском Слове», отличительными чертами своими в ряду других журналов обязанном именно его сотрудничеству, Писарев по праву занимал первое место, а после смерти Добролюбова к нему перешла и вообще первенствующая роль среди русских критиков-публицистов 60-х годов. Яркость и молодая увлекательность его таланта только упрочили за ним и это место, и эту роль.

С прекращением «Русского Слова» Писарев остался не у дел. Не было ни одного журнала, за исключением «Современника», в котором он, не поступаясь своими убеждениями, мог бы начать работу; но «Современник» уже не существовал. Впрочем, если бы он и продолжал издаваться, вряд ли Писарев, при настоящем составе его редакции, мог принять в нем участие: Антонович и Жуковский, завладевшие после Добролюбова отделом литературной критики «Современника», относились весьма недоброжелательно к представителям «Русского Слова», особенно к Писареву, и если бы по настоянию Некрасова и других членов редакции Писарев и был привлечен к сотрудничеству уже тогда, — он не нашел бы себе в «Современнике» ни настоящего дела, ни настоящего положения.

Правда, оставался еще один орган, в котором деятельность Писарева могла найти себе применение и, казалось бы, самый естественный и никем не оспоримый: после прекращения «Русского Слова» главные сотрудники этого журнала вновь соединились в благосветловском «Деле», пытавшемся продолжать традиции закрытого журнала; на первых порах и Писарев был с ним. Но уже весною 1867 г., именно в конце мая, Писарев разошелся с Благосветловым «не из принципов и даже не из-за

денег, а просто из-за личных неудовольствий с Григорием Евлампиевичем», как сам он писал об этом Н. В. Шелгунову [1]).

Ближайшим поводом к таким «личным неудовольствиям» послужило то обстоятельство, что в объявлении имен сотрудников будущего журнала («Дела») Благосветлов поместил, на-ряду с именем Писарева и других участников «Р. Слова», имя М. А. Маркович (Марко-Вовчка), не переговорив с ней предварительно об этом. Писательница обиделась; Писарев на правах родственника вступился, потребовав, чтобы Благосветлов извинился перед нею за свою невежливость; Благосветлов отказался, и, нервно-возбужденный предшествовавшими событиями своей жизни, Писарев не задумался порвать всякую связь с журналом и его издателем. Повод, как видим, был ничтожный: с чисто внешней стороны Благосветлов поступил, конечно, невежливо, но по существу в его поступке не заключалось бы ничего оскорбительного для Маркович, так как она неоднократно печаталась в «Р. Слове», а «Дело», как ей должно было быть известно, являлось только продолжением «Р. Слова». Но более глубокие причины, по которым Писарев принял так близко к сердцу весь инцидент, были, мне кажется, другие. При всей своей житейской неопытности и наивности в делах, при всей скромности в оценке своих личных заслуг перед журналом Благосветлова (вспомним только, как нищенски оплачивал Благосветлов его труд), Писарев не мог не сознавать своего значения в журнале и, естественно, мог желать известного внимания к себе со стороны Благосветлова. В свое время он им и пользовался. Скупой на деньги, издатель был щедрее на доступные ему любезности по адресу Писарева, которым тогда очень дорожил. Но когда возвращенный из заключения Писарев возобновил работу на свободе, — организм его был так утомлен и расшатан, что работа не ладилась попрежнему:«... я все это время, уже около полугода, чувствую себя неспособным работать так, как работалось прежде в запертой клетке», писал он Тургеневу 18/30 мая 1867 г. «Вся моя нервная система потрясена переходом к свободе, и я до сих пор не могу оправиться от этого потрясения» [2]). Следствием такой плохой работоспособности его было в его сношениях с Благосветловым то обстоятельство, что Благосветлов перестал дорожить Писаревым и, вероятно, показывал ему это в разных случаях со свойственной ему грубостью. Кроме того, он знал очень хорошо, что Писареву, кроме «Дела», нигде не найти себе постоянного сотрудничества. При прежних обстоятельствах Благосветлов, может быть, и отнесся бы иначе к М. А. Маркович, собираясь поставить ее имя в объявлении, и наверное не отказался бы извиниться перед нею по высказанному Писаревым желанию, зная, как близко принимал Писарев это дело к сердцу; не отказался же он прежде пригласить в любезном письме Р. А. Кореневу-Гарднер к работе в «Р. Слове», когда ему было известно, что Писарев дорожит ее пребыванием

[1]) 15 июня 1867 г. См. Соч. *Шелгунова*, изд. 2-ое, СПБ. 1895, т. 2 «Из прошлого и настоящего», стр. 686.

[2]) Альманах Пушк. Дома: «*Радуга*», Пб. 1922, стр. 217.

в Петербурге. Но теперь козыри были в его руках: он считал Писарева, с одной стороны — всецело от него зависящим, с другой—человеком конченным и перестал с ним церемониться. «Великая потеря, если бы Писарев сделался прежним Писаревым,—писал он Шелгунову после смерти Писарева (10 июля 1868 г.),—но если нет—то слава богу. *Он умер уже давно как умственный деятель* (курсив наш), т.-е. умер в конце прошлого года» [1]). В этих последних словах как будто заключается намек на переход Писарева в «Отеч. Зап.»; но иначе Благосветлов и не мог писать к Шелгунову, искренно дружеские чувства которого к Писареву ему были известны; во всей же цитате целиком сквозит ничем не прикрытое раздражение на то, что Писарев не оправдал его расчетов и нашел себе место в другом органе. До какой степени Благосветлов умел, в зависимости от расчета, выставлять наружу или прятать свои личные чувства, видно из того, что после громкой фразы по адресу Писарева в более раннем письме к Шелгунову [2]),—«пошляк я был бы в своих собственных глазах, если бы позволил себе хоть один шаг сделать вперед ради таких отношений», — Благосветлов, прослышав о приглашении Писарева Некрасовым и опасаясь, в силу этого, навсегда потерять Писарева для своего журнала, посылает к нему, хотя и не от своего лица, Н. С. Кутейникова, приятеля М. А. Маркович, для мирных переговоров. Об этом имеется письмо Кутейникова к Писареву от 14 декабря 1867 г. Н. И. Шульгин, бывший уполномоченным Благосветлова в этой истории, говорил Кутейникову даже о возможности со стороны Благосветлова «извинения в первоначальной причине размолвки», о «выгоде» для Писарева «теперь работать в „Деле“ и т. п., а сам Благосветлов даже отправил к Маркович в начале декабря какое-то, не дошедшее до нас, «очень странное», по ее выражению, письмо.

В этот период времени Писареву, чтобы остаться верным себе и не очутиться без всяких средств к существованию, представлялся один исход, а именно—приняться за переводы самому или редактировать переводившиеся другими лицами иностранные сочинения по естествознанию, истории и иным интересовавшим читателя того времени наукам, имевшим в 60-е годы большое распространение. Ни мало не задумываясь над тем, насколько это могло соответствовать его достоинству крупного литератора, Писарев со своей обычной энергией и трудолюбием принялся за одно и за другое. В письме к матери от 14 июня 1867 г. [3]) он сообщает ей, что издатель Ковалевский намерен поручить ему перевод «Истории цивилизации в Германии» Шерра, а в письме к ней же от 16 июля [4]) читаем: «1) я редактирую перевод физиологии Дрепера для Луканина; 2) я редактирую перевод Брэма для Ковалевского; 3) к октябрю я должен приготовить для Некрасовского сборника 15 листов оригинальной работы». К трудам вышеуказанных родов можно отнести и краткое пре-

[1]) *Шелгунов*, op. cit., стр. 690.

[2]) В июне или в июле 1867 г., дата Шелгуновым не указана, в письме же передается о причине ссоры с Писаревым. *Шелгунов*, op. cit., стр. 687.

[3]) *Соловьев, Е. Д.*, И. Писарев... Изд. 3-е Ф. Павленкова, СПБ. 1899, стр. 143.

[4]) Ibidem.

дисловие Писарева к сочинению Гексли «Уроки элементарной физиологии...» (Пер. с англ. под ред. И. А. Петрова), изданному редакцией «Дела» в 1867 г... Даже и впоследствии, в «Отеч. Записках», Писарев по разным причинам не оставлял простых переводов и пересказов, что видно будет из дальнейшего.

В таком положении находился Писарев, когда начались его личные сношения с Некрасовым.

2.

Первое свидание Писарева с Некрасовым для переговоров о сборнике состоялось в конце июня или в начале июля 1867 г., когда в литературных кругах Петербурга стал уже известен разрыв его с Благосветловым. По приглашению Некрасова, переданному ему книгопродавцем Звонаревым, Писарев поехал к Некрасову. «Прием был, разумеется, самый любезный»,—рассказывает он матери (в письме от 3 июля 1867 г. [1]).— С первого взгляда Некрасов мне ужасно не понравился: мне показалось у него в лице что-то до крайности фальшивое. Но уже минут через пять свидания прелесть очень большого и деятельного ума выступила передо мною на первый план и совершенно изгладила собою первое неприятное впечатление. Было говорено достаточно—и о сборнике, и о предполагаемом журнале, и о литературе, и о современном положении дел. Практический результат свидания получился следующий. Некрасов просил меня написать для Сборника статьи 2—3, всего листов 10, о чем я сам пожелаю. Я решил, что о «Дыме» , потом о романах Андре Лео и еще о Дидеро. Все это Некрасов совершенно одобрил. Я сказал, что мне платили в «Русск. Слове» и в «Деле» по 50 рублей за лист и что меньше этого я взять не могу. На это Некрасов отвечал, что он никогда не решится предложить мне такую плату и что в его сборнике норма будет 75 руб. за лист. Я согласился и на это. Затем я сказал, что в настоящее время я живу переводами и что мне, для того чтобы работать для сборника, надо будет на несколько недель отказаться от переводов. Чтобы существовать во время этих нескольких недель — потребуются деньги, а у меня их нет. Некрасов предложил мне немедленно вперед, сколько потребуется. Я отказался от наличных, но попросил записку, по которой, в случае надобности, могу немедленно получить 200 р. Записка была немедленно написана и лежит у меня в шкатулке».

Ободренный этим свиданием и его результатами, Писарев стал готовиться к работе. Но пыл его скоро был охлажден первым разочарованием, пришедшим к нему со стороны того же Некрасова, который при личной беседе так ободрил его. Отправившись в деревню, прочтя там «Дым» (а может быть, дело было не в чтении, и оно выставлено было только как приличный предлог) и раздумав на свободе о том, что может Писарев сказать об этой повести, — о разных побочных соображениях его при этом

[1]) Ibidem, стр. 143—144.

можно говорить только более или менее удачными догадками — Некрасов извещает Писарева (6 июля 1867 г. из Карабихи), чтобы он не имел «в виду помещения ее (т.-е. статьи о «Дыме») в сборнике», так как, «находя художественную ее часть безусловно прелестною», он думает, что едва ли они сойдутся «во взгляде на другую ее часть—полемическую или, так сказать, политическую. Тронутые в ней вопросы так важны для русского человека,—продолжает Некрасов,—и тронуты они так решительно, что обязываться напечатать статью о «Дыме», не зная, в чем будет заключаться ее содержание, где будет много моих статей и о которой все-таки неизбежно пройдет в публике слух, что я был ее составителем, — представляется для меня делом рискованным» [1]) (в каком отношении? об этом опять - таки можно только гадать). И вместе с тем, не ожидая выяснения содержания будущей статьи Писарева, Некрасов категорически отказывается ее печатать. Писарев подчинился, предложив отложить окончательное решение вопроса до нового свидания и обстоятельного выяснения степени их расхождения во взгляде на этот предмет. Нам неизвестно дальнейшее развитие этого совещания, даже просто—имело ли оно место, но разбор «Дыма» в «Отеч. Записках» явился за подписью не Писарева, хотя он и числился уже сотрудником журнала.

3.

Быть может, здесь не безынтересно будет узнать, как смотрел Писарев на новую повесть Тургенева.

Интересовал этот вопрос и Тургенева, который, после статьи Писарева о Базарове, не мог с ним не считаться, а симпатичное впечатление, произведенное на него Писаревым при личном знакомстве, облегчило ему задачу. В весьма любезном письме к Писареву из Баден-Бадена весною 1867 г. (от 10/22 мая) Тургенев подходит к делу без обиняков: «Я себе на-днях поставил вопрос, — пишет он, — какое впечатление произвел «Дым» на Вас и на Ваш кружок—рассердились ли Вы по поводу сцен у Губарева и эти сцены заслонили ли для Вас смысл всей повести?» и дальше: «я наперед знаю, что не почувствую смущения, если б и Вы отозвались неодобрительно, но приму этот факт к сведению... во всяком случае Ваше мнение — если оно выскажется и мотивируется — будет для меня интересно» [2]).

Надо думать, что Писарев был приятно удивлен и польщен этим обращением к нему популярнейшего писателя, старика в сравнении с ним, и не замедлил ответом. Однако в этом ответе его, вполне вежливом, несмотря на страстность тона и резкость отдельных выражений, нет ни слова фальши, неискренности, желанья ответить любезностью на любезность и польстить в свою очередь. Вот—в выдержках — то, что касается

[1]) *В. Евгеньев.* Две забытые годовщины, — «Бирж. Вед.», 25 ноября 1916 г., № 15945.

[2]) Альманах «Радуга», стр. 212, 213.

в нем «Дыма»: «Сцены у Губарева меня нисколько не огорчают и не раздражают. Есть русская пословица: «дураков в алтаре бьют». Вы действуете по этой пословице, и я с своей стороны ничего не могу возразить против такого образа действий. Я сам глубоко ненавижу всех дураков вообще, и особенно глубоко ненавижу тех дураков, которые прикидываются моими друзьями, единомышленниками и союзниками. Далее, я вижу и понимаю, что сцены у Губарева составляют эпизод, пришитый к повести на живую нитку, вероятно для того, чтобы автор, направивший всю силу своего удара направо, не потерял окончательно равновесия и не очутился в несвойственном ему обществе красных демократов... При всем том «Дым» меня решительно не удовлетворяет. Он представляется мне странным и зловещим комментарием к «Отцам и детям». У меня шевелится вопрос вроде знаменитого вопроса: Каин, где брат твой Авель? Мне хочется спросить у вас: Иван Сергеевич, куда вы девали Базарова? — Вы смотрите на явления русской жизни глазами Литвинова, вы подводите итоги с его точки зрения, вы его делаете центром и героем романа, а ведь Литвинов — это тот самый друг Аркадий Николаевич, которого Базаров безуспешно просил не говорить красиво. Чтобы осмотреться и ориентироваться, вы становитесь на эту низкую и рыхлую муравьиную кочку, между тем как в вашем распоряжении находится настоящая каланча, которую вы же сами открыли и описали. Что же сделалось с этою каланчей? Куда она девалась? Почему ее нет по крайней мере в числе тех предметов, которые вы описываете с высоты муравьиной кочки. Неужели же вы думаете, что первый и последний Базаров действительно умер в 1859 году от пореза пальца? Или неужели же он с 1859 года успел переродиться в Биндасова? Если же он жив и здоров, и остается самим собою, в чем не может быть никакого сомнения, то каким же образом это случилось, что вы его не заметили?.. А если вы его заметили и умышленно устранили его при подведении итогов, то, разумеется, вы сами, de propos délibéré [1]), отняли у этих итогов всякое серьезное значение. Не скрою также от вас, что меня удивила и сильно покоробила в самом конце «Дыма» одна глубоко фальшивая и неожиданно-сладкая рулада. Вы, без сомнения, поймете, о чем я говорю. Это, конечно, мелочь, но я решительно не могу себе объяснить, как это вам удалось написать такую странную фразу» [2]).

Мы не беремся решать, остался доволен Тургенев таким отзывом или нет, но он им не обиделся, оценив его по достоинству; это доказывается быстротой его ответа на письмо Писарева.

Уже 23 мая (4 июня) Тургенев пишет ему снова из Баден-Бадена: «Вы напоминаете мне о Базарове и взываете ко мне: «Каин, где брат твой Авель?» Но вы не сообразили того, что если Базаров и жив — в чем я не сомневаюсь,—то в литературном произведении упоминать об нем нельзя: отнестись к нему с критической точки — не следует, с другой — неудобно,

[1]) Преднамеренно.

[2]) «Радуга», стр. 221—224

да и наконец — ему теперь только можно заявлять себя — на то он Базаров; а пока он себя не заявил, беседовать о нем или его устами — было бы совершенною прихотью—даже фальшиво. «Каланча» эта, стало быть, не годится; ну, а кочку я выбрал — по моему — не такую низкую, как вы полагаете. С высоты Европейской цивилизации можно еще сбозревать всю Россию.—Вы находите, что Потугин (вы, вероятно, хотели его назвать, а не Литвинова) — тот же Аркадий; но тут я не могу не сказать, что ваше критическое чувство вам изменило: между этими двумя типами ничего нет сбщего — у Аркадия нет никаких убеждений, а Потугин умрет закоренелым и заклятым западником — и мои труды пропали даром, если не чувствуется в нем этот глухой и неугасимый огонь.— Быть может, мне одному это лицо дорого; но я радуюсь тому, что оно появилось, что его наповал ругают в самое время этого всеславянского опьянения, которому предаются именно теперь, у нас. Я радуюсь, что мне именно теперь удалось выставить слово: «цивилизация» — на моем знамени, — и пусть в него швыряют грязью со всех сторон. — Si etiam omnes — ego non [1]). А об Литвинове и говорить нечего: он тоже не Аркадий: он дюжинный честный человек — и все тут...

А что до «рулады» в конце — «Вы знаете, что в операх бывают «вставные» фиоритуры, а иные нумера выкидываются: при отдельном издании текст восстановится» [2]).

Ответ Тургенева чрезвычайно интересен в различных отношениях. Прежде всего он показывает, насколько трудно бывает художнику заставить читателя правильно понять себя, хотя бы этот читатель обладал и умом, и художественным чутьем. Возражения Писарева, справедливые сами по себе, не попали в центр тяжести повести, как ее полагал Тургенев, и художественная и идейная задачи, положенные им в основу «Дыма», остались не затронутыми Писаревым. Писарев сосредоточился на Литвинове, как на внешнем герое повести, вокруг которого развивается интрига, между тем как Тургенев желал сосредоточить внимание читателя на Потугине, как на резонере, устами которого он сам думал изъясниться перед русским обществом. Понял ли Писарев свою ошибку и принял ли бы в расчет важный авторский комментарий в своей предполагавшейся статье — мы не знаем: статья не была написана, а переписка, нами приведенная, сбрывается на этом втором письме Тургенева. Но Тургенев принял в расчет одно из побочных замечаний Писарева, именно — о «руладе» и «странной фразе» в конце повести, остроумно объяснил свою фальшивую ноту участием в коллективном музыкальном ensemble'е («опере»), когда необходимо бывает допускать «вставные фиоритуры» — очевидно, ради гармоничной согласованности хора (намек на катковское направление журнала, в котором «Дым» появился впервые [3]) — и пообещал «восстановить» текст при отдельном издании.

---

[1]) Пускай все, но не я.

[2]) «Радуга», стр. 217—220.

[3]) «Русск. Вестник», 1867, III.

Трудно сказать наверное, что подразумевал Писарев под «глубоко фальшивой и неожиданно-сладкой руладой»; если весь эпизод возвращения Литвинова к Татьяне, действительно словно пришитый к повести лишь для торжества добродетели, то он остался не измененным ни в отдельном издании «Дыма» (в 1868 г.), ни в последующих перепечатках его. Но в недоговоренности Писарева и в упоминании им «странной *фразы*» — могло заключаться другое. Очевидно, Тургенев и понял это другое. Он тоже счел осторожнее не ставить точек над i в письменном ответе, ограничившись словами о «вставных фиоритурах», но обещание «восстановить» (может быть, правильнее было бы сказать «изменить») текст в одном, по крайней мере, месте — исполнил. Так, в «Русск. Вестнике» в начале XXVII главы (стр. 153) есть фраза (начало ее — «Новое воспринималось плохо...»): «...и только одно великое *царское* (курсив наш) слово: «свобода», носилось как божий дух над водами»; в издании 1868 г. и последующих слово «царское» — выпущено.

4.

Вернемся теперь к Некрасову.

Мы уже знаем, что он заранее настолько не доверял взглядам Писарева на «Дым», что отказался поставить его статью рядом со своим именем не только в сборнике, но впоследствии и в журнале. Действительно, в первой книжке «Отеч. Записок» за 1868 г. появилась статья Скабичевского о «Дыме», озаглавленная: «Новое время и старые боги».

Обратившись к ее содержанию, увидим следующее.

После вступительных рассуждений о том, в чем заключаются обязанности критика художественных произведений (проверить их «на основании фактов жизни» и, если логические умозаключения художника, лежащие в основе его произведения, не верны, — «раскрыть эту неверность» и показать, «как нужно смотреть на те факты, которые представляются писателю в искаженном виде» (стр. 6) — кстати сказать, мысль, близкая к той, которую неоднократно высказывал и Писарев в своих статьях гораздо раньше), — Скабичевский переходит к разбору самой повести. Взгляд Тургенева на русскую жизнь и мыслящее общество сложился, по словам Скабичевского, еще в период его юношества, когда вся образованность и вся деятельная умственная жизнь России сосредоточивалась в одной дворянской среде; на эту среду привыкли, поэтому, смотреть, как на «альфу и омегу» всего русского, покрывающую собою весь жизненный процесс России. Но под влиянием 40-х годов Тургенев, настолько свыкшийся уже с этим взглядом, что и доныне не может от него отрешиться, все же усвоил себе отрицательное отношение к этой среде. Художественным результатом такого отношения его явился в новой повести, с одной стороны — «ряд пустых и тщеславных филистеров», убивающих время и силы в Баден-Бадене, с другой — типы русских либерал-радикалов, вроде Губарева, Ворошилова, Суханчиковой, российского Гамлета Потугина и либерала Литвинова. Лучшим из всех

является Литвинов; он герой повести, и на его стороне — симпатии и сочувствие Тургенева. На самом же деле Литвинов, если к нему присмотреться, не выдерживает и «самой слабой критики»; он не может быть приравнен не только к тем «доблестным труженикам мысли», которых неоднократно выставляла русская действительность в лице Ломоносова, Новикова, Кулибина, Белинского, Добролюбова и многих других, — но со стороны своей устойчивости, положительности и честности стоит ниже даже таких обыденных тружеников, как учителя, медики, адвокаты, ученые, технологи и прочие. В самой повести выведено лицо, во многом превосходящее Литвинова. Это — Ирина. Несмотря на воспитание, не давшее ей никакой возможности развить свой ум и остальные духовные силы постоянным упражнением в труде и в борьбе во имя каких-нибудь идей (тоже одна из мыслей Писарева о воспитании), — она умна, чутка и, несмотря на пламенность своей любви к Литвинову, сумела разгадать его слабость, «дряблость» и «дрянность». По условиям того же воспитания Ирина не способна сама вырваться из среды, в которой скучает, которую проклинает, но встреться на ее пути другой человек, а не Литвинов, может быть, она и пошла бы за ним, сжегши за собою все корабли. Таким образом и в сравнении с нею Литвинов не выдерживает критики, и, возвышая его над прочими действующими лицами повести, считая его верным отражением жизни прогрессивного русского общества, осуждая на основании его личности, как лучшего представителя общества, все общество— Тургенев, этот ветеран, убеленный почтенными сединами, проделал смешное умственное антраша (стр. 6); талант его, оставаясь во всей своей художественной силе, пошел по совершенно ложной дороге, погрешая не в деталях, но в основе против истины. Главная ошибка Тургенева в том, что он часть принял за целое, отдельную среду — за все общество, и, если вскрыл дрянность и негодность среды, решил — устами Литвинова, — что тем самым обнаружил дрянность и негодность всего общества. Отсюда его заключительный вывод, что все в русской жизни дым, только дым и пар... Если бы такой вывод был сделан Тургеневым при изображении русской жизни 30-х годов, он был бы и верен, и справедлив, но для того исторического момента, который нарисован в «Дыме», — он опоздал ровно на 30 лет. Автор проглядел те новые факты русской жизни 60-х г.г., которые отгораживают ее от прошлого надежной стеной и создают для разностороннего наблюдателя невозможность видеть в ней один дым и пар.

Из этого пересказа можно видеть, что и Скабичевский не польстил Тургеневу и его новому произведению. Основная точка зрения Скабичевского на «Дым», развиваясь в ином направлении, совпадает в общем с Писаревской (не достает лишь восклицания: Каин, где брат твой Авель?) и, следовательно, тоже не затрагивает сути дела. Если добавить к ней сопоставление с «Отцами и детьми» («Каин, где брат твой Авель?») и меткие определения и не менее меткие вспомогательные образы и метафоры Писарева, — большой разницы в существе своих отзывов не будет, тем более что и у Скабичевского встречаются резкости по адресу Тургенева, вроде

«смешного умственного антраша»; зато яркая талантливость Писарева отсутствует.

Теперь перед нами встает вопрос: почему Некрасов, умный и чуткий ценитель талантов, предпочел Скабичевского Писареву? Какими соображениями руководствовался он при этом?

Если бы подобный факт был единичным за время сношений Некрасова с Писаревым, его можно было бы объяснить случайным совпадением неблагоприятных для Писарева обстоятельств в рассматриваемом факте. Так, во-первых, Некрасов мог побояться цензурных репрессий из-за Писарева. Но тут же возникает вопрос: почему не боялся их Благосветлов, находившийся в не лучших условиях, когда основывал «Дело» и продолжал отводить в нем Писареву первое место до ссоры с ним? или—разве не мог Некрасов поместить статью Писарева без подписи или с псевдонимом? Во-вторых, Некрасов не хотел, хотя бы косвенно, задевать Тургенева, с которым мечтал помириться и, может быть, снова втянуть его к сотрудничеству в будущем журнале. Мысль о примирении, вероятно, ни на минуту не покидала его после разрыва с Тургеневым. Такое опасение дальновидного Некрасова могло быть справедливым, и второе из цитированных нами писем Тургенева к Писареву еще не доказывает обратного: действительно, отзыв Писарева о «Дыме» в его письме к Тургеневу носил частный характер, да и по форме, несмотря на всю свою откровенность и кажущуюся резкость, был все же смягчен именно тем, что заключался в частном письме, к автору, им самим вызванном; а кроме того, не предвидел ли и Тургенев того же, когда, дабы смягчить литературный удар Писарева, которого мог ожидать, отправил к нему свое первое любезное и предупредительное письмо, ибо только от Писарева Тургенев ожидал настоящего удара, и только статья Писарева могла быть таким ударом; все остальные, не исключая и статьи Скабичевского, были лишь мелкими уколами. В-третьих, Некрасов мог вовсе не желать предоставить в своем деле руководящий тон новичку; а, вооруженный статьей на столь боевую тему, Писарев, несомненно, получил бы его, даже помимо собственного намерения. Вопрос о разногласии во взглядах Некрасова и Писарева на «Дым» отпадает в силу вышеуказанной априорности отказа Некрасова Писареву и содержания статьи Скабичевского. Наконец, в-четвертых, Некрасов ожидал препятствий со стороны других участников сначала сборника, а затем и журнала. Это могло быть, но тогда для чего было вообще приглашать Писарева и даже на первых порах соглашаться на прием предложенных тем статей?

Все подобные предположения имели бы свою долю значения, если бы, повторяем, случай с «Дымом» был единичным; но случаи эти повторялись, и в силу этого во всем поведении Некрасова относительно Писарева нельзя не видеть сознательного намерения, какой-то особой планомерно-рассчитанной политики, хорошо обдумывающей каждый шаг.

Постараемся вникнуть в нее, имея пока в виду только одну статью о «Дыме».

После смерти Добролюбова и ссылки Чернышевского место их в «Современнике» осталось вакантным, несмотря на то, что в журнале продолжали появляться литературные критики на разные темы. Только один человек мог занять это место—Писарев; только он мог вдохнуть настоящую жизнь в этот отдел журналистики. Благоприятные для Некрасова обстоятельства развязали Писарева с Благосветловым, и явилась возможность привлечь его на свою сторону, вручив ему судьбы русской критической мысли в своем новом журнале. Убеждения Писарева, высказывавшиеся им в «Русск. Слове», не могли коренным сбразом препятствовать этому; они шли, если не по одному руслу, то параллельно с теми, которые окружали имя Некрасова в «Современнике» и вливались в одно общее с ними море русского прогресса. Возбуждать опасения мог лишь тон, которым они высказывались; но и тон перестал бы быть опасным, если бы русла слились: он принял бы иные, желательные для Некрасова, оттенки. Для этого нужно было только перевоспитать, если можно так выразиться, Писарева в желательном направлении, дать ему настоящую школу серьезного журналиста; живой ум и способности молодого критика являлись залогом успеха.

Сам Некрасов никогда не был революционером. Переживая известный ряд красивых эстетических эмоций в процессе творчества, вдохновляясь боевыми мотивами революционной песни, искренно желая облегчения участи своего народа, он в жизни, и оссбенно в тех случаях, где дело близко касалось его лично, был осторожен и осмотрителен, чтобы не сказать больше. Союз Некрасова с Добролюбовым и Чернышевским не был тем прочным союзом, который является результатом одинаковости врожденных склонностей, воспитания, вкусов, эмоций и подсознательных, а не основанных на логических умозаключениях, воззрений. Некрасов подчинился им до известной степени как практический ум и редактор передового журнала, но не слился с ними душою. Гораздо сильнее и интимнее была его связь с людьми сороковых годов, несмотря на то, что формально он в ту пору разошелся с ними. Тургенев, Боткин, Герцен, Анненков, Фет, Григорович, Толстой и др.—вот была его настоящая среда, и к своей оторванности от нее Некрасов относился далеко не безразлично. Но в период «Современника» дело было сделано и помочь ему было нечем. С новым журналом возникали новые возможности, а чтобы дать им развиться, нужна была известная осторожность и такт. Добролюбов и Чернышевский расссорили Некрасова со старыми приятелями; Писарев, если не мог примирить с ними, не должен был мешать примирению, и в своих сношениях с Писаревым Некрасов проявил весь должный такт и осторожность.

Дело свое Некрасов повел очень умело и тонко. Он принял все условия сотрудничества, выставленные Писаревым, и сделать это было не трудно, так скромны они были (вроде решительного: 50 р. за лист и не меньше!), оссбенно если сопоставить их с притязаниями Антоновича и Жуковского. Он обласкал неопытного в житейских отношениях нового сотрудника своего, он обнаружил перед ним всю «прелесть» своего «очень

большого и деятельного ума» и сделал для Писарева приятною самую мысль работать с ним вместе и находиться в деловой связи с ним, и затем осторожно и нечувствительно для чуждого мелочной обидчивости юноши (каким Писарев оставался несмотря на свои 27 лет и собственный недюжинный ум) — отвел неудобное для него обстоятельство их будущей совместной работы, т.-е. отказался печатать почти заказанную, но еще не написанную, правда, статью. Если в таком поведении Некрасова и была некоторая доля коварства, то она, с одной стороны, неизбежна для всякого талантливого редактора, а с другой—не имела, вероятно, за собой дурного намерения обмануть и обидеть Писарева, хотя и должна была быть неприятна последнему. Тут был только деловой расчет делового человека.

И дальше Некрасов поступал таким же точно образом.

Мы видели выше, что, кроме статьи о «Дыме», Писарев, с одобрения Некрасова, взялся представить для сборника статью о Дидро. Заметим здесь, кстати, что известный нам литературный материал, предназначавшийся Некрасовым для сборника, был им использован в «Отеч. Записках». И что же: вместо статьи Писарева о Дидро в январской книжке «Отеч. Записок» за 1868 г. появляется неподписанная статья о Дидро [1]), а работа Писарева, на этот раз начатая и сохранившаяся в довольно большом уже начальном отрывке, остается неоконченной. Наконец, из некрологической заметки о Писареве в августовской книжке журнала того же года (стр. 176) узнаем, что Писарев начинал статью о современной Америке, может быть, тоже не без ведома Некрасова, а напечатаны были статьи анонимного автора о северо-американском сектаторстве [2]). Писареву же предоставлено было: пересказать содержание книги Диксона «Spiritual Wives (Духовные жены)» [3]), разобрать и передать содержание невинных бытовых романов André Léo [4]) и исторических—Эркмана-Шатриана [5]); перевести в сокращенном виде политическую сказку Л. буле «Принц-пудель» [6]), роман Дроза «Золотые годы молодой француженки» [7]); может быть, Писареву принадлежит и перевод рассказа А. Лео «Les deux filles de M. Plichon» [8]), (Две дочери М-ра Плишона), автора, о котором он так сочувственно отозвался при разборе его романов. Единственной оригинальной работой, которую Писареву удалось напечатать в «Отеч. Записках» за короткое время своего сотрудничества в них, была статья «Старое барство» по поводу романа «Война и мир» Л. Толстого; Писарев как бы встрепенулся в ней и собрался взлететь,—но и на нее легла рука

---

[1]) В. Е. Максимов (Евгеньев) полагает, что она принадлежит перу Г. З. Елисеева.

[2]) «Отеч. Зап.» 1868, IV, VI, VII, VIII.

[3]) Ibid., IV, V.

[4]) Ibid., I, II.

[5]) Ibid., VI; статья озаглавлена: «Французский крестьянин в 1789 году».

[6]) Ibid.. II, III, IV.

[7]) Ibid., V, VI. См. *Н. К.* «Некролог Д. И. Писарева», — «О. З.», 1868, VIII, стр. 176.

[8]) «Два женские характера», — ibid., VII.

судьбы в виде, вероятно, руки все того же Некрасова: обещанное Писаревым читателю окончание статьи с обозначенным тут же содержанием его было передано другому лицу еще при жизни Писарева—никому не известной Николаевой... [1]).

Таковы факты. Не будем вдаваться в их оценку, а попытаемся понять и объяснить их психологические предпосылки. Объяснение будет только одно, намеченное нами уже выше. Не благотворительностью же, в самом деле, занимался Некрасов, давая работу Писареву, и не затирать его молодой талант намеревался, эксплоатируя его, как простую рабочую силу. Писарев был нужен Некрасову; он должен был искренно желать использовать его и в интересах журнала, и в интересах русской литературы, и в интересах русской жизни, как они тогда понимались. Но для этого нужно было прежде всего дать Писареву время отдохнуть после недавнего заключения с его последствиями и вернуться к своей прежней работоспособности и бодрой мысли (статьи Писарева, написанные после крепости, действительно обнаруживают некоторое утомление мысли и ослабление творческого напряжения); но главное—дать ему сделаться совсем своим в журнале, как по характеру содержания статей, так и по их тону; нужно было объездить молодого горячего коня—выражаясь вульгарно—по правилам высшей журнальной школы, которой у него не было, дать ему осмотреться в новом для него литературном обществе и понять, чего требует от него вся обстановка солидного журнала, основой которого являются старые ветераны «Современника»: Елисеев, Щедрин, сам Некрасов и их общая литературная программа. Сделать это можно было именно так, как сделал Некрасов: хорошо оплачивая Писарева (в состав редакции «Отеч. Зап.» Писарев не входил), не давать ему, вместе с тем, никакой ответственной работы до поры до времени; а если бы новый, более солидный костюм, в котором должен был явиться Писарев перед новой публикой, оказался ему по плечу,—предоставить ему в дальнейшем уже полную свободу движения, которой располагали Добролюбов, Чернышевский и другие видные сотрудники «Современника». Расчет был правилен, и, если бы Писарев не погиб, он, можно думать, удался бы Некрасову вполне. Писарева заживо, да и после смерти похоронили слишком рано; и Благосветлов, и другие более ранние и позднейшие его друзья и недруги слишком поторопились поставить на нем крест. Психическая вялость Писарева, его физическое утомление по выходе из крепости, слишком понятные в его положении и во всей совокупности его жизненных условий и отношений—включая сюда и непомерно напряженный умственный труд в крепости—не давали серьезных оснований считать его человеком конченным. Ведь Писарев, несмотря на все, что он успел сделать в литературе, был еще слишком молод годами, запас бодрости и жизненной энергии был еще настолько велик в нем, что после более или менее удачного и продолжительного отдыха и успокоения, он мог и должен был вернуться к труду, не уступающему прежнему по

[1]) «Наши бабушки»,—ibid., VI.

качеству; может быть даже превосходящему его со стороны серьезности и зрелости, которые неизбежно явились бы в результате лет и пережитого душевного кризиса. И, конечно, Некрасов, как дальновидец, предвидел это. Значит, ни о каком коварстве Некрасова, ни о какой эксплоатации им Писарева не может быть и речи, хотя такая мысль и напрашивается при беглом знакомстве с перечисленными выше случаями удержания Писарева на вторых и даже третьих ролях журнального действия.

6.

Попробуем проследить теперь некоторые внешние моменты сношений Писарева с Некрасовым и редакцией «Отеч. Записок». Для этого в нашем распоряжении имеется небольшой, но все же не лишенный значения материал, кроме известного уже в печати, а именно — письма Писарева к его родственнице М. А. Маркович от конца ноября и начала декабря 1867 года.

Дело о перемене редакционного состава «Отеч. Записок» до самого объявления в «Голосе» [1]) велось в строгой тайне. Конечно, в литературных кругах Петербурга еще задолго до публикации носились уже слухи об этом событии, но Некрасов старался всеми мерами не давать им распространения. Он предвидел возможность неудачи и со стороны правительства, и со стороны Краевского, а потому не хотел до времени раскрывать своих карт. Когда предварительные переговоры с Краевским, начавшиеся еще до отъезда Некрасова в Карабиху летом 1867 г. и продолжавшиеся путем переписки с ним из деревни [2]) и по возвращении в город закончились удовлетворительно, Некрасов созвал к себе некоторых членов намеченной им будущей редакции «Отеч. Записок». Это как бы первое организационное собрание имело место в конце 1867 г... Присутствовали на нем, кроме Некрасова, Елисеев, Салтыков, Писарев и другие. Ни точной даты собрания, ни имен этих «других» Елисеев, мемуарам которого мы обязаны этими сведениями [3]) — не сообщает [4]). На письме Писарева к Шелгунову, опубликованному Шелгуновым в своих воспоминаниях [5]) и цитируемому ниже, последний тоже не проставил даты, указав только, что оно писано в ноябре 1867 г... Сопоставляя его с теми сведениями, которые сообщаются нами в дальнейшем, можно думать, что письмо относится к первой половине ноября, вряд ли много позже. В нем, между прочим, читаем: «Есть... слухи о том, что затевается новый журнал, в котором будут участвовать некоторые из прежних сотрудников «Современника». Но эти слухи много раз проносились и оказывались

---

[1]) «Голос», суббота 9 декабря 1867 г., № 340.

[2]) Письма Некрасова к Краевскому, и «Ежем. Соч.» 1903, III, стр. 168—179.

[3]) *Н. Михайловский*, «К воспоминаниям М. А. Антоновича о Некрасове»,— «Русск. Бог.», 1903, II, стр. 55—62. То же в «Последних сочинениях» *Н. К. Михайловского*, СПБ. 1905, т. II, стр. 354—362.

[4]) «Русск. Бог.», 1903, II, стр. 59—60.

[5]) *Шелгунов*, op. cit., стр. 688—689.

ложными или, по крайней мере, преждевременными. Как бы то ни было, но до сих пор я не получил никакого приглашения участвовать в этом ожидаемом журнале. И, вероятно, я его не получу. Партия «Современника» меня не любит и несколько раз доказывала печатно, что я очень глуп. Искренно ли было это мнение—не знаю, но во всяком случае сомневаюсь, чтобы Антонович и Жуковский захотели работать со мною в одном журнале». Писарев не кривил душой, говоря, что не получил от Некрасова приглашения и вряд ли получит; пока для Некрасова не выяснился вопрос о сотрудничестве в «Отеч. Записках» Жуковского и Антоновича [1]), т.-е. пока Некрасов не был поставлен Жуковским в необходимость предпочесть ему Елисеева (вопрос о причинах нас здесь не интересует, и мы предлагаем желающим ознакомиться с ними обратиться к воспоминаниям Елисеева [2]); ему, очевидно, не представлялось возможным приглашать Писарева по тем именно причинам, которые называет Писарев. Но с устранением Жуковского препятствий больше не было, так как ни Елисеев, ни Салтыков не только не возражали против него, как сотрудника, но мы даже видим Писарева на одном из организационных собраний будущей редакции «Отеч. Записок». Легко себе представить, насколько долго и томительно, в его обстоятельствах, тянулась для Писарева эта неопределенность положения и неизвестность своей судьбы, от которой зависел, между прочим, и переезд его матери в Петербург для воспитания младшей дочери.

Но вот завеса начала понемногу приподниматься перед Писаревым. В одном из своих писем-дневников к Маркович (от 30 ноября 1867 г., четверг) Писарев сообщает: «Был я у N... я не могу сказать, чтобы это свидание вполне удовлетворило меня. Он еще не считает свое дело совершенно оконченным и предвидит возможность неудачи при сношениях с официальными сферами. Ни об условиях, на которых я буду работать, ни даже о самом сотрудничестве мы не говорили. Повидимому, он считает решенным вопрос, что я буду у него работать, и притом, вероятно, на тех условиях, которые я принял для сборника. Он говорил о моем Дидро, спрашивал, много ли будет листов, осведомлялся о том, имею ли я в виду требования духовной цензуры и попросил эту работу для будущего журнала (!). В заключение мы решили увидаться дня через три, когда дело выяснится». 5 декабря 1867 г. (вторник): «После обеда я отправился к Некр... он в хорошем расположении духа. Все уладилось хорошо. Его, правда, еще не утвердили и, быть может, утвердят еще не скоро, но объявление о преобразовании «Отеч. Зап.» уже составлено и скоро будет напечатано, и первая книжка будущего года будет составлена уже из Некрасовских материалов, хотя на обертке еще будет стоять имя Краевского. Словом, на первое время состоится именно та комбинация, против которой восставал Елисеев, и Ел. покорился, потому что это на первое время. Некр. спрашивал о тебе и очень желал, чтобы ты поскорее кончила Жи-

[1]) Об этом см. у Михайловского, op. cit.

[2]) То же.

вую душу, которая, по всей вероятности, целиком, без деления на части, пойдет в первую книжку. Туда же пойдут стихи Некр. и рассказ Щедрина. А меня подождут пускать, и я с своей стороны совершенно одобряю эту осторожность. Некр. уже не считает нужным делать тайну из этого дела». 6 декабря: «После обеда я начал читать Dictionn. Encycl. (Энциклопедия) Дидро. Я намерен прочитать все семь томов. Это чтение в первый же вечер пробудило во мне несколько мыслей. Я делаю краткие выписки и заметки. Надеюсь, что та часть моей работы, в которой я буду анализировать лексикон, будет полна любопытными и малоизвестными фактами».

В письме от 5 декабря Писарев без особенных подробностей, как о факте, Маркович известном, упоминает о комбинации, «против которой восставал Елисеев», т.-е. о комбинации сотрудничества в органе Краевского, ответственным редактором которого он, Краевский, должен был «на первое время» оставаться. Из этого можно заключить, что совещание в присутствии Писарева, о котором говорит Елисеев в воспоминаниях, произошло до отъезда Маркович в Москву, т.-е. до 29 ноября, и после письма Писарева к Шелгунову в ноябре 1867 г., выдержку из которого мы приводили; значит, этими датами и определяется более точное время упоминаемого Елисеевым собрания и образования новой редакции «Отеч. Записок». Для нас эта подробность здесь не имеет большого значения, но в ином случае она может пригодиться, почему мы сочли полезным ее отметить.

Наконец, появилась в «Голосе» и публикация об «Отеч. Записках». Имя Писарева в ней не проставлено, но расширение отдела критики и библиографии в будущем журнале — обещано. В беллетристическом отделе в первую очередь назван роман Маркович «Живая душа», окончанием которого Некрасов торопил писательницу. Роман, повидимому, не особенно удовлетворил Некрасова, по крайней мере в записке без даты (март или апрель 1868 г.) к автору он писал [1]): «Так как я, может быть, даже с преувеличенной строгостью отнесся к 3-ей части *Жив. Души*, то считаю долгом сказать, что 5 ф. [= форм] 4-ой части, которые вчера прочел, решительно и несомненно хороши. Пред. вам Н. Некрасов».

7.

Очутившись в новом органе, среди мало ему известных людей, превосходивших его и возрастом, и знаниями, и литературными заслугами, к тому же задетых им в полемических статьях «Р. Слова»,—Писарев не мог себя чувствовать особенно хорошо среди них, особенно первое время. Работой, может быть, он и был доволен на первых порах, а еще больше тем, что кончалась, наконец, неопределенность его положения; по крайней мере таково было впечатление Шелгунова от писем Писарева к нему. Писарев говорил ему даже (в феврале 1868 г.), что пользуется в журнале «тою степенью свободы, которая совместна с интересами целого, т.-е.

[1]) Печатается впервые.

именно тою степенью свободы, которою я сам желаю пользоваться» [1]), но едва ли не звучит это фразой, продиктованной ему самолюбием. Как бы там ни было, действительно ли удовлетворяла Писарева та скромная «степень свободы» и тот узкий круг работы, которые были ему отведены в «Отеч. Записках»,—но общество новой редакции и сотрудников должно было не мало смущать и стеснять его доброе самочувствие. Он редко показывался в редакции журнала, урывками, вероятно, только по делу. Скабичевский, тоже сотрудничавший в «Отеч. Записках» и знавший хорошо Писарева еще со студенческой скамьи и по общей работе в «Рассвете»,— не мог не заметить всей неловкости положения и самочувствия Писарева... «Писареву... в «Отеч. Записках» было не по себе,— говорит Скабичевский:— он никогда почти не бывал в редакции... Только два раза видел я его в квартире Некрасова: раз это было на первом обеде, который дал Некрасов своим сотрудникам по выходе первой книжки «Отечественных Записок» под новой редакцией в 1868 году. Писарев сидел на этом обеде рядом со мною, молчаливый, сосредоточенный, несколько даже растерянный среди людей, мало ему знакомых...» [2]). В другой и последний раз Скабичевский видел Писарева весною того же года, перед самым отъездом Писарева в Дуббельн, в редакции журнала в один из понедельников, дней встречи членов редакции и сотрудников по заведенному еще в «Современнике» обычаю. На этот раз Писарев был, против обыкновения оживлен и весел: он приходил объявить о своем отъезде и проститься с товарищами.

Если бы отъезд этот не был роковым для Писарева, он, конечно, освоился бы со временем с теми особенностями своего нового положения, которые стесняли его на первых порах, точно так же как, вероятно, всю доступную при цензурных условиях свободу в работе, которой привык пользоваться у Благосветлова; но до этого ему дожить не пришлось.

После смерти Писарева Некрасов тепло помянул его в обращенном к М. А. Маркович известном стихотворении: «Не рыдай так безумно над ним...» и нескольких словах приписки к нему [3]), а «Отеч. Записки» посвятили ему сначала краткий некролог [4]), а затем и две больших статьи Скабичевского [5]), в которых, после нескольких личных воспоминаний о Писареве, подробно говорится о его критической деятельности в связи с характером его умственного развития.

---

[1]) *Шелгунов*, op. cit., стр. 689.

[2]) *Соловьев*, op. cit., стр. 145.

[3]) *В. Евгеньев*, Две забытые годовщины, — «Бирж. Вед.», 25 ноября 1916 года, № 15945.

[4]) *Н. К.* Некролог. «Дмитрий Иванович Писарев», — «Отеч. Зап.». 1868, VIII, стр. 174—179.

[5]) *А. Скабичевский*, «Дмитрий Иванович Писарев. (Его критическая деятельность в связи с характером его умственного развития)»,— «Отеч. Зап.», 1869, I, III.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ИСТОРИКА ЛИТЕРАТУРЫ *).

П. Сакулин.

I.

Наука о литературе (литературоведение) не только возможна, но она уже существует. Во всяком случае она *должна* существовать.

В ее состав входят две основные дисциплины: теоретическая поэтика и история литературы.

В наше время никого не нужно убеждать, что история литературы— еще недостаточно сорганизованная дисциплина. В учении о методах все еще царит большое разногласие не только у нас, но и в западно-европейской науке [1]).

Нелегко ориентироваться в пестром разнообразии «подходов» и дать стройную классификацию историко-литературных «методов» [2]). В XX веке вышло уже несколько научных работ, которые ставили себе именно такую классификационную цель. Но достигнутых ими результатов нельзя признать вполне удовлетворительными.

А. М. Евлахов насчитал и раскритиковал восемь методов, поделив их на две категории: методы ненаучные и методы научные нерациональные. К первым отнесены методы: этический и публицистический, ко вторым—методы: филологический, сравнительный, исторический (Тэн), эстопсихологический (Эннекен), эволюционный (Брюнетьер) и биографический (Сент-Бев). В дальнейшем А. М. Евлаховым обещано «онтогене-

*) Помещая настоящую, весьма ценную работу проф. П. Н. Сакулина, ставящую основной вопрос в деле изучения художественной литературы, редакция охотно откроет дискуссию по этому вопросу. Было бы крайне интересно выслушать критические и методологические замечания на эту тему т.т. А. В. Луначарского, В. Ф. Переверзева, П. И. Лебедева-Полянского, А. К. Воронского, Г. Лелевича и В. М. Фриче. *Ред.*

[1]) См., например, книгу *Пауля Меркера* (Paul Merker), Neue Aufgaben der deutschen Literaturgeschichte, Berlin 1921.

[2]) В 1900 г. это делал у нас *М. Н. Розанов* в статье «Современное состояние вопроса о методах изучения литературных произведений»,— «Русская Мысль», 1900, № 4.

тическое построение рациональной методологии, т.-е. определение тех методов, которые естественно и единственно вытекают из выясненной сущности истории литературы» [1]).

Акад. В. Н. Перетц видит, по крайней мере, добрую дюжину методов, которые, в свою очередь, распределяет по двум рубрикам: методы субъективные и методы объективные. В первом издании своей методологии [2]) в рубрику субъективных он занес методы: эстетический и публицистический. Среди объективных нашли себе место следующие методы: исторический, историко-политический, историко-психологический (с разновидностью—психопатологической), культурно-исторический, эстопсихологический, сравнительно-исторический, эволюционный, эволюционно-этнографический, филологический. Во втором издании книги [3]) эволюционно-этнографический метод рассматривается вместе с эволюционным методом вообще; кроме того, историко-политический метод поставлен ранее исторического. В остальном классификация остается прежней.

Пауль Меркер различает семь методов: филологический, исторический, этнологический, психологический, философский, эстетический и социально-литературный [4]).

В. В. Сиповский в последней своей теоретической работе готов ограничиться тремя основными методами: историческим (филологическим в широком смысле слова), эволюционным и сравнительным (как подсобным) [5]).

Уже одна эта историческая справка показывает, что дело обстоит не совсем благополучно. Очевидно, ученым специалистам нужно еще договариваться относительно самых принципиальных пунктов, начиная с того, в чем сущность «метода», и каков должен быть критерий для классификации методов.

Я не стану сейчас разбирать приведенных взглядов, а прямо приступлю к делу.

II.

Прежде всего необходимо помнить, что мы говорили об истории литературы, а не о литературной критике и не о поэтике (теоретической и исторической).

История литературы изучает художественную литературу в ее историческом развитии. Общее определение нуждается, конечно,

---

[1]) *Александр Евлахов*, Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии. Т. I. Варшава 1910. Г. II. Варшава 1912. Т. III. Р/Д. 1917. Обещан том IV.

[2]) *В. Н. Перетц*, Из лекций по методологии истории русской литературы. Киев 1914. На правах рукописи.

[3]) *В. Н. Перетц*, Краткий очерк методологии истории русской литературы. Петербург 1922.

[4]) *Paul Merker*, Neue Aufgaben der deutschen Literaturgeschichte. Berlin 1921.

[5]) *В. В. Сиповский*, Лекции по истории русской литературы. Выпуск первый. Введение в курс истории литературы. Баку 1921. — Ср. прежнюю его книжку: «История литературы как наука» (Петербург 1906).

в дальнейшем раскрытии, соответственно нашему представлению о сущности поэзии и, в частности, соответственно нашему взгляду на проблему формы.

Я считаю возможным различать поэтическую форму и поэтическое содержание и полагаю, что объектом нашего изучения, в конце концов, будет весь комплекс явлений, определяемых термином «литературная жизнь», а не только отдельные произведения, отдельные писатели и литературные направления. Литературная жизнь представляет собою сложный процесс, являющийся частью общего процесса социальной жизни. В результате должно быть дано синтетическое построение истории литературы.

Круг *явлений*, подлежащих нашему изучению, обусловливает собою те конкретные *задачи*, которые лежат перед исследователем, и, далее, те *методы*, какие можно признать наиболее целесообразными.

Устанавливать метод a priori—нельзя. Метод сам по себе—не хорош и не плох. Все дело в том, к чему он применяется. Каждый предмет изучения требует, в сущности, *своего* метода. Чтобы быть хорошим, метод должен быть согласован с природой исследуемого объекта.

От нашего понимания природы объекта зависит формулировка тех конкретных задач, которые нужно изучать. Научные приемы, наилучшим образом разрешающие каждую задачу в отдельности и основные задачи науки в целом,—и будут методами.

Или иначе: метод есть совокупность приемов научного исследования, которые базируются на отдельных принципах, вытекающих из понимания природы изучаемого объекта и, стало быть, задач исследования.

Если появляется новый «метод», то это, в сущности, значит, что обратили внимание на такую сторону в предмете и, следовательно, на такую задачу, которых раньше не замечали вовсе или оставляли в тени. Рядом с этим, конечно, и старый «метод» может получить новую постановку, совершенствоваться в своих приемах. Это видно, напр., на истории «подходов», в разное время применявшихся к изучению т. н. формы произведения (начиная хотя бы с XVIII в., с поэтики классиков, и кончая современными «формалистами» и «социологами»).

Из сказанного следует, что классификацию методов с успехом можно заменить классификацией задач исследования, или, по крайней мере, классификацию методов нужно строить на классификации задач, при наличности, однако, единого понимания природы объекта.

III.

Понимание природы объекта и, далее, основных задач науки, в свою очередь, вытекает из научного мировоззрения исследователя. Вот почему методология, в конце концов, есть миросозерцание.

Исходя из принципов научного реализма и социологизма, я вижу в каждом литературном произведении: а) продукт художественного

творчества писателя, б) социальное явление и в) факт исторической жизни в ее непрерывной изменяемости.

Разумеется, в действительности эти три признака существуют одновременно и слиянно, но в аналитической работе они могут выступать раздельно.

Социально обусловленный и исторически развивающийся процесс художественного творчества есть вечно движущийся поток, являющий нам картину непрестанного созидания и разрушения. И опять, в целях технической целесообразности, возможно каждое явление рассматривать, во-первых, то статически, то динамически и, во-вторых, то имманентно, то каузально.

Изучение в статическом плане нисколько не противоречит логике диалектического мышления. Не следует утрировать момент текучести явлений. Если, в самом деле, придавать ему абсолютное значение, то тем самым исследователь обрекается почти на бессилие: ему не уловить очертания ежесекундно изменяющихся явлений, и объект будет ускользать от его наблюдения. Чтобы этого не случилось, исследователь мысленно как бы приостанавливает движение и берет нужный ему отрезок. В области литературных явлений положение ученого облегчается тем, что самое движение происходит не с такой молниеносной быстротой, которая бы исключала возможность статического изучения. После ряда статических выводов, явственнее выступят черты динамического процесса.

Точно так же социологически мыслящему ученому ничто не мешает соблюдать методологическую постепенность и в другом отношении: брать вещи сначала имманентно, потом каузально. Если представить себе конкретно весь ход работы историка литературы, то, естественно, она начинается *с имманентного* изучения отдельных произведений и отдельных писателей. В интересах правильности и точности результатов, исследователь должен освободить себя от всякой предвзятости и сначала подходить к произведению или писателю непосредственно, как к самодовлеющему художественному явлению, без всякой мысли о детерминизме и историзме. Хотя фактически нам, может быть, и нелегко отрешаться от известных представлений об авторе и его эпохе, которыми мы чаще всего *уже* обладаем, но очевидно, что ближайшая наша задача состоит, все-таки, в том, чтобы воспринять произведение в его непосредственной данности, не осложняя своих первых впечатлений и выводов никакими априорными моментами. Нам важно прежде всего узнать, что представляет собою «Евгений Онегин», как художественное создание, в его внутренней сущности. Для этого мы подвергаем его анализу со стороны *формы* и поэтического *содержания*. Элементы поэтической формы (звук, слово, образ, ритм, композиция, жанр, поэтическая тематика, художественный стиль в целом),—все это предварительно изучается имманентно, с помощью тех методов, какие выработала теоретическая поэтика, опираясь на психологию, эстетику и лингвистику, и какие, в частности, практикуются ныне т. н. формальным методом. По существу—это наибо-

лее ценная часть нашей работы. Без нее же немыслимо двигаться дальше в своем исследовании.

Данные, добытые имманентным изучением, позволяют уже теперь делать некоторые *типологические обобщения* касательно целой группы писателей, литературной школы и литературного жанра. В результате перед нами стоят: произведение, как художественный организм; жанр, как живой комплекс формальных признаков; писатель, как творческая индивидуальность, и школа, как художественно-стилевое единство.

Все еще не выходя за пределы имманентного изучения, исследователь, при наличности соответствующего материала, может заняться выяснением *генезиса* произведений, т.-е. генетически развернуть творческую историю произведения, начиная с момента его зарождения в творческом сознании писателя, продолжая всеми последовательными стадиями творческой работы и кончая созданием последней редакции, в которой знают произведение уже все читатели. Эта задача требует знания внешних и внутренних фактов творческой жизни писателей. Таким путем устанавливается органическая связь между автором и его творением [1]).

Генетическое изучение служит переходом ко *второй стадии* нашей работы, когда весь накопленный материал подвергается *каузальному и историческому* освещению.

Видя в литературе социальное явление, мы с неизбежностью приходим к вопросу об ее причинной обусловленности. Для нас это—социологическая каузальность. Только теперь историк литературы получает право стать в позу социолога и выдвигать свои «почему», чтобы литературные факты включить в общий процесс социальной жизни данного периода и чтобы вслед за этим определить их место во всем историческом движении. Тут-то и вступает в свою силу *социологический* метод, который, в применении к истории литературы, становится *историко-социологическим*.

В первой, имманентной стадии произведение мыслилось как художественная ценность, во второй—как художественная ценность в ее социальном и историческом значении.

Для последнего вида работы огромную важность представляет наше понимание исторического процесса.

IV.

Я держусь того взгляда, что в историческом развитии каждого явления следует различать два момента: развитие *эволюционное* и развитие *каузальное*. Всякое развитие предполагает субъекта развития (как бы

[1]) Немцы называют это die Entstehungsgeschichte, der Entstehungsprozess, die genetische Methode. См., напр., «Poetik» von *Rudolf Lehman* (zweite Auflage, München 1919), VI Kapitel. У нас этот вид исследования особенно пропагандируется Н. К. Пиксановым. См. его статью «Новый путь литературной науки» (Изучение творческой истории шедевра. Принципы и методы) — в журнале «Искусство», 1923, № 1.

«вещь в себе»), обладающего известными свойствами и, прежде всего, способностью к развитию. От природы субъекта зависит, будет ли он развиваться и как именно (значит, самый факт развития и тип развития). Развитие всегда происходит в пределах рода и вида, и тип развития обусловливается их особенностями. Это развитие *по природе* (*κατὰ φύσιν*, katá phusin, как выражались Аристотель и Полибий) я и называю *эволюцией*, в отличие от развития каузального, т.-е. вызванного внешними причинами. Только при таком понимании «эволюции» можно избежать тех неточностей и даже путаницы, какими обычно сопровождается употребление этого широкого термина.

Эволюционный момент, таким образом, я противопоставляю каузальному, а не историческому и утверждаю, наоборот, что взятые вместе эволюционный и каузальный моменты образуют *одно* историческое явление (история=эволюционность+каузальность). Значит, по существу здесь нет никакого дуализма, как это может показаться на первый взгляд.

Эволюция в принятом мною смысле представляет близкую аналогию эпигенезису в эмбриологии [1]).

Как бы то ни было, термином «эволюция» мне бы хотелось выразить не развитие вообще, а развитие по природе.

Поэзия существует у всех народов и во все века. Есть нечто, что делает ее поэзией везде и всегда; поэзия имеет свою природу, которой присущи известные *органические законы* развития. На русской почве и в любой исторический период поэзия не перестает быть поэзией, т.-е. сохраняет свою основную природу и свою способность к эволюционному развитию. Это—*первичная основа* «природы», какая свойственна художественной литературе. Без нее было бы немыслимо построение исторической поэтики.

Поэзия мыслится нами в неразрывной связи с творцом, с поэтом, который осуществляет творческий акт. Все поэты—поэты; каждый из них обладает некоторой суммой необходимых качеств, которые и делают его поэтом. Но, вместе с тем, каждый поэт есть живая монада, отличающаяся от другой монады и степенью одаренности, и свойствами самого дара. Как биологическое существо, поэт проходит неизбежные стадии эволюции: молодость, зрелость, увядание таланта. Прохождение этих стадий варьируется в зависимости от физиологических и психических особенностей субъекта. Художники, как и все люди, являются продуктами исторических условий; за ними лежат века народного развития. Пушкина создала вся предшествовавшая ему культура России. Его «природа»—не первичная только, а вторичная, уже осложненная индивидуальными и общими ингредиентами (перед нами не только поэт, но поэт Пушкин). Тем не менее, для данной ступени исторического развития «вторичная» природа поэта играет роль первоосновы.

---

[1]) Такое сближение было сделано А. В. Луначарским во время дискуссии по поводу моих лекций о социологическом методе, читанных в Академии Художественных Наук в апреле — мае 1924 года.

Литература в целом также обнаруживает свою «природу», отличную от природы других функций социального процесса. Первичная природа поэзии и тут фактически существует в осложненном виде, в своей вторичной фазе, но неизменно обнаруживает себя всякий раз, как испытывает влияние каузальных условий.

Итак, в творческой личности писателя и в литературе вообще есть некий субстрат, который способен развиваться по природе (эволюционировать). На этот субстрат воздействуют причинные факторы, и тогда поэзия и поэт становятся историческими феноменами. Конечно, в живом процессе истории мы знаем их только таковыми, но историк всегда должен держать на учете эволюционный момент. Иначе ему не понять *специфики литературного процесса*. Каузальность влияет, определяет: не зная определяемого, мы не можем, однако, правильно уяснить себе результатов влияния. Влияние это проникает не всюду: кое-где оно наталкивается на столь серьезное сопротивление, что результат нельзя выводить из прямого действия фактора, а лишь из процесса борьбы; кое-что и даже весьма существенное порой совершенно остается за чертой его досягаемости.

Эволюционный процесс относится к сфере имманентных явлений. к их динамике. Его наличность вводит каузальность в законные границы. но ни в коем случае не упраздняет ее важности. Наоборот, наше представление об историческом развитии литературы было бы совершенно ложным, если бы мы отказались от каузального объяснения фактов или, что то же, от применения социологического метода.

V.

До сих пор я выделил два ряда методологических задач: а) имманентное изучение предмета в его статике и динамике и б) каузальное изучение предмета в его происхождении и развитии.

Есть, наконец, третья категория конкретных задач: это—*конструктивная* работа историка литературы. Частично он прибегает к ней постоянно, когда делает обобщения типологического характера. Но во всем своем значении конструктивная задача возникает тогда, когда мы заняты общей архитектоникой истории литературы, стремясь, в конце концов, дать ее *синтетическое построение*. Эта сложная задача требует, конечно, своих методологических приемов. Т. н. метод генерализирующий. который, по мнению некоторых ученых (напр., Генриха Риккерта), не свойствен наукам о культуре, как раз здесь найдет себе широкое приложение. В своем синтезе историк литературы может подниматься до обобщений *номологического* порядка.

Чтобы возможно было проделать всю ту работу, какая намечена выше, историк литературы должен прибегать к содействию вспомогательных дисциплин и производить дополнительные изыскания, которых, однако, нельзя относить к «методам»: их значение—чисто техническое и служебное. Это—библиография, филологическая работа над текстом (фило-

логический «метод» в точном смысле термина), биографические экскурсы, историко-социологические наблюдения и т. д. Все подобные занятия, разрастаясь иногда до пределов самостоятельного труда, проходят, так сказать, в стороне от главной магистрали исследования, но производятся всегда в расчете на основные нужды науки.

Подводя итог всему сказанному, я мог бы предложить следующую *классификацию методологических задач:*

Соответственно трем главным стадиям работы, можно установить три ряда задач:

I. Имманентный ряд
II. Каузальный ряд.
III. Конструктивный ряд.

I. Методологические задачи *имманентного* ряда:

а) *статические:* художественный анализ формы и содержания;
б) *динамические*:
1) генетическая (творческая история произведений),
2) эволюционная (имманентное развитие творчества).

II. Методологические задачи *каузального* ряда.

а) *статическая:* социологическое изучение;
б) *динамическая:* историко-социологическое изучение.

III. Методологические задачи *конструктивного* ряда:

а) *статическая:* типологические обобщения (генерализирующий метод);
б) *динамическая:* синтетическое построение истории литературы с гомологическими обобщениями.

Раз определилась схема методологических задач, историку литературы предстоит далее изучать конкретное содержание каждой задачи и намечать наиболее целесообразные приемы исследования, т.-е. так называемые методы. При имманентном изучении весьма существенную помощь исследователю оказывает «формальный» метод, хотя, вероятно, мы еще долго будем спорить об отдельных его принципах. В каузальном ряду первенство принадлежит социологическому методу. Но, как видим, в свои права он вступает не сразу. Сначала нужно познать предмет, как таковой, индетерминистически, а потом исследовать его как социальный и исторический факт и, наконец, уже строить из фактов систему науки. Но как только социологический метод выступил на сцену, он приобретает доминирующее положение: забирает в свое ведение все, что добыто имманентным изучением, и производит свою очень сложную работу, с тем, чтобы результаты отдать для целей исторического исследования.

Социологизм насквозь пропитывает работу историка литературы и самым активным образом влияет на все построение нашей науки.

Вот почему в настоящее время нужно признать одной из самых неотложных задач—разработку социологического метода в применении к проблемам литературоведения. Его общие принципы—известны, но специфические особенности литературы так своеобразны, что историк-социолог настоятельно нуждается в уяснении целого ряда специальных вопросов. К числу этих вопросов я отношу, пожалуй, в первую очередь, разграничение эволюционного и каузального моментов в диалектическом развитии литературных явлений.

Т. А. СТЕЙНЛЕН

(1859—1923).

П. Эттингер.

Скончавшийся в декабре 1923 года *Теофиль Александр Стейнлен* в России всегда пользовался исключительной симпатией и принадлежал к наиболее любимым и популярным мастерам среди современных западных графиков. Он—единственный из них, если не считать Валлотона, давно, впрочем, по чти совсем отказав- шегося от графики для живописи, ко- му была посвящена специальная моно- графия на русском языке, а на весть об его смерти боль шинство газет и журналов СССР отклик нулось горячо напи- санными некролога ми и статьями.

Стейнлен.

Все это объ ясняется не только крупным талантом Стейнлена и его ма- стерством. В данном отношении некото- рые из его французских современников, как покойный *Ту луз-Лотрек* и здравствующий еще *Фо рен*, несомненно, превышают его остротой ярко индивидуальной фактуры и блеском графической техники, и в истории графических искусств конца XIX и начала XX столетий имена этих двух мастеров, наверно, будут отмечены более жирным шрифтом, чем имя Стейнлена. Причина исключительно любовного отношения к последнему со стороны русской критики и публики лежит в другой плоскости.

Каждый народ и каждый социальный момент выбирает из сокровищницы всемирного искусства, обычно, в первую очередь то, что наиболее родственно его духу, адэкватно соответствует его текущим настроениям и художественным идеалам. Еще до революции, превалирующая в творчестве Стейнлена социальная нота всегда приходилась по вкусу русскому зрителю, а в СССР она особенно звонко заиграла в унисон с современными художественными запросами и устремлениями. Однако, навряд ли вполне правильно А. А. Сидоров, в своей книжке 1920 года,

Т. А. Стейнлен. «Он выбран». (Из политических литографий).

и большинство писавших о Стейнлене после его кончины отзываются о нем, главным образом, как о художнике пролетариата.

Более справедливо было бы назвать Стейнлена художником парижской улицы или, вообще, трудового Парижа. Ибо не фабричные кварталы Парижа занимают главное место в стейнленовском творчестве, а скорее Париж ремесленный и мелко-мещанский, тяжело трудящийся, но и умеющий безудержно веселиться, со всем разнообразием его характерных типов, положительных и отрицательных. И в своих бесчисленных рисунках Стейнлен является, главным образом, изобразителем именно этой среды, блестяще запечатлевшим для своей эпохи ее облик, быт и особенности.

Но вообще для Стейнлена знаменателен не один выбор мотивов и фона, и не они его выделяют из группы формально и тематически родственных ему современных французских рисовальщиков. Любовь к «униженным и оскорбленным», глубоко человеческое сочувствие к угнетенным и страждующим и протест против людской жестокости—красной нитью проходят через все творчество художника, круг его деятельности и литературных связей. Улыбка гуманности и сострадания просвечивает сквозь каждый его рисунок и простирается даже на животных, которых Стейнлен так любил и которые в его композициях играют довольно видную роль. И там, где требовалось публичное выступление против бросающейся в глаза несправедливости или кастовой узости, как, напр., в деле Дрейфуса, мы Стейнлена всегда видим в рядах протестующих и борющихся за правое дело.

Как известно, Теофиль Стейнлен был родом из французской Швейцарии — родился в 1859 г. в кантоне Во, близ Лозанны, в семье художника. В семье его было много немецкой крови. В этой примеси германского элемента у предков художника, быть может, основа вышеотмеченных свойств его таланта, его неисчерпаемой душевной теплоть

Т. А. Стейнлен. Из политических литографий.

Т. А. Стейнлен. Иллюстрация к «Dans la rue».

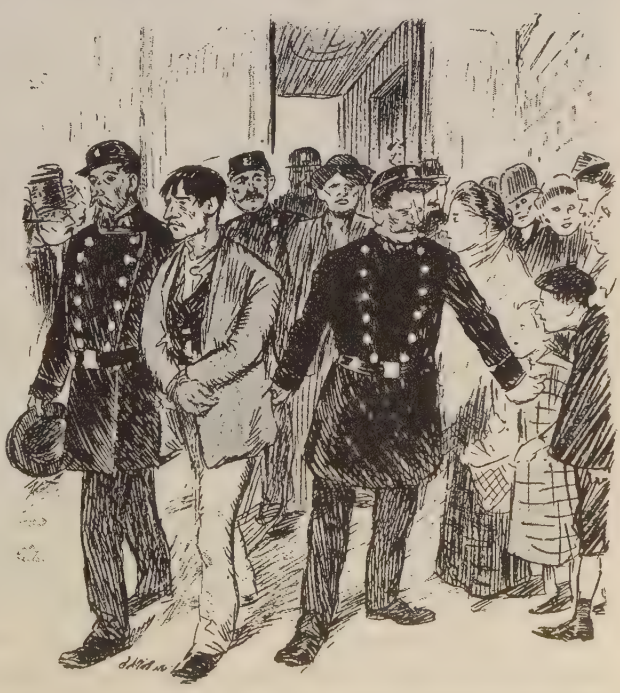
которая часто заменяет у него бичующую едкую сатиру его кровно французских собратьев, одновременно с ним трактовавших мир рабочего Парижа, его подонков и отбросов. Этим его интеллигентским, мелко-буржуазным происхождением, вероятно, до известной степени объясняется и тот факт, что Стейнлен, осевши навсегда в Париже, не прельстился его казовой стороной, блестящими бульварами, мишурой роскошных раззолоченных ресторанов и вечным праздником кутящих растакуэров, а до конца жизни черпал вдохновение преимущественно из сферы мелкого и среднего рабочего люда, на кипучих улицах трудовых кварталов столицы, в ее садах, трактирчиках, равно как среди народных гуляний и увеселений. Отсюда взяты излюбленные Стейнленом типы уличных продавцов и продавщиц, прачек, ремесленников и всегда по-своему нарядной парижской работницы,—чьими руками создаются те чудеса вкуса и изящества, которые так прельщают во всем французском прикладном искусстве и ремесле. И как Гаварни для эпохи второй империи раз навсегда графически зафиксировал тип парижской работницы-ремесленницы, так Стейнлен это сделал для третьей французской республики довоенного времени. В этом отношении без стейнленовских рисунков навряд ли сможет обойтись историк и бытописатель Франции конца прошлого века.

Т. А. Стейнлен. Иллюстрация к «Dans la rue».

Стейнлен прибыл в Париж в 1882 году 23-летним юношей; до этого он некоторое время проживал в качестве рисовальщика

Т. А. Стейнлен. Иллюстрация к «Dans la rue».

узоров для ткацких фабрик у своих родственников в Мюльгаузене — промышленном центре Эльзаса. Эта специальность давала ему некоторый заработок и в первые трудные годы пребывания в Париже. По свидетельству Анатоля Франса, близкого друга Стейнлена, так быстро за ним последовавшего в могилу, чтение романа Золя «Западня» (L'assomoir) впервые возбудило в нем желание перебраться в полный жгучих жизненных контрастов Париж, что может служить доказательством рано проснувшейся в начинающем рисовальщике социальной ноты, не оставленной им в продолжение всей дальнейшей художественной карьеры. Некоторую известность в Париже он стал приобретать лишь после вступления в основанное *Родольфом Сали* знаменитое кабарэ «Chat noir», которое должно считаться праматерью всех позднейших художественных кабарэ, немецких «юбербреттель» и наших «Летучей Мыши» или «Бродячей Собаки». Для вестибюля «Черного Кота», вокруг которого вообще группировалась целая плеяда молодых поэтов и талантливых французских графиков, как *Адольф Виллет*, *Анри Ривьер* и др., Стейнлен в 1885 г. написал большое декоративное панно — вереница кошек на крышах Парижа, сразу обратившее внимание на неизвестного дотоле художника. В этом кабарэ произошло и его знакомство с *Аристидом Брюан*, автором входивших тогда в моду натуралистически смелых и ярких песенок. Последний вскоре пригласил Стейнлена уча-



Т. А. Стейнлен. Иллюстрация к «Dans la rue».

ствовать в издаваемом им журнальчике «Мирлитон», а впоследствии привлек к иллюстрированию первого сборника своих песенок и монологов.

Это издание, вышедшее в свет в 1890 г. под заглавием «Dans la rue», имело крупнейший успех и окончательно упрочило славу Стейнлена как перворазрядного графика и иллюстратора, последствием чего, между прочим, было его приглашение в 1891 г. на пост художественного редактора иллюстрированного приложения к распространенной парижской газете «Жюль-Бляз», где его талант иллюстратора развернулся во-всю. До 1899 г. художник беспрерывно работал в этом двухнедельнике и на его страницах помещал бесчисленное множество рисунков и иллюстраций к рассказам разных авторов; часть их в воспроизведениях потом вошла в альбом под названием «Dans la vie», выпущенный издательством «Севен и Рей» с предисловием *Камиля де Сент-Круа*. Одновременно Стейнлен участвовал и в целом ряде радикальных сатирических и юмористических журналов, как «Chamb rd Socialiste» (1894—1895 г.г., под псевдонимом Пти-Пьер), в «La feuille», издаваемой Зо д'Акса в виде отдельных летучек в продолжение 1897—1899 годов, в более популярных «L'assietée au beurre», «Cocorico» и др. К данному периоду, т.-е. к последнему пятилетию прошлого столетия, относится и самая блестящая пора творчества Стейнлена в области художественного плаката, среди создателей и мастеров которого ему, как известно, принадлежит одно из главенствующих мест.

В нашем столетии покойный художник очень много времени и внимания уделял книжной иллюстрации, о которой подробно речь будет еще впереди, однако занимался при этом и живописью—мотивы животных, цветов, обнаженного тела и отчасти портреты—и даже вернулся к декоративной стенописи, которой он обязан был своим первым значительным успехом в «Черном Коте». Это имело место, когда ему, совместно с *Шере*, *Виллетом*, *Леандром*, *Фэвром и Грюном*, поручено было расписать стены кафэ «Таверн де Пари». У Стейнлена эти панно вышли полными движения и неподдельной веселости. В 1920 г. он, вдобавок, с успехом пробовал свои силы и в качестве театрального художника, взявшись за постановку балета «Иберия» в театре «Елисейских Полей».

Следует еще отметить, что с годами значительно расширилась и графическая техника Стейнлена. К рисункам, исполненным пером, углем или карандашами, к акварелям и пастелям прибавились еще многочисленные мастерские литографии и офорты, которым *Эрнест де Кроза* в 1913 г. посвятил специальный толковый каталог. Именно литографией Стейнленом исполнен был в годы войны целый цикл больших картонов, пытавшихся олицетворять ужасы и бедствия всемирной бойни; некоторые из этих листов фигурировали на одной из московских графических выставок в бывшей галлерее Лемерсье.

Круг произведений Теофиля Стейнлена по количеству прямо огромен, и разобраться в нем довольно трудно ввиду отсутствия полного каталога и вообще исчерпывающей монографии о покойном художнике. Эта трудность еще усиливается из-за разбросанности отдельных его

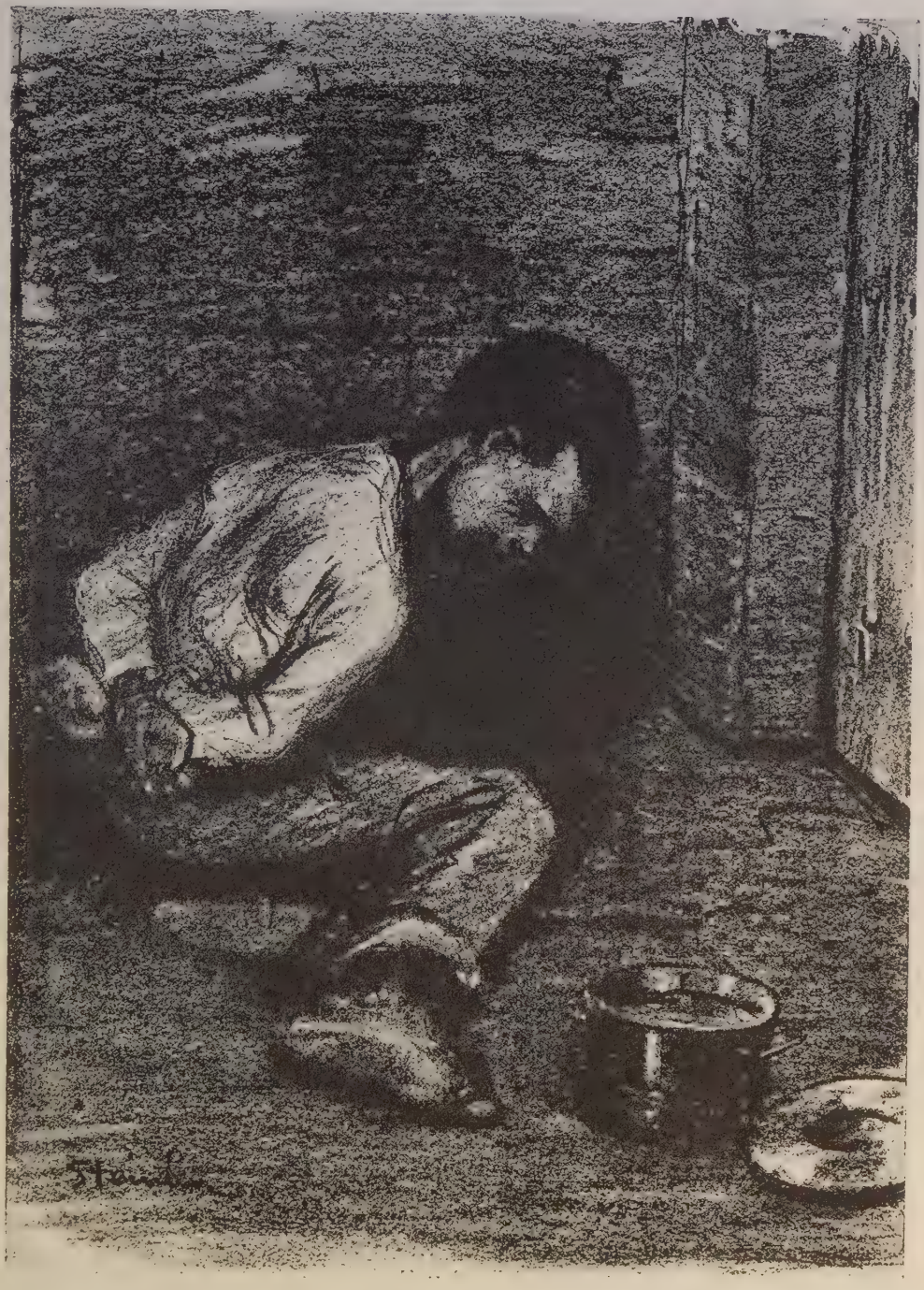
10 CENTIMES
A toute occasion

la feuille

RÉDACTION DE 4 A 6 HEURES, 25, RUE DE NAVARIN : Zo d'Axa

ENFANT MARTYR

Dessin de STEINLEN



Т. А. Стейнлен. Из политических литографий.

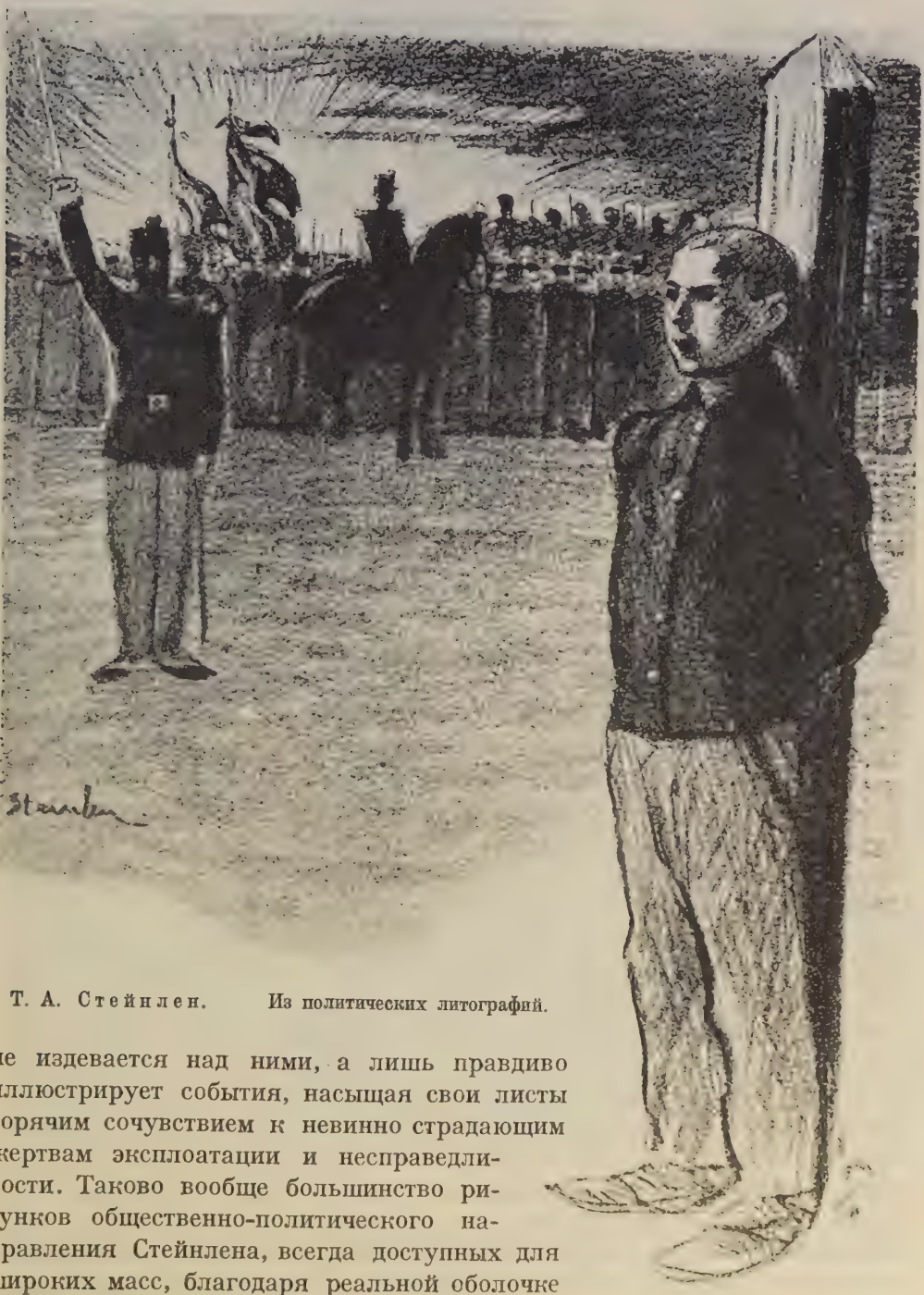
Т. А. Стейнлен. Иллюстрация к пьесе А. Франса «Кренкебилль».

произведений по разным периодическим изданиям, давно исчезнувшим с книжного рынка и ставшим библиографической редкостью. Все же из графического творчества Стейнлена — живопись его, мало известную даже по репродукциям, приходится пока оставить в стороне—само собой выделяются три главных группы, а именно: социально-политические рисунки и вообще журнальные иллюстрации, далее, плакаты и, наконец, иллюстрированные книги, при чем последние, пожалуй, менее всего известны и в русской литературе о Стейнлене упоминались крайне редко. Границы указанных трех групп, конечно, не точно определены, местами переплетаются, а подчас переходят одна в другую.

Среди французских карикатуристов, рисунками которых в первую очередь питалась парижская сатирическая и юмористическая пресса конца прошлого и начала текущего столетий, Стейнлен занимал какое-то особое положение, ибо в сущности он совершенно не был карикатуристом в настоящем значении этого термина. Он лишь в малой степени обладал фантазией, остроумной выдумкой в осмеянии своих жертв или умением создавать захватывающий с первого взгляда ядовитый шарж—этими главными средствами прирожденного карикатуриста, дозволяющими ему пренебрегать реальным изображением действительности. Стейнлен, наоборот, и в своих сатирических рисунках всегда оставался реалистом и никогда не прибегал к вымышленным образам, как будто стараясь продолжать славную традицию старых швейцарских мастеров вроде *Гольбейна младшего*, *Урса Граф* или *Мануэла Дейтш*, которые неизменно отличались такой неукоснительной правдивостью и четкостью рисунка. Действовал же Стейнлен исключительно выразительностью своих композиций и глубокой прочувствованностью затронутых мотивов, что уже само по себе являлось протестом против всякого гнета, жестокости и бездушия. И в своих рисунках в «La feuille», которые—особенно из эпохи дела Дрейфуса—принадлежат к наиболее сильным, он непосредственно не бичует представителей власти капитала, суда или военщины, прямо

Т. А. Стейнлен. Иллюстрация к пьесе А. Франса „Кренкебиль“.

10 CENTIMES
A toute occasion **la feuille** Réhabilitation Civile et Exécution Militaire
RÉDACTION DE 4 A 6 HEURES, 25, RUE DE NAVARIN Zo d'Axa



Т. А. Стейнлен. Из политических литографий.

не издевается над ними, а лишь правдиво иллюстрирует события, насыщая свои листы горячим сочувствием к невинно страдающим жертвам эксплоатации и несправедливости. Таково вообще большинство рисунков общественно-политического направления Стейнлена, всегда доступных для широких масс, благодаря реальной оболочке

Т. А. Стейнлен. (Иллюстрация к пьесе А. Франса «Кренкебиль».

замысла и привлекательных четкой экспрессией вложенного в них чувства гуманности и человеколюбия. Этим художник был обязан и той исключительной популярности, которой он пользовался среди трудящихся слоев парижского населения. Д-р Ганс Закс в своей интересной статье о Стейнлене, помещенной недавно в лейпцигском журнале «Дер Чичероне», рассказывает по этому поводу характерный анекдот; старая букинистка в Париже, у которой автор покупал несколько стейнленовских плакатов, на его замечание о слишком высокой их цене обиженным тоном ответила: «но это ведь *наш* Стейнлен!».

Отмеченные индивидуальные черты творческой психологии Стейнлена наложили яркую печать и на его плакаты—в целом насчитывается свыше полсотни листов, отчасти очень крупных размеров, выделяя их в особую группу среди французского плакатного искусства. Это новейшее детище прикладной декоративной графики, возникшее на почве современной потребности в шумной и бьющей в глаза рекламе, как известно, пышно расцвело в конце прошлого века во Франции, и, хотя далеко не все надежды, возложенные на художественный плакат, долженствовавший сделаться «искусством улицы», полностью оправдались, он с тех пор проник во все другие страны и стал частицей эстетической культуры нашего времени. В некоторых лучших плакатах Стейнлена, принадлежавшего, как уже было указано, к инициаторам всего движения, сразу достигнута высшая точка совершенства данного искусства, не превзойденного последующими рядами известнейших плакатистов. В противовес *Шерэ*, плакаты которого ошеломляют фейерверком звонких красок и праздничностью композиции, *Тулуз-Лотреку*, приковывающему прежде всего изощренной меткостью линий и импрессионистической смелостью красочных пятен, или *Грассэ*, интересного своими искусственными стилизациями, прелесть стейнленовских афиш в их своеобразной

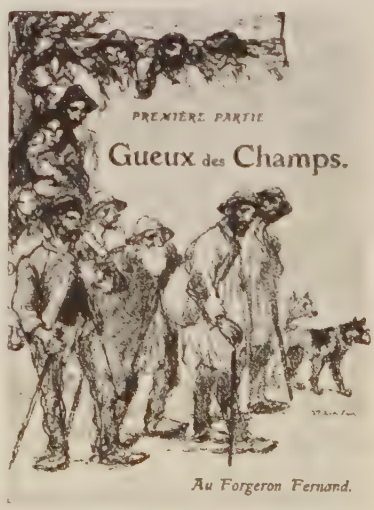
10 CENTIMES
A toute occasion **la feuille** ARGUMENTS FRAPPANTS
RÉDACTION DE 4 A 6 HEURES, 25, RUE DE NAVARIN : Zo d'Axa

Т. А. Стейнлен. Из политических литографий.

интимности, в теплоте и сосредоточенности концепции, не часто встречаемым в применении к рекламной графике. Известный и много-

Т. А. Стейнлен Плакат.

кратно воспроизведенный плакат Стейнлена для стерилизованного молока — пьющая его белокурая девочка в красном платье с тремя кошками, бесспорно настоящий шедевр интимно-жанровой трактовки афиши, а в смысле интенсивно выраженного сострадания плаката для романа Копэ «Le coupable» и келлермановского «Туннеля», или некоторые благотворительные афиши из эпохи войны не много имеют себе равного во всем французском плакатном искусстве. Не менее цельны с точки зрения революционного и чисто национального пафоса, напр., плакаты для газеты «Пти Су» в годовщину взятия Бастилии — воспроизведен на обложке сидоровской монографии и в других изданиях— или для журнала «Coccrico» с великолепным эмблематическим петухом. Животные вообще не редко появляются в стейнленовских плакатах. Не говоря уже о любимцах-кошках, неоднократно использованных и то с редким литографским мастерством по отношению к колоритной их шерсти—автор, между прочим, посвятил им отдельный альбом набросков «Des chats, dessins sans paroles» (изд. Фламариона), — можно еще указать на стадо гусей, составляющее эффектный первый план плаката мотоциклетной фабрики Комло, или на группу собак разных пород, изображенных на плакате для ветеринарной лечебницы доктора Шекона. Отмеченная выше нежность Стейнлена к животным и любовное их изучение проглядывают во всех этих композициях. Синтез же его плакатного стиля, пожалуй, лучше и полнее всего выражен в прелестной колоссальных размеров афише «La rue», исполненной в 1896 году—для типо-литографии *Шарла Верно* в Париже. Все достоинства Стейнлена в качестве выдающегося рисо-



Т. А. Стейнлен. Обложка.

5 CENTIMES
A toute occasion **la feuille** ASSOCIATION DE MALFAITEURS
RÉDACTION DE 4 A 6 HEURES, 25, RUE DE NAVARIN : Zo d'Axa

Dessin de Steinlen

А. Т. Стейнлен. Из политических литографий.

вальщика и колориста, излюбленные им современные столичные типы и, наконец, вся гармоничная уравновешенность его таланта здесь выявлены с особенной убедительностью. И этот красивый почти монументальный лист навсегда останется одним из удачнейших образцов плакат-

Т. А. Стейнлен. Из политических литографий.

ного искусства и настоящим ценным «человеческим документом» парижской улицы в данную эпоху.

Улицы Парижа и вообще широкая открытая дорога составляют как бы лейтмотив и лучших достижений мастера в области чисто книжного искусства. Не даром первый сборник песен *Аристида Брюан* 1891 года, равно последовавший вскоре за ним второй том, с которыми так тесно связан успешный первый дебют Стейнлена-иллюстратора, носили название «На улице». Позднее, в иллюстрированном издании ко-

10 CENTIMES
A toute occasion **la feuille**

LES MOUTONS DE BOISDEFFRE

RÉDACTION DE 4 A 6 HEURES, 25, RUE DE NAVARIN : Zo d'Axa

Т. А. Стейнлен. Из политических литографий.

Т. А. Стейнлен. Плакат.

медии *Анатоля Франса* «Дело Кренкебиля» самыми блестящими страницами книги являются мастерски переданные мотивы улиц столицы со всей их толкотней и своеобразным бытом, а аналогичные темы вновь повторяются в «La chanson des gueux» *Жана Ришпена* и в «Библиофильском Альманахе» 1900 года.

В брюановских песенках «Dans la rue», где на жаргоне парижских предместий воспевались специфический мир последних, разные типы солдат, апашей, проституток и бродяг столичного люмпен-пролетариата, автор и иллюстратор на редкость близко сошлись друг с другом, образуя одно неразрывное целое. Скрытый в этих куплетах протест против буржуазной приглаженности и ханжеской морали имущих, равно просачивающееся сквозь нарочитую грубость выражений сострадание к так называемым «отбросам общества» родственны были настроениям Стейнлена и адэкватно вылились в его рисунках пером, в таком изобилии брошенных на страницы обоих томиков. До известной степени, однако, лирическая струна в творчестве рисовальщика, врожденное ему чувство меры смягчили резкость и жуть образов стихотворного текста, и, как остроумно выразился издатель Эдуард Пельтан, мелодии Брюана тут транспонированы Стейнленом на одну октаву выше. С точки зрения своего распределения, эти рисунки и виньетки, врезающиеся в печатное поле и перерезающие его, произвольно введенные в круги и четырехугольники, требуют уже некоторую ретроспективность подхода, ибо слишком явно расходятся с нашими новейшими идеалами искусства книги. Но сами

Т. А. Стейнлен. Обложка.

Т. А. Стейнлен. Иллюстрация к пьесе А. Франса «Крепкебиль».

по себе иллюстрации к «Dans la rue», бывшие событием в момент своего появления, не перестали нас прельщать и ничуть не потеряли своей художественной ценности.

После «На улице» Стейнлен иллюстрировал еще несколько сборников песен, по духу и тенденциям близких к творчеству Брюана. Укажу, напр., на «Красные песни» *Мориса Букей* («Chansons rouges», изд. Э. Фламариона), равно на «Монологи бедняка» *Жана Риктюс* («Les soliloques d'un pauvre», изд. Эжена Рей). К этой группе можно еще причислить выпущенную в 1914 г. тем же Эженом Рей книгу *Люсена Декав* «Barabas».

Во всех этих изданиях тип иллюстраций, при некотором разнообразии фактуры, более или менее однороден и преимущественно состоит из мелких очень выразительных рисунков, вкрапленных в текст. И повсюду, что вообще характерно для всего иллюстрационного творчества Стейнлена, соединение автора сочинения с рисовальщиком не случайное, мимолетное, а основано на родстве мировоззрений, общественных идеалов. У обоих везде одинаково внятно звучат социальные анти-буржуазные ноты, гуманное сочувствие к бедным, голодным и униженным.

Наибольшее и наиболее ценное количество иллюстрированных Стейнленом книг носит на себе издательскую марку покойного *Эдуарда Пельтана*, фигуры очень яркой на фоне парижского книжного рынка затрагиваемой нами эпохи, которая бесконечно много сделала для обновления и возрождения современной французской иллюстрированной книги. Пельтан был демократом типа 48-го года с некоторым налетом романтизма, и деятельность его заслуживает подробнейшего освещения; здесь укажу лишь, что он одним из первых в Париже вновь стал обращать внимание и на чисто типографскую сторону роскошных изданий, на тщательный в них подбор шрифтов и иллюстраций, для передачи которых он почти исключительно пользовался деревянной гравюрой, отчасти цветной. Для пропаганды и осуществления своих идей Пельтан с 1898 года стал ежегодно издавать альманахи для любителей книг—«Almanach du Bibliophile»; всего вышло шесть томов, до 1903 года включительно,—отличавшиеся очень умелым и строгим выбором именитых авторов для специальных статей, равно талантливых молодых графиков и граверов

Т. А. Стейнлен. Плакат.

Т. А. Стейнлен. Обложка.

для иллюстраций. Так, напр., *Анатоль Франс*, который был давнишним другом издателя, неизменно сотрудничал в этих ежегодниках, и фамилия знаменитого писателя вообще очень часто повторяется в пельтановских изданиях.

К участию в них с 1900 года был приглашен и Стейнлен, и ему, между прочим, была поручена иллюстрационная часть «Альманаха Библиофила» на этот год. Выбор тут напрашивался сам собою, так как, по программе, общая тема этих иллюстраций состояла в возвеличении труда в разных его проявлениях. В рисунках Стейнлена, великолепно гравированных по дереву Фроманом, перед читателем дефилирует целая серия типов парижских рабочих и работниц в разные моменты их жизни. Одни спешат на работу, другие возвращаются домой после трудового дня; молодые женщины проходят с тяжелыми ношами или корзинами белья, а веселые «мидинет», т.-е. девушки из модных мастерских, разгуливают во время обеденного перерыва. Эти несложные композиции во всю страницу, помещенные в виде фронтисписов перед каждой статьей альманаха, дополняются очаровательными концовками, в которых изображены, напр., строительный, фабричный, речной труд и т. д.

Кроме альманаха, имя и рисунки Стейнлена встречаются еще в десятке других изданий Пельтана, большинство которых было отпечатано в ограниченном количестве экземпляров и давно сделалось библиографической редкостью. В некоторых из них художник выступал совместно с целой группой других французских графиков, как, напр., в книжке *Анатоля Франса* 1900 года, посвященной *Гутенбергу* по случаю 500-летия его рождения, или в изданных в 1902 г. «Пяти поэмах *Виктора Гюго*», где Стейнленом иллюстрирована поэма «Les pauvres gens».

Первым ценным литературным сочинением в издательстве Пельтана, совершенно самостоятельно иллюстрированным нашим мастером, был детский рассказ *Шарля Нодье* о собаке Брике («L'histoire du chien Brisquet». 1900 г.), украшенный 25 рисунками, опять мастерски награвированными по дереву. Любопытно, что на фронтисписе этого издания рисовальщик изобразил самого себя с любимой дочкой Коллетой рядом с Пельтаном в сопровождении его дочери, чем иконографически как будто подчеркивались дружественные отношения, создавшиеся между Стейнленом и его издателем. О них свидетельствует и изящный иллюстри-

Т. А. Стейнлен.

Бал (цветная литография).

Т. А. Стейнлен. Фронтиспис к «Dans la rue».

рованный каталог, выпущенный последним к выставке работ Стейнлена в конце 1903 года, и для которого вдобавок Анатолем Франсом было написано сочувственное предисловие. Годом раньше художник украсил своими заставками надгробную речь Франса на могиле *Эмиля Золя*, изданную Пельтаном в виде отдельной брошюры, отпечатанной с большой тщательностью лишь в количестве 100 экземпляров. Стейнлен для этого издания нарисовал и портрет Золя.

Однако самым капитальным из пельтановских изданий, объединивших имена Франса и Стейнлена, следует считать «Дело Кренкебиля» «(L'affaire Crainquebille»), появившееся в 1901 г. с 63 рисунками художника, которые были награвированы лучшими парижскими ксилографами, вроде обоих *Флорианов*, *Перришона*, обоих *Фроманов* и др., постоянно работавших для издательства Пельтана. Трагикомедия скромного труженика Кренкебиля, сделавшегося жертвой грубой тупости полицейского, которую Анатоль Франс трактует с такой тонкой иронией, острыми выпадами против современного суда и таким всепрощающим чувством человеколюбия, нашла себе в Стейнлене прямо конгениального иллюстратора, и из этого сочетания, при содействии Пельтана, получилось одно из самых современных иллюстрированных изданий начала нашего века. Два акта пьесы, разыгрывающиеся на улицах Парижа, дали Стейнлену возможность блеснуть своим умением изображать их со всеми местными особенностями, настроением и безустанно движущейся толпой, а также великолепно схвачены и графически воплощены сцены судебного разбирательства. И тут опять, как десятью годами раньше при издании брюановских песенок, столь полное слияние драматурга с рисовальщиком могло совершиться лишь благодаря общему камертону всей их психики, мировоззрения и общественных симпатий.

Такой же обоюдный камертон чувствуется и в последнем из пельтано-стейнленовских изданий, вышедших в 1909 году «Песнях Босяка» *Жана Ришпена* с 216 рисунками, которые первоначально должны были исполняться литографией, этой любимой графической техникой мастера, но ради типографской цельности книги потом переданы были фотохимическим способом. «La chanson des gueux», впервые изданная в 1876 году и стоившая тогда Ришпену судебного процесса за нарушение общественной нравственности, по своим темам, тенденциям и основной творческой подкладке имеет чрезвычайно много общего со сборниками песен Аристида Брюана, и Стейнлену, таким образом, в стадии полного зрелого

Т. А. Стейнлен. Иллюстрация к пьесе А. Франса «Кренкебиль».

расцвета таланта пришлось вернуться к сюжетам, вдохновлявшим его в начале его художественной карьеры. Излишне сказать, что он оказался на высоте задания и что карандаш его опять зазвучал в унисон с образами и ритмом поэта. Ришпеновская «Песня Босяков», распадающаяся на три отдельных части—«Gueux des champs», «Gueux des Villes» и «Nous autres gueux»—вместе с «На Улице» Брюана и «Делом Кренкебиля» Анатоля Франса образуют собой как бы триаду главных шедевров Стейнлена-иллюстратора. Самое существо его таланта и творческой личности, все совершенство его технических приемов здесь отразились с возможно полной насыщенностью.

Нельзя вообще умолчать, что в последние годы своей жизни покойный мастер оставался как-то в тени, и фамилия его все реже стала появляться на страницах французских журналов. Причин для этого было много. Стейнлен не принимал никакого участия в борьбе и полемиках, которые еще до войны разгорелись вокруг новых течений и устремлений французского искусства, и, повидимому, цельная его натура, сразу вылившаяся в такую определенную, ясную художественную личность, мало была склонна к эволюциям в зрелом уже возрасте, к исканию новых путей. В связи с этим и техника его редко обновлялась, с годами не приобретала новых акцентов и более молодому поколению уже не могла не казаться устаревшей. Поредели давнишние литературные и художественные связи, в 1912 году сошел в могилу Эдуард Пельтан, главный издатель Стейнлена, а для большинства французских издателей явно буржуазного склада социалистические воззрения и демократические симпатии мастера оказались мало привлекательными и подчас даже неприемлемыми. Вдобавок, ярый национальный шовинизм, за время и после войны с такой силой вспыхнувший во всех областях французской культурной жизни, естественно, не нашел отклика в душе Стейнлена.

Неудивительно поэтому, что смерть Стейнлена, для западного художника в таком возрасте, несомненно, преждевременная, не отразилась в парижской художественной прессе громким эхо и не вызвала большого количества статей, воспоминаний и очерков о покойном. И, хотя почти год уже истек с момента его кончины, что-то не слышно о посмертной выставке, являющейся обычно обязательным заключительным аккордом творческого процесса каждого более или менее значительного художника. Все же нельзя сомневаться, что друзья и поклонники Стейнлена позаботятся об ее устройстве и что все художественное наследие покойного мастера, все содержимое его мастерской и папок станет доступным для обозрения. И лишь тогда, когда все подготовительные работы к его известным произведениям, все то, что мастер при жизни не выпускал из своей художественной лаборатории, как одно целое, предстанут перед зрителем, наступит время для надлежащей и окончательной оценки творчества Теофиля Стейнлена. Страницы данного очерка являются не более как предварительным к ней опытом.

Т. А. Стейнлен. Иллюстрация.

ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР.—А. Лежнева. 2. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В МОСКВЕ. (Начало сезона.) — П. Маркова. 3. МУЗЫКА В МОСКВЕ. — Е. Браудо. 4. О НОВОЙ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. — И. Маца. 5. ВЫСТАВКИ ЗАПАДНОГО ИСКУССТВА. — А. Греча.

1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР.

А. Лежнев.

(С. ЕСЕНИН. Стихи. 1920—1924. «Круг». — С. Есенин. Москва кабацкая. — Л. СЕЙФУЛЛИНА. Собрание сочинений. Т. I — Преступленье. Т. II — Виринея, Т. III — Путники. Изд. «Современные Проблемы»).

I.

«Москва кабацкая» пользуется репутацией «страшной», «жуткой» книги. Здесь есть несомненное преувеличенье. Конечно, страшно и жутко, что талантливый поэт, один из самых одаренных поэтов современности, вместо того, чтобы серьезно работать над собой, проводит дни и ночи в кабаках, болеет белой горячкой и огораживается столиком пивной от современности. Но это—соображения больше биографического, чем литературного порядка. Правда, они не единственные. Тяжело, конечно, когда поэт со звонким, молодым голосом начинает говорить шопотом и имитирует старческие интонации, когда его горизонт суживается до четырех стен комнаты. Тяжело читать стихи с несбитаемого острова, про которые никак не скажешь, когда, в какую эпоху они написаны, потому что все связи с общественностью в них порваны. Но невольная ирония, не замечаемая автором, заключается в том, что в этих «кабацких» стихах, в сущности, очень мало кабацкого. В этом смысле репутация есенинского сборника не заслужена. За «страшным» названием «Москва кабацкая» скрываются мягкие лирические стихотворения, грустные и жалобные:

Грубым дается радость,
Нежным дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль.

Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак.
Эта прямая дорога
Меня привела в кабак.

В них совершенно отсутствует поэтизация разгула или то порочное очарование, которое присуще, например, стихам Бодлера. Потому нельзя говорить об их опасности. Есенин кается еще прежде, чем согрешил. Даже немногие действительно «кабацкие» стихи, имеющиеся в сборнике, переполнены возгласами отвращения и самоосуждения:

Не с того так чадит мертвячиной
Над пропащей этой гульбой...

Я такой же, как вы, пропащий
и т. д.

Но эти «кабацкие» стихи, где автор чуть ли не морализует, как член «армии

спасения» (смотрите, к чему приводит порочная жизнь!)—самые слабые в книге. Гораздо лучше его элегические стихотворения (они преобладают и численно). В них можно проследить два лейтмотива: сожаление о погубленной молодости, о погубленной жизни:

Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок...

и тоску по деревне, по дому, по детству:

А сейчас, как глаза закрою,
Вижу только родительский дом,
Вижу сад в голубых накрапах...

В «Любви хулигана» эти два мотива сплетаются с третьим: эротическим; в результате получаются вещи совершенно необычайной—даже для Есенина—нежности и задушевности. Эти первые любовные стихотворения Есенина нельзя даже назвать «эротическими»,—так мало в них эроса. Здесь гораздо больше грусти, элегических излияний, чем страсти:

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой осталась.

«Москва кабацкая»—книга кризиса, книга болезни и перелома. Этого нельзя заметить, если брать ее вне связи с последующим творчеством поэта. Взятая изолированно—это самая интимно-лирическая и комнатная из книг Есенина, пожалуй, наиболее спокойная и уравновешенная, несколько однообразная по тону, приемам и ритму (из 16 стихотворений сборника 11 написаны одним и тем же размером). Есенин в ней как бы обрубает все провода, связывающие его с общественностью. Он—целиком в кругу личных переживаний. Кризисный характер книги становится очевидным только тогда, когда мы сопоставляем «Москву кабацкую» с тем, что написано Есениным до нее и—особенно—после нее. Эта эволюция Есенина отчетливо показана в сборнике его стихов, выпущенных «Кругом», в который «Москва кабацкая» входит составной частью.

В «Москве кабацкой» Есенин—одинокий человек, растерявшийся в окружающей обстановке, не знающий куда себя приткнуть. Романтика первых лет революции, столь близкая и родная поэту, схлынула, наступили трезвые, деловые будни. Озорство «Сорокоустов» и «Исповедей хулигана» устарело, приелось—и поэт со всей своей архаической деревенской романтикой оказался как будто бы лишним в буднях революционного города. Отсюда—уход в себя, кабак, преждевременная надломленность:

Я душой стал, как желтый скелет.

У Маяковского этот тяжелый душевный кризис проявился бы, вероятно, страстно, бурно, тяжело. У Есенина же, с его лирическим темпераментом, он принял формы резиньяции, тихой, почти умиротворенной грусти. Но уже в «Москве кабацкой» замечаются признаки перелома. Поэт прощается с хулиганством (надо, впрочем, заметить, что у Есенина оно никогда не было настоящим) и собирается уйти от старой больной жизни, чтобы

Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Явственно виден этот перелом в цикле стихотворений, следующем за «Москвой кабацкой». Они еще сохраняют элегический характер, но уже у поэта начинают раскрываться глаза на окружающий мир. Кабацкий туман рассеивается, все громче начинают звучать голоса радости и любви к жизни:

Много дум я в тишине продумал.
Много песен про себя сложил.
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Наконец, поэт разрывает заколдованный круг личной лирики и как будто впервые замечает то, чего прежде не видел: новую Россию. Здесь—разрешенье кризиса. Если не выздоровление, то начало выздоровления.

Родина оборачивается к Есенину какою-то новою, незнакомой ему стороной:

Что родина?
Ужели это сны?

Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны.

Новая жизнь: сестры-комсомолки, выбросившие иконы, деревенская молодежь, что

Под гармонику наяривая рьяно,
Поет агитки Бедного Демьяна...

красноармеец, рассказывающий про Буденного и взятие Перекопа,—все это ошеломляет поэта:

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?

Он как будто продолжает считать себя лишним, ненужным. Но это, конечно, не так. Кризис поэта завершается. Болезнь преодолена. В «Руси Советской», в «На родине» Есенин снова связывает обрубленные в «Кабацкой Москве» провода к общественности. Он, правда, еще не совсем разобрался в новом, смотрит на это новое со стороны, но все-таки, как друг, а не как безразличный человек:

Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.

Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней—
Уж не село, а вся земля их мать».

Идеологической эволюции поэта соответствует формальная его эволюция. «Москва кабацкая» не явилась перерывом в развитии его мастерства. Через нее к позднейшим стихам тянется одна и та же непрерывная линия. Поэт все дальше отходит от имажинизма к классическому стиху, к Пушкину. Эксцентричность образа, перегруженность образами, отсутствие цельности в композиции, ставка на оглушение читателя резкостью или непристойностью заменяется ясным построением стихотворения, прозрачностью мысли и замысла, образом целесообразно построенным и не избыточным, стремлением действовать не отдельным хлестким местом, а всей органической целостностью вещи. Увлечение Пушкиным заходит у Есенина слишком далеко (особенно в «Руси Советской»). Иные стихи почти буквально повторяют Пушкина. Дает себя знать также известное однообразие приемов. Но эти недостатки не могут все-таки заслонить основного факта: несомненного роста Есенина. Книга его стихов за 1920—1924 г.г., где имеются такие вещи, как «Памяти Ширяевца», «На родине», «Русь Советская», «Письмо матери», «Годы молодые», «Не жалею, не зову, не плачу», «Все живое особой метой»—лучшая из его книг.

II.

Сейфуллина признана *де-факто*, но не совсем *де-юре*. Для читателя она уже давно—в ряду лучших современных писателей. Критика же еще порой пренебрежительно пофыркивает (особенно, если эта критика—барски-эстетского пошиба, как, например, в «Русском Современнике»), хотя, в общем, и признает крупное дарование молодой писательницы. Мы не думаем, чтоб ей стоило особенно огорчаться по этому поводу. В конце концов, для автора не всегда и не всякая критика — последняя инстанция. Часто мнение читающей массы бывает гораздо более важным. Совпадение в оценке обеих сторон случается довольно редко. До последнего времени оно как будто происходило по отношению к Бабелю: ценители его таланта с недоверием и даже с каким-то тайным страхом следили за тем, как с одобрением читателя сливается согласный хор критической хвалы. Боги завидуют чрезмерному счастью,—и они уже думали: не пора ли Бабелю бросить в море перстень, то бишь написать плохой рассказ, настолько плохой, что он бы мог рассчитывать на одобрение Тарасова-Родионова? Но вот вышел 3-й номер «Октября»—и они могли свободно вздохнуть: Бабелю не нужно писать плохих рассказов,—в критической бочке меду есть уже ложка дегтю.

Теперь, когда произведения Сейфуллиной, прежде разбросанные по разным журналам и сборникам, собраны в три тома сочинений (сюда не вошел только

первый по времени, затерявшийся рассказ писательницы «Павлушкина карьера»), особенно ясно выступает одна ее особенность: у Сейфуллиной нет некоторого постоянного среднего уровня мастерства, от которого (как это бывает у многих, даже у большинства писателей) отдельные произведения лишь незначительно бы отступали вверх или вниз. Амплитуда колебаний ее мастерства огромна. Перед нами как будто два писателя: один—мастер полнокровного, уверенного, широкого искусства, создатель «Виринеи», «Перегноя», «Правонарушителей»,—этих вещей, которые сделали имя Сейфуллиной знакомым и близким многотысячному читателю и в лучших страницах которых есть нечто от Толстого; и другой—автор третьесортных, жидких, безвкусных повестей, вроде «Четырех глав». Неудачность «Четырех глав» может быть объяснена тем, что это—одна из первых вещей писательницы (неправ поэтому Ю. Тынянов, считающий «Четыре главы» каким-то новым этапом на пути Сейфуллиной, за которым—«план почти неожиданный и во всяком случае жуткий—дамские романы»; на деле развитие писательницы происходило как раз наоборот: «Четыре главы» написаны не *после*, а *до* «Перегноя», а «Перегной»-то уж вряд ли можно назвать дамским романом). Но вот перед нами последняя, еще неоконченная большая вещь Сейфуллиной—«Путники»,—роман, хотя тоже вовсе не дамский. Написан он гораздо лучше «Четырех глав», без этой кричащей безвкусицы. Но по существу это такая же худосочная, неживая вещь, как и «Четыре главы». Дело здесь, очевидно, не в авторской неопытности, а в чем-то другом. «Виринея» написана почти одновременно с «Путниками». Между тем, какое обилие жизни, какое богатство красок в «Виринее»—и какое обилие слов, какое утомительное резонерство в «Путниках»!

Колебание мастерства Сейфуллиной происходит не случайно, а подчинено известной закономерности. Удаются ей вещи, где показано крестьянство, не удаются—те, где выведена интеллигенция, буржуазия, барство. Хорош «Перегной»—и плохи «Четыре главы», сильна «Виринея»—и слабы «Путники», «Губернатор», «Ноев ковчег». В самой «Виринее» наименее яркие места, искусственные по языку и даже немного фальшивые—те, что относятся к интеллигентам. Крестьяне у Сейфуллиной живые, действуют и разговаривают естественно, их напряженной внутренней жизни веришь, их резкие душевные конфликты считаешь настоящими. Интеллигенты ее повестей выдуманы, выдуманы еще до нее доброй дюжиной российских писателей — преимущественно из второразрядных; их диалог книжен; их переживания, их драмы кажутся сочиненными, хотя, быть может, описывая их, автор добросовестнейшим образом передает наблюденное, проверенное, знакомое. Все это говорит за то, что Сейфуллина гораздо ближе по своим симпатиям и склонностям, по складу ума и характера к крестьянству, чем к интеллигенции (здесь не лишне будет вспомнить, что по происхождению она наполовину крестьянка и много лет работала как сельская учительница, т.-е. в самом близком общении с крестьянством). Колебания ее мастерства, таким образом, проще и легче всего объясняются классово-психологическим моментом.

Лучшей и, уже во всяком случае, самой характерной для Сейфуллиной вещью является «Виринея». В смысле общественного захвата, как широкое революционное полотно, она уступает «Перегною»: в центре повести уже не революционная деревня в целом, а личная драма Виринеи. Но нигде положительные стороны писательницы не проявились так полно, как здесь. Из всех ее крупных вещей «Виринея» построена всего крепче. Идея, которая в «Путниках» выпирает из плоти произведения, как ключицы у чахоточной девушки, здесь органически срослась с художественной тканью повести. Приходится иногда слышать, будто язык «Виринеи» делан, иконописен. Это не так. В «Виринее» элементы сказа, имевшиеся всегда у Сейфуллиной, получили наиболее законченное выражение. Это — первый с начала до конца выдержанный сказ писательницы. Именно в отношении язы-

ка Сейфуллина проявила большое мастерство: ее сказ кажется не стилизацией, а свободно льющейся речью. Язык ее получает неестественную напряженность как раз в тех вещах, где она отходит дальше всего от сказа («Четыре главы», «Ноев ковчег»). Получается впечатление, что настоящим-то свойственным Сейфуллиной языком является крестьянский сказ, а вот обычная повествовательная манера—у нее не более, как стилизация, иногда плохая.

Особенно хорошо получилась у автора фигура самой Виринеи. Виринея—очень редкий, еще почти не показанный в нашей литературе тип новой деревенской женщины (аналогичный встречается, кажется, только у Неверова), непохожий на традиционную забитую, жалостливую, терпеливую бабу. Для нее прежде всего характерно непокорство, протест. Этот протест направлен сперва против того, с чем ей, как женщине, больше всего приходится сталкиваться и что ее особенно сильно давит; против окаменевших форм семьи, отношений между полами и особенно против того лицемерия, которое неизбежно связано с существованием устарелых форм жизни. Один из персонажей повести, Павел, очень метко замечает ей: «Об грехе своем ты больше шумишь, чем грешишь». Это действительно так. Виринея больше шумит о грехе, чем грешит, потому что она не деревенская Кармен, как это представляется иному проницательному читателю, а протестантка. От этого же протеста против лицемерия—ненависть к «господам», то, что она, если уж «грешит», то с «простым народом». Господа ей ненавистны тем, что свое распутство замазывают, облекают в красивые фразы, скрывают за громкими словами: «Нашинскому, из черного, народу совесть не дозволит—про эдакое дело голосом даже таким договариваться. Вот с того и мутит меня от вас. Эх, вы, господа. И в пакости—чисто в святости. Это только низкий народ грешит, а вы и в грехе спасаетесь», отчитывает она инженера, предложившего ей пойти «в прислуги». Постепенно, однако, Виринея от протеста против лицемерия старых форм отношения между полами переходит к протесту против всего старого уклада жизни, против причин, породивших этот уклад. Она становится большевичкой. В этом не только нет неправдоподобности, надуманности, неоправданного психологического скачка, но в этом именно сказывается огромное художественное чутье автора, глубина ее психологического подхода.

Хорош также Магара. В сущности, он, конечно, является лишь новой вариацией старого типа, восходящего к Леониду Андрееву, оттуда — к Достоевскому, а затем—дальше вглубь веков—к традиционному русскому разбойнику-святителю. Религиозный экстаз сильного, жадного до жизни человека—отнюдь не аскета, экстаз, напряженный до того, что за ним (если неудача)—срыв: к богохульству, к «греху», к растаптыванию вчерашних верований—показан Сейфуллиной с неожиданной стороны, с комической. Великолепная сцена неудачного умирания Магары — шедевр в этом роде, своего рода иронический pendant к Достоевскому.

Сейфуллина, вообще, прекрасно умеет высекать характерные, полные жизни, типичные фигуры. Ее Павел, нарисованный несколькими скупыми чертами, ее старозаветная упрямая негнущаяся фанатичка-старуха (рассказ «Старуха»), ее детские типы, и даже этот полукомический «инструктор красного молодежа»—все это доказывает, насколько сильна и разностороння ее пластическая способность. В этой пластической способности да в прекрасном бытовом языке, которым говорят герои Сейфуллиной—самые крупные плюсы писательницы.

Современную прозу иногда рассматривают со стороны влияния на нее двух гигантов русской литературы: Толстого и Достоевского (при этом делаются, конечно, и натяжки, так как трудно такой многообразный материал, как современная проза, уложить по радиусам двух, хотя бы и очень сильных, индивидуальных влияний). У Сейфуллиной преемственная связь с Толстым несомненна. Она сравнительно слабо проявляется в области формы (хотя и тут можно установить некоторую зависимость—«Тихон и Маланья», рассказы для народа), но зато отчетливо—в том, что можно назвать художественным миро-

ощущением. Как и у Толстого, в поэзии Сейфуллиной сильно «языческое» (по терминологии Мережковского) начало—любви к жизни, к земле, ко всему тому, что «душу облекает в плоть». Как и у Толстого, повышенное чувство радости жизни, наслаждение всеми ее, даже животно-бессознательными проявлениями, связано с повышенным страхом смерти: «Вдруг необычайно отчетливо, будто по-новому услышала мычание коровы, живую возню свиньи рядом в хлевушке, ощутила запах навоза и снега и свое живое теплое тело. Черным холодным крылом в мозгу вдруг мысль: как же, как же это? Сразу застынут жилы, остановится кровь, и уйдет все живое из глаз? Будет мычать корова, будет ворошиться свинья, в свой час согреет всех солнышко, а она, Вирка, будет лежать в земле. Сильный страх встряхнул дрожью все тело. Бросила ведро и на свет, во двор, быстро выбежала. Дышала так жадно, будто, правда, от смерти сейчас высвободилась. И до конца дней ощущала ясно и радостно крепкое тело свое».

Отсюда же, от этой огромной радости жизни, от любви к плоти, к телу—и многочисленные сцены любви у Сейфуллиной, иногда до последней степени реалистические и чрезмерные в своем обилии.

Сейфуллину принято считать «попутчиком». Но, по существу, она ничем не отличается от писателей типа Неверова. Разве только тем, что дарование ее крупнее. Во всяком случае, между «попутчиками» пильняковского толка и Сейфуллиной—разница огромная. Невозможно и их и ее объединять под одним названием.

III.

Диалог.

А. Действительно, Сейфуллина показала революцию в ее крестьянском обличьи. В нарисованной ею картине отсутствует пролетариат, его сознательное руководство, его целеустремленная воля. Но, скинув со счетов пролетариат, выявив только крестьянскую неорганизованную стихию, мужичий бунт, разве не снизила она тем самым революцию, разве не отразила ее однобоко, неполно, лишив ее живой души, смысла, а следовательно, разве не исказила ее?

Б. В ваших словах я слышу отзвуки очень старинных критических максим. Вы упрекаете Сейфуллину в том, что она показала только неорганизованную крестьянскую стихию. Я считаю, что ваш упрек необоснован, но спорить сейчас не стану. Предположим, что вы правы—и Сейфуллина действительно показала революцию односторонне, однобоко. Что же из этого следует? Уже Плеханов отметил, что требование, которое так часто выдвигается по отношению к художнику, старое гегелевское требование полноты изображения (поэт должен показать предмет или явление со всех сторон)—в сущности невыполнимо. На деле во всей мировой литературе нет ни одного произведения, которое бы не было «однобоким», которое бы—так или иначе—не страдало бы односторонностью. Трудно, кажется, найти писателя более объективного, «широкого», чем Лев Толстой. Однако, читая «Войну и Мир», не заметили ли вы, что в «нарисованной им картине» отсутствует такая мелочь, как крепостное право? Во всяком случае, современники Толстого это заметили. Толстому пришлось оправдываться в своем предисловии к роману. Он заявил: я не показал ужасов крепостного права, не показал Салтычихи, потому что их не видал. И это было совершенной правдой. Толстой знал, конечно, не хуже нас с вами, что Салтычиха и ужасы крепостного права были, но, как художник, он этого не видел. Это было вне поля его художественного зрения. Но не показать крепостного права в картине русского общества начала XIX века—это такая же однобокость, как не показать пролетариата в картине русской революции 1918 года. Тем не менее, вы считаете «Войну и Мир» произведением огромной художественной ценности и в достаточной мере объективным. И, конечно, и то и другое верно. Нелепо предъявлять к художнику требование: покажи мне именно то, а не это. Художник показывает только то, что он «видит». А видит он далеко не все. Викт. Шкловский говорил на одном из литературных диспутов, что

художник всегда клевещет. Если под клеветой разуметь намеренную неправду, которая говорится с той целью, чтобы очернить классового врага, — то он неправ. Но он прав в том смысле, что писатель не может не «искажать» явлений действительности, как цветное стекло не может не изменять естественной окраски вещей. Как цветное стекло пропускает только световые волны определенной длины, а остальные задерживает, так и писатель показывает только известный ряд явлений, а остальные ряды оставляет в тени. Если б не это цветное стекло писательской психики, то искусство свелось бы к простому протоколированию действительности. Иначе говоря, искусства бы тогда вовсе не было. В известном смысле можно даже сказать, что произведение будет тем лучше, чем ярче, интенсивнее окраска стекла. Задача марксистской критики не в том, чтобы отрицать существование такой цветной среды, а в том, чтобы показать, что ее окраска не случайна, в том, чтобы выяснить те причины, которыми вызывается образование именно такой цветной среды и самый процесс ее образования.

А. Вы сочли почему-то нужным опрокинуть на меня целый ушат общих мест. Между тем предмет нашего спора очень конкретен. Дело вовсе не в том, что Сейфуллина недостаточна объективна. Если из нас двух кто-либо грешит чрезмерным пристрастием к «объективности», то это отнюдь не я. Совершенно верно, что каждый писатель «однобок». Тут вы не сказали ничего нового. Но однобокость-то бывает разная. Да, художник смотрит на мир сквозь цветное стекло. Но для нас важно, какого цвета это стекло. Толстой не замечал Салтычихи. Почему? Потому что на нем были барские, помещичьи, дворянские шоры. Сейфуллина не замечает пролетариата. Почему? Потому, что на ней интеллигентские шоры. Пристрастие к крестьянству типично для известной части современной интеллигенции. Из двух зол выбирают меньшее. В крестьянстве спасаются от пролетариата. Вы видите, что ваш пример обращается против вас же. Не за то мы упрекаем Сейфуллину, что она однобока, а за то, что однобокость ее плохая. За то, что она не показала в революции главного,—ее смысла, ее исторического значения. Вы говорите: нельзя к художнику предъявлять требования: покажи мне то, а не это и т. д. Плеханов это выразил короче: научная эстетика не знает категории должного. Да, наука не знает. Но, кроме науки, имеется еще живой читатель, живая общественность, развивающаяся вот сейчас, общественность сегодняшнего дня, революция. Они-то требуют и имеют право требовать. От них художник не смеет отмахнуться. Конечно, когда мы говорим: писатель должен,—это надо понимать в определенном смысле. Мы, разумеется, не можем физически заставить писателя писать так, а не иначе — и не собираемся это делать. Но мы говорим ему: революция предъявляет к тебе определенные требования, она дает тебе определенный заказ. Ты же не выполняешь этого заказа, ты не помогаешь, чем можешь, революции, а действуешь в сторону торможения. Подумайте, как должны действовать на читателя эти вечные сцены крестьянской дикости, зверства, самосудов и изнасилований, которыми переполнен хотя бы сейфуллинский «Перегной»? Это выпячивание на первый план жестокости? Не вызовет ли это такие эмоции, такие чувства, которые понизят нашу готовность к борьбе, нашу революционную бодрость, боеспособность? А ведь не забудьте, что искусство—прежде всего средство эмоционального заражения!

Б. Как же забыть, когда вы это чуть не каждый день повторяете? Я, конечно, не стану вас упрекать в том, что свое определение искусства вы заимствовали у идеалиста Толстого: правильные определения встречаются у идеалистов, даже у Гегеля и у Белинского в пору его увлечения Гегелем, хотя если бы этим определением воспользовался я— вы бы меня не замедлили упрекнуть в идеализме. Но даже правильными определениями надо уметь пользоваться. Впрочем, в виду вашей нелюбви к общим рассуждениям, постараюсь сначала ответить по конкретному предмету нашего спора.

Совершенно неверно, будто Сейфуллина показывает лишь неорганизован-

ную, беспорядочную крестьянскую стихию, слепой мужичий бунт. Она рисует только, как революция происходила в деревне, в толщах отсталого крестьянства юго-востока. Революция показана в крестьянском разрезе, но это не значит, что ее смысл пропал. И Софрон из «Перегноя», и Павел из «Виринеи», и много других второстепенных фигур повестей и рассказов Сейфуллиной отчетливо сознают смысл и цели революции. Она для них—не слепой бунт, а великое движение, направленное к уничтожению классового господства, к установлению «царства» трудящихся. Конечно, они воспринимают революцию своеобразно—и какой-нибудь Артамон Пегих может сказать перед смертью:

— Господи батюшка, прими дух большевика Артамона!

Но это уже своеобразие не авторского субъективизма, а исторических условий революции в аграрной, хозяйственно отсталой стране. Но всего удивительнее ваша ссылка на то, что изображение жестокости, самосудов и т. д. может возбудить в читателе нежелательные эмоции, понизить революционную готовность. Тот читатель, которого это оттолкнет, все равно потерян для революции: ее в белых перчатках не делают. Читатель же революционный воспримет произведения Сейфуллиной совершенно иначе. Они у него сразу будут вдвинуты в правильную революционную перспективу. Вы говорите, что пролетариата нет у Сейфуллиной: это правильно, поскольку рабочие не являются объектом ее изображения. Но дерево можно нарисовать непосредственно, а можно показать, дав лишь падающую от него длинную тень. Сейфуллина и показала пролетарскую революцию по огромной тени, отбрасываемой ею на крестьянское движение. Сделала ли она этим полезное или вредное с точки зрения революции дело? Мне кажется, что здесь не может быть двух ответов.

В конце концов, если продолжить логически ваши рассуждения, выйдет, что писатель не имеет права изображать революцию в деревне, а должен брать непременно город и завод, т.-е. выйдет явный абсурд. Уже не только с художественной точки зрения, но и как материал для уяснения характера революции в деревне, как ориентировочный материал для современника, как материал для будущего историка произведения Сейфуллиной имеют неоспоримое значение.

«Искусство—средство эмоционального заражения»—это правильно, хотя и недостаточно, так же, как правильно, но недостаточно другое определение: «искусство—познание жизни». Но—повторяю—надо этим правильным определением правильно пользоваться, а вот, когда пользуетесь вы, мне вспоминается возражение Маяковского: «Искусство не сифилис, чтобы заражать». Вот именно: для вас искусство—прежде всего инфекция, которая требует терапевтического, а то и хирургического вмешательства. В основе ваших рассуждений лежит крайнее недоверие к уму, опытности, устойчивости читателя. Простите, но мне кажется, что вы его представляете полу-идиотом. Пользуюсь выражением Луначарского: вам кажется, что достаточно зрителю увидеть на сцене чорта, чтобы поверить в чертей. Ведь даже против бактериальной инфекции организм имеет очень действительные средства защиты—насколько они действительны, показывает тот факт, что, в общем, люди большую часть своей жизни здоровы, а не больны,—а вот против инфекции искусством сознание читателя оказывается беззащитным. Вы как будто готовы согласиться с Платоном, желавшим запретить в своем идеальном государстве музыку—на том основании, что она возбуждает хаос трудно учитываемых эмоций, будоражащих психику и отклоняющих ее в нежелательную сторону.

«Искусство—средство эмоционального заражения»... Но для того, чтобы это было верно, нужно видеть в художественном произведении больше, чем одну его сознательную тенденцию. Между тем для вас существует именно только сознательная тенденция, вы считаетесь только с ее воздействием на эмоциональную сферу читателя. Но если бы это было действительно так, если бы влияние искусства ограничивалось воздействием тенденции, то являлось бы совершенно непонятным, как это мы находим возможным рекомендовать массовому чита-

телю произведения классиков: Гоголя, Толстого, Достоевского. Их следовало бы попросту запретить, так как их сознательная тенденция в большинстве реакционная, идеалистическая и т. д. В чем же здесь дело? Ошибаются ли те, которые считают нужным ознакомить читателя-рабочего, читателя-крестьянина с классиками—или они поступают правильно? Конечно, ошибки нет, конечно, поступают правильно. Действие художественного произведения на читателя не только не ограничивается влиянием сознательной тенденции автора, но часто даже не совпадает с ее направлением, идет в разрез с ней. Примеры общеизвестны: критика не раз—и с полным правом—доказывала Толстому, что «Мне отмщение и Аз воздам» отнюдь не вытекает из его романа. Читатель, наслаждающийся художественной силой «Братьев Карамазовых», вовсе не обязан разделять взгляды старца Зосимы; он может рассматривать роман и коллизии его героев с совершенно иной, чрезвычайно далекой от Достоевского, точки зрения—и это нисколько не уменьшит силы его эстетических эмоций. Равным образом нет для него необходимости воспринимать «Ревизора» на фоне идей Гоголя об устроении душевного града и т. д. Словом, сплошь и рядом, мы из произведения писателя делаем выводы, противоречащие той тенденции, которая вкладывалась в них авторами. Это происходит потому, что художественное произведение воздействует на нас не столько непосредственными выражениями писательского кредо, сколько всем своим материалом, всей суммой заключенных в нем синтезов и обобщений действительности.

А. Теория, что и говорить, новая и необыкновенно отчетливая. Насколько я понимаю, здесь опять—искусство, как познание жизни: несмотря на идеологические грехи автора, произведение сохраняет свою ценность, благодаря собранному в нем жизненному материалу. Так что ли?

Б. Хотя бы.

А. Что же, я не стал бы возражать и против такой концепции. Или—вернее—возражать пришлось бы слишком пространно. Между тем наш спор и так затянулся. Поэтому я не отвечу и на ряд других ваших замечаний, с которыми я не согласен, и обойду молчанием то обстоятельство, что вы опровергали утверждения, которых я вовсе не высказывал. Но меня интересует другое. Мы спорили с вами по очень конкретному и, в сущности, несложному вопросу: о революционном значении произведений Сейфуллиной. Не находите ли вы, что для того, чтобы его решить, незачем было забираться в дебри общих вопросов, развить попутно две литературные теории и призвать в свидетели: Гегеля, Белинского, Платона, Вик. Шкловского, Луначарского, Толстого, Маяковского, Достоевского и Гоголя? Недоставало только Бабеля с «Конармией». Надеюсь, впрочем, что этот недостаток вы постараетесь исправить.

Б. Ваша ирония пропадет даром. Этот мяч мною не будет подхвачен. Вы опять неправы. В том-то и дело, что вопрос, который кажется вам таким несложным, на деле не так уже прост. Вы упрекаете меня за то, что я забираюсь в теорию. Но когда имеешь дело с критикой, работающей по несложному рецепту из поваренной книги,—рецепту, освобождающему от обязанности изучать произведение, вдумываться в него, от необходимости иметь вкус, талант, да и просто голову на плечах—то волей-неволей приходится вдаваться в теорию, даже в общие места теории: для того, чтобы сделать ясным каждому, что трафарет—есть трафарет, и что поваренного рецепта недостаточно для критики. Вы иронизируете насчет «Конармии». Но почему, говоря о Сейфуллиной, приходится затрагивать и Бабеля? Не потому, конечно, что они пишут похоже, а потому, что упреки, которые делаются критикой и Сейфуллиной и Бабелю, да еще доброму десятку других писателей, похожи друг на друга, как две капли воды.

II. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В МОСКВЕ.

Начало сезона.

П. Марков.

Сезон начался хмуро и серо, по существу, он был продолжением прошлогоднего, он не выдвинул еще новых проблем и не принес разрешения старым; и его смутное лицо не успело проясниться; так же, как и в прошлом сезоне, происходила ассимиляция театральных форм и поиски социологического и идеологического фундамента. Во многом играли роль тяжелые экономические условия, в которые поставлен театр и в окружении которых он принужден искать и утверждать исходные пункты своих работ: падение сборов выдвинуло перед некоторыми из них вопрос о дальнейшем существовании; слухи о возможном материальном крахе того или иного из театра возникали не раз.

Однако экономический кризис еще более подчеркнул тяжесть художественного, разрешение которому еще не пришло. В особенности для театров с установившейся и закрепленной традицией. Возвращение Художественного театра и столетний юбилей Малого—театральными событиями не явились. В торжественности, которой были обставлены первый спектакль художественников и празднество в Малом театре — было больше уважения к прошлому, чем непосредственного отклика на настоящее.

Судьбу старшей группы художественников предвидеть трудно. Долгий отрыв от созидательной работы отбросил их в рамки привычного и теперь заштампованного репертуара. Вероятно, серьезность настоящего положения глубоко понимают внутри самого театра. По крайней мере, справив двадцатипятилетний юбилей, он оказался перед парадоксальной необходимостью строиться заново. Административно это выразилось в предоставлении полной автономии первой студии, образовавшей самостоятельный театр (МХТ 2-й), в ликвидации студийной системы и в сохранении в качестве единственной студии МХТ—бывшей второй. Несколько лет раздробляясь и распыляясь, рассеизая вокруг метрополии многочисленные и не всегда ценные колонии, Художественный театр стремится восстановить былое единство и отказывается от политики неумеренного размножения. Вызывает, однако, сомнение правильность выбора второй студии в качестве основного рассадника и питомника молодых талантов и зерна молодой части труппы МХТ. Вторая студия наиболее законопослушная и наименее преуспевающая из всех колоний МХТ. Соединение ее актеров со старым и опытным ядром вернувшихся художественников пока не дало ощутительных результатов.

Более того: остается неясной общая платформа, которая должна оправдать новое единство МХТ—ни идеологическая, ни художественная. Она может определиться ярче всего в новых постановках. Пока же мы имеем несколько возобновлений старых, в которые существенных видоизменений внесено не было. «Смерть Пазухина» хотя и демонстрировала отсутствие щедринской сатиры в режиссуре, но обнаружила крепость и глубину реалистических дарований старых актеров МХТ—Грибунина, Москвина, Леонидова. Спектакль, впервые поставленный 10 лет тому назад, напомнил о былом умении художественников «слушать жизнь», но доказал невозможность объективного и равнодушного бытоизображения. Рядом с вернувшимися художественниками актеры бывшей второй студии, воспитанные в ученической обстановке, казались слабыми учениками; они не выходили из шаблона плохо воспринятой и творчески не переработанной системы. Однако разрыв старшего и младшего поколений совсем ясно вырисовался в спектакле «Царя Федора Иоанновича». На нем

Гос. Ак. Малый театр. «Волчья душа». Режиссер Н. О. Волжинский, художник В. А. Симов.

лежат печать долгой, двадцатипятилетней жизни театра и следы многих, совершенных в разные сроки возобновлений славянофильской трагедии Толстого. Как и в «Смерти Пазухина», часть исполнителей добросовестно и уныло повторяла зады системы Станиславского; другие, отбросив стеснительные рамки задач и кусков, обратились к спасительным штампам, против которых столько лет боролся театр; расшатавшийся от времени режиссерский рисунок не объединял в одно целое актерского ансамбля и спектакль был разноречивым и разностильным; Качалов, сменивший Москвина в роли Федора, со всем блеском своей привычкой техники изображал обреченность «последнего в роде царя»; он сочетал наследственность Ивана Грозного и «тихий свет звонаря на престоле в своеобразный и печальный образ „вырожденца“»; Станиславский играл Ивана Шуйского былинным богатырем с окладистой седой бородой, огромным мечом, и обаяние, которое шло от его исполнения, было личным обаянием гениального мастера, а не раскрытием образа; Борис Годунов—Ершов—звучно декламировал монологи; ни в постановке, ни в исполнении не слышалось предчувствий Смутного Времени. Это было зрелище распавшегося Художественного театра, в котором еще есть отзвуки его прекрасного и богатого прошлого, первый еще неясный гул настоящего, и который тщетно взывает к утраченному единству Основа единства сейчас зыбка и неопределенна. Годы заграничных странствований хотя и принесли мировую славу, но оторвали театр от творческой жизни. Насколько трагичен такой отрыв, ясно обнаружилось и на гастролях Полевицкой; она стала актрисой изощренной, но напрасной техники, так как ей нечего сказать, и ее блестящий техницизм оставляет зрителя в лучшем случае равнодушным, а чаще вызывает раздражение своей явной преднамеренностью, отсутствием «во имя чего» и узостью; по существу оно бесцельно; мастерство подменено техницизмом; ее «Настасья Филипповна» не только не является герои-

ней Достоевского, но явно свидетельствует о невозможности для Полевицкой раскрыть сложность внутреннего образа: актриса и зритель говорят на разных языках.

Для Художественного же театра вопрос об единстве остается наиболее существенным; перерождение может совершиться только в результате длительного и трудного процесса; перед ним, как и перед Малым, лежат две дороги—или достойной охраны прошлого, а следовательно, медленного умирания и музейного закрепощения,—или попытки глубоко слушать жизнь; вероятно, на втором пути первоначально театр может испытать почетные поражения, но они же явятся залогом желанного единства. Впрочем, ближайшая новая постановка обнаружит тенденции театра и избранные им пути в поисках основы объединения духовного, репертуарного и сценического.

Поза упорного непонимания настоящего, заглушавшая попытки новых форм в Малом театре, привела его в день столетнего юбилея к свидетельству распада и отсутствию объединяющей линии руководства. Художественная тактика за последние годы была настолько искривлена, что выпрямление ее требует существенной и значительной работы. Юбилейный спектакль подчеркнул и кричаще обнаружил то, что давно звучало на подмостках Малого театра; все в спектакле—и выбор пьес, и традиционный апофеоз с чтением монологов, и не менее традиционная «живая картина»—было случайно; случайность же плохой и неверный путеводитель в строительстве театра. Может быть, в наступившем сезоне необходимо переложить определение формального театра с бывших левых театров на театры традиций, потому что «прием» в них стал мертвым, ничего не обозначающим пустым формализмом. Так было и в юбилейные дни. Дело не в слабости актерского состава. В труппе Малого театра и теперь много крупных актеров, но в неизбежном очищении подлинного зерна традиции, которое стало неясным и неопределенным, но которое всегда лежало в непосредственной связи с зрителем и жизнью. Необходима такая суровая встряска, которую, конечно, не в силах выполнить постановка «Волчьих душ», с какими бы прекрасными намерениями она ни производилась. Совершенно напрасно говорить о новых идеологических заданиях и формальных завоеваниях, когда речь идет еще только о приобретении внутренней установки на творчество. Вполне безвредно представить судьбу благородной дочери американского миллиардера, протестующей против яда капитализма и ищущей счастья в любви к благородному парламентскому лидеру оппозиции; вполне безвредно, но в той же мере бесцельно. Вполне естественно и вполне бесцельно изобразить капиталистов в виде монументальных мужчин в черных фраках с золотыми жилетами в подобающей обстановке тех же обличительных цветов; так не разрешится проблема Малого театра. Малый театр пытался скрыть свою выветрившуюся традицию и свой формализм, подменив их маской мнимой новой традиции и эстетизмом мнимых «новых» форм.

На театре продолжается выработка новых «общих мест». Они захватывают в равной мере и драматургию, и режиссуру. Их значение на театре несомненно в зависимости от их характера и способа их применения. В некоторых из них заключена попытка придать пьесе социальную окраску, попытка внешними средствами обозначить внутренний социальный смысл произведения. Таковы возникающие опыты режиссуры на путях истолкования классических или современных пьес, в которых идеология противоречива и всецело нашей современности не отвечает. Так была поставлена наивная пьеса Лондона в Малом театре. Такие же стремления проявил театр Корша, возобновляя «Плоды просвещения». «Общие места» в конечном результате сводятся к эстетическим приемам, облегчающим восприятие внутреннего значения художественного произведения. На них менее всего останавливается внимание, так как они постепенно становятся более и более привычными. Старые «общие места» в драматургии и режиссуре бросаются в глаза современному зрителю своей явною нелепостью и противоречиями. Так возникают новые приемы изображения, согласно которым

Театр Революции. «Эхо». Режиссер А. Л. Грипич, художник В. Шестаков.

в драматургии, например, неизбежно является милиция в качестве возмездия и карающего начала. Режиссура резко подчеркивает разделение действующих лиц по социальным признакам, при чем пролетариат и ему сочувствующие неизменно прекрасны и добродетельны, а его враги—преступны, чудовищны и отвратительны. Как бы ни была примитивна и гиперболична подобная форма сценического воздействия, она обозначает первые, еще неуверенные шаги на путях эстетических приемов для социологического освещения пьесы. Протестовать против примитивности «общих мест» — бесцельно; более существенно, что за ними скрывается и чем оправдывается их появление на данной сцене и данном театре. Центр тяжести переносится на внутреннюю форму спектакля и на ее углубление. Когда в «Волчьих душах» режиссер пытался дать обобщенный образ капиталистического государства, а на самом деле разыгрывались семейная история и домашняя катастрофа, получалось непримиримое противоречие; оставалось одно «общее место», не оправданное ни сюжетно, ни психологически и слишком наивное агитационно.

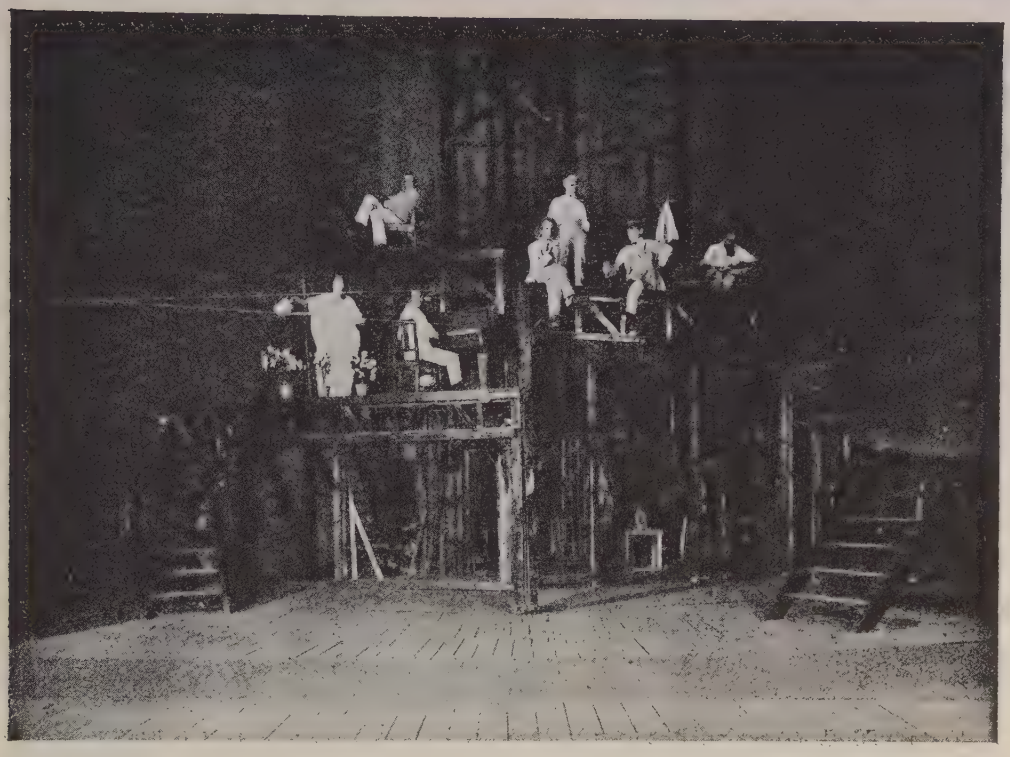
Мейерхольд не показал пока в текущем сезоне ни одной постановки, но продолжает тяготеть над московскими театрами и указывать им способы сценического разрешения. Соблазняющими примерами по-прежнему служат «Озеро Люль» и «Лес». В предыдущих очерках говорилось о значении этих спектаклей для русского театра. Темы и пути «Озера Люль» развивает в Театре Революции новый его режиссер, ученик Мейерхол да, Грипич, а методы «Леса» были продемонстрированы в вполне творческой постановке «Ревизора» (театр МГСПС, режиссер Бебутов) и гораздо более сомнительно и поверхностно в «Плодах просвещения» (театр Корша, режиссер Петровский).

«Кадриль с ангелами» и «Эхо» («Театр Революции») показаны в стиле театрализации кинематографа (или, может

быть, «кинематографизации театра»), который свойственен Театру Революции. Форма спектакля, распадающегося на ряд эпизодов, стала вполне привычной. Она больше не поражает новизною и не увлекает неожиданностью. Как и в прошлогодних постановках театра, Гришич добивается от актеров акцентированной и чистой игры; по-прежнему рефлектора освещают деревянные конструкции Шестакова, изображающие мосты, лестницы, и переносящие зрителя из фокстроттирующего кабарэ или ресторана в рабочие кварталы или на уличные митинги; по-прежнему актеры экономны в движениях, резки и законченны в жестах. Театр Революции дает любопытный образец современной театральной «идеализации»: вместо конкретного типа единичного рабочего возникает обобщенный образ-символ в субъективном и патетическом переломлении автора и театра. Происходит возвышение образа над его жизненным уровнем, — возвышение, которое должно получить оправдание из общей настроенности спектакля и обнаружить социальную и бунтарскую роль рабочего класса в целом. Таким образом «Эхо» вырастает в простой и наивный агит-спектакль, рассказывающий о борьбе западных рабочих против отправки оружия в советскую Россию. В пьесе действуют схематические изображения рабочих, и постановка во многом возвращается не только к «Люлю», но к, казалось бы, уже изжитой толлеровщине с ее экспрессионизмом и отвлеченностью. Однако, по сравнению с Толлером, при всей драматургической неумелости, пьеса написана со здоровой и наивной убежденностью и лишена какого-либо привкуса самокопания и расхлябанности. Она наивно цельна; ее сквозное действие явно подчеркнуто: анекдотическая хроника с целевой установкой на агитацию и вне каких-либо этических рассуждений. На пути нашей драматургии «Эхо» не очень значительный, вполне подражательный шаг, но радующий своей наивной простотой, которая должна захватить таких же наивных и убежденных зрителей.

Будучи, однако, повторением и развитием мейерхольдовских принципов, постановки «Театра Революции» одновременно лишены зерна и существа мейерхольдовских созданий. В «Озере Люль» Мейерхольд, несмотря на ожиданность сценического разрешения «урбанизма», проник к «распаду культуры», за которым принудительно и неотвратимо чувствовалось дыхание революции и приход новых строителей. Такого ощущения не вызывают постановки Гришича. Они повторяют привычные клише, но не вскрывают ничего существенно нового; спектакли в рамках привычного принципа и «кино»-спектакля могут глубоко волновать, если ими вскрываются глубокие проблемы или социальные противоречия; они оставляют зрителя равнодушным, в лучшем случае дразнят его любопытство, если остаются *только* в пределах обычных «общих мест» или их необычного сочетания—так случилось с Гришичем; за словами о классовой борьбе не чувствовалось ее пафоса, а за идеализованными схемами рабочих их подлинной, неизмеримо более глубокой жизни и целеустремления.

«Лес», заставив волноваться зрителя, выдвинув принцип изображения жизни в ее горизонтальном разрезе и парадоксально примирив в положительных или отрицательных оценках людей разных симпатий, взглядов и положений, оказал отдельными сторонами влияние даже на такого ортодоксального режиссера, как А. П. Петровский. Он пытался вскрыть в «Плодах просвещения» картину социального неравенства на фоне жизни богатого барского дома. Но намерение осталось неосуществленным; добросовестные коршевские актеры выполняли чуждые им задачи смутно, не найдя четких границ для ясного и глубокого изображения столкнувшихся в доме Звездинцевых слоев: барства, прислуги и крестьянства. Представление шло медленно и желанного воссоздания в субъективном освещении наших дней картины жизни старой Москвы не получилось. Новые «общие места» не были достаточно использованы и не были смело преодолены для того, чтобы углубить основную тему. Коршевские баре, крестьяне и прислуга были на одно лицо; толстовская пьеса не была воплощена в живую и реальную конкретность; зрителю не передавались волнения и



Театр Революции. «Кадриль с ангелами». Режиссер А. Л. Грипич, художник В. Шестаков.

страдания крестьян, спиритическое упомомешательство Звездинцева и т. д. Проблема «осовременения» Толстого разрешена не была.

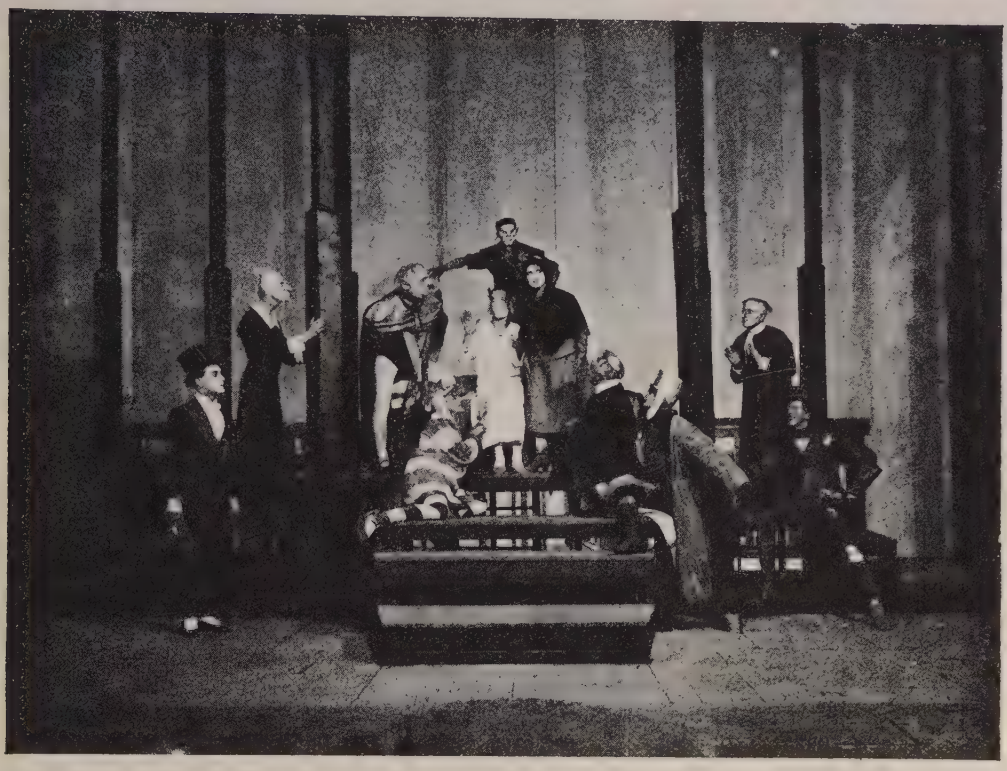
Методами «Леса» пользовался также Бебутов в интерпретации гоголевского «Ревизора». У Бебутова была двойная задача—из нее была разрешена часть. Широко распространив действие комедии на всю дореформенную Русь и отказавшись от точного воссоздания николаевской эпохи, Бебутов посмотрел на героев «Ревизора» с тонкой иронией человека наших дней,—как снисходительно вспоминают далекое, хотя бы и горькое, но побежденное и изжитое прошлое. В изображении Бебутова сатира Гоголя утратила непосредственную силу и обратилась в ядовитый и острый водевиль. Разрешая собственно театральную задачу, Бебутов различил в комедии Гоголя несомненно в ней заложенную традицию водевиля. Режиссер основывался на своеобразном историко-театральном экскурсе: Бебутов «осовременивает» не столько Гоголя, сколько сценический стиль сороковых годов. «Ревизор» неизбежно теряет в своей цельности и в своем значении. В блестяще воплощенной Бебутовым водевильной легкости исчез образ городничего, не поддающийся водевильной трактовке, а играющий Хлестакова актер лишил его философии «хлестаковщины». Водевиль был воплощен методами «Леса». Как и в «Лесе», в качестве фона выростала жизнь дореформенной Руси маленького захолустного городка с торжественной встречей Хлестакова, с общегородским торжеством, разгулом и пляской по поводу сговора дочки городничего; как и в «Лесе», были использованы отдельные детали для построения больших картин,—Хлестаков взбирался по лестнице в отведенную ему комнату, и купцы приносили под полою не только сахар, но куски мануфактуры, окорока, вино и т. д. В последнем действии был показан провинциальный бал. Остроумная декоративная установка на глазах у зрителей вырастала в подобие целой квартиры. Однако общественный смысл и

Театр МГСПС. «Ревизор». Режиссер В. Бебутов. Художники Фрайбина и Вишневецкая.

значение «Ревизора» были снижены. Легкий хоровод действующих лиц заглушал их индивидуальные черты. Технически постановка была примером большой театральной культуры и хорошей изобретательности; там, где водевиль Бебутова совпадал с «Ревизором» Гоголя,— режиссер находил детали и мизансцены, которые смело могли бы войти в традицию сценического изображения «Ревизора».

Театр стремится к большим проблемам социального и этического порядка; он хочет ответить жажде переоценки прошлого. Сквозь «общие места», в свете наших дней, он оживляет вопросы жизни, смерти, любви и т. д. Камерный театр поставил «Святую Иоанну» Бернарда Шоу. Бывшая первая студия (МХАТ 2)— «Гамлета» Шекспира. «Святая Иоанна» признана неудачей, «Гамлет» имел шумный успех. Решение по поводу «Иоанны» почти единогласно, «Гамлет» при внешней счастливой судьбе вызвал многочисленные и противоречивые суждения.

Ставя «Святую Иоанну» Шоу, Камерный театр откликался все на ту же пресловутую и неопределенную «современность». Сатирическая траги - комедия Шоу, развенчивая легендарную Иоанну, увенчивает ее новыми и, как кажется Бернарду Шоу, достойнейшими лаврами. Парадокс Шоу заключается в том, чтобы воссоздать историческую действительность и историческую Иоанну. Центр тяжести лежит в освещении общественного окружения Иоанны, еще более в образе героини. Шоу на этот раз говорит свой парадокс чрезвычайно серьезно. Иоанна вырастает в героиню из простой, умной крестьянской девушки; окружающие из героев превращаются в смешных и недалеких людей: по существу, «Святая Иоанна»—чрезвычайно реальная вещь и, может быть, для ее воплощения необходим натуралистический театр: от «Иоанны» пахнет луком, король ходит оборвышем, Бодрикур отсылает Иоанну к королю, чтобы от нее отвязаться. Менее всего знающий «наивную серьезность», Камерный театр колеблется в воплощении театрального парадокса между буффонадой и трагедией; он не чувствует стиля Шоу, и Шоу портит своим произведением монументальный замы-



Государственный Камерный театр. «Святая Иоанна». Эпилог. Режиссер А. Я. Таиров, художники В. и Г. Стенберги.

сел театра. Шоу играет в натурализм, а театр остается классическим. Автор заставляет Иоанну пахнуть луком, а в Камерном театре она пахнет тончайшими духами. Шоу дает сатиру в индивидуальном разрезе; Камерный театр пытается ее обобщить. Шоу насмехается над Дюнуа, королем, епископом и сквозь них над рыцарством, духовенством и монархической властью; Камерный же театр взглядывает на короля, епископа и других героев пьесы с высоты своих преднамеренных сатирических предпосылок: он сообщает зрителю выводы заранее, и зрителю не остается открывать ничего нового в продолжение всей пьесы, так как он заранее любезно осведомлен самим театром. Шоу делает вид, что у него сатира вырастает незаметно из гущи конкретной жизни; Камерный театр берет сатиру, как сценическое задание на новом своем пути. Поэтому он не разрешает пьесы Шоу, но продолжает прошлогодние опыты упрощения своей чрезмерной изысканной техники. Он переводит ритм и музыкальность в иной, более четкий и чистый план. Театр хочет быть «классическим». Спектакль сюжетно кажется таким же недейственным, как и прошлогодние постановки; тема о героизме Иоанны, о ее здоровом чувстве родины, о жалком короле, о злобе духовенства доходит как некоторая отвлеченность, а не как живая реальность. Вопрос о существе подвига Иоанны остается нерешенным. Иоанна—дочь народа—на сцене Камерного театра не появляется. В отношении же эстетическом и в опытах создания «классического реализма» спектакль был вполне закончен; он говорил о здоровом мастерстве, ищущем и не находящем выхода; упрощенный декоративный способ изображения «средневековья» дал отличный результат: художники бр. Стенберги построили простой, но строгий макет и такие же простые и строгие костюмы.

Ставя «Гамлета», первая студия (Второй МХТ) шла к спектаклю единого ре-

жиссерского замысла,—спектаклю большого масштаба, отвечающему на этические вопросы. По сравнению с незначительной стилизованной комедией А. Толстого или лесковской мелодрамой, показанными в прошлом сезоне, «Гамлет»—значительный шаг вперед. Взамен представлений, которые были соединением единичных актерских воль, «Гамлет» пытается быть спектаклем единого замысла и единого мироощущения. Однако, прошлогодние грехи театра обрекли «Гамлета» на половинчатость. Наследство «Расточителя» и «Любви—книги золотой» не может быть изжито непосредственно и сразу. В особенности явно сказалось это обстоятельство на внешней стороне спектакля. Режиссер хотел торжественности, он дал преимущественную помпезность и пышность. В способах выполнения заданий высокой трагедии было их извращение в сторону красивости и общедоступной символики, переходящей в аллегоричность. Технически режиссура представляла противоречивое соединение методов Вахтангова с приемами обычного актерского «большого» спектакля. Так обнаруживался главный грех постановки; в нем же для многих зрителей коренилась ее зрелищная привлекательность; зрелище, однако, не могло быть целостно связано с тем способом прочтения шекспировского Гамлета, который произвел театр и который был основным достижением и основною ценностью постановки. «Осовременение» Гамлета лежало на этот раз не во внешних приемах инсценировки, а в интерпретации и монтировке текста, давших особенно яркие результаты у Чехова-Гамлета и у Соловьевой-королевы. Текст шекспировского Гамлета был сильно сокращен. В трагедии выделена ее действенная сторона в противовес рационализму. Колебания Гамлета переведены в плоскость ощущений: Чехов показал необычайное разрешение Гамлета, возможное, вероятно, только в наши дни. Чехов возвращает проблеме Гамлета ее реальную значимость. В противоположность Камерному театру, в котором образ Иоанны сквозит через обдуманную предвзятость, Гамлет Чехова заставляет *за* личной трагедией, как будто бы выступающей на первый план, чувствовать основной вопрос о добре и зле, о борьбе за освобождение человека. Чехов убивает рационалистическую раздвоенность Гамлета. Необыкновенная сила и заразительность его замечательного исполнения заключена в том, что философия Гамлета стала чувством и волею образа. Исполнение Чехова переводит разрешение этических вопросов из отвлеченного метафизического плана в план вполне реальный и конкретный. Вероятно, постановка этической проблемы на современном театре единственно возможна в таком разрезе. Может быть, поэтому чеховский Гамлет—даже вне зависимости от непосредственной силы его воплощения и глубины самой темы — действует на зрителя более существенно, чем скептическая ирония Б. Шоу, воплощенная классически спокойным Камерным театром. Чехов не произносит на сцене всех монологов Гамлета, не демонстрирует своей приверженности добру и т. д.,—но в самом способе толкования неизбежно ощущается наличие этических проблем, и они вырастают перед зрителем. Чехов оправдывает убийство Клавдии из глубоко этических основ. От этих вопросов отмахнуться нельзя. Значение спектакля первой студии в их постановке и в правильном пути к их актерскому (Чехов, Соловьева) разрешению, как бы противоречив режиссерски и неоформлен актерски ни был в целом спектакль и как бы спорно для нашей современности ни была поставлена тема Шекспиром. Судьба Гамлета в первой студии ставит вопрос о приятии и неприятии революции. Толкование Гамлета—толкование человека, пережившего наши дни, потому что в Гамлете Чехова много боли и гнева и мало раздвоенной слабости и безволия; Гамлет Чехова *должен* действовать.

Отсутствие современного репертуара все еще заставляет лазить в подвалы прошлого,—даже и тогда, когда из него не извлекают вещей глубокого внутреннего значения. Театр имени Коммиссаржевской поставил «Алхимика» Бен-Джонсона и «Дочь палача» Меримэ. В «Алхимике» более всего были ясны традиции театра в Настасьинском переулке. Коме-

дия Бен-Джонсона—эстетически его важнейшее достижение и наилучший выбор из пьес прошлого. Сатира на создателей алхимического камня и резкая грубость в изображении пронырливых обманщиков перерастала пределы елизаветинской эпохи. Ненужной тяжестью лежали на хитрой и умной постановке Сахновского костюмы Федорова. Был иногда замедлен темп; но основное ощущение прямого и жесткого взгляда Бен-Джонсона на жизнь яснело во всем продолжении представления. Вряд ли можно разделить всеобщее увлечение театром Клары Газуль. Никакая маска народности не скроет основного стилизованно-эстетического подхода Меримэ к темам испанского площадного театра. Эстетическая игрушка неизбежно остается игрушкой и неотвратимо толкает режиссера на давно пройденный и законченный путь «театрализации» театра. Не избег этого угнетающего соблазна и театр имени Коммиссаржевской: в его спектакле «Дочери палача» проглядывали отзвуки комедии масок, буффонады и пр. Одновременно театр пытался проникнуть к истокам площадного театра и наперекор Меримэ воскресить подлинное зерно народности, в остальном мелодрама о палаче, отрубившем себе руку, и о его дочери, о сословном неравенстве была показана без особого мастерства, но просто и наивно, как требует простой и наивный театр. Здесь звучал отклик на требование ясности и четкости, которое предъявляет новый зритель, и не вина театра, что Меримэ досадно мешал в разрешении поставленной задачи.

Такую же простоту и ясность преследовал театр имени Коммиссаржевской в «Петровых потехах» Антимонова. Противоречие, однако, возникло с другой стороны. Драматургически пьеса не наивна и не проста, а упрощенна. Посвященная характеристике царствования Петра I, она сводится к ряду отдельных исторических анекдотов, напоминающих небезызвестный учебник Иловайского. Фигура Петра показана преимущественно в ее отрицательных чертах; пьянствующий, разгульный и неистовый человек появляется там, где нужно изобразить реформатора; неясными остаются взаимоотношения Петра и Алексея, а всешутейший собор обнаруживается, как одна из «потех» и притом заслуживающая явного осуждения. В режиссерском истолковании В. Г. Сахновский возрождал стиль ярмарочных и балаганных народных театров; так же, как и Мейерхольд в «Лесе», но совсем другими способами,—Сахновский добивался создания Руси:—но Руси Петровой поры, с ее длиннобородыми боярами, иноземными гостями, колокольным

Камерный театр. «Святая Иоанна». Режиссер А. Я. Таиров, художники В. и Г. Стенберги.

звоном, бежавшими в леса старообрядцами, легендами об антихристе и т. д.; на этом фоне, не подражающем лубку, но вскрывающем его художественную сущность, режиссер лепил образы Петра, Алексея, Екатерины,—образы примитивные и четкие; упрощенные, они легко запоминались, но не покрывали и не оправдывали искривления исторической перспективы.

Мы приходим к вопросу о том, что непосредственно и сильно воздействует на зрителя, и что выражается в формуле о наивности и ясности спектакля. У Корша с успехом идет «Анна Кристи» популярного американского драматурга О'Нейля. Мелодрама О'Нейля сделана крепко, с актерски благодарными ролями. Стержень пьесы составляет чувствительная история о несчастной судьбе добродетельной проститутки. Интереса новизны с сентиментальному шаблону возрождения падшей автор не придает. Новизна заключена не в психологии образов, а в изображенном в пьесе матросском быте и крепком жаргоне, который, однако, не может скрыть высокомерных слов о чистой жизни и т. д. Автор, несомненно, стремится к изображению чувств простых и грубых людей, в которых живет здоровое и крепкое ощущение жизни и бодрости; но впадает в нарочитую наивность и неприятную сантиментальную слащавость. Исполнители коршевского театра Топорков и Попова разрушают сентиментальность пьесы: они играют глубже, чем дано автором. Через авторскую сентиментальность они проникают к простым, глубоким и ясным ощущениям отца и дочери, защищающих свою жизнь. Они подходят к подлинному стилю мелодрамы, общественная ценность которой заключена не в расслабляющих чувствах, не в ходульных фразах, а в установке зрителя на глубокие, здоровые и волнующие ощущения любви, гнева, жалости, смеха.

Как будто бы тех же результатов стремился достигнуть театр МГСПС, поставив «Праздник Иоргена». Однако он вошел в тот круг представлений МГСПС, в котором похвальное стремление к понятности фактически приводит к ненужной упрощенности и еще более вредному пользованию привычными шаблонами упадочного искусства. Идеологическое значение инсценировки «Иоргена» ничтожно. По сравнению с жизнерадостным и остроумным романом Бергстедта, полного ощущения силы и здорового полнокровного смеха, спектакль кажется упрощенным, схематичным и драматургически неумелым. Его антиклерикализм и антирелигиозность не выходят из рамок поверхностных положений и насмешек. Инсценировка оставляет в тени многие из тех резких красок, которыми пользуется Бергстедт при описании храмовников, но охотно подчеркивает элементы чувствительности и мнимой «простонародности», и во многих частях спектакля вместо простоты взгляда Бергстедта появляется указующий перст режиссуры, разъясняющий и без того не вызывающие сомнения вещи, особенно в первой части представления. Еще более были подчеркнуты качества инсценировки внешней формой спектакля, в которой беспредметные декорации соединились с нарочито красивыми и мнимо реальными построениями режиссуры. Эта расслабляющая красивость была и в бутафорском «народе» спектакля, и в пышных и богатых костюмах, и в спокойной традиции эффектных «помпезных» постановок, которые так любит театр МГСПС. Поэтому, несмотря на всю мнимую понятность спектакля, несмотря на прекрасные качества романа Бергстедта, этот спектакль возбуждает серьезнейшие опасения относительно театра МГСПС, так как со сцены на-ряду с борьбой с религиозной отравой идет другая отрава,—отрава упадочным, расслабляющим искусством мещанских гостиных, фонариков, красочек и прочей красивости.

Театр пользовался преимущественно классической и западной драматургией. Однако «Волчьи души» написаны Джеком Лондоном много лет назад, «Кадриль с ангелами» не выходит из рамок обычной инсценировки, в которой острота и яд романа Анатоля Франса теряются. По существу свидетельствами русской новой драматургии явились «Эхо» Белоцерковского и репертуар Московского

Гос. 2-й МХАТ. «Гамлет». Режиссеры Смышляев, Габой, Татаринов, художник М. В. Рыбаков.

театра Сатиры. Сам по себе названный театр вырос на месте разрушенного театра-кабарэ «Кривой Джимми», и этим определяется его сценический стиль. Репертуар же составился из обозрения «Москва с точки зрения» (авторы В. Масс, Н. Эрдманн, Типот, Гутман), спектакля одноактных пьес, объединенных темой «Захолустье», и фарса Юрьина «Национализация женщин».

Театр подошел к сатирическому изображению современной действительности; во всяком случае, таково его задание. Высоты политической сатиры он заменяет бытоизображением и пародийностью. Основа его драматургических опытов — анекдот. Форма — натуралистический гротеск. Я думаю, что на путях бытовой комедии показанное обозрение— верный и существенный шаг. Во всяком случае, первый шаг. Пьеса закрепляет быт, в этом ее значение. Предыдущие попытки кончались неудачей,—может быть, потому, что у них были большие задания и малый размах. «Землетрясение» Романова—лучшее этому свидетельство. Сатира у Романова превращалась в водевиль, между тем как сатира, видимо, вырастет из материалов современного водевиля. Мимолетные сценки обозрения, изображающие уплотнение, комнату, «в которой можно снять квартиру», литературный чемпионат, в котором участвуют «победитель Чапека» Алексей Толстой, «чемпион потустороннего мира», Анна Ахматова, кабарэ со священником в качестве конферансье, экзамен по политграмоте и т. д.—вводят в гущу так трудно поддающегося закреплению быта. Лучше ранить и язвить острыми, хотя бы и мелкими ударами, чем «растекаться мыслию по древу». Обозрение Эрдманна, Масса и др.—материал для будущей сатирической комедии; авторы идут от частности к обобщению— обобщению еще нет места в распадающихся на отдельные сценки и номера картинах. В водевиле Масса и Ардова «Именинница», изображающем жилищные хитрости, сделана попытка выйти из пределов условных и надоевших масок и перейти к живой, хотя бы и анекдотической типичности образов (преддомком, действующий в «общедомовом»

масштабе). «Агитпьеса» Юрьина пародирует упрощенный метод производства агитспектаклей и рисует старого режиссера, ищущего на сцене «созвучия эпохе». Авторы обозрения и названных водевилей не избежали, конечно, непременных «общих мест», но сумели заполнить их живым и ярким действием.

Анекдотизм содержания не отрицает субъективизма в освещении образов. Иногда действие вырастает до пределов гротеска, иногда же остается только анекдотом, как в «Национализации женщин» Юрьина. Ее постановка—несомненный срыв, она извращает перспективы—рассказ о том, как перепугавшиеся интеллигенты в целях завоевания доверия Советской власти проводят в захолустном городишке национализацию женщин, запоздал агитационно и шаблонен по художественной разработке. «Современность» лежит на нем маскарадным налетом и скрывает обычные водевильные образы забитого мужа, ревнивой жены, дочек на выданьи, роковой провинциальной красавицы и т. д.; весь драматургический опыт автора не находит ему выхода из заранее осужденного на безнадежность положения: приспособление старого водевиля и его голая *реставрация* + легкая окраска наших дней не приводят еще к разрешению современной сатиры.

В «обозрении» проведена существенная, хотя и первоначальная работа над художественным и сценическим оформлением сегодняшнего городского языка; анекдотической преувеличенности сценария соответствует словесная сгущенность. Современная драматургия неизбежно ставит вопрос о стилистической разработке современного слова. О методах его разрешения преждевременно говорить на основании немногих опытов, тем существеннее встает такое непременное требование перед автором будущей комедии.

Так смутно и неопределенно начался сезон; он дает материал только для наблюдений, но не для выводов. Однако в его противоречивой картине можно наметить несколько линий, по которым, возможно, театр пойдет в дальнейшем. Так возникают в нем первые попытки «идеализации» и «астетизации» современности («Эхо» и Театр Революции). Возникает жажда простого и «наивного» реализма, бросающего зрителя к самым коренным и очищенным ощущениям, волнениям и мыслями и к ясной постановке основных проблем. Большие проблемы социального и эпического порядка и возможности новой драматургии вырастают из вполне конкретного, почти физиологического ощущения жизни. Овладение сценическими формами достигло той степени уверенности, которая переносит центр тяжести для большинства театров от новизны приема к внутренней форме и идеологическому содержанию спектакля. Все более ассимилируясь в отношении своих сценических приемов, театры идут к установке исходного пункта своих работ. Для большинства из них он остается пока неопределенным; яснее о них можно говорить к концу сезона.

III. МУЗЫКА В МОСКВЕ.

I. Музыкальные перспективы 1924—1925 г. II. Росфил. III. Камерная музыка. IV. Новые композиции.

Евг. Браудо.

Не радостны музыкальные перспективы настоящего сезона. Спросите любого музыканта, любителя или профессионала, и он с отчаяния только руками разведет. Новая экономическая политика, лишившая музыку общественной материальной поддержки, общая бедность и отсутствие какого-либо спроса на серьезную доброкачественную музыку делают крайне ненадежными всякие расчеты

на успех того или иного произведения или исполнителя. Недавно ленинградский критик Игорь Глебов в статье, помещенной в одном из сборников ассоциации современной музыки при Росс. Ак. Худ. Наук, нарисовал чрезвычайно тяжелую картину близкой гибели, грозящей ленинградским деятелям звуков, музыкантам - творцам; ввиду, помимо отсутствия издательских, и исполнительских возможностей. Едва ли многим лучше обстоит дело в Москве. И, конечно, там, где болезнь коснулась самого мозга, нет надежды на продолжительную жизнь всего организма.

И тем не менее... музыкальная жизнь не приостанавливается. По-прежнему, правда, в уменьшенном количестве, в больших и малых залах идут своей обычной чредой концерты, симфонические и камерные, работают два оперных театра, пишутся музыкальные критики, выходят журналы музыкального искусства. Правда, текущий момент не дает больше уверенности в завтрашнем дне. Не будут ли отданы концертные залы окончательно под кинематографы, как большой зал консерватории, не прекратятся ли вовсе, и то совсем пока случайные, симфонические концерты, не прекратится ли с трудом налаженное издание музыкальных журналов,—все это вопросы неопределенного будущего. Но пока музыкальная жизнь, покорная общему уклону, стремится к восстановлению известного блеска и полноты.

Впечатление такого внешнего блеска вызывается раньше него выступлениями именитых заграничных гостей. Тяга к большим именам, передаваемая от старого слушателя к новому, свидетельствует о большой устойчивости вкусов широкой публики, лишь с трудом меняющей раз навсегда установленную точку зрения. Концерты европейски-знаменитых пианистов, скрипачей и дирижеров нисколько не утратили в своем обаянии по сравнению с давним довоенным временем и проходят при переполненных залах.

Главным организатором этих концертов (да и вообще единственной крупной концертной организацией в Москве) является в 1923 году при Наркомпросе акционерное общество «Росфил» (Российская Филармония); «Росфилу» мы обязаны тем, что и в этом году серое однообразие наших музыкальных будней было нарушено выступлением таких блистательных виртуозов, как *Сигети* (скрипка), *Петри* (фортепиано), *Марто* (его концерты еще не начались к моменту составления настоящего обзора) и дирижера *Клемперера*. Конечно, организация, возникшая при Наркомпросе, в первую очередь призвана обслуживать советскую музыку. Надо, однако, принять во внимание, что улучшение музыкального «производства» возможно не только организацией выступлений музыкантов, но и путем воздействия на них более совершенных заграничных образцов. С этой точки зрения приезд *Э. Петри* (устроившего, между прочим, ряд показательных уроков в консерватории) имел большое значение, и его достигшая почти предельной высоты фортепианная техника наверное надолго запомнится московскими пианистами. К таким же «любимцам московской публики», как Петри, принадлежит и *Ж. Сигети*, появившийся впервые на нашем горизонте в прошлом году. Сигети, соединяющий в своем исполнении все привлекательные стороны виртуозного искусства: блеск и легкость игры, «эстетический оптимизм» (выражаясь термином Христиансена) и удивительное благородство фразировки, помимо обычного виртуозного репертуара, к которому, вообще, тяготеет артист, на этот раз обрадовал любителей музыкальной новизны исполнением относительно нового (1916) и в Москве с оркестром еще неигранного концерта Прокофьева. Этот концерт являет творческий образ молодого русского композитора с несколько новой стороны. Примечательно полное мастерство формы, сжатой, точной и удивительно гибкой, мелодика концерта при обычной склонности Прокофьева к демонической фантастике (скерцо). Богатство гармонии в этом прокофьевском концерте прямо поражает даже изощренного в этом отношении русского слушателя. Наконец, третий из заграничных гостей, дирижер *Отто Клемперер*, оказался натурой импульсивной, волевой, с очень ярким своеобразным толкованием темпов и ритма. Кроме классиче-

ских произведений Бетховена, Баха, Брамса, он познакомил еще свою аудиторию с образцово им переданной оркестровой поэмой Шенберга—«Ночь просветления», ранней композицией этого признанного вождя левого фронта в западноевропейском искусстве. Произведение Шенберга разочаровало в том отношении, что, кроме откликов на вагнеровской «Тристан», он никакими особыми проявлениями смелости и новизны нашего воображения не задел. Клемперер дирижировал также спектаклем «Кармен» в Большом театре и произвел глубокое впечатление свежестью и экспрессивностью своих темпов и оттенков.

В области камерной музыки «Росфил» пока проявил себя еще очень мало. Состоялось всего несколько концертов обычных московских исполнителей, ничем особым не запечатлевшихся в нашей памяти. Важнейшим вопросом в деле обеспечения камерного искусства является создание хорошего струнного квартета. Существовавший до прошлого года квартет «имени Страдивариуса» *(Карпиловский, Пакельман, Бакалейников, Кубацкий)* к концу сезона (как раз к своему пятилетию) распался, и на месте его образовалось два новых («имени Страдивариуса»—в составе *Кнорре, Пакельмана, Гамбурга, Кубацкого)* и «новый московский» (в составе—*Карпиловский, Бакалейников, Виткин и Гискин*). Оба квартета вступили в работу: первый устройством большого цикла из произведений *Танеева*, а второй—в рамках *«Росфила»* вечером из квартетов *Шуберта, Бородина* и *Дебюсси*. Будущее покажет, какой из обоих ансамблей окажется крепче, жизнеспособнее. Пока же следует отметить, что в смысле уравновешенности звука и точности фразировки новомосковским квартетом показано большое мастерство, внушающее большие надежды на дальнейшие его успехи. С другой стороны, нельзя не видеть большой музыкальной заслуги ансамбля имени Страдивариуса в постановке такого трудного цикла, как танеевский (цикл открылся интересным вступительным словом наркома *А. Луначарского)*. Таким образом камерная музыка пока лишь частично обслуживается «Росфилом». Наиболее интересные концерты, не столько с точки зрения исполнения, сколько исполняемой, устраиваются пока на скромные средства отдельных артистов или музыкальных ассоциаций, например, «ассоциации современной музыки при Росс. Ак. Х. Наук», «ассоциации еврейской музыки», заинтересованных в пропаганде нового музыкального искусства. На таких вечерах мы имеем возможность ознакомиться с произведениями трех крупнейших московских авторов *Ал. Крейна* (ассоциации еврейской музыки), *И. Рославца* и *С. Фейнберга* (оба композитора представлены были на вечерах современной музыки при Росс. Ак. Х. Наук). О творчестве Александра Крейна писал уже в одном из предыдущих номеров «Печати и Революции» мой уважаемый товарищ по журналу *Л. Сабанеев. А. Крейн*, принадлежащий к творчески очень сильной группе еврейской композиции, в состав которой входят братья Крейн, Гнесин, Веприк и др., по нашему убеждению, интересен, не как местное, национальное явление, а как один из наиболее сильных музыкантов наших дней. Национальные мотивы, которыми пользуется в своем творчестве *Ал. Крейн*, своей архаичностью, лапидарностью до известной степени соответствует мощному, сжатому и немного громоздкому стилю всего крейновского письма. Центральной вещью на этом вечере явилась большая фортепианная соната, по своему звуковому содержанию выходящая за пределы выразительных возможностей клавишного инструмента. Очень ценными в смысле обогащения русского ориентализма оказались вокальные произведения Крейна, особенно его «газеллы». Совсем иного склада произведение *Рославца*. В то время как Ал. Крейн—убежденный, если можно так выразиться, импрессионист, Рославец считает себя принципиальным противником всякого бессистемного творчества, вдохновляемого «свыше». Рославец—автор, отличающийся большой волевой выдержкой, музыкально-организаторским (как он сам любит выражаться) талантом. Свои композиции он строит на строго-обдуманной гармонико-мелодической системе, основанной на применении «синтет-аккордов» (шести на восьмизвучии), вытесняющих прежнее понятие

тональности. В итоге его музыка действительно импонирует своей железной логикой и организованностью звуковой материи. Целый вечер из произведений Рославца оказался не столь утомительным и однообразным, как, казалось, можно было ожидать, и имел у многочисленной публики большой успех. Менее всего, признаю, для меня ясен творческий облик третьего из названных мною композиторов—*С. Фейнберга*. Фейнберг—замечательный пианист, с очень своеобразной капризной техникой исполнения (его художнический произвол проявляется, главным образом, в сфере истолкования ритмического рисунка композиции). Его произведения—прямой вывод из исполнительской манеры автора. Они чрезвычайно фортепианны, изысканы, полны взлетов и неожиданных взрывов, причудливы в своих мелодических ракурсах, но в общем мы не беремся высказать своего окончательного суждения, пока не ощутим под своими пальцами сложной, замысловатой ткани его сонат и других фортепианных произведений.

Этими вечерами мы можем исчерпать самые существенные по части московской музыкальной новизны. Новых симфонических или оперных произведений за истекшее полугодие регистрировать не приходится. Да и трудно ожидать каких-либо новых значительных явлений в этих областях, раз у композиторов нет почти никаких надежд на публичное исполнение плодов их творческих работ... О новых ростках пролетарской музыки мы выскажемся в следующем обзоре.

IV. О НОВОЙ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

И. Маца.

Иван Л. Маца, венгерский критик и драматург, принадлежит к левому коммунистическому фронту венгерских «активистов», которые выступили в 1915 г. против империалистической войны, с программой «идеологической революции». С 1915 г. был сотрудником журнала «активистов» «*Современность*». Его перу принадлежат книги и брошюры: «*Новая драма в Венгрии*», Будапешт 1916 г.; «*Театр 1918*», Будапешт 1918 г.; «*Гимн земли*», агитрассказы, Кошица 1921 г.; «*Драматургия*», Вена 1921 г. на венгерском языке. На немецком языке: «*Рабочий хор*», агитпоэмы для массовой декламации 1924 г.; «*Москва*», эпическая поэма в прозе, вышла в апреле 1924 г.; «*Путь русской литературы и развитие идеологии в России 1880—1923*». Печатается в Берлине.

1.

Общее развитие экономической и идеологической жизни чешского народа в высшей степени разнится от развития других народов, живущих тоже, как и чехи, в экономическом и политическом угнетении, тем более, от уровня малых славянских народов (Сербии, Словакии и проч.), которые далеко не дошли до уровня развития чехов.

Эта разница сразу становится ясной, если принять во внимание то положение, которое чехи занимали в общественном производстве.

Хотя около 50 проц. чешских провинций представляют собой аграрную область, в экономической жизни чехов в первую очередь имели особенно важное значение промышленность и рудники. Таким образом культурный уровень должен был и механически подниматься выше, поэтому и идеологическое творчество чешского общества стояло на более высокой ступени, чем творчество других малых славянских народов. Но, с другой стороны, это положение определяло и характер чешской культуры. В области создания идеологических ценностей действовали две общественные принудительные силы: с одной стороны—принудительная сила национального угнетения, а с другой—сила угнетения классового.

Это-то соотношение общественных сил ярко выражает и литература чешская, а особенно ярко—литература начала XX столетия, когда чешский пролетариат уже становится самосознающим классом.

Таким образом новая чешская литература родилась под знаком *«революционности»*. Эта революционность выражалась в разных формах, смотря по тому, как действовали в ней указанные выше общественные силы и влияния западноевропейской культуры. По формам своей революционности чешская литература пошла с 900-х годов по трем путям:

Первая группа писателей ставила целью своей деятельности — быть поэтами и борцами своего национального освобождения. В большинстве эти поэты выступали, как последователи великого национального поэта Врыхлицкого, который остался идеалом национальной поэзии до сих пор. Но новые поэты не могли уклониться от влияния современности, и поэзия их более реальна, более общественна, чем обще-идейное устремление поэм Врыхлицкого.

О. Бжезина, *И. Махар*, *А. Сова*, *В. Дик* (Ottokar Bzezina, Jozef Machar, Antonin Sova, Viktor Dyk)—самые лучшие представители этой группы, наконец, должны были увидеть, что «их народ» живет «в рабстве» не только в идейном и политическом смысле, но и в экономической реальности. Дети великого бунтовщика *Яна Гуса* [1]) должны были ответить на клик своих «братьев», которые мучились в остравских рудниках и по заводам Брюна или Праги. Конечно, они смотрели на них не как на рабочих, а как на «чехов»; но все-таки в том положении их национальная революционность воплощала в себе значительные общественные силы и оказалась серьезным общественным фактором.

Вторая группа—группа поэтов социал-демократов, но не в партийном, а скорее идеологическом смысле. Они, как *И. Хора*, *И. Халоупка* (Josef Hora, Jozef Chaloupka),—не только певцы нищеты; но и борцы—представители *классовых интересов*, голос их—не только эхо чувств рабочего «народа», но и голос *классовой воли* его.

Группа третья—собственно не самостоятельная группа, а создалась она, с одной стороны, из миросозерцания писателей первых групп, а, с другой, из влияния сил западного гуманизма.

Чешская интеллигенция, которая находилась под сильным влиянием германской культуры, а с другой стороны, с гордостью поминала своего «великого дядюшку», т.-е. Россию, старалась подправить свой потерянный национальный характер «общечеловеческими» лозунгами гуманизма и нравственной идеалистической философии. Учение *Масарика* [1]), это — какая-то идеалистическая эклектика Востока и Запада, Бакунина, Толстого и Маркса, Соловьева и Канта.

Его «революционный гуманизм» является основой третьей группы, которая старалась синтезировать национальную и пролетарскую идеи в форме идеи «освобождения человеческого духа», с лозунгами «космического» человека, который уже не чех, но и не пролетарий. Просто «человек». Они во время империалистической войны работали вместе с немецкими «активистами», и деятельность их имела как будто интернациональный характер.

Здесь были братья и сестра Чапек (Karel Çарек, Josef Çарек, Helena Çарек), потом *П. Безруч* (Petr Bezruc); из старых—*О. Бжезина* и другие.

2.

Но такое положение сразу изменилось, когда в 1918 г. пришла национальная революция и национальное освобождение чешского народа. Разница между разными группировками и, вне группировки стоявшими, «натуралистами» (о которых придется еще говорить) сразу исчезла. Каждый из писателей полагал, что победа национальной революции даст, наконец, возможность завершения их идеалов. Даже и социал-демократы уверяли, что «рай» трудящихся уже при-

[1]) *Ян Гус* (Jan Hus) жил в 1369—1415 г.г.

[1]) *Фома Масарик* (T. G. Masaryk) родился в 1850 г. Основатель в Париже Чешского Национального Совета и с 1918 года—президент Чехо-Словацкой республики.

готовлен в «демократической» республике. Нужно ли говорить о том, что и гуманисты, наконец, нашли «реальный базис» своему метафизическому мечтательству.

Разница, которая еще осталась, заключалась в *вопросах формы*. Живые литературные движения стали просто литературными школами, чтобы отдать арену литературному движению, выходящему из класса пролетариата.

Вот какова картина:

Бжезина, Махар, Безруч и другие «революционеры», сделавшие свое дело, или замолчали, или стали академиками и поют о победе и о счастии чешского народа.

Литераторы социал-демократы переходят к сантиментальным поэмам «из жизни рабочего».

А гуманисты переходят к утопической литературе или к философической беллетристике. И здесь достигает своего зенита буржуазная литература чехов.

3.

В зените падающей литературы стоит поэт и драматург *Карел Чапек*.

Проблема его — жизнь человека и смысл жизни человеческой. Ответ поэта — ответ идеалиста-романтика, который старается разрешить безнадежность индивидуальной жизни фразами о «красоте» и закономерности «космической жизни» и природы. В этом направлении написаны драмы его, «*РУР*»[1]), «*Из жизни насекомых*» и «*Дело Макрополозуса*». Чапек хорошо видит общество, видит и недостатки его. Общественная сатира его верна и остроумна. Второе действие «Насекомых»—один из лучших шаржей современной литературы на филистерскую жизнь. Содержанию драмы соответствует хорошая сценическая техника (одна из лучших сцен,—восстание «*Роботов*», «...человеческих рабочих-машин», в драме «РУР»). Но когда Чапек приходит к решению вопроса, он совершенно теряет под собой реальную почву и внезапно перескакивает в области метафизики.

«РУР» (RUR; Rosums Universal Robot), эта фантастическая, «коллективная» (хотя и совсем не коллективная) драма человеческого общества, пытается привести читателя к выводу, что единственная творческая и вечная сила человеческой жизни, это—любовь, а философия общественной комедии «*Из жизни насекомых*» заключается в следующих словах: «Один человек умирает, а другой рождается, вот—человеческая жизнь. Но зато людей есть сколько хочешь. Лишь бы хватило для них работы».

Такова вершина буржуазной литературы и ее философия.

4.

Стоять на «вершине»—очень опасное дело. Скоро начинается падение, если под ногами только метафизика, как у Чапека.

И последний роман его (Tovaçna na Absolutna) уже ярко выражает ниспадение его. Живая сатира и фантастика Чапека здесь уже потеряли философский смысл, ими он пользуется теперь только, как элементом забавы.

Чапек приближается к «долине» где живут остальные представители чешской литературы.

Здесь, в «долине», особенно ярко выражается очень значительное влияние германской культуры на чешскую литературу. Общий характер чешской прозы—натурализм, который беспокойно колеблется между сексуальными темами и между серьезными темами буржуазного быта (любовь, брак, богатство и бедность и проч.).

Лучшие представители чешских прозаиков *В. Микса* (Vojtech Mixa), хороший аналитик, который стоит ближе к реализму, чем к натурализму, *М. Майерова* (Maria Maierova)—популярная новеллистка, которая изображает жизнь женщин; *Е. Вахек* и *Елена Чапек* (Emil Vachek, Helena Çapek) и еще некоторые, в конце концов не представляющие особенной ценности. Кто знает современные немецкие *романы* для легкого чтения — в существенном знает и их.

[1]) Rosums Universal Robot — универсальные рабочие — механические люди профессора Розума. В русском переводе, вышедшем в 1924 г. (Ленгиз), книга озаглавлена: «ВУР»—Верстандовы универсальные работари.

То же самое положение в области драматической литературы. Репертуар театров по сравнению с чешской литературой очень беден. Фаворит репертуара—*Карел Чапек* и в первую очередь «РУР» *Чапека*, который во время международной революционной волны и консолидации чешской национальной революции—со своею примирительною тенденциею—достигал очень большого и значительного успеха у мелко-буржуазной аудитории, которая хотела тоже примириться, тоже консолидироваться и как-нибудь спастись от революционной волны.

Кроме Чапека, имеет чешская литература только одного относительно крупного драматурга — *Арноста Дворжака* (Arnost Dvorjak), который имеет яркую национальную тенденцию.

В 1920 году некоторые молодые писатели из кружка *«Червен»* попробовали устроить в Праге маленький «революционный театр», но дело совсем не удалось наладить им так, как они его задумывали. *«Революционный театр»* открылся, но революционность его недолго продержалась, потому что театр не имел к своей программе подходивших драм. Результаты работы свелись к тому, что театр поставил на чешском языке драмы молодых немцев (Hasenkläver, Lr. Merff) и дал возможность высказаться некоторым молодым чехам. В формальном отношении «Революционный театр» нарушил формы натуралистической и импрессионистической сцены и привел сцену к экспрессионизму.

5.

Упоение национальной революцией продолжалось около 2—3 лет, а потом постепенно наступило отрезвление, особенно в рабочих массах. Отрезвление элементарное, которого не могли предупредить ни фразы национальных социалистов, ни лозунги правительственных социал-демократов. Масса почувствовала, что она просто обманута и что «демократия» национальной республики существует только для буржуазии. Это чувство, которое затем перешло в сознание, со стихийною силою требовало своего выражения, своих форм и в литературе.

А старые революционеры-поэты, как *Иозеф Хора* и *Иозеф Халоупка*, снова должны были найти свой старый революционный голос. Здесь, в области поэзии с революционным содержанием, нашел свой голос и драматург *А. Дворжак* и написал ряд очень хороших творений, самым значительным из которых является—*«Впереди всех»*.

Эта поэма значительна не только в сравнении с другими поэмами Дворжака, но и вообще, хотя и несколько подчеркивается в ней национальная гордость поэта, который полагает, что чешский рабочий класс, а в нем чешский народ во второй, грядущей революции будет первым между народами, будет итти «впереди всех». Но все-таки поэт ждет «рая гимнов работе и красоте», и пафос его—истинный, поэтический и широкий.

Таким образом Дворжак, как и Хора и Халоупка, представляет собою как бы «классическое» направление революционной поэзии, или—вернее сказать—поэзии с революционным содержанием.

Молодое пролетарски-революционное направление создалось не только из бывших членов группы «Червена», но и из совсем молодых выходцев из пролетарских масс или из пролетарской интеллигенции. Члены новой группы примыкали к компартии, и они участвовали в организации чешской секции чехословацкого Пролеткульта, который в 1921 г. начал издавать двухнедельный журнал «Пролеткульт».

Разница между ними и «старыми революционерами» выражается и в формах, ими выработанных, и в технике их. Они отказались от старой техники поэзии, от красиво-звучавших рифм, от сонетов и стараются создать новый, революционный *внутренний* ритм. Вместо рифмы ищут гармонию звукового и смыслового состава слова; вместо размера—внутренний ритм мыслей в том же направлении, в каком это делается в западной революционной поэзии.

В отношении содержания поэм—они отказались от сентиментальности социал-демократической поэзии, от пассивного «бытописания» и вместо чувствительных элементов стараются дать элементы мысли, революционный пафос, размах классовой войны. Что это еще не удалось

им вполне, является следствием многих причин, и между прочим того, что они еще не освободились до конца от влияния идеалистического анархизма.

Значительные поэты группы — *Ярослав Сейферт, А. М. Пиза, Йиндрих Хожейши, Йири Волкер* (Jarasla Seifert, A. M. Pisa, Jindrich Horejsi, Volkes).

Много обещает Й. Волкер, а самый интересный из них—*Ярослав Сейферт*.

Если представителем вершин падающей буржуазной литературы является *К. Чапек*, то на противоположной стороне, в поднимающейся революционной литературе на вершине стоит совсем молодой поэт—*Сейферт*.

Предмет поэзии его—широкая, могущественная сила размаха. Поэмы его пылают, накаляют, как костер. Простой он, как взгляд и мысль пролетария; наивный, как ребенок. И в этой наивности, в этой простоте—его сила. Он рискует писать такие фразы, которые были бы у другого поэта отвратительны. А у него они естественны. Так же, как естественно, что простой пролетарий не располагает марксистской научной фразеологией. Он рискует написать, напр., «я буду еще и я господин», и эта фраза у него тоже не отвратительна; она выражает с простотой массовой психологии общее стремление неквалифицированных рабочих масс.

На горе высокой, лицом к городу
Стою,
С распростертыми объятиями.
Пророк я, который указывает пути
И провозглашает беднякам победоносное
грядущее.
Мудрец я,
Который советует в безнадежности,
В руках моих цветок, никогда не выпадающий,
Я даю первый выстрел в революции,
Но я и тот, который первым падает!
(«Самая смиренная песнь».) [1])

Так назначает он себе место в революции и место поэта, «поэта масс».

Да, он не растворился в революции без остатка, не оторвался от своей индивидуальности. Он—лирик в полном смысле слова. Лирик революции. И поэтому индивидуализм в поэзии его совсем не надоедает, он выражает *простые взаимоотношения индивидуума и революции*. Эти взаимоотношения не метафизичны и не теоретичны, они живые, реальные формы,—будничные формы, и поэтому-то близок Сейферт пролетариату.

Вот последние строчки одной из самых лучших поэм его («Бедняк»):

...Ну, конечно, я не против
Иметь побольше, чем имею,
Но я бедняк мудрый,
Я прохожу путями планет
И верю
В Коммунистический манифест;
Верю, что придет день,
Когда буду и я довольным,
Верю,
Что буду еще и я господин
И высоко, высоко, высоко над Прагой
Взлечу на аэроплане.

Бедность... алкание космического («пути планет»)... Коммунистический манифест... над измученным городом... на аэроплане...

Вот как представляет себе революцию верующий поэт. И разве не так представляет себе ее и простой пролетарий, который еще только верит в революцию, но не знает ее? Элементы и мотивы поэта—элементы и мотивы чувства рабочего. И такая же простая, пролетарская вера и его.

Конечно, поэзия Сейферта—поэзия вершин чешской революционной литературы—не представляется нам, как завершение революционной поэзии. Но она представляет собой очень интересный, ценный *тип* революционной поэзии, и в очень интересную *эпоху* развития революционной лирики.

А именно—*тип* экспрессионистического нео-реализма, который старается притти к синтетическим формам выражения и композиции; *эпоху* же романтическую, базис которой — бесконечная, твердая вера в победу пролетарской революции.

6.

Так превратилась маленькая, в большинстве анархическая группка «Чер-

[1]) Из поэмы «*Самая смиренная песня*». Поэма эта, как и поэма «Бедняк», из книги автора «*Город, полный слез*» (Mesto v slzàch).

вена» в значительную, сильную организацию революционных литераторов, которые сейчас являются членами и деятелями чешского *«Пролеткульта»*.

Литературная деятельность «пролеткультцев» развивается в журнале *«Пролеткульт»* [1]) и в центральной газете *«Руде Право»* (Rude Pravo).

Здесь мы должны еще отметить один очень интересный факт, который характерен не только для чешской новой революционной литературы, но и всей новой революционной литературы вообще в интернациональном масштабе.

Характерно, что литература, представленная очень интересными и ценными опытами в теории, *оказывается совсем бессильной в области художественной прозы*. О том, что революционного вообще или хотя бы по форме нового романа совершенно нет—и не говорим. Но нет и значительной новой новеллы, нет рассказа.

Здесь мы не имеем возможности подробно говорить о том, почему не способна старая форма романа, рассказа и т. д. к выражению динамики современной жизни, почему реальность наша не может примириться с рафинированной сложностью форм буржуазного романа и т. д. Здесь мы только отмечаем факт и констатируем, что он наблюдается и в новой чешской литературе, в «Пролеткульте», художественная проза которого слаба и незначительна.

Мы попытались дать общую картину современной чешской литературы, ограниченную только общими чертами и значительными явлениями последних лет. Мелочи могут быть важными для историка литературы—для нас они не имеют особого значения. Мы хотели только показать, как выражаются общественные силы и отношения этих сил в новой литературе Чехии. И мы видели, что, с одной стороны, литература падающего класса, достигшая своих вершин у Карела Чапека, уже и здесь оказывается бессильной в решении серьезных проблем своего же содержания и от безнадежного гуманизма переходит к литературе «развлечений», где внутренняя проблема уже не важна, а важно только «литературное следствие», эстетическое влияние—и форма.

А с другой стороны, видим, что новая, революционная литература класса будущего уже в первые годы нашла свой—хотя и не полный, но верный—голос.

Как будет этот голос дальше звучать, это—вопрос не литературный, а общественный. Решение его зависит от общественного положения чешского пролетариата и от развития международной революции.

[1]) В марте 1924 года журнал «Пролеткульт» перестал выходить. В то же время перестали выходить: пропагандистский журнал «Агитатор» («Agitator») и журнал немецкой секции: «Коммунизм» («Kommunismus»). Вместо этих журналов появился новый *«Коммунистический Обзор»* («Kommunisticka Revue»), общий журнал чехо-словацкого Пролеткульта, на чешском и немецком языках. Новый журнал имеет новую программу: он хочет быть органом, в первую очередь, политического и экономического воспитания; в первом номере его литературная часть «Пролеткульта» ограничивается только одной страницей.

V. ВЫСТАВКА ЗАПАДНОГО ИСКУССТВА.

А. Греч.

Крупным художественным событием Москвы является коренное преобразование Музея Изящных Искусств, вызвавшее в его стенах устройство ряда выставок, из которых самой значительной является выставка старой западной живописи. Среди семи крупных собраний, ее составляющих, переданные из Эрмитажа картины далеко не являются, как это естественно казалось бы, наи-

более значительными по своему удельному весу.

Отдел голландской живописи по преимуществу создан из коллекций Румянцевского Музея и Д. И. Щукина, немецкая комната—почти исключительно из Остафьевских картин, а нидерландские примитивы—большей частью из знакомого москвичам Брокаровского древнехранилища. Юсуповские и Шуваловские собрания дают довольно хороший подбор художников французской школы, правда, во многом параллельный уже представленным у нас мастерам.

Слабее других показаны итальянцы, рядом шаблонных академических произведений XVII и нач. XVIII в.в., поступивших, главным образом, из Эрмитажа.

Лучшие вещи на выставке не те, что окрещены громкими именами Ван-Дейка, Рубенса, Веронезе и Рембрандта; лучшие вещи—безусловно работы второстепенных художников, зачастую создававших настоящие шедевры, качественно выше стоящие, чем слабые произведения «великих мастеров».

Вот те предварительные замечания, определяющие характер экспонированных картин, которые хотелось сделать прежде, чем перейти к рассмотрению этой части вновь образуемого музея, назначенного утолить художественный голод москвичей, почти лишенных возможности видеть образцы красочных достижений и виртуозного технического композиционного совершенства старых мастеров.

Сравнительно наиболее богат немецкий отдел, с которого мы и начнем наш обзор. Нюрнбергская школа показана рядом работ двух живописцев, стоящих около Дюрера,—его учителя М. Вольгемута, представленного «Распятием» и «Поцелуем Иуды», выдержанными в несколько пестрой, светящейся красочной гамме, и Г. Кульмбаха, работавшего в коричневато-золотистых тонах, выдающих влияние Венеции. Особенно хороши среди вещей последнего створки с ангелами и «Поклонение волхвов», где под живописью чувствуется строгий и четкий контур, культивировавшийся в дюреровской мастерской.

Настоящим живописным откровением является «Голгофа» школы Грюневальда с ее своеобразной лаконичной композицией, с ее точно из металла сделанными одеждами предстоящих Марии и Иоанна и с зловещим освещением снизу из-под нависшей грозовой тучи.

Среди картин Л. Кранаха и его круга находим великолепную, толкуемую как «Аллегория ревности», композицию, особенно интересную как четким рисунком обнаженного тела на фоне темного кустарника, так и красочной разработкой, особенно удавшейся в пейзаже, где чудесно передано вечереющее прозрачное небо, переливающееся всеми цветами радуги, и тени, ложащиеся на склоне горы и в долине, где художником написаны небольшой городок и укрепленный замок.

Рядом с этим образчиком творчества основателя школы висит написанное в голубых тонах «Правосудие», сложное аллегорическое построение с обнаженной по-«кранаховски» понятой натурой, подписанное Мартином Фезелен. Среди произведений швабской школы с ее склонностью к ландшафту выделяются две картины Б. Стригеля на тему легенды о св. Рохе; обе они в своих ландшафтах выдают наивную романтику рубежа XVI века, в фигурах же—чудесную сказочную настроенность, столь уместную в житии. Кельнские мастера выявлены рядом отдельно стоящих на золотом фоне святых в пестрых одеждах, когда-то являвшихся створками складней.

Немецкая школа таким образом показана всесторонне: тут и изломанность аллегорических построений Кранаха, и четкий рисунок нюрнбержцев, и церковная пышность нижне-рейнских иконописцев, и романтика швабских мастеров.

Несколько слабее в смысле разносторонности течений рисуются старые нидерландцы. Впрочем, и здесь находим несколько подлинных жемчужин. Прежде всего отметим также «остафьевский» «Отдых на пути в Египет» круга Блеса с очень умело разработанным ландшафтом, являющийся едва ли не лучшим вариантом подобных композиций в европейских музеях, изображение мо-

лодой дамы в нарядном малиновом платье, работы прославленного «Мастера женских полуфигур»; миниатюру Корнеля де-Лиона — Королеву Клод—два портрета, где переданы с точностью миниатюриста лица, одежды и затейливые уборы, составлявшие костюм середины XVI в. Тут же помещенные «Голгофа» Якова Амстердамского и «Положения во гроб» антверпенской школы ок. 1500 г. свидетельствуют о приглушенной, но тем не менее очень звучной красочности нидерландцев, о чистоте и светосильности их тонов. Другая же «Голгофа» круга Блеса и «Христос, исцеляющий больных» заставляют забыть религиозный сюжет, развертывающийся в пейзажной панораме, за тысячью деталей в костюмах, в бытовых мотивах и привходящих сюжетах, заслоняющих для нас главное содержание картины.

Неуклюже построенный в вытянутом четырехугольнике портрет девочки в рост с куклой и вишнями, да наивно написанный архангел Михаил знакомят нас с Швейцарией и Испанией рассматриваемой эпохи.

В голландском зале прекрасные натюр-морт щукинского собрания вместе с румянцевскими и немногими привозными вещами дают полную возможность ознакомиться с красками и техникой «малых» мастеров.

Целый щит занят здесь картинами Воувермана, специалиста по охотничьим и великосветским кавалькадам, неожиданно давшего восхитительную вещь—выдержанный во французском вкусе ландшафт, где верхом на лошади представлена молодая женщина, в одеждах своих сочетающая голубой и лимонно-желтый цвета. Среди жанристов «Урок музыки» Яна Стена, почти миниатюра, изумительно разработанный в красочном отношении, обычные сцены Метсю и великолепный, немного сумрачный interieur Питера де-Гооха являются желанным для Москвы приобретением. Дающие подчас изумительные красочные сочетания, выписанные до мелочей, они знакомят нас с мелко-буржуазной жизнью старой Голландии. Особенно приятно выделить «Сценку в шинке» Тербора, являющуюся прекрасным дополнением к «Концерту» щукинского собрания и к румянцевскому, серебристо-голубому «Женскому портрету», также как и «Галантную сцену в сенях», раб. П. де-Гооха, из б. собр. Лейхтенбергского. В этой картине замечательно разработана красочная гамма, сочетания светло-оливкового, голубого и золотистого тона в одеждах молодой женщины с ярко-красным и коричневым цветом в обмотках и одеянии стоящего возле кавалера, любезно предлагающего ей бокал вина. Особенно хорошо чувствуется здесь мастерское письмо, в передаче натюр-морта, деталей костюмов и очень свободно написанного фона, серо-коричневых стенах деревенского interieur'a с раскрытой дверью слева, где виден ландшафт, несколько загороженный фигурой созерцающего сценку нищего мальчика.

Другая сторона голландской жизни, галантная солдатчина, представлена работами Паламедеса, Кодде, Дирка Хальса и др. Среди них своим смелым и уверенным мазком, своим приятным золотистым тоном, разнообразием движений и жестов не в меру оживленных фигур, разнузданное «Веселое общество» Д. Хальса производит наиболее приятное впечатление. Что-то от великолепной маэстрии Ганса Хальса осталось в этой работе его сына, художника одаренного и, во всяком случае, более темпераментного, чем его вышеперечисленные сотоварищи.

Самый мощный мастер Голландии, Рембрандт, все же лучше всего выявлен вещами Румянцевского музея. Вновь привезенные из Эрмитажа «Старуха» и «Мужской портрет» являются один—грязным и скучным по краскам и не вполне уверенным по мазку произведением, другой—«Турок»—вялым и слабым портретом, красочно выделяющимся разве только тюрбаном вокруг головы.

Зато много интереснее новые «рембрадески»—«Vanitas» ван-Эгоута с великолепно исполненным натюр-мортом из золотых сосудов, с недавно обнаруженной под потемневшим слоем лака призрачной фигурой смерти, и большая композиция Кнупфера из собр. Д. И. Щукина.

Среди пейзажистов Гарлемская школа обрисована рядом превосходных вещей. Разносторонне выявлен ван-Гойен

серым, мало обычным для мастера «приморским видом» и двумя небольшими пейзажами «Сенокос» и «Жатва», с особенно удавшимися пятнами светло-зеленой краски.

Портретная живопись показана автопортретом ван-дер-Гельста, прекрасно скомпанованным на фоне вечереющего ландшафта, и двумя парными изображениями супругов, того же мастера, каких-то почтенных голландских бюргеров. Большую вещь Иог. Майтенса хочется здесь отметить, как хороший пример группового портрета, получившего столь блестящее развитие в Нидерландах. На фоне ландшафта представлен охотник с ружьем и собакой, в коричневых одеждах, сидящий рядом со своей женой, одетой в красное шелковое платье и придерживающей левой рукой младшего сына, тогда как старшая дочь стоит слева, поодаль, в золотистом платье, с цветком в руке. Несмотря на всю «фламандскую» внешность, портрет выдает свое голландское происхождение некоторой неуклюжестью застывших поз и необходимым художнику натюр-мортом в виде битой птицы на переднем плане.

Можно выделить еще необыкновенно благородный по своей серебристо-голубой гамме портрет дамы с девочкой Сустермана и не плохие холсты «офранцузившегося» портретиста Гаспара Нетшера.

Как уж говорилось выше, менее всего повезло на выставке итальянцам. Среди ранних вещей некоторый интерес представляют разве только триптих Антонио Бадиле, в старой архитектурной раме, «Положение во гроб», приписанное Перуджино (из б. собр. Кочубей), довольно шаблонная «голубая» Мадонна Франчии, с типичным, светло-весенним ландшафтом в глубине, и хорошо скомпанованная Мадонна флорентинской школы XV в., с двумя ангелами, темными силуэтами выделяющимися на светлом фоне неба. Большой, невосполненный «провал» остается благодаря никак не показанным мастерам расцвета. Из двух «Тицианов» некоторое доверие вызывает разве лишь «Истязание Христа», картина не особенно приятная, подобно присланным вещам Рембрандта, по своему грязно-сумрачному тону, плохо вяжущемуся с обычным впечатлением от вещей художника. Довольно скучным и мало интересным кажется также и Веронез («Отдых на пути в Египет») со своим сочетанием розовых, голубых и зеленых переливчатых цветов.

Из других, более поздних венецианцев интересно «Похищение сабинянок», слишком смело приписанное Джованни Тьеполо и во многом уступающее даже «Блудному сыну», — хорошо нарисованной вещи, могущей считаться работой Доменико Тьеполо. Несколько работ Каналетто, как обычно голубой, насыщенный атмосферой вид St. Giorgio работы Гварди, да большая лестница, interieur с фигурами, во вкусе П. Лонги, почему-то отнесенный ко французской школе, хорошо рисуют Венецию XVIII века, с ее последним расцветом накануне больших политических и художественных потрясений. Так же как и у Тициана, весьма сомнительна репутация женского двойного портрета Ван-Дейка, где как будто мало что осталось от мастера, от его элегантной и блестящей манеры. Зато гораздо лучше другой, действительно серьезный и подлинный «портрет Воувера», представляющий поседевшего мужчину в черной накидке на тигровой шкуре. Благородно-сдержанной красочной гамме соответствует очень простая композиция полуфигурного изображения, и вдумчиво переданное лицо, худое и несколько вытянутое в длину с усами и серебристой остроконечной бородкой.

Из двух эскизов Рубенса лучше тот, где дана композиция «Тайной вечери», с сидящими вокруг круглого стола апостолами, очень бегло и уверенно написанными скупо брошенными мазками. Если сочные и полнозвучные вещи главы школы отсутствуют на выставке, то этот пробел несколько восполняет «Бегство в Египет» Иорданса (б. собр. Шуваловой), очень гармоничное по своим теплым, коричневатым тонам, по великолепному письму, особенно сказывающемуся в пухлых телах обнаженных ангелочков и по оригинальной, развертывающейся барельефом композиции.

Связанная с Фландрией Испания показана рядом очень хороших полотен

и является неожиданно очень интересным отделом на выставке, где как-то не думаешь найти, обычно отсутствующих в русских собраниях, мастеров Пиренейского полуострова. Настоящим шедевром является здесь Иоанн Креститель Менезеса, представленный в виде мальчика, закутанного в длинную, закрывающую ноги, отливающую розовым, серо-серебристую одежду, держащего в одной руке крест, а другой благословляющего. Он задуман на золотистом, светящемся, чудесно разработанном фоне как бы залитых солнцем облаков. Из вещей Мурильо особенно выделяется Антоний Падуанский с младенцем Христом на руках, написанный в коричневатой гамме. Великолепен эскиз Вальде Леаля — «Поклонение пастухов» с любопытным освещением центра картины, с темными силуэтами фигур на переднем плане. Можно отметить еще небольшую вещь Моралеса—«Се человек», очень гладкую и немного слащавую по письму, а также темный мужской портрет ученого с книгой, вместе с диагонально скомпанованным «Св. Севастьяном», дающим представление о беспокойном, сумрачном и серьезном творчестве Рибейры.

Среди французов особого внимания заслуживают Себастиан Бурдон — как всегда холодный и скульптурный, связанный с Фландрией Дела Фосс («Явление женам-мироносицам») и вдумчивый, почти монохромный Ле Нен—«Крестьянский ужин», очень близко напоминающий по своей композиции, «Обедающих крестьян» Луврского музея.

Карл ван-Лоо, с его голубой, прекрасно написанной Юноной, Лемуан с розовым «Спящим амуром», де-Труа с парными декоративными аллегориями знакомят нас с академическим течением во французской живописи XVIII века.

Блестящая по технике и колориту, коричневому внизу, вверху же сочетающему розовый и голубой тон, «Кузница Вулкана» кисти Натуара дает представление о декоративных приемах французских мастеров, так же как и висящий в pendant женский портрет работы Ш. Б. Ванлоо, где находим медальон, окруженный аллегорическими фигурами и исполненный живописью en grisaille. Полной красочной противоположностью академикам являются, правда, более ранние портретисты: Ларжильер с его малиновыми и синими светящимися красками и Риго, с не менее звучным красно-коричневым тоном переданных им тканей.

Из трех картин Клода Лоррена лучшей кажется эрмитажный пейзаж с состязанием Аполлона и Марса. Однако, много приятнее «Вид приморской гавани» Ж. Верне, позднего последователя Клода, с изящными фигурами людей на первом плане.

Подобно прочим именам, совершенно не убедительны картины Ватто,—очень слабые по рисунку, сильно перемазанные панно Мраморного дворца. Зато, бесспорно, очень удачны овальные, сочетающие розовое с голубым, картинки Буше, передающие обнаженное тело в свойственной художнику шелковистой манере, и одна из галантных «Сцен на лугу» Н. Ланкре.

Как обычно на всех французских выставках, в России много места занимают «руины» Гюбер Робера и сентиментальные, слащавые головки Греза. Среди декоративных панно первого интересно то, где слепой нищий протягивает свою шляпу по направлению к двум болтающим попугаям, залетевшим в развалины какого-то античного архитектурного сооружения.

Из картин Греза можно отметить «Первую пахоту» (из шуваловского собрания), где передана сентиментально-жеманная сцена из жизни «поселян» с мещанским прославлением семейной жизни и морализирующей добродетелью. Эта картина, во вкусе Дидро, значительно уступает все же также «не без поучения» написанной жанровой сценке «Обманутый слепец», с фигурами двух целующихся влюбленных, где надуманный сюжет искупается замечательным мастерством в письме и красках, согласованных в звучной коричневатой тональности. Отмеченное в творчестве Греза направление получает дальнейшее развитие в грациозной картинке Буальи «Prelude de Nina», хорошо известной по гравюре Chaponnier. В дальнейшем же это течение можно проследить в картинах Маргариты Жерар в

ином только стилистическом преломлении, с иначе понятыми фигурами, с холодными и блестящими красками, несколько пестрыми в своем подборе. Прежде чем перейти к позднейшим, уже ампирным вещам, хочется отметить «Электрический опыт» Амедея ван-Лоо, где мастер дает блестящее воплощение духа XVIII века. В центре холста, на подставке, представлена босоногая девушка, кокетливо касающаяся тонкой, точно волшебной палочкой, электрической машины, приводимой в действие юношей справа в глубине, тогда как разодетая в пышное, голубое платье дама созерцает сцену, где фигурирует еще арапчонок в красном камзоле, подающий воду для проведения опыта. Своим замыслом, своими красками и виртуозной легкостью письма этот холст является одним из лучших украшений французского отдела.

Скорее бытовой интерес представляют детально разработанные вещи де-Марна и Свебаха, свидетельствующие уже о новом стиле во французской живописи. Настоящим приобретением является, однако, для Москвы «Эней и Дидона» Герена, позволяющая резко оттенить происшедшую в искусстве XIX в. революцию. Эта картина дает совершенно новое формопонимание, совершенно новые краски и приемы композиции.

Такова, в беглом обзоре, выставка картин старых мастеров, куда, к сожалению, не вошло еще много недосланных из юсуповского собрания вещей. Поэтому особенно показательна она лишь в голландском отделе, где воедино собран весь материал и где, несомненно, более удачна развеска, несмотря на не совсем благоприятные условия освещения. Французский зал, могущий быть очень эффектным, благодаря обилию света, чудесной декоративной бронзе и ряду прекрасных полотен, проиграл от совершенно невозможного сочетания светло-зеленого тона стен со скучно-серым казарменным цветом щитов.

Одновременно с экспозицией нового живописного отдела выставили свои подлинники и прежние отделы музея—Античный и Возрождения. В греческом дворике устроена впервые видимая Москвой выставка греко-римской большой и малой пластики (мрамор, бронза, терракота) с VI в. по II в. до нашей эры. Многие из оригиналов являются вещами исключительного художественного интереса, как, например, архаический Аполлон Навкратийский (1-я полов. IV в. до нашей эры), Деметра из Помпей, школы Фидия, мраморное надгробие всадника, стиля парфенонского фриза, голова богини из б. собр. Голенищева и современный ей великолепный мраморный торс Афродиты Хвощинского, напоминающий Афродиту Медичи (II в. до нашей эры), бронзовая голова Зевса (II в. нашей эры) и мраморный бюст мальчика, быть может, несколько более ранний, являются хорошими оригиналами римского времени. Из терракот особым изяществом отличаются «Сидящая девушка» (Танагра IV—III в.в. до нашей эры) и «Женщина с яблоком», очень вытянутая по своим пропорциям (из Малой Азии). Витрины с остатками фресковой живописи и историческими фрагментами дополняют небольшую, но крайне ценную выставку.

Среди подлинных сульптур, экспонированных в зале Микель-Анджело, отметим, особенно, рельеф с четырьмя религиозными сценами французского мастера XVI в., находящийся между двух, приписанных Бернини, бюстов, раскрашенную терракоту—«Мадонну с младенцем» А. Росселино, подкупающие своей несколько грубоватой прелестью, «сельские», раскрашенные глиняные Мадонны XV столетия, и изящную бронзовую группу с тем же сюжетом, оживленным фигуркой юного Крестителя в звериной шкуре, работы Я. Сансовино. Из более поздних вещей находим здесь, происходящие из шуваловского собрания, несколько манерное «Положение во гроб» Агостино Бусти и мраморное тондо школы Делла Роббиа. Французские мастера показаны терракотовой моделью вазочки с изображением детской вакханалии,—Клодиона, и бюстом Франклина, раб. Гудона, не вполне удачным произведением мастера.

Находящийся на выставке бюст К.-Б. Растрелли, изображающий гр. Брюса и датированный 1732 годом, является интересным образчиком барочного скульптурного портрета. Ряд перечисленных подлинников замыкает миниатюрный,

очень живо исполненный в бронзе эскиз Кановы к его композиции «Геракл и Лихас».

Теряющиеся среди слепков, обе небольшие скульптурные выставки, конечно, очень случайные в своем подборе вещей, являются прекрасными дополнениями к крайне важным с учебной и даже художественной стороны копиям, позволяя до некоторой степени судить о материалах, употреблявшихся как древними, так и новыми мастерами пластики.

Вновь устроенные в 1-м музее Новой Западной живописи комнаты с развешанными в них рисунками французских художников, интересны, как прекрасное дополнение к картинам, лишний раз свидетельствующее о большом умении представленных в галлерее живописцев. И в силу того, что мы имеем здесь дело с рисунком, всегда более консервативным, чем живопись, связь со старыми мастерами, представленными теперь в Музее Изящных Искусств вплоть до XIX в., может быть вполне установлена. Название «Выставка рисунков» не вполне подходит к вновь открытым в музее комнатам; сюда, помимо рисунка, вошли также: акварель, пастель и цветные карандаши, т.-е. часто совершенно отделанные произведения. Такой вполне законченной вещью представлен, например, Моро («Ночь»), подобные же, мелочно исполненные рисунки показывает Ропс своим известным «Кафе в Антверпене» и очень заостренной по сюжету, тщательно проработанной во всех деталях сценкой «Маляр», где мужчина, красящий наружную стену дома, становится свидетелем туалета молодой, совершенно обнаженной женщины, «надевающей туфли». Большое мастерство штриха показывают смелые наброски Дега, сделанные с натуры, особенно тот, где представлена модель, касающаяся рукой пальцев ноги. Несколько в духе Милле, техникой напоминающей офорт, исполнена «Девушка с граблями» Альфреда Ролля, подобное же мастерство рисунка показывает также и Форэн рядом своих, напоминающих Домье, набросков. Рисовальщиком par excellence является Луи Легран. Особенно хорош рисунок «Скорбь», где у изголовья кровати представлена молодая женщина за своим вечерним туалетом; полон наблюдательности «Ужин апаша», показывающий замечательное умение художника. Из более поздних мастеров отметим наброски Матисса, не то напоминающие детские рисунки, не то японские ксилографии, и работу Пикассо, где особенно хороша «Голова старика в тиаре», исполненная совершенно в духе старых испанских мастеров. Таков в беглом обзоре интересный материал, делающийся доступным для изучения, благодаря вновь открытым комнатам галлереи.

Все перечисленные в настоящем обзоре выставки свидетельствуют об оживленной, по определенному плану развертывающейся работе в области музейного строительства, естественно являющегося основанием художественной жизни Москвы.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ.

1. АРХИВ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА под ред. Д. Рязанова. *В. Адоратский.*—2. I. Н. Ленин. Коммунистический Интернационал. II. Л. ТРОЦКИЙ. Пять лет Коминтерна. III. Карл Радек. Пять лет Коминтерна. IV. Н. Ленин и Г. Зиновьев. О Коминтерне. *М. Зеликман.* 3. Г. ЗИНОВЬЕВ. Мировая партия ленинизма *В. Вилвнский (Сибиряков).*

АРХИВ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА под ред. Д. Рязанова. Кн. первая. Государственное Издательство. Москва 1924 г. Стр. 497.

Буржуазия, держащая в своих руках средства производства и все завоевания культуры,—в том числе и печать,—не допускала и не допускает распространения книг, в которых говорится о непримиримой борьбе против нее и о том, как эту борьбу вести, чтобы свергнуть иго капиталистов. Как сочинения Ленина ждали десятками лет, чтобы их стали распространять в большом (хотя все еще в недостаточно большом) количестве экземпляров, так было и с сочинениями Маркса и Энгельса. Пролетариат, завоевавший власть, создал условия, при которых стало возможно напечатать, наконец, целиком без искажений и фальсификаций произведения теоретиков его борьбы,—что постепенно и приводится в исполнение.

В рассматриваемой первой книге Архива Маркса и Энгельса дается ценнейший теоретический и исторический материал. По теоретической ценности на первом плане надо поставить напечатанную в этом томе часть рукописи «Немецкая идеология», посвященную критике Фейербаха. В письме к П. В. Анненкову Маркс жаловался, что он до сих пор не мог напечатать своей книги, посвященной «критике германских философов и социалистов». Рукопись этой книги была закончена в августе—сентябре 1846 г. «Вы не можете себе представить,—писал Маркс 28 декабря того же года,—какие затруднения такое издание встречает в Германии, во-первых, со стороны полиции, во-вторых, со стороны издателей, являющихся заинтересованными представителями всех тех направлений, на которые я нападаю».

Печатать рукопись Маркса не хотели представители мелко - буржуазного, интеллигентского, соглашательского «истинного социализма», с которым беспощадно воевал Маркс. Подобные же представители новейших форм соглашательского антипролетарского социализма держали под спудом ценнейшие рукописи Маркса и Энгельса. Теперь одна часть одной из таких рукописей появляется в печати чуть ли не 80 лет спустя после того, как она была написана. Эта часть, о которой здесь идет речь, имеет огромное значение потому, что в ней содержится первое систематическое изложение исторической теории Маркса. С теоретической стороны рукопись представляет громадную ценность, и всякий, изучающий марксизм, должен ее особенно внимательно изучить.

Первым появившимся в печати крупным произведением зрелого марксизма была «Нищета философии», появившаяся по-французски в 1847 г. Но уже в рукописи «Немецкая идеология» Маркс и

Энгельс являются во всеоружии созданного Марксом метода диалектического материализма. Они уже совершенно и окончательно освободились от последних остатков идеализма и утопизма. «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *реальное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения вытекают из имеющихся теперь на-лицо в действительности предпосылок» (223).

Оппортунисты германской социал-демократии много постарались над тем, чтобы лишить марксизм его революционности, приспособить его для нужд буржуазии. Так было в частности с учением Маркса о государстве. В этой старой рукописи Маркс и Энгельс определенно говорят о том, что в число задач пролетариата входит *разрушение* буржуазного государства, на классовый характер которого Маркс вполне определенно указывает. «Государство—это та форма, в которой индивиды некоторого господствующего класса выявляют свои коллективные интересы» (252). О задачах пролетарской революции Маркс и Энгельс пишут: «...пролетарии являются противниками государства и должны, для проявления своей личности, низвергнуть государство» (245).

Очень много дает рукопись для выяснения материалистической точки зрения на общество, материалистического объяснения того, как складываются общественные отношения и сознание людей. Для тех, кто стоит на идеалистической точке зрения, идеи представляются самостоятельно существующими, независимыми сущностями, самостоятельно развивающимися. Маркс и Энгельс считают, что «мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают свою видимость самостоятельности. У них вовсе нет истории, у них нет развития: только люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные сношения, изменяют в этой своей деятельности также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание. При первом способе рассмотрения (идеалистическом. *В. А.*) исходят из сознания, как из живого индивида, при втором, соответствующем реальной жизни, исходят из самих реальных живых индивидов и рассматривают сознание только как их сознание» (216).

Отказываясь считать идеи «самостоятельными живыми существами», диалектический материализм умеет в то же время правильно оценить значение умственной деятельности людей, вырастающей на основе их материального общественного процесса производства, и указывает путь, как разгадать все тайны сознания: «все тайны (мистерии), которые заводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное решение в человеческой практике и в понимании этой практики» (201—202). «...Все иллюзии истории... коренятся в противоречии между производительными силами и формой сношений» (241). «Если сознательное выражение реальных отношений этих (т.-е. материальных) индивидов иллюзорно, если в своих представлениях они ставят свою действительность на голову, то это, в свою очередь, является следствием их ограниченного материального способа деятельности и вытекающих отсюда ограниченных общественных отношений» (215).

Основным и решающим явлением Маркс считает разделение труда, которое доходит до высшей формы—«разделение материального и духовного труда». В стихийно выросшем обществе, основанном на разделении труда, «...три эти момента—производительная сила, общественное состояние и сознание—могут и должны вступить в противоречие друг с другом, ибо вместе с разделением труда делается возможным и даже происходит в действительности то, что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов; отсутствие между ними противоречий возможно лишь при том условии, что снова уничтожается разделение труда» (221). Причина «догматических извращений» и «идеалистических иллюзий» коренится в характере того самого общественного строя, который

и порождает эти иллюзии. По словам Маркса, эти иллюзии «весьма просто объясняются практическим характером их (политиков, юристов. *В. А.*) деятельности и разделением труда» (233). «Разделение труда представляет нам первый пример того, что, пока люди находятся в естественно развившемся обществе, следовательно, пока существует раскол между частным и совокупным интересом, следовательно, пока деятельность распределяется не добровольным образом, а естественным стихийным образом, собственное дело человека становится какой-то чуждой, противостоящей ему силой, которая подчиняет его себе, вместо того, чтобы он господствовал над нею. Согласно происходящему распределению труда, каждый имеет определенный, исключительный круг деятельности, который навязан ему и из которого он не может выйти: он оказывается охотником, рыбаком или пастухом (рукой Маркса: или критическим критиком) и должен остаться им, если он не хочет потерять средств к существованию...» (223).

Вот эти обстоятельства—разорванность общественного процесса производства, стихийно развивающегося и не охватываемого в целом сознанием тех, кто в нем участвует, не поддающегося сознательному руководству, стихийно выросшее разделение труда и делают то, что общественные отношения, создаваемые самими людьми, продукты деятельности людей, их собственные силы приобретают характер каких-то самостоятельных, чуждых и враждебных людям сил, а отражения в сознании приобретают характер самостоятельных живых существ. «Социальная сила, т.-е. умноженная производительная сила, возникающая из обусловленного разделением труда сотрудничеством различных индивидов, будучи продуктом не добровольного, а стихийного сотрудничества, представляется в глазах этих индивидов не как их собственная объединенная сила, но как какая-то чуждая, стоящая вне их сила, о происхождении и целях которой они ничего не знают, которой, следовательно, они не могут руководить, которая, напротив, должна пройти свой особенный, не только зависящий от воли и поведения людей, а, наоборот, управляющий этой волей и этим поведением ряд фаз и ступеней развития» (223).

При рассмотрении процесса, как складывается класс, говорится: «отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против некоторого другого класса, в остальном они сами противостоят друг другу враждебно, как конкуренты. С другой стороны, класс объективируется, в свою очередь, становясь чем-то самостоятельным по отношению к индивидам, так что последние находят предустановленными условия своей жизни: класс указывает им их житейское положение, а вместе с тем и их личное развитие, он подчиняет их себе. Это явление аналогично подчинению отдельных индивидов разделению труда, и оно может быть устранено лишь путем уничтожения частной собственности и самого труда. Мы уже несколько раз указывали, как это подчинение индивидов классу превращается в то же время в подчинение их всякого рода представлениям» (243).

Однако одного «понимания» особенностей общественных отношений и разгадки иллюзий недостаточно. Необходимо переустройство самих отношений. «Превращение, благодаря разделению труда, личных сил (отношений) в силы вещественные не может быть уничтожено тем, что выбивают себе из головы общее представление об этом, а лишь тем, что индивиды снова подчиняют себе эти вещественные силы и уничтожают разделение труда. Только в коллективности получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, следовательно только в коллективности возможна личная свобода» (243). Выполнить всемирно-историческую задачу организации коммунистического общества и подчинения сознательному руководству всех материальных производительных сил может пролетариат, подготовляемый к этой роли самой жизнью, и это он может сделать в мировом масштабе. «Коммунизм эмпирически возможен только как одновременно происходящее зараз дело господствующих народов, что предпо-

лагает универсальное развитие производительных сил и связанных с последними мировых сношений» (224). «...Пролетариат может существовать только во всемирно-историческом масштабе, подобно тому, как коммунизм может быть активным только в качестве «всемирно-исторического явления, предполагая всемирно-историческое существование индивидов, т.-е. существование индивидов, непосредственно связанное со всемирной историей» (там же). «В развитии производительных сил наступает такой момент, когда появляются производительные силы и средства сношения, которые при существующих обстоятельствах причиняют только зло, не являясь более производительными силами, а силами разрушительными (машинизм и деньги); с этим связано то, что появляется класс, призванный носить все бремя общества, не пользуясь всеми благами его, класс, который, будучи вытесняем из общества, неизбежно становится в самое решительное противоречие ко всем прочим классам» (226). «...Как для массового порождения... коммунистического сознания, так и для выполнения самого дела, необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в *революции*; следовательно, революция необходима не только потому, что нельзя никаким иным способом свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество» (227).

Всего богатого содержания этого первого изложения материалистического взгляда на историю, в котором чувствуется «огонь первого понимания» (Das Feuer der ersten Fassung—по удачному выражению Л. Фейербаха), невозможно исчерпать в краткой библиографической заметке. Кроме установления общей точки зрения, там имеется много замечаний, относящихся к конкретным историческим фактам эпохи феодализма, его разложения и развития капитализма (см., напр., стр. 234 и след.).

Второй важной составной частью рассматриваемой книги являются письма Энгельса к Бернштейну. Большинство их относится ко времени 1881 по 1887 годов—когда Бернштейн был редактором центрального партийного органа «Социал-Демократ» в Цюрихе. В письмах Энгельс касается самых разнообразных тем: — вопросов рабочего движения в различных странах, вопросов политической борьбы, теории и тактики. Вот несколько отрывков для образца: в письме от 8 февраля 1883 г., считая, что шум, поднятый против биржи,— мелкобуржуазный, Энгельс дает такую оценку биржевой спекуляции: «Биржа только изменяет *распределение украденной* уже у рабочих прибавочной стоимости, а как это происходит, совершенно безразлично для рабочих, как таковых. Но биржа изменяет распределение в направлении централизации, чрезвычайно ускоряет концентрацию капиталов и потому производит такую же революцию, как паровая машина» (338). И в другом письме (10 февраля 1883 г.): «Ни в коем случае не в интересах пролетариата разрушить эту чистую форму современного хозяйства, а, наоборот, надо предоставить ей совершенно свободно развернуться, чтобы и самые глупые могли увидеть, к чему ведет современное хозяйство» (339).

Марксизм—теория борьбы пролетариата—того класса, который в современных передовых обществах составляет большинство,—это теория массового движения. Для развития политической деятельности, для накопления опыта масс—особо важными эпохами являются эпохи революций. В письмах к Бернштейну Энгельс пишет о революции, что это «длящийся многие годы процесс развития масс с ускоренным темпом движения» (349). «Революция—продолжительный процесс (ср. 1642—1647 г.г. и 1789—1793 г.г.); и чтобы условия созрели для нас, а мы для них, все промежуточные партии поочередно должны прийти к власти и оскандалиться. И тогда придем мы и, может быть, тоже временно будем разбиты. Хотя я не считаю этого возможным при нормальном ходе вещей» (347) и т. д. См., напр., также замечательное письмо об Ирландии и ее революционном движении (стр. 315), о французском рабочем движении (стр. 333) и пр. Для изучающих

марксизм эти письма дают материал огромной ценности.

За недостатком места приходится только упомянуть о таких любопытных документах, как черновики ответа Маркса В. Засулич о русской общине и о перспективах ее развития (февраль—март 1881 г.) и о предисловии Энгельса к «Классовой борьбе во Франции» Маркса. На это предисловие обычно ссылаются оппортунисты, толкуя его как отказ Энгельса от революционных «увлечений молодости». По оригиналу «Предисловия» можно восстановить выброшенные соглашательской цензурой места. Из этих мест видно, что Энгельс предвидел неизбежность в будущем вооруженной борьбы, которая будет отличаться от прежней тем, что «будет вестись при помощи более значительных сил» (259).

Рядом с публикацией документов в книге есть ряд интересных исследовательских работ по истории марксизма. Статья А. Деборина о «диалектике у Канта» является первой из задуманной серии по истории диалектики. Автор ставит себе задачей дать анализ диалектического метода, начиная с Канта,— показать несостоятельность идеалистической диалектики и необходимость преодоления ее материалистической диалектикой.

Э. Цобель в статье «К истории союза коммунистов» освещает историю революционного движения в Кельне в 1848 г.

Статья Д. Б. Рязанова «Возникновение Первого Интернационала» посвящена эпохе до 1864 г. В статье приведены интересные документы, отражающие взгляды и настроения рабочих, принимавших участие в создании первой международной организации рабочих для их борьбы против капитала.

В заключение остается пожелать, чтобы Институт Маркса и Энгельса поскорее выпустил в свет собранные им рукописи и особенно полностью их переписку. О своей переписке с Марксом сам Энгельс в письме к Бернштейну писал: «Поэзия Гейне—детская игрушка в сравнении с нашей насмешливой прозой. Мавр мог притти в ярость, но впадать в уныние—jamais! Я помирал со смеху, когда перечитывал старые вещи. Впрочем, эта исторически важная переписка, поскольку это будет в моей власти, попадет в надлежащие руки» (345).

В. Адоратский.

Н. ЛЕНИН. Коммунистический Интернационал. Изд. «Красная Новь». Москва 1924 г. Стр. 344.

Л. ТРОЦКИЙ. Пять лет Коминтерна. Госиздат. Москва 1924 г. Стр. 612.

КАРЛ РАДЕК. Пять лет Коминтерна. Часть II. Изд. «Красная Новь». Москва 1924 г. Стр. 504.

Н. ЛЕНИН и Г. ЗИНОВЬЕВ. О Коминтерне (статьи и документы). Изд. «Московский Рабочий». Москва 1924 г. Стр. 175.

В выше перечисленных произведениях перед читателем проходит не только вся деятельность Коминтерна за минувшее пятилетие, но в них имеется прекраснейший анализ международного рабочего движения за последнее десятилетие, анализ, сделанный авторитетнейшими пролетарскими вождями нашей эпохи.

В настоящий момент эти книги приобретают особенную ценность не только в связи с минувшим (в марте т. г.) пятилетним юбилеем Коминтерна, но и с другими двумя знаменательными годовщинами: десятилетием начала мировой войны (начало августа) и шестидесятилетием основания I Интернационала (28 сентября). Если к началу седьмого десятка со дня основания «Интернациональной Рабочей Ассоциации» мы имеем сравнительно скудную литературу об этой первой международной организации пролетариата, да к тому же имеющаяся о I Интернационале литература является произведением историков (Иекк, некоторые главы в работе Меринга о Карле Марксе), то в перечисленных в заголовке произведениях перед нами проходит вся деятельность Коминтерна в изложении вождей, основавших III Интернационал, вдохновлявших и руководивших им. Уже одно это, помимо всего прочего, придает разбираемым нами в настоящей рецензии работам особенную ценность.

Следует заметить, что в книге Ленина и в «Пять лет Коминтерна» Троцкого не все собрано, что говорили и писали о III Интернационале Владимир Ильич и тов. Троцкий.

В сборник тов. Ленина не включен ряд статей, которые он написал во время войны (1914—1917 г.г.) и целиком посвятил вопросу о крахе II Интернационала и необходимости создания III Интернационала. Эти статьи (большей частью собранные в книге «Против течения») необходимы всякому, кто хочет изучить зарождение, основание и развитие Коминтерна. Значение этих статей для понимания тактики Коминтерна видно из следующих слов Владимира Ильича: «Без знакомства с этими статьями не обойдется ни один сознательный рабочий, желающий *понять* развитие идей международной социалистической революции и ее первой победы 25 октября 1917 г.» (предисловие Н. Ленина к книге «Против течения»). Слово «понять» подчеркнуто Ильичем не даром, ибо если начать с того момента, с которого начинают издатели, а именно с «Письма к рабочим Европы и Америки», написанного Лениным в начале января 1919 г., то для непосвященного в подробности истории Интернационала читателя будет не совсем понятно как само это письмо, так и все дальнейшие события.

В сборнике тов. Троцкого помещена незначительная часть из его книги «Коммунистическое движение во Франции», книги, целиком посвященной Коминтерну. Но в «Пять лет Коминтерна» собрано очень много материалов, среди которых находим такие важные документы, как «Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира», опубликованный от имени Первого Конгресса Коминтерна, а также Манифест II Конгресса Коминтерна.

Книга т. Радека является II томом «Пять лет Коминтерна» (о I томе мы писали в IV книге «Печать и Революция» за 1924 г.). Материалы, помещенные во II томе, посвящены, главным образом, вопросу об едином фронте в связи с переживаемой международным рабочим движением ситуацией.

Весь материал книги разбит на четыре отдела: 1) III Конгресс, 2) IV Конгресс, 3) Революционный кризис 1924 г. и 4) После октябрьского поражения.

По поводу этого расположения материала следует заметить, что совершенно непонятно, почему третья группа материалов названа: «Революционный кризис 1924 г.», когда эта часть книги содержит материал, целиком относящийся к событиям 1923 г.: две речи, произнесенные на расширенном пленуме ИККИ — 15 и 23 июня 1923 г., и статья, помещенная в «Правде» от 25 и 26 сентября 1923 г. («Право самоопределения народов и Соединенные Штаты Европы»).

В книге т. Радека собрано много интересного материала. Некоторые материалы не были опубликованы в русской прессе (напр., тезисы по вопросу об октябрьском поражении и дальнейшей борьбе германского пролетариата за диктатуру). Книга издана вполне удовлетворительно, но здесь приходится делать то же замечание, какое мы сделали по отношению к первому тому,—необходимо внимательно проредактировать ее с точки зрения стиля.

Брошюра о Коминтерне содержит одну статью т. Ленина («Третий Интернационал, его место в истории»), его же—«Тезисы о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре» и две статьи т. Зиновьева: 1) «Первое пятилетие Коминтерна» и 2) «Как зародился Коминтерн и что он сделал за первые пять лет». Кроме того, помещены следующие документы: 1) «Тезисы агитпропа ЦК РКП (б) к пятилетию Коминтерна», 2) «Манифест Коминтерна к пролетариям всего мира», 3) «Платформа Коминтерна» и 4) «21 условие».

Издание брошюры можно признать полезным, но для массового распространения цена немного слишком высока. Издана брошюра хорошо.

Остается отметить относительно объяснительных примечаний, имеющихся в конце книги Ленина и книги Троцкого. Эти примечания очень полезны, особенно для молодых читателей, которым много имен и событий не известно. В таких примечаниях трудно избегнуть, со стороны пишущего эти примечания, субъективной оценки лиц или событий, но точность дат, исторических фактов и т. п. обязательна. А в этом отношении

встречаются неточности, как в примечаниях одной, так и другой книги. Так, напр., в примечаниях к книге т. Троцкого говорится (примечание 129), что Черчилл был министром иностранных дел, а в действительности он был военным министром и особенно поддерживал интервенцию в Сов. Россию; в примечании 280 отмечается, что «Циммервальдская конференция была созвана в начале 1915 г.», тогда как эта конференция состоялась в *сентябре* 1915 г. Подобные неточности встречаются и в примечаниях к книге Ленина (например, в прим. 169 говорится, что IV Конгресс Коминтерна открылся в Москве, на самом деле он открылся в Ленинграде).

Несмотря на эти недостатки примечания полезны.

М. Зеликман.

Г. ЗИНОВЬЕВ. Мировая партия ленинизма. Изд. «Красная Новь». Москва 1924 г. 226 стр. Тираж 25.000.

Книга тов. Зиновьева составилась из речей, произнесенных на V Конгрессе Коминтерна, а равно докладов, которые давали оценку этого Конгресса и подводили итоги его работ. В качестве приложения даны: резолюция по докладу Исполкома Коминтерна и тезисы по вопросам тактики, принятые V Конгрессом Коминтерна.

Итоги V Конгресса тов. Зиновьев формулирует так. Первое,—несмотря на жесточайшую реакцию силы Коминтерна выросли; второе,—тактика единого фронта выправлена от оппортунистических уклонов; третье,—Коминтерн сумел подготовиться к фазе т. н. «демократического пацифизма»; четвертое,—Коминтерн встал на путь большевизации партии, и пятое,—Коминтерн подтвердил лозунг «к массам».

Анализируя международную обстановку, тов. Зиновьев задается вопросом, как долго будет длиться демократическо-пацифистская «эра» и дает ответ применительно для Франции—«она будет непродолжительной». Сейчас мы знаем, что, хотя и не с того конца, т.-е. не с Франции, но тем не менее мыльный пузырь надежд «эры» демократических мечтаний лопнул. Т. н. «рабочее правительство» Макдональда позорно провалилось и должно было уступить свое место консерваторам. Иными словами, рушились демократические иллюзии и вновь вступает в свои права реакционная действительность.

В своей речи при закрытии Конгресса тов. Зиновьев одним из важнейших этапов работ Конгресса поставил работу по большевизации партии. Он сказал: «Мы все хотим создать действительно большевистские партии. Но трудности при этом велики. Традиции рабочего движения в различных странах различны. Оппортунизм все еще имеет часто глубокие корни в нашем движении». И дальше: «Мы живем, мы дышим в буржуазном обществе, отсюда пережитки буржуазной идеологии, отсюда оппортунизм». Борьбе с оппортунизмом в речах т. Зиновьева отведено довольно много места, особенно в связи с правым уклоном в толковании лозунга «единый фронт».

Вопрос о создании большевистских кадров в коммунистических партиях, это—основной вопрос подготовки к будущим революционным боям. Этот вопрос довольно страстно дебатировался на Конгрессе, нашел он свое отражение и в докладах т. Зиновьева. Через трудности к практическим задачам обольшевичивания компартий разных стран—вот путь, который был указан V Конгрессом мировому коммунистическому движению. Образование единой всемирной компартии—вот задача, которую поставил на очередь V Конгресс. Основные требования к этой мировой партии ленинизма Конгресс предъявил следующие: партия должна быть действительно массовой, она должна быть маневроспособной, она должна быть по существу революционной марксистской, она должна быть централизованной партией. «Большевизация партии—это означает перенесение в наши секции того, что в русском большевизме было и есть международного, общезначимого»—так резюмирует этот вопрос резолюция, принятая V Конгрессом Коминтерна.

Что касается до перспектив революционного движения, то V Конгресс наметил две перспективы: первая—«не

исключено более медленное и затяжное развитие пролетарской революции» и вторая—«почва под капитализмом настолько минирована и противоречия капитализма в общем развиваются настолько быстро, что развязка в той или другой стране может притти в очень непродолжительном времени. Коминтерн должен строить свою тактику на возможности обеих перспектив». В речах и докладах т. Зиновьева дано большое количество материала и иллюстраций к этим выводам V Конгресса.

Рецензируемая нами книжка должна быть очень ценным пособием для всякого партийного работника, которому приходится разъяснять широким массам значение V Конгресса Коминтерна и основные итоги его работ.

Вл. Виленский-Сибиряков

ИМПЕРИАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА.

1. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА, ЕЕ ПРИЧИНЫ и СЛЕДСТВИЯ. *Ф. Ротштэйн.*—**2. J. DU TAILIS. Le nouveau Maroc.** *П. Китайгородский.*—**3. SIR VALENTINE CHIROL. The egyptian problem.** *Б. Пурецкий.*—**4. I. Д-р РУИР. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. II. АРАВИЯ и ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ.** *В. Гурко-Кряжин.*

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА, ЕЕ ПРИЧИНЫ и СЛЕДСТВИЯ. Сборник статей под редакцией К. Шелавина. Издательство «Прибой». Ленинград 1924 г. Стр. 138.

Я думаю, нам придется создать какую-нибудь инстанцию литературно-санитарного характера для борьбы с засорением литературного рынка и читательских голов халтурой и макулатурой. В последнее время у нас народился не только массовый читатель, но и массовый писатель в лице, по большей части, студиозусов наших фонов, партшкол, различных марксистских курсов и т. д., которые, будучи охвачены энтузиазмом к вновь открываемым ими наукам, спешат осчастливить публику плодами своих научных изысканий и... студенческих занятий. Против этого, как называют немцы, «унфуга» необходимо начать борьбу, иначе головам и тощим карманам нашей молодой читающей публики угрожает серьезнейшая опасность.

На эти мысли меня наводит книжка, заглавие которой я выписал в начале. Я совершенно не понимаю, каким образом почтенное издательство «Прибой» могло выпустить на рынок такую безграмотность и никчемность? Книжка представляет из себя сборник из семи статей, принадлежащих перу различных авторов. Я ни одного из них не знаю, но подозреваю, по их литературным упражнениям, что они либо студенты, либо недавно были студентами какой-нибудь школы из перечисленных выше. Первая же статья о причинах мировой войны вводит нас в курс исторических познаний и марксистской подготовки авторов сборника. В исторической своей части о существе империализма молодой писатель надергал цитат из Ленина и Зиновьева и преподнес нам кашу, от которой не только начинающий, но и более опытный читатель захлебнется до бесчувствия. Что такое финансовый капитал? вопрошает автор и отвечает: «Концентрация производства, монополия, вырастающая из нее, слияние и сращение банков с промышленностью—вот содержание этого понятия!». В другом месте он говорит, что конец прошлого и начало текущего столетия характеризуются «картелями, как основой всей хозяйственной жизни, и капитализм превращается в империализм, т.-е. новейший капитализм». Вот, пойди ж ты: капитализм превращается в новейший капитализм! Что может быть вразумительнее? Из исторической части его статьи мы узнаем, что англо-бурская война продолжалась от 1899 до 1900 года, что

в 1901—1902 г.г. «нигде не было войны», что «во второй половине прошлого столетия от Англии отделились Соединенные Штаты», что Афганистан составляет колонию Англии, что Судан принадлежит Франции, что тройственное согласие (Антанта) уже существовало в конце XIX века, и даже в 90-х г.г., что тройственный союз образовался впоследствии и что Германия в свое время «подчинила своему влиянию» Палестину и т. д.

Вторая статья о II Интернационале и мировой войне представляет компиляцию по известным источникам, и притом весьма бездарную. В ней попадаются такие перлы: считая, что «ныне можно дать спокойную (!) оценку мировой бойне и доказать рабочим правду о социалистах II Интернационала», автор вопрошает: «следует ли последних посадить на скамью подсудимых или рассматривать этих бывших людей, как благородных свидетелей?» и он отвечает, что «можно было бы ограничиться последним, если бы II Интернационал был только зрителем, если бы он, считая свою несостоятельность, прямо и откровенно заявил об этом рабочим!». До чего может дойти «спокойное благородство» молодых авторов! По его сведениям оказывается, что Конгресс в Штутгарте был «последним, на котором вопрос о войне обсуждался серьезно», что лозунг «война дворцам и мир хижинам» принадлежал Бебелю, что Швейцер в свое время был «опорой железного канцлера Бисмарка» и что «оппортунизм германской социал-демократии имеет два основных источника—попутчики и рабочая бюрократия»,—и это есть марксизм!

Не стоит продолжать разбирать эту книжку. Достаточно указать, что последняя глава, трактующая «Итоги и перспективы к десятилетию мировой войны», совершенно откровенно напечатана в виде тезисов, гарнированных цитатами из Павловича и Варги, какие обычно приготовляются студентами для докладов на семинариях.

Стоило бы заплатить полтинник (цена книжки), чтобы ее не читали.

Ф. Ротштейн.

J. DU TAILIS. Le Nouveau Maroc. 338 p. Paris 1923. Société d'editions geographiques, maritimes et coloniales.

Ж. ДЮ ТАЙИ. Новое Марокко. 338 стр. Париж 1923. Общ. географических, морских и колониальных изданий.

О Марокко имеется сравнительно большая литература. Марокко до сих пор служило объектом соперничества между Францией и Испанией, за спиною которой все время стояла Англия. Начиная с 1904 г., на эту часть северо-западной Африки стала претендовать и Германия. С поражением последней в результате империалистической войны Марокко не перестает, однако, быть яблоком раздора между державами-победительницами.

В северо-западной оконечности Марокко находится портовый город Танжер, расположенный недалеко от Гибралтара. Поскольку английский империализм чувствительно реагирует на все то, что может так или иначе ослабить значение этой естественной крепости, захваченной англичанами у потомков Фердинанда и Изабеллы еще 200 лет тому назад, постольку г. Танжер не перестает быть предметом дипломатических дискуссий в течение последних 25 лет.

В особенности Англия стала за последнее время принимать всяческие меры, чтоб не допустить столь сильный империализм, как французский, завладеть таким стратегически важным пунктом, каким является Танжер.

Лишь год тому назад состоялось, наконец, соглашение между Англией, Францией и Испанией на предмет разграничения «сфер влияния» в Танжерской зоне и «интернационализации» самого города.

По так называемому Алжесирасскому соглашению 1906 г., Марокко поделено между Францией и Испанией. Северная часть Марокко, исключая Танжер и его окрестности, до последнего времени находилась в сфере испанского влияния. Средний и южный Марокко перешли под французский протекторат. Но население Марокко, состоящее из арабов и древних кабилов, вовсе не намерено

стать объектом вожделений империализма. Оно оказывает вооруженное сопротивление колонизаторам, в особенности в испанской зоне. В сентябре прошлого года испанцы понесли сильное поражение со стороны повстанческих войск, организованных крупным шейхом Абд-Эль-Керимом.

Население, подчиненное Испании, насчитывает всего 294.500 человек. Оно состоит из 12 колен, или триб. Абд-Эль-Керим, сам воспитавшийся в высшей военной школе Мадрида, сумел объединить эти трибы и воодушевить их на борьбу с испанцами. В течение последних 4 лет эти кабильские племена вели отчаянную вооруженную борьбу с прогнившим испанским колонизаторским империализмом—и победили его.

Марокко, по своему географическому положению и по своим естественным богатствам, является одним из крупных факторов империалистической политики. Автор рецензируемой книги задался целью дать исчерпывающее описание колоссальных богатств, историю завоевания Марокко и проникновения французского капитала в эту страну шерифов,—попутно останавливаясь на быте и этнографическом составе страны.

Весьма интересна глава, посвященная вопросу землепользования в Марокко. Автор раскрывает печальную страницу расхищения и узурпации, практикуемых французскими колонизаторами. Сложившиеся веками земельные отношения, основанные на религиозном законодательстве Корана и Шариата, обусловленном, в свою очередь, характером мусульманской общины с ее коллективной формой ирригационных работ, претерпели серьезные изменения в результате французского разбойничьего хозяйничанья в этой стране.

Французам приходится содержать 100-тысячную армию в непокорном Марокко. Только феодальная клика всецело отдалась французскому империализму. Крестьяне же, разоряемые узурпаторской политикой французов, не хотят склонить перед ними своей выи. На горах Атласа и Тазы идут кровопролитные бои между французскими отрядами и марокккскими скотоводами и земледельцами, знающими, по опыту их братьев в Алжире и Тунисе, какую нищету и разорение несет им французская «цивилизация».

Автор сам является идеологом французского империализма. Тем не менее, даваемые им абрисы и картинки хозяйничанья французов в Марокко говорят как раз меньше всего в пользу «прекрасной, цивилизаторской Франции».

Очень интересна последняя глава, посвященная Риффу, той части Марокко, которая находится в зоне испанского влияния. Тут автор, пробывший около 20 лет в этой стране, чувствует себя свободнее. Он дает волю своему негодованию по поводу «бесчинств и преступлений неспособных испанцев», вызвавших восстание всего населения Риффа. Мы в этой главе находим весьма ценные сведения о составе населения, о топографии края, о нравах и обычаях племени Риффа. Тут же автор знакомит нас с вождем этого племени, сумевшим поднять своих единоверцев на победоносную борьбу с испанцами.

В книге имеется около 19 фотографий, дающих наглядное представление о жизни марокканцев, дерущихся, как львы, с франко-испанскими колонизаторами.

П. Китайгородский.

The egyptian problem by SIP VALEHTINE CHIROL. London, 1920. P. 332.

ВАЛЕНТИН ЧИРОЛ. Проблема Египта. Лондон 1920. Стр. 332 [1].

Основой рассматриваемого сочинения автор взял ряд своих статей, помещенных в «Таймсе» за период между октябрем 1919 г. и апрелем 1920 г. Цель работы—показать, что «британская оккупация не лишила Египет свободы и независимости, которой он никогда не пользовался», это—во-первых, а затем «отнюдь не во враждебном духе про-

[1]) Настоящая рецензия была написана до убийство ген. Ли-Стека и последовавших за убийством событий.

Ред.

следить развитие египетского национализма и рассмотреть те слои египетского общества, на которых он базируется». Первое положение автор сам с успехом опровергает, приводя целый ряд красноречивых фактов, которые он называет «ошибками» со стороны британского правительства. Что же касается развития национального движения в Египте, то этот вопрос освещен весьма полно главным образом в отношении событий во время и после мировой войны, и с этой точки зрения книга представляет значительную ценность. Египетское общество довольно односторонне и поверхностно представлено в главе «Характеристика населения». Имеется в книге также глава, посвященная народному образованию в Египте.

Автор начинает изложение с эпохи Мехмеда-Али, «основателя современного Египта». Довольно коротко затем перечислены события с 1841 г. до оккупации, которая была неизбежной, ибо в противном случае «Египет был бы при первом удобном случае занят какой-либо другой державой». Турция ведь очень желала восстановить свои права на Египет; Франция тоже весьма раскаивалась в своем официальном отказе от «военных операций», которые привели Англию к оккупации Нильской долины. Не дремала также и Германия, возрастающее могущество которой послужило поводом к англо-французскому соглашению 1904 года, безраздельно отдавшему Египет в руки англичан. Самый период оккупации автор делит на две фазы. Первая начинается с подавления восстания Арабии в 1882 г. и оканчивается уходом лорда Кромера с поста британского агента в Египте (1907 г.).

Между прочим интересно, что Саад-Заглул-Паша впервые получил портфель министра просвещения как раз по выбору Кромера, который в одной из своих речей характеризовал Заглула, как человека, обладающего всеми необходимыми данными для службы в Египте: «он честен, способен, настойчив в проведении своих решений... это—высокие качества, и он далеко пойдет». Слова Кромера оправдались вполне. Саад-Заглул пошел настолько далеко, что англичанам два раза пришлось изгонять его из Египта.

Вторая фаза оккупации совпадает с «правлением Эльдона Горста (1907—1911) и затем Китченера (1911—1914), когда прикрытый (veiled) протекторат 18 декабря 1914 г. превратился в открытый». Произошло это очень просто. Хедив Аббас II Хильми, «симпатии и сотрудничество которого были на стороне всех наших врагов» и который находился в этот момент в Константинополе, был объявлен низложенным, и на его место посажен с титулом султана более послушный его родственник—Хуссейн. Автор признает, что в этот период англичане находили весьма мало благожелателей как среди мусульманского населения Египта, всецело бывшего под влиянием знаменитого университета Аль-Азхара, так и приверженцев молодой национальной партии. С началом войны английское правительство торжественно объявило населению Египта, что последнее ни в коем случае не будет привлечено к каким бы то ни было военным тяготам, но обещание вскоре же было нарушено приказом о мобилизации «рабочего корпуса». Проведение мобилизации, по большей части, было поручено местным властям, благодаря чему открылось широкое поле для злоупотреблений и сведения личных счетов. В последние годы войны недостаток средств транспорта и фуража вынудил британские военные власти приступить к реквизициям таковых у сельского населения часто на безвозмездных началах. Эта «ошибка» вызвала острую вражду египетского крестьянства к англичанам, которая вылилась в открытое народное восстание в мае и апреле 1919 года. После заключения мира 13 ноября 1918 г. вожди национальной партии во главе с Заглулом, памятуя о торжественных обещаниях государственных мужей Антанты, в частности Ллойд-Джорджа и Вильсона, обратились официально к верховному комиссару Англии, Реджинальду Уингэту с требованием отмены протектората и признания полной независимости Египта. Тот ответил, что «он не посвящен в намерения правительства его величества относительно будущего Египта». Заглул,

без сомнения, ждал подобного ответа и через несколько дней снова обратился к верховному комиссару с просьбой разрешить ему и его товарищам в составе делегации отправиться в Англию, чтобы поставить вопрос непосредственно на разрешение английского народа. *Простэй запиской личный секретарь комиссара отказал в этом.* Подобное поведение британского правительства, а также недопущение египетской делегации на мирную конференцию, в то время как туда были допущены представители Крита, Сирии и Геджаса, переполнило чашу терпения широких слоев египетского общества, и его протест выразился в ряде волнений и анти-британских демонстраций. Английское правительство решило восстановить порядок в стране мирным путем—просто высылкой вождей движения.

9 марта Саад-Заглул-Паша, Хамид Паша-Аль-Бассал, Измаил-Паша-Сидки и Мохаммед-Паша-Махмуд были арестованы и препровождены на остров Мальту. «Все, что произошло после этого,—говорит автор,—является результатом наших ошибок, совершенных не только в период войны и после нее, но и многих ошибок, допущенных английским правительством за все время оккупации. Кроме этого, мы совершенно не учли колоссальных сил, скрывавшихся за национальным движением». Через два дня после высылки вождей весь Египет был охвачен восстанием. Громадные, вооруженные чем попало толпы в 3.000 и больше человек нападали и громили железнодорожные станции, разрушали пути сообщения, телеграф, убивали служащих-англичан и нередко вступали в настоящие бои с правительственными войсками, в результате которых убитые и раненые насчитывались десятками. Сообщение с Каиром поддерживалось лишь посредством радио и аэропланов. Британский контроль более не существовал. Появились временные республиканские правительства в Зифте, Загазиге, в Миние и других городах. В деревнях появились свои «советы» (soviets). Восстание было подавлено manu militari с необыкновенной жестокостью, о которой автор умалчивает. Только 11 апреля британская главная квартира смогла выпустить бюллетень, возвещавший, что «в Египте все повидимому спокойно». Но фактически отдельные вспышки происходили и долгое время спустя после этого. Английское правительство пошло на уступки. 7 апреля официально было объявлено об освобождении четырех изгнанных, которые прямо с Мальты отправились в Париж! В Лондоне было решено послать в Египет специальную комиссию расследовать дело на месте. Эта комиссия, с лордом Мильнером во главе, прибыла в Каир 7 декабря 1919 г. и провела в Египте пренеприятнейших три месяца. Когда в марте 1920 г. она выбыла в Англию, египетские националисты с гордостью заявляли, «что комиссия потерпела полную неудачу, униженная и расстроенная в своих планах железной волей единой нации, более чем когда-либо решившейся добиться «полной независимости». Книга заканчивается главой, в которой автор склоняется к мысли, что египетская проблема нуждается в разрешении, почетном для обеих сторон, и возлагает большую надежду на пребывание в Лондоне египетской делегации во главе с Заглулом. Что произошло потом, мы знаем. Египет получил «независимость». Но и сейчас «независимому Египту» приходится бороться за свою «полную независимость».

Б. Пурецкий.

Библиотека международной политики. Под общ й редакцией Ф. Ротштейна. 1) Д-р РУИР. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в.. Стр. 180. 2) АРАВИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ. Сборник. Стр. 224. Социалистическая Академия. Изд. «Красная Новь». М. 1924.

Русская литература, как известно, чрезвычайно бедна оригинальной и переводной литературой по вопросам международной политики. С этой точки зрения заслуживает всяческого внимания попытка Социалистической Академии дать библиотеку переводных произведений по основным вопросам международной жизни. Можно спорить лишь против метода составления подобной библиотеки. Вышедшие выпуски

представляют обычно сборники, посвященные той или иной проблеме (напр., «Проливам», «Ближневосточной нефти»), составленные не из законченных произведений, а из извлечений, т.-е. путем частичного использования больших работ. Совершенно ясно, что при подобном способе составления, если читатель выигрывает в разнообразии материала, то он проигрывает в смысле исчерпывающего ознакомления с ним. Для всякого же специалиста остается необходимость обращения к первоисточникам, при наличии русского неполного перевода.

Вторым условием ценности подобных сборников является, конечно, доброкачественность входящих в них материалов. Достигнуть этого особенно трудно, так как использовывать приходится исключительно западную буржуазную литературу, которая в вопросах международной политики как раз является особенно тенденциозной, пристрастной и чаще всего определенно империалистической.

Из двух рецензируемых книг Библиотеки наибольший интерес представляет известный труд д-ра Руира «Англо-русское соперничество в Азии». У автора, типичного буржуазного историка, мы, конечно, не находим сколько-нибудь углубленного подхода к изображаемым событиям, с учетом экономических факторов и на фоне всей международной жизни XIX века. И то, и другое в книге полностью отсутствует. Англо-русское соперничество представляется автору как нечто стихийное, раз навсегда данное и не подлежащее никакому анализу. Империалистическое расширение Англии и России является для него совершенно законным, естественным, и он расценивает его исключительно с точки зрения успехов, достигнутых той или иной страной. Подводя итоги империалистической работе Англии в Аравии, он, например, разражается следующим дифирамбом: «это один из лучших примеров торжества той методы мирного колониального расширения, которая заключается в уважении к туземным правителям и народам, в привлечении первых на свою сторону субсидиями, вторых—мерами порядка и умиротворения, и которая приводит ко всем выгодам аннексии без трат, вызывавшихся завоеванием» (стр. 40).

Для поразительной узости и близорукости автора достаточно указать, что, подробно говоря о русско-английской политике почти накануне мировой войны, он ни словом не говорит о Германии, о Багдадской ж. д., о тех изменениях, которые были вызваны ее ближневосточными планами и предприятиями в политике двух азиатских гегемонов. Англо-русское сближение 1907 года, явившееся прямым результатом этой «германской опасности», для Руира является лишь результатом изменения политического метода: есть две методы, поучает Руир, «первая, названная имперской методой или империализмом, есть политика агрессивная, завоевательная и принудительная; вторая—политика союзов и дружеских сношений, человеколюбивая и экономическая». Результатом второй «не агрессивной» методы и явился русско-английский договор, цинично поделивший между ними Персию и бесцеремонно установивший желательный правопорядок в Афганистане и Тибете. Нужно ли здесь указывать, что этот договор, представляющийся для Руира «вернейшим залогом всеобщего мира», явился на самом деле фундаментом создания Entente cordiale, т.-е. предвестием мировой войны!

Несмотря на все это, книга Руира имеет большую ценность, как лучшее фактическое изложение великого англо-русского соперничества, заполнившего почти весь XIX век. Ряд чрезвычайно живо и по-французски—ясно написанных очерков знакомит нас с отдельными этапами этой борьбы: с политикой Англии в Аравии, с англо-русской борьбой в Персии и в Афганистане и, наконец, со столкновением их в Тибете. Несомненно, что военно-политический смысл этой борьбы очень метко был выражен лордом Керзоном, заявившим в 1904 году: «Индия—крепость: с двух сторон ее ограничивает, подобно рву, океан, с третьей—горы. За этой стеной тянется гласис различной глубины. Мы не стремимся к его захвату, но не можем допустить, чтобы его захватил противник... В этом весь секрет положения

в Аравии, Персии, Афганистане, Сиаме и Тибете».

В книге Руира, есть, конечно, целый ряд ошибок. Так, например, нельзя говорить, что в 1838 г. Россия «заключила союз» с Афганистаном—на самом деле между ними наметилось лишь сближение; русские войска, конечно, не могли завоевать никаких «закаспийских долин», так как среди песков Закаспия мы имеем не долины, а лишь редкие оазисы; река Карун вовсе не открывает «главного пути от Персидского залива на Иран», так как такой магистралью является путь от Багдада по р. Диале—на Ханикин и т. д.

Перевод, в общем удачный, грешит иногда шероховатостями: так, например, заглавие одной из глав—«Тибетская страна»; почему не просто Тибет? Известный миссионер-путешественник Гюк—в книге приведен как Юк (кстати у Руира сильно переврано его пребывание в Лхассе); встречаются такие мало русские выражения, как «богатый господин» (султан Ковейта), или Белуджистан начал «тяготеть в орбиту Британской империи» и т. д.

Гораздо менее благоприятное впечатление производит вторая рецензируемая книга—сборник «Аравия и европейские державы». Больше половины ее отведено очерку Е. Юнга «Державы накануне арабского восстания» (1906). Правда, сам редактор Библиотеки Ф. Ротштейн указывает в предисловии, что это—типичная работа французского публицистачиновника, слабая даже по форме и вдобавок определяемая традиционными французскими аппетитами на Сирию. Однако после прочтения получается впечатление полнейшей ненужности и никчемности этой типичной французской макулатуры. Чудовищно наивен и нелеп самый подход автора к истории арабов. «Характерную особенность этой истории—составляет для него—непрерывная борьба за власть». Однако в чьей истории мы не находим этой «характерной черты»? Далее идут исторические прогнозы: «сумеют ли арабы восстановить свое государство или же, наоборот, турки, благодаря изворотливости своего ума (!) и способности легко проникать всюду (по-русски говорится «без мыла»), при помощи интриг (!) предвосхитят желаемый результат в свою пользу...» и т. п. чепуха.

Исходя из такой нехитрой философии исторического процесса, «французский чиновник-публицист» разделывает историю арабского движения с конца XVIII в. (ваххабизм) и до 1904 — 1905 г.г., когда началось национальное движение, направленное против турок одновременно в Иемене, Неджде и Сирии. Окончательно беспомощен автор, когда ему приходится характеризовать интересы держав в Аравии. Политика Франции характеризуется исключительно с точки зрения покровительства, оказываемого ею восточным христианам, Англии—с точки зрения торговли с Аравией (на самом деле крайне незначительной и т. п.). Как великолепно здесь политическое глубокомыслие автора, который цитирует «глубоко верные» (на самом деле необычайно циничные) слова Гамбетты: «Антиклерикализм не может быть предметом вывоза».

Бесформенное изложение автора изобилует утомительными повторениями, потугами дать кое-какие экономические сведения об арабских странах и т. д. Экономика автора, впрочем, под стать его истории: так, напр., он утверждает, что «некогда Месопотамию населяло 50—60 милл. человек (!), тогда как сейчас там едва можно насчитать 2 миллиона» (на самом деле—3 миллиона). Скверный очерк Юнга вдобавок очень плохо переведен; до неузнаваемости перевраны все собственные имена; вместо Пальмиры—мы встречаем какую-то «Пальмирену», Ваххаб—транскрибирован в виде совершенно неудобочитаемого Вахггаб; целый ряд фраз остается совершенно загадочным, так, напр., «...с целью предотвратить возможность случайного появления новой Оттоманской армии (Абдель-Азис) на караванах прикрыл дорогу из Мекки—Неджлом» (стр. 31). Кем же собственно была прикрыта дорога? Караванами (и если да, то каким способом) или же Неджлом? Таких погрешностей можно привести буквально десятками.

Вторая часть сборника состоит из очерка Современной Аравии, принадлежащего известному географу, знатоку Ближнего Востока—Эв. Банзе. Эта часть является лучшей в книге.

Третья часть состоит из статьи И. Шубина (Самарина) «Арабы и Аравия в наши дни»— увы!—также очень мало удовлетворительной. Целью автора являлось дать краткий чисто-политический очерк арабского вопроса от империалистической войны и до настоящего времени. Прежде всего совершенно неприемлемой является «философия истории», исповедуемая автором на первой странице очерка. «Ценою двойного порабощения Аравии Константинополь надеялся умножить свое богатство (!) и укрепить свое положение среди европейских держав». Что касается до европейцев то они «смотрели на Аравию, как на весьма ценный объект колониальной политики и эксплоатировали арабов, как дешевую рабочую силу, а их территорию, как источник сырья». К сожалению, вся эта фраза, целиком выписанная из какого-либо учебника по империализму, совершенно не приложима к арабским странам. За исключением, пожалуй, Месопотамии, и то в будущем, они вовсе не являются «весьма ценными объектами колониальной политики и источником сырья»; об эксплоатации же арабов, как «дешевой рабочей силы», смешно и говорить при почти полном отсутствии в Арабистане европейских индустриальных предприятий. Нельзя также писать, что Гуссейн не сразу пошел на условия Англии, но когда она «свято обещала» освобождение арабов—он принял предлагаемую сделку. Совершенно сбивчиво и неверно изложены автором переговоры союзников о разделе Турции в 1916 г., хотя все документы, относящиеся сюда, изданы НКИД в сборнике «Раздел Азиатской Турции». Ген. Гуро был заменен ген. Вейгеном в Сирии не потому, что понадобилась «твердая безжалостная рука» (смешно заподозрить Гуро в мягкости), а в результате вскрывшейся панамы в деле военного снабжения. Лучше изложена автором английская оккупация Месопотамии и, наоборот, совершенно недостаточно освещен вопрос о халифате.

Очень содержательные, но, к сожалению, краткие предисловия к обеим книгам даны редактором Библиотеки Ф. Ротштейном.

В. Гурко-Кряжин.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. І. Е. ВАРГА. Мировое хозяйство и экономическая политика в 1923 г. II. Е. ВАРГА. Мировая экономика и мировой кризис. *Ф. Капелюш.*— **2. Б. КАУТСКИЙ. Экономические проблемы современности.** *Ф. Капелюш.*—**3. ЛЕВИН и ЮРГЕНС. Литературная хрестоматия по политической экономии.** *А. Кон.*—**4. С. СТРУМИЛИН. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922 — 23 году.** *С. Каплун.* — **5. Проф. В. ДЭН. Курс экономической географии.** *М. Эльсная.*—**6. М. СМИТ. Основы статистической методологии.** *С. Бобров.*— **7. ТРУД В СССР. Статистико-экономический обзор.** *А. Хавин.*— **8. Проф. Н. КИЧУНОВ. Как выводить новые сорта растений.** *А. Бессер.* — **9. В. ПАЛЛАДИН. Микробиология в сельском хозяйстве.** *А. Бессер.*

Е. ВАРГА. Мировое хозяйство и экономическая политика в 1923 году. Госиздат. Москва. 264 стр.

Е. ВАРГА. Мировая экономика и мировой кризис. Изд. «Московский Рабочий». 1925 г. Стр. 95.

Проф. Евг. Варга—неутомимый работник. Под его редакцией выходит в Берлине большой «Ежегодник» Коминтерна (справочная книга по истории международного рабочего политического и профессионального движения, статистике и экономике всех стран мира), под его же редакцией выходит многотомный труд по аграрному вопросу вообще и по отдельным странам мира, он же выступает на конгрессах Коминтерна с докладами о мировом экономическом положении, принимает участие в составлении аграрной программы Коминтерна и пр., наконец, тов. Варга регулярно ведет в органе Коминтерна, «Международной

Пресскорреспонденции» (Инпрекор) систематические обзоры экономики по четвертям года. Первая из вышеназванных книг и является перепечаткой этих обзоров за 1923 год. Вторая, очевидно, является переработкой доклада на последнем (пятом) конгрессе Коминтерна и послужившей основой для этого доклада и написанной в мае 1924 г. брошюры «Подъем или упадок капитализма?».

Как, вероятно, помнят иные читатели, доклад Варги на конгрессе вызвал оживленные нарекания. Его упрекали в том, что он недостаточно революционен, не дает цельной картины падения капитализма, а слишком по-профессорски отмечает, с одной стороны, факты развала капиталистической экономики, с другой стороны—факты ее восстановления. Тов. Радек острил над тем, что доклад лишь сгустил краски в упомянутой брошюре, что в брошюре тот же Варга выступает смирным ягненком, а в докладе бурным и т. д. Председателю Коминтерна пришлось на конгрессе выступить на защиту Варги, подчеркивать высокую научную ценность его доклада и доказывать, что вопрос о крушении капитализма очень сложная и трудная вещь, и что надо здесь брать вещи такими, какие они есть. Но недавно в фельетоне «Правды» т. В. П. Милютин выступил с крайне резкой критикой аграрных трудов т. Варги, усматривая в них мелко-буржуазную, антикоммунистическую точку зрения Давида, что сельское хозяйство отличается от промышленности живучестью и целесообразностью мелкого производства.

В вышеприведенных двух книгах, в особенности в первой («Мировое хозяйство»), выступает та манера письма т. Варги, которая вызвала нападки на конгрессе. Быть может, она—недостаток его, быть может, она, напротив, его достоинство. Дело в том, что читатель не найдет здесь определенных выводов в смысле крушения или восстановления капиталистической экономики. Варга с чрезвычайной добросовестностью приводит факты, дает гору фактов, статистику, экономическую хронику событий, сначала в виде общего обзора, затем (это—главным образом) по отдельным странам; но эта груда фактов, при всей своей полноте, является скорее сырым материалом, а определенное отношение автора к рурской оккупации и т. п. фактам и неоднократно повторяемые общие положения о противоречиях и упадочности современного капиталистического хозяйства не могут заменить того, чего в первую голову ищет читатель: конкретных выводов в ту или другую сторону. Цифры курсов валюты, сухие цифры ввоза и вывоза, цифры безработицы и конъюнктуры—все это, конечно, нужные вещи, но они повторяются по странам и по четвертям года, а читатель не в состоянии сделать сам синтез из хаоса и многообразия этих цифр и фактов и сказать себе: что же, имеем ли мы перед нами крах капитализма, наступает ли он или нет?

Конечно, на нет суда нет, вопрос о крушении капитализма не решается «в два счета», и мы должны видеть вещи такими, какие они есть.

Эта сдержанность Варги иногда объясняется им самим: экономический кризис в С. Штатах, которого он ожидал к осени 1923 г., запоздал и разразился с особой силой лишь во вторую четверть 1924 г., и Варга считает возможным и даже весьма вероятным, что «отдельные капиталистические группы приняли меры к тому, чтобы задержать наступление кризиса (путем крупных заказов, расширения ж.-д. строительства)... факт запоздалого наступления экономического кризиса обусловливается сознательным вмешательством определенных капиталистических групп... издавна в Америке установилась такая практика, что если перевыборы президента совпадают с наступлением экономического кризиса (как это было теперь), то поражение терпит та партия, которая до выборов стояла у власти» («Мировая экономика», стр. 5). Быть может, это и так, но для марксистского объяснения это несколько необычно (впрочем, Варга и для 1920 г. писал: «возникновение кризиса, повидимому, было искусственно ускорено крупным американским капиталом», «Экон. базис империализма С. Штатов», «Комм. Интерн.», № 17; того же мнения держался тогда проф. Ледерер). Во всяком случае, такое преобладание политического и сознательного «искусствен-

ного» элемента над экономикой может быть только временным и частичным. Такое же недоумение у читателя-марксиста должно вызвать то, что, стоя перед фактом стабилизации марки в ноябре прошлого года, Варга считает его необъяснимым экономическими объективными факторами и находит ему единственное объяснение в массовом самовнушении германской буржуазии после введения диктатуры генерала Секта. Как мы видим, в сложном переплете действительности т. Варга не всегда считается с базисом и надстройкой; это может себе позволить только исследователь во всеоружии марксизма, знающий, что следствие становится причиной и наоборот,—диалектическое взаимодействие. Согласимся в данных конкретных случаях с т. Варгой. Но, в конце концов, они не дают того, что ищет читатель. Он ищет не объяснения отдельных конъюнктур, а ответа на вопросы: кризис или крах? в состоянии ли оправиться капитализм от послевоенного кризиса или нет? Этого ответа книги Варги не дают...

Нельзя не отметить, что т. Варга и в другом отношении сузил свою задачу. Он исключительно занят обычными рубриками официальной статистики и оставляет без внимания такие факты, как, например, борьбу за хлопок, за каучук, не выплывшую еще из-за кулис империализма, но не менее важную, чем борьба за уголь, железо и нефть, затем факты вроде вопроса о денационализации железных дорог в Европе и, наоборот, об объединении ж. д. в С. Штатах, и в особенности об объединении эксплоатации водной силы в С. Штатах,—факты, говорящие о том, что капитализм не всегда уже в состоянии итти нога в ногу с новейшей техникой; совершенно оставлены им в стороне вопросы послевоенной торговой политики, а между тем здесь произошел коренной переворот, не только ожили вывозные пошлины, не только утратила всякий фактический смысл формула наибольшего благоприятствования, государства не только перешли к типу снабженческих договоров,—но что еще важнее, на место становящегося в этом отношении бессильным государства выступают отдельные группы предпринимателей, концерны, как государство в государстве. Эта *динамика*, эта качественная сторона нынешнего периода совсем не освещена у Варги, как таковая. Он все еще строит свое исследование по государствам, хотя сам подчеркивает—как важнейшее из его очень немногих, скудных обобщений—что в послевоенной экономике утрачена была прежняя тесная связь между государствами, мировое разделение труда.

Ф. Капелюш.

БЕНЕДИКТ КАУТСКИЙ. Экономические проблемы современности. С предисловием проф. В. В. Святловского. Ленинград. Изд. т-во «Книга». 1924 г. 117 стр.

Озаглавлена эта книжка «Экономические проблемы современности», но тщетно станет читатель искать здесь как современности, так каких бы то ни было проблем. Из десяти глав только одна, а именно последняя, посвящена изложению «Причин современного кризиса» (ровно 18 страниц), все остальные популяризуют теорию стоимости Маркса, при чем трактуют ее в высшей степени бледно, нудно, скудно. Совершенно не понятно, почему издательство «Книга» нашло нужным выкопать этого и за границей совсем неизвестного автора и преподнести его русским читателям. У нас имеется не мало учебников, составленных гораздо лучше. А поскольку в этой книжке популяризация теоретических экономических вопросов лишь вскользь, мимоходом снабжена разглагольствованиями на современные темы, то это—соглашательство самого худшего сорта, ламентации о том, что европейские рабочие заинтересованы в поднятии производительности, как разумном разрешении вопроса о репарациях и т. д. Право, для таких откровений не стоило переводить и издавать эту книжку.

Предисловие проф. В. В. Святловского написано, очевидно, крайне спешно. Иначе мы не можем объяснить тех небрежностей и ляпсусов, которые, вместо того, чтобы притти на помощь читателю, должны вызвать полный сумбур в голове его. Так, например, на стр. 4 Вандер-

вельде, Карл Каутский, Плеханов оказываются после Циммервальдских конференций врагами соглашательства, а на стр. 5: «исходя из строго классовой, а следовательно непримиримой идеологии, вся эпоха II Интернационала была роковой ошибкой»... Если здесь дело в двусмысленной стилизации (не II Интернационал, а читатель исходит из классовой идеологии), то уж совершенно не понятно, что на стр. 7 проф. Святловский делает ссылку на одно место у Б. Каутского, где тот говорит совсем обратное тому, что вкладывает в его уста редактор; В. В. Святловский обрушивается здесь на автора за то, что он «верит в возможность реформировать капитализм», а между тем на цитируемой 70 стр. Каутский—по крайней мере, на словах—как раз выступает против «возможности реформировать капитализм». Получается путаница и неразбериха. Да и помимо этих небрежностей предисловие проф. Святловского следует признать крайне неудачным вообще; он совсем некстати к жиденькому и отвлеченному содержанию брошюры ставит себе задачей в этом предисловии не более и не менее как «установить сходство и разницу между двумя течениями социализма (т.-е. социал-демократией и коммунизмом) и определить характер каждого из них», и доказывает, что разница имеется только в тактике, но не в теории... Увы!—проф. Святловский ошибается. Между меньшевизмом и большевизмом не только тактическая, но и теоретическая разница, даром что оба признают теорию стоимости Маркса. Даже очень глубокая теоретическая разница. Хотя бы в том, что «ревизионисты утверждают, что процесс врастания капитализма в социализм совершается уже в лоне капитализма, мы же утверждаем, что он начинается лишь с диктатурой пролетариата» (Материалы к вопросу о программе Коминтерна. Доклад т. Бухарина. Стр. 76). При всем уважении к научным и общественным заслугам проф. Святловского еще в царские времена, приходится пожалеть, что он берется теперь за вещи, которые ему не удаются. Это уже не просто ляпсусы, не просто сумбур, а определенно вредный сумбур, в особенности если принять во внимание, что книга рассчитана на массового читателя. Отметим еще, что все предисловие написано совсем не по-профессорски, в тонах «непримиримой» риторики и митинговщины, с чрезвычайным многословием и «суперлятивами» (превосходными степенями); однако это нисколько не искупает того, что содержание находится в обратной пропорции к этой революционной форме.

Цену книжки (70 коп.) следует признать высокой.

Ф. Капелюш.

ЛЕВИН и ЮРГЕНС. Литературная хрестоматия по политической экономии. Часть I и II. Гос. Изд. Ленинград 1924. Стр. 167 + 179 + 189.

Преподавание политической экономии в молодой аудитории представляет собою чрезвычайно трудную задачу. Детская аудитория—чрезвычайно эмоциональная, и политическая экономия в своем абстрактном виде кажется детям «сухим предметом».

Для того, чтобы добиться усвоения учащимися экономической доктрины, по-видимому, необходимо в процессе преподавания «воздействовать не только на интеллект, но и на волю и чувство учащихся». Одним из лучших средств заинтересовать аудиторию предметом и, что еще важнее, *убедить* аудиторию, является умелое использование изящной литературы в качестве вспомогательного пособия. «Язык художественных образов особенно близок и понятен молодежи и способен оживить разбор даже наиболее скучных и трудных тем».

Однако в нашей художественной литературе чрезвычайно мало произведений с ярко выраженным социальным содержанием. Имеющийся же материал рассеян мелкими кусками по сотням различных книг. Составители хрестоматии проделали громадную работу по отцеживанию и подбору материала. Этого материала ими использовано более ста (119) авторов, и эта цифра показывает, какое количество книг они должны были проработать для того, чтобы создать свою хрестоматию.

Нужно сказать, однако, что труд затрачен составителями не даром. Результаты работы превзошли ожидания.

Даже на человека, хорошо знакомого с капиталистической действительностью, чтение тщательно подобранных отрывков из произведений лучших мастеров производит действительно сильное впечатление.

Казалось бы, что выхваченные из органически цельных произведений случайные отрывки должны были бы потерять в своей художественной ценности. Однако на деле случается как раз обратное: будучи сопоставлены друг с другом отрывки, описывающие одно и то же социальное зло, не теряют, а выигрывают в своей яркости и убедительности.

Особенно сильное впечатление производят главы книги, посвященные положению рабочего класса в капиталистическом обществе (Часть II, вып. I, гл. II, III и IV) и империализму (Часть II, вып. II, гл. X).

Составителям безусловно удалось создать очень ценную книгу, которая может быть использована не только в качестве учебного пособия, но также и в качестве очень интересной книги для чтения.

К числу недостатков книги нужно отнести то, что авторы поставили себе целью во что бы то ни стало проиллюстрировать *все* главы политической экономии. Вследствие этого некоторые разделы книги вышли чрезвычайно бедными и бледными. Таков, например, раздел «Жажда накопления», куда входят выдержки из пушкинских «Сцен из рыцарских времен», отрывок из «Воскресших богов» Мережковского (В лаборатории алхимика!?) и небольшой отрывок из бальзаковской «Евгении Гранде». Если последний отрывок и может еще кое-что дать, то образ сумасброда Бертольда, разыскивающего денег на изобретение камня мудрецов и perpetuum mobile, или алхимика Мессера Галлеота не имеют к настоящей хрестоматии решительно никакого отношения.

Несколько нарушает стиль книги и выходит за рамки ее задания использование составителями, на-ряду с художественными произведениями, также отрывков из произведений чисто экономических и даже из учебников. В числе использованных составителями авторов мы находим имена Маркса, Ленина, Энгельса, Плеханова, Каутского, Бухарина, Зиновьева, Троцкого, Люксембург, Зибера, Тугана-Барановского, Трахтенберга, Кулишера, Гобсона, Бебеля, Шульце-Геверница, Зомбарта, Смита, Баха, Бюхера и, наконец, авторов популярных учебников Л. Любимова и Ф. И. Михалевского. Все эти отрывки, безусловно ценные и интересные, вряд ли имеют какое-либо отношение к литературной хрестоматии.

Однако указанные недостатки, конечно, относятся к числу технических и могут быть легко устранены в последующих изданиях.

Александр Кон.

С. СТРУМИЛИН. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922—1923 году. Статистико-экономические очерки. Изд. «Вопросы Труда». Москва-Ленинград 1924 г. 156 стр. + 6 диаграмм.

Для непосвященного и неискушенного в серьезной экономической литературе читателя статистические работы представляются чем-то вроде жупела для московской купчихи. Редко какой единичный герой возьмется за чтение статистических книг, брошюр или статей в тех случаях, когда его к этому не гонит прямая необходимость. Таблицы даже как-то сами собой пропускаются в довольно широких читательских кругах (в том числе и учащихся)—лучший показатель того, насколько скучна, тягуча и неудобоварима та или другая работа. И нужно прямо сказать—повинны в такой печальной славе, почти неизбежно связанной со статистическими произведениями, сами их авторы. Обычно цифровой материал преподносится либо в почти необработанном или не до конца обработанном виде и требует от читателя еще дополнительной, иногда довольно упорной, самостоятельной работы, либо облекается в форму сухих, обширных, весьма трудных для воспри-

тия, таблиц, почти не сопровождаемых объяснительным текстом, выпукло подчеркивающим основные их итоги и могущие быть сделанными на их основе общие выводы. В отдельных же случаях, когда и имеется достаточное количество сопроводительного текста, он почти всегда рассчитан на специалиста, освещает, главным образом, методологические моменты, историю и литературу предмета и потому по своей трудности мало отличается от самих таблиц.

Совершенно не то видим мы в рассматриваемой брошюре Струмилина, в которой перепечатаны также 2 известных его очерка, увидевших свет впервые в прошлом году (в ряде статей и в отдельной брошюрке) [1]).

В ней не чувствуется столь отталкивающей обычно узости профессионала-статистика, не активного, не господствующего над материалами, а дающего последним победить себя, увлекающегося лишь красотой своих таблиц и большей частью скрытой для постороннего своеобразной гармонией цифр и совершенно забывающего о читателе. Читая брошюру т. Струмилина, чувствуешь в авторе прежде всего экономиста, ставящего серьезные социальные проблемы, изучающего и ищущего возможности их разрешения путем постановки массовых наблюдений. Здесь статистика действительно поставлена на надлежащее место и является не самоцелью, а средством.

Тов. Струмилин впервые в мировой литературе использовал метод бюджетных обследований для того, чтобы проникнуть острым аналитическим ланцетом пытливого экономиста-исследователя в самую глубь быта трудящихся масс, зафиксировав совершенно объективно, на что и в какой мере затрачивают свое время русские рабочие и крестьяне. И пускай тут накоплено еще недостаточно наблюдений, пускай выводы носят еще только предварительный характер, но методологическое значение подобной работы, как совершенно нового метода исследования, поистине неоценимо. Да и выводы не столь случайны, как можно было бы априорно предполагать. Они подтверждаются и при произведенных пересчетах и, кроме того, почти всегда подтверждают, а иногда еще ярче иллюстрируют ряд прежде выведенных отвлеченным путем и интуитивно намеченных положений марксизма.

А тов. Струмилин, являясь воистину своего рода артистом по части группировки и сопоставления материалов, умеет заставить говорить свои цифры с первого взгляда. Вся его брошюра представляет интереснейший очерк, вполне доступный как по своему характеру, так и по форме изложения, обычному среднему читателю. Изучая бюджет времени, он тем самым изучает «себестоимость» рабочей силы как рабочего, так и крестьянина. С исключительной мотивированностью и неотразимой убедительностью приводит он к выводам об ужасающей нашей технической и культурной отсталости, неуменьи использовать свое время, о совершенно недопустимых трудовых затратах, вследствие примитивности техники и глубоко внедрившегося даже в наиболее трудовые слои населения частно-капиталистического быта. Я не могу здесь даже только бегло перечислить все задетые автором попутно вопросы, ибо этого не позволяет объем рецензии. Скажу только, что читается брошюра с неиссякаемым интересом и возбуждает затем целый ряд серьезных вопросов и мыслей. Так, в ряду прочих, автор затрагивает хотя бы такие проблемы, как: стоимость для народного хозяйства домашнего труда, возможность рационализации и обобществления функций питания и воспитания детей, связь культуры и общего развития с квалификацией, с возрастом, с занятием домашним хозяйством, с религией, сезонный характер работы крестьянина, значение для народного хозяйства крестьянской кустарной работы в связи с проблемой ножниц, сравнение общей суммы трудовых затрат рабочего и крестьянина, значение и объем «обломовщины» в крестьянстве, связь крестьянского благополучия и рентабильности хозяйства в связи с его размерами и многие другие.

И я полагаю, что отнюдь не сделаю поспешного вывода, если выскажу по-

[1]) Статья о бюджете времени крестьянина исправлена, дополнена новыми данными и значительно расширена.

желание, чтобы брошюра Струмилина нашла себе самое широкое распространение, в особенности, среди различного типа внешкольных работников и вообще лиц, ведущих агитационно-пропагандистскую и внешкольную работу в массах. Ее материалы и выводы должны быть возможно шире внедрены в самые широкие рабоче-крестьянские круги, ибо подобного рода знания сами собою зовут к действию, к борьбе за новый быт, за новую культуру.

Приложенные к брошюре диаграммы, весьма популярно составленные, только могут помочь этой цели. Многие из них, соответственно технически обработанные, обязательно должны найти себе место в рабочих клубах и избах-читальнях.

Единственным недостатком брошюры следует считать некоторую небрежность слога, кое-где сбивающегося на режущую слух вульгаризацию (на страницах 59, 83, 126 и др.).

С. Каплун.

Проф. В. Э. ДЭН. Курс экономической географии. Госиздат. Ленинград 1924. 8.000 экз. 652 стр.

Работа проф. Дэна представляет исключительный интерес. Над своим курсом проф. Дэн работал годы и десятки лет. Первый очерк его появляется в 1908 г., в то время автор выпустил только часть курса—по сельскому хозяйству и по каменноугольной и железоделательной промышленности. Систематический законченный курс появляется впервые.

Сравнивая первое издание с настоящим, мы видим, что подход проф. Дэна к предмету несколько изменился. В первом издании автор считает, что экономическая география «ставит себе целью изучение современного состояния отдельных отраслей хозяйственной жизни» [1]. В новом издании автор не настаивает на том, чтоб изучение велось по отраслям, и допускает изучение «по отдельным местностям» (т.-е. по отдельным странам или по отдельным частям или районам одной и той же страны) [1]. Но основные воззрения автора не изменились. Попрежнему экономическая география относится к кругу общественных наук в противоположность ряду германских ученых, которые рассматривают эконом. географию, как часть природоведения, которая занимается только изучением физико-географических предпосылок хозяйственной жизни. Из этого вытекает своеобразный метод Дэна, который в свое время назван им фазеологическим. Поскольку экономическая география — дополнение экономической истории, она пользуется не просто сравнительным, но сравнительно-историческим методом. Дэн благодаря своему методу дает не только количественные сравнения, но, что чрезвычайно ярко отличает его работу,— дает характеристику хозяйственных типов.

Курс расположен несколько своеобразно. Добывающая и обрабатывающая промышленности не разделяются. После общих вводных глав о площадях и населении и учения о районировании следует глава о лесоводстве. Затем обширная глава о земледелии и переработке его продуктов (стр. 110—439), о горной и металлургической промышленности (стр. 439—570), небольшая глава о путях сообщения, наконец, заключительная глава об электричестве и электрификации. Благодаря этому методу, заимствованному у германской школы природоведов, объединяется изучение технико-производственных процессов, и последние непосредственно связываются с анализом экономических отношений.

Техника добычи нефти тесно связана с техникой ее переработки, а последними только и можно объяснить своеобразную организацию нефтяных компаний.

Курс охватывает большой и тщательно обработанный материал, критике и анализу которого посвящается не мало внимания [2]); рассчитан он на аудиторию Вузов, но представляет несомненный интерес для всякого, интересующегося со-

---

[1]) «Очерки по экономической географии». Часть I. С.-Петербург 1908 г. Стр. 3.

[1]) «Курс», стр. 3.

[2]) См., напр., «Анализ статистических материалов», стр. 147, 165 и след., 353 и др.

временной хозяйственной жизнью. Тем более, что автор не ограничивается изучением нашей республики и дает чрезвычайно яркую характеристику хозяйственного состояния всех более или менее значительных стран. И земледелие Австралии, и золото Африки, и нефтяное дело Персии—находят в курсе свою характеристику.

М. Эльская.

М. СМИТ. Основы статистической методологии. Вып. I. Роль стат. метода в научном исследовании. Важнейшие приемы статистического измерения. Изд. 2-е, пересмотренное и дополненное. Гиз. Лгр. 1924. Тир. 4.000. Стр. 176.

Работа тов. Смит раньше всего интересна тем, что это—первая учебная книга по статистике, написанная с марксистской точки зрения. Труды Ленина (статистические) и Меерварта свели нанет великое заблуждение о «научном» беспристрастии статистика: в каждом статистическом исследовании неминуемо присутствует определенная экономическая идея, и тем хуже для автора работы, если идея эта—не осознана. Нам, статистикам, Ленин всего ближе, как блестящий статистический исследователь, и только узкий доктринер мог бы забыть его слова в «Аграрном вопросе»: «первой задачей всякого исследования является установление основных данных для характеристики классовой сущности имущественных взаимоотношений», эту же мысль с большим остроумием и ядом развил Меерварт, давший блестящую критику германских промышленных переписей, которые до него считались классическим образцом статистической работы. Поэтому, даже оставаясь в стороне от марксизма, приходится признать, что статистика, вполне ориентированная со стороны экономической философии, неизмеримо выше всякой доморощенной спецовской беспристрастности. Это обстоятельство ставит работу тов. Смит в особое и явно привилегированное положение. Ее можно смело рекомендовать всякому, кто хотел бы изучить современность при помощи статистических методов, оставаясь на позиции исторического материализма.

Со стороны специально-статистической, работа т. Смит представляет собой продуманную и полезную компиляцию труда профессора Артура Боули «Основы статистики». Боули—один из лучших статистиков современности. Это—на редкость талантливый, тонкий и решительный работник, с большим размахом, тонкостью, резким и отчетливым чутьем на статистический факт, всепокрывающей опытностью и колоссальной эрудицией. Табуляции Боули останутся надолго исключительными образцами таких работ. Однако для нашего времени точка зрения Боули все же несколько устарела. Математический метод, властно вторгшийся в статистику, создает такие «орудия производства» статистического анализа, с которыми не под силу конкурировать и самому блестящему личному таланту. Читатель главного труда Боули «Основы статистики» («Elements of statistics»), зная современную статистическую методологию, зачастую становится втупик перед выводами и заключениями талантливого автора,—они кажутся поспешными и легковесными в сравнении с методически обоснованными выводами математиков-статистиков. Боули основывается на статистической интуиции,—статистик-математик исходит из математическо-логической интерпретации фактов, он ищет для факта соответственное логическое вместилище, и тогда тип этого универсалия раскрывает нам основные свойства явления. Боули во многом близок математической статистике, он пробует ее применять, но у него на первом плане—личное искусство, а не метод. Работа т. Смит значительно выиграла бы, если бы, не ограничиваясь Боули, автор познакомил бы своего читателя с такими исключительными по значительности авторами, как Юль («Введение в теорию статистики»), Келли, Сикрист и др. Пролетарская наука — наука для всех, ее сила в методе, а не в личном таланте.

Некоторые положения тов. Смит нуждаются в проверке. И в проверке именно не по Боули, а по более современным образцам. «Сводная зависимость» Р. Орженцкого не есть «функциональная зави-

симость»; статистика имеет дело с корреляционными связями, с сопутствующими колебаниями, а не с функциями (стр. 23). Тов. Смит много говорит о фетишизме Лексисовского или даже Зюссмильховского «постоянства», но фетишизирование статистических «связей», как функциональных, не на много лучше мистических бредней Зюссмильха. Стр. 38 говорит, что, «даже при отсутствии идеального случая математической связи, мы все же имеем на-лицо точное измерение количественной связи...» и т. д. В этой фразе есть все о связи, но нет самой связи,—если «точное», то оно и математическое, если же оно не математическое, то с какой точки зрения может оно быть названо «точным». Автор путает логические методы с математическими. О первых можно прочесть и у Милля, а вторых—надо искать у Карла Пирсона и Ю. Юля. Полнейшая и совершенно ни с чем не сообразная путаница в определении коэффициента корреляции, который будто бы является (стр. 42) «отношением между средними и отклонениями от отдельных единиц»; автор мог бы справиться об этом и у Боули (страница 356 4-го издания), дабы убедиться, что это определение ничего общего с коэффициентом корреляции не имеет. Плохо разработан отдел индексов (стр. 110 и далее), в них Боули также не является авторитетом, работы Митчеля, Фишера и Эджуорса дали бы значительно больше. Смысл употребления средней геометрической лучше было заимствовать у Юля; то, что средняя геометрическая понижает влияние крайних членов ряда, еще не делает ее показательной величиной (стр. 113). Неизвестно, почему т. Смит называет моду «модусом», когда слово «мода» уже давно вошло в русскую терминологию. Излишне было приводить исчисление ошибок Боули, это совершенно неприменимое построение; формулы вероятных ошибок были бы много полезнее.

Однако в общем надо все же рекомендовать книгу т. Смит.

С. П. Бобров.

ТРУД В СССР. Статистическо-экономический обзор (октябрь 1922 г.—март 1924 г.). Издание ВЦСПС. Москва 1924 г. Стр. 317.

Настоящий «Обзор», составленный работниками Центрального Бюро Статистики Труда ВЦСПС, ЦСУ и Наркомтруда, охватывает $1^1/_2$ года—весь операционный 1922—23 и первую половину 1923—24 г.г.

«Обзор» суммирует статистические материалы, касающиеся всех вопросов, так или иначе связанных с положением труда.

«Обзор» открывается статьей М. Я. Кателя «Динамика и состав рабочей силы в промышленности», в которой автор дает общие данные по отдельным производствам, сравнительные данные о нынешнем количестве рабочих с довоенными данными, соотношение между количеством рабочих и служащих ныне и до войны, распределение рабочих и служащих по отдельным районам СССР и т. д.

Вопрос о положении рынка труда нашел освещение в статье Л. Е. Минца «Безработица в России», где приведены как общие данные о движении количества безработных, так и распределение их по профессиях, союзам, отдельным районам. В частности детально разработаны данные по Москве и Ленинграду.

Вопросам, связанным с движением заработной платы, отведены целых 3 статьи, из которых одна т. Шофмана посвящена вопросу о коллективных договорах в 1923 г. (общее количество договоров, количество охваченных ими рабочих, способы исчисления заработной платы, тарифные ставки в отдельности в государственных, частных и кооперативных предприятиях). Статья т. Овсянникова дает характеристику основных моментов нормирования заработной платы в начале 1924 г. (январь—март). Наконец, К. Г. Рашин приводит материалы о динамике заработной платы в промышленности за время по март 1924 г. с разбивкой по производствам, давая и сравнительные данные с довоенным временем.

Из других статей отметим еще статью С. Л. Иозефовича, дающего материалы по вопросу о трудовых конфликтах в 1923 г., статью т. Гиндиной, посвящен-

ную вопросу о развитии социального страхования в 1923 г., и статью т. Зайцева, давшего очерк деятельности инспекции охраны труда в 1923 г.

Следует отметить также статью т. Кохн о «Динамике розничных цен» и статьи т.т. Центилович и Вовен, из которых первая дала обзор «Положения труда в ж.-д. транспорте», второй—обзор о «Положении труда служащих в 1922—23 г.».

Как видит читатель, реферируемая работа содержит как общие данные о динамике рабочей силы, так и данные о безработице, нормировании труда, заработной плате, охране труда. Все данные проработаны весьма тщательно и потому, несомненно, весь «Обзор» в целом, мы не сомневаемся, сделается основным справочником по вопросам труда, и выпуск его следует только приветствовать.

Несмотря на это, все же следует констатировать целый ряд чрезвычайно серьезных пробелов и дефектов, допущенных редактором сборника, дефектов, которые значительно роняют ценность сборника.

Прежде всего «Обзор» не содержит ясных, исчерпывающих данных об общем количестве в СССР лиц, занятых наемным трудом. М. Я. Катель приводит данные о количестве рабочих и служащих, занятых в промышленности, т. Центилович—железнодорожном транспорте, т. Вовен о количестве служащих—членов профсоюза совработников. А работники народной связи, просвещения, искусств, водники, работники местного транспорта, коммунального хозяйства, народного питания, медикосантруда, рабземлеса—совершенно оставлены в стороне. Таким образом четкой и ясной картины динамики общего количества лиц, занятых наемным трудом, читатель не получит.

Другой дефект «Обзора» — это то, что он исключительно охватывает статистические данные, почти совершенно обходя вопросы, связанные с политикой регулирования труда. Так, например, давая исчерпывающие данные о безработице в СССР, Л. Е. Манц ни одним словом не обмолвился даже о методах регулирования рынков труда, о той огромной реорганизации, которая сейчас проводится в этой области (переход на бюро посредничества вместо бирж труда, отмена начала принудительности в отношении найма исключительно через биржи).

Бросается в глаза также несогласованность методов работы отдельных авторов. Так, например, т.т. Катель и Шофман дают чрезвычайно интересные данные о количестве частных предприятий и заработной плате в них в 1923 г., тов. Рашин же не выделяет в отдельности рабочих, занятых в частной промышленности, а дает суммарные данные по частным и кооперативным предприятиям, точно так же, давая данные о трудовых конфликтах, тов. Иозефович дает суммарные данные о конфликтах в частных и кооперативных заведениях, не выделяя в особую группу первые. В результате, читатель не может сделать никаких выводов о положении труда в частной промышленности, и совершенно обходится чрезвычайно интересный вопрос о борьбе в частных предприятиях между рабочими и хозяевами, борьбе, которая кое-где приняла, как известно, весьма бурные формы (Ленинградская забастовка рабочих-кожевников на частных предприятиях и т. д.).

Другой грех настоящей работы достаточно обычен для всех статистических работ. Материалы, относящиеся к первой четверти 1924 г. и даже по отдельным вопросам к последней четверти 1923 г., появляются в печати в ноябре 1924 г., т.-е. через 8 месяцев, когда они уже теряют часть своей злободневности.

В заключение, несколько слов о самом построении «Обзора». Подбор материала производит впечатление некоторой случайности. На-ряду со статьями, посвященными общим вопросам о положении труда, имеются и обзоры, посвященные специально положению труда на ж.-д. транспорте и положению служащих. Непонятно тогда, почему выделены именно эти 2 группы трудящихся, и почему, например, нет материалов по столь важной группе, как металлисты или горняки.

А. Хавин.

Н. И. КИЧУНОВ, проф. Ленингр. С.-Х. Института. Как выводить новые сорта растений. Госиздат. Ленинград 1924. Стр. 172. Тираж. 3.000.

В выпущенной вторым переработанным и дополненным изданием книжке проф. Н. И. Кичунова «Как выводить новые сорта растений» говорится о получении новых форм растений в огородничестве, плодоводстве и садоводстве, не касаясь особенностей селекции хлебных и кормовых злаков, гречихи, льна, гороха, клевера и др. В селекции мы до сего времени привыкли копировать научные достижения Запада и пользовались, главным образом, иностранными сортами, а это отражалось на результатах культур, на неприспособленности многих сортов к нашим условиям, и естественно возникает вопрос раз навсегда покончить с киванием на заграницу и заняться использованием наших отечественных сортов, более стойких ко всякого рода случайностям и, поэтому, более надежных в смысле получения максимальных урожаев. Эту задачу ближайшего времени предстоит разрешить садоводам и плодоводам, и всякую попытку помочь им в деле реорганизации работ в условиях нашей страны следует приветствовать.

Книга Н. И. Кичунова идет навстречу таким пожеланиям и дает надежный материал для изучения трактуемого вопроса.

Пользуясь трудами германских и американских специалистов, автор поместил данные, основанные на долголетнем опыте выдающегося и заслуженного оригинатора СССР И. В. Мичурина, работающего в Козлове Тамбовской губ.; работы его по выведению плодовых деревьев и кустарников из семян, изложенные в статье, помещенной в журнале «Прогрессивное садоводство и огородничество» за 1911 г., возбудили живой интерес за границей, и американцы приезжали к И. В. Мичурину, чтобы лично ознакомиться с сделанными им достижениями в этой области.

В общей части Н. И. Кичунов излагает различные случаи получения новых форм растений: 1) путем простого посева; 2) путем отбора или селекции; 3) посредством перекрестного опыления (скрещивания) или гибритизации; 4) путем случайно появившегося спорта, т.-е. уклонения от маточного растения какой-либо одной его части, и 5) путем влияния привоя на подвой и обратно.

В специальной части говорится о выведении новых сортов плодовых деревьев, ягодных растений, винограда, огородных, цветущих и декоративных растений.

В части, касающейся новостей путем селекции, не имеется того богатого материала, который дал в недавно вышедшей книге проф. С. И. Жегалов «Введение в селекцию сел.-хоз. растений», где изложены основные моменты селекционной работы, характерные особенности селекционных посевов, современные данные об изменчивости, классификации методов отбора и проч.

А. А. Бессер.

В. И. ПАЛЛАДИН. Микробиология в сельском хозяйстве. «Библиотека агронома». Госиздат. Ленинград 1924 г. Стр. 243. Тираж 5.000.

Поразительные результаты по исследованию микробов, добытые только в течение последних 70 лет, указывают, как велико значение их в области как теоретического, так и практического знания для человечества; практическое приложение микробиологии оказывает влияние на весь уклад человеческой жизни. Болезнетворные виды микробов являются источниками постоянной опасности для человека, и не удивительно, что отыскание средств борьбы с этими невидимыми врагами составляло одну из важнейших задач медицинской бактериологии, которая и является наиболее разработанной и богатой открытиями; в применении к сельскому хозяйству успехи, достигнутые в области микробиологии, также многообразны. Агрономия обогатилась ценными сведениями о роли микробов в жизни почвы, о питании при их помощи атмосферным азотом бобовых и др. растений, об участии их в процессах, обусловливающих плодородие почвы, в переработке продуктов

сельского хозяйства и проч. Мы еще бедны знаниями в микробиологической области, благодаря чему несем многомиллионные убытки от обесценения молочных продуктов, кормовых материалов, удобрений и проч. Отсутствие научных учреждений по сельско-хозяйственной микробиологии и недостаток специалистов-микробиологов дополняют картину состояния у нас с.-хоз. бактериологии. На русском книжном рынке имеется только 2-е издание «Начал с.-х. бактериологии» лейпцигского профессора Ф. Лениса и настоящий труд академика В. И. Палладина. Указав на различные способы обнаружения микробов и на распространение их в природе, автор книги переходит к морфологии и систематике микробов, к влиянию внешних условий на форму их, говорит о питании их, о превращении веществ микробами и об участии их в круговороте вещества и энергии в природе. Отдельные главы посвящены патогенным микробам, чистым культурам, главнейшим заразным болезням домашних животных и главнейшим брожениям.

Книга акад. Палладина, несмотря на живое изложение, все же не дает читателю ясного взгляда на многосложные отношения бактерий к сельскому хозяйству, как они представляются при современном уровне наших знаний.

В главе о главнейших бактериях автор очень кратко говорит о молочном и масляно-кислом брожении, вскользь указывает на сырные микроорганизмы и не описывает процессов созревания твердых, мягких и кисломолочных сыров. Нигде нет указаний на достигнутые значительные успехи в области бактериологии удобрения и почвы; отсутствует описание навозных бактерий (процесс перепревания, превращения азота в навозе) и почвенных (образование и разложение перегноя, превращения азота в почве, образование аммиака, редукция нитратов); не использована роль бактерий в борьбе с вредными для сельского хозяйства грызунами и насекомыми и т. п.

В силу указанных выше недочетов, книга академика Палладина едва ли может претендовать на полное руководство по изучению сельско-хозяйственной микробиологии.

А. А. Бессер.

ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ.

1. М. КАЛИНИН. Мои впечатления. *Я. Шафир.*—**2. Н. ПОПОВ. Национальная политика Советской власти.** *Ц. Фридлянд.*—**3. В. КУРАЕВ. Рабоче-крестьянская смычка.** *Ю. Спасский.*

М. И. КАЛИНИН. Мои впечатления. ГИЗ. Ленинград 1924 г. Стр. 120.

Главный интерес рецензируемой книжки в личности ее автора. Небольшие корреспонденции, печатавшиеся в «Известиях» летом 1923 года, составляющие сборник «Мои впечатления», прежде всего дают яркое представление о «всесоюзном старосте», о его облике.

Михаил Иванович в некотором роде фигура символическая для Союза рабоче-крестьянских республик. Он сам—лучший представитель передовых слоев рабочего класса, того революционного авангарда, чьим усилиям Октябрьская революция так много обязана.

Настоящие корреспонденции написаны М. И. Калининым во время его бесконечных поездок по безграничным пространствам СССР. Здесь письма из Баку, Дальнего Востока, Украины, РСФСР. М. И. сообщает о своих беседах с рабочими, крестьянами, купцами, интеллигентами, о жалобах, выслушанных им.

Михаил Иванович много слушает. Он редко обрывает тех, кто во время торжественных приемов «всероссийского старосты» произносит помпезные речи

М. И.—человек с зорким взглядом, и официальное красноречие его не ослепляет.

Вот он среди чеченцев. Его приветствуют Бисултан-Оглы и другие. Восточное красноречие... лесть... мишура... Но М. И. Калинин обращает внимание на такую мелочь:

«Почти все (т.-е. выступавшие ораторы. *Я. Ш.*) были в хороших черкесках, интеллигентные лица. Беднота совершенно не выступала, а между тем окружающая толпа была социально довольно разнообразна» (стр. 48).

Это называется смотреть «в корень». Михаил Иванович во всех своих выступлениях (не эффектных) обнаруживает это свое умение.

Отсюда этот замечательный дар—умение говорить простейшим языком с широкими массами о вещах, далеко не элементарных. Чеченцам М. И. разъясняет, что есть Советская власть, таким образом: «Советская власть—это власть простых людей».

Надо надеяться, что такое определение поймет «всяк сущий в СССР язык».

Или, например, такие положения, высказанные в своей речи в ауле Урус-Мартане: «Все люди родятся хорошими и только потом в жизни они портятся; люди привыкают, чтобы им кланялись, чтобы им делали подачки, и от этого постепенно самый хороший человек делается дурным».

Истины, можно сказать, простые, но неизвестные тем, перед кем Михаил Иванович произносил свои речи. Вообще, «всероссийский староста» в чрезвычайно популярной форме ведет по всей стране агитацию в пользу коммунизма. И—надо надеяться—простая, искренняя речь достигает своей цели. М. И. в одной из корреспонденций говорит про себя: «Я человек простой, будничный...». Это совершенно верно. Разъезды по стране в качестве председателя ВЦИК и торжественные встречи ни в какой мере не скрывают от глаз М. И. все наши неустройства, разрухи, бедствия.

В его письмах нет казенного оптимизма. Но нет и пессимизма. Ростки нового, пробивающиеся на поверхность нашей советской действительности, отмечаются им с любовью. У чеченцев он отмечает, что в танцах, на-ряду с богатыми, принимает участие и беднота «без бешметов».

М. И. спрашивает:

— А прежде танцовали богачи с беднотой?

— Нет, раньше этого не было. Это только в последнее время стало возможно.

Такие едва заметные бытовые черточки «всероссийский староста» отмечает особенно охотно, справедливо усматривая в них «завоевания революции».

Конечно, представляют некоторый интерес и сами по себе очерки М. И. Калинина из жизни разных далеких углов СССР. Но центр тяжести «впечатлений» мы видим в том, что это—ценный материал для характеристики нашего «Всесоюзного старосты».

Я. Шафир.

Н. Н. ПОПОВ. Национальная политика Советской власти. Курс лекций, читанных на курсах секретарей укомов при ЦК РКП (б). Изд. «Красная Новь». Главполитпросвет. Москва 1924 г. 126 стр.

Книжка Н. Н. Попова представляет собой курс лекций, прочитанных на курсах уездных партработников. Тем самым определяется и характер лекций: это не столько теоретические рассуждения, сколько практические указания. «В них,—по словам Н. Попова,—даются лишь самые элементарные предварительные данные для того, чтобы иметь общее представление о нацполитике Соввласти и компартии, о той внешней и внутренней обстановке, в которой партии приходится эту политику проводить». Естественно, что в 8 лекциях, из которых 4 отведены обще-теоретическим вопросам, полной, исчерпывающей картины национальной политики пролетарского государства и Коминтерна мы не найдем. Но автору удалось на немногих страницах собрать фактический материал, который, как минимум, достаточен нашему партработнику. Книга читается живо, и может у читателя возбудить интерес к проблеме, заставить его искать дополнительных материалов по вопросу. Поэтому приходится сожалеть, что автор не дал

указателя литературы, не приложил карты национальностей СССР. Мы ограничимся пока этими общими замечаниями о книге, чтобы заняться разбором отдельных ее положений, по нашему мнению, спорных, а иногда и неправильных.

Н. Н. Попов начинает свое изложение установлением некоторых общих теоретических положений: что такое нация? в чем сущность нацполитики пролетариата? Он совершенно правильно отмечает, что в аргументации тех, кто видит в нации общность языка, территории и т. д., «отражается борьба различных интересов». Совершенно правильна его оценка взглядов О. Бауэра, как защиты интересов австро-немецкой буржуазии, охранявшей целость Австрии. Не совсем правильно только его утверждение, что Бауэр говорил об «исторической общности», как содержания нации: у него речь шла о «культурной общности», и в этом для него был смысл «исторической общности». Это культурное единство нации должно было служить национальной тканью, заслоняющей классовую рознь, и «национальная апперцепция» превращала нацию по Бауэру в категорию «надисторическую», если не «внеисторическую». Во второй лекции автор делает попытку дать собственное объяснение понятия нации. Для него границы нации совершенно точно совпадают с природными границами. По его мнению, «при ограниченном уровне развития производительных сил экономические связи не могли расти дальше определенной границы (естественной. *Ц. Ф.*). На данной границе их рост останавливался, и в дальнейшем происходило укрепление этих экономических связей внутри определенных границ. По большей части в таких случаях границы устанавливались там, где существовали какие-нибудь естественные преграды между двумя соседними территориями, на которых оседали две различные нации». Н. Н. Попов вырвался из плена «элементов, образующих нацию», в отличие от Сафарова, но спрашивается, неужели марксистски правильно будет *непосредственно* от естественных условий переходить к объяснению столь сложного социального явления, как нация? Нет ли здесь промежуточной экономически-своеобразной среды, создающей нацию? Если мы под классом понимаем социальную группу в ее отношении к средствам производства — в процессе производства, то не следует ли само образование нации рассматривать со стороны *условий* производства, условий хозяйственной деятельности, куда войдут, как *элемент*, и географически-климатические условия? Мы не можем здесь подробно разбирать этот вопрос, но ясно, что одной географией здесь не обойтись. Отрадно читать в книжке Н. Попова точную формулировку исторического пути образования нации. В истории древности и средневековья мы находим, по его мнению, зачаточные элементы современной нации, эти отдельные элементы развивались в продолжение столетий, но «в своем законченном виде нация является детищем капиталистического, строя». Однако в 5-й лекции, изображая образование национального государства и государства национальностей на западе и на юго-востоке Европы, он делает след. неправильный вывод: на западе образование нац. государства совпало с развитием капитализма и переходом власти в руки буржуазии, на востоке и юго-востоке образование государства предшествовало развитию капитализма. Впрочем, в дальнейшем автор сам опровергает свое положение, доказывая, что расширение русского государства за нац. рамки издавна диктовалось интересами капитала, русской буржуазией. Правильно автор отметил связь нац. угнетения с экономическими интересами имущих верхов правящей нации, и приходится сожалеть, что им не отмечена экономическая сущность угнетения *нацменьшинств*. Вопрос о нацменьшинствах поэтому в книжке как бы оставлен в тени. Вместе с тем, говоря о нацполитике Соввласти, автор не собрал воедино, не выпятил той экономической работы ее, которая, покончив с демократической фикцией идеи нац. самоопределения, ведет реально к уравнению наций и к ликвидации национального вопроса. Материал по этому вопросу разбросан в нескольких лекциях, в то время, как вопрос о нац. самоопределении занимает

значительное место в изложении. В этом смысле огромное значение имеет не только работа по проведению в жизнь фактического равенства языков, но и по насаждению промышленности на «колониальных» окраинах, национальное районирование в пределах автономных республик и т. д. Н. Н. Попов уделил мало внимания также вопросу об основных принципах нашей союзной конституции, как и конституции РСФСР.

Еще один вопрос разрешен тов. Поповым, по нашему мнению, неудачно. Он утверждает: «евреи не нация... В отношении этой нации мы можем только установить целый ряд известных черт нац. обособленности».

Правда, в дальнейшем он неоднократно говорит о «еврейской нации», но в третьей лекции мы читаем: «за последние столетия эта часть еврейской нации (евреи России и Польши) имела известный суррогат языка в виде так называемого жаргона и известный суррогат территории, каким очень долгое время при царском режиме была черта оседлости. Черта оседлости в СССР ликвидирована, и евреи тут вступают на такой же путь, на который давно встали в капиталистических странах, на путь быстрой ассимиляции с теми народами, на территории которых они живут». Утверждение: «евреи не нация» правильно, поскольку понятие нация мы составляем из отдельных элементов, но дело совсем не в этом... Что касается ассимиляции, то тов. Попов по недоразумению исчезновение в огне революции изолированности мелко - буржуазного национализма принял за ассимиляцию. Пролетарская революция помогла евреям-пролетариям вырваться из тисков своей буржуазии и мещанского быта, помогла им преодолеть свою собственную мелко-буржуазную сущность. Советская Россия вместе с тем не только отменила черту, но разрешила радикально «еврейский вопрос», подобно всяким другим «вопросам», тем, что она уничтожает экономическую подоплеку его. Евреи, по словам Маркса, живут в порах капиталистического общества, их освобождение предполагает освобождение человечества от их капиталистической сущности, и когда в СССР с помощью государства приступлено к привлечению евреев к земледелию, созданы возможности широкой индустриализации еврейских масс, даны все условия для их культурного развития, отдельные национальные отряды пролетариата не ассимилируются (это вульгарно-буржуазный идеал), а выходят из своей националистической скорлупы и объединяются в единую интернациональную семью.

Отдельные спорные формулировки, однако, не уменьшают ценности книжки тов. Попова: полезной работы по национальному вопросу для нашей рабочей аудитории.

Ц. Фридлянд.

В. КУРАЕВ. Рабоче-крестьянская смычка. Москва 1924 г. Изд. Центрального Кооперативного Издательства. Стр. 192.

Ряд очерков, в которых автор пытается в популярной форме изложить содержание и важнейшие моменты смычки. Смычку автор изображает, как развертывающуюся цепь единой советской аграрной политики, устремленной к подъему производительных сил деревни. Землеустройство и денежная реформа, налоговая политика, кооперативная торговля и кооперативное земледелие— таковы отдельные звенья того общего процесса смычки, в котором, взаимно спаянные, развиваются промышленность и земледелие Советского Союза. Жаль, что автор обошел молчанием «ножницы», иначе говоря—вопрос соотношения индустриально - сельско - хозяйственных цен. Между тем именно здесь следует искать жизненный нерв рабоче-крестьянского союза.

Не совсем удачна экскурсия автора в область международной политики и Коминтерна. Повидимому, автор предполагает, что назревающая империалистическая война прорвется нападением капиталистических государств на Союз Советских Республик. Эта возможность не исключена, но более вероятен военный взрыв империализма в борьбе за Китай или же на франко-германском вулкане. Перед лицом массового читателя в оценке международных перспек-

тив требуется трезвая продуманная осторожность. Трескучие тирады и проклятия скорее способны посеять смуту и уныние в умах деревни, чем привлечь симпатии крестьянства к международной политике партии и Коминтерна.

Хотелось бы вообще большей конкретности, более деловитого хозяйственного подхода в брошюре о рабоче-крестьянском союзе, обращенной к активному крестьянскому работнику деревни. Деревню, как она есть, следовало бы противопоставить деревне, какой она может и какой она должна быть. Современная литература о деревне собрала ценнейший материал деревенской экономики; эта литература говорит также и о о том, как в низинах мужицкого оскудения набухают ростки того хозяйственного перелома, который крестьянству еще предстоит пережить. Ленинизм не исчерпывается тактикой завоевания политической власти пролетариатом. Наряду с этим ленинизм призывает пролетариат вовлекать крестьянство в процесс социалистического строительства.

Ю. Спасский.

ЛИТЕРАТУРА О ГЕРМАНИИ.

1. К. РАДЕК. Империалистический разбой под флагом демократии и пацифизма. *М. Брагинский.* — 2. С. ШАХНОВСКАЯ. Развал силы и сила развала буржуазной Германии. *М. Брагинский.*—3. I. А. ЛЕОНТЬЕВ. Коммунистическая партия Германии II. Б. ЛИВШИЦ. Профсоюзы Германии. III. УРОКИ ГЕРМАНСКИХ СОБЫТИЙ (Германский вопрос в президиуме Исполкома Коминтерна). *М. Брагинский.*

КАРЛ РАДЕК. Империалистический разбой под флагом демократии и пацифизма. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 68.

В последнее время у нас вошло в обычай издавать речи, доклады, отчеты, статьи видных представителей нашего журнально-литературного и политического мира в форме отдельных оттисков и брошюр, тотчас же вслед за появлением их на страницах нашей периодической печати. И надо сказать—обычай этот, получивший довольно широкое распространение, находит себе достаточное оправдание в тех задачах и целях, в тех особенностях общего облика нашей печати, которые так заметно отличают ее от органов буржуазной прессы. Здесь не место подробно останавливаться на сравнительной оценке этих типичных особенностей, которыми отличаются между собою органы советской и буржуазной печати. Скажем лишь, что в отличие от буржуазных газет, статьи которых обыкновенно не переживают однодневного существования газетного листа, ответственные и центральные органы нашей периодической советско-партийной печати, преследующие цели культурно-политического и воспитательно-просветительного воздействия на возможно широкие массы читателей, часто изобилуют статьями, требующими более серьезного размышления и более напряженного внимания, чем газетные статьи обычного типа. Пробегая информационный материал газеты, мы нередко статьи серьезного содержания откладываем, чтобы потом прочитать их на досуге с тем вниманием, какого они заслуживают. К сожалению, этого досуга часто нехватает, и отложенная статья, порою весьма важная по содержанию, так и остается не прочитанною. Вот тут-то наши издательства и приходят на помощь к читателям, слишком загруженным текущею работою. Выпуская отдельными брошюрами газетные статьи наших лучших публицистов, они оказывают читателям двойную услугу—дают им возможность наверстать упущенное и преподносят отдельные, разбросанные на протяжении нескольких газетных листов, статьи, иногда в переработанном виде, в форме связного и законченного этюда.

К числу статей, надолго переживающих газетный лист, в котором они появляются, бесспорно, принадлежат статьи одного из наших наиболее вдумчивых и блестящих публицистов, т. Радека. Нам уже не раз приходилось на страницах нашего журнала говорить о сборниках политических статей этого писателя. Лежащий перед нами новый сборник отличается обычными достоинствами, которые нам уже и ранее приходилось отмечать в соответствующих случаях. Добавим лишь, что на этот раз статьи т. Радека, собранные в рецензируемой брошюре, представляют исключительный для нашего времени интерес, так как касаются комплекса вопросов, которым суждено еще долгое время сосредоточивать на себе всеобщее внимание и то или иное решение которых даст на ближайший период определенное направление основной линии социально-политического развития Европы. Несмотря на то, что эти статьи, посвященные новейшему решению репарационного вопроса (Лондонская конференция), впервые появились 3—5 месяцев тому назад на столбцах «Правды», они не только не утратили своего интереса, но и до сих пор сохранили всю свою ценность, особенно в связи с начавшимся практическим проведением в жизнь пресловутого плана Дауэса и с появлением первых признаков нарастающей против него длительной и тяжелой борьбы европейского пролетариата, прежде всего Германии, а за нею и других важнейших промышленных стран. Каждому, кто хотел бы ориентироваться в грядущих событиях ближайшего времени и понять их мировое значение, новый сборник статей т. Радека окажет в этом случае незаменимую помощь.

К сожалению, за недостатком места мы можем лишь вкратце отметить содержание новой брошюры т. Радека. Начав с общей характеристики Рурской операции, автор затем рассматривает причины банкротства агрессивно-авантюристской политики Пуанкаре, смену ее политикой «демократического пацифизма» Эррио, вынужденное отступление Франции перед объединенным наступлением англо-американского капитала, закрепляющего свою гегемонию в плане экспертов (Дауэса), и, наконец, заканчивает свое изложение небольшой, но сильно написанной, главой, в которой определяется роль Второго Интернационала в деле подготовления и осуществления плана Дауэса. С беспощадною силой обрушиваясь на вождей II Интернационала, как «отцов Лондонского соглашения, которое создало в сердце Европы из старейшего промышленного европейского народа новую Турцию,—отцов соглашения, которое делает из германских рабочих китайских кули, работающих на мировой финансовый капитал» (стр. 64), т. Радек выносит им убийственный и вполне заслуженный приговор.

В заключение отметим, что, хотя статьи, по словам их автора, и подверглись «необходимым сокращениям и расширениям», однако, они и в брошюре сохранили некоторые следы своего газетного происхождения (стр. 7, 8, 21, 39). Впрочем, эти, чисто внешние, недостатки, да два-три стилистических ляпсуса, не замечаемых в газетной статье, но досадных и нежелательных в брошюре, не умаляют отмеченных нами достоинств интересного и ценного этюда т. Радека.

М. Брагинский.

С. ШАХНОВСКАЯ. Развал силы и сила развала буржуазной Германии. Изд. «Новая Москва». М. 1924. Стр. 88.

Книжка под этим претенциозным заглавием представляет собою такое пестрое сплетение псевдо-научной фразеологии подлинной бессмыслицы и простой безграмотности, что с недоумением спрашиваешь себя, какими соображениями руководилось издательство «Новая Москва», выпуская в свет столь нелепую брошюру? Уж не подкупил ли автор своих издателей наукообразною внешностью своего произведения? В самом деле, свой «труд» объемом менее 9 десятков страниц автор снабдил всеми аксессуарами ученого трактата. Тут все есть: и предисловие, и введение, и заключение; а затем диаграммы, географическая карта, указатель лите-

ратуры; самый текст разделен на главы, главы разбиты на параграфы с особыми подзаголовками. И с первых же строк автор прямо ошеломляет вас глубиною своей учености и широтою своего размаха. Рекомендуя свою брошюрку, он характеризует ее, как книгу, «охватывающую положение современной Германии не только со стороны информационно-злободневной (!), но и в отношении связи процессов (?) социально-экономической жизни и их диалектического развертывания...». «Обработанный материал»,—вещает дальше С. Шахновская,—она, «расположила по линии первоначального развития и последующего развала (?!) германского государства». «На этом фундаменте, — уверяет она, — я построила скалу (?) классовых взаимодействий (?!), определяющих направление и силу политических группировок. Таким образом,—заключает автор,—мы можем произвести оценку современному положению Германии и поставить прогноз ее дальнейшим судьбам».

Все здесь выписанное нами нагромождено автором только на одной страничке предисловия. Разбираться в этой надутой фразеологии—задача крайне неблагодарная. И это—еще не худшие образчики авторского глубокомыслия, ибо, переходя к введению и к самому тексту книжки, мы сразу же попадаем в такие непроходимые дебри квазинаучной, напыщенной и путаной словесности, что, с трудом, наконец, выбравшись оттуда, закрываем книжку с чувством глубокого раздражения и против автора, и еще больше против его издателя.

Однако, как это ни тяжко, мы должны, чтобы не показаться голословными, привести еще несколько образцов авторских мыслей и их изложения. Ограничимся несколькими взятыми наугад образцами, которыми, впрочем, испещрена вся книжка, каждая ее страница. Вот несколько таких образцов авторской мудрости: «*Переживаемый* затяжной *характер* (курсив везде наш. *Б. М.*) классовой борьбы в Германии придает актуальность и повышенный интерес к перспективам революции» (стр. 4).—«На известной ступени развития мировой капитализм достигает единства мирового процесса... Германия *довлеет*, как органическая часть мирового капиталистического хозяйства» (стр. 4).—«В разрыве единства и равновесия капиталистической системы укрепляются предпосылки развала. Тогда с конца 1922 г. связь Германии с мировою конъюнктурой становится неустойчивой» (стр. 5).—«...Повышательная тенденция *кривой конъюнктуры* (!) на мировом рынке» (стр. 6). — «Иностранный капитал устремляется захватить бытие Германии» (стр. 6).

Перелистаем несколько десятков страниц и остановимся на 61-й, где, между прочим, изложен весьма глубокомысленный, хотя и несколько безграмотно формулированный, «тезис»: «на известной ступени развития капитализм ищет новую(ой) форму(ы) орудия для решения проблемы классового антагонизма».

Вот еще несколько образчиков явной бессмыслицы и безграмотности: «...создавшийся своеобразный рынок *спроса* на военные *потребности* (!)» (стр. 15).—«Вступления мирового хозяйства в нормальное состояние не происходит. Сравнивая добычу угля, железа с добычей довоенного времени, убеждаешься в значительном сокращении *последней* (?!)» (19).—«Анализ интенсивности труда немецкого рабочего показывает очевидное снижение *его* (кого? чего?)» (25).— «...и класс рабочих, как таковой, и антагонизм рабочих по отношению к капиталисту возникает из-за участия рабочего в процессе производства» (4).—«Единственный *ответ на возможность* создания твердой валюты *находится в выпуске бумажек*» (36).—«Государство попадает в большую запутанность» (36).

Пройдем мимо таких невыносимо оригинальных выражений, как «выгнивание», «революционизация», «профрабочее движение» и т. п., и укажем только, что в таких кардинальных вопросах, как вопрос о единстве профессионального движения, автор (стр. 59) оказывается столь беспомощным, столь мало осведомленным, так путается в своих собственных суждениях, что и в головы своих читателей способен внести лишь хаос. Да и вообще вся книжка, которую, несмотря на ее малый объем, мы осилили с большим трудом, представляет собой

хаотическое нагромождение бессвязных мыслей, выраженных в тяжелой, неудобочитаемой и часто совершенно непонятной форме.

М. Брагинский.

АЛ. ЛЕОНТЬЕВ. Коммунистическая партия Германии. Очерк развития. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 127.

Б. ЛИВШИЦ. Профсоюзы Германии. Популярный очерк современного состояния германского профдвижения. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 114.

УРОКИ ГЕРМАНСКИХ СОБЫТИЙ. Германский вопрос в президиуме Исполкома Коминтерна. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 114.

Все три названные книги тесно примыкают одна к другой по своему содержанию, а две первые взаимно друг друга дополняют. Третья книга, представляющая из себя сборники докладов и документов, может служить весьма важным пособием для изучения одного из критических периодов в истории германской революции вообще и КПГ в частности, охватывающего события последней четверти 1923 года. Наибольшее место отведено в этой книге докладу германского представителя ИККИ и содокладам т.т. Брандлера, Реммеле, Рут Фишер, а также речи т. Зиновьева в заседании президиума Исполкома Коминтерна. Все эти документы посвящены анализу октябрьских событий и возникшим в связи с ними трениям в ЦК германской компартии, которые привели к перегруппировке сил в руководящем партийном центре. Из других документов, помещенных во второй части книги, важны для характеристики момента, который переживала КПГ, декларация меньшинства и особенно резолюция ИККИ, знаменовавшая завершение кризиса и восстановление единства германской компартии.

Но для ясного уразумения событий, о которых говорят упомянутые документы, необходимо предварительное ознакомление с предшествующим периодом развития КПГ. Такую задачу и ставят себе т.т. Леонтьев и Лившиц, которые в популярной форме знакомят нас с историей возникновения и развития коммунистического движения в Германии и с зарождением и современным состоянием германского профдвижения. Оба автора доводят изложение событий вплоть до конца 1923 года. Оба они ограничиваются лишь самым кратким историческим введением, сосредоточивая почти все свое внимание на современности, и оба же дают краткое добавление о назревших в быстро развивающемся процессе исторического развития событиях, обозначившихся уже после того, как авторы закончили свои работы. В частности, о книге т. Леонтьева следует отметить, что местами автор злоупотребляет схематичностью изложения и ограничивается общими формулировками там, где требовалась бы более конкретная и подробная характеристика. Таковы, напр., страницы, трактующие о партийной печати, об отдельных отраслях практической работы партии (в муниципальных учреждениях) и т. п.

В этом отношении гораздо более удачно справился с своей задачей т. Лившиц. Популярность изложения не помешала ему подойти к трактуемому им вопросу с той серьезностью, какого он заслуживает. Начиная свое изложение с 1848 г., автор, на протяжении 100 с небольшим страниц, дает достаточно полную для первоначального знакомства с профессиональными организациями Германии картину в связи с общим промышленным и политическим развитием страны. Ни одна из важнейших сторон профдвижения не ускользнула от внимания автора: структура профсоюзов и фабзавкомов, их взаимоотношения, вопрос о взаимоотношениях между профсоюзами и политическими партиями, роль профсоюзов, как боевых органов рабочего класса—все это, как и ряд других вопросов профдвижения, нашло свое место в рецензируемой книге. Разумеется, от автора, стесненного размерами книги и требованиями популярности, нельзя ждать исчерпывающего анализа затронутых вопросов. Но во всяком случае постановка и освещение их у него таковы, что в читателях, впервые знакомящихся с вопросами профдвижения,

несомненно, зародится стремление к дальнейшему и более основательному изучению этих вопросов. А это уже много говорит в пользу работы, которую, так же как и книгу т. Леонтьева, следует рекомендовать как полезные пособия для первоначального ознакомления с вопросами профессионального и коммунистического движения в современной Германии.

М. Брагинский.

РАБОЧЕЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

1. В. ВОЛЫНСКИЙ. Английская рабочая партия. *Ф. Ротштейн.* — 2. С. МСТИСЛАВСКИЙ. Рабочая Англия. От О'Брайена к Макдональду. *А. Чекин.*—3. А. ГЕМФРИ. История рабочего представительства в Англии. *И. Ильинский.*—4. К. КОРШ. Рабочее движение и фабрично-заводские советы в Германии. *М. Брагинский.*—5. А. ЧЕКИН (В. Яроцкий). Азбука профессионального движения. *М. Зеликман.*

В. Я. ВОЛЫНСКИЙ. Английская рабочая партия. Издательство «Красная Новь». 1924 г. Стр. 57.

Это—толковая книжка, написанная человеком, знакомым со своей темой. Она состоит из трех глав, из коих первая дает краткую предысторию рабочей партии от парламентской реформы 1832 г. до основания нынешней рабочей партии. Вторая описывает структуру рабочей партии, а третья дает обзор деятельности рабочего правительства за первые несколько месяцев его существования. Первая глава, несомненно, наиболее слабая, да и мудрено было бы на нескольких страницах дать правильное и яркое изображение истории развития борьбы за парламентское представительство рабочего класса даже в ее существенных чертах. Автор не дооценил значения парламентской реформы 1832 г., которая на деле была революцией, приведшей к власти промышленную буржуазию, и поэтому у него неясной оказалась связь между этим социал-политическим переворотом и чартистским движением как реакций на господство промышленного капитала. Само чартистское движение, однако, он весьма правильно характеризует, как «первое организованное политическое движение пролетариата не только в Англии, но и во всем мире». Он даже, по моему, правильно прибавил, что «уроки этого движения послужили основой выработки классовой программы и тактики, нашедшей свое классическое выражение в Коммунистическом Манифесте». Вопрос о причинах распада чартизма у него разработан лишь в общих чертах, меж тем как факторы, приведшие к этому распаду (расцвет промышленности плюс прогрессивное падение цен), продолжали действовать и до настоящего время и являются базой соглашательского миросозерцания английского рабочего класса и, в частности, рабочей партии. Неверно, между прочим, замечание автора, что Джон Бернс и Том Ман принадлежали к фабианскому обществу, или что первый принадлежал к независимой рабочей партии.

Вторая глава, более удачная, дает картину тех организаций, которые входят в состав рабочей партии, и отношения последней к коммунистам. Между прочим, автор несправедливо обвиняет старую социал-демократическую федерацию Англии в «исключительной осторожности» на основании того, что первая популярная переработка «Капитала» Маркса «тщательно скрывала, что книга построена на основании марксистской теории». Это была «исключительная осторожность» не федерации самой, а автора книжки Гангмана, который хотел выдать свою работу за плод оригинального мышления. Особенно удачно автор справился с критикой рабочего правительства Макдональда, в котором он справедливо усматривает буфер

между капиталом и рабочим классом. Однако он не угадал, что «буржуазия не будет спешить со свержением Макдональда». Он переоценил глупость буржуазии, которая вскоре поняла, что «предоставить массам свыкнуться с идеей рабочего правительства» представляет бóльшую опасность, чем возможность потерять на выборах. В общем, эту книжку можно смело рекомендовать.

Ф. Ротштейн.

С. Д. МСТИСЛАВСКИЙ. Рабочая Англия от О'Брайена к Макдональду. Госиздат. 1924 г. Стр. 134.

События последних нескольких месяцев значительно повысили интерес русского читателя к Англии—особенно к *рабочей* Англии. Появление у власти первого «рабочего» кабинета под руководством Рамзея Макдональда, при всей незначительности фигуры нового «премьер-министра его королевского величества» и при всем убожестве его политической и хозяйственной программы, явилось в начале 1924 года фактом первостепенного значения, засвидетельствовав зарождение в английской рабочей массе аппетита к власти. Девять месяцев работы кабинета отмечены были, равным образом, значительными сдвигами в самой рабочей массе. Выборы в конце октября, наконец, и посещение СССР делегацией английских профессиональных союзов подняли этот интерес еще выше. В английском рабочем движении стали чувствоваться какие-то *новые* настроения, уловить которые не давали, конечно, возможности ни краткие телеграфные вести из Англии, ни необходимо беглые газетные статьи.

Вот почему особенно ценна всякая книга, которая в состоянии дать читателю необходимый материал для понимания развертывающихся на великобританском острове событий. Вот почему с особым вниманием просматриваешь всякую книгу, на титульном листе которой стоит название: «Рабочая Англия».

Но работа С. Д. Мстиславского, заголовок которой проставлен в начале этой рецензии, оставляет по себе чувство полной неудовлетворенности.

Дело в том, что Мстиславский собрал *богатый* материал, но им совершенно не овладел в том смысле, в каком должен и может им овладеть автор, знакомый с Англией не только по газетным и журнальным статьям. *Уловить* основной характер установившихся в рабочем мире Англии тенденций Мстиславскому не удается. Он не в состоянии критически отнестись к используемому им материалу, он допускает иной раз чудовищные ошибки в пересказе этого материала. И в результате получается книга, страдающая в сильной степени *неправильной перспективой*.

Нет фактически ни единой страницы, которая бы не отличалась таким пороком. Возьмем хотя бы трактовку Мстиславским вопроса о *распыленности* английского профессионального движения. На стр. 14 он много места уделяет этому вопросу. И что же? Оказывается, что мимо автора прошла вся та полоса английского профессионального движения, которая начинается с 1911 года завершается поразительным укреплением тенденции к централизации и концентрации движения. *Он даже забыл о таком факте, как существование в Англии* Великобританской Федерации горнорабочих, объединяющей почти миллион горняков. Для него данные министерства труда о наличности среди углекопов 113 союзов являются не подлежащими никакому осмысливанию данными. Сказано — значит так оно и есть. А на самом деле регистрация союзов Англии поставлена так, что и с образованием крепкой централизованной организации горняков министерство продолжает насчитывать попрежнему 113 союзов... Отсюда—у Мстиславского нет и понимания *тенденции* развития. Он слишком много говорит о множественности союзов и ни словом не упоминает о том, что эта множественность фактически *сошла уже на нет*.

Для него не существует и стремления английского движения к созданию единого руководящего центра. Он говорит о Генеральном Совете, как о ничтожной величине, тогда как именно в сторону укрепления Генерального Совета и идет развитие всего движения.

Но он не только неправильно толкует движение. Он просто не знает часто фактов. Так, слияние 10 союзов машиностроительной промышленности, которое имело место в 1920 г., он относит к 1923 г. —и при этом, чтобы показать, что он не просмотрел описку, а сознательно вставил эту дату, изображает слияние, как факт самого последнего времени.

И таких фактических ошибок у него не мало. Чтобы ограничиться несколькими примерами, укажу хотя бы на то, что он называет трэд-юнионы «прямыми наследниками гильдий» (стр. 12, вопреки твердо установленной нелепости подобного утверждения), что *типичной* формой организации английских союзов он называет форму *федерации*, хотя с 1851 г. наиболее типична именно форма *амальгамации*, что «Тройственное *согласие* труда» он настойчиво называет «*Производственным тройственным союзом*», чем дает и себе и другим повод думать, что это был шаг к созданию синдикалистского Единого Великого Союза (хотя никаких поводов реально к этому не существовало) и т. д. и т. д.

Само собою разумеется, что когда перелистываешь до конца книгу Мстиславского—остается досадное впечатление: тема книги остро интересна, материал книги весьма богат, а результат едва ли полезен... за исключением оценки политики Макдональда, все содержание книги может создать лишь неправильное представление о рабочей Англии.

Д. Чекин.

А. У. ГЕМФРИ. История рабочего представительства в Англии. Пер. с англ. с примеч. и прилож. В. Левицкого. Изд. Л. Д. Френкель. М.—ЛГ. 1924. Стр. 128. Отпечатано 3.000.

Книжка выпущена своевременно. Судьбы рабочего представительства и рабочего правительства в Англии—вопрос, волнующий не только рабочих, но и остальные классы европейского общества. Нельзя, однако, заглядывать в будущее, не зная прошлого. Это особенно относится к Англии; медлительность и консерватизм всех слоев ее населения общеизвестны. Рабочие не составляют исключения. Странные на взгляд русского рабочего черты пролетарского движения в «Соединенном Королевстве» имеют свою историю. Некоторые штрихи из этой истории собраны в книжке Гемфри, представляющей недурной образец английского повествовательного мастерства.

Известно, что классовая борьба в Англии по сравнению с континентом протекала в относительно мягких формах. Еще в середине XIX века считалось неприличием говорить о классовом представительстве. В 1867 г. политики и печатные органы либеральной и консервативной партий возражали против вхождения рабочих депутатов в парламент по классовому признаку. Наоборот, вполне приемлемыми им казались рабочие депутаты в составе либеральной и консервативной партий. Впрочем, и внешняя благопристойность соблюдалась далеко не всегда. В 1873 шахтеры Северной Англии начали борьбу за рабочее представительство. Когда они приступали к предвыборной агитации в Бидлингтоне, местное дворянство высказывалось в том смысле, что рабочие имеют не больше прав на голосование, чем их лошади. Рабочий кандидат Томми Берт ответил на это крылатой фразой: «рабочий-консерватор или дурак, или подхалим». Поведение либералов тоже не всегда отвечало требованиям английского fair play (честной игры). В Мерсзир-Тидвиле рабочие вожди приняли радикальную, т.-е. лево-либеральную, программу. Несмотря на то, либералы выставили и провели своего кандидата. Та же история повторилась в некоторых других округах.

Тем не менее, мысль о необходимости классовой рабочей политики прививалась очень туго. Первой организацией (после разгрома чартистов), ставившей себе этого рода цели, была «Лондонская ассоциация рабочих», основанная в 1866 г. Только в 1868 г. был серьезно поставлен вопрос о сборе средств, и выставлены рабочие кандидаты. Успеха на выборах они не имели. В 1869 г. была сорганизована общенациональная Лига Рабочего Представительства. Пять лет пришлось ей поработать, пока английские рабочие поняли необходимость сво-

его представительства в парламенте и провели первых двух депутатов: Тома Берта и Александра Макдональда. Любопытно, что Лондонская ассоциация еще в 1867 г., очевидно, не без влияния Карла Маркса, указывала на буржуазный характер парламентского представительства, прикрываемый разговорами об интересах всего народа, и требовала выбора в парламент рабочих физического труда.

Но самый принцип классовой политики представлялся, а отчасти и по-сейчас представляется, слишком отвлеченным для конкретного практического мышления английского рабочего. Едва ли не правильно будет сказать, что живая личность популярного вождя, с его индивидуальными чертами и особенностями, привлекает английского пролетария больше, чем воплощаемое этим вождем социально-политическое мировоззрение. Отсюда любовь англичан к литературе жизнеописаний, нашедшая отражение и в книжке Гемфри. Мы находим в ней такие краткие, но много говорящие биографии, как, например, следующая. Томас Берт семи лет от роду начал работать погонщиком ослов в одной из Дергемских шахт. За двенадцатичасовой рабочий день он получал 10 пенсов (около 35 коп. на наши деньги). Затем он был сделан перевозчиком угля, а 18 лет стал каменотесом. Все эти годы Берт урывал время от сна и отдавал его чтению. 28 лет он оставил шахту, будучи избран секретарем Нортумберлендского Союза горнорабочих, а еще через 9 лет был избран в парламент.

Таких биографий в книге наберется до десятка. Когда ознакомишься с ними, становится понятным любопытный, описываемый Гемфри, эпизод с Брэдхерстом, секретарем парламентского комитета Конгресса трэд-юнионов. В 1888 г. на конгрессе в Денди Кейр-Гарди предложил выразить Брэдхерсту недоверие на том основании, что он имеет акции в промышленных предприятиях, пользующихся наемным трудом. Брэдхерст не отрицая этого факта. Несмотря на то, резолюция о недоверии была отвергнута 177 голосами против 11, а обвиняемый удостоился шумных приветствий. Читатели помнят, вероятно, совсем недавний аналогичный случай с Макдональдом. На Конференции Рабочей Партии в 1917 г. Тиллет требовал полного превращения Рабочей Партии в партию трэд-юнионов. В споре с социалистами, Квелчем и Клайнсом, Тиллет заявил, что трэд-юнионисты, содействующие увеличению заработной платы на шиллинг или количеству пищи на столе у рабочего, приносят больше пользы, чем сентиментальные теоретики. В 1908 г. началось знаменитое дело Осборна, старшего носильщика Клапгэмского (переводчик неправильно пишет «Клафемского») узла. Осборн протестовал против взимания трэд-юнионами денег на политические цели. Пройдя несколько инстанций, дело перешло в Палату Лордов. Верховное судилище признало: 1) что недопустимо принуждение кандидатов трэд-юнионов в парламенте принимать устав Рабочей Партии; 2) что нельзя расходовать средства трэд-юнионов на поддержку кандидатов в парламент. Это постановление явилось тяжелым ударом по Рабочей Партии. В 1911 состоялась конференция, которая внесла в устав некоторые формальные поправки, обезвредившие решение ученых судей. Таким способом была избегнута сложная процедура борьбы за издание нового закона, предлагавшаяся более революционно настроенными элементами.

Столь последовательный практицизм, однако, превосходно уживается с разного рода предрассудками. Из них религиозные верования играют немаловажную роль. Атеизм не пользуется широким распространением в Англии. Премьер ее рабочего правительства еще недавно публично исповедал свою принадлежность к пресвитерианскому вероучению. Выше приводилась биография Томаса Берта. Этот замечательный деятель в 1874 г. вступил в секту унитариев. В связи с возникшим по этому поводу смущением среди избирателей ему пришлось убеждать их, что производить расследование о религиозных убеждениях кандидата в парламент избиратели не имеют права.

При всем том, классовое чутье временами проявлялось с достаточной яркостью. В 1892 г. возник рабочий Временный Совет Лондона и Лондонского

Округа по подготовке выборов в парламент. По уставу Совета в его члены принимались все работники физического и умственного труда. Не допускались в организацию эксплоататоры наемной рабочей силы, земледельцы, ростовщики и *адвокаты*. Социальная позиция последней из поименованных профессий была тем самым очерчена с достаточною выразительностью. Формальный признак ее принадлежности к числу специальностей умственного труда не ввел в заблуждение авторов устава. В последующем дело, как известно, изменилось. Ныне в рядах Рабочей Партии находятся такие мастера юридического крючкотворства, как Патрик Хастингс. Изменилось, впрочем, и еще многое. Недавний канцлер казначейства его величества г. Сноуден в свое время (1913 г.) резко критиковал приспособляемость Рабочей Партии к либералам. Сейчас ему вряд ли приятно будет вспомнить об этом. Зато он может сослаться на прецедент с другим видным деятелем социал-реформизма, Джоном Бернсом. Этот политик еще в 1900 г., заявил: «Мне надоели рабочие сапоги, рабочие поезда, рабочие дома, рабочий маргарин». Он призвал рабочих отрешиться от классовых предрассудков и держаться политики, независимой от классовой точки зрения. Кажется, призыв Бернса пал все-таки на каменную почву.

С тех пор много воды утекло. Установлен почти во всех отраслях промышленности 8-часовой, а в каменноугольной 7-часовой рабочий день, дано избирательное право женщинам, недавняя безответственная оппозиция управляет страной, растет коммунистическая партия, доминьоны стремятся к отделению от империи. Книжка Гемфри, доведенная до 1911 г., не дает представления об этих событиях (кое-что содержит толковая статейка переводчика). Она не дает даже достаточного материала для выводов, так как автор не позаботился связать свою историю с эволюцией народного хозяйства Англии. И, тем не менее, книжка Гемфри заслуживает внимания и, несомненно, найдет своего читателя.

Переводчик, насколько я мог судить по косвенным признакам (английского подлинника достать не случилось), справился со своей задачей удовлетворительно. Наружность книжки серовата.

И. Ильинский.

КАРЛ КОРШ. Рабочее движение и фабрично-заводские советы в Германии. Пер. с нем., под ред. Н. П. Попова. Изд. «Красная Новь». М. 1924. Стр. 216.

Заглавие, выбранное для русского перевода книги: «Рабочее движение...» и т. д., неудачно и совершенно не соответствует ее действительному содержанию. О рабочем движении в собственном смысле слова в книге не говорится, и мы не понимаем, для чего понадобилось менять заглавие, обдуманно выбранное самим автором: «Рабочее законодательство для фабрично-заводских советов». Книга написана для членов фабрично-заводских советов в качестве руководства к изучению правовой организации трудовых взаимоотношений, которую автор анализирует во всех ее конкретных подробностях с методически выдержанной точки зрения классовой борьбы.

Книга делится на две части—общую и особенную. Наибольший практический интерес для немецких рабочих имеет, конечно, вторая часть. В ней автор подвергает самому тщательному юридическому анализу закон 4 февраля 1924 г. о фабрично-заводских советах, шаг за шагом вскрывая все его крупные недостатки и подчеркивая при этом, что права, предоставленные этим законом представительству рабочих в производстве, совершенно недостаточны и большею частью являются пустой видимостью. За исключением пяти параграфов закона, в которых говорится о некоторых правах участия рабочих в организации производственного процесса, все, что говорится об этом в остальных параграфах, не более как громкие фразы и намеренно бессодержательные обороты речи. Однако, несмотря на этот резкий приговор, автор указывает на различные способы использования этого несовершенного закона, являющегося лишь зачатком пролетарского права, в целях укрепления классовой мощи пролета-

риата. Корш говорит, что рабочий должен понять, что, при всей ничтожности предоставленных ему этим законом прав, в последних все-таки таятся «начала» чего-то большего; рабочий должен добиваться более полного развития этих начал и стремиться к тому, чтобы придать им возможно большее значение, чтобы путем толкования смысла выражений закона и расширения его рамок развить эти слабые зачатки предоставленных ему прав.

В общем, против всех этих выводов и пожеланий автора возражать, конечно, не приходится, особенно в тех случаях, когда он своими советами поощряет рабочих к попыткам выйти за пределы рассматриваемого закона, т.-е. использовать институт фабзавкомов, как орудие для объединения пролетарских масс и дальнейшего их революционизирования. Мы думаем, однако, что т. Корш, излишне увлекаясь чисто юридическим анализом отдельных параграфов закона, переоценивает значение последнего, несмотря на крайне тесные формально юридические рамки, в которые он загнан буржуазно-реформистскими законодателями. Автор как будто склонен признать, что даже в своем нынешнем виде закон о фабзавкомах открывает рабочим достаточно широкие перспективы для мирной органической работы. Такой подход к вопросу, особенно в современной обстановке обостряющихся классовых противоречий в Германии, мы считали бы неправильным. Впрочем, несколько дальше и сам Корш признает, что закон несет с собой для рабочего класса опасность заражения фабзавкомов соглашательским духом и превращения их в органы «общего хозяйства», покоящегося на идее братства капитала и труда. Правильно подметив эту опасность, автор тут же и предупреждает против нее рабочих, напоминая им, что не на параграфах буржуазного закона о фабрично-заводских советах покоится действительная мощь рабочего представительства, а на рабочей массе данного предприятия и на более крупных его профессиональных и политических организациях. И тут т. Корш, при оценке взаимоотношений между фабзавкомами и профорганизациями, делает несколько ценных замечаний. Наконец, общее заключение, которым автор заканчивает свою книгу и где он, между прочим, говорит: «...в условиях современного строя, покоящегося на классовых противоречиях, даже частичные и самые скромные задачи угнетенного класса, поднимающегося на свое освобождение, не могут быть радикально и окончательно разрешены иначе, как революционным путем...» (стр. 217).—Это заключение совершенно точно отмечает крайне относительную роль фабрично-заводских советов в рамках, определенных для него законодателем. Только раздвигая, вопреки воле законодателя, эти рамки, рабочие могут, как они это часто и делают, превратить фабзавкомы в орудие укрепления своей классовой мощи, в орудие сплочения своей рабочей армии снизу, в орудие широкого революционизирования и революционной самодеятельности масс.

Общую часть своей книги проф. Корш начинает с изложения основного принципа взаимоотношений между предпринимателями и наемными рабочими в капиталистическом обществе. Применяя метод неумолимого марксистского анализа, автор мастерски вскрывает прикрытые лицемерием глубокие противоречия, лежащие в основном принципе этих взаимоотношений в «свободе рабочего договора», и указывает на все последствия, из этого принципа проистекающие. При этом все свои выводы проф. Корш обильно уснащает соответствующими цитатами из трудов К. Маркса.

Но от своих, марксистски обоснованных, суждений автор иногда допускает неосторожные отклонения, сбиваясь с точки зрения диалектического материализма на точку зрения вульгаризированной теории эволюции. Мы называем эти отклонения неосторожными только потому, что у самого автора можно найти те необходимые коррективы, которые помогут читателю во-время остановиться и не следовать за ним по пути этих отклонений. Как на яркий образчик такого рода отклонений мы могли бы указать на весьма сомнительную теорию автора, по которой «пролетарская революция не есть нечто совершенно отличное от всей предшествовавшей освободительной борь-

бы (от буржуазных революций), а является только ее *углублением*» (стр. 28—29). Эта точка зрения совершенно ошибочна, и она лучше всего опровергается целым рядом других положений, формулированных самим же профессором Коршем на многих страницах его книги (стр. 46, 47, 126, 132, 134, 203 и т. д.). Из этих суждений мы приведем то (стр. 46), где автор совершенно правильно отвергает возможность достижения чистой «промышленной демократии» «путем планомерного и постепенного развития (т.-е. углубления! *М. Б.*) всех указанных форм соучастия рабочих в организации производства и в регулировании условий труда без *насильственного свержения* (курсив наш. *М. Б.*) существующих буржуазно-демократических государственных учреждений». И в другом месте (47—48): «...и буржуазное государство... знает некоторые права участия (в производстве), присвоенные рабочим. Но все эти права имеют в государстве капиталистического классового общества свой *непреходимый предел* (курсив наш. *М. Б.*); они *не могут* достичь большего развития (углубления!), чем это допускают интересы буржуазии и ее прибылей». Мы могли бы привести еще целый ряд подобных же выписок, которыми и определяются преобладающий тон и общий характер интересной книги проф. Корша.

К книге приложена статья т. Панкратовой, отмечающей важность затронутых Коршем вопросов и кратко характеризующей личность автора.

М. Брагинский.

А. ЧЕКИН (В. Ярцкий). Азбука профессионального движения. Изд. «Красная Новь». Москва. 1924 г. Стр. 216.

Мы обыкновенно привыкли к тому, что «азбука» пишется для тех, кто не знает ни «аза», ни «буки». С такой меркой мы приступили к чтению «Азбуки профессионального движения», надеясь найти в ней популярное изложение форм движения, методов борьбы профсоюзных организаций, ознакомление читателя с разнообразием рабочего движения в различных странах, ясное и толковое объяснение причин, вызывающих это разнообразие и т. п. Этим условиям азбучного изложения книга не удовлетворяет. Наоборот, чтобы по «Азбуке профессионального движения» ознакомиться с этим движением, понять его прошлое, разобраться в его настоящем и разглядеть перспективы будущего, требуется быть довольно грамотным, даже настолько грамотным в истории мирового рабочего движения, что об изучении «азбуки» говорить не приходится.

Следовательно, «Азбука профессионального движения» ни в коем случае не может быть рекомендована тому, кому приходится начать именно с азбуки. В этом отношении название книги способно ввести в заблуждение. Чтобы «Азбука» соответствовала своему названию, она должна быть коренным образом переработана и в отношении подготовки материала, и его систематизации, равно как и в отношении формы изложения. Для примера приведем следующую фразу: «По мере того как в социалистических рядах происходило дробление на фракции «гедистов», «бруссистов», «аллеманистов», оказывалось раздробленным и профессиональное движение» (стр. 60). Наш молодняк, не имеющий соответственных знаний по истории социализма во Франции, ничего не поймет в этом предложении. Таких «популярных» фраз, уснащенных терминами, совершенно незнакомыми нуждающемуся в азбучном изложении читателю, в книге встречается в изобилии.

В «Азбуке профессионального движения» собрано автором много материалов по рабочему движению Англии, Германии, Франции, России и др. стран. Среди этого материала имеется много интересного, хотя ничего нового в книге, понятно, нет. Весь материал расположен в четырех главах, из которых самая богатая по количеству материала является вторая глава («Этапы профессионального движения»). В этой главе делается попытка изложить этапы движения в Англии, Франции, Германии и России. Поскольку речь идет об историческом изложении фактов, то дело обстоит с грехом пополам, но зато там, где автор начинает

развивать свою теорию профдвижения, получается много путаницы. Теория автора состоит в том, что профдвижение проходит «диалектическую триаду» и «диалектика развития движения сказывается и тут: от антитезы примирения с капитализмом оно переходит к синтезу, к революционной классовой борьбе против капитализма» (стр. 99). Неудивительно, что после своеобразного понимания «диалектической триады» автор приходит к выводу, что «все этапы, какие профессиональное движение проделало в своем развитии в течение длительной истории рабочего класса и классовой борьбы в разных странах, предопределялись совершенно закономерными соотношениями» (стр. 152). *Так-таки все этапы предопределяются совершенно закономерными соотношениями?* А мы, грешные, ничего этого не зная, ругаем во-всю Шейдеманов, Реноделей, Гомперсов, Вандервельде, лишь выполняющих историческую миссию и ведущих рабочий класс по этапам, совершенно закономерно предопределенным(?!)

Мы ограничены местом и не имеем возможности останавливаться подробно на многих марксистски невыдержанных и путаных формулировках, разбросанных на многих страницах книги, содержащей, кроме всего прочего, много опечаток (например, на стр. 108 говорится, что Россия пережила промышленную революцию с середины XVIII, вместо *XIX*, века; на стр. 68 напечатано, что Унитарная Конфедерация Труда во Франции была образована в 1822 г., вместо *1922*, и т. п.).

Книга, которая могла бы служить «Азбукой профессионального движения», крайне необходима. А поэтому можно пожелать, чтобы автор основательно переработал свой труд, дабы удачнее выполнить неудавшуюся ему попытку написать «Азбуку» для изучения мирового профдвижения.

М. Зеликман.

ИСТОРИЯ.

1) Всеобщая история.

1. Н. ТАРАСОВ и С. МОРАВСКИЙ. Культурно-исторические картины из жизни Западной Европы IV—XVII в.в. *А. Неусыхин.*

Н. Г. ТАРАСОВ и С. П. МОРАВСКИЙ. Культурно-исторические картины из жизни Западной Европы IV—XVII веков. Госиздат. Москва. Год издания не указан (1924?). Стр. 146+VIII.

Научное изображение социально-экономической и духовной культуры прошлого, составляющее одну из задач науки истории, стремится обычно к установлению причинной связи явлений, к отысканию общих закономерностей всего хода исторического процесса, всего развития данного общества в целом. И хотя такое причинное объяснение явлений, имевших место в прошлом, и составляет сущность истории, как науки, но оно носит всегда по необходимости несколько схематический характер: ибо даже там, где дело идет не об общих тенденциях развития, а об отдельных конкретных явлениях, историку-исследователю приходится намечать лишь *основное* их содержание, отвлекаясь от многих частностей: иначе он не сможет дать никакого *построения*, то-есть ничего не сможет *объяснить*. Но из этого не следует, что эти «частности», эти побочные, так сказать, «второстепенные», черты данного комплекса явлений имели мало значения в исторической действительности и не интересны для историка. Напротив: иной раз, читая о хозяйственном и социальном укладе жизни какой-нибудь римской оливковой плантации или средневекового поместья, очень и очень сожалеешь о том, что автору пришлось обойти молчанием *бытовой* уклад жизни

этих хозяйственных организмов, что ему пришлось лишить живой цветок его аромата и его красок. Картины быта—если только они выполнены рукою ученого, хорошо знающего предмет, являются, несомненно, необходимым элементом писания истории. Стоит только вспомнить, каким неожиданным светом озаряют иной раз русское прошлое бытовые характеристики В. О. Ключевского!

Но особенно важны бытовые описания для целей педагогических, ибо то *приближение* к прошлому, которого хочет иной раз и исследователь, особенно необходимо учащемуся, приступающему к изучению предмета: ведь только в такой наглядной форме и сможет он лучше всего не только воспринять быт данной эпохи, но — через восприятие быта — понять и основные тенденции ее развития.

Разбираемая нами книга и дает в форме бытовых картин богатый материал для наглядного преподавания истории. Она «имеет целью прежде всего притти на помощь тем из преподавателей, которые пожелали бы до некоторой степени сократить время подготовки и облегчить самую подготовку»; но, кроме того, она может служить и пособием «для самостоятельных работ учащихся и для широкого круга ищущих знаний путем самообразования» (Предисловие, стр. VIII). Книга распадается на десять очерков, служащих как бы объяснительным текстом к соответствующим картинам, но имеющих и вполне самостоятельное значение. Очерки эти дают наглядное и в то то же время строго-научное изображение наиболее значительных явлений европейской жизни за период с IV по XVII в.в За исключением первого очерка («В усадьбе древнего германца») и последнего («Лагерь XVII в.»), содержание книги—если не хронологически, то по существу изображаемых явлений—приурочено к эпохе средневековья. Здесь освещены важнейшие стороны средневековой жизни: хозяйственный быт поместья («Праздник в замке»), деревни («Крестьяне и ландскнехты») и города («Осада города», «Город XV в.»); вполне определенными контурами намечено своеобразие средневековой торговли («В купеческой семье XVI в.») и духовной культуры феодального общества («Праздник в замке», «На турнире»). В ряде очерков рассеяны указания на своеобразную организацию войска и на некоторые черты того специфического государственного строя, который принято называть феодализмом.

Вообще авторы избрали очень удачный прием для достижения своей цели—подойти через изображение быта к выявлению основных линий развития средневекового общества: при каждом бытовом описании они пользуются случаем подчеркнуть или по крайней мере упомянуть какое-нибудь существенное историческое явление или какой-нибудь типический факт. Так, рассказывая о приезде государевых посланцев в область саксов, автор очерка попутно выясняет политическое значение «missi dominici»[1]), набрасывает картину работы областной администрации, а также упоминает об особом положении области саксов в империи Карла В. В очерке, посвященном древним германцам, удачно взят повествовательный тон: идет рассказ о том, как свободный германец, хозяин усадьбы, отправляется на охоту, как приготовляется к ней, как возвращается с охоты домой, что делается в его усадьбе во время его отсутствия и после возвращения. Все это дает автору возможность осветить основные вопросы хозяйственной, социально-политической и даже духовной жизни древне-германского племени: затронут вопрос о формах хозяйства, о земледелии, скотоводстве и охоте, о социальном неравенстве, о родовом быте, о положении женщины, о религиозных верованиях и т. д. и т. д.

Пользуясь таким приемом, авторы собирают и умело располагают в своих очерках массу фактических подробностей и сообщают в легко усваиваемой форме ряд важных выводов исторической науки. При этом используется целый ряд исторических источников (а в первом очерке и материалы вспомогательных дисциплин—археологии и лингвистики); но делается это так, что сознание неподготовленного читателя не загружается цитатами и ссылками, а педагогу дается широкая возможность в случае надобности комбинировать приводимые

[1]) Государевы посланцы.

в книге данные и в иных сочетаниях, чем это сделано авторами.

Отличаясь конкретностью, живостью и ясностью изложения в соединении со строгой научностью, «Культурно-исторические картины из жизни Зап. Европы», насыщенные содержанием, являются весьма полезным пособием при наглядном преподавании истории.

Остается только пожалеть, что в новом издании выпущена статья о монастыре (на которую авторы ссылаются в других очерках): эта статья подчеркнула бы своеобразный религиозный характер средневековой культуры, в силу которого все социально-экономические явления, вся классовая борьба средневековья, неизменно выступают перед нами в религиозной оболочке.

Д. Неусыхин.

2) Русская история.

1. КРАСНЫЙ АРХИВ. Исторический журнал. *М. Клевенский.*—2. В. АНИСИМОВ. Капитализм в России. *Ю. Спасский.*

КРАСНЫЙ АРХИВ. Исторический журнал. Том пятый. Гос. Изд. М. 1924 г. Стр. 288. Тираж 4.000.

«Красный Архив», выпускаемый Центральным Архивом РСФСР, выходит так редко, что его правильнее считать сборником, чем журналом. В последнем томе выдающимся интересом отличается исследование П. Щеголева «С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине», начатое еще в предыдущем томе.

К тому, что было известно о поведении Нечаева на суде из официального сообщения в «Правительственном Вестнике», Щеголев добавляет еще сообщение жандармского генерала Слезкина. Поведение Нечаева было упорным и решительным протестом против суда, отрицанием за ним всякого права судить его. Под свежим впечатлением суда, происходившего 8 января 1872 г., Нечаев 10 января пишет обращение к графу Левашову,—текст его приводится в статье. Нечаев протестует против избиения, которому он подвергся во время суда со стороны жандармов, и дает яркое исповедание своей революционной веры. Он доказывает, что Россия накануне революционного переворота, и выражает уверенность, что скоро миллионы голосов повторят его крик на суде «Да здравствует Земский Собор!». Сравнивая это заявление Нечаева со многими другими тюремными исповеданиями, слишком часто носившими печать упадка духа, П. Щеголев говорит: «Я затрудняюсь указать в жизни революционеров, западных и русских, хоть один пример такой революционной непреклонности и выдержки до конца».

До сих пор ничего не было известно о том, как происходил обряд «гражданской казни» Нечаева. Щеголев приводит переписку властей, очень тревожившихся по этому поводу, и конфиденциальное письмо Шувалова, московского генерал-губернатора, с описанием этой процедуры. Нечаев был верен себе: когда его везли по улицам Москвы, а также и на самом места совершения обряда (на Конной площади) он все время громко выкрикивал проклятия царю и всем его палачам, кричал, что их самих скоро повезут на гильотину.

Привезенный с величайшими предосторожностями в Петербург, Нечаев был помещен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, в № 5. Из сообщений смотрителя равелина и других документов, приводимых в статье, видно, какую отчаянную борьбу вел все время Нечаев—главным образом из-за нужных ему книг. В первые годы он добился не только книг, но даже права иметь в камере письменные принадлежности и заниматься литературным трудом. В 1875 г. он изложил свои политические взгляды для представления царю; этот документ не сохранился, есть только краткий отзыв чиновника, читавшего его. В 1876 году, на четвертом году заключения,

Нечаев снова обратился к царю—текст этого обращения приводится целиком. По-прежнему протестуя против бывшего над ним суда, Нечаев требует нового суда, с соблюдением законных форм. В ответ на это последовало, по распоряжению царя, запрещение Нечаеву писать что бы то ни было. Во время его прогулки письменные принадлежности были унесены из камеры, равно как и все написанное им. Нечаев реагировал на это буйством. Его привязали к кровати, потом надели на него ножные и ручные кандалы. Ножные были сняты через 3 месяца, а ручные оставались до декабря 1877 г., т.-е. в течение почти двух лет. Сняли их потому, что от кандалов у него образовались незаживающие язвы.

Очень интересны сведения, даваемые новыми материалами о литературных работах Нечаева в крепости. Правда, любопытство наше только разжигается, а не удовлетворяется: бумаги Нечаева было «высочайше» повелено сжечь, остался только отзыв о их содержании какого-то должностного лица, разбиравшего их. Нечаевым было написано несколько публицистических статей и беллетристических опытов. Из публицистики Нечаева неизвестный официальный «рецензент» признает самым замечательным статью о характере движения молодежи в конце 60-х г.г. Были, кроме того, впечатления тюремной жизни («Живая Могила»), письма о задачах современной демократии и пр. В области беллетристики на столе в камере Нечаева оказались отрывки нескольких романов—из времен падения второй империи во Франции («Жоржетта»), из быта студенческих кружков и заграничной эмиграции, из эпохи падения Коммуны. Читавший рукописи Нечаева критик нашел, что беллетристика Нечаева стоит ниже его публицистики: она исполнена грязного цинизма и «поражает полнейшим отсутствием всякого нравственного чувства». Не очень-то вяжется с этой характеристикой замечание, что главная мысль и романа «Жоржетта», и отрывка «Кому будущее»—та, что «любящие друг друга не должны тратить сил на удовлетворение своих чувств, пока они нужны для решения социальных задач». «Кроме того, много экзальтированных социалистических и гуманитарных тирад». Приходится довольствоваться подобными краткими характеристиками—за уничтожением самых рукописей.

Лишенный письменных принадлежностей, Нечаев нашел новый способ протеста: свои заявления царю или коменданту (все на ту же основную тему о книгах) он пишет ложкой на стене. Текст этих обращений списывались тюремщиками и имеются в статье.

На-ряду с борьбой за улучшение условий своей жизни Нечаев упорно работал над пропагандой среди охранявших его солдат и над обращением их на свою сторону. Эта страница жизни Нечаева в общих чертах известна,—новые материалы, опубликованные Щеголевым, дают интересные детали. Через солдат Нечаев вступил в сношения со вновь заключенными в равелине Леоном Мирским и Ширяевым. Из сношений с Мирским ничего не вышло: Мирский с самого начала заключения стал в своих письменных обращениях к начальству изливаться в монархических и религиозных чувствах. Зато при посредстве Ширяева Нечаев скоро вступил в сношения с «Народной Волей» и стал развивать план своего побега. Солдаты и жандармы к тому времени были им настолько распропагандированы, что в письме к народовольцам он мог дать им такую характеристику: «В бога они не верят, царя считают извергом и причиной всего зла, ожидают бунта, который истребит все начальство и богачей и установит народное счастье всеобщего равенства и свободу». «Тот, кто приобретет на них влияние, может вести их куда хочет; они будут хорошими помощниками в самых отважных предприятиях»,—пишет он еще. Только такой железный человек, как Нечаев, мог достигнуть подобных результатов.

Несмотря на осложнения, вызванные делом 1 марта, сношения Нечаева с волей продолжались и после этого дня, и он продолжал лелеять планы побега, когда осенью 1881 г. разразилась катастрофа: начальство крепости узнало о планах и сношениях Нечаева, и начались аресты. Так как команда была «поголовно развращена», то пришлось арестовать и поместить в одиночки Трубец-

кого бастиона всех солдат, имевших дело с Нечаевым,—даже и тех, которые вышли уже в запас и разъехались по домам. Всего было привлечено к дознанию 69 человек. В 1882 г. в военно-окружном суде было целых два процесса о пособниках Нечаева, и многие понесли тяжелое наказание.

Откуда узнало начальство о действиях и намерениях Нечаева? Приведенные в статье Щеголева документы не оставляют сомнения, что выдал Нечаева и солдат его товарищ по заключению—Леон Мирский. И выдал по очень простым побуждениям: из желания улучшить свое содержание, получать иногда сласти к обеду и табак лучшего качества.

Интересная статья П. Щеголева еще не закончена печатанием. Данное нами изложение ее содержания показывает, как много ценного для истории революционного движения и для биографии Нечаева дают эти материалы.

Из других статей «Красного Архива» к эпохе 70-х г.г. относятся еще письма участников процесса 193-х. Письма принадлежат совершенно второстепенным, рядовым деятелям—Ливанову, Осташкину, Филадельфову. Однако энергия этих лиц не была сломлена продолжительным заключением, все они стойко верят в правоту своего дела.

Уже к XX веку относятся дипломатическая переписка, касающаяся русско-германского договора 1905 г. в Бьерке, и дневник Куропаткина за февраль-март 1904 г. Последний мало интересен; главным образом в нем рассказывается, как провожали Куропаткина на войну и как это было умилительно.

Переписка Николая Романова со Столыпиным захватывает 1906—1911 годы. В ней можно найти интересные подробности. Отметим, напр., обмен мнений обоих корреспондентов по еврейскому вопросу. В декабре 1906 г. Столыпин хотел выкинуть евреям жалкую кость. Николай, опираясь на то, что «сердце царево в руце божией», не захотел утверждать и тех несчастных уступок, на которые шел Столыпин. Столыпину пришлось растолковывать свое поведение и ставить все точки над «i». «Еврейский вопрос поднят был потому, что, исходя из начал гражданского равноправия, дарованного манифестом 17 октября, евреи имеют законное основание домогаться полного равноправия; дарование ныне частичных льгот дало бы возможность Государственной Думе отложить разрешение этого вопроса в полном объеме на долгий срок». Однако самодержец, несмотря ни на что, твердо уперся на своем. Из эпохи Второй Думы переписка дает подробности о поведении председателя Думы, кадета Головина. Он усердно старался смягчить и задобрить начальство: царя на аудиенции уверял, что Дума «заработает» (конечно, в желательном Николаю смысле), Столыпину тоже «в высшей степени предупредительно» высказывал убеждение, что Дума поправеет. После известного инцидента с депутатом Зурабовым Головин готов был уж совсем вывернуться наизнанку перед Столыпиным, обещал ему, что он все сделает с своей стороны для улажения инцидента, всюду пойдет с извинениями.

К эпохе европейской войны относится статья «Финансовые совещания союзников во время войны». Это—доклады министра финансов Барка, обивавшего пороги «союзников» в Париже и Лондоне в 1915 и 1916 г.г. в поисках денег на продолжение войны. Как раз за те же годы даны выписки из донесений агентов, приставленных к Распутину. Картина беспрерывного пьянства и любовных увеселений старца получается очень сочная и документальная.

Уже революционного времени касаются публикуемые В. Невским документы о поведении верховного командования в первые дни Февральской революции. Здесь даны телеграммы и записки б. великого кн. Николая Николаевича и ген. Алексеева. Программа Николая Николаевича в первые дни революции сводилась к сохранению монархии во что бы то ни стало и к борьбе с революционными советами. На этих условиях он и предлагал временному правительству свою «саблю». Энергичный контрреволюционер, ген. Алексеев очень определенно развивал перед Родзянко и Львовым свою программу. Как умный человек, он относился с глубоким презрением к людям фразы, вроде Керенского, и понимал, что с революцией можно бороться лишь решительными

средствами: расквартированием петроградского гарнизона, разгоном советов, организацией отборных боевых частей для борьбы с революцией, расстрелом рабочих. Крестьян же он предлагал привлечь на сторону временного правительства, посуливши им наделение землей при помощи Крестьянского Банка. Все это было очень дельно с контр-революционной точки зрения и вполне соответствовало стремлениям крупной буржуазии, но ген. Алексеев делал одну капитальную ошибку: он не представлял себе, до какой степени рабочие и крестьянские массы захвачены революционными стремлениями.

Из материалов историко-литературного характера даны несколько писем Д. И. Писарева из крепости и письма П. Ф. Якубовича по поводу составленного им сборника «Русская Муза».

Можно только пожалеть, что журнал, пускающий в оборот интереснейшие исторические документы, выходит так редко.

М. Клевенский.

В. П. АНИСИМОВ. Капитализм в России. Часть I. Эпоха торгового капитала, мануфактуры и крепостного хозяйства. Изд. «Пролетарий». Харьков. Стр. 249.

Эпоху, описываемую автором, можно было бы характеризовать как период вызревания капитализма в крепостной, феодальной оболочке. Время, охватывающее почти два века русской истории—от Петровского царствования до крестьянской реформы. В течение этих двух столетий капитализм в России развивался черепашьим шагом, запертый в крепостном тупике и олицетворяемый патриархально-дикой, исторически недоношенной буржуазией. Почти в то самое время, когда французское третье сословие возвещало декларацию прав человека и гражданина, российское купечество ходатайствовало в Екатерининской комиссии о разрешении ему покупать крепостных крестьян. Важнейшая производственная сила России — крестьянин — почти целиком замыкался в круге натурального хозяйства. Торговый капитал сожительствовал с дворянским поместьем, поскольку оно связывалось с внутренним и заграничными рынками. С 1724 по 1851 г.г. городское население, хотя абсолютно и относительно увеличивалось, но все же составляло к 1851 г. ничтожную долю—7,8% общего числа жителей.

Наш автор многократно указывает на отсталость и слабость русского капитализма. Мануфактуре в России не предшествовала золотая пора бурного первоначального капиталистического накопления; в отличие от Западной Европы, в России также отсутствовала база высоко развитого ремесленного производства городов. Автор не договаривает до конца и лишь намекает на географическое положение, как на основную причину восточно-европейского опоздания в мировом промышленном развитии. Но от исследования, притязающего на научность, мы в праве требовать не брошенных вскользь полунамеков, но уточненных, ясных доказательств. Генезис русского капитализма и его исторически особая конкретная форма в изложении автора подернуты густым туманом.

Характеризуя крепостное промышленное развитие России, автор довольно удачно формулирует, что вопиющим противоречием крепостного капитализма была фабрика без капиталиста и крепостной пролетарий без заработной платы. Говоря иначе, помещичье крепостное хозяйство вкупе с торговым капиталом в продолжение двух столетий побеждали промышленный капитализм. Но на естественный вопрос: *почему* это случилось, напрашивается ответ: именно потому, что слаб был промышленный капитализм. Автор не выходит из того же самого заколдованного круга: русский капитализм не двигался вперед потому, что не двигался вперед. Автор далек от конкретного изучения «судеб капитализма в России». Не будучи оригинальной, книга не дает вместе с тем и ясной систематизации материала, уже разработанного. Обильные цитаты из «Капитала», уснащающие книгу кстати и некстати, весьма мало помогают делу. Как справочник, книга может пригодиться, поскольку в ней указаны факты, мало известные широкой публике, и

даны интересные статистические иллюстрации. Таковы, между прочим, данные о внешней торговле и тарифной политике в XIX столетии, затем цифры государственного бюджета. Отметим еще убедительную картину нашей экономической отсталости, поскольку она выражалась в слабости металлургии. Уральское железо до 60-х годов прошлого века тяжелым ядром давило всю русскую промышленность. Из всех европейских стран Россия по потреблению железа стояла на последнем месте. В 1851 г. на душу потреблялось железа $18^1/_2$ фунтов, тогда как в начале XVIII века, в 1722 г.,—*30* фунтов. Красноречивый штрих экономического упадка крепостной России.

Ю. Спасский.

3) История революционного движения России.

1. М. ПОКРОВСКИЙ. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX в.в. *В. Невский*.—2. П. РОЗЕНТАЛЬ. Романовка (Якутский протест). *М. Зелинман*.—3. М. ЛЯДОВ. Как начала складываться РКП (б). *В. Невский*.—4. Ю. КАМЕНЕВ. Две партии. *П. Лепешинский*.—5. Ф. ПЛАТТЕН. Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917 г. *Ст. Кривцов*. — 6. ЛЕНИНГРАДСКИЕ РАБОЧИЕ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ 1917 г. *Р. Ковнатор*.—7. Я. КАЛЬНИЦКИЙ. От Февраля к Октябрю. *И. Волковичер*.—8. Н. ПОПОВ. Мелко-буржуазные антисоветские партии. *Вл. Виленский (Сибиряков)*.—9. ДЕЛО БОРИСА САВИНКОВА. *Вл. Виленский (Сибиряков)*.—10. К. ШЕЛАВИН. Очерки русской революции 1917 г. Февраль—июльские дни. *Г. Лелевич*.—11. Н. ГОЛУБЫХ. Уральские партизаны. *С. Пионтковский*.—12. В. ВОЙТИНСКИЙ. Годы побед и поражений. Кн. I и II. *Ст. Кривцов*.

М. ПОКРОВСКИЙ. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX в.в. Курс лекций. Изд. «Красная Новь». Главполитпросвет. 1924 г. 229 стр.

Сам автор этого курса предупреждает, что настоящий курс лекций только дополнение к его другим работам—к четырехтомной «Русской истории» и к «Сжатому очерку». С этой точки зрения и следует подходить к курсу лекций, ко всему тому, что в них местами не договорено, не развито, не освещено подробно.

Но и так подходя к этой, в сущности, стенограмме лекций, читанных на курсах секретарей уездных комитетов РКП (б), нужно сказать, что блестящий талант, брызги остроумия, смелые и глубокие аналогии, обобщения автора делают книжку весьма интересной и, что самое главное, легко усвояемой и доступной самому рядовому читателю.

Но этого было бы мало для того, чтобы рекомендовать маленький курс лекций для серьезного чтения в наших школах. Три качества книги позволяют это сделать безбоязненно: блестящее применение Марксова метода к изучению истории русского революционного движения, постоянная связь изучаемых событий прошлого с нашим революционным настоящим и та необыкновенно глубокая концепция, по которой аграрный вопрос, земельные отношения, попытки крестьян совершить аграрный переворот и, наконец, сама аграрная революция нашего времени связаны со всей историей нашего революционного движения.

Поистине мастерски показав, как центр тяжести декабристских программ клонился именно к аграрному вопросу, т. Покровский затем на программах и борьбе последующих революционных групп, партий и лиц, как ножом анатома, вскрывает аграрную суть их программы, т.-е. показывает, что аграрный вопрос в мелко-буржуазной стране, где шло все время соперничество торгового и промышленного капитала, и был тем оселком, о который пробовали и свою революционность, и свои силы все революционные партии. «... факт—стремление русского крестьянина стать мелким самостоятельным производителем,—что это такое? Это есть стержень всей русской аграрной истории, начиная, по крайней

мере, с XVI века, если не раньше, но с XVI в. уж наверное»,—так говорит т. Покровский и продолжает далее: «Смутное время, революция Хмельницкого на Украине, восстание Стеньки Разина и, наконец, Пугачевский бунт к концу XVIII в...». «... все это было отчаянной борьбой крестьянина за право быть самостоятельным мелким хозяином...» (стр. 9).

«... В 1917 году он добился своего: помещик-паразит был разбит, помещичьи земли перешли в руки крестьян, и та база для русского натурального, туземного, мужичьего капитализма, о которой говорил т. Ленин в 1905—1906 годах, была, наконец, найдена».

Развив эти положения, Покровский связывает свою точку зрения с теми взглядами В. И., которыми обосновывается мысль, что только в союзе с крестьянством диктатура пролетариата в России может привести к победоносному завершению социалистической революции.

Рассматривая, кроме того, русскую историю как явления и процессы, являвшиеся в результате столкновения двух сил—торгового и промышленного капитала, — автор получает возможность вскрыть самые глубокие и тайные пружины, которые заставляли двигаться классы и группы на поверхности общественной жизни.

Чрезвычайно удачным поэтому нам кажется объяснение народнического движения и идеологии, как функции двух переменных процессов — борьбы торгового и промышленного капитала и «стержня русского революционного движения»—аграрной революции, борьбы мужика за землю. Глава третья, где говорится о хождении в народ, блестяща.

Чрезвычайно удачно и объяснение сущности и характера партии «Народной Воли» и ее эволюции в зависимости от хода вещей (связи и зависимости партии от буржуазии), влиявшего на передвижку народовольческой идеологии вправо.

В высшей степени правильной представляется нам и оценка, данная т. Покровским той работе среди пролетариата, которую проделали народники и народовольцы под влиянием развивающегося рабочего движения в связи с развитием капитализма. Особенно удачным кажется нам в этой части анализ программы, составленной А. Желябовым для рабочих (стр. 94—95).

Превосходный анализ причин и условий, вследствие которых возникла русско-японская война и которые привели к первой русской революции, точно также как оригинальная точка зрения на империалистическую политику Николая II,—все это делает книжку т. Покровского необыкновенно интересным явлением в нашей небогатой марксистской литературе по истории русского революционного движения.

Можно, конечно, не согласиться кое с какими взглядами автора «Курса лекций».

Мало убедительно, напр., утверждение т. Покровского, что программа Союза Заславского поставила своей целью захват власти рабочими, а программа Халтурина и Обнорского этой цели не поставила потому, что Одесский Союз опирался на металлистов, а Питерский—на ткачей (стр. 79 и 80). Едва ли это так: ведь членами Северного Союза были не одни текстили, там было довольно много и металлистов, сам составитель программы Обнорский—был ведь металлист! Думается, что здесь гораздо большую роль сыграла народническая идеология тех кружков, среди которых приходилось действовать и Обнорскому, и Халтурину. Заславский работал особняком, а Халтурин и Обнорский—в тесном союзе с типичными народниками. В самом деле, организация Северного Союза охватывала не только текстилей, но и рабочих Невской заставы (напр., Обуховского зав.) и Арсенала и Патронного завода. О рабочих металлистах, как членах Союза, говорит и Плеханов.

Точно так же едва ли можно согласиться с делением русского революционного движения на те три периода, о которых говорит т. Покровский на стр. 103, точнее выражаясь, нужно внести поправку в рубежи, намеченные т. Покровским.

Первый период—это поиски русской интеллигенцией массы до 80-х годов, второй период—от 80-х годов до второго десятилетия XX в.; поиски увенчались успехом, но слияния интеллигенции с

массой не произошло, и, наконец, третий—от конца второго периода до наших дней, когда получился синтез, слияние интеллигенции с массой.

Если даже принцип, положенный в основу этого деления, и верен, то, пожалуй, вернее второй период закончить раньше, именно 1908 годом, когда массы колеблющихся интеллигентов уходят от пролетариата, а оставшаяся социалистическая интеллигенция целиком сливается с пролетариатом.

Но это не так важно. Важен самый принцип. Почему в основу деления положены поиски интеллигенцией массы? Почему не представлять себе истории русского революционного движения, как периоды смены, когда носителем, истинным носителем революционной идеи являются определенные группы определенных классов?

Тогда в основу деления на периоды будет положен процесс зарождения и оформления передовых слоев пролетариата, как классовой партии, как раз в зависимости от тех основных процессов, которые являются двигателями истории. В таком случае будут иные периоды и вехи.

Но это—второстепенное замечание, ибо деление на периоды всегда до известной степени случайно и зависит от того, какие явления изучает историк.

Как бы спешно ни была издана книга т. Покровского, как бы ни смотрел на нее сам автор (он в предисловии называет свои лекции даже «суррогатом»), следует сказать, что изданный курс, несмотря на свой незначительный объем, затрагивает так много и таких важных вопросов, что пройти мимо них нельзя. Как совершенно правильно выражается автор, он связан с современностью, он дышит ею: в книге затронуты такие актуальные вопросы, как существование диктатуры пролетариата в мелко-буржуазной, крестьянской стране, как вопрос о деревенской бедноте, как вопрос об империализме и т. п.

И все это предложено читателю в блестящей стилистической форме, с массой фактического материала, с большим уменьем и знанием дела.

В. Невский.

П. И. РОЗЕНТАЛЬ. «Романовка» (Якутский протест 1904 г.) Из воспоминаний участника. Изд. «Книга». Ленинград 1924 г. Стр. 145.

Перед читателем проходит «кусочек быта» царской ссылки времен Плеве. Гнет царских тюремщиков начинает так сильно давить на политических ссыльных, что приводит якутскую ссылку к решению сорганизовать вооруженное сопротивление царским палачам. Центральным пунктом, где собирались в Якутске политические ссыльные, был дом якута Романова. В этом доме собрались протестанты. Отсюда все события, развернувшиеся впоследствии в Якутске в связи с этим протестом, как и судебный процесс «взбунтовавшихся» политических ссыльных, известны под названием «Романовка».

Описание «Романовки» в разбираемой книге интересно тем, что оно изложено одним из активных участников якутских событий 1904 г., когда над якутской ссылкой повис суровый режим, введенный вновь назначенным иркутским генерал-губернатором, графом Кутайсовым. Против этого режима «Якутка» решила протестовать. «Единственной целесообразной и осуществимой формой активного протеста,—говорит автор,—представлялось нам такого рода коллективное действие: съехаться и собраться ссыльным в возможно большем количестве, запереться и забаррикадироваться в каком-нибудь доме и выставить требования об отмене кутайсовских циркуляров» (стр. 17). 14 февраля 1904 г. было приступлено к осуществлению задуманного плана протеста.

Шесть глав книги (с III по VIII включительно) автор посвящает подробному описанию начала «Романовки», проведенному романовцами ряду дней в засаде, обстрелу «Романовки», переживаниям осажденных и их сдаче. Эти главы, в сущности, составляют центральное место книги; в них отражены те шатанья, которые проявлялись среди «романовцев», равно как и их отчаянная отвага и решимость бороться. «Якутские протестанты и якутские анти-протестанты,—читаем мы на стр. 20,—выступали друг против друга, как сторонники *массового*

действия против сторонников *индивидуального террора*, т.-е. как с.-д. против с.-р.». Но когда большинством решено было совместное выступление и протестанты собрались в доме Романова, то «первое впечатление было ощущение дикой силы и бесповоротного решения» (стр. 20).

7 марта «Романовка», как вооруженный протест, закончилась сдачей. Но среди «романовцев» было значительное меньшинство против сдачи. Вот как описывает этот момент автор: «меньшинство против сдачи было весьма значительно—40%, однако о неподчинении меньшинства большинству не могло быть и речи. Все авторитетные военные руководители Романовки — сам «диктатор» Кудрин, Бодневский, Теплов—высказались за сдачу» (стр. 68). И «романовцы» сдались.

В IX и X главах описывается следствие и суд над «романовцами», в остальных пяти главах приводятся записи из дневника автора, заносившего в свою тетрадь заметки, охватывающие период: январь—октябрь 1905 г. Эта часть книги менее интересна и немного ослабляет цельность впечатления. Но, в общем, сама «Романовка» описана в книге довольно рельефно и отчетливо знакомит читателя с якутским протестом против палачей дореволюционной царской России.

М. Зеликман.

М. Н. ЛЯДОВ. Как начала складываться РКП (большевиков). История Российской С.-Д. Раб. Партии. Изд. Комм. ун-та им. Я. Свердлова. Москва 1924 г. 434 стр.

Мемуары тов. Лядова выходят вторым изданием. Первое издание, как это обстоятельно рассказано в предисловии, вышло очень давно—в 1906 г. Срок немалый, и, казалось бы, такой опытный в партийных делах товарищ, как М. Н. Лядов, должен был бы принять во внимание это обстоятельство при издании своей книги, тем более что он сам-то склонен смотреть на свой труд не как на мемуары, а как на «историю». К сожалению, веяние времени не коснулось ко второму изданию труда почтенного ветерана движения: накоплено много новых материалов, написано множество воспоминаний, опубликовано достаточно документов, но все это прошло мимо т. Лядова. Книжка озаглавлена во втором издании так, что читатель вправе ожидать, что т. Лядов расскажет действительно о том, «как начала складываться РКП». Увы! читатель не найдет ответа на этот вопрос, ибо книга т. Лядова—любопытный образец мемуарного характера, снабженный во многих местах выписками из документов и вставками полемического характера, но никак не история РКП или русской соц.-демократии. Как мемуары, как работа видного участника русского рабочего движения, книга т. Лядова ценнейший памятник, незаменимый во многих отношениях, ибо мы в ней находим отражение того, как сами строители партии смотрели на наше прошлое, как они оценивали проходившие перед их глазами события. В этом отношении заслуживает внимания полемика т. Лядова с Акимовым, которой отводится довольно почтенное место. Полемика эта в высшей степени интересна, так как в ней отражается то, как бывший искровец, большевик, оценивал экономизм, как он рассматривал и объяснял оппортунизм в русском рабочем движении.

Но именно потому, что эти две черты—мемуарный характер книги (автор частенько обращается к своему опыту и практике) и ее полемическая часть—и делают прежде всего книгу не историей, а мемуарами, памятником полемической литературы 900-х годов.

В самом деле, т. Лядов, упрекавший других авторов, что они мыслят возникновение русской соц.-демократии будто бы из одного источника, группы «Осв. Труда», казалось бы, должен был показать и другой источник возникновения соц.-демократии.

Что же мы видим?

Рассказав в первой главе очень кратко о настроении общественных групп и эволюции народников, т. Лядов переходит к описанию рабочего движения 70-х и 80-х годов.

И рассказ о настроениях, и рассказ о рабочем движении очень кратки. Мало того, в этих рассказах нет картины той экономики, на которой развивались и

рабочее движение, и революционные настроения 70-х и 80-х годов.

Экономике этого периода уделены всего первая, да часть второй страницы. Этого, конечно, маловато, при чем и в этом малом встречаются такие места, которые могут подать повод к недоразумениям; сравнивая народников 70-х и 80-х годов, т. Лядов, напр., выражается так: «Реакционность народников 80-х годов усиливалась еще и тем обстоятельством, что они не хотели видеть, что в России нет уже той сплоченной однородной массы народа, к которой обращались и которую могли предполагать революционеры-семидесятники. Россия расчленилась. Зарождался уже класс рабочих и класс предпринимателей» (стр. 20).

Тов. Лядов говорит о 80-х годах, когда даже официальная статистика на одних фабриках и заводах, не обложенных акцизом, считала около миллиона рабочих (по очень неточным цифрам Туган-Барановского в 1889 г. 716 . чел.).

Сказать, что в 80-х или даже в 70-х годах зарождался класс рабочих и предпринимателей, это—искажать действительность и истину: даже комсомолец знает теперь, что «класс рабочих и предпринимателей» зарождался не в 80-е, не в 70-е и даже не в 60-е годы, а немножко пораньше.

Но не будем ставить каждый промах в вину автора,—книга писалась давно, а просмотреть ее до мелочей не было времени.

Перечислив всего 12 стачек за период 1875—1885 годов, т. Лядов переходит к характеристике стачечного движения 70-х и 80-х годов. Здесь тоже имеются удивительные выводы и замечания. Так на стр. 27 мы узнаем, что в 70-е и 80-е годы «борьба между трудом и капиталом не была еще классовой борьбой пролетариата с буржуазией».

«В каждом отдельном случае это была еще борьба определенной группы рабочих против определенной, специфической формы эксплоатации, присущей определенному предприятию, часто даже личности определенного предпринимателя».

Речь, повидимому, идет о том, что рабочее движение 70-х и 80-х годов носило стихийный характер, что оно не было соц.-демократическим; это, конечно, верно, но неверно то, что в 80-е, напр., годы стачки направлялись «против определенной специфической формы эксплоатации, присущей определенному предприятию». А разве штрафы, против которых протестовали Морозовские ткачи и вслед за ними рабочие других фабрик, не были повсеместным явлением?

Но не в этих мелочах дело, а в том, что вся картина рабочего движения 70-х и 80-х годов обрисована неполно, неясно и отрывочно. Тов. Лядов ничего не знает о Южно-Русском Союзе Рабочих в Одессе 70-х годов; он также не знает о Южно-Русском Рабочем Союзе Ковальской и Щедрина в Киеве 1880 года; он не знает вообще рабочего движения 70-х и 80-х годов. Ибо, если бы он знал его, он не ограничился бы кратким пересказом Плеханова о Северно-Русском Рабочем Союзе. Это было понятно и извинительно тогда, в 1906 году, когда материалов по истории рабочего движения почти не было; теперь же такой материал, хотя и небольшой, имеется.

Вследствие этого и получается у тов. Лядова такое представление, что революционные кружки рабочих «не руководят забастовкой и не решают начала ее, — они служат лишь исполнительным аппаратом для воли всей массы» (стр. 25).

И Южно-Русский Союз Рабочих и Северно-Русский Союз и Союз Ковальской и Моисеенко, как известно, руководили сознательно забастовкой, а в Одессе, в Киеве и в Орехове, было бы известно т. Лядову, руководители забастовок решали «и начало» их.

Тов. Лядов может сказать: да ведь это исключение, подтверждающее правило, т.-е. что 70 — 80-е годы характеризуются *стихийным* рабочим движением. Да ведь об этих исключениях и говорит тов. Лядов, утверждая, что революционные кружки рабочих «не руководят забастовкой и не решают начала ее».

Незнание рабочего движения 70-х и 80-х годов и отношения к этому народников 70-х и 80-х годов и является причиной того, что эволюция народников Плеханова, Аксельрода и их товарищей к марксизму нарисована им неполно и неточно: ему остается совершенно неизвестной та эволюция к марксизму,

какую пережил Плеханов еще в России, он ни слова не говорит о статьях Плеханова в «Земле и Воле» и в «Черном Переделе»; он не потрудился проследить эту эволюцию у Аксельрода. А ведь теперь, кажется, можно это сделать: издан и «Черный Передел», имеются и воспоминания Аксельрода.

Еще хуже дело обстоит с развитием соц.-демократических организаций в России.

Тов. Лядов останавливается только на группе Благоева и пользуется одной статьей Кольцова, приложенной к «Истории революционного движения» Туна. Он не знает даже подлинной программы группы Благоева, опубликованной в «Былом» Б. Николаевским, и повторяет неверные и устарелые утверждения об этой программе и группе. Орган Благоевской группы «Рабочий» т. Лядову либо неизвестен, либо он полагает, что статья Плеханова и Аксельрода во втором номере типична для благоевцев, так как статью Плеханова он цитирует почти целиком.

Если т. Лядов убежден в последнем (а это, повидимому, так, ибо на стр. 47 т. Лядов уверяет, что группа «Осв. Труда» и благоевцы «окончательно сговариваются между собой»), то это просто неверно, так как для мировоззрения благоевцев характерны не статьи Плеханова или Аксельрода, а статьи самих благоевцев, как небо от земли отличающиеся от статьи Плеханова; если же т. Лядову неизвестны эти статьи, то зачем брать на себя смелость утверждать, что благоевцы и группа «Осв. Труда» «окончательно сговариваются между собой».

О других рабочих организациях 80-х годов, напр., кружке Абрамовича с его интересной программой у т. Лядова ни слова!

И уж, конечно, нет у него ни звука и о других рабочих организациях переходного типа 80-х годов (напр., Мельниковский), ибо никакой картины образования соц.-демократии в России 80-х годов у т. Лядова нет. А еще упрекает т. Лядов других авторов, что они всё выводят от группы «Осв. Труда».

Зато Московской организации у тов. Лядова уделено много внимания. Это было бы хорошо, если бы т. Лядов смотрел на свой труд, как на мемуары, а то ведь он смотрит на себя, как на историка. И получается вследствие этого следующая картина развития русской соц.-демократии в России 80-х годов: «Рассеянные по всей России бывшие заграничные студенты-ученики членов группы «Освобождение Труда» и высланные из Питера после Благоевского провала распропагандированные им молодые люди собирали повсюду вокруг себя небольшие группки лиц, которые серьезно принялись за изучение экономических вопросов. К концу 80-х годов мы встречаем уже такие группки в Питере, Москве, Минске, Вильне, Самаре, Саратове, Казани, Одессе, Туле, Киеве и во многих других местах» (стр. 53).

То, что утверждают, обыкновенно доказывают, а т. Лядов этого мудрого правила не признает, ибо если бы он признавал его, то показал бы, какие именно студенты завезли в Казань, Одессу, Москву, Тулу, Самару, Саратов и т. д. 80-х годов соц.-демократические идеи и связи от группы «Осв. Труда». Сами деятели, как известно, недавно опубликовали нечто другое: как известно теперь из материалов, опубликованных за границей по Аксельроду, на котором именно лежали обязанности сношений с русскими кружками, после провала группы Благоева до самого начала 90-х годов так и не удалось завязать сношений с русскими организациями (письмо к одесским кружкам относится к 1887 г., но практических результатов это письмо не дало, как не дали таких результатов и письма к Сицкому); Д. Б. Рязанов, уже в начале 90-х годов побывав за границей, основывает соц.-демократическую организацию независимо от группы «Осв. Тр.» (см. стр. 135 и 231 «Из архива П. Б. Аксельрода», Берлин 1924 г.). А к Варшавскому и Московскому кружкам Аксельрод писал в 1893 и в 1896 годах.

Что же это были за студенты и за связи, т. Лядов?

Точно так же интересно знать, что это за молодые люди, «высланные из Питера после Благоевского провала и распропагандированные им» (т.-е. не провалом, как можно понять из нерус-

ского построения фразы т. Лядовым, а Благоевым), устроили марксистские кружки в Саратове, Казани, Самаре, Туле и т. д.

Кто из благоевцев попал в Саратов, Казань, Тулу, Самару? По приговору никто туда не попал, а о других последователях Благоева, ускользнувших от полиции и попавших в эти города, что-то не слышно.

Мы знаем о Пензе, где благоевцы действительно составляли кружок, но Пензу как раз Лядов и не называет. Конечно, автор мемуаров не обязан все помнить, но было бы, конечно, хорошо, если бы он оговорил это хотя бы такими фразами: «насколько я помню», «как передавали такие-то» и т. п.

Зато о действительных организаторах первых марксистских кружков и, главное, о характере этих кружков в русской провинции 80-х годов т. Лядов не говорит ни слова: нет у него ничего ни о кружках Федосеева, ни о Скворцове, ни о Григорьеве; т. Лядову остались неизвестны все новые материалы по этому вопросу.

О соц.-демократических организациях 90-х годов у т. Лядова тоже сведения более чем скудные—Москва, Петербург, отчасти Иваново-Вознесенск, — вот те города, где описаны организации 90 г.г., а между тем, и в эти годы детальное рассмотрение всех организаций очень важно, так как только в 90-е годы соц.-демократическая организация теряет свой переходный характер.

Впрочем и то, что сказал т. Лядов, например, о Петербурге 90-х годов, весьма отрывочно и неудовлетворительно, много неточностей и ошибок: так, очень мало сказано о Брусневской группе, о том рабочем центре, который служил базой для брусневцев; основание Екатеринославского, Иваново-Вознесенского и Южно-Русского Союза (в Николаеве) отнесено к 1894 г., когда это в действительности было во второй половине 90-х годов (стр. 95); автором первой майской речи в Питере в 1891 г. назван почему-то А. Бабушкин, когда Бабушкина на маевке совсем никто из участников не помнит, и произносил эту речь Н. Богданов и т. д.

Но это все ошибки памяти мемуариста, а вот уж то обстоятельство, что такой видный участник движения, как т. Лядов, совсем забыл о роли В. И. Ленина в истории развития русской соц.-демократии—это уж совсем непонятно. Говоря о борьбе народников с марксистами, т. Лядов рассказывает о «Критических заметках» Струве, о плехановской работе—«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и ни словом не заикается о такой работе, как «Что такое «друзья народа» и как они воюют с соц.-демократами», не говоря уже о том, что о роли Ленина в Казани, в Самаре, о его связях с Москвой, с Нижним т. Лядов совершенно умалчивает.

Точно так же вопрос о первом съезде у т. Лядова не освещен на основании литературы, изданной после 1906 г. (воспоминания Б. Эйдельмана, П. Тучапского, документов о съезде и т. д.), не рассмотрена история созыва этого съезда, остались старые ошибки, на которые указал т. Эйдельман, не подвергнута анализу «Рабочая Газета» киевлян и т. д. и т. п.

История Пет. Союза Борьбы не освещена новыми материалами, хотя бы, скажем, воспоминаниями Н. К. Крупской, если уж т. Лядов боится «Записок Соц.-Демократа» Мартова; при изложении экономизма, зубатовщины, как и вообще при изложении истории второй половины 900-х годов, не использованы хотя бы главнейшие новые данные, опубликованные за последнее время.

В коротенькой рецензии нет возможности подробно рассмотреть страницу за страницей мемуары старого товарища, но уже из сказанного видно, что труд т. Лядова—мемуары, а не «история»; это записки, иногда очень интересные, занятные, так как их пишет старый работник, но, как и всякие записки, даже с полемикой, они преисполнены ошибок и неточностей; правда, здесь нет таких легенд, какую сочинил т. Лядов в другой своей книжечке «25 лет РКП», сказавши, никогда от роду не видав «Зари Рабочего» Халтурина, что этот листок имеет много статей и, в том числе, передовую, но все же и в новом издании своей книги т. Лядов повторил свои старые ошибки, не принял во внимание новых

материалов, отнесся небрежно к своей задаче и напрасно издал свои мемуары под видом «истории». Если бы не известное, правда небольшое, число исследователей истории революционного движения, которым за редкостью первого издания следует приобрести второе издание книги т. Лядова, то книгу не следовало бы и выпускать: для обучения молодежи она не годится, а как историческое исследование она не имеет никакой цены.

В. Невский.

Ю. КАМЕНЕВ. Две партии. С предисловием Н. Ленина. Государств. Изд. Ленинград 1924 г. XVI+204 стр.

Нынешнее издание книжки «Две партии» повторяет без изменений работу автора, вышедшую в свет нелегально в 1911 г. Тов. Каменев сознательно не вносит в нее никаких изменений, стараясь сохранить в ней характер исторического документа, «имеющего значение и для истории большевизма, и для характеристики взглядов Ильича в известный исторический период». Вл. Ильич, когда-то побудивший автора к написанию этой книжки, снабдил ее своим предисловием, так сказать, «ленинским паспортом», удостоверяющим ее роль подлинного выражения большевистских взглядов на так называемые отзовизм и ликвидаторство в эпоху 1909—1911 г.г. Характеризуя «бесформенное легальное объединение» ликвидаторов, Ильич выражается очень решительно: «Это—не имеющая ничего общего с Р.С.-Д.Р.П. группа литераторов, ведущая не социал-демократическую, а либеральную рабочую политику. Это—деятели *столыпинской* «рабочей партии»». Доказательству этого положения и посвящена, главным образом, работа т. Каменева.

Начинается исследование автора с исторической справки о подлинных причинах и фактических обстоятельствах разрыва ликвидаторов с Р.С.-Д.Р.П. Мартов придумал три причины этого разрыва—в плоскости каких-то непереносных для меньшевиков «прегрешений» ЦК («ультрафракционная тактика большинства ЦК», его «роль ширмы при заграничном большевистском центре» и «анти-социал-демократическая деятельность ЦК и его агентов и органов по отношению к с.-д. движению во всех его направлениях»). Восстановляя правду, т. Каменев рисует подлинную историю разрыва: меньшевистская кампания за так наз. «рабочий съезд» в 1907 г., выступление Череванина и К⁰ с лозунгом «Долой партию» в 1908 г., предложение членов ЦК меньшевиков о самораспущении партии в 1908—1909 г.г., продолжение меньшевистскими цекистами политики бойкота ЦК в 1910 и 1911 г.г.,— вот те этапы, через которые фактически шли меньшевики в своем самоопределении. Под этой организационной поверхностью скрывался внутренний неудержимый процесс гниения и разложения меньшевизма. Уже в 1909 г ликвидаторы провозгласили во всеуслышание устами Потресова и литераторов из «Голоса С.-Д.», что партии нет, что и ликвидировать-то нечего. С этой ступеньки ликвидаторская мысль скоро взобралась и на следующую: российскому пролетариату и не нужна вовсе Р.С.-Д.Р.П. Мартов, взявший на себя главную роль адвоката ликвидаторства и даже пытавшийся дать соответствующий политический тон в этом направлении еще на Лондонском съезде (в 1907 г.), потом свел свою задачу к упорному и постоянному опорочению партии, не брезгая ложью и пускаясь на путь шантажа, изображая партию шайкой экспроприаторов, культивирующей нечаевщину и насаждающей провокацию. Главное препятствие к водворению мира в партии, по его словам, заключается «в антипартийных, уголовно-преступного характера средствах, применяемых большевиками».

Впрочем, у ликвидаторов была и своя положительная практическая программа, которую автор «Двух партий» характеризует так: «Россия *конституционно* обновляется, буржуазия *вползает* в эту новую Россию, а за нею *ползет* пролетариат, отнюдь не запугивая свою руководительницу — буржуазию..., «носительницу освободительных тенденций»» (стр. 67). Основной предпосылкой этой программы являлось отрицательное от-

ношение ликвидаторов к идее гегемонии пролетариата в общенациональной борьбе с самодержавием. Отсюда следует естественный вывод, который и делает откровенная ликвидаторская «Наша Заря»: «Политическим центром притяжения для демократического крестьянства должна была бы стать городская буржуазная демократия». Что же касается рабочего класса, то он, по мнению ликвидаторов, отказавшись от непосильных ему задач—быть гегемоном, тянуть за собой крестьянство, бороться с либералами, вести свою самостоятельную политическую линию, должен ограничиться задачами «классовой (?) борьбы», что на языке ликвидаторов означало отказ пролетариата от борьбы за полный демократический переворот и подмена ее борьбой за постепенное расширение прав рабочего класса в обстановке режима 3 июня.

В связи с этой возвращающейся к позиции авторов пресловутого «credo», программой должны измениться и формы деятельности новой «партии», которая обещает вырасти на развалинах старого подполья: это будет «открытая рабочая (?) партия», действующая в пределах, отведенных столыпинским режимом легальных «возможностей» и ведущая борьбу за легальность. И большевики не отрицали легальных методов партийной работы (очень часто на практике превосходя самих защитников «легальных возможностей» по части использования этих возможностей), но отнюдь не для принижения тех основных революционных задач партии, которые для своего решения требуют методов именно подпольной работы: «иное дело,—говорит автор рецензируемой книги,—*использование* Р.С.-Д.Р. Партией столыпинских возможностей, другое дело—*ограничение* партийной работы этими возможностями» (стр. 85).

Таким образом перед Р.С.-Д.Р.П. мало-по-малу вставал и, наконец, встал во весь свой рост лозунг отмежевания от ликвидаторов; необходимо было для всех партийцев сделать выбор—или удержать партию революционного пролетариата в ее старых рамках, или вместе с легалистами откатиться в сторону либеральной буржуазии, поставивши крест над революционной партией рабочего класса. Однако и в этот момент нашлись партийцы, пытавшиеся занять серединное, промежуточное положение и поставившие перед собой очень неблагодарную задачу «примирить» тяжущиеся стороны. Классическим примером такого «примиренчества» оказался «троцкизм», доказавший, по словам автора книги, что «примиренчество неудержимо скатывается к защите ликвидаторства, решительно становится на сторону последнего» (стр. 136). Энергично выступая против этой болезни своего времени, автор объясняет ее, как результат «спертой атмосферы контр-революции». При первых же признаках оживления рабочего движения «весь «троцкизм» выльется лишь в то, что его адепты будут перебегать от одного лагеря в другой». «Бессильный выдвинуть собственную тактику, он будет свидетельствовать свое примиренчество тем, что повторит свою роль в 1905—6—7 годах: сегодня приват-звонарь меньшевизма («Наши политич. задачи»), почти акимовец,—завтра защитник диктатуры пролетариата; сегодня сотрудник меньшевистского «Начала»—завтра ищет приюта в большевистской «Волне»; сегодня защитник блоков с кадетами—завтра пытается найти опору в воззрениях Розы Люксембург; сегодня сотрудник «Пролетария» (1908—1909 г.г.)—завтра союзник «Голоса» и «Вперед» («Голос С.-Д.» — орган меньшевиков, «Вперед»—газета отзовистов. *П. Л.*). Так было, так будет, когда звонкая фраза перестанет удовлетворять аудиторию, когда беспринципность перестанет цениться дороже принципа» (стр. 142).

Глава IV книги («Оргия шантажа») посвящена описанию методов борьбы Мартова со своими политическими противниками. Даже один из меньшевиков (Десницкий) в ужасе отшатнулся от кошмарной картины политического шантажа, до которого опустился лидер ликвидаторства. «Неужели... — восклицает он,—тяжело, трудно выговорить... неужели перед нами обыкновенный «уголовно-преступный» шантаж? Мы будем молчать, но не троньте ликвидаторов»... В «приложениях» читатель найдет подробный разбор тех «разоблачений», с

которыми Мартов выступил против «Большевистского центра» к великому удовольствию охранки.

С внешней стороны книгу можно считать изданной хорошо, хотя, к сожалению, и в ней встречаются опечатки. Напр., на стр. 49 автор «Истории Германской С.-Д.» назван Мартовым (вместо Меринга); на стр. 1 говорится о ЦУ (вместо ЦК) и т. д. Можно пожалеть также, что автор путем примечаний не расшифровал своих конспиративных обозначений упоминаемых в книге лиц: напр., на стр. 52 упоминается М-д-м (очевидно, Медем—известный бундовец), на стр. 75 фигурирует «виднейший меньшевик» Ан (псевдоним Жордания), или К. Ст. (вероятно, т. Сталин) и т. д. Очень жаль, что фигурирующий в приложениях Z, разоблачаемый т. Каменевым, как очень нечистоплотный тип, не назван по имени. Современный читатель-партиец имеет право знать от своих историков имена как друзей партии, так и ее заклятых врагов.

П. Лепешинский.

ФРИЦ ПЛАТТЕН. Ленин из эмиграции в Россию Март 1917 г. Предисловие Н. К. Крупской. «Московский Рабочий». М. 1925 г. 140 стр.

Проезд через Германию в «запломбированном» вагоне первой партии русских политических изгнанников во главе с т. Лениным в апреле 1917 г. явился первым прорывом блокады, которой нас окружили наши «союзники» с первых же дней революции. Вокруг этого необычайного шага — проезд через неприятельскую территорию с ведома и согласия «неприятеля» был таким необычайным, таким несогласным с буржуазным патриотизмом поступком,—что именно вокруг этого проезда и сосредоточилась вся газетная шумиха тех дней. Разжиганием политических страстей на патриотической почве думали газетные писаки и их вдохновители отвести внимание трудящихся от программы русской революции, которую привез из Швейцарии т. Ленин. Чтобы не говорить по существу о земле, о рабочем вопросе и о власти трудящихся через власть советов, чтобы не говорить по существу о тезисах 4 апреля, самое лучшее было расписывать вопросик о «запломбированном» вагоне. Интересно тут же отметить, что только Ленин и приехавшие с ним большевики были подвергнуты «общественному» порицанию,—не только проехавшие этим же путем Мартов и другие меньшевики не были осуждены, но даже спутников Ленина же, не большевиков, не коснулось «общественное» порицание.

Книга т. Фр. Платтена, непосредственного устроителя этой поездки, товарища, на которого и были возложены переговоры с германским правительством, богато документированная, является ценнейшим материалом для понимания этой поездки: перед нашими товарищами, сидевшими в нейтральной Швейцарии, не было иного пути, чтобы попасть в Россию, как через Германию. И надо было решиться на этот путь, чтобы принять деятельнейшее участие в революции.

В книгу вошли следующие материалы. Статья самого Платтена «К истории возвращения в Россию в 1917 г. русских эмигрантов, живших в Швейцарии», с массой интересных бытовых черточек, рисующих этот переезд. В статье и затем в приложениях разбирается роль в организации поездки и дальнейшая уже в России Роберта Гримма, закончившаяся его высылкой из России, как агента Германии. И мы поразимся той прозорливости, с какой т. Ленин отвел Гримма от организации проезда через Германию, опасаясь, что этот швейцарский мещанин захочет сыграть мировую роль всеобщего умиротворителя. А вместе с тем в каком мизерном виде рисуются и нравы швейцарской с.-д., которая решила покрыть этот чисто германофильский шаг Гримма (см. приложенные документы). В приложении дан среди другого материала доклад Ленина о русской революции 31 марта 1917 г. в Цюрихе, в котором в значительной степени выражены идеи тезисов 4 апреля, особенно о власти Советов, как новой формы государства, и о тех путях, которые приведут нас к миру. Заклеймено в нем и стремле-

ние к формальному единству всей тогдашней с.-д. от оборонцев и до ленинцев.

Еще в приложении даны воспоминания о поездке т.т. Ганецкого, Зиновьева, Крупской и Радека. Превосходно изданная книга должна найти место во всех рабочих библиотеках.

Ст. Кривцов.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ РАБОЧИЕ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ. 1917 г. Ленингр. Истпарт. Ленгиз. 1924 г. 170 стр.

Редакция сборника в предисловии правильно указывает, что до сих пор еще мало известно и мало написано о том, что происходило перед Окт. революцией на самих фабриках и заводах, «этих главных гнездах и очагах революции»...

Восполнить, хотя бы частично, эту огромную брешь—и пытается настоящий сборник.

Редакцией Сборника был намечен следующий план: отдел 1) «Нарастание Октябрьского вала», куда входят основными составными элементами: 1) апрельские дни, 2) 10 и 18 июня, 3) июльские дни, 4) от июльских дней к Октябрю и II большой отдел—«Красный Октябрь», охватывающий непосредственную подготовку к восстанию и заканчивающийся речами т.т. Троцкого и Ленина на заседании Петроградского Совета 25 октября. Кроме того, — каждый новый отдел редакция открывает статьей т. Ленина, характеризующей всего полнее тот или другой этап в нашей революции.

Что касается освещения как апрельских, так и июньских дней, в распоряжении редакции, видимо, было мало нового материала, и потому там много перепечаток из «Правды» тех дней и журнала «Красная Летопись». Приводятся резолюции некоторых предприятий. Хорошо описана демонстрация 18 июня, но почти ничего не говорится, как шла подготовка к демонстрации на самих предприятиях.

А между тем известно, особенно хорошо это знают все те, кто работал тогда в Питере, что отмена демонстрации 10 июня была встречена на фабриках и заводах с глубочайшим возмущением, что делегатов I Съезда Советов чуть не прогоняли «взашей».

«Прочтем свою «Правду», увидим, тогда и поверим», говорили рабочие на заявления меньшевистско-эсеровских делегатов, что демонстрация отменена. Затем, ничего не говорится о настроении в *гарнизоне*. А это был очень существенный момент в развертывании революционных событий.

И, наконец, существенным упущением, по нашему мнению, является то, что ни словом не упоминается о наступлении 18 июня и как на него реагировал Петроградский пролетариат и гарнизон. Богаче и качественно, и количественно (37 — 89 стр.) представлен отдел июльских дней.

В качестве недостатка можно указать, что материал не подобран достаточно выпукло и ярко, и не все районы одинаково хорошо представлены.

Так, например, огромный район Петр. стороны представлен одной небольшой заметочкой о зав. Дюфлон; не упоминается совсем о таких заводах, как Треугольник, Обуховский зав. и др. Есть материал о флоте и, опять-таки, почти ни слова о гарнизоне. А это, конечно, большой пробел. Отдел IV представлен интересными статьями: «Корниловские дни» Бонч - Бруевича, о «Демокр. Совещании» А. Шляпникова, но все-таки это непосредственно мало затрагивает узкую определенную цель, которую поставила себе редакция,—*как* реагировали рабочие на ленинградских заводах и фабриках на корниловское наступление. Как, благодаря только их бдительности, энергии, самоотверженью, не удалось бело-генеральское покушение на революцию—об этом не говорится ни слова.

Из воспоминаний о первых боях Окт. рев. выделяются статьи т.т. Лашевича, Дыбенко.

Очень немного материала о формировании Красной гвардии на отдельных предприятиях.

В статьях о настроении на фабриках всюду отмечается огромный энтузиазм женщин.

Работницы провожали красногвардейцев криками: «Не возвращаться без по-

беды!», сами уходили сестрами милосердия и т. д.

К сожалению, редакция не отметила ни одной статьей огромного движения работниц, которое привело к удивительной, захватывающей конференции (представлявшей около 80.000 работниц), имевшей место 27 октября.

Мы полагаем, что сборник следует рассматривать, как «черновую» книгу по пути действительного осуществления задач, поставленных себе редакцией.

Сборник издан в количестве 15.000 экз., так что он, повидимому, рассчитывает на широкого, массового читателя.

Поэтому, нам казалось, что в сборнике следовало бы в конце дать небольшую хронологическую табличку важнейших революционных событий с февраля по Октябрь 1917 г. Пожалуй, сборник выиграл бы, если бы были помещены иллюстрации (важнейших предприятий, тогдашних центров борьбы, активных работников фабрик и заводов, снимки демонстраций и т. д.).

К недостаткам сборника нужно отнести еще два чисто-технических момента: он напечатан на плохой бумаге и скучно сверстан...

Но и при всех своих недостатках сборник сохраняет волнующий аромат этих великих, боевых дней.

Р. Ковнатор.

Я. КАЛЬНИЦКИЙ. От Февраля к Октябрю. Воспоминания фронтовика. Гос. Изд. Украины. 1924 г. 156 стр. Тир. 5.000.

Во всей нашей довольно большой исторической литературе о 1917 годе мемуары участников боевых фронтов старой армии того времени занимают слишком скромное место.

Рецензируемая книжка внесет в эту литературу много интересного материала. Написана она не крупным политическим работником, а скромным солдатом («ефрейтором»), состоявшим председателем полкового комитета в одном из боевых фронтовых (не тыловых!) полков. В этом и заключается новизна этой книжки. «Почти» рядовой солдат, автор *знает* солдатскую массу, с которой он теснейшим образом связан.

Далекий от какой бы ни было политической и партийной ориентации, он в первые месяцы Февральской революции как будто во власти керенщины. Но внутренняя логика углубляющейся революции вносит резкие изменения в настроения солдатской массы. И тут-то происходит любопытное явление: председатель полкового комитета левеет вместе с массой, под давлением ее.

Вот эти-то моменты нарастания конфликтов, заострения противоречий, выявления противоположностей двух миров в своем же полку,—все это передает нам автор с чуть ли не фотографической полнотой.

Вот, например, наудачу взятый нами эпизод. Накануне наступления 18 июня.

«Казалось,—говорит мемуарист,—без слова протеста, связанный словами и резолюциями, по инерции, понесет полк жизни своих солдат на алтарь войны.

«Но неожиданно, перед самым наступлением, утром 18 июня, опять начались стычки с начальством. На этот раз 3 батальон отказался итти на работу по укреплению 3 линии. Отказ солдаты мотивировали тем, что для наступления незачем укреплять тыловые позиции. От этих разговоров незаметно перешли к критике самого наступления. Но жажда мира через победу и кажущаяся близость последней были сильней голоса разумных, трезво смотревших на вещи товарищей.

«Большевики продались немцам, они не хотят допустить нашей победы!», «Долой большевиков!» — эти реплики овладели полковой речью 18 июня. Середины, равновесия духа в то время не могло быть, и понятно, что, отойдя от одной крайности, солдаты сейчас же впадали в другую.

«Начальство не преминуло воспользоваться таким настроением полка, чтобы изъять двух наиболее активных «большевиков»». «Характерно, — добавляет автор,—что только весть об их аресте достигла солдатских масс, как недовольство большевиками сменилось ропотом: «на каком основании арестовали наших»» (стр. 43).

Здесь чувствуется, как вся солдатская масса, усыпленная Керенским и его компанией, тщетно ищет выхода.

В таком же виде разбросаны по всей книжке весьма ценные штрихи и наблюдения автора. Мемуары доведены до Октябрьских дней, когда полк, двинутый на Петроград, перешел на сторону Советской власти.

Книжка написана в полубеллетристической форме, изложение страдает некоторой расплывчатостью. Тем не менее, многие страницы дышат непосредственностью. Картина боя и конец наступления в описании автора достигают большой силы.

И. Волковичер.

Н. Н. ПОПОВ. Мелко-буржуазные антисоветские партии. 2-е издание. Издательство «Красная Новь». Москва 1924 г. Стр. 117. Тираж 10.000.

В процессе ожесточенной классовой борьбы семи лет нашей пролетарской революции рабочий класс подмял под себя ряд мелко-буржуазных партий, разоблачил их контр-революционную природу и вывел их в политический тираж, как доказавших свою явную несостоятельность. Но было бы большой ошибкой успокоиться на этом и отказаться от изучения идеологии и классовой природы этих антисоветских партий, только на том основании, что эти партии сейчас разгромлены и реальной силы не представляют.

Поэтому нельзя не приветствовать книжку Н. Н. Попова, выходящую уже вторым изданием и посвященную, главным образом, двум антисоветским партиям—эсерам и меньшевикам. Эти партии прошлого еще лелеют надежды на свое возрождение. Их лидеры, находясь за рубежом, очень много пишут в своих листках и журнальчиках о том, что они имеют корни в «социальной природе» современной России. В переводе на наш язык это значит, что они рассчитывают на мелко-буржуазную природу большинства населения нашей страны. Они полагают, что 80 процентов мелкой буржуазии в виде русского крестьянства—база для их реставрационных мечтаний. Реальны ли эти надежды?

На этот вопрос тов. Попов в своей книжке дает ответ. Анализируя классовую основу мелко-буржуазных партий и историю борьбы этих партий, как «защитников» интересов крестьянства, он делает вывод: «У партий, бравших на себя защиту особых специфических интересов крестьянства, выходило так: что они или же *сбивались на защиту интересов капитала*, поскольку они держались с буржуазными слоями крестьянства, или, поскольку они тяготели к середнякам и беднякам, последовательная защита этих слоев крестьянства влекла их на точку зрения пролетариата». На последний путь встала партия большевиков, на первый встали эсеры и меньшевики, которые позднее скатились в вязкое болото контр-революции. Как это случилось, автор показывает на ряде примеров, заимствованных из истории партии эсеров и меньшевиков в эпоху от 1905 до 1917 г.г.

Давая оценку современной тактики меньшевиков, автор формулирует ее так: меньшевики «добиваются возвращения промышленности в руки частных предпринимателей и возвращения политической власти этим предпринимателям и эксплоататорам». Иными словами, меньшевизм сейчас твердо становится на позиции буржуазной демократии или вернее «буржуазной реставрации» и в этом почти ничем по существу не отличается от самого правого крыла эсеров (Авксентьев и К⁰), которое настаивает на *необходимости реставрации капитализма без всяких «социалистических дополнений»*.

Эти «социалистические дополнения» были фиговым листком, при помощи которого В. Чернов хотел прикрыть безобразие эсеровской наготы. Сейчас этот фиговый листок отвалился, и эсеры выступают, как откровенные контр-революционеры.

Шесть лекций, из которых составилась книжка тов. Попова, представляют большой и интересный воспитательный материал, крайне нужный для нашей молодежи, которая знает об эсерах и меньшевиках больше по наслышке, ибо ей не пришлось с ними сталкиваться, как массовой партией в условиях кон-

кретной действительности последних лет. Между тем, окружающая нас мелкобуржуазная стихия—достаточное основание для того, чтобы мы держали оружие критики, направленное против мелко-буржуазных партий, всегда готовым. Поэтому мы не можем не пожелать книжке тов. Попова самого широкого распространения.

Вл. Виленский-Сибиряков.

ДЕЛО БОРИСА САВИНКОВА. Со статьей Б. Савинкова «Почему я признал Советскую власть». С предисловием Ем. Ярославского и статьями К. Радека, П. Шубина, М. Шаронова, В. Милютина, А. Мак-Мануса, В. Ульриха и А. Луначарского. Госиздат. 1924 г. 160 стр. Тираж 35.000.

Тов. Луначарский в своей характеристике Бориса Савинкова называет последнего «артистом авантюры», влюбленным в роль «слуги народа». При чем самое «служение» народу у Б. Савинкова «сводилось к утолению более или менее картинными подвигами ненасытного честолюбия и стремлению постоянно привлекать к себе всеобщее внимание». Верно ли это? Нам думается, что да.

Прочтите письменное показание Б. Савинкова, его последнюю статью «Почему я признал Советскую власть» и судебное разбирательство и перед вами вырастает фигура действительно большого артиста авантюры. Артиста, порой талантливого, всегда наглого и смелого, который умел находиться при разных обстоятельствах; который нашелся в момент своего ареста, когда он был арестован на территории СССР с фальшивым паспортом на имя Степанова; который нашелся перед лицом революционного трибунала и заявил о своем признании Советской власти.

Прочтите эти строки его письменного показания, которыми он начинает это показание: «Я, Борис Савинков, бывший член боевой организации ПСР, друг и товарищ Егора Сазонова и Ивана Каляева, участник убийства Плеве и вел. кн. Сергея Александровича, участник многих других терр. актов, человек, всю жизнь работавший только для народа и во имя его, обвиняюсь ныне рабоче-крестьянской властью в том, что шел против русских рабочих и крестьян с оружием в руках. Как могло это случиться?» Прочтите, затем переверните несколько страниц и прочтите показания Савинкова на судебном заседании ревтрибунала, и перед вами вырастет большая и сложная авантюра, героем которой был он—Борис Савинков, мало разборчивый в средствах борьбы и бесхребетный по своим моральным устоям.

Однако, как действительно случилось, что Борис Савинков признал Советскую власть? По его словам, он сделал это потому, что убедился, что—«яблоко красно внутри». Своим друзьям, находящимся за границей, он говорит: «*Пора оставить миф о белом яблочке с красной оболочкой*». И Борис Савинков обосновывает это рядом ссылок на цифры и факты нашей советской действительности. Он пишет: «На нашей стороне был «цвет» военных людей, и «цвет» ученого мира, и «цвет» общественности, и «цвет» дипломатии. По крайней мере, мы искренно так думали. Однако, красный командир из рабочих победил стратегов генерального штаба. Однако, крестьянин, член РКП, лучше понял смысл совершающихся событий, чем заслуженные и прославленные профессора. Однако, рядовой партийный работник ближе подошел к трудовому народу, чем патентованные народолюбцы. Однако, советские дипломаты оказались сильнее и тверже многоопытных российских послов. Прошло семь лет. Мы распылены. *Мы—живые трупы*. А Советская власть крепнет с часу на час». Здесь лежит ключ к признанию Борисом Савинковым Советской власти не только де-факто, но и де-юре, ибо советское яблочко оказалось на проверку красным внутри.

Собственно в этом признании Савинкова и заключается весь политический смысл процесса. Своим признанием Савинков прочитал отходную белому движению, которое догнивает в настоящее время на различных задворках Европы. «Эмиграция,—пишет Савинков,—живет испугом — воспомина-

нием о расстрелах и нищете». Но—резюмирует он—«испуг советчик плохой», поэтому Савинков делает попытку сменить вехи своих недавних убеждений на основе реальных фактов, которые говорят в пользу Советской власти. «Не будем смешивать ее (Россию) с эмигрантскими партиями. Не будем смешивать ее с помещиками и буржуазией. Россия—серп и молот, фабричные трубы и необозримые распаханные и засеянные поля. Но, если бы даже Россия гибла,—эмигрантскими разговорами ее не спасешь»... Таков приговор Бориса Савинкова белому движению, из стана которого он пришел на территорию СССР.

Ряд статей, посвященных процессу Б. Савинкова и собранных в рецензируемой книге, дает всестороннее освещение этого любопытного процесса наших дней. Дело Бориса Савинкова может и должно быть использовано, как прекрасный агитационный материал против наших противников из стана российской контр-революции.

Книга читается с захватывающим интересом.

Вл. Виленский-Сибиряков.

К. ШЕЛАВИН. Очерки русской революции 1917 г. Часть I. Февраль-июльские дни. Второе издание. Изд. «Прибой». Ленинград 1924 г. Стр. 185. Тираж 10.000.

Дискуссия, вспыхнувшая по поводу книги тов. Троцкого «1917 год», прежде всего показала, что дело с научной обработкой истории предоктябрьского периода обстоит из рук вон плохо. Сырого материала опубликовано сравнительно немало. Тут есть и мемуарная литература, и документы, и газетные и журнальные статьи, есть, наконец, такой первоклассный источник, как две части XIV тома Собрания сочинений В. И. Ленина. Но до сих пор нет ни одной серьезной сводной исторической работы, рисующей и анализирующей развитие революции с февраля по октябрь. Блестящая работа Н. И. Бухарина «Классовая борьба и революция в России» является мастерским социологическим этюдом, но никак не историческим исследованием. Выпускаемая Истпартом хроника может послужить только канвой для такого исследования. Не приходится говорить о научном значении эмигрантских памфлетов Милюкова и Деникина.

Только две книги претендуют на значение сводных исторических исследований о революции 1917 года: это—«Хроника февральской революции» Д. Заславского и В. Канторовича и рецензируемая книжка тов. К. Шелавина. Эти книги разделены полной противоположностью точек зрения: Канторович и Заславский пропитаны меньшевизмом, тов. Шелавин—коммунист. Отсюда—понятная разница в оценке, подходах, широте кругозора и т. д. Но вместе с тем в типе этих двух книг есть много общего—и та, и другая фиксируют главное внимание на так называемом прагматическом изложении истории, уделяя очень мало места социально-экономическому анализу.

Пользуясь книжной, журнальной и газетной литературой, тов. Шелавин дает фактическую картину развития революции с февраля по июль включительно, обрисовывает возникновение и деятельность Временного Правительства и Советов, эволюцию и роль политических партий, важнейшие массовые выступления. Там, где необходим социологический анализ, тов. Шелавин прибегает к огромным выпискам из Ленина, Троцкого, Бухарина. Так § 17 главы третьей целиком заполнен цитатами из статьи Ленина, § 25 той же главы целиком заполнен выдержками из брошюры Троцкого, § 8 четвертой главы состоит наполовину из ленинских цитат, наполовину из отрывков Троцкого.

Наибольшую историческую ценность в книжке представляет последняя глава, посвященная характеристике следствия и свидетельских показаний по делу об июльском выступлении. Эта глава, в отличие от остальных, написана по неизданным архивным материалам. Автор восстанавливает вопиющую картину действий «демократической» юстиции, не побрезговавшей обратиться за уликами против большевиков даже к чиновникам царской охранки, некогда

специализировавшимся на борьбе с большевизмом. Ярко встают перед глазами читателя фигуры свидетелей по июльскому делу Бурцева и Кливанского, Дана и Милюкова, Чернова и Алексинского.

Как первый связный *фактический очерк*, книжка Шелавина полезна, но—не больше. Отсутствие социально-экономического анализа, далеко не полное использование литературы предмета (не использованы, например, многочисленные и ценные материалы, опубликованные в «Пролетарской Революции», «Красной Летописи» и т. д.),—все это мешает работе Шелавина получить право на название так необходимого серьезного исследования по истории 1917 г.

Второе издание очень немногим отличается от первого. Автор исправил только некоторые фактические неточности, указанные рецензентами.

Г. Лелевич.

Н. ГОЛУБЫХ. Уральские партизаны. Уралкнига. 1924 год. 104 стр.

Небольшая книжка т. Голубых принадлежит скорее к отделу воспоминаний, чем к исследованиям. Здесь рассказывается об одном из интереснейших эпизодов гражданской войны, походе отряда Блюхера-Каширина в 1918 году по Оренбургским степям и южному Уралу. Эпизод этот в литературе нигде, кроме книжки Голубых, не освещен. Вообще необходимо отметить, что в то время, как история гражданской войны на Дону, на Кубани, на Тереке—в казачьих областях имеет большую сравнительно литературу и изучается и описывается, как руководителями и участниками контр-революционных организаций, так и местными организациями Истпарта, историю гражданской войны в области Оренбургского и Уральского войск до сих пор никто не начал изучать. А между тем движение на Урале и в казачьих областях Урала представляет немалый интерес. Книжка Голубых как раз и возбуждает эти вопросы, до сих пор не обращавшие на себя внимания. Она рисует не только боевую деятельность партизан, сумевших пройти по занятым контр-революционными организациями полторы тысячи верст, сохранивших при этом свою боевую организацию, создавшим в процессе этой борьбы материальную базу, обслуживающую отряд; но что самое интересное и важное в книжке Голубых, это то, что она вскрывает социальные истоки силы, давшей возможность партизанам пройти с боями полторы тысячи верст. Некоторые страницы Голубых в этом отношении прямо-таки врезываются в память. На ряде страниц книжка изображает, как под обстрелом белогвардейцев восстают уральские заводы, создают тут же на заводском дворе отряды и вступают в бой с наступающими белогвардейцами непосредственно, почти что на улице, перед заводом. Голубых приводит описание таких митингов на заводе, речи, с которыми обращались к рабочим руководители партизанского отряда, и ответ на эти речи рабочей массы. Тем, что книжка Голубых обрисовывает социальную сущность, социальные корни партизанского движения Оренбургских степей и южного Урала, она приобретает большую историческую ценность. Но не только тем, что в этой книжке вскрыты источники движения, она интересна. Она интересна и тем, что обрисовывает процесс организации революционных сил, дает представление о том, насколько и как революционные массы были способны к планомерной и быстрой организации, насколько внутренне-крепкими и устойчивыми были эти организации. А тем самым книжка т. Голубых вскрывает самую внутреннюю силу массового революционного движения. Книжка Голубых заслуживает внимания не только со стороны историка, но и со стороны всякого интересующегося историей огромной борьбы, вынесенной на своих плечах российским пролетариатом в деле борьбы за создание и укрепление Союза Советских Республик.

С. Пионтковский.

ВЛ. ВОЙТИНСКИЙ. Годы побед и поражений. Книги первая и вторая. Летопись революции. № 8. Изд. Гржебина. Берлин, 1923—1924 г. Стр. 284+401.

Всякая революция обыкновенно привлекает к себе ряд попутчиков, которые пристают к ней, пока она победоносна, а при поражении бросают ее ряды и всячески ее начинают поносить. Таким попутчиком оказался и видный питерский агитатор-большевик Вл. Войтинский—Сергей Петров тож. Его воспоминания, лежащие перед нами, дают для понимания психологии попутчика незаменимый материал. Но именно для изучения его, Войтинского, психологии, а вовсе не эпохи, взятой в целом. Ведь остается же поразительным фактом, что этот когда-то видный большевик, попавший на каторгу, сидевший в страшной Екатеринославской тюрьме (вспомним его «Смертников») был и остался барином—он так и пишет на стр. 360 т. II. «В тюрьме матрос Щепин видел во мне товарища, а в Иркутске (куда Войтинский попал после отбытия каторги) барина, через которого можно найти место дворника». И этот барственный подход проходит, думается—совершенно бессознательно, через всю книгу Войтинского. О 9 января он узнает, будучи за границей, из соответственных зарубежных газет и задается терзающим вопросом, что он стал бы делать, ежели бы находился в Питере. Не зная рабочей среды, сам же он признается на стр. 128, что «получка для него была китайской грамотой»—он, тем не менее, решается «утверждать, что рабочие после 9 января скованы ужасом и отчаянием—проклинали Гапона, с.-д., обвиняли их за пролитую кровь» (I, 28). Но, тем не менее, настолько сильно было обаяние, «ореол вокруг рабочего класса» (I, 36), что «осенью 1905 г. я не был еще вполне (??) последовательным марксистом, но уже чувствовал себя социал-демократом и горел нетерпением занять место в рядах социал-демократической партии» (I, 37). Запомним это—что Войтинский не был марксистом, где уже там говорить «вполне последовательным», и по чувству вступил в партию, преклоняясь перед незнакомым ему даже из книг пролетариатом. Горя этим желанием, он «вступает» в партию, и тут уже не знаешь, чему удивляться: короткости ли его памяти или еще чему-либо другому. Это ключ к пониманию всей дальнейшей жизни Войтинского, приведшей его к «посту» грузинского посла в Италии. Поэтому мы приводим ее полностью.

«Начался допрос (так и написано допрос. *Ст. Кр.*).

— Вы знакомы с программой Эр-Эс-Де-Эр-Пэ.

— Как вы сказали?

— Я спрашиваю вас, знакомы ли вы с программой Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

— В общих чертах...

— Но название Эр-Эс-Де-Эр-Пэ для вас ново?

— По правде, да. Я не обращал внимания...

— Да, может быть, вы вовсе не эсдек, а эсер.

— Тов. Бразуль, вероятно, уже передал вам, что я считаю себя социал-демократом, хочу работать в социал-демократической партии, готов подчиняться партийной дисциплине.

— Это прекрасно, но самое существенное: большевик вы или меньшевик?

— Должен признаться, что я плохо разбираюсь в разногласиях между фракциями.

— Неужели? Но ведь это так просто. Прежде всего вы за революционную борьбу или за соглашательство? (термин 1917 г. *Ст. Кр.*).

— За революционную борьбу.

— Это и есть точка зрения большевиков. Теперь следующий пункт. Как относитесь вы к участию социалистов во временном революционном правительстве?

— Я незнаком с этим вопросом.

— Но тут и вопроса нет. Неужели, низвергнув самодержавие, мы передадим все плоды победы в руки наших классовых врагов, в руки либералов, готовых в любой момент изменить революции? Это было бы безумием. Вы согласны со мною?

— Да, но я хотел бы...

— Вы хотели бы знать аргументы меньшевиков. У них нет никаких аргументов. Ничего, кроме свойственного мел-

кой буржуазии страха перед революцией. Поверьте мне. А теперь третий пункт: как относитесь вы к булыгинской думе?

— То-есть...

— Вы сторонник участия в Думе (с прописной буквы. *Ст. Кр.*), где либералы будут предавать царизму интересы народа.

— Разумеется, нет...

— Ну, и прекрасно. Значит, вы большевик. Будем вместе работать» (I, 38—39).

Мы не знаем нравов, царивших в питерской студенческой большевистской организации тех дней, но смеем думать, что всю эту ерунду Войтинский выдумал для посрамления большевиков наших дней. Полагаем это мы на основании того опыта, какой был у нас в Москве тех дней. Такого «идиотика», которому уже после «вступления» в партию разъясняют, что во главе петербургской организации стоит Петербургский Комитет (ПК), что город делится на районы и что его «не марксиста, но считающего себя социал-демократом», сейчас же посылают на работу по агитации — этому мы поверить не можем.

Это «вступление» предопределило и все дальнейшее. Мы не станем много останавливаться на переживаниях этого типичного попутчика. Отметим, что опять же задним числом, памятуя события октября 1917 г., передавшего всю власть советам, Войтинский неоднократно говорит, что 1-й СПБ. СРД был не властью, а только стачечным комитетом (I, 270, 273, 274). Матросы Кронштадта играли роль в 1917 г., значит надо выразить брезгливость по поводу тех форм, в каких вылилось восстание в ноябре 1905 г. (I, 232). А вот массы правильно поняли значение этого события и солидаризовались с ним (I, 233). Дюжинный либерал идет в нашу среду и у него часто вырывается что-то совсем не от социал-демократии. На собрании партийных товарищей он обращается к ним со словами: «я извиняюсь, *господа*» (курсив наш. *Ст. Кр.* I, 153). Он вводит еще даже до октября партийные билеты, по которым пропускают на собрания (I, 115—116). Ему претит «анонимность выступлений», и он разражается такой тирадой: «Слушатели не знали, кто такие сменяющиеся на кафедре ораторы, а те не знали, откуда собрались толпившиеся люди» (I, 56). Думаем, что мы-то знали,—не знали господа Войтинские, зрители революции. Отсюда «День 18 октября—оказывается—одним из наиболее сумбурных дней 1905 г.» (I, 169).

Официально Войтинский еще до 1914 г., примерно, числился в большевиках (судим по его участию в большевистском «Просвещении»), и вот мы видим, как этот видный большевик не понимает идеи левого блока на выборах во 2 Госдуму. На выборах в 3 Госдуму он стоит за меньшевика Чиркина (будет украшением фракции) против большевика Полетаева с «его суконным языком» (II, 231—232). В первом томе любопытна его попытка «просветить» новгородских мужичков, кончившаяся кое для кого трагически, а во втором—его попытка работать в Екатеринославе, где он обнаружил полное незнание самых азов конспирации.

Книга интересна только как документ, рисующий нам настроения и чаяния попутчиков большевизма в 1905 г. Кроме того, надо помнить, что одновременно это и памфлет против нас.

Ст. Кривцов.

4) История революционного движения на западе.

1. О. ВАЙНШТЕЙН. Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции. *Ц. Фридлянд.* — 2. ГЕРОИЗМ РЕВОЛЮЦИИ. Историко-литературн. хрестоматия XIX и XX вв. *Б. Горев.*

О. Л. ВАЙНШТЕЙН. Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789—1796 г.г.). Гиз. Украины. 1924 г. Стр. 127.

В России всегда и более чем где-либо (кроме Франции) историческая наука уделяла много внимания Великой Французской революции. Но до 1917 г. исследование ее находилось в руках кадетствующих или «симпатизирующих» марксизму профессоров и доцентов. В последние годы революционная Россия предъявляла требования не только на переводную литературу о Французской революции, но и на оригинальные работы в этой области, строго марксистского характера. Вместе с тем для широкой рабоче-крестьянской аудитории нашей страны потребовалась массовая популярная литература о Великой революции. Олар, глава исследователей Французской революции, неоднократно отмечал этот повышенный интерес России к социальному кризису конца XVIII ст. (См. его речь на отчетном заседании общества изучения Французской революции в «La Révolution Française» за апрель—июнь 1924 г., а также интервью с Оларом в «Известиях» и журнале «Красная Нива»). Однако в журнале Олара в статье некоего доцента-белогвардейца Миркина-Гецевича, посвященной новейшим работам по истории Французской революции, перечислены лишь «новые» работы Кареева, Дживелегова, Тарле... и только. Не упомянута ни одна из марксистских работ.

Нам, коммунистам историкам, для которых исследование Французской революции имеет не только интерес прошлого, следует особенно внимательно и осторожно отнестись к каждой более или менее самостоятельной работе в этой области. «Очерки» О. Л. Вайнштейна составлены по материалам воронцовской библиотеки и представляют собою не оригинальную работу, а лишь самостоятельную проработку огромной массы печатных источников. Тема выбрана любопытная, речь идет о французской эмиграции, о чем трактовали часто реакционные историки и чего редко касались историки, симпатизирующие революции. Книжка О. Вайнштейна заключает в себе четыре очерка: «Эмиграция и революционная Франция до 1792 г.», «Внешняя Франция», «Кобленцкая дипломатия», «Эмигрантская публицистика». Не все очерки однаково интересны. Особенно любопытны первый и третий. Нужно вообще отметить, что автору гораздо более удались главы, где он излагает источники, иллюстрируя свои положения показаниями эмигрантов, чем главы, где он пытается дать самостоятельный анализ общего хода революции. На стр. 66 О. Вайнштейн излагает, примерно, так ход событий 10 августа 1792 г.: буржуазии предлагалось на выбор или потерять все завоевания революции или «рискнуть на новую народную революцию, предоставить рабочим и ремесленникам предместий возможность выйти на улицу, уничтожить очаг контрреволюции в центре самого Парижа и организовать защиту страны и революции от иноземного вмешательства. Она предпочла последнее. Так возникло 10 августа». Нет, так 10 августа не возникло! 20 июня тем и отличается от 10 августа, что в последнем случае народные массы *помимо* буржуазии и *против* нее завоевали Республику На стр. 67: «В то время как в Париже буржуазия сжигала за собой все корабли (объявив 22 сентября Республику. *Ц. Ф.*) и с размаху бросалась в бурное море революции, армии союзников вступали во Францию». Изображая буржуазию Сентябрьских дней, как революционного пловца в бурном море рево-

люции, автор грешит против марксизма и исторических фактов. Слабо («по Сорелю») изложены и отдельные моменты истории внешней политики Французской революции. Правда, не это основная задача книги...

Интересна первая глава: «Эмиграция и революционная Франция до 1792 г.», интересна тем, что здесь дан материал для установления социального состава эмиграции первого периода. Эмиграция началась не как результат гонений, «связь ее с планом бегства короля» очевидна. Эмиграция стала массовой, массовый характер ей придала буржуазия. Из Франции убежали в «буржуазный Версаль целая армия поставщиков, лакеев, парикмахеров, ювелиров, банкиров, дельцов», откупщики, всякого рода монополисты. В армии принца Конде было немало буржуазной молодежи, которая «присоединилась к доброму делу либо из убеждения, либо из тщеславия» (см. Puymaigre-Souvenirs). Эти буржуазные сынки шли в армию, несмотря на то, что граф д'Артуа гнал от себя «сыновей бакалейщиков или торговцев сукном». Интересно изображение «Франции № 2». La vraie France страдала всеми смертными грехами: «дворянчики со ста экю годового дохода считали себя столь же благородными, как бог или король». Иерархия устанавливалась в этом смысле в зависимости от размера годового дохода. Эмигранты в изгнание принесли с собою старый порядок, и здесь выявилась их лживая и лицемерная защита короля. Мария-Антуанетта не напрасно называла принцев «братоубийцами». Мы знаем, что казнь Людовика XVI произвела весьма слабое впечатление на эмиграцию. Интересны факты (более или менее известные) об отношении иностранных держав к эмиграции. «Французские эмигранты, — писал граф Воронцов в 1795 г.,—испорчены, трусливы, раболепны и интриганы»; когда они обратились к прусскому королю с просьбою разрешить дворянству итти в первых рядах армии, он им ответил: «Я делаю контр-революцию для спасения короля и дворянства; если я подвергну их опасностям и дам их изрубить, ради кого я трудился?»—«Как он любезен!» восклицает один из эмигрантских кретинов. Европейские короли не только отстраняют дворян, они заставляют их соглашаться на расчленение Франции. Один из эмигрантских публицистов писал в 1794 г.: «Только реставрация Бурбонов будет единственной гарантией непрерывного платежа возмещений, которые заблаго-рассудится союзниками назначить». Продажное дворянство было трусливым и тщеславным, а потому и жестоким к революции. Они требовали: «расстрелять всех сторонников конституционной монархии, повесить на деревьях бульваров несколько сот революционеров и высечь в общественных местах их жен и дочерей».

В этой пестрой массе контр-революционеров, от одного поражения к другому, теряющей вместе с золотом тщеславие и верность долгу, начинается постепенно «переоценка ценностей»: эмиграция меняет вехи. Ненависть к революции не мешает, однако, им в отдельных случаях заметить то новое, что создано Революцией; пробуждается у них национальное чувство и национальная гордость вместе с победами Революции. Эмигранты меняют тактику: «нужно не говорить о контр-революции, а делать ее» (Ривароль). Малле Дюпан пишет: «Вот уже шесть лет все системы контр-революции вращаются в порочном кругу. Реакционное дворянство имеет глупость думать, что силою оружия оно вернет народ к старым порядкам». Уже говорят среди них о великой нации и великой революции и понимают, что «эмигранты ничего не значат и ничего не в состоянии сделать». Так умирает эмиграция. Если отбросить неудачные попытки исторического анализа и не искать в книге ничего особенно нового и оригинального, то материал, добросовестно собранный О. Вайнштейном, представляет интерес для читателя. У нас нет работы на эту тему, а в наши дни гниения и краха белой эмиграции книжка О. Вайнштейна будет прочтена не без пользы и интереса.

Ц. Фридлянд.

ГЕРОИЗМ РЕВОЛЮЦИИ. Историко-литературная хрестоматия XIX и XX веков. Парижская Коммуна—Октябрь (1871—1917). Составил Л. Н. Войтоловский. Гос. Изд. Москва 1924. Стр. 276. Тираж 7.000.

У нас имеется уже столько хрестоматий подобного типа, что появление еще одной может быть оправдано или исключительными достоинствами помещенного в хрестоматии материала, или какими-либо особенностями в его расположении. Ни того, ни другого мы в хрестоматии Л. Н. Войтоловского не находим. Если она имела в виду дать образцы именно «героизма революции», то непонятно, почему она начинается только с Парижской Коммуны и не касается классического героизма Великой Французской революции. Далее отрывки второго отдела («Семидесятники») подобраны довольно случайно: в движение *70-х г.г.* включен почему-то отрывок из романа «Что делать?» 1864 г.; нет ничего о действительно героическом поведении *Нечаева* как на суде, так и в Алексеевском равелине; зато помещен «отрывок», написанный самим составителем («Из биографии В. Г. Короленко»). В отдел третий (1905 г.) не включен ряд известных художественных отрывков, напр., Серафимовича «На Пресне». Зато туда попали каким-то образом статьи Ленина против с.-р-ов, относящиеся к 1902 г., «Песня о буревестнике» 1901 г. и даже рассказ рабочего о стачке 1896 г. (из книжки Тахтарева). Нет потемкинского восстания, нет процесса совета рабочих депутатов, нет очень и очень многих героических моментов первой революции, нашедших свое отражение в литературе или в подлинных исторических документах. Отдел четвертый («В годы империалистической войны») не дает ничего о России (хотя бы процесс большевистских рабочих-депутатов IV Гос. Думы), не дает ничего из полных революционной страсти статей Ленина.

Наконец, отдел пятый («Октябрь») включает лишь два отрывка из нашей уже богатой художественной литературы о гражданской войне (Малышкин—«Падение Даира» и стихотворение Н. Тихонова—«Перекоп»). А германская революция представлена только довольно слащавыми отрывками из Келлермана («9 ноября»), в то время как нет ничего о действительно героической борьбе германского пролетариата 1919—1921 г.г.

Впрочем, имеются в хрестоматии Войтоловского и положительные стороны, в виде ряда отрывков из произведений, до сих пор обыкновенно не попадавших в хрестоматии (напр., прекрасное, в свое время широко распространенное нелегальное стихотворение Ольхина «На смерть Мезенцова»). Но ни эти положительные стороны, ни тот несомненный интерес, с которым читаются некоторые места хрестоматии, все же не ослабляют общего впечатления *случайного* и недостаточного подбора отрывков и не оправдывают ее появление в свет.

Б. Горев.

НАУКИ ОБ ОБЩЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.

1. ПРЕСТУПНЫЙ МИР МОСКВЫ. *А. Пионтковский.* — 2. Н. КРЫЛЕНКО. Беседы о праве и государстве. *А. Пионтковский.* — 3. С. КОТЛЯРЕВСКИЙ. Бюджетное право РСФСР и СССР. *И. Ильинский.*

ПРЕСТУПНЫЙ МИР МОСКВЫ. Сборник статей под редакцией и с предисловием проф. М. Н. Гернета. Издательство «Право и Жизнь». Москва 1924 г. Стр. 246.

Содержание рецензируемого сборника тесно связано с работою нового научного учреждения «Кабинет по изучению личности преступника и преступности», организованного в Москве в 1923 году по постановлению Президиума Моссовета. Сборник включает в себе результат разработки материалов обследования мест заключения Москвы в 1923 г. и доклады членов кабинета, посвященные исследованию современной преступ-

ности. Задача сборника дать картину преступности Москвы наших дней. Авторы сборника в своих работах по изучению преступности Москвы сознательно пользовались сочетанием методов массового обследования и индивидуального наблюдения; подобный метод работы является, по словам автора предисловия, проф. Гернета, самой характерной чертой научной деятельности кабинета по изучению личности преступника и преступности. В сборнике даны результаты обследования следующих групп преступников: грабителей и бандитов—статья Гедеонова, убийц—статья Ушке, воров—статья Родина, мошенников—статья Скляра, самогонщиков—статья Ароновича, рецидивистов (повторно обвиняемых)—статья Куфаева, детей-преступников, содержащихся в исправдоме — статья Якубсона. Кроме того, в сборнике имеются статьи проф. Гернета о «Татуировке преступников в местах заключения гор. Москвы», Краснушкина о «Криминальных психопатах современности» и статья Петровой, посвященная описанию интересного с психологической стороны случая изувечения мужа. В предисловии к сборнику, написанном проф. Гернетом, приводится интересный очерк развития преступности Москвы с начала прошлого столетия. Работы, вошедшие в сборник, написанные разными авторами, представляют в научном отношении различную ценность: на-ряду с внимательными и обстоятельными очерками (например, А. М. Ароновича о самогонщиках), есть и очерки недостаточно проработанные (например, Скляра «О мошенниках»). Работа, проделанная авторами сборника, имеет двоякое значение: с одной стороны, она вскрывает социально-экономические причины значительной части современной преступности, лишний раз подчеркивая всю важность социального предупреждения в деле борьбы с преступностью, а, с другой стороны, дает интересный психологический материал для правильного построения системы классификации преступников, что является предварительным условием действительно успешного достижения пенитенциарным режимом преследуемых им задач, изоляции и приспособления преступника к условиям общежития, путем исправительно-трудового воздействия на него.

Большим недостатком рецензируемого сборника является его неполнота и односторонность в выявлении преступного мира современной Москвы. Авторы сборника почти исключительно обследовали «обще-уголовную» преступность, повторяя и подтверждая своими работами те наблюдения, которые были уже неоднократно сделаны раньше над этими группами преступников буржуазного общества; совпадение этих наблюдений вполне понятно, так как поставщиками этой преступности и в буржуазном обществе и у нас являются одни и те же социальные группы (пролетарские и полупролетарские слои населения, безработные и деклассированные элементы). В сборнике совершенно не затронуты своеобразные формы преступности нашего переходного периода пролетарской диктатуры, неизвестные буржуазному обществу, вся преступность, исходящая от буржуазии—контр-революционные преступления и хозяйственные преступления. Из хозяйственных преступлений лишь обследованы в статье Ароновича самогонщики, преступность, совершаемая исключительно трудящимися, вся же хозяйственная преступность, исходящая от буржуазии, совсем не нашла освещения в рецензируемом сборнике. Социальное и психологическое обследование главнейших категорий преступников из нетрудящихся элементов общества имеет, несомненно, громадный интерес и большое общественное значение. Включение в сборник результатов обследования этих категорий преступников во много раз увеличило бы интерес рецензируемой книги и дало бы действительно полную картину преступного мира современной Москвы. Будем надеяться, что кабинет по изучению преступников и преступности в будущем восполнит эти пробелы.

Д. Пионтковский.

Н. В. КРЫЛЕНКО. Беседы о праве и государстве. Изд-во «Красная Новь». Главполитпросвет. Москва 1924. Стр. 184.

Рецензируемая работа т. Крыленко представляет собою лекции, читанные

им на курсах секретарей укомов при ЦК РКП (б). Книжка распадается на шесть «бесед». Первая и вторая беседы посвящены выяснению понятия права. Разбирая определение права буржуазных юристов, автор подчеркивает объективную невозможность с их стороны дать правильное объяснение правовым явлениям, так как это требует *классовой* постановки вопроса, что органически не способна сделать буржуазная юриспруденция. С своей стороны автор дает следующее определение права: «Право есть выражение в писаной форме действующего закона и в неписаной форме обычного права,—выражение тех общественных отношений людей друг с другом, которые сложились на основе производственных отношений данного общества, имеет своим содержанием регулирование этих отношений в интересах господствующего в данном обществе экономического класса и охраняется его принудительной силой» (стр. 33). В третьей беседе автором дается очерк исторического развития государственных форм древнего мира, средних веков и нового времени вплоть до XIX столетия и наглядно иллюстрируется, что государственная власть в различные эпохи истории человеческой культуры являлась ни чем иным, как средством принуждения и насилия в руках господствующего класса. В беседе четвертой автор очерчивает развитие демократической республики как главенствующей государственной формы классового господства буржуазии. Беседа пятая выясняет вопрос, почему социалистический переворот не может осуществиться мирным путем в рамках демократической республики. В шестой беседе автор на основе опыта семилетнего существования советского государства обрисовывает основные принципы и его строения и дает теоретическое обобщение опыта Октябрьской революции, как урока для борьбы пролетариата других стран за свое освобождение. В последней беседе автор излагает теоретический прогноз Ленина о построении пролетарского государства, данный им накануне Октябрьской революции в его гениальной работа «Государство и революция», отмечает, в чем заключается расхождение между ленинским прогнозом и опытом семилетнего советского строительства и в чем его причины; наконец, в заключение последней беседы автор останавливается на очередных задачах усовершенствования нашего Госаппарата: 1) возможно тесное слияние его с рабочими массами и их передовым авангардом—коммунистической партией и 2) упрощение и удешевление его при помощи научной организации труда. Работа Крыленко в строго выдержанном революционно - марксистском духе освещает основные вопросы теории права и государства; ясное и популярное изложение делает ее доступной широкой массе читателей.

По своему содержанию, рецензируемая работа с нашей стороны не вызывает каких-либо принципиальных возражений.

Возражения могут встретить лишь отдельные формулировки, даваемые автором. Так, например, вполне можно согласиться с мыслью, лежащей в основе приведенного выше определения понятия права: право не есть «система общественных отношений» (понятие права, защищаемое тов. Стучкой), а выражение этой системы в форме системы норм, регулирующих и эти отношения в соответствии с интересами господствующего класса и охраняемых аппаратом его государственного принуждения. Но, однако, едва ли удачной является сама приведенная выше формулировка понятия права. «*Право* есть выражение ... *в форме права*» (!). Такого рода редакционные недочеты, встречающиеся в рецензируемой работе, объясняются, повидимому, тем, что книжка Крыленко представляет недостаточно обработанную местами стенографическую запись лекций автора. Тем же, повидимому, объясняются и некоторые неточности изложения нашей конституции. Так, напр., при изложении ст. 25 конституции ошибочно сказано, что на Всероссийский Съезд депутаты избираются от губернских съездов по расчету один на 125.000 *избирателей* в то время, как по конституции этот расчет производится не на количество избирателей, а на количество жителей.

Отмеченные недочеты не умаляют ценности работы Крыленко, которой следует пожелать самого широкого распространения.

А. Пионтковский.

Проф. С. А. КОТЛЯРЕВСКИЙ. Бюджетное право РСФСР и СССР. Гиз. Москва-Петроград 1923 г. Серия изданий Института Советского права. Стр. 163. Тираж 5.000.

Книжная полка советского юриста обогатилась еще одним ценным приобретением—работой С. А. Котляревского о действующем бюджетном праве. Работа эта не может быть, впрочем, отнесена к области чистой юриспруденции: она лишний раз демонстрирует перед читателем редкую начитанность и поразительную многогранность интересов автора, давшего, строго говоря, исследование не только по бюджетному, но, в значительной мере, и по финансовому праву Советского Союза [1]). Финансист найдет в этой работе не меньше интересного для себя, чем юрист. Оставаться в чисто юридической области автору было бы, правда, трудно, хотя бы потому, что порядок прохождения советского бюджета почти не дает материала для обычных в бюджетном праве других государств юридических контроверз. Орландо в своей книге о принципах конституционного права, исходивший, главным образом, из итальянской юридической действительности, считает вотирование бюджета одной из важнейших функций парламента и кропотливо исследует все относящиеся сюда вопросы, начиная с юридической природы бюджета (следует ли считать его законом или только актом управления?) и кончая правом так называемой условной визы, при чем везде обнаруживается богатейшее поле для столкновения различных точек зрения. Не даром же, во всех без исключения странах Запада прения по бюджету выпадают на большие парламентские дни: к ним приурочиваются самые яростные атаки оппозиции и важнейшие программные выступления правительства. «В условиях советского строя этот политический момент пропадает, ибо бюджет вообще не есть сцена столкновения враждующих или просто спорящих политических сил. Остается лишь проблема целесообразной классификации доходов и расходов, ставящая рамки распорядителям кредитов, но не связывающая их по рукам и по ногам» (80). Здесь мы встречаемся с хорошо знакомым юристу свойством советского права—его техничностью, иначе говоря, преобладанием в нем чисто целевых моментов над всякими другими, и советское бюджетное право в этом смысле являет весьма любопытные черты. Монолитно-классовый характер государства, в котором оно применяется, исключает надобность «гарантий» или строгих форм, предназначенных для ограждения «народных прав» от посягательств «исполнительной власти». Поэтому отнюдь не все статьи бюджета обязательно восходили на рассмотрение высших органов. Так, декретом 16 июля 1918 г. был установлен упрощенный порядок для сверхсметных расходов по военному ведомству. Для их разрешения представлялось достаточным соглашение Наркомвоена с Наркомфином и Госконтролем, и лишь при их разногласии дело поступало в Совнарком (50). На тех же основаниях в 1919 г. Наркомпуть получил право производить за счет отпускаемых ему кредитов расходы, сметой не предусмотренные (51). Наконец, целый ряд весьма существенных вопросов регулировался даже не законодательным путем, а просто циркулярами Наркомфина (71).

Нельзя думать, однако, что этот порядок, действовавший, главным образом, в эпоху до окончательного оформления нэпа, вполне удовлетворителен. Отсутствие жестких юридических норм влекло за собой иногда последствия, по меньшей мере неудобные и во всяком случае вредные для установления жизненно необходимого в бюджетной политике порядка. Так, сметные правила на 1922—1923 г.г., принятые Советом Народных Комиссаров, должны были получить, согласно декрета от 10 октября 1922 г. утверждение ВЦИК. Такого утверждения не последовало, но правила, тем не менее, были распубликованы в Собрании узаконений и распоряжений и должны считаться, как осторожно замечает С. А. Котляревский, вступившими в силу (72). С другой стороны, декрет ВЦИК от 18 декабря 1921 г. об учреждении бюджетной комиссии остался не проведенным в жизнь (89). Пестрота практики бюджетных органов не может

[1]) Указание А. М. Турубинера.

быть терпима в период, когда государство всеми способами стремится к бездефицитности бюджета и когда развязывавшая стремления к неосновательным расходам эмиссия, как источник дохода государственной казны, прекратила свое существование. «Если вообще утверждается система планового производства и снабжения, свободная от произвольных колебаний частного рынка, то такой плановый облик должны приобрести и государственные доходы и расходы. Это... не может быть выполнено без общепризнанной и проводимой в жизнь бюджетной дисциплины» (19). Мысль о необходимости бюджетной дисциплины повторяется С. А. Котляревским неоднократно и дает тон всей книге (94, 121).

Известно, что вокруг взимания налогов, а затем расходования их начиналась и завершалась почти повсеместно борьба парламентов с королями и нижних палат с верхними. У нас, как было уже сказано выше, нет почвы для такой борьбы, но есть другая арена столкновения интересов на почве частных противоречий в стремлениях центральных и местных органов власти: постановления VII и VIII Всероссийских Съездов Советов являются, пожалуй, важнейшими вехами в истории этой области нашего конституционного строительства. Места стремятся к большей финансовой децентрализации (18), между тем как финансовая политика является наиболее централизованной частью нашего хозяйственного плана уже согласно Союзной Конституции 6 июля 1923 г. Нельзя поэтому не присоединиться к мнению С. А. Котляревского о возможности введения новых налогов только в законодательном порядке. Более того, должно быть строго соблюдаемо, установленное правилами 21 августа 1923 г., требование утверждения бюджета сессией ЦИК'а, а не только его Президиумом. Никакие предварительные сношения Наркомфина с Совнаркомами и ЦИК'ами отдельных республик не заменят обсуждения бюджета в пленуме Союзного ЦИК'а, исчерпывающим образом представляющего интересы не только республик, но и губерний и областей.

Из неточностей можно указать разве на способное подать повод к недоразумениям обозначение НКВД, как органа охраны государственной и общественной безопасности (109). Союзная Конституция, как известно, снова выделила учреждения ГПУ из состава этого Наркомата; из числа органов охраны в его ведении осталась лишь рабоче-крестьянская милиция.

И. Ильинский.

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ.

1. ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ МАРКСИЗМА. Вып. I и II. *И. Луппол.* — 2. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ В МАРКСИСТСКОМ ОСВЕЩЕНИИ. Ч. II. *Гр. Баммель.* — 3. Проф. К. КОРНИЛОВ. Современная психология и марксизм. *М. Рейснер.* — 4. Ю. ФРАНКФУРТ. Рефлексология и марксизм. *С. Васильев.*

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ МАРКСИЗМА. Выпуск первый. Естествознание и обществознание. Составил Э. Э. Эссен. Гос. Издат. Ленинград. 1924 Стр. 400.

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ МАРКСИЗМА. Выпуск второй. Идеологии. Составил Д. М. Максимов. Гос. Издат. Ленинград 1924. Стр. 156.

Оба выпуска «Введения в изучение марксизма» претендуют на роль учебных пособий для нашей высшей школы. Надо думать, что, по мысли составителей, они должны служить пособиями при изучении исторического материализма, при чем первая часть первого выпуска должна быть введением в исторический материализм.

По своему содержанию обе книги, из которых первая составляет объемистый том в четыреста страниц, являются логическим завершением «составления» книг, при котором участвуют, главным образом, ножницы и клей—первая книга в большей степени, вторая—в меньшей.

Книга для чтения, как тип печатной работы, составленная из значительных по величине отрывков авторов-классиков, несомненно, приносит соответствующему читателю пользу и обладает самостоятельной ценностью. Хрестоматия, как второй тип, также представляет известную ценность как пособие для работы в семинарии или при слушании лекционного курса. Первый выпуск «Введения в изучение марксизма» не является ни книгой для чтения, ни хрестоматией. Это, по типу и построению, учебник, написанный не составителем, а авторами, писавшими в свое время книги, классические и ценнейшие, но отнюдь не учебники. Эти книги разрезаются составителем на мелкие куски, материал полемический выбрасывается, а остальные фрагменты из произведений нескольких авторов располагаются в порядке, угодном составителю. По такому принципу составлена книга Э. Эссена. Он взял основные произведения Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, Бухарина, подбавил Адоратского, разрезал все это на куски, соединил их и расположил в таком порядке: природа неорганическая (сюда, между прочим, входят: движение, пространство и время), природа органическая (сюда относится свобода и необходимость) и затем следуют отделы о процессах труда общественного, далее труда материального, за сим труда надстроечного (сюда как подотделы входят: социализм, класс, партия, вожди) и, наконец, труда идеологического. План, во всяком случае, любопытный.

Предисловие составителя является одной из любопытнейших частей книги. Здесь читатель узнает, что «срочность работы и отсутствие под руками *очень многих книг* не всегда позволили использовать *наиболее подходящие* места из их (Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина) работ». Полностью вошел лишь «Анти-Дюринг». Бедный составитель, на которого так наседает издательство, что он, с одной стороны, не успевает добыть «очень многих книг», а, с другой стороны, оказывается лишенным возможности «использовать наиболее подходящие места» из тех книг, какие у него под руками были. Немудрено поэтому, что Плеханов вошел в «Введение в изучение марксизма» лишь весьма незначительной частью, а Ленин использован лишь, как автор «Материализма и эмпириокритицизма» и брошюры «О продналоге». В оправдание автор приводит то обстоятельство, что он очень занятый товарищ, читатели-де это поймут и учтут при чтении книги. Во всяком случае, читатель согласится с откровенным составителем о том, что «книга носит на себе отпечаток работы между делом». Хорошо еще, что составление учебной книги признается—*работой*, но, к сожалению, такой, которую можно производить между *делом*. А ведь по книге будут учиться.

Принципиальные недостатки книги метко схвачены и указаны самим т. Эссеном, и поэтому останавливаться на них не представляет интереса. Но нельзя согласиться со взглядом составителя, что приводимые цитаты, а из них на девяносто сотых состоит книга, не следует брать в кавычки. Дело, конечно, не в кавычках (составитель боится, что эти злополучные кавычки придадут книге «ученый» вид), а в том, что читателю далеко не бесполезно и не безынтересно знать, где, скажем, кончается фрагмент Маркса и где начинается фрагмент Плеханова, или—где кончается Энгельс и начинается сам Эссен.

В конце каждой главы приводится, правда, список использованных произведений по главам, но какая страница книги принадлежит какому автору, об этом может сообразить лишь искушенный читатель, для которого книга, очевидно, не предназначена. Молодой начинающий читатель вправе знать, что̀ сказал какой классик марксизма, а ему преподносят различные отрывки, в которых он не в силах разобраться, и все они покрываются фактически фамилией составителя, а ведь последний должен был бы знать, что при своем методе он делает ответственным за книгу не только себя, но и Энгельса, и Ленина, и других.

О самых отрывках, как говорится, ничего, кроме хорошего, не скажешь. Это все те же блестящие произведения, на которых училось не одно поколение марксистов, но только приходится признать, что от метода т. Эссена они бледнеют; яркая и талантливая полемика,

напр., Ленина, так же как и Энгельса с Дюрингом, безжалостно выброшена за борт, а ведь марксизм выковывался в полемиках и спорах с противниками, и эти споры не теряют своего значения и в наши дни.

Составитель считает, что предмет исторического материализма нужно изучать, начиная не с философии, а с естествознания. Как один из педагогических методов, это вполне допустимо, но автор сам нарушает свои взгляды, говоря уже в § 4 о философской концепции пространства и времени, в § 14 (всего в книге 50 параграфов) о таком философском объекте, как свобода и необходимость.

После внимательного просмотра книги приходишь к выводу о том, что если бы автор уделил больше времени своей работе, он мог бы дать и лучший сборник цитат, и написать недурной учебник. Так, среди тех немногих страниц, которые написаны самим т. Эссеном, определенно выделяется недурная критика физиологической точки зрения на общество, замечания о единстве и в то же время различии законов природы в явлениях естественных и общественных, но зато слаба попытка дать самостоятельное определение общества. Тов. Эссен отказывает классовым(«негармоническим») обществам в названии общества, для него они лишь государства. В данном случае приходится просто отослать автора к более внимательному чтению Маркса и Энгельса.

Если первый выпуск «Введения в изучение марксизма» еще может быть полезным, то выпуск второй определенно *вреден* для учащихся. Д. Максимов оказался, правда, в затруднительном положении, как составить целую книгу о конкретных идеологиях, если классики марксизма не останавливались подробно на этих общественных явлениях. Составитель вышел из положения тем, что привлек в качестве авторов: Потебню, Бехтерева, Павлова, Витфогеля, Богданова и проявил авторские качества в значительно бо́льших размерах, чем составитель первого выпуска.

Пока дело касается морали, права, религии, все обстоит более или менее благополучно. Но как только речь заходит о философии, начинается такая путаница, что и выразить трудно. Философия выступает ни более, ни менее, как богословие товарного общества. Здесь мы имеем дело со своего рода енчмениадой. Старая мининская, к счастью, не пустившая у нас ростков, схема: религия, философия, наука. Гезиод и Гомер оказываются у Д. Максимова богословами греческого натурального хозяйства; Парменид, Платон—богословами товарного хозяйства. О философах нового времени мы узнаем, что Лейбниц, Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель продолжали идеи ап. Павла, бл. Августина и Ансельма Кентерберийского. Бедные Маркс и Энгельс, они гордились тем, что, между прочим, вели свою родословную и от классического немецкого идеализма; может быть, с точки зрения Д. Максимова, и они являются богословами, скажем, коммунистического общества?

Д. Максимов приводит цитату из Энгельса о том, что с возникновением диалектического материализма философия «одновременно превзойдена и сохранена, превзойдена формально, *сохранена в смысле реальности содержания*», но ему, видимо, абсолютно невдомек, что к чему и как.

Печать непродуманности и невыдержанности лежит, к сожалению, на всем втором выпуске «Введения», и сознательный читатель-марксист должен будет констатировать, что «Введение» насчитывает пока всего лишь первый выпуск.

И. Луппол.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ В МАРКСИСТСКОМ ОСВЕЩЕНИИ. Статьи и отрывки из произведений—К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, К. Каутского, Н. Ленина, П. Лафарга, А. А. Богданова, А. Деборина. Л. Аксельрод, Фр. Меринга и др. Часть II (от Лессинга до наших дней). Составили Б. Столпнер и П. Юшкевич. Издание Т-ва «Мир». Москва 1924. Стр. 436.

Рецензируемая вторая часть выгодно отличается от первой [1]) более строгим методологическим принципом, на кото-

[1]) Кстати. В мою рецензию о первой части («Печ. и Рев.», кн. 5) вкралось одно неудачное выражение, не

ром она построена. Это уже нельзя назвать простым собранием отрывков, это *почти* книга. История философии представлена в своем развитии, как цельное, проникнутое своей особой внутренней логикой направление идеологии, изменяющееся вместе с изменениями социально-экономического и политического развития. Составители собрали в одну книгу весь марксистский опыт в историко-философской области, и книга получилась нужной и полезной не только для вузовца, но и всякого, задумывающегося над проблемами марксистского освещения истории философии.

Книга начинается Лессингом и кончается Кайзерлингом. Хорошо представлен Кант (95 страниц). Затем—Фихте, Шеллинг, Гегель, Фейербах. Совершенно правильна мысль включить в историю философии Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Из новейших направлений освещены агностицизм, махизм, эмпириокритицизм, бергсонизм, риккертианство, прагматизм. Кроме того, для книги впервые переведены *F. Mehring* «Aest. Streifzüge» (Neue Zeit XVII, 1, Н.). *Cunow* «Die Marxische Geschichts-Gesellschafts und Staatstheorie (свыше 40 стр.), *Меринга* «Назад к Шопенгауэру» (Neue Zeit XXVII 2), из книги Ролланд-Гольст «Философия Иосифа Дицгена» (Munch. 1910) и др. Естественно, что в такой огромной работе возможны и недочеты, которые легко устранимы.

Во-первых, заглавия отрывков даны не по какому-нибудь одному принципу, а как попало. На-ряду с общими заглавиями («Г. В. Гегель», «Иммануил Кант» и т. д.) встречаются: 1) заглавия систематически-узкого характера («Нравственная философия Канта», «Философия истории Гегеля» и т. д.) и 2) заглавия ничего по существу не говорящие («Маркс о Штирнере» и т. д.). Следовало бы связать философов в отделы и отделы разбивать на главы.

Во-вторых, кое-где встречаются фразы, взятые из другого контекста и вызывающие недоумение у читателя. Напр., стр. 259: «*изображенное выше* познание известной зависимости этических и правовых взглядов от экономики» и т. д.; стр. 1: «подробнее всего излагает Лессинг свою религиозно - философскую точку зрения в «Воспитании человеческого рода», и *мы уже видели*, что она также противоположна точке зрения Реймаруса», стр. 264: «*мы видели во введении*, как французские философы...» и так далее.

В-третьих, Канту уделено 90 страниц, а Фихте, Шеллингу и Гегелю вместе, уделено 91 страница. Следовало бы больше выдвинуть Гегеля. Кроме того, отсутствует Маркс, как философ. Не освещены философские взгляды Лассаля. И в этом отношении можно назвать несколько работ, которые хотелось бы видеть в хрестоматии, например, статью *Лафарга* «Материализм Маркса и идеализм Канта» в «Le Socialiste» от 25 февраля 1900 г., статьи А. М. Деборина «Маркс и Гегель», «Под зн. Маркс», 1923 г., статьи Франца Меринга в «Neue Zeit», о Геккеле 1899—1900 г.г. и о Лассале (XII, 2, XV, 2, XVIII, 1 и др.), статьи Г. В. Плеханова против ревизионистов, некоторые письма молодого Маркса (напр., от 30 окт. 1843 года к Фейербаху с меткой характеристикой Шеллинга).

В-четвертых, хотелось бы обратить внимание на отрывок № 44: «Марксизм и позитивизм», взятый из статьи К. фон Келлес-Крауза. Автор — не марксист. Это ясно по той оценке, какую он дает позитивизму вообще и, в частности, позитивизму Конта. Он не только затушевывает глубочайшее различие между позитивизмом и марксизмом, но всячески ми ухищрениями пытается доказать, что они родственны,—что, с одной стороны, мол, «марксизм—вполне позитивная социология», а с другой стороны — «сам Огюст Конт... высказывал такие мысли, которые всецело согласуются с марксистскими воззрениями». Статья построена на общих фразах в лучшем случае, а как правило—на полном непонимании того, что такое марксизм и что такое позитивизм. Достаточно, впрочем, вспомнить мнение Маркса о Конте, хорошо извест-

---

точно передающее смысл моего замечания. Цитируя заглавие книги «История философии в марксистском освещении», я «марксистское» брал в кавычки и, говоря о «марксистских» именах, я менее всего думал иронизировать над теми, на книгах которых мы учимся.

ное, конечно, составителям. «Я изучаю мимоходом Конта, потому что англичане и французы подняли такой шум о нем. Их подкупает энциклопедичность, синтез. Но в сравнении с Гегелем он производит жалкое впечатление. Хотя Конт, как математик и физик по профессии, стоит выше Гегеля, т.-е. выше в подробностях, но в целом Гегель неизмеримо крупнее. И этот пошлый позитивизм появился в 1832 г.!» (Письмо к Энгельсу от 7 июня 1866 г.). Про позитивиста Бисли Маркс говорит в письме от 13 дек. 1870 г.: «Как последователь Конта, он не может не выкидывать всяких вывертов». А вот слова Ленина о мнении Энгельса. «Тот «позитивизм» и тот «реализм», который прельщал и прельщает бесконечное число путаников, Энгельс объявлял в лучшем случае филистерским приемом тайком протаскивать материализм, публично разнося его, „отрекаясь от него“» («Эмп. и мат.», 2 изд., стр. 346).

Читатель и сам видит, что все эти замечания нисколько не умаляют огромного значения книги. Если хотите, было бы правильнее думать, что недостатки, указываемые нами, и в особенности первые три, являются случайными в такой огромной книге и, может быть, неизбежными. Пока нет у нас цельной марксистской истории философии, книгу Б. Столпнера и П. Юшкевича нужно всемерно рекомендовать, как полезное руководство для изучения истории философии с марксистской точки зрения.

Григорий Баммель.

ПРОФ. К. Н. КОРНИЛОВ. Современная психология и марксизм. Ленгиз. 1924 г. Стр. 76.

Брошюра тов. Корнилова: «Современная психология и марксизм» представляет собою сборник отдельных статей и докладов, которые начинаются докладом, прочитанным на 1-м Всероссийском Съезде по психоневрологии и кончаются подобной же речью на заключительном заседании 2-го Съезда. Сборник не представляет собою систематического единства и посвящен следующим вопросам: 1) Современная психология и марксизм, 2) Психология и рефлексология, 3) Психология и теория «новой биологии», 4) Диалектический метод в психологии, 5) Основные течения современной психологии. Ценность отдельных частей сборника не одинакова. В первый статье тов. Корнилов ставит задачи и метод новой марксистской психологии на обще-философскую почву марксизма, и, пожалуй, здесь мы имеем наиболее общие и незаконченные положения. Так как устанавливая психические процессы, как свойство высоко организованной материи, автор ограничивается лишь утверждением, что психические процесы должны быть признаны пространственными, что материя обладает свойством, которое выражается в психических особенностях, что, наконец, психические свойства материи являются таким же основным и первично-данным, а потому и необъяснимым, свойством, и этим по существу ограничиваются. Можно пожалеть, что в этой главе тов. Корнилов не привлек к своему рассмотрению такие материалистические теории психики, как ионная теория нервного возбуждения, выставленная академиком П. П. Лазаревым. Было бы желательно размежевать и здесь марксистскую психологию и физико-химическую, а вернее, ионно-электронную теорию Лазарева. Вторая глава, трактующая отношение психологии и рефлексологии, весьма полезна для поклонников русской рефлексологической школы, так как подвергает справедливой критике увлечение Павлова и Бехтерева и выясняет скрытый дуализм этих учений, дающий возможность известного перехода к идеалистическим построениям, что, в конце концов, и имело результатом известные политические выступления академика Павлова, где непосредственно из рефлексологии выросла самая обычная буржуазно-демократическая программа и свойственная ей идеология. Третья глава посвящена целиком критике «теории новой биологии» Э. Енчмена, которая в свое время наделала большую смуту среди нашей, весьма слабо подготовленной по психологии, молодежи. Критический очерк тов. Корнилова, за-

ключенный в пятую главу и посвященный разбору основных течений современной психологии, очень правильно намечает пути для оценки как эмпирической психологии, так и американской теории бихевиоризма — «поведенчества» во всех ее направлениях. Можно вполне согласиться с автором, что «неограниченный биологизм—вот первый и самый существенный недостаток этой психологии поведения, забывающей о том, что человеческое поведение есть факт не чисто биологического, а био-социального порядка». Спасением здесь является, как верно отмечает автор, подход «не от индивидуальной психологии к социальной, а обратным путем: от социальной, классовой психологии к профессиональной, групповой и, наконец, уже к индивидуальной психологии». Самой ценной в разбираемой брошюре является, бесспорно, глава четвертая, где тов. Корнилов пробует применить диалектический метод к явлениям психологии, при чем берет диалектику в марксово-гегелевском духе. Здесь мы встречаемся с весьма интересной попыткой проследить основной марксистский принцип перехода количества в качество на материале экспериментального психологического исследования. Такая идея весьма заманчива и плодотворна, и было бы желательно, чтобы она легла в основу тех экспериментальных методов, которые применяются в новом институте экспериментальной психологии. В общем и целом, брошюра тов. Корнилова может быть метафорически сравнена с возбуждающей интерес прелюдией перед большой работой. В ней правильно намечены пункты марксистского пересмотра психологии. Автор по-марксистски подходит к целому ряду вопросов. Но в отдельных коротких главах небольшой брошюры он больше раздразнивает наш интерес, чем удовлетворяет его. Как истинный представитель точного знания, он подходит к теме с громадной осторожностью и осмотрительностью. И можно только пожалеть, что такой горячий и высоко-квалифицированный борец за марксистский пересмотр психологической науки до сих пор не имеет возможности дать нам один из тех трудов, которые мы в праве ждать от него. Тем более, что время не ждет, в некоторых кругах нашей марксистской публики водворяется настоящая психолого-боязнь, как это отмечает и сам автор, а практически, при отсутствии марксистской психологии, нет и той социальной психотехники, которая должна помочь нам не только в «изучении поведения людей», но и в том, «чтобы практически овладеть ими».

М. Рейснер.

Ю. В. ФРАНКФУРТ. Рефлексология и марксизм. (Учение Бехтерова и марксизм). С предисловием проф. К. Н. Корнилова и вступительной статьей проф. А. Б. Залкинда. Государственное Издательство. Ленинград 1924 г. Стр. 79.

Вопросы психологии и, в особенности, их рефлексологическая трактовка привлекают сейчас большой интерес к себе. Даже такие низкопробные суррогаты в этой области, как, например, пресловутая «теория новой биологии» Енчмена, и то пользуются вниманием. Книжка т. Франкфурт, впервые в более или менее систематической форме излагающая основы рефлексологии и дающая оценку этому методу, идет, таким образом, навстречу потребностям времени.

Небольшая и популярно написанная книжка т. Франкфурт анализирует кратко философские взгляды Бехтерева, вскрывает их эклектизм, выявляет прикрытую энергетическим флером общую материалистическую ориентацию его метода и, наконец, сжато излагает самую теорию рефлексов. Критический разбор общефилософских взглядов Бехтерева, данный в книжке, в общем правилен. Некоторая бессистемность и фрагментарность его приводят к тому, что точка зрения самого автора (в общем верная) выявлена недостаточно четко. Что же касается самого учения о рефлексах, то критические замечания т. Франкфурт напоминают отрывки из записной книжки, наспех набросанные для памяти, — настолько они лаконичны.

Книжка оставляет впечатление небрежности и поверхностности. Ни один

из поставленных вопросов не проанализирован достаточно полно и глубоко. Но, несмотря на все свои недостатки, она все же принесет известную пользу как в смысле пропаганды рефлексологии, так и в смысле выработки по отношению к ней правильных взглядов.

Предисловие т. Корнилова (очень краткое) рекомендует книжку учащейся молодежи, а вступительная статья т. Залкинда (тоже небольшая) характеризует положительные стороны рефлексологии.

С. Васильев.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

1. С. МОЛОЖАВЫЙ и Е. ШИМКЕВИЧ. Проблемы трудовой школы в марксистском освещении. *А. Залкинд.*—2. Проф. РОБЕРТ ГАУПП. Психология ребенка. *Н. Чехов.*—3. БОРОВИЧ. Как читать книгу. *В. Чарнолуский.* — 4. РИВЕС и ШУЛЬМАН. Опыт коммунистического воспитания. *М. Пистрак.*—5. Проф. Я. МАМОНТОВ. Хрестоматия современных педагогических течений. *Проф А Селиханович.* — 6. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СМОЛЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. Научные Известия. Том II. *Н. Ефимов.*

С. МОЛОЖАВЫЙ и Е. ШИМКЕВИЧ. — Проблемы трудовой школы в марксистском освещении. Изд. «Работник Просвещения». 1924. Ст. 140.

Серьезная, честная книжка. Тов. Крупская в своем отзыве о книге (отзыв напечатан перед введением) пишет: «очень оригинальный, продуманный с точки зрения марксизма, труд заслуживает самого большого внимания». В книге девять глав: иллюстративная школа и школа трудовая; групповой метод работы; развитие навыков в трудшколе; воспитание мышления в трудшколе; художественный образ в воспитании; слитность в работе трудшколы; детские интересы; игра; беседа.—Сжато, но сказано обо всем, что интересует сейчас трудовую педагогику.

«Обработка *представлений* [1]), анализ и комбинирование их, различные операции *над мыслями* и в мыслях,—вот что составляло основу и движущую силу старой культуры, резко дифференцировавшей единый жизненный процесс на две самостоятельных области и служившей преимущественно одной из них»,—четко определяют авторы методологическую основу старой педагогической системы.—«Подвести вплотную к предмету, чтобы сразу же вызвать образ его, как исходный момент дальнейшего его изучения; наглядность обучения, иллюстративный принцип—это крайняя точка педагогических достижений старой культуры». Даже при лабораторном способе обработки материала последняя «не была связана с жизненными запросами учащихся; лаборатория не вытекала из жизни и не возвращалась в жизнь. В простом констатировании факта мало активных моментов, которые должны получаться лишь *от прежнего жизненного опыта*—через *воспоминания, эмоции и двигательные импульсы* или же из отношения к факту в настоящем,—отношения опять-таки жизненного».—«Только *деятельность* в целом дает полное понимание предмета, и только собственная деятельность ребенка может ввести его в это полное понимание. Если знание не имеет глубоких корней в эмоциональной и двигательной сфере, если оно не являлось источником действий и планом будущих действий,—оно представляет из себя лишь простое восприятие».—«Трудовая школа проникает в лабораторию (т.-е. в психофизиологическую лабораторию. *А. З.*), где вырабатываются самые образы, стремится понять действительные импульсы образования представлений,—и на этих импульсах строит мето-

[1]) Курсив наш всюду.

ды воспитания». — И наконец: «знание, основанное целиком на труде, естественно вырастающее из труда,—знание как закрепление трудовых реакций и предопределение всего будущего поведения—вот сущность трудовой школы». Такая школа—*классовая* школа, так как «только пролетариат может взглянуть на труд открытыми глазами,—лишь перед ним широкая, подлинная перспектива на культурно-социальную роль труда». Ясно, стройно, серьезно, на 18 страницах исчерпывающе изложены основные принципы трудовой школы.

О групповом, т.-е. *коллективном, методе* авторы пишут: «принцип коллективизма требует прежде всего объединения детей общностью задания, единством волевого устремления,—только тогда группа перестанет быть суммой отдельных индивидуумов, простой мозаикой элементов».—Но этого, оказывается, еще мало: «Коллективизм должен проникать и одухотворять самый процесс работы, ее приемы, ее организацию», при чем «здесь возможны два пути—путь сотрудничества и путь разделения труда». При таких условиях—«образуется общая психологическая атмосфера, являющаяся могучим рычагом для выявления и роста психики отдельного ребенка. Сопереживать, сострадать, сорадоваться—это основная, формулирующая в социальном направлении сила, сглаживающая углы, образуемые чрезмерным развитием инстинкта самосохранения». Лишь общая цель и общая работа создают коллективизм,—«этого не создает ни наблюдение над чужими эмоциями, ни случайный обмен ими, ни внушение, ни нравоучения».—Авторы, между прочим, осторожно, скептически относятся к вопросу о полезности совместной работы при высшей интеллектуальной деятельности,—и здесь, по нашему мнению, робость их обусловлена лишь отсутствием в западной психологии убедительных опытов положительного характера. Те скромные пока, конечно, попытки более высокого коллективного эксперимента, которые проделываются сейчас у нас,—повидимому, в значительной степени смягчат эту робость. Понятно, должна быть оставлена «лазейка» и для чисто индивидуальной стадии творчества, но, чем эта стадия во времени окажется более далекой и чем теснее ее связывать с различными комбинациями коллективной работы (разделение труда), тем творчество, в общем, будет богаче по своим результатам.

В коллективной работе формируется и подлинная дисциплина, «вытекающая из осознания взаимозависимости и навыка организовать себя для других, из навыка задержки непосредственных проявлений своих импульсов». Доверяться в этом вопросе целиком детским инстинктам, по мнению авторов, нельзя, так как у ребенка нет еще «готовых предрасположений, которые непосредственно вели бы его к социализации психики. Инстинкты надо *направить* [1]) так, чтобы образовать комплекс мыслей, эмоций, навыков, необходимых для социального существования». С мыслью о необходимости социально *направить*, т. - е. *организовать*, детскую активность нельзя не согласиться,—но все же авторы, по нашему мнению, преуменьшают силу инстинктивных детских социальных устремлений. Инстинкты эти пока педагогикой плохо использованы,—вот почему скептическое к ним отношение. Особенно повинна в этом ветеринарная «педагогика» первых детских лет (грубо медицинский подход—без какой бы то ни было педагогической идеи), которая, вообще, кроме детского желудка, ничего почти не замечала в эти, педагогически наиболее ответственные, годы.

Ценно замечание авторов по поводу воспитания навыков, — замечание, которое следует резко противопоставить выдумкам многих современных западных педагогических авгуров (хотя бы тех же Бинэ и Симона) [2]). Нельзя искусственно выделять и специально прорабатывать навыки, так как это «подрывает жизненную ценность, психологическое единство, воспитывающий характер всей школьной работы; навыки—это только средство, а не содержание, не смысл, не цель».

---

[1]) Курсив наш.

[2]) См. нашу рецензию в предыдущей книжке журнала.

О воспитании единства всех форм так наз. мыслительного процесса: «акт мышления в процессе действия — полный, законченный акт: в нем путь от действия,—его условий и обстановки—к работе мысли и ее продуктам и путь от умственных образований к действию». Оба пути неотделимы,—и лишь наша резко дифференцированная культура обособила их, как самостоятельные методы: т. наз. индуктивный и дедуктивный метод. «Поэтому правильное воспитание мышления—воспитание полного акта мышления, включающего в себя оба мыслительных пути». Даже интуиция порождается конкретным непосредственным опытом, и даже грубый эмпиризм таит в себе обобщающую силу мысли.

Следует, однако, поспорить с попытками авторов резко-принципиально, теоретически противопоставить мышление художественному образу. Эти попытки, кстати, противоречат предыдущим соображениям авторов об единстве мыслительного процесса.—«В мыслительных процессах уходит, распыляется, рассеивается все богатство нашей психофизиологической установки, и мы остаемся в сфере холодной абстракции». «Совсем не то—художественное воспитание: оно не лишает явления действительности их жизненной силы со всей ее возбуждающей волю и чувство энергией».—Конечно, такое разделение совершенно условно. Огромный эмоциональный заряд присущ и так наз. мыслительному процессу,—это проявляется как в стимулах («обжигающие соки желаний»), которые получает последний, так и в силе его влияния на других людей. Художественно, т.-е. эмоционально зажигающе, можно преподнести и образ, и представление; фактически в правильно построенном мыслительном процессе художественный элемент должен быть всегда на-лицо. Авторы правы лишь в отношении к изуродованному, больному мышлению, сверхабстрактному, «почти бесплотному»,—оторвавшемуся от реальности, т.-е. и от объективной истины. *Технически* же (не теоретически), пока у нас еще существует изолированно так наз. искусство,—говорить об особых методах художественного влияния мы, конечно, имеем право,—и с этой частью соображений авторов, в приложении их и к педагогике, согласиться можно.

Вполне приемлемы положения о недопустимости противопоставления игры труду: «для нас игра—планомерная, строго рассчитанная работа; мы должны приложить все усилия к тому, чтобы для ребенка она не стала противоположностью работе; у игры и у труда—однородность психологического процесса. «Игра, сохраняя все преимущества творческой деятельности, является в то же время физиологическим приспособлением к среде, к ее условиям, к работе в ней и выработке необходимых навыков для этой работы» и т. д. и т. д.

Спокойно, деловито, серьезно, на всем протяжении книги, страница за страницей, развертываются основные соображения трудового воспитания. Хорошая, нужная книга.

Несколько слов о субъективизме терминов книжки. Конечно, желательно бы оставаться исчерпывающим объективистом не только в эксперименте, не только в практической работе, но и в терминологии. К сожалению,—если подобный объективизм вполне осуществим при голом лабораторном эксперименте (хотя бы в работах проф. Павлова),—от него приходится частично отказываться, как только мы переходим к горячей массовой практике. Сейчас не существует еще ни одного психологического труда, где в объективных понятиях давалась бы богатая методическая рецептура,—объективные термины еще слишком бедны материалом,—и поэтому поневоле приходится пользоваться — понятно, *под жестоким объективным контролем* — отдельными субъективными формулировками. Конечно, чем скорее мы от них откажемся, тем лучше,—однако это целиком зависит от темпа *практического развития* объективной психологии. В данной книжке, пожалуй, этого субъективизма терминов—слишком много.

А. Залкинд.

Проф. РОБЕРТ ГАУПП. Психология ребенка Педагогическая библиотека. Серия 4, № 1. С 4-го, значительного измененного, немецк. изд. Перевод и редакция С. В. Кравкова. Государственное Издательство. Ленинград 1924 г. Стр. 320.

Книга эта не новость в нашей педагогической литературе: она была напечатана еще в издательстве О. Богдановой в переводе Левоневского—в 1920 году. Теперь она появляется в новом переводе, сделанном с 4-го, значительно измененного, издания.

Предоставляя специалистам разбирать эту очень легко и популярно написанную книгу с точки зрения научной психологии, мы ограничимся некоторыми замечаниями о ценности ее для педагога. Вопросы психологии ребенка должны близко касаться каждого педагога, и очень важно иметь книгу, которая знакомила бы начинающего учителя с этой отраслью науки в целом объеме. Книга Гауппа может отвечать этому назначению, но только как первая, а отнюдь не как последняя книга. Ограничиться ею одною учитель не должен и не может. Не может потому, что она оставит в таком случае неудовлетворенным, не получившим ответа на некоторые самые существенные вопросы его практической работы. Первая часть книги «Раннее детство» дает достаточно материала для ознакомления с этим возрастом настолько, насколько это может быть необходимо и полезно для школьного работника, для дошкольника же этого материала будет недостаточно.

Психология ребенка школьного возраста разработана подробнее, но и в этой работе психолог берет перевес над педагогом. Педагогические советы даются применительно к чужой, преимущественно немецкой, практике и могут привести в недоумение учителя.

Что извлекут наши учителя из таких указаний: «60 минутный урок является слишком продолжительным. Спокойствие и прием пищи во время перемен предпочтительнее, чем беготня по двору и саду»... «Хорошие, увлекающиеся учителя... могут утомлять ребенка более, чем учителя скучные»... «Если уроки и занятия длятся до обеда от $5^1/_2$ (sic!) до 12 ч. дня и после обеда от 2—9, то подобное расписание порождает лишь бессмысленное переутомление» (еще бы!). Очень недостаточно и поверхностно рассмотрены две последние части: 3-я—психические различия полов в детском возрасте (7 стр.) и 4-я—юность (5 стр.).

Едва ли можно теперь нам принять такой вывод, сделанный в конце первой из этих частей. Нам нужны мужчины со всеми преимуществами их мужского гения и женщины—со всей полнотой их женской души». По отношению к юности почти все положения только высказываются, но не обосновываются, а некоторые из них могут вызвать большое недоумение, как, например, такое утверждение: «громадное влияние—и часто вредное—оказывает в эту эпоху чтение».

Совсем чуждыми нашему педагогическому уху звучат и такие слова: «По отношению к тем детям, у которых эти чувства развиты, воспитатель не нуждается в том, чтобы прибегать к телесным наказаниям». Итак, телесные наказания имеют целью заменить чувство собственного достоинства? Или такое место: «Это есть возраст (от 6 до 7 лет), когда начинает впервые пробуждаться *понимание* (?) сверхчувственного в области религии. Вечерняя молитва уже не отбалтывается только по привычке, но уже имеет стремление вызвать у себя представление о боге,—представление, конечно, антропоморфическое» (стр. 137). Соответственно этому в числе входящих в исследуемые круги представлений ребенка школьного возраста на первом месте имеются вопросы: «что такое молитва?» (в Рохлитцской школе знали это 83,3% детей). 95,5% учеников той же школы «знали что-либо о боге» (стр. 161). Все это для нас, пожалуй, излишне, и переводчику следовало или опустить эти места, или, по крайней мере, оговориться, что все это касается только немецкой школы, а у нас отношение к этим вопросам несколько иное.

Повторяем все-таки, что для учителя, начинающего знакомиться с психологией ребенка, книга может быть полезна, несмотря на указанные странности, главным образом своею 2-й частью (психология ребенка школьного воз-

раста), занимающею, кстати, значительную часть книги (137 стр. из 320).

Ценными являются особенно главы, трактующие о круге представлений ребенка при поступлении в школу, о способности восприятия, памяти, психической работоспособности и об учении об одаренности. Интересный материал можно найти в главах: психология показаний и способность школьника письменно выражаться. В книге имеется еще дополнение, посвященное психически ненормальным детям.

Н. В. Чехов.

БОРОВИЧ. Как читать книгу. О чтении. О книгах. О записи. Издательство «Труд». Харьков 1924. 128 стр.

Книга разделяется на следующие главы: Для чего читать. Книга и читатель. Беллетристика. Что читать. Техника чтения. Следы прочитанных книг. В приложениях даны: Вопросы и ответы. Мысль о чтении и книгах. Вопросник Владиславлева. Примерные «мосты» для начинающих читателей. Образец карточки для выписок. Список и краткая характеристика некоторых библиографических указателей. Литература о чтении книг. Список некоторых издательств. Книга снабжена предметным указателем.

В общем, книга дает правильное и всестороннее освещение вопросов чтения, но в некоторых своих частях она вызывает серьезные возражения. По основному вопросу чтения автор держится взгляда, что «надо читать лишь то, что возбуждает наш интерес, что интересно». Однако понятие «интереса» недостаточно определенно и устойчиво; гораздо более отвечает задачам сознательного чтения, в особенности же чтения для самообразования, понятие необходимости и важности того или другого вопроса для данного читателя. В связи с этим, нельзя признать правильным и взгляд автора на вопрос о плане чтения: полезность строгого плана и программы работы он признает только для «уже искушенного читателя, работающего в определенной области и по определенному вопросу». Для начинающего же читателя порядок этот, по мнению автора, «не только бесполезен, но подчас даже и вреден, ибо стеснителен»; для него на первом плане должна стоять все та же «заинтересованность». Что многие читатели на практике руководствуются именно своей, обычно совершенно случайной и неосознанной, «заинтересованностью»—это совершенно верно. Но не менее верно и то, что благодаря этому сплошь и рядом тратится или совсем зря, или очень мало продуктивно, масса времени и сил. И хотя начинающий читатель, конечно, может составить для себя лишь очень несовершенный план чтения, тем не менее план этот важен для него нисколько не менее, чем для читателя «искушенного», и является одним из необходимейших условий сознательного, продуктивного чтения. Что касается рекомендуемой автором техники чтения, то он является сторонником карточной системы записи чтения. Однако рекомендуемый им образец карточки для выписок должен быть признан слишком сложным и неудобным; едва ли есть смысл не только для массового, но даже и для среднего читателя рекомендовать отведение на каждой карточке с выписками специального места для «заметок читающего»: в огромном большинстве случаев, место это будет пустовать, а в тех случаях, когда такие заметки понадобятся,—для них без труда найдется место и на каждой простой карточке.

Чрезвычайно неудобной и громоздкой является также рекомендуемая автором стенная «рама для выписок»; гораздо проще и лучше практиковать в этих случаях систему простых папок (из обыкновенной писчей бумаги) для временной классификации в них выписок и материалов по интересующим читателя в данный момент вопросам.

Книга написана популярно и, несмотря на отмеченные дефекты, должна быть признана полезным пособием для работников просвещения, в особенности для библиотекарей, а также и для всех читателей, стремящихся к правильному сознательному чтению. Для слабо подготовленных читателей она, однако же, будет не совсем доступна.

В. Чарнолуский.

РИВЕС и ШУЛЬМАН. Опыт коммунистического воспитания (От школы-коммуны к детскому городку имени Октябрьской революции). Госиздат. Педагог. Библиотека. Серия 3. № 2. Москва 1924. Второе издание. XIII+168 стр.

В названной книжке авторы—практические работники данного детучреждения в Одессе—рассказывают почти день за днем, как из хаотической массы ребят в заведении «приютского» типа постепенно вырастал активный и самодеятельный детский коллектив, как росли, ширились и углублялись детские интересы социального порядка, сементировавшие ребят между собой, как постепенно новое педагогическое течение, опиравшееся на идеи Октября, завоевывало реальную жизненную практику.

Это не научный разбор опыта данного учреждения, а полный пафоса и подъема рассказ о пережитом как педагогами, так и ребятами. Авторы, «нераздельно слившись со своим детским мирком..., вместе с ним трудились и терпели, радовались и горевали, боролись и побеждали».

Как всегда бывает в таких случаях (т.-е. в педагогических опытах нашего времени), педагогическая задача и пути ее разрешения не были заранее детально и до конца продуманы, план не был разработан предварительно, с тем, чтобы по нему создавать детучреждение. Педагогические идеи оформлялись и крепли в процессе работы, более того—сами педагогические задачи ставились и формулировались не заранее, а в ходе самой жизни.

Школа-коммуна № 1 (а затем—Детский городок) не превратилась еще за время, описанное авторами (1920—21 г.) в прочно организованное учреждение с определенной установкой воспитания и программой образовательного характера. Они собственно лишь подошли вплотную к этой задаче—и здесь обрывается рассказ.

Но подготовительный период характерен тем новым, что стало достоянием педагогики коммунистического воспитания, новым, которое можно сформулировать так:

Первая задача воспитания в детучреждении—создание детского коллектива, осознание детьми себя, как единого коллектива, действенного, творческого и коммунистически (в быту) настроенного. На этой базе можно уже строить прочную самоорганизацию, школьную работу и общественный труд и т. д.

Пути к созданию детского сплоченного коллектива: претворение эгоистических, распыленных и разнонаправленных интересов ребят в интересы социального порядка.

Механизм этого претворения — повседневное педагогическое творчество учителя и воспитателя.

Авторы так иформулируют свою задачу: *«сублимировать и направить все бурлившее и клокотавшее в детской среде в сторону коммунистической самоорганизации»*.

«Основным дидактическим приемом в нашей работе было следующее: *ухватившись за основные рычаги жизни беспризорных детей, повернуть их лицом к себе, к задачам их собственного коллективистического самовоспитания*. Такими рычагами мы считали: жажду самостоятельности, стремление к деятельности и творческому проявлению энергии; тягу к массе, к широкому общению, к живым массовым встречам и столкновениям, к объединяющему ритму и к слиянию с широкой, движущейся и волнующейся средой; стремление распространять свои взгляды и идеи среди своих сверстников, убедить их в том, что они считают хорошим и интересным («агитаторский зуд»); жажду борьбы и всевозможных видов состязаний, потребность в разнообразных развлечениях и играх; любовь и уважение к стройным построениям и бодрящей, подтягивающей самодисциплине, к самостоятельно созданному стройному порядку (дисциплина шаек); радость от ощущения и сознания своего собственного роста, от чувства своих крепнущих и развивающихся сил и от общественного признания и оценки своих достоинств и успехов; наконец, обостренную чуткость и враждебность к социальным несправедливостям и неравенству» (стр. XI, XII).

Нужно сказать, что авторы не только правильно поставили основную задачу воспитания, но и правильно ее проводили в жизнь. Несомненно, тот год,

когда опыт этот проделывался, был одним из самых тяжелых в материальном отношении и самых бедных в идеологическом в области педагогики. Внешний мир мало оплодотворял книжную деятельность данного детучреждения. Не было ни детского коммунистического движения, ни сильно развитого комсомола, ни поля широкой общественной деятельности ребят, какое сейчас открывается. Не было атмосферы общественно-педагогического порядка, в которой работа авторов могла бы получить и широкий размах и большую моральную и идеологическую поддержку. Неудивительно поэтому, что они шли зигзагами, иногда обходными путями, порой не замечая того нужного, что было под рукой, но что им не удалось счастливо ухватить. Несомненно, что сейчас, сегодня, их опыт был бы куда плодотворнее.

Книжка читается с огромным интересом и, как говорят, «как занимательный роман».

С нею должен познакомиться каждый воспитатель, каждый учитель.

М. Пистрак.

Проф. Я. МАМОНТОВ. Хрестоматия современных педагогических течений. Государственное Издательство Украины. 1924. 558 стр.

В хрестоматии приведены статьи и отрывки следующих педагогов: Э.Кей, Л. Гурлит, Л. Толстого, К. Вентцеля, Э. Линде, Э. Вебера, Г. Щаррельмана, Ф. Гансберга, Г. Кершенштейнера, В. Рейна, Ф. Ферстера, П. Наторпа, Р. Зейделя, Д. Дьюи, Г. Шульца, П. Эстрейха, Н. Крупской, П. Блонского, А. Луначарского, Г. Гринько, Г. Будде, М. Рубинштейна. В. Лая, Г. Мюнстерберга, М. Монтессори, С. Фрейда. Перечисляю в том порядке, как они следуют в хрестоматии.

Сразу бросается в глаза пестрота содержания, засилье немцев, отсутствие французов и англичан и недостаточное внимание в нашей советской педагогике.

Нашей современной советской педагогике уделено только 70 страниц из 558. И как можно было не поместить ни одной статьи или отрывка Ленина, величайшего современного воспитателя. Следовало бы напечатать и яркую статью Л. Троцкого «Задачи коммунистического воспитания». Эти пробелы создают неверную перспективу для современных педагогических течений.

В своем предисловии составитель утверждает, что в современной педагогике господствует хаос, и если хрестоматия должна отражать этот хаос, то цель достигнута.

Но стоило ли ради этой цели составлять учебную хрестоматию?

Выбрав за исходные точки при выборе авторов и отрывков коллектив учащихся, педагога и дидактический материал, составитель, повидимому, стремился дать понятие о педагогической системе каждого автора. Задача эта— непосильная для хрестоматии. Во всяком случае, нужны вступительные статьи. Ну что можно вынести о системе Дьюи из трех его статеек: «Задачи и цели воспитания», «Школа и общественный прогресс», «Призвание в воспитании». Еще меньше для характеристики системы Н. Крупской дает сама по себе прекрасная статья «Общественное воспитание».

В своей вступительной статье проф. Я. Мамонтов критикует, и совершенно справедливо, все попытки классификации современных педагогических течений, но его собственная классификация вызывает не меньше сомнений. Например, педагогический индивидуализм у него разделяется на анархический и эстетический. Но разве они исключают друг друга? Как раз Эллен Кей их соединяет. Нельзя ставить Л. Толстого после Э. Кей и Л. Гурлита: ведь Толстой на них оказал влияние, а не наоборот.

Наиболее спорно зачисление в эклектики таких различных педагогов, как Мейман, Фрейд и другие. М. Рубинштейн также зачислен в эклектики, и вдобавок, в идеалисты—не поблагодарит. К тому же без достаточных оснований. Получается впечатление, что к группе эклектиков отнесены, по методу исключения, все те, кто не подошел к первым двум группам: педагогических индивидуалистов и коллективистов. Не-

сколько комично звучит отнесение к коллективистам таких государственников, как Ферстер и Кершенштейнер. Конечно, они за социальность, но социальность бывает разная.

Если бы составитель в центре поставил нашу советскую педагогику, а затем рядом представителей родственных ей течений Запада, а для контраста выставил бы образцы чисто буржуазной педагогики, то хрестоматия приобрела бы цельность, она не только давала бы образцы современных педагогических взглядов, но и наталкивала на известные выводы. А то студент нашего педфака едва ли разберется в этом разнообразии имен и направлений и еще в большем разнообразии мнений.

Если оставить в стороне органический недостаток—непосильность поставленной задачи, то нужно признать, что хрестоматия составлена со знанием дела и добросовестностью. Из каждого автора выбраны яркие отрывки, и книга читается с большим интересом.

Проф. А. Селиханович.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СМОЛЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. Научные Известия. Том II. Общественно - гуманитарные науки. Смоленск 1924. Стр. 212+III.

До войны все наши университеты выпускали свои «Ученые записки» или «Известия». Война—империалистическая и гражданская—подорвала эти печатные органы, и только в последние 3—4 года их издание стало со все возрастающей интенсивностью опять налаживаться. Молодые, возникшие во время революции, вузы в этом отношении опережают вузы старые. Достаточно солидные сборники научных трудов своей профессуры выпустили за последнее время университеты саратовский, самарский, иркутский, минский и бакинский. Пока менее энергично проявили себя в издательском отношении университеты пермский, донской, ярославский, средне-азиатский и воронежский. На точке замерзания стоит научное издательство в вузах Украины. Для молодых вузов, обязанных своим существованием революции, издание научных сборников, кроме своего прямого назначения—дать научным работникам возможность публикации их научных трудов, служит нередко средством доказать, при производимом сокращении сети вузов, свою научную работоспособность, обосновать свои права на дальнейшее существование. Позже других заявил о своей научной производительности Смоленский университет. I вып. его «Научных Известий», вышедший год тому назад, свидетельствовал, что университет существует, стойко борется за свое существование, качественно подтягивается. Только что вышедший том II содержит 8 статей—по правоведению, истории, этнографии, педагогике и философии. Проф. М. Рейснер в своей интересной статье «Революция и право» подвергает оценке с марксистской точки зрения наблюдающееся у нас в последние годы возрождение юриспруденции, наши новейшие опыты в области теории права. С полным знанием дела написана работа проф. А. Ясинского «Очерки и исследования по хозяйственной истории средневековой Чехии», где автор исследует вопрос о происхождении и природе чешских поземельных единиц. С. А. Покровского интересует «Общественно-историческая теория в политических планах декабристов». Л. Лавровский предлагает исправление одного испорченного места в космографии так наз. анонимного Равенского географа. Неблагоприятное впечатление производит статья П. Галанзы «Идеология гомеровского общества»: автор предпринимает пересмотр всей теории исторического познания, в особенности проблемы единства и многообразия в бытии, но при этом не обнаруживает ни необходимой эрудиции, ни стройности и убедительности мыслей. Дилетантский характер носит статья Е. Клетновой «Остатки змеиного культа в пределах Смоленской губ.»; приводимые ею доказательства, в сущности, не имеют отношения к делу. Сотрудники Смоленского Педмузея А. В. и А. П. Серебренниковы дали не лишенную интереса обработку сочинений смоленских школьников 1-й и 2-й ступени по вопросу об их профессиональной ориентации. Львиную долю

сборника занимает статья В. Миллера «К вопросу о философском наследстве», посвященная пересмотру кантианства со всеми его разветвлениями (не чужда индивидуалистически-самохвального тона новичка в науке). Общее впечатление от сборника (за вычетом указанных недочетов) вполне удовлетворительное. Недостатки внешности издания: разноцветная бумага, большое количество пропусков и опечаток, путаная брошюровка.

Н. Ефимов.

БИБЛИОГРАФИЯ И БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ.

1. Н. ОРЛОВ. Библиография библиотековедения за годы революции (1917—1924). *А. Сигорский.*—**2. G. SCHNEIDER. Handbuch der Bibliographie.** *Л. Хавкина.*

Н. Н. ОРЛОВ. Библиография библиотековедения за годы революции 1917 — 1924; Изд. «Колос». Ленинград 1924 г. Стр. 95. Тираж 4.000.

Если принять в расчет, что колоссально пестрая и настолько же колоссально-интересная литература по библиотековедению за годы нашей революции в полном объеме не учитывалась и описана лишь частично в отдельных трудах наших библиографов и библиофилов—перечень-справочник Н. Н. Орлова (секретаря Рус. Библиограф. Об-ва при Московском университете) нужно признать и очень своевременным, и очень ценным. При том—ценным не только «для историка, академически изучающего вопрос,—он не менее нужен и для практика в его текущей работе» (стр. 9).

Нужно подчеркнуть, что все-таки книжка Н. Н. Орлова в большей мере ценна будет именно для академических работ историка, чем для практика-библиотекаря: подробное описание библиотечной литературы совершенно не дает гарантии доброкачественности того или другого издания, и средний библиотекарь заплутается в длинной веренице изданий по одному и тому же вопросу, не будучи в состоянии выбрать хорошее без непосредственного ознакомления с самой книгой. В этом ему мог бы помочь дополнительный указатель *рецензий* на описанные издания — хотя бы только в специальных библиографических изданиях.

Автор, между прочим, оговаривается, что в его перечень вошли, вероятно, не все *провинциальные* издания по библиотековедению, так как связь с провинциальными издательствами в первые годы революции была из рук вон плоха, и отдельные издания,—появляясь в различных уголках страны, — порой бесследно для центра рассасывались в небольшом районе, не попадая за его пределы. Тем не менее, автор надеется, что *три четверти* вышедшей литературы в перечень определенно вошло. Признаем—и это уже заслуга, ибо такого перечня, вероятно, не сможет дать и официальная «Книжная Летопись» Книжной Палаты, куда «чужие» издания попадали только случайно и разрозненно.

Основной недостаток разбираемой книжки тот, что в ней взяты на учет и подробно описаны лишь *отдельные издания* и совершенно не задеты богатейшие печатные материалы по разбираемому вопросу, не увидевшие света в отдельных оттисках, но бесконечно ценные как первые опыты-попытки нового подхода к библиотечной работе, к работе с печатным словом вообще.

Эти материалы разбросаны положительно по всем провинциальным изданиям—в газетах, сборниках, официальных отчетах политико-просветительных гражданских и военных учреждений, в виде приложений к отдельным выпускам учрежденских журналов и приказов и пр. Отсутствие приличного перечня этих материалов делает разбираемый справочник особенно неполным.

В книжке описано 371 издание. Описание разбито на ряд дробных отделов, числом 32; дано, кроме того, в приложениях: каталоги библиотек за те же годы (1917—1924), литература по библиотековедению, вышедшая на территории России не на русском языке, и вспомогательные указатели к описанным изданиям—очень удобные для справочной работы—авторов и редакторов, анонимных изданий и изданий по городам.

А. Сигорский.

GEORG SCHNEIDER. Handbuch der Bibliographie. Leipzig. Hiersemann. 1923. 4°. S. 544. Dasselbe. Zweite unveränderte Auflage. 1924.

Г. ШНЕЙДЕР. Руководство по библиографии. Лейпциг. Изд. Хирземан. 1923. 4°. Стр. 544. То же. Второе неизменекное издание. 1924.

Перед нами новое руководство по библиографии — капитальный труд большого специалиста, имеющий значение не только для Германии, но и далеко за ее пределами, и восполняющий пробел, который давно ощущался. Первая часть его, теоретическая, состоит из ряда глав, снабженных эпиграфами, преимущественно из Гетевского «Фауста»; вторая, занимающая более половины книги, представляет обстоятельную «библиографию библиографии», доведенную до наших дней. В конце два подробных указателя — алфавитный и предметный.

Автор ограничивает свою задачу областью библиографии в собственном смысле, которую он определяет, как «учение об указателях книг» (Schriftenverzeichnisse). Он не сторонник понятий «библиология, библиогнозия, книговедение, библиография в широком смысле», которые «не входят ни в какую систематику», притом «расплывчаты и дают повод к разноречивым и спорным толкованиям их содержания». Однако, определяя библиографию, как нечто самодовлеющее, он указывает на ее соотношение с смежными ей областями, устанавливая их точки соприкосновения и границы. Он усматривает цель библиографии в ее практическом применении и сильно иронизирует над такими библиографами, которые «интересуются книгами лишь как объектом для библиографического описания» и каталог ценят больше, чем самые книги. Он придает особенное значение таким указателям, которые помогают проникать в сущность книги, и употребляет даже особый термин «библиография мыслей» (Gedankenbibliographie). Определяя различные типы указателей, он точно устанавливает связь между заданием каждого из них и соответственной внешней формой, т.-е. тем или иным расположением материала и т. п.

Попутно даются также определения различных типов библиографов с тем или иным уклоном: библиофильским — когда центром внимания у них является эстетическая внешность книги, коммерческим—когда книга трактуется, как товар, библиотекарским—когда книга рассматривается с токи зрения ее использования, ученым—когда охватывается полнота материала, и т. д. Живое изложение пересыпается краткими характеристиками некоторых известных в свое время библиографов, как Геснер, Эберт, Трюбнер, Паницци и др.

Далее, много уделено технике составления указателей, источникам, способам описания и группировке материала, при чем сопоставляются различные точки зрения. Большой интерес представляют главы: «Мысли о книжной статистике», где он высказывает ряд ценных соображений о тех улучшениях, которые желательны в этой области, и «Универсальные библиографии», где он возбуждает вопрос о границах библиографии, которая из-за книг, представляющих «трупы», частично превращается в «кладбище», и о целесообразности затрачиваемого на это труда. К этому он снова возвращается, когда, говоря о библиографических учреждениях, касается всемирного библиографического репертуара, составляемого Международным Библиографическим институтом в Брюсселе.

На деятельности этого института он несколько останавливается и дает ему следующую характеристику: «То, что Международный Библиографический институт основан любителями, а не спе-

циалистами, еще не умаляло бы его работы. Энтузиазм, усердие, настойчивость присущи ему в высокой степени. Но теневые стороны дилетантизма слишком сильно дают себя чувствовать. Расплывчатость, несмотря на сильно выраженное стремление к систематизации, отсутствие критического чувства меры, перегоняющие друг друга неоконченные планы, и все гигантских размеров, вот основные черты деятельности Института... Он собирается дать нам всемирный каталог и всемирную библиографию. Он собирается следить за статистикой мировой книжной продукции и в широком и в тесном смысле: подсчитывать не только ежегодно выходящие книги и журнальные статьи, но также—в миллиардах—число ежегодно печатаемых слов, среднее число слов на странице, общее число напечатанных в мире слов... Он стремится—и эта цель у него затмевает все другие—возвести переработанную им десятичную классификацию Дьюи в мировую систему, словно в этом заключается Грааль библиографии. Спустимся лучше с облаков» (стр. 194). В главе о системах классификации очень серьезному разбору и критике этой системы посвящен десяток страниц. Теоретическая часть «Руководства» заканчивается сжатым очерком «Развитие библиографий», в котором, подводя итоги за четырехвековый период, автор отмечает, какие задачи ставит перед библиографией настоящий момент и как к ним надо подходить.

Прикладная часть «Руководства» представляет особенную ценность, так как свидетельствует о глубоком, непосредственном знакомстве автора с описываемыми им книгами и о его громадной эрудиции. Каждое название снабжено подробной аннотацией. Библиография разбита на пятнадцать отделов, как-то: международные библиографии, национальные библиографии, библиофильские указатели, указатели инкунабул, журнальные библиографии и т. д. В пределах каждого из них литература расположена по девяти «областям языков» (Sprachgebiete), т.-е. объединена не по географическому, а по филологическому признаку, напр., к испанско-португальской области, кроме Пиринейских стран, отнесена латинская Америка и Филиппины. Материал по Германии доведен до 1923 года, по другим странам—до 1921. Чрезвычайно важно, что при каждой «области языка» дается последовательная статистика книжной продукции на этом языке с того года, как ее возможно установить и не менее чем до 1920 года, при чем во многих случаях отмечается количество новых и повторных изданий и сопоставляется книжная продукция с количеством населения и с местным состоянием грамотности.

Ясно, что эта замечательная книга—труд целой жизни. Автор в предисловии указывает, что она увидела свет лишь благодаря «отважному» издателю, который в такое трудное время решился ее напечатать. И после автора, сделавшего такой ценный вклад в библиографическую литературу, все заинтересованные этой областью должны быть благодарны издателю за очень тщательную внешность книги и ее невысокую цену (в России она стоит полчервонца). О приеме, какой встретило «Руководство» Шнейдера, говорит тот факт, что через несколько месяцев понадобилось второе его издание.

Л. Б. Хавкина.

НАРОДЫ И СТРАНЫ.

1. И. КЕЛЬИН. Япония. *Н. Попов-Татива.*—**2. Л. ВОЙТОЛОВСКИЙ. У японцев.** *В. Л. Виленский (Сибиряков).*—**3. В. ГЛЫБОВ. Горе Бессарабии.** *В. Дембо.*—**4. Л. АЛЕКСАНДРИ. Бессарабия и бессарабский вопрос.** *В. Дембо.*

И. КЕЛЬИН. Япония. Культурно-исторический и экономический очерк. Госиздат. Ленинград 1924. Стр. 168. Тираж 5.000.

При всем желании сказать что-нибудь хорошее о книге И. Кельина, это оказывается почти невозможным. В предисловии к книге сказано, что она предназначается для самообразования и в качестве пособия (хрестоматии) для изучения экономической географии на рабфаках и в старших классах школ 2-й ступени. Поставленная автором себе задача налагает на него определенные обязательства как в смысле критического отношения к источникам, коими автор пользуется, так и в смысле обработки преподносимого автором материала.

Но Кельин не удовлетворяет ни одному из этих требований, что, конечно, обусловлено малой осведомленностью автора в затрагиваемых им областях. Перечислить ошибки и искажения, которыми переполнена книга Кельина, значило бы написать новую книгу. Мы ограничимся указанием на несколько фактов. Прежде всего автор искажает до неузнаваемости японские и китайские слова и собственные имена, напр.: эттасы (стр. 20), куго (стр. 36), Киау-чу (стр. 92). Чем вызвано это варварство? Конечно, прежде всего нежеланием обратиться к специалистам (а ведь такие есть), так как такое обращение неизбежно выяснило бы всю безрассудность предпринятого автором предприятия. В главе о народонаселении автор говорит, что свыше 80% населения Японии живет в деревнях; получается впечатление, что Япония страна преимущественно аграрная (стр. 18), да так думает и сам автор («Япония представляет собой страну исключительно земледельческую», стр. 43). Но вот по данным 1918 г. (ежегодник газеты «Маинти Симбун» за 1921 г. — на японском языке), в городах и поселениях городского типа проживало 37% населения, а в деревнях—не свыше 63% общего населения Японии. Но и эта последняя цифра оказывается сильно преувеличенной, так как в действительности 11 с половиной миллионов человек проживало в деревнях с населением свыше 5.000 человек, которые также правильнее отнести к поселениям городского типа. Таким образом мы получаем, что сельским хозяйством в Японии занято около 45% всего населения, или до 25 миллионов человек. В действительности Япония сегодня является страной аграрно-индустриальной, с явным перевесом начала индустриального, в чем можно убедиться, если ближе познакомиться с бюджетом страны, с элементами и балансом ее внешней торговли, с составом ее правительства и господствующих политических группировок.

Говоря о реставрации императорской власти в Японии, Кельин ошибочно полагает, что со дня реставрации каждый японец получил доступ к самым высшим чинам (стр. 32), тогда как на самом деле вся власть оказалась захваченной представителями четырех господствующих кланов, Тесю, Сацума, Тоса и Хидзэн, которые и распределяли высшие должности между выходцами этих кланов. Автор очень прогрессивен. Он пылает негодованием, говоря о бездарной царской дипломатии (стр. 38), и с уст его срываются выражения резкого порицания русской политики за ее убожество и преступность (стр. 40), когда автору нужно... оправдать ограбление Японией Китая после японо-китайской войны 1894—1895 г. г. «благодаря нелепому и фатальному вмешательству царского правительства Япония лишилась почти всех плодов своей победы над Китаем», стр. 40).

На стр. 86—87 Кельин уже вздыхает о сферах влияния в Восточном Туркестане, Монголии и Северной Маньчжурии, а на стр. 89 открывает новую Америку—оказывается, что Китай формирует свою армию против России!!! На стр. 97 Япония оказывается прямотаки благодетелем Китая, так как «после русско - японской войны раздел Китая стал невозможен, и всякая попытка встретит отпор японцев». Другим перлом в книге Кельина служит его утверждение (стр. 95), что в «истории Китая нет периода, когда бы он поднялся на высокую степень культуры»!!!

Желая быть современным, автор постарался пропитать свое изложение социалистическим а может быть, и коммунистическим духом. Здесь также не мало перлов, о которых можно судить хотя бы уже по одному заглавию XI главы книги — «Япония в свете социально-коммунистического принципа» (стр. 140).

Подводя итоги, приходится признать, что книга Кельина не отвечает поставленным ей задачам. Она не может служить учебным пособием не только потому, что написана лицом, не имеющим понятия о культуре, истории и политике Японии, но также и потому, что автор политически совершенно неразвит. А между тем собранный автором материал мог бы дать хорошую и полезную книгу, конечно, если бы редактирование ее было поручено специалисту-японоведу. В нашей литературе появилось уже достаточно хлама по Востоку. Если мы действительно серьезно интересуемся Востоком, давно пора обратить внимание на то, чтобы дальнейшему печатанию всякой макулатуры безответственных авторов был положен предел. Госиздат всегда имеет возможность обратиться за необходимыми справками и отзывами в Ленинграде—в Коллегию востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии Наук, а в Москве—в Восточную Секцию Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов при 1 МГУ. И это явилось бы безусловной гарантией от всяких недоразумений в будущем.

Попов-Татива.

Л. ВОЙТОЛОВСКИЙ. У японцев. Из путевых впечатлений. Кни оизд. «Книга». 1924 г. Стр. 78.

Путевые впечатления Войтоловского о Японии, собранные в рецензируемой книжечке, написаны десяток с лишним лет тому назад, вскоре после русско-японской войны и в свое время были напечатаны в «Киевской Мысли». Сейчас, под непосредственным впечатлением японской катастрофы землетрясения, автор собрал эти старые впечатления, снабдил их предисловием и заключительной главой и так выпустил в свет.

Ни предисловие, ни заключительная глава ценности из себя не представляют, ибо это есть бледный пересказ существующей литературы об японском империализме и отчасти рабочего движения в Японии. Ценны как раз главы, написанные ранее, в которых автор дает порой сочные и интересные зарисовки Японии и японцев.

Япония—страна красок. Японский народ—художник, глаз которого привык к большому красочному разнообразию. Европееец в Японии бывает на первых порах ошеломлен и подавлен красочностью японского пейзажа, японской улицы. Это все Войтоловский прекрасно схватил в своих маленьких очерках.

Но не только это заметил глаз автора. Он заметил также и ту тесноту, которая существует в Японии, а также ту бедность, которая характерна для густо населенной Японии. Автор дает довольно яркую картинку деревенской нищеты и голода, которую ему удалось видеть в Японии. Это было почти пятнадцать лет тому назад. Но сейчас материальное положение трудящихся Японии не улучшилось, а скорее даже ухудшилось, особенно в районах, пострадавших от катастрофы землетрясения.

Дымящийся Фудзияма всегда стоит перед японцем, как страшный обнаженный сон, наполняющий страну тоской смертельного ожидания, — заключает свою книжку Войтоловский. Он прав. Фудзияма—символ вулканической Японии — налагает свою печать на японца, который живет среди красок и дивной природы, но в вечном томлении перед

угрозой со стороны безжалостной стихии.

Книжка читается легко и с интересом.

Вл. Виленский (Сибиряков).

В. ГЛЫБОВ. Горе Бессарабии. С прилож. географичес ой карты и 4 рисунками. Издательство «Красная Новь». Москва 1924. Стр. 48. Тираж 20.000 экз.

Тема жуткая и захватывающая,—горе Бессарабии под гнетом румынских бояр-оккупантов. У «Красной Нови» были явно хорошие намерения — дать крестьянству СССР популярную книжку о горе бессарабских крестьян. Книжка написана с явными потугами заинтересовать именно крестьянского читателя. Очевидно, с этой целью автор обстоятельно рассказывает и об урожайности, и о садоводстве, и об овцеводстве в Бессарабии, вплоть до таких деталей, как техника приготовления овечьего сыра (брынзы). Но это бы еще с полбеды. А вся беда в том, что книжка вообще сделана с непростительной небрежностью. Совершенно недопустим взгляд, что в массовой популярной книжке можно игнорировать и путать факты, извращать детали. А автор и редакторы этой книжки, видимо, от такого взгляда не отрешились.

Не говоря о таком утверждении, что в Бессарабии будто бы почти не бывает зимы, мы узнаем из книжки Глыбова, что Бессарабия «с незапамятных времен принадлежала царской России», тогда как это времена довольно памятные (с 1812 г.). Дальше — что, опять-таки «с незапамятных времен», в Бессарабии основывали колонии не только итальянцы (генуэзцы), но и французы, тогда как на самом деле французская колония,—да и то не французская, а швейцарская (посад Шабо), — сравнительно недавнего происхождения. Автор считает нужным сообщить, что в Аккермане была турецкая крепость. Но о том, что крепости были и в Бендерах, Хотине, Сороках, Измаиле—он умалчивает. Румыния богата нефтью,—и «румынская буржуазия нажила на ней колоссальные состояния». О роли иностранного капитала в румынской нефтяной промышленности—ни слова. Франция ратифицировала захват румынами Бессарабии,—об этом автор упоминает. Но о предательской позиции других держав Антанты он умалчивает, а о Германии сообщает, что генерал Макензен помог румынам захватить Бессарабию за 450 вагонов хлеба, вывезенных из Бессарабии в Германию. Только и всего?

Или еще. «В начале 1918 г. приехал в Кишинев Константин Стере» и при помощи офицерщины добился акта о присоединении Бессарабии к Румынии 27 марта. Кто такой Стере—совершенно не объяснено. Совершенно забыт акт провозглашения «независимости» Молдавии 24 января, а «акт» 27 марта явно спутан с предательским «присоединением» 26 ноября, о котором нет даже упоминания. Автору книги о Бессарабии, хотя бы предназначенной и для крестьянского читателя, нужно бы в таких «деталях» разбираться несколько лучше. Еще: в 1917 г., по мнению автора, крестьянское население Бессарабии «сначала легко пошло на удочку румынских шпионов», ведших румынофильскую агитацию. Автор как будто и не слыхал об убийстве бессарабскими крестьянами не менее четырех румынофильских агитаторов (адвокат Мурафа, землемер Годоража и др.) и об избиении ими десятков других агитаторов... Дальше. В 1907 году в Румынии при подавлении крестьянских восстаний румынскими «либералами» и генералом Авереску было убито и расстреляно до 15.000 крестьян. Глыбов же считает достаточным ограничиться более скромной цифрой—10.000.

Приведенные примеры не исчерпывают всех неточностей в книжке Глыбова.

Небрежен и неряшлив и стиль, слог книжки. Встречаются такие стилистические красоты: «бессарабский народ», «молдаване среднего роста и недурно сложены», «прежде, чем попасть под власть русского царя, Бессарабией владели турки», «одиноко звучавший Центральный Молдавский Исп. Комитет», «50.000 повстанцев начали бежать» и т. д. К тому же—неряшлива корректура собственных имен и специальных терми-

нов. «Броатену» вместо генерала Броштеану, «Ехран» вместо Ерхан, местечко «Бричалин» вместо Бричаны, какие-то неведомые депутаты Сфатул-Цэрия Перц и Маркитян (???) и т. д. Наконец, болезнь пеллагра упорно называется в книжке «пелларгой»...

Множество неточностей, небрежностей, умолчаний о политически-существенных обстоятельствах значительно умаляют значение брошюры «Горе Бессарабии» и дают в результате хотя бы и популярное, но во многом извращенное изложение бессарабского вопроса. От такой брошюры в издании «Красной Нови» мы были бы вправе ожидать гораздо большей тщательности. Приходится, пожалуй, усомниться, полезно ли издание этой брошюры в таком значительном количестве, как 20.000 экземпляров.

В. Дембо.

Л. Н. АЛЕКСАНДРИ. Бессарабия и бессарабский вопрос. Государственное Издательство. Москва 1924. 104 страницы. Тираж 5.000 экз.

От книжки, озаглавленной «Бессарабия и бессарабский вопрос», можно было бы ожидать исчерпывающего освещения этого, все еще не теряющего своей остроты (наоборот, обостряющегося), вопроса. Однако этого работа Л. Н. Александри не дает. Тем не менее книжка читается с большим интересом. Она освещает отдельные стороны бессарабского вопроса и дополняет имеющуюся уже по этому вопросу литературу рядом любопытных подробностей. Автору удалось использовать ряд документов и материалов, не использованных в других работах или не имевшихся в распоряжении других авторов.

Книжка Александри состоит из трех частей. Первая—«Что такое Бессарабия?», вторая—«Политический ажиотаж и патриотическая болтовня» и, наконец, третья—приложения: акты и документы. Наибольший интерес представляют вторая и третья части. Историко-географический очерк Бессарабии, составляющий первую часть, составлен несколько слишком бегло и отрывочно, в нем много сырых цифр и повторений и недостаточно выводов. В частности, в исторической части не освещено влияние Рима и Генуи на историю Бессарабии. Но вместе с тем отмечен ряд любопытных фактов,—вроде, например, таких явлений, как молдавизация живущих в Бессарабии украинцев в некоторых районах и, обратно, украинизация молдаван в других. Аграрная реформа в Румынии и Бессарабии и ее мотивы при всем обилии цифр, приведенных автором, освещены недостаточно ясно и четко, предположение т. Александри, что «демократический закон будет проведен в Бессарабии более добросовестно, чем в самой Румынии»—вряд ли обосновано и мало соответствует фактам.

В главе об экономическом значении Бессарабии для современной Румынии много интересных фактических данных. Автор приходит к выводу, что «экономическое положение Румынии властно требует от ее правителей сохранить во что бы то ни стало Бессарабию, чтобы сколько-нибудь продлить хищническое хозяйничанье правящей клики». «Право» на обирание бессарабского крестьянина, батрака и потребителя основывается на «желании помещиков, купцов и банкиров Бухареста удержать ключи к обогащению себя и своих соучастников управлением захваченных промышленных провинций бывшей Австро-Венгрии». Выводы, бесспорно, интересные, но обоснованы они автором, опять-таки, недостаточно четко, недостаточно понятно для читателя.

Во второй части книжки Л. Александри вскрывает те низменные мотивы, которыми «великие державы» руководились, позволяя Румынии овладеть Бессарабией в целях борьбы с большевизмом. При этом, однако, почти совсем обойден такой существенный вопрос, как влияние (на самом деле основное и решающее) на судьбы Бессарабии видов и интересов капиталистических держав, связанных с Дунаем.

Сжато и ярко изложена история «воссоединения» Бессарабии с Румынией,—история крови и шантажа, подлогов и убийств и беззастенчивого обмана. Чрезвычайно ценными в этой части книжки являются подробные материалы

о заседании Сфатул-Цэрия (предательского «краевого совета» Бессарабии) 13 января 1918 года, то есть в тот день, когда румынские войска уже были в Кишиневе. Здесь, в речах Инкульца и Ерхана хорошо раскрывается вся гнусная роль предателей,—включая и генерала Щербачева,—обрекших Бессарабию в жертву румынским боярам. Затем, так же кратко, приводит автор важнейшие данные о крестьянских восстаниях в Бессарабии,—главным образом о Хотинском восстании 1919 года.

Некоторые неточности второстепенного характера несколько портят впечатление от этой части книжки Александри. Местами — неряшливость в изложении фактов в их исторической последовательности. Иной раз о событиях, относящихся к одному и тому же моменту, автор говорит как об относящихся к моментам разным, зато бывает, что и разные моменты он смешивает воедино. «В Бессарабии,—говорит он, например, в одном месте, — социал - предательский маневр получил значительное подкрепление в лице характерной для этой провинции разновидности интеллигентского идеализма, вылившейся впоследствии в организацию бессарабских националистов». Между тем, именно эти-то бессарабские (молдавские) националисты, за исключением разве отдельных личностей, от какого бы то ни было идеализма чрезвычайно далеки; это с самого начала была организация политических обманщиков, созданная с заранее обдуманным намерением предать Бессарабию и потому тщательно скрывавшая до поры до времени свою запрутскую ориентацию. Эта организация создалась не «впоследствии», а, наоборот,—задолго до появления румын в Бессарабии. Ее зачатки существовали еще до февральской революции, а легальное выявление в виде партии молдавских националистов формально возникло сейчас же после февраля. В этом вопросе у Александри—существенное отклонение и неправильное освещение истории бессарабского предательства. В другом же месте автор неосновательно упрекает Румчерод (Исполнительный Комитет Румынского фронта, Черноморья и Одесской области) в покровительстве румынским агентам. На самом деле даже до-октябрьский Румчерод в таком грехе неповинен.

А вот на странице 53 Александри пишет: «Объявив независимость Молдавской республики, Сфатул-Цэрий делегировал в Румынию своих представителей... В последних числах декабря вернувшиеся делегаты Пеливан и Кристи изложили на закрытом заседании Сфатул-Цэрий результаты своей поездки» и т. д. *Независимость* Молдавии была объявлена 24 января,—следовательно, либо посланная после объявления делегация никак не могла вернуться еще в конце декабря, либо делегация была послана задолго до объявления независимости... Тут сбивчивость изложения, местами свойственная т. Александри, переходит, действительно, в неряшливость. Ибо чрезвычайно существенно было бы тут же подчеркнуть, что в декларации от 2 декабря, предшествовавшей поездке делегации в Яссы, Сфатул-Цэрий объявлял Бессарабию «Молдавской Народной Республикой, входящей как равноправный член в состав Единой Федеративной Российской Демократической Республики». И для предательского поведения шайки, стоявшей во главе Сфатул-Цэрия, именно то и характерно, что, объявив Бессарабию частью единой Российской республики, она, за спиною даже Сфатул-Цэрия, едет в Яссы сговариваться с румынской помещичьей монархией. Этот благодарный момент т. Александри использовал в меньшей степени, чем можно было бы.

Очень ценные и интересные материалы (документальные) приведены в приложении. Помимо документов, более или менее общеизвестных и приведенных или использованных в других работах по бессарабскому вопросу (напр., советско-румынский договор в марте 1918 г. и др.),—Л. Н. Александри приводит целиком важную декларацию от 2 декабря 1917 г. и выдержки из декларации Сфатул-Цэрий от 24 января 1918 г., затем характерное официальное объявление о вступлении румынских войск в Бессарабию и «Приказ по войскам Молдавской республики» от 13 января. Из материалов, относящихся к Хотинскому восстанию, приведены любопыт-

ная нота бессарабской «директории», стоявшей во главе восстания, которую она через тогдашнее правительство Украины (тоже директорию) пыталась передать европейским державам и американскому президенту Вильсону, затем—полностью «объявление» бессарабской «директории», обращенное к населению, и др.

Наконец, кроме оглашенных на Венской конференции деклараций, Александри дает в приложении и текст договора между Англией, Францией, Италией, Японией и Румынией о присоединении Бессарабии к Румынии, подписанный в Париже 28 октября 1920 года. Это и есть тот знаменитый документ, о ратификации которого Францией Пуанкаре постарался как раз накануне Венской конференции и из-за ратификации которого Румыния до сих пор с таким усердием торгуется с Италией и Японией. Следует пожалеть, что т. Александри не дал к этому документу никаких пояснений. Между тем, в нем много интересного. Это есть то международное признание «прав» Румынии на Бессарабию, которым румынские разбойники чрезвычайно дорожат. Статья 2 договора гласит, что комиссия, составленная из трех членов, из которых один будет назначен главными союзными державами, один Румынией и один... Советом Лиги Наций «вместо России», будет образована в течение 15 дней после вступления в силу этого договора для определения на месте новой пограничной черты Румынии. Однако этих «15 дней» румынским боярам приходится ждать долгонько. В конце договора сказано: «Настоящий договор будет ратифицирован подписавшими державами. Он вступит в силу *лишь после сдачи этих ратификаций на хранение*»... Ратификация Керзона «на хранении» уже имеется, ратификация Пуанкаре тоже. Остановка за Италией и Японией. Вот почему румынские дипломаты так старательно улещивают и Италию, и Японию, и вот почему и Япония, и Муссолини так упираются. Они чувствуют себя господами положения, ибо без их ратификации даже этот парижский договор, никого не обязывающий, ибо заключен без участия СССР,—даже этот договор и даже с точки зрения буржуазной дипломатии является пустым клочком бумаги. Он им и останется. Ибо никогда и никто не сможет,—и не посмеет,—«на месте определять новые границы Румынии» без СССР или «вместо России». А самое главное—определять их придется при участии самих крестьян и рабочих Бессарабии. От такого определения румынским разбойникам, разумеется, ничего хорошего ждать не приходится.

К книжке Александри приложена также карта Бессарабии.

Интересующимся бессарабским вопросом,—а интерес к нему большой,—следует, несмотря на отдельные промахи автора, прочесть книжку Александри. В ней много интересных фактов, и она явится ценным дополнением к имеющейся литературе по бессарабскому вопросу, хотя, как мы указали в начале, исчерпывающего освещения этого вопроса и не дает и является скорее материалами к бессарабскому вопросу. Но материалы, повторяем,—ценные.

В. Дембо.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

1. КЛЕРК МАКСВЕЛЛ. Материя и движение. *А. Тимирязев.*—2. Р. МИЛЛИКАН. Электрон, его изолирование, измерение и определение некоторых свойств. *А. Тимирязев.*—3. Н. ПЛАТОНОВ. Практические занятия по начальной астрономии. *Проф. С. Блажко.*—4. А. МИХАЙЛОВ. Жизнь на Марсе. *Проф. С. Блажко.*—5. Н. ЛАДЫГИНА-КОТС. Исследование познавательных способностей шимпанзе. *М. Гремяцкий.*—6. Проф. Г. ЛЕВИТСКИЙ. Материальные основы наследственности. *Проф. Н. Кольцов.*—7. I. Д-р С. ВОРОНОВ. Омоложение. II. Д-р С. ВОРОНОВ. Омоложение пересадкой половых желез. *Проф. Н. Кольцов.*

КЛЕРК МАКСВЕЛЛ. Материя и движение. С примечаниями и дополнениями Джозефа Лармора. Перевод под редакцией проф. Н. Н. Андреева. 148 стр. Госуд. Издательство. Москва 1924.

Появление на русском языке этой классической книги Максвелла как нельзя более своевременно. (В 90-х годах был издан перевод этой книги—перевод плохой: издание давно разошлось.)

В связи с модной теорией относительности теперь очень широко распространена критика Ньютоновой механики. Однако очень часто критикующие строят свои выводы на тенденциозном изложении Ньютоновой механики у Маха. Книга Максвелла дает яркую картину того, что принято называть «классической механикой». Изложение у Максвелла ясное, но крайне сжатое, поэтому чтение книги требует довольно большого напряжения от читателя. От читателя требуются познания в области элементарной математики в объеме программ I и II ступени или рабфака, и только в теории движения планет применяются теоремы о конических сечениях, которые хорошо известны английскому школьнику старшего возраста, но которые не входят в программу наших школ. В самом изложении механики у Максвелла много удивительно остроумных подходов. Так, например, на стр. 80—81 дан замечательно простой вывод центростремительного ускорения. Очень просто разобрана теория математического маятника на 86 стр. К числу особенных достоинств книги следует отнести ясное истолкование аксиом динамики, а также ясное и четкое изложение взглядов Ньютона на пространство и время. К последнему английскому изданию (а с него и сделан перевод) прибавлена одна глава из трактата Максвелла об электричестве и магнетизме—глава об уравнениях движения системы со связями и дополнительная статья проф. Лармора о принципе наименьшего действия. Эти добавления рассчитаны на более подготовленного читателя. Недоумение вызывает первое примечание Лармора на стр. 12, где Лармор делает вывод, что Максвелл будто бы устанавливает границы «физического детерминизма». Из текста этого, по крайней мере, не видно!

Книгу Максвелла можно порекомендовать всякому желающему основательно познакомиться с элементами классической механики.

Проф. А. Тимирязев.

Р. МИЛЛИКАН. Электрон, его изолирование, измерение и определение некоторых свойств. Перевод под редакцией С. И. Вавилова. Стр. 216. Госиздат. Москва 1924.

Р. Милликан является одним из крупнейших современных физиков-экспериментаторов. Достаточно указать, что ему первому удалось измерить заряд электрона, число Авогадро (число молекул в грамм-молекуле) и абсолютные величины массы атомов в граммах с точностью до 0,1 процента! Кроме того, им же измерена, и почти с такой же точностью, постоянная Планка, играющая сейчас громадную роль в теории квант. Вся

книга представляет увлекательное изложение этих замечательных работ автора и его предшественников, а также сильную критику критиков автора.

Вся VIII глава посвящена критике работ Эренгафта и его школы, утверждающих, вопреки Милликану, что электрон ими разделен уже на части или «суб-электроны». С самого начала своей критики Милликан сразу становится на правильную диалектическую точку зрения. «С методами современной науки было бы несовместимо всякое догматическое утверждение о неделимости электрона. Такие утверждения обычно делались до самого последнего времени на лекциях в высшей школе относительно атомов элементов; однако дальновидные физики, вроде Фарадея, всегда старались отрешиться от веры в неделимость химических атомов, и это просто потому, что не было никаких оснований для того, чтобы утверждать что бы то ни было относительно внутреннего строения атома» (стр. 122). Но, конечно, из этого вовсе не следует, что доказательства существования суб-электрона Эренгафта и его учеников достаточно убедительны. Возражения Эренгафта представляют образец строгой и вместе с тем блестящей научной критики. Приходится только сожалеть, что в современной научной литературе, изобилующей самыми рискованными и необоснованными допущениями, появляется так мало критических статей, подобных Милликановской. Эта критика, однако, не нравится редактору, и он в своем предисловии указывает на нее, как на слабое место книги! Ту же здоровую критику встречаем мы и в X главе: «Природа лучистой энергии»; в ней излагаются те затруднения и противоречия в учении о свете, над которыми сейчас ломают голову физики всего земного шара. В противоположность пессимистическому настроению редактора, ясно выступающему в предисловии, автор видит главное призвание ученого преодолевать затруднения и разрешать противоречия: «Красота решенной задачи вызывает удивление и дает некоторого рода удовлетворение, но все же самый общий и самый острый и глубокий интерес принадлежит неразрешенной задаче, исканию неизвестного и борьбе за достижение».

В переводе есть шероховатости: неизвестно почему Гюйгенс из голландца превратился в датчанина (стр. 174), точно так же неизвестно, почему известковый шпат остался в виде немецкого «калькшпата» (стр. 189).

Книга Милликана, несомненно, принесет большую пользу всякому интересующемуся теорией электронов: она дает ясное представление о том солидном фундаменте фактов, который подведен под эту теорию физиками-экспериментаторами.

Проф. А. Тимирязев.

Н. ПЛАТОНОВ. Практические занятия по начальной астрономии (космографии). «Пропедевтика к высшей школе». 2-е издание. Гос. Изд. Москва 1924.

Вот книга, с которой непременно должен быть знаком преподаватель начальной астрономии, или космографии, или мироведения, как бы этот предмет ни назывался, как в школе, готовящей учащихся к высшей школе, так, мы бы сказали, и во всякой школе, в программу которой так или иначе входит начальная астрономия. Основная мысль автора, подробно развитая им в предисловии, кратко выражается следующими его словами: «на протяжении всего курса, от первого до последнего класса, урывая изредка по несколько минут от урока то математики, то географии, то физики, или пользуясь всяким случаем внеклассного общения, надо поддерживать внимание учащихся к наиболее важным переменам в картине неба. Только при этих условиях преподаватель получит в выпускном классе учеников, подготовленных к прочному усвоению курса астрономии». Слова эти, как и все предисловие к первому изданию книги, написаны применительно к прежнему, дореволюционному строю средней школы. Мы думаем, однако, что, с изменением некоторых выражений, мысль эта и все предисловие вполне может и должно быть применено и к новой школе. Не педагогично, не рационально при изложении начальной

астрономии обходиться без предварительного ознакомления учащихся с «наиболее важными переменами в картине неба», а это может быть достигнуто лишь уделением этому делу некоторого времени во все годы учения, начиная с первого. В последний год школы, готовящей к университету, а тем более в университете, это уже поздно делать, время упущено; если же и стараться возместить упущенное, то во всяком случае это сделать очень трудно, а в достаточной мере и прямо невозможно; ведь многое зависит от ясной погоды, от стечения благоприятных обстоятельств (удобное положение планет, затмения и т. д.), которые не концентрируются все в одном году. И так как ясное представление изучаемого, почерпнутое, по возможности, из самостоятельных наблюдений, есть существенное условие для правильного ознакомления с изучаемым предметом, и к нему по справедливости стремится современная школа, то и настоящая книга должна найти себе широкое распространение у преподавателей и учащихся. Они найдут в ней ценные указания, как можно или как следует проводить эти элементарные астрономические наблюдения. Существенно при этом, что излагаемые автором приемы уже в течение многих лет проводились им с его многочисленными учениками и представляют результат его продолжительного опыта в этом направлении. Наблюдения начинаются с самых простейших: изучение созвездий, простейшее наблюдение над суточным вращением неба, фазы Луны, движение планет и т. п. За ними следуют «элементы астрономической теории». Затем «простейшие астрономические измерения» с самыми простыми приборами или приспособлениями, которые учащиеся нередко смогут сделать собственными руками; многие из них придуманы самим автором. Наконец, последняя часть книги знакомит уже с более сложными, мы бы сказали, необязательными для всех наблюдениями на астрономической вышке, с теодолитом. По всей книге рассыпано множество мелких практических указаний — результат многолетнего опыта автора. Первое издание книги обратило на себя живое внимание лиц, интересующихся преподаванием астрономии; таким лицам мы настоятельно рекомендуем второе издание этой очень полезной книги. Наконец, следует прибавить, что книга может сослужить хорошую службу также и для самообразования.

С. Блажко.

А. А. МИХАЙЛОВ. Жизнь на Марсе. Популярно-научная библиотека. Гос. Изд. 1924.

На 32 страницах автор в простом и спокойном изложении рассказывает то главное, что нам известно о физической природе Марса и о возможности существования на нем жизни, подобной той, какая есть на земле. В предисловии автор пишет: «излагая современные воззрения на вопрос о жизни на Марсе, мы старались быть объективными, если все же наши симпатии невольно склонялись к тем теориям, которые считают Марс обитаемым, то за это увлечение мы должны просить у читателя извинения». Эти слова должен иметь в виду и читатель при чтении книги, так как указанная симпатия автора, конечно, налагает оттенок на изложение. Книгу безусловно можно рекомендовать для чтения всем, интересующимся астрономией.

С. Блажко.

Н. Н. ЛАДЫГИНА - КОТС. Исследование познавательных способностей шимпанзе. Госиздат. М.—Л. 1923. Стр. 498.

Душевный мир человекообразных обезьян особенно привлекателен для исследователя. Если изучение *физической организации* этих существ во многом уяснило нашу собственную природу, то, быть может, постигнув тайну обезьяньей психики, мы прольем с новой стороны свет на человеческую «душу», подойдем вплотную к труднейшим вопросам науки—к тому, как, из каких элементов, каким путем эволюционировала психика животного в человеческую. Наряду с этим, изучение психологии обезь-

ян имеет и чисто-практическое значение. Как выясняется, существует несомненное сходство в некоторых мыслительных процессах дефективного ребенка с обезьяньими,—а бо́льшая свобода эксперимента над животными открывает для педагога и медика-педолога неожиданные пути исследования. Понятно поэтому, какой интерес возбуждает вновь появившееся исследование психики шимпанзе,—исследование, произведенное в лаборатории Дарвинского музея в Москве в период 1914—1916 г.г. над молодым (7 лет) самцом шимпанзе. Счастливая случайность доставила в распоряжение исследовательницы именно шимпанзе, т.-е. наиболее близкую к нам человекообразную обезьяну, наиболее многообещающую в отношении интеллектуальных возможностей.

Первый и основной вопрос зоопсихологического исследования касается выбора *метода*. Этим определяется успех всего дела. Сомнительный метод может привести к чудовищным результатам, вызвать к жизни краллевских «мыслящих» лошадей и собак, решающих сложные алгебраические задачи («устно»—извлекают корни пятой степени из семизначных чисел), отвечающих на философские и религиозные вопросы (а с обострением классовой борьбы, вероятно, и на политические) и приводящие своими ответами в восторг «мыслящих» ослов из состава германской и другой профессуры... Метод, которым шла Ладыгина-Котс, оригинален и крайне осторожен. Автор называет его «методом выбора на образец». Суть дела очень проста. Шимпанзе показывают образец, например, красный кружок, и предлагают из кучи разных предметов выбрать другой такой же и передать в руки экспериментатору. Неудачный выбор просто отвергается, удачный поощряется какой-нибудь лаской, похлопыванием по плечу, игрою и т. д. Никаких карательных воздействий совершенно не применяется. Самый порядок занятий (задач) с шимпанзе построен с полным вниманием к методическим требованиям таким образом, чтобы исключить возможность всякой муштры, дрессировки, механизации ответов и так далее. Эта сторона исследования разработана чрезвычайно тщательно. Вчитываясь в протоколы опытов, проникаешься убеждением, что в своих ответах шимпанзе руководился *пониманием* сути вопроса, отнюдь не какой-либо непроизвольной подсказкой экспериментатора или нечаянной сигнализацией. Многие опыты происходили в присутствии экспертов — выдающихся московских ученых; не раз вопросы ставились самими экспертами—характер ответов при этом существенно не менялся. Наконец, опыты бывали во время фотографических или кинематографических съемок (шум),—и результаты все же не отличались от обычных. При этих же условиях ни о каком подсказывании не могло быть речи. Во время самых занятий непосредственного контакта у исследовательницы с шимпанзе не было, животное при выборе предмета сидело к наблюдательнице спиной, строжайше соблюдался целый ряд мелких предосторожностей, направленных к полному устранению какого-либо влияния экспериментатора и т. д.—все это подтверждает, что животное действовало свободно, сообразно собственному разуму, и выявляло на опытах именно эту свою способность. Обратимся теперь к содержанию самих опытов.

Первоначальные опыты «выбора на образец» были поставлены с белыми и черными пластинками и лишь позднее перешли к цветным, что очень оживило внимание обезьянки. В результате многих сеансов обезьяна превосходно различала *двадцать два* различных цвета и оттенка при одновременном их присутствии. При этом оказалось, что не все цвета различаются животными одинаково хорошо. Так, основные цвета спектра (красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый) различались особенно хорошо (первое время смешивался лишь красный с оранжевым), даже в том случае, если их приходилось выбирать из сотни различно окрашенных и перемешанных объектов. Особенно подробно различались тона красного (5 оттенков) и пурпурового (6 оттенков) цвета. Целый ряд опытов доказывает, что животное различало цвета именно по их краске, а не по светлости.

По достижении этих результатов задачи были усложнены. Животному предлагали из группы предметов выбирать такой, который был бы тождествен с *двуцветным* образцом (например, прямоугольником, половина которого синяя, половина желтая). После ряда сеансов, шимпанзе безошибочно выбирал нужный объект из группы в семь объектов, в которых заданные цвета повторялись в разных сочетаниях. Было достигнуто различение и трехцветных пластинок, окрашенных поперечными полосками.

Затем удалось добиться от шимпанзе различения признака величины предметов и их формы. При показывании животному *маленького* красного кружка оно выбирало из кучи именно маленькие кружки данного цвета, не трогая больших. Равным образом, из группы кружков, квадратов, треугольников и прямоугольников обезьяна выбирала именно тот объект, который от нее требовали.

Интересно, что внимание животного прежде всего привлекал *цвет* объекта, затем его *величина* и на последнем месте стояла *форма*. Благодаря этому было сравнительно нетрудно заставить животное образовать известное *отвлечение*, абстракцию, отделив цвет различных объектов от их формы и величины. Способность шимпанзе образовать эту ассоциацию по сходству опытами Ладыгиной-Котс с несомненностью доказано, что особенно интересно, так как авторитетные зоопсихологи (Вагнер) решительно отказывали животным в этом. Впрочем, сама исследовательница говорит, что в естественной обстановке шимпанзе, вероятно, никогда этой умственной операции (образование абстракции) не производит. Ведь для того, чтобы она произошла в лабораторной обстановке, понадобилась целая система строго последовательных, постепенных, наводящих упражнений, которые в природных условиях не могут иметь места. Но в высшей степени интересна эта потенциальная возможность проявить такую сложную форму умственной деятельности. Что же касается ассоциаций по смежности (зрительно двигательных условных рефлексов), то они образовывались животным все время очень легко и быстро.

Рецензируемая книга не дает отчета о *всех* опытах автора. В ней описано лишь исследование способности различать цвета и производить отвлечение цвета от величины и формы предметов. Мы видим, что эта способность очень высоко стоит у шимпанзе. Да и не мудрено: она играет огромную роль в его жизни на родине. Будучи дневным животным, шимпанзе кормится преимущественно плодами, ягодами, орехами и т. д., которые он собирает как в тропическом лесу, так и на залитых солнцем прогалинах и полянах. Торопясь набрать побольше запасов, шимпанзе срывает ярко окрашенные плоды и ягоды направо и налево, руководясь прежде всего их *цветом*. Вероятно, условиями его естественной обстановки, где яркое солнце дает резкую светотень без промежуточных тонов, объясняется и то безразличное, невнимательное отношение животного к сероватым оттенкам, которое отмечено исследовательницей. Но и из красочных цветов обезьяна проявляет к одним больший интерес, к другим — меньший. Из основных цветов шимпанзе наилучше, наилегче распознает оттенки желтого, который, вероятно, как раз наиболее распространен в растительном мире окружающей шимпанзе природы, среди продуктов его питания. Вообще же различные цвета для животного были субъективно не одинаковыми: наибольшую склонность оно обнаруживало к ярким, максимально насыщенным цветам (синие, красные, желтые пластинки), которые, очевидно, производили на него особенно навязчивое впечатление. Тусклыми пластинками шимпанзе не интересовался, блестящих черных боялся: бил по ним кулаками, наступал ногой, издавая низкий, ухающий звук.

Восприятия цветов (и оттенков) очень точны. Объем внимания шимпанзе довольно велик (выбирает из 22 разных цветов), но способность сконцентрировать внимание сколько-нибудь длительно на одном предмете почти отсутствует. Благодаря этому шимпанзе тратит массу времени и сил, делает тысячи удачных и неудачных проб, чтобы притти, на-

конец, к нужному обобщению. Исследовательница говорит, что шимпанзе «крепок задним умом», что он должен много раз испытать на практике решение, прежде чем избрать правильный путь, при чем удачные решения учат его больше, чем неудачные.

Такое поведение характерно и для «недалекого» человека. Вероятно, так же вели себя и наши обезьяноподобные предки. Но в то время как у шимпанзе отсутствует в природной обстановке постоянный стимул к упражнению своих умственных способностей, к тому чтобы развивать их так, как это делалось в лаборатории, нашим предкам этот стимул давали их примитивные орудия. Именно постоянное пользование палкой и камнем должно было фиксировать внимание на ряде повторяющихся действий, вынуждало неразвитый ум к ассоциациям по сходству. Эта параллель невольно рождается при чтении книги Ладыгиной-Котс.

В заключение хотелось бы отметить два небольших дефекта: в одном месте автор говорит, что шимпанзе очень ревниво относился к «своим» предметам, что он моментально зверел при попытке всякого постороннего (даже и хорошо знакомого) человека взять его пластинки, коробки и т. д.—в других же местах работы упоминается, что иногда опыты производились не только в присутствии экспертов, но непосредственно ими. Как примирить это противоречие? Далее, шкала светлот (стр. 258) не дает той разницы оттенков, которые упоминаются в тексте. Быть может, это вина типографии? Что же касается вообще внешности издания, то она делает честь техническим достижениям Госиздата. Цена книги (8 р.) несколько высока.

М. Гремяцкий.

Проф. Г. А. ЛЕВИТСКИЙ. Материальные основы наследственности. Гос. Изд. Украины. Киев 1924 г. Стр. I+165. 5.100 экз.

Книга Г. А. Левитского, профессора ботаники в Киевском университете, посвящена одной из самых интересных проблем современной биологии: связи между явлениями наследственности и клеточными структурами. Еще совсем недавно лишь немногие цитологи осмеливались утверждать, что наследственные признаки каждого вида и разновидности определены в хромосомном аппарате яйца и спермия, из соединения которых и образуется организм. Тщательное изучение этого аппарата показало, что даже близкие виды порою резко отличаются друг от друга числом, величиной и формой хромосом и что различие между полами нередко очень ясно выражено уже в оплодотворенном яйце: у того или иного пола (у птиц—у самки, у млекопитающих—у самца) одна из хромосом или отсутствует вовсе, или изменена. Существенную роль в открытиях этого рода сыграли исследования нашего ученого акад. *С. Г. Навашина*; проф. *Левитский* ему, как своему учителю, и посвящает свою книгу.

Изучение наследственности у знаменитой мухи Drosophila за последние 12 лет привело американскую школу *Моргана* к ряду еще более замечательных открытий, связавших самым тесным образом структуру хромосом с генетическими экспериментами. Теперь мы можем уже определять положение наследственных факторов, вызывающих те или иные признаки, в одном определенном месте одной определенной хромосомы. Наследственные факторы представляются нам теперь такими же реальными единицами, как молекулы и атомы. Еще в начале нашего столетия Оствальд и др. химики сомневались в реальности атомов и молекул, а теперь она уже ни в ком сомнений не вызывает. Такой же переворот взглядов наблюдается на наших глазах и в области генетики: создается структурная теория наследственности.

Еще недавно с этими новыми взглядами русский читатель мог ознакомиться лишь по научно-популярным статьям или рефератам в научных журналах («Успехи экспериментальной биологии») Но год тому назад Гос. Издат. выпустило в серии «Современные Проблемы Естествознания» перевод книги *Т. Моргана*: «Структурные основы наследственности». Теперь выходит другой *оригинальный* труд проф. Левитского на ту же тему и под тем же заглавием («Physical basys

of Heredity» можно по-русски перевести и «Материальные основы наследственности»).

От книги *Т. Моргана* книга *Левитского* отличается прежде всего вдвое меньшими размерами и потому легче для первоначального ознакомления. Затем, в то время как первый автор главное внимание обращает на Drosophila и берет примеры, главным образом, из работ своей школы, *Левитский* использует по преимуществу ботанический материал и в частности исследования русских ботаников; благодаря этому в его книге найдут много нового и те, кто уже знаком с книгой *Моргана*.

Внешность издания не соответствует научным достоинствам книги: серая, совсем плохая бумага, неряшливый вид. Есть не мало оригинальных рисунков, интересных схем, и досадно видеть превосходные, очевидно, оригиналы испорченными, благодаря просвечивающей бумаге. В редакционном отношении следовало бы пожелать, чтобы Украинское Издательство подобно Государственному Издательству перешло к русской транскрипции иностранных имен; а то в книге встречаются даже такие комические обозначения, как «по Rubaschkin'y»).

Проф. Н. Кольцов.

Д-р С. ВОРОНОВ. Директор станции экспериментальной хирургии в Collège de France и директор-адъюнкт биологической лаборатории в École des Hautes Etudes. Омоложение пересадкой половых желез. С 31 рисунком в тексте. Авторизированный перевод с франц. д-ра Е. К. Пиетт. Стр. I+145. Издательство «Практическая Медицина». Ленинград 1924 г. 3.000 экз.

Д-р СЕРГЕЙ ВОРОНОВ. Омоложение. Сорок три прививки от обезьяны к человеку. Пер. с франц. Стр. I+190. С 23 рис. в тексте. Изд. тов. «Книга». Ленинград—Москва 1924 г. 3.000 экз.

Книга представляет собою сводку последних достижений в области экспериментального омоложения человека, путем пересадки ему половых желез от обезьяны. Этот способ был впервые применен к человеку нашим соотечественником д-ром С. Вороновым, который эмигрировал из России двадцать лет тому назад и все это время работал в Париже. Еще в 1908 году он приступил к экспериментальному изучению возможности пересадки человеку различных органов и тканей от других животных; затем, проведя с большим успехом ряд пересадок старым или кастрированным баранам и козлам семенников от молодых животных, убедился в возможности добиться ясных и длительных результатов; а за последние годы сделал несколько пересадок семенников обезьян человеку. Во многих случаях и здесь результаты оказались очень благотворными и длящимися более 1—2 лет.

Книга содержит подробное описание 43 операций этого рода. Детально сообщается методика операции, и потому, конечно, каждый хирург, интересующийся операциями этого рода, обязан познакомиться с трудом Воронова. Но книга написана, по французскому обычаю, вполне доступным языком и, конечно, будет прочтена всеми, кто задумывается над вопросом о действительности оперативного омоложения.

Оригинал на французском языке, вышел в свет в начале этого года, и мы видим уже два русских перевода. Без колебания приходится отдать предпочтение авторизированному изданию «Практической Медицины», которая дороже только на 25 коп., но имеет приличный вид, тогда как издание «Книги» непозволительно неряшливо. Перевод для последнего издания сделан анонимным автором, далеко не сведущим в биологии: на стр. 123 он пишет о каких-то «Митозических узорах» (вместо «митотические фигуры»); впрочем, и в переводе д-ра Пиетта мы находим на стр. 15 «быков и евнухов» вместо «волов и евнухов», что, конечно, совершенно изменяет весь смысл фразы.

Проф. Н. Кольцов.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

1. В. ЖИРМУНСКИЙ. Байрон и Пушкин. *Г. Винокур.*—**2. В. ТОМАШЕВСКИЙ, П. БОГАТЫРЕВ, В. ШКЛОВСКИЙ. Очерки по поэтике Пушкина.** *С. Бобров.* — **3. І. Б. ЭЙХЕНБАУМ. Сквозь литературу. II. Б. ЭЙХЕНБАУМ. Лермонтов.** *В. Переверзев.* — **4. ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ДОСТОЕВСКОГО.** *В. Переверзев.*—**5. ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА К ЛЮДВИГУ ПИЧУ.** *М. Клевенский.* — **6. ОСТРОВСКИЙ. Новые материалы. Письма, труды и дни, статьи.** *Проф. Н. Фатов.*—**7. І. А. П. ЧЕХОВ. Неизданная пьеса. II. Татьяна Репина.** *Ю. Соболев.*— **8. В. ПРАВДУХИН. Литературная современность.** *В. Полянский.* — **9. Н. ГОРЛОВ. Футуризм и революция.** *А. Лежнев.*

В. ЖИРМУНСКИЙ. Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы. Труды Научно-Исследовательского Института сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока при Ф. О. Н. Ленинградского университета. № 1. Изд. «ACADEMIA». Ленинград 1924. Стр. 334. Тираж 2.000.

Новый труд В. Жирмунского заслуживает серьезного внимания со стороны историков русской литературы, и при том сразу в нескольких отношениях: труд этот не только с новых точек зрения трактует традиционную проблему пушкинского (как и вообще—русского) байронизма, но представляет также в известном смысле систематическое изложение принципиальных суждений автора по таким существенным историко-литературным вопросам, как влияние, заимствование, жанр и т. п.; помимо же всего—и в этом, пожалуй, отличительная особенность рецензируемой книги — Жирмунский, исследуя судьбу русской романтической поэмы, вводит в наш научный обиход новый, при том исключительно обильный материал из области эпигонской литературы пушкинского времени, нашей историко-литературной наукой совершенно еще не затронутый. Как бы в дальнейшем мы ни решали вопрос—оправдывается ли в действительности устанавливаемая автором необходимая связь между изучением массовой эпигонской литературы и проблемой литературного жанра, и законное ли место для такого изучения в книге, названной «Байрон и Пушкин»,—мы, независимо даже от остального, не можем не быть благодарны автору именно за эту сторону его труда в первую очередь: материал собран Жирмунским огромный и, повидимому, исчерпывающий, а потому книга его долго еще будет служить ценнейшим и единственным в своем роде пособием для исследователей соответствующих вопросов. Ясно, однако, что книгу свою Жирмунский писал не только с этими—для него самого подсобными—целями. Нам и предстоит теперь выяснить, в чем полагал он свою главную задачу и как с нею справился.

В том-то, однако, и дело, что главный и самый общий упрек, который можно было бы сделать Жирмунскому по поводу его новой книги, как раз в том и состоит, что основная тема его труда, главная задача исследования—остается для читателя и критика совершенно неясной. Думается, что неясной она осталась и для самого автора. Начать с того, что уже само заглавие книги не соответствует действительному ее содержанию, будучи одновременно и шире, и уже последнего. Заглавие «Байрон и Пушкин» могло бы быть оправдано с историко-литературной точки зрения в том, напр., случае, если бы пушкинский «байронизм» автором был проанализирован как конкретная историческая проблема, иными словами—если бы в книге шла вообще речь о «байроническом» в творчестве Пушкина. Само собою разумеется, что первое условие такого конкретного исторического анализа есть включение в сферу исследования всего пушкинского поэтического наследия в его историческом целом, независимо от того, какие жанры или иные поэтические роды наследием этим представлены. Этой цели, однако, Жирмунский очевидно себе не ставил, ибо он не только не подходит к

творчеству Пушкина с точки зрения его целого, но даже внутри тех родов, которые искони считались «байроническими», производит отбор: сосредоточивая все свое внимание лишь на так наз. «южных» поэмах. Жирмунский в перспективе лишь намечает «преодоление байронизма» через «Полтаву» (что опять-таки неверно с точки зрения конкретной истории), и уже вовсе отстраняет от себя вопрос об элементах «позднего байронизма»—в «Евгении Онегине» и «Домике в Коломне». Можно было бы, конечно, условиться понимать под темой «Байрон и Пушкин» специальный вопрос о «южных» поэмах, которые, по своим жанровым особенностям, действительно, могут быть выделены в особый род—«байронических поэм». Но тогда и задача исследователя по отношению к таким байроническим поэмам должна была бы быть в корне иной: очевидно, что чистой абстракцией было бы установление «байронического» в рамках этого особого жанра, и если и можно жанр этот подвергнуть специальному изучению, то именно как своеобразный жанр в его конкретной и специфической структуре, совершенно независимо от того, откуда особенности жанра этого заимствованы. Жирмунский же решает свою проблему как раз в обратном смысле,—следовательно и этой цели—имманентного анализа так наз. «байронических поэм»—себе не ставит. Жирмунский рассматривает байронические поэмы не сами по себе и даже не с точки зрения источников этого жанра в прошлом, для чего понадобились бы экскурсы в область литературы XVIII века, не говоря уже о раннем творчестве самого Пушкина,—а лишь в той мере, в какой поэмы эти позволяют ему устанавливать те или иные «совпадения» или «отклонения» по отношению к поэтике «восточных» поэм Байрона. Что получается в результате такой постановки вопроса, мы сейчас увидим, а пока отметим, что заглавие книги Жирмунского, будучи шире действительного ее содержания, с другой стороны—его не покрывает. Вопросу о байронических поэмах Пушкина посвящено лишь немногим больше половины книги (стр. 13—193), вторая же часть книги, озаглавленная: «Из истории русской романтической поэмы», что совпадает с подзаголовком на титульном листке, применяет тот же метод, в свете которого рассматривался байронизм Пушкина, к произведениям массовой литературы пушкинского времени, с той только разницей, что здесь зависимость от Байрона усматривается не непосредственно, а через посредство «южных» поэм Пушкина. Нельзя при этом не отметить, что в число представителей этой массовой эпигонской литературы попали и такие, напр., поэты, как Баратынский, для которого самая проблема байронизма является или вовсе мнимой, или, во всяком случае, совершенно своеобразной, а также Языков, поэт существенно не «байронический». С другой стороны, здесь же фигурирует и такой самостоятельный байронист, как Козлов, от Пушкина почти не зависящий, и, наоборот, сам послуживший образцом для эпигонов. Но если здесь находится Козлов, то почему же нет с ним рядом Жуковского — оказавшего воздействие как на Пушкина, так и на Козлова? Всего этого, конечно, не мог не заметить сам Жирмунский, у которого можно встретить те или иные оговорки в этом смысле. Остается, однако, непонятным главное: зачем вообще понадобилась автору эта «массовая литература», и почему изучение ее пристегнуто к исследованию о байронических поэмах Пушкина?

У Жирмунского есть, конечно, свои ответы на все эти вопросы, но вряд ли могут удовлетворить они непредвзятого читателя. Если в первой части своего труда Жирмунский задавался целью на анализе «южных» поэм выяснить влияние Байрона на Пушкина, то теперь, прослеживая это влияние, как оно передалось через Пушкина эпигонам, Жирмунский хочет на этой базе охарактеризовать байроническую проблему как особый поэтический жанр, считая, что именно эпигоны, схватывающие прежде всего типические черты жанра, могут в этом смысле оказаться показательнее, чем «художественные вершины эпохи» (стр. 201—202). Но в этом случае мы, очевидно, имеем перед собою опять-таки новую и самостоятельную тему: романтическая поэма, как особый

жанр, и если все то, что утверждает Жирмунский относительно массовой литературы справедливо, то книга его должна была бы быть написана как раз в обратном порядке, поскольку Олин или какой-нибудь Пустельгин «показательнее» Пушкина для решения этой новой темы. Самая композиция книги Жирмунского, таким образом, обнаруживает, что и этой новой темы автор себе не ставил. Так как, однако, для характеристики жанра на деле нет никакой нужды в эпигонах, что показывает сам же Жирмунский, который во второй части своей книги лишь пространно перепевает содержание и выводы первой части,—то остается последнее предположение: тема автора, очевидно, должна была состоять именно в *истории* русской романтической поэмы, как говорит и подзаголовок книги. Такому предположению, конечно, многое противоречит, напр., лишними оказываются разыскания в сфере влияний и заимствований,—но надо думать, что именно такова была наиболее общая из задач, которые ставил себе Жирмунский. Но если перед нами действительно история романтической поэмы, то нужно сказать, что история эта решительно неудовлетворительная и что менее всего история эта исторична. Обратимся к реальному содержанию книги Жирмунского.

Книга Жирмунского построена так: совокупность поэтических приемов в «восточных» поэмах Байрона и «южных» поэмах Пушкина,—а во второй части книги, соответственно,—поэмах эпигонов, разносится им под соответствующие рубрики—«сюжет и композиция», «лирическая манера повествования», «тематика», «стилистика»,—и далее происходит *сличение* между двумя рядами наблюденных приемов внутри каждой из этих рубрик, подкрепляемое ссылками на отзывы современников. Можно, во-первых, спорить против самих этих рубрик: очевидно, напр., что если «сюжет» есть нечто отличное от «тематики», которую автор напрасно отождествляет с «содержанием», то он и есть именно «композиция», и что «композиция», напр., есть столько же композиция в отношении тематики, сколько и в отношении стилистики. Можно, далее, пожалеть, что автором не подчеркнуто крупное, на наш взгляд, значение для изучаемого вопроса наблюденных им фактов в области риторических средств байронической поэмы. Можно, наконец, указать, что отзывы современников, многое уясняя в кругу вопросов, поднимаемых книгой, тем не менее не являются таким панацейным средством, как это, повидимому, представляет себе Жирмунский. Но дело даже не в этом. Гораздо важнее и существеннее, что все эти наблюдения, чрезвычайно многочисленные и разносторонние, скользят лишь по поверхности изучаемых явлений и, будучи продуктом чистейшей абстракции, в силу одной хотя бы разрозненности своей не дают решительно никакого представления о том, что же такое романтическая поэма. Жирмунский, конечно, понимает, что все эти наблюдения нужно как-то свести воедино. Он это и пробует делать, но ведь конкретное целое всегда заключает в себе нечто большее, чем сумма абстрактных якобы «слагаемых» этого целого, а потому и объединительные подсчеты Жирмунского дела не исправляют. Именно поэтому и приходит Жирмунский к такому, почти невероятному, определению жанра, где не только ничего не сказано по существу, но и с формально-логической точки зрения можно увидеть сплошной только ляпсус. «Жанр,—пишет Жирмунский,—получает определение как особый исторически-обусловленный тип объединения композиционных и тематических элементов поэтического произведения (иногда сопровождаемый определенными признаками словесного стиля)»—стр. 201. Казалось бы, что если жанр есть «особый тип» объединения, то в определении именно эту «особость» и надлежало показать, не говоря уже о том, что если перед нами объединение каких-то «признаков», то признаки эти должны присутствовать в объединении всегда, а не иногда только, и что вообще определение жанра, как какого-то «объединения» есть величайшее недоразумение: ведь если речь идет об объединении, то непонятно, почему объединяются только некоторые признаки, а если объединить все признаки, то следует говорить, оче-

видно, уже не об объединении, а о чем-то целом и конкретном. Вот именно этого *целого* и *конкретного* и не видит Жирмунский. Можно сколько угодно насчитать признаков по каким угодно рубрикам, но все это останется лишь сырой абстрактно-эмпирической данностью до тех пор, пока мы не посмотрим на предмет нашего исследования цельным историческим взором. Наблюдения Жирмунского, таким образом уже по самому существу своему не историчны и развертываемая им на протяжении двадцати печатных листов слишком достаточно-таки утомительная картина тематических, стилистических и иных наблюдений—историческому нашему сознанию не говорит ничего.

Мы намеренно при этом не указывали до сих пор, что уже сам по себе метод сличений не есть метод исторического исследования. Ведь такой упрек Жирмунский легко мог бы отвести на том основании, что сличения ему нужны были не для истории, а для установления *«влияния»* Байрона на Пушкина. Такой ответ был бы по-своему справедлив, но он зато лучше всего показал бы, что книга Жирмунского действительно написана не на одну тему. Во избежание упреков в придирчивости, мы помиримся на время с этой двойственностью задачи и, убедившись, что истории романтической поэмы книга все-таки не дает, посмотрим, что дает она нам в области вопроса о влиянии, в частности—о влиянии Байрона на Пушкина. Здесь нельзя не признать, прежде всего, известной ценности за той общей постановкой вопроса о влиянии, какую предлагает Жирмунский в первой главе своей книги. Отмежевывая влияние, как понятие историко-литературное от прочих иных возможных смыслов этого слова (влияние личности, идеологии и т. п.), Жирмунский, конечно, делает нужное дело, поскольку позволяет сравнивать Байрона и Пушкина как величины литературные, а не биографические или идеологические, где вопрос о влиянии, естественно, сильно модифицируется и решается иными средствами. Некоторые неясности, однако, остаются и в этой общей постановке вопроса. В особенности они касаются второго из возможных типов влияния по схеме Жирмунского, именно вопроса о влиянии через «идейное содержание» (см. стр. 15—16). Жирмунский устраняет из рамок своего исследования вопрос о влиянии такого рода на том основании, что «реальное существование принадлежит в искусстве только образу, а не идее». Мы, конечно, хорошо понимаем, что изучение идеологическое не есть изучение историко-литературное, однако поскольку несомненной является тесная и интимная связь между образом и идеей вообще, постольку формулировка Жирмунского остается неудовлетворительной. Все дело сводится здесь только к тому, чтобы под «идейным содержанием» понимать не «идеологию» или «мировоззрение», ибо это совсем разные вещи, а именно *содержание* поэзии, которое есть sui generis «идея», раскрывающаяся в образе. Подчеркиваем же мы этот неясный у Жирмунского пункт потому только, что именно неясностью этой объясняется и общая неудовлетворительность результатов его разысканий в сфере влияния Байрона на Пушкина. Как и прежде, исходя не из целого, не из содержания, а из отдельных наблюдений по рубрикам, разыскания эти остаются совершенно абстрактными, и те выводы, к которым приходит здесь Жирмунский, говорят нам не столько о влиянии, сколько о «подражании», в лучшем случае — об «источниках» и «заимствованиях», что, понятно, есть дело совершенно иного порядка, как это склонен признать и Жирмунский (см. стр. 198 сл.).

Если ко всему изложенному добавить, что написана книга Жирмунского с помощью одних только почти цитат и ссылок, что прочесть ее—значит совершить маленький подвиг, то мы увидим, что серьезный этот труд, поскольку есть в нем положительные достоинства, получает для нас значение главным образом в качестве ценнейшего *справочника*,— настолько он насыщен эмпирическим матерьялом. Правда, и в этом отношении не обходится без недостатков, так как в силу отсутствия специальных указателей и «не-справочной» манеры изложения, пользоваться книгой Жирмунского как справочни-

ком не легко, но все же в этом смысле ценность книги остается неоспоримой.

Г. Р. Винокур.

ОЧЕРКИ ПО ПОЭТИКЕ ПУШКИНА. Статьи Б. В. Томашевского, П. Богатырева и В. Шкловского. К-во «Эпоха». Берлин 1923 г. Стр. 224+32.

Наибольший интерес из перечисленных статей представляет работа Томашевского о пятистопном ямбе Пушкина, она и занимает почти всю книжку. Работа Томашевского заслуживала бы подробного разбора, но рамки журнальной рецензии, а также чрезвычайная специальность вопроса, принуждают нас ограничиться лишь самыми существенными и краткими указаниями. Томашевский работает над стихом по статистическому методу Белого, измененного в ту сторону, что автором производится учет малых цезур, на что Белый, хотя и указывал и сам их классифицировал, но в работу свою не ввел. Особенностью работ Томашевского является его теория об изолированном стихе, как основе ритмической материи.

Материал собран исследователем громадный и представляет собой исключительный интерес. Однако обработка его во многом расходится с современными статистическими методами и грешит рядом логических невязок. Метрическое начало сводится для автора к скандовке, существование стопы отвергается, все сводится к стиху, как единице. Это приводит к тому, что и выводы совпадают с посылками, не более того. Порочный круг объяснений явления через него самого. Неправильно истолкованы кривые распределения, с каким-то особым ударением на Гауссовом распределении. Гипотеза о вероятностном распределении так называемых «фигур» в стихе не использована, так как автор, получив примерные подсчеты, на этом останавливается, полемизируя совершенно без оснований с Белым, и не исследует самого интересного: отклонений фигур от выведенного им плавного уровня. Получив уравнение полуударений по стопам, автор полагает, что форма этого уравнения достаточна для выведения закона распределения пиррихиев. Работа переполнена таблицами, большинство которых представляет собой просто результат подсчетов, не подвергнутые никакой обработке. Комбинаторная обработка отсутствует.

Резюмируя сказанное, приходится с сожалением заключить, что работа Томашевского в том виде, как она напечатана, не удовлетворительна ни со статистической, ни с стиховедческой стороны. Это—груды сырого материала, сдобренные неосновательной полемикой и рядом весьма сомнительных гипотез. Материал прекрасный, но он нуждается в систематической обработке, так как со стороны статистической работа никуда не годится.

Сергей Бобров.

ЭЙХЕНБАУМ. Сквозь литературу. Ленинград 1924 г. 279 стр.

Он же. Лермонтов. Ленгиз 1924 г. 167 стр.

Эйхенбаум — один из представителей формального или, пользуясь его собственным определением, морфологического метода в истории литературы. В качестве морфолога он прежде всего интересуется формой, стилем в литературе. До сих пор стилем историки литературы интересовались очень мало, занимаясь преимущественно идейным содержанием. Введение в исследовательский обиход нового и почти неисследованного материала-формы возбуждает интерес к работе формалистов. Интересны в этом смысле и обе книжки Эйхенбаума.

Однако ценность работ определяется не только свежестью материала, но и способом его обработки. Задача историка литературы, конечно, не в том только, чтобы оперировать над свежим материалом, а в том прежде всего, чтобы конструировать из данного материала историю, оперировать научно-историческим методом. Имеет ли историк литературы предметом исследования форму или содержание—для него главное—это смена, движение, генезис. Без понимания механизма движения, без понимания лите-

ратурной динамики нет истории литературы, и как раз здесь слабое место формализма, здесь ахиллесова пята Эйхенбаума. История ему не дается. Чувствуя это, он сначала отмахнулся от истории, заявил, что он и не хочет быть историком, что его интересует «предмет», а не «генезис». Он попытался подойти к изучению стиля вне-исторически, безотносительно к проблеме генезиса, и стал набрасывать стилевые характеристики, что-то вроде Айхенвальдовских силуэтов — только в морфологическом плане. Таковы его первые очерки: «Державин» и «Карамзин».

Но отмахнуться от истории невозможно. Стиль Державина—лишь волна в потоке русской литературы. Все течет, течет и державинский стиль, течет вне Державина, через него, мимо него, подчиняясь в этом течении своим законам. Нельзя понять Державина вне этой текучести, нельзя статически вне-исторически изучать жизнь стиля.

Волей-неволей Эйхенбаум становится историком без привычки к историческому мышлению плохо подготовленным к этой роли. Вне исторического плана стиль имел реальный живой субстрат в личности художника, понимался как его отправление, как органический его продукт. В историческом плане стиль в своей текучести оторвался от этого реального субстрата, и его стало невозможно рассматривать, как отправление личности художника. Стиль живет, развивается, эволюционирует независимо от художника. Как же это возможно? На этом вопросе и споткнулся безнадежно Эйхенбаум.

Оттолкнувши авторскую личность, он не нашел другой живой, развивающей реальности, продуцирующей стиль, а превратил стиль в живую, саморазвивающуюся сущность. Он одарил стиль самостоятельной жизнью, дошел до наивно фетишистского представления о стиле. Понять стиль, как продукт исторического развития людей, он не сумел и превратил его в самостоятельное, живое, развивающееся бытие, вроде саморазвивающейся идеи Гегеля.

Не сумевши научно понять историческое движение стилей, Эйхенбаум ухватился как за якорь спасения—за метафизику, которая никого никогда не спасала,—не спасла и Эйхенбаума. Его объяснение исторической закономерности и необходимости смены литературных стилей поражает бессодержательностью и прямо трогательной наивностью. Оно сводится к универсальному и всеобъясняющему закону «шаблонированья», из которого рождается «необходимость» обновления и разрушения традиций: «шаблонирование» тургеневской прозы сделало «необходимостью» явление Толстого; «шаблонированье» Пушкинского стиха объясняет «необходимость» появления Лермонтова и т. д. Как это все просто, ясно и вместе пустопорожне. Не напоминает ли вам эта историософия литературных стилей очень почтенную старушку историософии, шамкающую в объяснении исторического движения о «законе подражания» и «новаторства». Со столь ветхой деньми и примитивной философией истории нынче нельзя быть порядочным историком. Этим и объясняется, что чем более ответственную и широкую задачу задает себе Эйхенбаум, тем меньше он удовлетворяет. В миниатюрах, собранных в книжке «Сквозь литературу», историческая беспомощность автора чувствуется не так остро, как в его крупной работе о Лермонтове. Как опыт научно-исторического понимания Лермонтова книга Эйхенбаума ниже всякой критики.

Отмечая беспомощность Эйхенбаума, как историка литературы, я не хочу сказать, что его работы не интересны и не нужны читателю. Книжки Эйхенбаума читаются с большим интересом. Морфологический материал, которым преимущественно орудует автор, имеет всю прелесть новизны. Автор идет не по проторенным школьной учебой дорожкам, а роется в пластах, не затронутых ею. В книжках Эйхенбаума есть свежесть, молодое искание, молодой задор, много тонких наблюдений и дельных замечаний, и все эти, далеко не часто встречающиеся, качества примиряют нас с методологической наивностью автора. Чтение таких книг все-таки интересней и полезней, чем чтение произведений ученой «умеренности и аккуратности», везущей воз знания по заезженной колее.

В. Переверзев.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ДОСТОЕВСКОГО. Сборн. стат. под ред. Бродского. Изд. «Сеятель». Л. 1924. 215 стр.

Новый сборник, посвященный Достоевскому, производит серое, скучное впечатление. Особенно безотрадны три последние статьи сборника. Статья Скабтымова под заголовком «Тематическая композиция романа „Идиот“» дает ряд скучных характеристик действующих в романе лиц. Это—сочинение ученика формальной школы второй ступени. В статьях Гизетти и Дарского перед нами попытки метафизических философствований по Достоевскому—род критики исключительно опасный, интересный лишь в случае значительной философской одаренности критика и нестерпимо скучный без такой одаренности. Для такой критики нужны Ницше, а не Дарские, Гизетти и иные, представляющие свое недомыслие под видом «Достоевского-мыслителя». Больший интерес представляют три первые статьи сборника. Любопытна статья Истомина, который тематику первых повестей Достоевского ставит в связь с передрягами душевной жизни молодого писателя, вскрывает их автобиографическую насыщенность. Статья, к сожалению, испорчена каким-то туманно - апокалипсическим стилем, странным у критика стремлением напустить загадочности, а не разъяснить загадки духовного роста юноши Достоевского. Две другие статьи Виноградова и Давидовича отличаются обычными достоинствами и недостатками в критике, оперирующей формальным методом. Давидович дает перечень тех приемов, которыми Достоевский пользуется, чтобы заинтриговать читателя его романов, не пытаясь даже раскрыть смысл этих приемов Достоевского. О поэтике Достоевского его статья дает такое же представление, какое могла бы дать вам наваленная на столе кучка колесиков, стрелок, пружинок, камешков о часах. Виноградов пытается показать сюжет и архитектонику повести «Бедные люди» на фоне эволюции натуральной поэтики в сторону сближения с сантиментализмом. Но так как он не касается ни причин, ни смысла этой эволюции, то из его длинной статьи нельзя извлечь никаких сколько-нибудь значительных историко - литературных заключений. Выводы самого автора сводятся к толчению в семи пунктах очень немудрящей истины, что следует уточнить и ограничить понятие о натуральной школе и что «Бедные люди» лежат вне плоскости этой школы—явились завершением намечавшегося еще в рамках натуральной школы синтеза натурализма с сантиментализмом и началом нового литературного стиля. Не то чтобы все это было бесполезно, неинтересно, а только как-то кургузо, без изюминки: прочтешь не без пользы, но без всякого возбуждения мысли. Таков сборник даже в его лучших статьях.

В. Переверзев.

И. С. ТУРГЕНЕВ. Письма к Людвигу Пичу. 1864 — 1883. С рисунками Людвига Пича. Перевод Н. Тролль. Редакция, вступительная статья и примечания Леонида Гроссмана. Издательство Л. Д. Френкель. 1924. Стр. 252.

Людвиг Пич, журналист и рисовальщик-иллюстратор, принадлежал к числу немецких друзей Тургенева. Переписка между ними длилась в течение почти 20 лет. Из публикуемых ныне 122 писем Тургенева большая часть была уже напечатана в «Вестнике Европы» 1909 года, но со значительными сокращениями. 25 писем появляются впервые. Больше всего эти письма показывают Тургенева в его отношениях к культурной жизни Европы—на первом месте, к жизни литературно - артистической. Небезынтересны некоторые — хотя довольно беглые — высказывания Тургенева о политических событиях. Касательно собственной литературной деятельности Тургенева можно отметить, что им был написан (на немецком языке) сценарий для пятиактной оперы музыканта Эккерта «Мировичъ»; сценарий этот где-то затерялся. Трудно согласиться с Л. П. Гроссманом, называющим Тургенева «первоклассным мастером дружеского письма»: он был гениальный писатель и поразительный рассказчик, но эпистолярное его мастерство не поднималось выше среднего

уровня. На основании письма Тургенева к Пичу Л. П. Гроссман считает «непререкаемо установленным» такой важный биографический факт, что Тургенев был отцом второй дочери г-жи Виардо, Клавдии. Исходя из этого, он по-иному рассматривает положение Тургенева в семье Виардо: он был не «прилепившимся к чужому гнезду», а подлинным отцом семейства (хотя бы частичным) со всеми его правами. Отнюдь не настаивая на чисто-платоническом характере отношений Тургенева к Виардо, можно смело утверждать, что в данном случае исследователь впал в большую ошибку. Вот то место из письма Тургенева, на котором основывается Гроссман: «Вы поймете меня, когда услышите, что Диди—существо, которое я люблю больше и нежнее всего на свете,—стала неделю тому назад невестой. Удивительно, все-таки, что на извещение ваше о помолвке вашей дочери—я могу ответить тем же». Что Диди была любимицей Тургенева—это общеизвестно. Он заботился о ней с истинно-отеческой нежностью—и в данном письме, называя ее своей дочерью, он просто хотел сильнее выразить свое нежное отношение к ней. Ведь говорит же он иногда в письмах к Виардо «наша дочь» о Полине, побочной своей дочери, желая этим показать материнское отношение к ней Виардо. Было бы странно, если бы Тургенев пустился в подобные интимные откровенности именно с Пичем, человеком, с которым он вовсе не был так уж глубоко связан, к которому относился несколько покровительственно. Своим более близким друзьям Тургенев никогда не делал подобного признания. Он писал им совсем другое,—напр., хотя бы Анненкову в 1867 г.: «Вот вы и отец теперь, отец ребенка, подаренного вам любимой женщиной. Подобного счастья я никогда не испытал...». А самое главное, что Клавдия Виардо *не могла* фактически был дочерью Тургенева: она родилась в 1852 году (И. Иванов, «И. С. Тургенев». 2-е изд. 120 стр.), а между тем вторую половину 1850 года, весь 1851 и весь 1852 годы Тургенев провел розно с Виардо, он жил все это время в России, а она—за границей. Этим соображение Гроссмана окончательно уничтожается.

Приложенные к книге 25 рисунков—портреты Тургенева и членов семьи Виардо, некоторые виды и сцены—интересны. Пич был хорошим рисовальщиком, и сделанные им 6 набросков головы Тургенева важны для Тургеневской иконографии. Но относительно трех набросков характерных мужских голов, служивших для особого рода литературной игры, Л. П. Гроссман заблуждается. Эти рисунки, давно уже опубликованные («Нива» 1884 г., № 40), принадлежат не Пичу, а самому Тургеневу. В «Ниве» было отмечено и то, какие из написанных под рисунками характеристик принадлежат Тургеневу. В новом издании текст Тургенева остался не отмеченным.

М. Клевенский.

ОСТРОВСКИЙ. Новые материалы. Письма, труды и дни, статьи. Под редакцией М. Д. Беляева. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. Государственное Издательство. Ленинград 1924. 8 ненум. + 460 стр. Тираж 2.000 экз.

Посмертная судьба Островского была довольно печальна. Своевременно канонизированный, он как-то сразу оказался забытым нашей наукой. Почти никто его не изучал, почти никто не интересовался тем наследием, которое осталось не напечатанным после его смерти. И только теперь, в связи со столетним юбилеем со дня рождения, о нем вспомнили, и только теперь увидали свет сотни страниц, написанные рукою этого исключительного художника слова—его письма. Поистине поразительны халатность и вандализм тех лиц, которые имели в своем распоряжении письма Островского и в течение нескольких десятков лет не удосужились напечатать эти шедевры эпистолярной литературы, уступающие разве только письмам Пушкина.

Рецензируемый сборник дает текст неизвестных ранее *45 писем* Островского[1])—в этом его главная ценность. Правда, по сравнению с другими, эти письма менее интересны по содержанию; боль-

[1]) Лишь 5 писем перепечатываются, как воспроизведенные ранее неисправно.

шинство из них (письма к Некрасову, Салтыкову, Панаеву и др.) наполнены заботами о практических литературных и денежных делах, просьбами о помощи неудачным литераторам и пр., но все же и в этих, относительно сухих, письмах рассеяно немало истинных перлов мысли и юмора великого драматурга. Вот, для примера, крайне любопытная характеристика, которую дает Островский самому себе и Некрасову, в письме к последнему.

«Ведь мы с вами только двое настоящие народные поэты, мы только двое знаем его, умеем любить его[1]) и сердцем чувствовать его нужды без шаблонного западничества и без детского славянофильства. Славянофилы наделали себе деревянных мужичков, да и утешаются ими. С куклами можно делать всякие эксперименты, они есть не просят. Чтобы узнать, кто больше любит русский народ, стоит только сравнить ваш «Мороз» и последнюю книжку А. И. Кошелева...» (стр. 207).

Как образец блестящего юмора Островского приведу еще начало другого его письма к Некрасову же:

«Многоуважаемый Николай Алексеевич, обстоятельства бывают разные: в Московской театральной конторе с нового года заводят единство кассы, но до сих пор завели только одно единство, а кассы еще нет. Наступают праздники, а у меня денег ни копейки...» (205).

Недостаток места не позволяет выписать ряд других не менее интересных цитат.

Из прочих материалов чрезвычайно ценны письма братьев Островского—М. Н. Островского к П. В. Анненкову и П. Н. Островского к И. Л. Леонтьеву.

Многие места этих писем представляются своего рода историческими документами, напр., такие строки М. Н. Островского (бывшего впоследствии министром государственных имуществ), написанные им в 1872 г.:

«Пьют наши отцы духовные горькую чашу и не только пьют сами, но и народ спаивают, умножая число местных праздников, устраивая молебны по всякому случаю... А в день каждого такого праздника или молебна, во-первых, крестьяне не работают, что считается грехом, а во-вторых, происходит такая попойка, что на другой день с похмелья работа из рук валится. Но этого мало: наше местное духовенство пользуется всяким случаем, чтобы эксплоатировать народ самым безобразным образом. Заболел ли кто, ему говорят: не ходи к доктору, а отслужи три молебна или иди к такому-то попу, который (по его собственному заверению) изгоняет бесов из человека. Напал ли червь на хлеб,—иди к такому-то попу, который умеет *проклясть* [1]) червя и т. п. И за все это деньги, и при всем этом вино... Ну, не несчастный ли наш народ?..» (263).

«...Прибавьте к этому еще наш волостной суд, который—верх безобразия. Я знаю такие возмутительные случаи, что вспомнить только об них—жутко станет: за ведро вина откупаются от рекрутства, за ведро вина хватают парня-одиночку, вышедшего из лет,—хватают на работе, заковывают, не дают заехать домой и с женой проститься и прямо везут в рекрутское присутствие, где и сдают, несмотря ни на какие с его стороны возражения. А взыскание недоимок! Секут и секут... Много бы можно было порассказать по этому поводу, но предмет слишком грустный...» (264).

Очень интересны и литературные суждения братьев драматурга.

Из других материалов отметим воспроизведенную факсимиле автобиографическую запись Островского из альбома Стасюлевича, первоначальный текст «Записок Замоскворецкого жителя», печатающийся по рукописи, и ряд неизвестных ранее черновых драматических отрывков. Менее интересны неоконченные переводы Островского, любопытные лишь как показатель разнообразия его литературных вкусов.

Очень полезным пособием является и составленная Г. Т. Синохаевым хронологическая канва жизни Островского, напечатанная под малоудачным заглавием «Труды и дни» (в подражание Лернеру). Странным только представляется, что данные, извлеченные из материалов настоящего сборника, не вошли в работу

[1]) Т.-е. народ. *Н. Ф.*

[1]) Курсив в подлиннике. *Н. Ф.*

т. Синюхаева, а напечатаны отдельно в виде добавления, занимающего тем не менее целых 34 стр., так что получается не одна хронологическая канва, а *две* параллельные, что крайне затруднит всякие справки. Если уже не было никакой возможности предоставить в распоряжение т. Синюхаева материалы сборника, то данные, извлеченные из них Б. Томашевским, рациональнее было бы не печатать отдельно, а поместить в соответствующие места работы т. Синюхаева, выполненной с большою тщательностью, хотя и не без некоторых промахов, к которым надо отнести, между прочим, введение некоторых дат, не имеющих видимого отношения к биографии Островского, напр., сообщения о том, что 9 мая 1849 г. «Гоголь справлял именины в саду Погодина», а 10 мая «Погодин ездил к юродивому И. Я. Корейше в Преображенское» (стр. 312), или что 16 января 1852 г. «Погодин крестил сына Ап. Гр-ва, Александра» (317) и т. п.

Все материалы сопровождаются обстоятельными комментариями и вступительными заметками редактора, Б. Л. Модзалевского, Б. В. Томашевского и др. лиц. Несколько неуместной в сборнике кажется небольшая статья Н. П. Кашина «Откуда взял Островский фамилию Юсова», не имеющая никакого отношения к материалам Пушкинского дома.

Сборник снабжен необходимыми указателями. Внешность книги производит вполне благоприятное впечатление. Корректура же местами небрежна, есть опечатки.

Н. Фатов.

А. П. ЧЕХОВ. Неизданная пьеса. Центрархив. Документы по истории литературы и общественности. Вып. 5. Изд. «Новая Москва». М. 1923. Стр. 253.

А. П. ЧЕХОВ «Татьяна Репина». Неизданная пьеса (М. П. Чехов. Театр, актеры и «Татьяна Репина»). Ленинград. 1924. Стр. 99.

Центрархив, располагающий драгоценнейшими материалами историко-литературного значения, оказал в деле собирания чеховских текстов большую услугу выпуском «неизданной пьесы» Чехова. Кстати сказать, в Центрархиве найдется еще кое-что помимо этой пьесы: так, нам известно о рукописи Чехова «История медицинского дела в России» и еще о некоторых менее значительных и менее интересных работах. Все они ждут своего опубликования.

Пьеса, тщательно подготовленная к печати Н. Ф. Бельчиковым, выполнившим свою задачу чрезвычайно внимательно, интересна прежде всего как первый или, во всяком случае, один из первых драматургических опытов Чехова. Работающим над театром Чехова ныне уже нельзя будет обойтись без пристального изучения этого раннего его дебюта в области драматической формы. Мало того: имея теперь перед собою эту «пробу пера», относящуюся ко второму году студенчества Чехова (1880—1881 г.г.), т.-е. к моменту его начальных шагов в литературе (первые рассказы в «Стрекозе» и «Будильнике»),—мы легко свяжем ее с наиболее зрелой его пьесой, с «Вишневым садом», датированным 1903 г. Совершенно прав автор предисловия к «Неизданной пьесе», утверждая, что она «значительно пополняет наличность художественного материала драматического творчества Чехова, дает возможность исследователю точнее проследить зарождение и генезис некоторых типов, неоднократно занимавших художественное внимание А. П. в последующие годы. В этой ранней пьесе—источник творчества Чехова-драматурга». И действительно, в этой весьма слабо в смысле архитектоники построенной пьесе, несмотря на всю ходульность ее внешнего сценизма, мы явственно ощущаем те большие зерна, из которых вырастет вся тематика чеховских пьес,—пьес в большинстве своем «усадебных», в той или иной мере всегда вскрывающих процесс смены двух поколений и культур быта.

Немалый интерес для исследователей манеры Чехова-драматурга представляет эта пьеса и в том отношении, что свидетельствует о соблюдении им тех чисто театральных законов развития действия, от которых он впоследствии станет все более и более отходить, заменяя актуальность в развитии сюжета «подводным те-

чением» внутреннего драматизма, явленного в форме малодейственной и несценичной. Здесь же, на этом первом опыте Чехова, сказались воздействия порядка чисто театрального: влияния авторов французских и русских драм 70-х годов. Любопытно отметить, что на пьесе ощущается и подражание модному тогда Дьяченке.

Несколько иной характер носит опубликованная Мих. П. Чеховым шутка-пародия А. П. Чехова «Татьяна Репина».

«Татьяна Репина» написана Чеховым (в 1889 году) как продолжение известной драмы Суворина «Татьяна Репина» и, вместе с тем, как ее *пародия*. Мих. П. Чехов, снабдивший издание обширным предисловием, в котором он пытается вскрыть отношение Чехова к театру и к актерам, совершенно не останавливается на установлении именно пародийности пьесы, в чем, в конце концов, и заключается ее значение и интерес. Продолжение суворинской «Татьяны Репиной» происходит у Чехова в церкви на фоне обряда бракосочетания, и это дает Мих. П. Чехову повод заняться выяснением проблемы отношения Чехова к религии. М. П. Чехов приводит всяческие доводы, долженствующие убедить читателя в том, что, хотя Чехов и был материалистом, но, тем не менее, не отрицал наличности некоего мистико-религиозного начала мира, той «мировой души», о которой говорит Нина Заречная в «Чайке» (кстати сказать, этот монолог М. П. Чеховым выписывается целиком). М. П. Чехов цитирует замечательные строки чеховского письма к Суворину о «спиритуалистах», которые «не нужны», ибо «когда вскрываешь труп, то даже у самого заядлого спиритуалиста необходимо явится вопрос: где тут душа? А если знаешь, как велико сходство между телесными и душевными болезнями, и когда знаешь, что те и другие болезни лечатся одними и теми же лекарствами, поневоле не захочешь отделять душу от тела. Спиритуалисты это не ученое, а почетное звание». Приводя эти слова, казалось бы достаточно убеждающие в материалистическом мировоззрении Чехова, Мих. П. Чехов все же стремится убедить нас в том, что его брат был отчасти «спиритуалистом», так как он будто бы утверждал, что «законы появления первой жизни на земле были от человека скрыты и решать их можно было только гипотетически, а что не может быть доказано научно, то само по себе должно было уже составлять предмет веры». Таким образом *доктор* Чехов, человек совершенно определенного материалистического миросозерцания, писатель, твердо верующий в конечное торжество *научной истины*, засахаривается в образ идеалистически настроенного интеллигента!

Столь же неудачны попытки редактора-издателя Чеховской «Татьяны Репиной» вскрыть отношение Чехова к театру и актерам. Мих. П. Чехов, на основании нескольких цитат Чехова о театре, как «о дурной болезни», декларирует ненависть Чехова к театру вообще. Однако мы могли бы привести не менее 20 цитат совершенно противоположных, убеждающих нас как раз в том, что какой-то и очень существенной стороной своей творческой природы Чехов тяготел к театру. В сущности это отлично понимает и М. П. Чехов: ведь не вычеркнешь из писательской биографии Антона Павловича его драматургию. Но М. П. Чехов находит объяснение тому, что Чехов, не «любя театр», все же писал пьесы. Он на слово поверил Антону Павловичу, что «театр—спорт и больше ничего». А так как А. П. «вообще любил азарт» и даже проиграл однажды в Монте-Карло 900 франков, то он *из-за азарта* и стал писать для театра. И это курьезное объяснение дается с самым серьезным видом. Азарт Чехова в отношении театра доходил до того, что он не только писал пьесы, «но сам же их и ставил на сцене»,— читаем мы у М. П. Чехова. Разумеется, это наивное объяснение принимать всерьез не следует. Совершенно неверно указание М. П. Чехова на то, что «Леший» был написан чуть ли не в два дня и по специальному заказу Соловцова. Биографу Чехова следовало бы знать, что «Леший» писался в продолжение *нескольких месяцев*, сначала в компании с А. С. Сувориным, а затем Чеховым самостоятельно. Возможно, что пьеса *переписывалась* «с быстротой молнии»—не спорим, но категорически утверждаем, что вынашивание сюжета «Лешего» было длительным,

на протяжении нескольких лет весьма занимавшим Чехова. Вообще, и комментаторская, и чисто редакторская работа М. П. Чехова выполнена совершенно дилетантски. М. П. Чехов из-за боязни, что второй экземпляр пьесы будет когда-нибудь найден и опубликован, спешит издать книжку со своими комментариями. Считая себя «близким к автору» и, «главное, близко знающим о происхождении этой пьесы», М. П. Чехов полагает, что только именно он и имеет, так сказать, моральное право на публикацию текста. Но дело в том, что ничего нового о *происхождении* этой пьесы М. П. Чехов не сообщает в своем предисловии. По письмам самого Чехова к Суворину и по целому ряду давно опубликованных материалов история происхождения пьесы была известна в подробностях. Новостью является лишь самый текст.

Юрий Соболев.

В. Правдухин. Литературная современность 1920—1924 г.г. Госиздат. Москва. 295 стр.

В. Правдухин в своих критических попытках очень усердно старается исходить из общего определения искусства и его роли в жизни. Это, конечно, вполне правильная постановка задачи, но разрешается она автором крайне невразумительно. Нагромождена масса задорных и громких фраз с целью сильнее ударить противника. Однако автору это не удается. Даже и тогда, когда он пытается прикрыться товарищем Троцким и его тенью. Часто его драчливая поза бывает занятна. Забавно, как он открывает отжившие «истины» и прилаживает их к нашей действительности.

Анализируем данное автором определение искусства.

«Искусство получает свое выражение в живых образах, зарисовываемых словом, звуком, краской и линией». Это бесспорно, но, как давно всем это известно, и тут ничуть не раскрывается самая сущность искусства. И не к чему повторять эту «ученость», разве только для закругления фразы, но это терпимо, если все остальное в порядке, а у автора и дальше идейная разруха.

«Содержание и формы искусства монолитны и гармонически спаяны»,—это тоже старо, как мир. Эту формулу надо вскрывать, показывая те пути и каналы, через которые эта монолитность создается. Однако на протяжении всей книги об этом ни одного серьезного слова. Автор не чувствует, сколь много в данном вопросе теоретической работы, несмотря на изученное, но изученное не с марксистской точки зрения. Он бессилен.

Искусство есть своеобразный — наиболее целостный и общественно-плодотворный процесс,—все это взято на прокат у старьевщика и в данном случае представляет пустой набор слов.

На статье, однако, появляется правдухинская заплата. Искусство — «процесс всеобъемлющего человеческого познания». Что искусство—процесс, мы не спорим, но нас интересует вопрос: «какой процесс?» Психологический? Идеологический? Или какой другой? «Процесс познания»,—правильно, но это старо и односторонне. Искусство не только познает жизнь, но и организует жизнь. Временами это признает и сам автор. «Оригинальность» мысли со всей очевидностью выступает там, где автор начинает уверять о «всеобъемлемости» познания. Это очень ново и никем не доказано. Сейчас и доказать нельзя. Большую философскую проблему о границах человеческого познания Правдухин с легкостью фланера втиснул в определение искусства. Бросил фразу на ветер, руки в карман и пошел дальше.

Это «глубокое» определение автор кладет в основу своих литературных суждений и уверяет читателя, что оно законно. В самой малой степени. Для прикрытия идейной наготы. В XX веке такое определение убого. Хорошо, что автор сознает, что «определение не ново» и «не обнажает самого существа искусства». Раз «не обнажает», зачем его бесконечно пережевывать, как жвачку, зачем брать за исходный пункт и преподносить читателю пресно-сладкую дешевую тянучку.

«Первым нашим требованием от произведения,—пишет Правдухин,—пусть будет требование художественности на-

сыщенности его жизнью, пусть в нем не будет пристроек, логических лесенок, на живую нитку пришитых понятий». Требования абсолютно законные, не вызывающие никаких возражений, но темные, неразъясненные. В чем автор видит художественность, и что такое насыщенность жизнью? Две большие проблемы и опять не продуманы до конца. «Логические лесенки» и «пришитые понятия», конечно, превращают произведение в простое рассуждение, хотя бы и умное. Однако отсутствие указанных «лесенок» и «понятий» еще не определяет художественности произведения. Мерка художественности лежит не в одной стройности построения и отделке произведения. Теперь техника высоко стоит. Художественность определяется соответствием произведения духу времени, соответствием своего содержания и своей формы. Зависимость прямо пропорциональна. Тут, естественно, встает вопрос о «насыщенности жизнью». Какой жизнью? Умирающей? Нарождающейся? В каком направлении? С сочувствием к старому? С ненавистью к новому?

Этой проблемы во всей полноте и ясности автор не охватил, а между тем он повторяет глубоко верную мысль Плеханова, что ложная идея, положенная в основу художественного произведения, разрушает его эстетическую ценность. В другом месте автор уже сам подчеркивает мысль, что «художник должен обладать способностью находить живую образную *подоплеку* (курсив мой. *В. П.*) живого процесса жизни». Это очень правильно. Но это не расшифровано автором, не дано в конкретности. И мы видим, что в своих критических суждениях автор ни разу не вскрыл «подоплеки» художника.

На таком неустойчивом фундаменте автору трудно выводить свои критические узоры. И, понятно, он хватается за всякие подходящие мысли других авторов, не заботясь о целостности своего взгляда.

В конце книги он дает новое определение искусства. Он хочет видеть в нем «способ выработки внутренней, душевной закваски и окончательной закалки ценного человеческого материала». Для него «искусство есть конкретный осадок, познавательно-эмоциональное воплощение общей динамики» эпохи.

Что же, в конце концов,—искусство: процесс всеобъемлющего познания, способ выработки закваски с закалкой или осадок?

Конечно, последнее определение более соответствует потребностям нашего времени, более жизненно, но и оно опять-таки полно недоговоренностей, туманностей, противоречий,—способ выработки закваски и осадок — не одно и то же. Закваску вырабатывает бытие, а искусство—скорее «осадок», идеологическое отложение. Если же искусство—закваска, то это глубоко идеалистический, глубоко вредный взгляд.

Свою позицию, не новую, конечно, что «искусство служит жизни», автор пытается конкретизировать, решительно заявляя, что искусство организует человека и общество. Но процесс организации он всегда сводит к процессу познания и тогда забывает о «закваске», «закалке» и «осадке», предпочитая писать об искусстве как «об отражении и символе растущей жизни». Выпадает даже «всеобъемлющее познание».

Автор не чувствует разрухи своей системы и даже не системы, а просто логики. Он не в силах дать системы. Его мысли—мысли, сказанные ранее другими. Он взял наиболее ему приглянувшиеся, каждую в отдельности постарался обосновать,—в отдельности правильно, но в целом—противоречиво. Не имея определенного критического воззрения, он, как маятник, качается между теорией искусства, как познания жизни, и искусства—организации жизни. Качается, диалектически не уяснив, что указанные теории соответствуют двум различным моментам общественного сознания, что вторая теория—естественное развитие в ходе истории первой теории и что теория искусства познания жизни, весьма целесообразная у нас в XIX веке, особенно в первой половине его, теперь, в XX веке, устарела и потеряла свою жизненность, свою боевую активность. Жизнь течет и развивается. Кто отстает от нее, тот неизбежно и всегда путается.

Конечно, Правдухин против «На посту» и вообще пролетарской поэзии. Против огулом, не утруждая себя анализом.

С размахом, как А. Толстой,—коли против—так уж против всего целиком. Конечно, Правдухин «настоящий марксист». Остальные, как читатель догадывается, — оторвавшиеся от жизни и производства интеллигенты.

В книге есть не мало совершенно правильных отдельных суждений: несомненно, Сейфуллина современнее Леонова. Не мало и несуразностей. Автор, например, не задумываясь, зато с удовольствием, утверждает: в стихах Казина мы присутствуем впервые при зарождении новой и подлинной поэзии. Правильно одно: Казин талантливее многих современных поэтов. Остальное—непродуманная и необоснованная фраза. Что же другие поэты так ничего и не внесли в сокровищницу нового, пролетарского искусства?

Книга требует сугубо критического отношения. Автор при своей задорной размашистости не связал концов с концами. Книга его эклектична и не продумана. Суть же всякой эклектики и непродуманности кроется в том, что правильность отдельных положений в различных конкретных обстоятельствах ни в какой мере не гарантирует идеологической «монолитности и гармоничности» целого.

Читатель, который владеет марксистским методом или крепким классовым чутьем, сразу почувствует правдухинскую путаницу, ну, а у кого их нет, те могут обмануться. Поэтому и нужна критическая настороженность.

Мы сознательно сосредоточились на теории, оставив в стороне частные оценки.

Мы хотели показать читателю нутро писателя.

Жаль, что верные мысли гибнут в задорной непродуманности.

Валериан Полянский.

Н. ГОРЛОВ. Футуризм и революция. Поэзия футуристов. Государственное Издательство. Москва 1924. Стр. 85.

Книгу Горлова трудно взять всерьез. С внешней стороны она наукообразна, но мы бы незаслуженно обидели науку, предположив, что эта брошюра имеет хотя бы отдаленное отношение к ней. Нет, мы здесь имеем, несомненно, дело с поэзией,—и можно даже точно указать, с каким именно родом ее. Это—ода, правда, растянутая на 85 страницах, но все-таки самая настоящая ода, со всеми особенностями, свойственными оде со времен Пиндара: гиперболой, парением, лирическим беспорядком и т. д. И если бы автор честно заявил, что он не преследует других целей, кроме как воскрешения забытого литературного жанра, у нас не нашлось бы ни слова осуждения; можно ли, в самом деле, требовать у соперника Ломоносова и Державина логической последовательности, научной точности и других почтенных качеств, присущих исследованию! Но автор хочет что-то такое доказать,—а это обязывает.

Тов. Горлов, очевидно, полагает, что доказательство состоит в том, что известное количество более или менее литературно отделанных фраз располагается в виде ряда силлогизмов. Мы полагаем, что такого формального признака еще не достаточно, а потому аргументация Горлова нас не убеждает ни в малейшей степени. Бесполезно опровергать эту аргументацию звено за звеном, доказывать ошибочность каждого положения. Это мелочная, неблагодарная и утомительная работа. Ошибок, софистики, путаницы слишком много. Достаточно будет отобрать наиболее яркие примеры, указать на основные дефекты. В работе т. Горлова проводятся две мысли: первая—то, что футуризм есть единое, монолитное течение; нельзя, по его мнению, говорить о разных футуризмах; даже итальянский и русский футуризм представляют собой явление одного порядка, одной окраски и общественного значения (последнее—совершенно правильно). Вторая — футуризм революционен, непримиримо враждебен буржуазному обществу, является искусством пролетариата. Как же это доказывается? Несколькими чрезвычайно простыми приемами. Во-первых, на место футуризма ставится один футурист: Маяковский. Вся книга Горлова, за исключением нескольких первых страниц, представляет собой сплошной комментарий к стихам Маяковского. Есть, правда, глава, по-

священная Крученых, но в ней говорится о нем лишь как о теоретике. Понятно, что когда мы вместо того, чтобы разобрать футуризм в целом, говорим лишь об *одном* определенном поэте, мы этим самым устраняем из нашего поля зрения ту проблему, которую должны были решить, а именно: единен ли футуризм, или он заключает в себе целый ряд различных течений и тенденций? Во-вторых, для доказательства революционности футуризма строится следующий силлогизм: футуристы восставали против мещанской эстетики. Но мещанская эстетика порождена мещанским бытом. Мещанский быт — производное капиталистического строя. Стало быть, восставая против мещанской эстетики, футуристы восставали против капитализма: «футуристы делали ту же революцию, что и большевики, но делали с другого конца». В другом месте т. Горлов говорит даже следующее: «Буржуазия считала свой порядок вечным. Исчерпав в течение столетия все свои экономические возможности, она идеологически закостенела. А вместе с тем, естественно, закостенела и формально. Продвигаться дальше— это значило для нее подвигаться к социализму. Чтобы остановить действие, нужно остановить сознание, а чтобы остановить сознание,—нужно наложить узду на его форму—на слово. Такою уздою и была в последнее время грамматика». Итак, главным препятствием на пути к социализму была грамматика, и футуристы, восставшие против нее, выходит, делали гораздо более революционную работу, чем Ленины, Зиновьевы, Сталины, действовавшие в подполье, организовывавшие партию и т. д. Недаром, ведь, Маяковский утверждает, что сделать то, что сделал он—

Труднее, чем взять
Тысячу тысяч Бастилий.

Ясно, конечно, что все эти неуклюжие софизмы ровно никуда не годятся. Восстание против мещанской эстетики и даже мещанского быта еще вовсе не делает поэта революционером; оно вовсе еще не означает восстания против буржуазного строя. В противном случае мы должны были бы считать в числе революционеров Ницше, Ибсена, Готье, Флобера, Мопассана, Гонкуров, Бодлера и др., а между тем многие из них (Флобер. Готье, Гамсун) принадлежат к самым сознательным и последовательным реакционерам и врагам социалистического движения. Вообще, как правило, писатели, художники, люди, живущие жизнью богемы и обладающие несравненно более широким кругозором, чем средний буржуа, враждебно относятся (особенно в молодости) к мещанским вкусам, привычкам, быту. Неверно изображать поэтов буржуазии апологетами мещанства. Но вся их неприязнь, ненависть к обывателю, филистеру, мещанину, хотя и приближает их к пролетариату, делает их произведения более близкими, понятными ему, не является доказательством их враждебности к буржуазному строю в его основах.

Если же мы обратимся к русскому футуризму, то без труда убедимся, что при своем возникновении, он был типичным буржуазным течением; эта буржуазность только несколько маскировалась тем, что он, как правильно замечает т. Троцкий, не вышел из богемной стадии, свойственной каждой молодой школе. Неверно, будто буржуазия ненавидела футуризм и считала его опасным. Русские футуристы находили себе друзей среди буржуазии, покровителей, меценатов, доступ в салоны, известность, славу. Самый популярный поэт мещанства, соперник Изы Кремер и Вертинского, Игорь Северянин, вышел из среды футуристов. Да и зачем было буржуазии бояться футуристов? Они для нее были не потрясателями основ, а гаерами, дававшими своими желтыми кофтами материал для скандальной хроники,— острой приправой к пресному существованию. А когда пришла война, разве они не стали писать такие же плохие патриотические стихи, как и прочие поэты? Горлов старательно доказывает. что индустриализм футуристов, их культ машины делали их неприемлемыми для буржуазии. Эстетика машины, по его мнению, враждебна капитализму, так как он задыхается от обилия созданных им самим машин и товаров. Это опять-таки сплошная софистика. Футуризм возник на той стадии развития капитализма, когда производительные силы еще воз-

ростали, когда капитализм отнюдь не уперся в безысходный тупик, в перманентный кризис. Машины действительно часто «били капиталиста по карману», но они же являлись средством к завоеванию богатства, власти, так что капиталисту вовсе не зачем было их ненавидеть. Если продолжить рассуждения Горлова дальше, то выходит, что капиталисту, возненавидевшему машины и товары, остается, как тургеневской Лизе, только одна дорога: в монастырь.

Капитализм, в своей империалистической стадии, действительно создает, как это утверждает тов. Лерс, эстетику машины, культ ее—в ущерб живому человеку (что для него личность рабочего?). Для него машины означают неограниченную возможность развития, обогащения, власти, механики — ту идеальную степень исполнительности, безответности, подчинения, до которой он мечтает довести рабочего. Характерно, что в русском футуризме, в котором индустриальные тенденции были в первый период довольно слабы, самым их ярким выразителем явился мещанин par excellence, поэт ресторанов и нарумяненных Нелли, Северянин.

Приведем в заключение несколько образчиков критического остроумия и осведомленности т. Горлова:

1. «Вредоносность» теории Дарвина о борьбе за существование была осознана буржуазией лишь тогда, когда эта теория была использована и претворена К. Марксом в учение о борьбе классов».

Тут, что ни слово, то ошибка:

I. «Марксово учение о борьбе классов» было изложено последним достаточно полно уже в 1847 г., в «Коммунистическом манифесте»; сочинение же Дарвина, где излагалась его теория о естественном подборе и борьбе за существование, «Происхождение видов», появилось только в 1859 г., т.-е. через 12 лет после «Манифеста», так что ни о каком не только претворении, но и прямом влиянии Дарвина в данном случае говорить не приходится. То, что учение Дарвина «лило воду на мельницу» марксизма, конечно, совершенно верно, но это уже другой вопрос. II. Учение о борьбе классов не является открытием Маркса, не составляет его собственности. «Что касается меня, то мне не принадлежит ни заслуга открытия классов современного общества, ни заслуга открытия их борьбы между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы, а буржуазные экономисты—экономическую анатомию классов» (К. Маркс, из письма к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г.). Историки, о которых Маркс, Тьери, Минье, Гизо писали лет за 40—30 до Дарвина.

2. Горлову надо доказать, что футуристы были правы в своем «отрицании» и развенчивании природы. Любовь к природе, оказывается, последний оплот идеализма. «Бог как создатель мира, как существо, стоящее над природой, потерял уже всякий кредит. И вот для восстановления его пошатнувшегося хозяйства, его решили сочетать браком с богатой невестой. *Бог стал природой, и природа стала богом. В этом—вся сущность идеализма в философии*» (курсив мой. *А. Л.*). Вся абсурдность этого утверждения станет особенно ясной, когда мы сравним его с тем, что говорил о сущности идеализма Энгельс: «Философы разделились на два больших лагеря... Те, которые утверждали, *что дух существовал прежде природы и которые, следовательно, так или иначе, признавали сотворение мира, составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма.* Ничего другого не заключают в себе выражения: идеализм и материализм, взятые в их первоначальном смысле» (*Ф. Энгельс*, Л. Фейербах). Сущность идеализма, следовательно, вовсе не в том, что бог — природа (это утверждает пантеизм, а пантеизм—у Спинозы—является только теологически-окрашенным видом материализма), а в том, что дух—над природой и прежде ее. Любовь к природе ничего не заключает в себе идеалистического, наоборот, это лучшее противоядие против идеализма.

3. «Но, развенчав природу,... Маяковский забывает старые счеты; теперь он относится к ней по-хозяйски, спокойно и просто:

Вселенная спит,
Положив на лапу
С клещами звезд огромное ухо.

Здесь природа уже, как добрый дворовый пес, выполняет положенную ей функцию».

Признаться, я не знал, что природа исполняет такие обязанности дворового пса и что в ее функции входит охрана ночного сна футуристов!

4. «Что страшного,—спрашивает т. Горлов,—в том, что море великое? Велика Федора, да дура, а он (человек) маленький, да умный». Неподражаемо. Прелестно. Вот именно: велика Федора...

5. Маяковский пишет:

Мария!
. . . . . .
Тело твое просто прошу,
Как просят христиане, и т. д.

Горлов заявляет: «*В первый раз с тех пор, как поэты начали петь о любви, сказаны о ней правдивые слова.* Да, когда человек любит, он просит тела. Мы все это знаем... Мы знаем, что основа любви — половое чувство» (Да неужели?), «и в половом акте сливаются тела, а не души» (Волга впадает в Каспийское море). «Мы знаем, что можно любить человека, не любя его души» (лошади едят овес и сено), «и нельзя любить, не любя тела» (летом тепло, а зимой холодно).

Неужели т. Горлов, в самом деле, думает, что, сказав о любви тела, Маяковский, а за ним и он сам, открыли Америку? Неужели он не знает, что мотив любви тел так же древен в мировой поэзии, нет, еще много древнее, чем мотив любви «идеальной», «платонической»? Неужели он не читал «Песни песней», греков, Гете, Гейне, Пушкина?

А. Лежнев.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

а) Русская.

1. СТРОЙКА. Лит.-худож. альманах. *А. Лежнев.*—2. ПЕТР ОРЕШИН. В полях. *А. Лежнев.*—3. МАРИЭТТА ШАГИНЯН. Перемена. *Федоров-Давыдов.* — 4. І. М. СЛОНИМСКИЙ. Машина Эмери. — II. М. СЛОНИМСКИЙ. Удар. *Д. Горбов.* — 5. ЮРИЙ СЛЕЗКИН. Шахматный ход. *Д. Горбов.* — 6. В. РЯХОВСКИЙ. Зарево. *В. Вешнев.* — 7. К. ТРЕНЕВ. Пугачевщина. *В. Волькенштейн.*—8. М. БОРЕЦКАЯ. В железном круге. *Д. Фурманов.*

СТРОЙКА. Литературно-художественный альманах. Книга I. Рабочее издательство «Прибой». Ленинград 1924. Стр. 207.

Альманах составлен из произведений преимущественно молодых пролетарских писателей. Основным его недостатком является отсутствие центральной, крупной вещи, ядра сборника. Альманах перегружен мелкими рассказами и стихами. Рассказы, по большей части, не выше уровня газетной корреспонденции («Конфуз всей деревни» Н. Колгривского, «Синица» и «Не судьба» Ал. Тверяка, «От печки» Ал. Крайского, «Генерал Корнилов» Геннад. Фиша). Исключение составляют: «Обруб» Дм. Четверикова, представляющий собой переделку одного из эпизодов его большой повести «Атава», и «Апрельские прели» Мих. Карпова. Преобладает в рассказах деревня, взятая довольно поверхностно. И плакатных попов, и «продмочных» Миш, и кулаковских дочек—Полюшек и Манек—мы уже видели бесчисленное множество раз. Они переходят из рассказа в рассказ, меняя только имена. Стихи в общем слабы, со следами всевозможных перекрещивающихся влияний (от Блока до Третьякова), еще не «переваренных» авторами. Лучше других стихотворение Самобытника о делегатке. Поэма Ф. Левина «Железные ряды» написана в утрированно-залихватском тоне:

Алешка бес—лихой армеец!
и т. д.,

но она, по крайней мере, не скучна, чего нельзя сказать про другие поэмы «Стройки».

Совсем не соответствует общему тону альманаха экспрессионистская пьеса Макса Жижмора «Фигуры» (опошленный Франц Верфель плюс Евреинов), безвкусная, претенциозная, с неотчетливым замыслом и путаной идеологией

А. Лежнев.

ПЕТР ОРЕШИН. В полях. Очерки. Издательство «Красная Новь». Главполитпросвет. Москва. Стр. 77.

Очерки Орешина о деревне не отличаются особой глубиной или оригинальностью наблюдения и мысли, но они написаны хорошим, действительно русским, не книжным языком—правда, несколько стилизованно-народным, утрированно-медлительным,—читаются с интересом и дают представление—если не о новой деревне в целом, то о ряде характерных явлений и процессов, происходящих в ней. Упадок религии и поповского авторитета, неверующие и полуверки, новые семейные отношения, новый тип «американизированного» крестьянина - собственника («время — золото», «деньги в жизни главное» и т. д.), техника, вторгающаяся в быт деревни (электричество, тракторы),—все это показано автором живо, убедительно. Недостатком книги является отдающая народничеством идеализация крестьянина, «русского сермяжного богатыря»—в противовес «городскому» человеку,—которая сказывается в первых трех главах книги и сказывается с наивностью, позволительной разве только в стихах. При этом надо заметить, что содержание остальных пяти глав, в которых автор собственно и переходит от дорожной лирики к фактическому описанию деревни, далеко не соответствует такой идеализации.

А. Лежнев.

МАРИЭТТА ШАГИНЯН. «Перемена». Быль. ГИЗ. Л. 1924 г. Стр. 247+3 нен.

Книга, о которой очень трудно что-нибудь написать. Никак не поймешь, то ли она плохая, то ли—хорошая. Сначала—как будто интересная, а все-таки всю целиком прочесть—работа скучная. Тема книги—годы революции и гражданской войны на Дону, главным образом в Ростове. «В этих записках,—пишет автор в предисловии,—нет ни одного выдуманного слова, ни одной непережитой сцены. Кое-где я только изменила имена и сдвинула пространство» (стр. 7). Но, быть может, как раз поэтому, потому что автор беллетристического, а не мемуарного произведения лишь «менял имена и сдвигал пространство», книга и получилась такой тусклой и монотонной. Горячий и страстный, кровью и ужасом напитанный в своем сплетении героизма и пафоса с пьяным и диким разгулом всяческих «белых», «добровольческих», трагический материал эпопеи гражданской войны на Юге превратился здесь в монотонную смену «шестнадцати правительств», как говорила какая-то нянька или кухарка у Вересаева «В тупике». Автор хочет быть эпичным и по эпическому спокойным, а из этого выходит лишь какой-то в корне своем обывательский подход к фактам. Эпические повторения выливаются здесь в фигуру молочницы Лукерьи, которая после каждого взятия города, встречая утром вылезающих из подвалов обывателей, говорит им одну и ту же фразу: «Большаков-то (немцев, белых и т. д. до бесконечности) выкурили. Чисто!». Или в образ корректорши Поликсены, которая «при царе за ночной корректурой, при Керенском, при казаках, сидит и при большевиках» (стр. 83). И в этой бесконечно сменяющейся веренице тонут и обесцвечиваются отдельные герои: Яков Львович, рабочий-большевик Васильев, юная Куся и др. Впрочем, «быль», как настоящий эпос, сделана без героев и их перипетий как основной фабулы. Они, так сказать, символы: расплывчатый интеллигент, «заеденный средою», сочувствующий большевикам, но ни на что не способный, рабочий-коммунист, всего себя отдавший революции, де-

вочка-подросток—дитя революции и обывательская масса, масса всяких Иван Ивановичей и Петр Петровичей, мелких и крупных буржуа с их женами и домашними потрохами. Все они местами не плохо обрисованы, хорошо ходят по сцене, надлежаще декорированной, и подают надлежащие реплики, не плохо символизируют то, что должны символизовать. Но никто из них не выступает четкой, ярко обрисованной фигурой, навсегда запоминающимся типом, сконденсированным, сжатым символом. И эпос вырождается в скучную и малонужную быль, где только такое, каким его в годы прошедшие видел всякий неглупый и в ненависти не оголтелый обыватель-интеллигент, воспринимавший лишь перемену «обстановки», обывательского «бытия». И «циклы», на которые так гордо разделена повесть, никаких циклов по существу в себе не заключают, кроме такой разве «острой» мысли, что, дескать, сколько раз у красных различные армии Ростова ни отбирали, а ничего из этого не выходило. Опять красные брали, пока все «спасители России» не выдохлись и не разложились окончательно и не наступил «Судный день», он же и приход традиционной «зари новой жизни», встающей над могилой неизвестно для чего на предпоследней странице убитой автором при помощи осколка гранаты Куси. Разве только затем, чтобы выживший Яков Львович мог произнести над ней речь молодежи, почему-то невольно воскрешающую в памяти таковую же над могилой Алеши Карамазова. То же и со стороны стиля и языка автора. Меткие сравнения и оригинальные образы, чередующиеся сопоставления сначала нравятся. Но их так много, игра словами и образами так переполняют всю книгу, что они надоедают и теряют свою действенность. Вроде как в стихах имажинистов. Каждый образ сам по себе—прелесть: и остро, и оригинально, и порою даже глубоко, а, в конце концов, словно тебя столовой ложкой приторным вареньем малиновым кормят.

Так во всем этом тонут отдельные не плохие места, как, например, об украинской буржуазии, возмущавшейся Брестом и твердившей о Ленине, как о «немецком агенте» и распластывавшейся перед «освободителями» немцами, о реакционности студенчества и буржуазной молодежи первых лет революции, увлекавшейся «чистым искусством» под грохот пушек и т. д. Особенно хороша глава «Всевеселое войско Донское», где обрисовывается «поэтический зуд», охвативший всех генералов и комендантов и выливавшийся в «поэтизировании» приказов. Как известно, в этом отношении особенно отличался генерал Краснов, выпускающий сейчас за границей свои романы, способные их поистине классическим идиотизмом доставить любому читателю не мало веселых минут.

Симпатии автора «красным», какие-то вялые картины быта у «белых» и развала «добровольческой армии» — бледные; в насмешке больше добродушного юмора, нежели сатирического яду. Словом, как говорят белоруссы: «Говòришь ты, а в роте у тебя холòдно!». Настоящее лицо автора вскрывается в главе «Плач по эвклидову миру» с ее философией, что все живут по привычке, ходя «по короткой веревочке времени, данной им в руки» (стр. 113). Когда наступает перемена, «остановится человек, потрясенный: не узнаёт ни пути, ни предметов и так толчется, пока из толкотни этой не выработается вновь привычка, не проторится прямая и легкая дорожка». Скучная философия, и стоило ли ради нее писать о Русской революции?!

Федоров-Давыдов.

МИХ. СЛОНИМСКИЙ. Удар. Рассказы. Госиздат. Ленинград 1924 г. Стр. 143.

ЕГО ЖЕ. Машина Эмери. Из-ство «Атеней». 1924 г. Стр. 140.

В своих рассказах Слонимский хочет быть современным. Он силится рисовать «живую» действительность: все рассказы—из советской жизни, как и подобает добропорядочному попутчику. Но, несмотря на писательскую выработанность автора и эту поставленную им себе задачу, «живой действительности» у него не получается. А получается довольно безжизненная карикатура на жизнь и на действительность.

Прежде всего, от чтения его рассказов остается вполне определенное ощущение; они—покушение с негодными средствами. Ощущение этого никуда от себя не спрячешь, как бы ни хотелось поверить автору, что изображаемая им жизнь есть действительно жизнь. Нельзя влить новое вино в старые мехи, и нашу современность нельзя изобразить в рамках чеховской психологической новеллы. Правда, Слонимский пытается подогнать ее к темпу изображаемой им жизни путем полу-загадочной прерывистости изложения, резких обрывов и скачков внутреннего развития, но за всей этой взбаламученной рябью изложения остается ясно видным песчаное и довольно плоское дно: маленький, интимный intérieur'чик, домашний уютненький уголок, не без тонких и нежных чувств и не без мещанского изящества. Правда, у Слонимского действуют большею частью все сверхчеловеки, но появляются-то они все больше по пустякам. Вот мастер Павлов—цельная натура, стальная, которой бог знает как трудно приниться к рабочей дисциплине завода. Бедный мещанин, бедный интеллигентик! Но автору он кажется почему-то человеком незаурядным, и в результате—перед читателем муха, из которой все как-то не выходит слона («Удар»). Вот коммунист Меньшуткин, занимающийся не столько делом, сколько выполнением дамских поручений: он состоит на побегушках у одной истеричной особы, актрисы местного театра. Автору нравится изображать его определенным «пентюхом», набитым сантиментальностью; персонаж он—глубоко жертвенный; добившись, в конце концов, любви этой женщины, он спешит скрыться при первой ее истерической выходке; но потом, когда она арестована, благодаря мести третьего лица, он, ничего не узнав о ее деле, торопится взять всю вину на себя; он—расстрелян невинно, но спас женщину и ребенка, которого имеет некоторое основание ждать от нее. Вся драма протекает крайне неубедительно; каждый шаг действующих лиц не мотивирован ничем, кроме их истерической и явно дефективной психологии («Актриса»).

Совершенно так же искусственно взвинчена, немотивированно-трагична и фельетонно-героична «Машина Эмери». Издесь—полубезумная истеричка Франя, «железобетонный» человек долга — коммунист Олейников и — в нервно-психологическом роде—отвергнутый любовник художник Лютый. Стоит ли останавливаться на драме этих людей, из которых одни «бывшие» люди в полном смысле слова, а другие—никогда не бывшие, не существующие и, как будто, не имеющие быть.

Гниловатую осину своих обывательских новелл, бойко разделанную под «советский орех», Слонимский пытается—совершенно безуспешно—разузорить причудами игривого воображения (того самого, о котором Маяковский довольно бесцеремонно выразился, как о «глупой вобле»); на сей предмет в каждую новеллу включена порция ужасов—поджог и солнечный удар, *вызванный преднамеренно*, («Удар»), арест дамы в ЧК (с нами крестная сила! вот варвары-то! и расстрел тою же Чекою невинного коммуниста («Актриса»); самоубийство (поручик Архангельский); обвал в шахте, повлекший уничтожение художника (не бог весть какого, но все-таки интеллигентная сила!), и т. д., и т. д. Не обошлось, как водится, и без декадентской мертвечинки («Палата смертников»).

Конечно, авантюрность—вещь прекрасная; но только в том случае она не ломает изображаемого быта, когда не привнесена в него извне, а взята в нем самом. Слонимский проглядел ее залежи в окружающей его жизни. Он пожелал оживить этот *мертвый для него* быт извне привнесенной фантастикой, и не приходится удивляться, если манекен с пружинкой выкидывает коленца, совершенно не предвиденные мастером.

Удивительно только старание двух издательств издавать эту литературу наперебой: сборник, изданный ГИЗ'ом, озаглавлен «Удар», а сб. «Атеней»—«Машина Эмери»; но из 7 рассказов 1-го сборника 3 вошли во 2-й, составив основное содержание последнего, с добавлением только одного—ненапечатанного в 1-м («Начальник станции»). Это как будто уже лишняя роскошь.

Д. Горбов.

ЮРИЙ СЛЕЗКИН. Шахматный ход. Повесть смутных украинских дней. Изд-во «Пролетарий». 1924 г. Стр. 109.

Повесть Слезкина посвящена колоритному, но второстепенному углу революции,—жизни зеленых банд. Красные не изображены здесь непосредственно: они фигурируют в качестве неуклонного тяжкого пресса, под напором которого рассыпается распутное благополучие буржуазной и офицерской белогвардейщины, с одной стороны, и оголтелый авантюризм зеленых банд—с другой. Погибают герои белогвардейщины, вроде таинственного полковника «зеленых» Турепко (он же гусарский ротмистр, доброволец белой армии, он же красный партизан) и их агенты, слабовольные трубадуры «родины, святой России», все эти корнеты Джиневы, в последнюю минуту уразумевшие, что они делают черное дело: «Мне кажется, вот все время кажется, что я бью по голове ребенка, — понимаешь, по голове поленом, чтобы он не рос. И тот ребенок — не только кто-то другой, но и я сам». В повести энергично показано, что все эти горе-герои больше всего били самих себя.

Разложение белых и зеленых развернуто очень убедительно, показано в ряде выточенных из живой действительности картин: кутежи и разврат белых, полузвериный, уж поистине «скифский», быт зеленых, внутреннее умирание рыцарей отжившей идеи, человеческая мерзость, налипающая на движение в лице Емельяна Сысоевича Джинева, бывшего консисторского архивариуса, затем—войскового писаря при бандах батьки Выкруты,—сам этот батька из бывших полицейских с весьма простым, но выразительным политическим кредо: «Хай живе ридна Украина без кацапов, жидов и прочей сволочи... а налогов никаких и городу ничего не давать, и начальства чтобы, окромя батьки, никакого, и железных дорог не треба—от железных дорог—мор, смердеж, голод». Целый ряд второстепенных фигур—от сельского священника до генерала «Шкодо»—вычерчен уверенным пером, отчетливо экономно. Все это делает повесть Ю. Слезкина живой социологической панорамой, взбаламученной годами гражданской войны Украины.

Единственным недостатком, правда, крупным, является то, что революция показана здесь как-то очень уж с одного боку. Ее смысл раскрывается здесь в символах слишком интимных, комнатно-психологических, в переходе харьковской актрисы Лесиньки Гук от беспутной жизни с белым офицерством к приспособлению в новой советской обстановке. Пережив слишком много и набив оскомину прелестями белогвардейской жизни, она, попав на Советскую территорию, становится на учет в соответствующем Совотделе, поступает в театр и честно зарабатывает свой паек, вместе с мужем, скромным суфлером, благодаря поддержке которого ей и удалось доплыть до этой тихой пристани. «Просто жить и работать»—вот лозунг когда-то беспутной Лесиньки Гук, теперь скромной сов. актрисы и почтенной дамы Олеси Михайловны Огурцовой. И в то время, как демонический полковник Турепко, запутавшись в своей политической авантюре, стреляется близ ее дома, Олесенька «лежала тихо, как мышь, не спала, думала: „Завтра с утра на репетиции. Нужно спать".

Приходится отметить, что мотив труда и перестройки личной жизни на этом принципе, под оздоровляющим влиянием революции, значительно омещанен тем, что все сведено здесь к комнатному психологизму, без той огромной общественной перспективы, в которой сама революция принесла этот мотив, в действительности.

Д. Горбов.

ВАСИЛИЙ РЯХОВСКИЙ. Зарево. Рассказы. Изд. «Земля и фабрика». Москва—Ленинград 1924 г. Стр. 93.

У В. Ряховского интересные темы, взятые из нового нашего быта последних революционных лет. Но рассказы художественно не обработаны. Автор пишет просто, и это хорошо, но у него выходит не только просто—выходит бесцветно, а это уже плохо. Нет тщательности ни в разработке темы, ни в языке. Все рассказы смахивают на слишком

беглые очерки, на репортерские бытовые заметки, не получившие достаточно образного выражения. Рассказ есть весьма ответственная форма художественного произведения. Именно в этом смысле рассказов у Василия Ряховского не получилось.

В. Вешнев.

К. ТРЕНЕВ. Пугачевщина. Картины народной трагедии. Издательство «Мосполиграф». 1924 г. Стр. 125.

Живой, острый язык, крепкое знание казацкого быта, непосредственный и едкий юмор: большая тема обработана с большой серьезностью и воодушевлением. Конечно, это не драма: отдельные сцены-картины между собой связаны только хронологической последовательностью; внутренней связи между ними нет.

Не точно также обозначение пьесы, как «картин народной *трагедии*». Для трагедии характерна патетическая диалектика, борьба страстей проникнута в трагедии борьбой идей; сцены «Пугачевщины» развертываются в плане и стиле эпического повествования—при чем весьма часто с комедийным оттенком. Здесь традиционный в русской реалистической литературе частый перебой — смешение жуткого и смешного.

Пьеса Тренева родственна по своей композиции — или, вернее, по отсутствию строгой композиции—«Жакерии» Мериме: и здесь, и там ряд массовых сцен, широкая хроника восстания. У Тренева резко подчеркнута зависимость индивидуального выступления от народной стихии: «Царь Петр Федорович» в лице Пугачева сознательно изготовляется Чикой и другими казаками, пользующимися упорным брожением в народной массе, раздраженной бесцеремонной эксплоатацией российских помещиков. По Треневу Пугачев отнюдь не «герой» (он, по его собственному слову, только «воронёнок»); тем не менее, он не лишен смелости и решительности. Очень забавны сцены его самозванства, аляповатая подделка царского приема и т. п. Превосходны отдельные проходные сценки, смешные или страшные—въезд в село самозванца Сидора Коновала, старуха, идущая по берегу Волги вослед за плывущим на плоту повешенным сыном (разгром пугачевщины) и т. д.

На фоне современной литературы «Пугачевщина» привлекает своей художественной подлинностью, художественной честностью, в ней есть элементы народной драмы большого стиля, и вполне понятно желание ее поставить и увидеть на сцене, но ее сценическая эскизность и отсутствие нарастания в действии, а подчас и отсутствие действия, создают для пьесы на театре ряд весьма опасных испытаний, которые ее чисто-литературным достоинствам навряд ли удастся окончательно побороть.

В. Волькенштейн.

МАРИЯ БОРЕЦКАЯ. В железном круге. Изд. «Земля и фабрика». 1924 г. Стр. 112.

Небольшой сборничек произведений Марии Борецкой включает четыре рассказа-очерка: «В железном круге», «Плювучий маяк», «Под свою команду» и «Среди скал».

Неисчерпаемые богатства материала из эпохи гражданских битв все еще ждут своих значительных художников, которые смогли бы с должным размахом и мастерством запечатлеть художественно эти великие годы.

Мария Борецкая не из тех, чьи рассказы глубоко врезаются в сознание и память читателя—она слишком трафаретно, слишком обычно и вяло, без специфического колорита эпохи, без специфического стиля дает нам отдельные блестки этого богатейшего материала. В самом деле, разве это не богатые и не выигрышные для художника темы: непримиримая классовая вражда между близкими недавно людьми; история расстрела группы революционеров и т. д., и т. д. Все это художнику-мастеру—чистый клад; на этом материале можно широко развернуть сюжет, использовать всю гамму переживаний—редкостных и глубочайших.

А что мы видим здесь?

Совершенно беспомощное и ходульное «описывание» трагических моментов,

как самых обыкновенных, тошно-заурядных. Бледен язык, расплывчаты образы, скучны и вялы эпитеты, скудны попытки остроумия. Возьмем несколько случайных примеров:

«К массе напряженной, чисто деловой работе прибавлялась сложная работа чувств, доведших его нервную систему до чуткости светочувствительной пластинки».

«Два—три таких удачных заговора—и фронт останется без подкреплений, и наемные рати англо-французского капитала хлынут дальше, восстанавливая буржуазный гнет».

«И вдруг он демонически рассмеялся» и т. д., и т. д.

Шаблон, трафарет, бледная скука. И за этой бледной, скучной словесностью вовсе пропадает богатое, интересное содержание.

Так обычно нельзя писать и тем более на живые, глубоко интересные, героические темы гражданской войны.

Общее впечатление остается от книжки, как от слабой ученической первинки.

Д. Фурманов.

б) Иностранная.

1. ЭДГАР ПО. Полное собрание поэм и стихотворений. *И. Аксенов.* — **2. Г. УЭЛЛС. Сон.** *Л. Розенталь.* — **3. УПТОН СИНКЛЕР. Пришествие Христа в лето 1921.** *А. Луначарская.* — **4. ПОЛЬ МОРАН. Левис и Ирэн.** *А. Луначарская.* — **5. П. БЕНУА. Владетельница Ливанского замка.** *К. Локс.* — **6. I. О. ГЕНРИ. Игрушечка-пастушечка. II. О. ГЕНРИ. Шуми-городок иад подземкой. III. О. ГЕНРИ. Черный Билль. IV. О. ГЕНРИ. Шерстяная кошечка.** *К. Локс.* — **7. Р. ФОКС. Фабричное эхо.** *М. Эйхенгольц.* — **8. А. РУДОЛЬФ. Как у меня выросли крылья.** *М. Эйхенгольц.* — **9. ДЖЕМС УЭЛШ. Подземный мир.** *Л. Розенталь.* — **10. РАБИНДРАНАТ ТАГОР. Гора.** *В. Кряжина.* — **11. I) F. SAVIGNON. El Azote de Roma. II) P. FREUDENTHAL Resa till Venus.** *М. Лейтейзен.* — **12. JEAN d'ESME. I) Thi-ba, fille d'Annam. II) Les dieux rouges.** *А. Стариков.*

ЭДГАР ПО. Полное собрание поэм и стихотворений. Перевод Валерия Брюсова. Гиз. Л. 1924 г. Стр. 128.

Эдгара По с легкой руки поэта Я. П. Полонского принято у нас считать выразителем американской механистической культуры. В действительности—американский лирик воспитывался во времена, когда Америка была страной еще земледельческой, господствовали в культурном отношении рабовладельческие Южные штаты и только еще намечался, хотя и довольно внушительно, рост индустриального Севера. Это было то время, когда Аляска входила в состав единой и неделимой Российской империи, а верховный обладатель ее—Николай Романов. Первый отбирал от командированного в Нью-Йорк петербургского академика подписку в неядении там человеческого мяса, мня город Нью-Йорк населенным исключительно каннибалами.

Первые произведения Э. По были напечатаны еще при жизни Пушкина, а первые переводы Э. По на наш язык стали появляться в конце восьмидесятых годов; наибольшее распространение интереса к творчеству поэта Анабель Ли у нас падает на девяностые годы прошлого века. Э. По пришлось дожидаться русского читателя слишком шестьдесят лет. Зато он быстро привился в обществе, где начинал сказываться перелом в культурном развитии, среди людей, покидавших свои ампирные усадьбы (до смешного похожие на усадьбы Южных штатов Северной Америки) и уходивших в города, где все сильней намечалось развитие промышленности.

Тогда же стали появляться и попытки стихотворных передач лирики Э. По на наш язык, завершенные в начале нашего века работами Бальмонта, а теперь почти законченные разбираемым сборником.

Брюсов, один из основателей русского символизма и, несомненно, наиболее крупный представитель этого течения в славянской группе языков, положил всю свою жизнь на работу над русской

версией По. Собрание (кодекс) Брюсова включает почти все произведения По, написанные в стихах (нет трагедии «Полициан», и об этом стоит пожалеть) и по полноте своей оставляет далеко за собой все переводные сборники стихов американского поэта как наши, так и инозычные. Особенно ценным свойством рецензируемой книги является впервые вообще данная (не исключая английских и американских изданий) хронологическая классификация материала, позволяющая исследователю точно ориентироваться в биографической основе последнего лирического выражения английского романтизма. Брюсов давно стал выступать как переводчик, метод его, как переводчика, достаточно хорошо известен: в данной книге мы имеем перед собой все свойства Брюсовского перевода, а именно: тщательность в намечании общего плана работы, попытку сохранить наиболее важные, по мнению переводчика, детали техники и большую осторожность в согласовании синтаксического построения подлинника с требованиями русской речи.

Конечно, при таких высоких требованиях не все они и не всегда могли осуществиться одновременно. Не всегда Брюсову удавалось сохранить капризные переходы английского трехдольника, не везде Брюсов находил точное определение наиболее важного приема: в балладе «Падение Дома Эшеров» он сохранил всюду хореический ритм, хотя вторая половина баллады у По написана амфибрахием (Брюсов последовал здесь традиции немецких переводчиков), в Аль Аараф «Песня Несесси» изложена чистыми анапестами, тогда как у По переменный метр построен на основе двухстопного амфибрахия, в «Вороне» (огромная работа Брюсова, потребовавшая четырех переводов этой поэмы, тянется через всю жизнь нашего поэта и вряд ли ее можно считать завершенной автором) местами звуковой характер группированных Э. По слов определяет все построение — Брюсов переводит самые слова, т.-е. звуковую метафору обращает в метафору смысловую и таким образом отклоняется и от прямого (семантического) смысла подлинника, и от его морфологического оправдания. Но все это, конечно, детали, которые теряются в общем. Мы можем гордиться, что такой колоссальный по сложности труд был завершен в наше время нашим современником и тем, что издателем его было наше государство.

И. А. Аксенов.

Г. УЭЛЛС. Сон. Перевод с английского под редакцией и с предисловием Г. Генкель. Рабочее издательство «Прибой». Ленинград. 1924 г. Стр. 228. Тираж 6.000.

Утопия навыворот... Обычно авторы утопических романов перемещают кого-либо из своих современников в иной мир. Герой попадает в еще не изведанные страны, летит на Марс, а то на какую-либо другую планету, или погружается в длительный сон, от которого пробуждается лишь через нужное количество лет. Уэллс знает много способов подобных перемещений: и путешествие на машине времени, и мгновенный переход, в согласии с теорией Эйнштейна, в иную систему времени (последнее в романе «Люди — боги». Неугомонная фантазия этого писателя идет еще дальше; она переносит человека будущего в настоящее. Так в повести «Во дни кометы» один из обитателей обновленной земли рассказывает о своей юности, о жизни в начале XX века накануне великого переворота.

Еще определеннее использован этот прием в последнем романе Уэллса. Мы переносимся в счастливое будущее на 2.000 лет вперед и видим здесь некоего Сарнака, который в течение краткого сна прожил целую жизнь современника великой Европейской войны. Он рассказывает друзьям о своем сне,—это и составляет содержание книги. Возможность подобного сновиденья слабо мотивирована. В этом, пожалуй, следует усмотреть ослабление творческого воображения стареющего Уэллса. Раньше он умел блестяще обосновать путем какого-либо незаметного ложного допущения самое невероятное событие. Да и самый столь интересный замысел— показать XX век, преломленный в сознании людей будущего—не удался. Дело не в том, что слушатели Сарнака,

не знающие, что такое детская коляска (стр. 18) и ковер (стр. 52), в то же время не выражают никакого недоумения по поводу тысячи других мелочей чуждого им быта. Увы, рассказ самого Сарнака слишком часто, в сущности, ведется автором романа. Своеобразное душевное состояние человека, в силу некоего парадокса (чудесный сон), принадлежащего одновременно двум мирам, лишь намечено, но не выявлено. Два разных мироощущения даны, так сказать, не в некоем химическом соединении, а лишь в виде физической смеси. По существу перед нами лишь обычного типа бытовой роман—автобиография нашего современника (как «Колесо фортуны», «Тонио Бенга», «Страстная дружба» того же Уэллса), лишь изредка прерываемое замечаниями и рассуждениями со стороны.

Именно, как бытовой роман, и интересна, в конце концов, эта книга. Как и в прочих своих многочисленных произведениях того же типа, Уэллс блестяще изображает жизнь английского мещанства. Семья лавочника где-то в мелком провинциальном городке, поместье важного лорда, созерцаемое из домика садовника, меблированные комнаты в Лондоне, аптекарский магазин, издательское дело—все это, о чем мы уже не раз читали, опять и опять с неиссякаемым мастерством воспроизводит писатель. Острие сатиры направлено не против политического и социального уклада, а против ханжества, лицемерия, нелепых сословных и моральных предрассудков, системы воспитания, вернее, вообще, против неуменья современного человека устроить свою жизнь. Как всегда, герой—энергичный юноша, стремящийся к самообразованию, самостоятельно пробивающий себе дорогу и неудачливый в своей личной жизни. Все действующие лица обрисованы с изумительной конкретностью и той редкой задушевностью, которая заставляет вспоминать Чарльза Диккенса. С этой общей «человечностью» сочетаются острое чувство быта и тонкий психологический анализ.

Действие развивается медленно и монотонно. Драматическое напряжение появляется лишь к концу. В историю «Любви и смерти Мортимера Смита» введен новый мотив («падение» жены героя), несколько неожиданной для благополучного английского романа и, видимо, отражающий то новое, что внесла война в семейный быт английской буржуазии.

Перевод выполнен наспех. Видимо, надо было торопиться с изданием литературной новинки. Неприятны стиль и тон предисловия переводчика. Уэллсу ставится в вину, что он «повидимому начинает, как писатель, *сдавать*» и «*ограничился закончить* свое произведение обычно—по-мещански» (курсив наш).

Л. Розенталь.

УПТОН СИНКЛЕР. Пришествие Христа в лето 1921. Изд. «Молодая Гвардия». Л. 1924. 148 стр.

Приключения Христа в буржуазной Америке. Христос ближе всего стоит к типу анархиста-коммуниста. На фоне его сверхъестественного появления развертываются разные курьезы общественной жизни Америки. Две власти—правительственная и власть отдельных капиталистических предприятий, которые имеют своих собственных королей, не менее могущественных, чем само правительство. Развитие техники и пустота жизни порождают извращенности, доводящие до мученичества. Описание Института красоты, в котором старые женщины путем невероятных пыток возвращаются к молодости. Описание диких нравов технически несравненного американского мира.

В общем вещь просится на киноленту. Она так и написана, развертываясь маленькими главами. В кинематографе она будет интереснее, чем в романе.

А. Луначарская.

ПОЛЬ МОРАН. Левис и Ирэн. Изд. «Мысль». Л. 1924. 124 стр.

Молодой авантюристического типа делец Левис, развратный и циничный, аферист даже в любви, записывающий с банковской аккуратностью счет своих страстишек, встречается с молодой гре-

чашкой и решает, что для него начинается девственная эра «большой любви». Героиня тоже делец. Она является представительницей банка «Апостолат», и в противоположность Левису чрезвычайно патриархальна, серьезна и даже тяжеловесна. Постигнув под влиянием любви к Ирэн всю пошлость и пустоту своего прежнего существования, Левис с свойственной его типу развязностью начинает добиваться ее любви. Дело совершается с современной быстротой, и молодые влюбленные, уже муж и жена, решают отказаться от всех дел и начать жить единственно настоящей и стоющей жизнью—своей любовью. Но оказывается это не так легко людям, привыкшим к постоянной лихорадке спекуляций, выкладок, игры на бирже и т. п. С ужасом они замечают, что любовь становится пресной, лишенной смысла. Они тоскуют по «работе». Тайком друг от друга они принимаются за свои прежние дела и, так сказать, «изменяют своей великой любви». Преступление раскрывается, и мудрая положительная Ирэн произносит речь на тему о бесплодности жизни, лишенной труда.

— Заметьте, что мы с вами не работаем. Неужели вы думаете, что жадность руководила мною? Нет, это была прежде всего потребность, желание сделать что-нибудь для родины; у меня было такое чувство, что, живя на земле, я составляю часть некоторой человеческой ассоциации, какого-то сурового коллектива взаимопомощи, созданного в целях производства и накопления.

— Как жаль, что нельзя записать всего того, что вы говорите.

— Не смейтесь надо мной. Для меня было бы невыносимо брать, не давая, быть, как все женщины, предметом роскоши, сначала дорогим, потом вредным.

Поль Моран, повидимому, искренне восхищается сантиментальной ерундой капиталистки, воображающей, что она работает на благо родины, занимаясь банковыми спекуляциями и невинно обогащаясь на счет тех, о которых она столь возвышенно говорит: «Пойми, надо быть полезным. Нельзя допускать, чтобы существовало две Европы, из которых одна живет в чистоте и пьет замороженное вино, а другая облипла вшами и питается березовой корой».

Поль Моран, писатель XX столетия—века войн и революций—не стесняется подобную пошлую болтовню выдавать за серьезный разговор. Борьба классов, глубокая отчетливость взаимоотношений общества до сих пор еще не достигла до его сознания. Подобно своему герою, он безответственно порхает по жизни и про него вполне можно сказать то, что он говорит о Левисе: «Его склонность к делам была не чем иным, как склонностью к приключениям. Работал он так же анархически, как и играл: анархически, индивидуально, нисколько не считаясь с требованиями страны и эпохи».—«На сущность вещей мне наплевать»,—говорит Левис.

Роман чрезвычайно характерен для мироощущения буржуазного интеллигента с уклоном в скептицизм. Для него ничего важного и серьезного в жизни не существует. Он великолепно чувствует себя в этом курьезном обществе, которое для него отнюдь не трагическая коллизия классов, а просто веселая и бессмысленная игра в бобра, импортированная во Францию французом-англоманом Льюисом. Играть можно везде. С каждой встреченной и замеченной бородой завязывались турниры: пятнадцать, тридцать, сорок—составляют гейм, счет был такой же, как в теннисе. Выигрывал тот, кому удавалось первому наибольшее количество бород. Играли у Аскотта, в соборе, в палате лордов, в омнибусе. Бобром увлекались до того страстно, что азарт брал верх над уважением к монархам и что, отвешивая им поклон, они мысленно заносили в свой актив королевские бороды.

Образчиком подобного спорта служит роман Поля Морана «Левис и Ирэн». В своих насмешках над обществом Поль Моран не останавливается даже перед бородами монархов, но все-таки это только анекдоты, вряд ли стоит их расписывать на 120 страницах, а читать их, может быть, от нечего делать и весело, но совершенно бесполезно.

А. Луначарская.

ПЬЕР БЕНУА. Владетельница Ливанского замка. Роман. Перевод под редакцией В. Ф. Корш. Из-во «Мосполиграф». 229 стр. 1924 г. 10.000 экз.

Кажется, редкий роман удостаивается такого внимания издателей, как новое творение Бенуа. «Владетельница Ливанского замка» вышла сразу в нескольких изданиях, продается и покупается во всех газетных киосках, вероятно, транспортируется в провинцию и т. п. и т. п. Этот успех показателен и наводит на довольно грустные размышления.

Если можно было спорить об «Атлантиде» или «Соленом Озере» и находить там, на-ряду с пошлостями, главы, написанные художником, то «Владетельница Ливанского замка» не оставляет места для спора.

Герой—офицер французской контрразведки в Сирии—влюбляется в одну из «женщин Бенуа», т.-е. вакханку, невероятную красавицу, почти Клеопатру. Она мечтает о престоле Сирии, на деле очень легко становится содержанкой греческого купца.

Вся ситуация и основные положения почти в точности повторяют прежние романы Бенуа, в особенности «Атлантиду». Экзотическая обстановка, таинственный замок, герои и подлецы, верный спасающий друг, опасность падения,—одним словом, все рессурсы бульварного романа, рассчитанного на нервы читателя.

Кроме всего этого, книга преследует две нравоучительных цели: 1) доказать законность и благородство французского мандата на Сирию; 2) предостеречь молодых офицеров, работающих в контрразведке, от любви к опасным красавицам.

Первая цель достигается при помощи так называемой «фигуры умолчания», вторая — сентиментально - патетическим сплетением обстоятельств, направляемым благотворящей судьбой.

Технически роман написан с тем обязательным для француза умением, которое запрещает пошлость вне границ традиционно-литературного мастерства. Перевод хорош.

К. Локс.

О. ГЕНРИ. Шуми - городок над Подземкой. Пер. с английского, под ред. В. А. Азова. Из - во «Петроград» 1924 г. 287 стр. 7.000 экз.

ОН ЖЕ. Игрушечка - пастушечка. Пер. с английского В. Александрова, под ред. В. А. Азова. Из-во «Книга». 1924 г. 181 стр. 4.000 экз.

ОН ЖЕ. Черный Билль. Пер. З. Львовского. Из-во «Мысль». 1924 г. 181 стр. 8.000 экз.

ОН ЖЕ. Шерстяная кошечка. Пер. З. Львовского. Из - во «Мысль». 1924 г. 175 стр. 8.000 экз.

Четыре томика рассказов Генри читаются быстро, легко и приятно, переведены грамотно, изданы скверно.

Основное впечатление—вы сидите в кафе, просматриваете газету, но в сущности наблюдаете проходящих.

Только ваше остроумие найдет пути к занятиям и затеям этих людей, и это же остроумие поставит их в более или менее неожиданные комбинации.

Есть такая трудная артистическая игра—преподнести примелькавшееся в пикантной и занимательной форме, растрогать и развеселить, показать вот этого забавного и вот этого пошляка совсем не такими, как это сделает ваш безразличный сосед. Таким искусством игры или игрою искусства Генри владеет вполне.

Там мимоходом он разрешил несколько интересных, чисто технических задач старого непоколебимого мастерства новеллы, там сдвинул, там переместил, где-то показал язык—и впечатление живости, легкости, неожиданно сверкнувшей глубины—остается с вами.

Конечно, он несерьезно относится ко всему происходящему в этом тяжеловесном мире. Доктор, приглашенный к больному, оказывается громилой, готовым, в конце концов, расплакаться: идиотичный пастух—опасным бандитом, все моментально переряживаются, кувыркаются и легко забываются для следующего выходного номера. Немного опереточно, водевильно, почти все сентиментально, а в общем Господин Случай не так уже плох среди этих серьезных янки, набитых золотом и пшеницей.

Оставим наивную мысль, что это быт и нравы—это только искусство художника, которому нравится переставлять общеизвестное, не справляясь в календаре или статистическом сборнике. Фигурки игроков, двигающиеся на сцене этого кукольного театра, обладают секретом необычайной живости. Эта живость позволяет им в два—три дня испытать ряд самых чудесных превращений—девушке броситься в реку, быть вытащенной прекрасным незнакомцем, тут же поссориться с ним, а завтра выйти за него замуж.

Где вы найдете такую страну? Раньше думали, что она скрывается в Латинском квартале, Генри нашел ее в Америке. Ясно, эта страна—прекрасная утопия, которую можно создать, где угодно.

Очень хорошо, когда действие происходит в Техасе или экзотических республиках, населенных попугаями, метисами и ковбоями. Обстановка для рассказа в этих случаях бесподобна, но несравненно лучше, когда сюжет перемещается в Нью-Йорк. Такой серьезный город, такие мировые задачи, а на самом деле, все очень весело.

Вот этот полисмен, что стоит на углу и наблюдает за движением экипажей,—переодетый светский молодой человек. Его приятель от нечего делать стал полисменом, мертвецки напился, пришлось заменить его на посту.

Вчера напившийся остановил карету, которую мчали взбесившиеся лошади, спас красавицу и хочет жениться на ней. Но он пьян и упустил всемогущий случай—женится не он, а его приятель, который сегодня опознан красавицей в качестве спасителя. Говорите после этого, что окончились чудеса. Генри покажет их вам на каждом шагу, и лишняя брюзгливая гримаса исчезнет с вашего лица, пока вы будете перелистывать его книжки. Хорошее, гигиеничное чтение. Освобождает от мировых загадок, тяжеловесных решений, приучает к искрящемуся, беззаботному смеху людей, появших все значение шутки в этом мире самой твердой валюты и самых солидных банков.

К. Локс.

РИЧАРД ФОКС. Фабричные эхо. Перевод П. Охрименко. Современная иностранная библистека. Гиз. Москва 1924. Стр. 71.

Ричард Фокс—английский рабочий, член коммунистической партии, не покидающий заводского станка. Фокс—талантливый писатель. Его маленькие рассказы-новеллы с четкой фабулой или лирические поэмы, ритмически организованные.

Их тема—тяжелый рабочий труд, поспешные приемы современной индустрии, в условиях капиталистической эксплоатации обращающие рабочего в машину; буржуазная упитанность, пролетарская изнеможденность; холодная напыщенность хозяев жизни и беспомощная неловкость трудящихся; корыстный шовинизм представителей капитала и сознание мирового братства рабочих; пышность буржуазной роскоши и жалкая бедность. Тематическая контрастность придает развитию фабулы у Фокса мелодраматический характер; но, в целом, он лишен слащавости в силу четкой классовой идеологии главных персонажей, выразителей мыслей рабочего автора.

«Непримиримый»—рабочий, в разгар мировой войны говорящий «о бессмысленности сражаться за дело хозяев». «Нерадетель»—рабочий после тяжелого трудового дня присутствует на митинге, где «великий оратор» при шумном одобрении буржуазных слушателей порицает рабочих «лентяев и нерадетелей, величайших преступников в стране». «Мост», в котором герои труда лишены возможности присутствовать на торжестве в честь окончания постройки моста, невольно уступая место мэру и представителю предпринимателей. «Оружие и люди»—повесть о двух друзьях, американских эмигрантах-рабочих, французе и немце, которые отказываются подчиниться приказу о военной мобилизации.

Все же в некоторых произведениях Фокс не избегает сентиментальности. Таковы—«Посещение ангела», где ангел, сошедший на землю, удивлен бедностью трудящихся и изгоняется с митинга, на котором выступает епископ, при возгласе дамы в бриллиантах: «Ангел! Какое святотатство! Это больше-

вик!» Или—«Черное Распятие», повесть о раненом на войне рабочем, получившем ценное распятие от ухаживавшей за ним доброй леди, которая оказывается владелицей большей части акций того завода, где рабочие изнуряют свою жизнь. Быть может, конструкция подобных рассказов рассчитана на широкие, психологически консервативные читательские круги английских тред-юнионистов.

Контрастность, как литературный прием, у Фокса преобладает. «Эти краски служили лучшей гарантией против разъедания металлических судов, но в то же время они действовали разрушающим образом на здоровье тех, кто их изготовлял» и «толпа разодетых женщин теснится у витрины, рассматривая модные шляпы и наряды. Нищая старуха медленно проходит мимо, она вся в лохмотьях, бледная, еле передвигает ноги».

Фокс лаконичен в описаниях; рисунок преобладает у него над красками, в чем сказывается влияние машины, подле которой он живет. Он пишет отрывисто:—«Вечер. Темно. Внутренности завода горят огнями... ремни, шкивы, шестерни, колеса быстро двигаются». Иногда эта мелодически оформленная речь с эмоционально окрашенными повторами («Рев»).

Увлекательные рассказы Фокса интересны и профессиональными особенностями. Он уделяет много внимания полуквалифицированному заводскому рабочему—типичной фигуре современной западной индустрии. Фокс агитационен, хотя он не прибегает к особым приемам выделения агитационного, как в плакате. Фокс—«реалист» подобно главному персонажу его «литературных вишеток», где молодой писатель, не имеющий, как он говорит, даже определенных общественных взглядов и никогда не занимавшийся пропагандой, был изгнан буржуазной прессой за чрезмерный реализм. Логические приемы в повествовании сочетаются у Фокса с пластически наглядным изображением, которым отмечены, например, его «Этюды мостовой».

Книга Фокса по своей простоте доступна самому широкому кругу рабочего читателя.

М. Эйхенгольц.

А. РУДОЛЬФ. Как у меня выросли крылья. Пер. с нем. Д. А. Слонима. Гиз. Москва. 79 стр.

Книга—автобиографическая повесть немецкого рабочего, примкнувшего к социал-демократии и изгоняемого со службы на государственной верфи в Вильгельмсгафене за участие в профессиональном движении. В повести отмечается постепенный рост социального самосознания автора. «Военное» воспитание в семье под руководством отца, бывшего солдата-добровольца; шовинистические и религиозные устои домашней жизни и ее грубость; ученичество на заводе и подавление рабочих организаций; участие в предвыборной кампании в качестве социалиста; тяжелая бродячая жизнь подмастерья, встречающаяся с произволом при найме и использовании труда на заводах—обо всем этом рассказано языком обыденного разговора. Встречаются удачные жанровые описания. Но затруднительно указать на систему художественных приемов, создающих представление о стиле.

Произведение Рудольфа скорее культурно-исторический документ о 90-х годах рабочего движения в Германии. Вспоминаются слова Стриндберга о том, что каждый интеллигентный человек сможет создать литературное произведение такого типа. В данном случае ценно лишь, что автор—пролетарий.

Перед богатой русской мемуарно-революционной литературой, рецензируемое произведение оставляет бледное впечатление. С другой стороны, в западной литературе можно найти немало художественно ярких произведений, в которых трактуется аналогичная тема о капиталистических формах угнетения рабочих. Пример—«Король-уголь» Синклера.

М. Эйхенгольц.

ДЖЕМС УЭЛШ. Подземный мир. Повесть из жизни шотландских углекопов. Перевод с английского З. Вершининой. Издательство «Мосполиграф». 1924 г. Стр. 287. Тираж 5.000.

Автор в предисловии сообщает: «Мои предки в течение нескольких поколений были углекопами и я, в свою очередь, стал углекопом в 12 лет. С тех пор я работал в шахте и прошел все фазы работы по добыванию угля, пока мои товарищи-рабочие не выбрали меня, 5 лет тому назад, контролером при весах. Я говорю это для того, чтобы читатели моей книги знали, что я не выдумываю»...

Однако на изображении самого труда в шахтах писатель сравнительно мало останавливается. Название «Подземный мир» в сущности мало соответствует содержанию книги. Любопытно отметить, что молодой шотландский поэт-углекоп в своем первом большом прозаическом произведении уделяет много места описанию семейного быта и душевных переживаний, а также лирическим отступлениям. Уэлш пытается дать роман-жизнеописание. Это ему не удается вполне. Композиционная связь между отдельными эпизодами осуществлена механически. Несколько наивное стремление следовать всем традиционным приемам обычной техники романа, в конце концов, лишь ослабляет свежесть и искренность повествования. Молодой, энергичный, вечно ищущий рабочий, который гибнет в шахтах, спасая товарищей, и девушка-работница, соблазненная сыном богатого владельца копей, их образы, несмотря на ряд отдельных ярких деталей, в общем все же недостаточно выразительны и мало индивидуальны. Весьма банальна картина возвращения блудной дочери в отчий дом; здесь еще жив дух древнего английского мещанского сентиментализма. Вкрапленные местами описания природы Шотландии не лишены известного своеобразия, но недостаточно ярки.

Зато Уэлш интересен там, где он свободен от литературных влияний и обращается лишь к своему жизненному опыту. Кое-что любопытного им отмечено в детской психологии (наприм., ребенок, зарывающий в землю плетку, которой исколотил его учитель). Самым же ценным в книге является изображение будней рабочего поселка, своеобразного «фольклора» шотландских углекопов конца XIX—начала XX века. Как-то совсем по-новому дано описание забастовки (эпизод большой стачки 1894 г.). Ряд характерных деталей находим в рассказе (к сожалению, отрывочном) о том, как медленно в течение многих лет шахтеры приходят к сознанию необходимости сначала профессионального объединения, а потом и политической борьбы.

Особым пафосом и своеобразным лиризмом отличаются те немногие страницы, которые посвящены изображению самого труда. Вот, например, 11-летняя девочка, впервые вставшая на работу. «Мизи чувствовала себя больной и разбитой. Ей уже начинало казаться, что она не сможет продолжать. Она проработала только час, а думала, что прошел целый день. «Шесть и шесть пенсов в неделю»—пели тележки и платформы в своем непрерывном движении; «шесть и шесть пенсов»—жужжали машины; «шесть и шесть пенсов»—трещали и гремели, скатываясь вниз в ссыпку, глыбы угля, и голова у нее опять начинала кружиться от этого непрерывного шума. «Шесть и шесть пенсов в неделю»—глухо отбивал уголь, падая в вагоны; «шесть и шесть пенсов»—скрипели колеса; вся шахта пела разными голосами один и тот же припев: «шесть и шесть пенсов». Это гремело над ней из одного угла, визжало из другого, рычало сзади нее, стонало перед ней, свистело с крыши; и весь сарай, огромный и черный, со всеми машинами, колесами, канатами, болтами дрожал и качался под это монотонное пение. «Шесть шиллингов и шесть пенсов в неделю»—звучало, стучало в каждом нерве, в каждом фибре ее существа. Она была рождена для этого, жила этим, и, казалось, колеса вечности уже перемалывали ее судьбу в этом реве и треске, в этом равномерном качании и дрожании» (стр. 83—84). Здесь Уэлш пытается выразить самый ритм трудового процесса и проявляет себя, как поэт, имеющий сказать нечто новое.

Роман написан простым и бесхитростным языком. Переводчик, видимо, старался соответствующими русскими оборотами передать народный характер речи действующих лиц. Издана книга опрятно и не без изящества.

Л. Розенталь.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР. Гора. Роман. Изд. «Петроград». 1924. Стр. 432.

Роман Р. Тагора можно рассматривать с двух точек зрения: с историко-общественной и чисто художественной. Основное и, в сущности, единственное содержание романа заключается в описании той интеллектуальной борьбы, которая происходила в Индии в 80-х г.г., т.-е. как раз в эпоху юности самого Тагора. Автор выводит два лагеря тогдашней интеллигенции. С одной стороны, мы видим правоверных индуистов, горячо защищающих весь архаический социально-религиозный уклад Индии: многобожие, кастовые ограничения, т.-е. особые правила для пищи, брака и т. п. Однако все эти бытовые пережитки отнюдь не имеют самодовлеющего значения для защитников их. Для последних принятие всех этих ограничений символизирует как бы живую связь с индусской народной массой, с той Индией, которая является предметом их религиозного почитания. «Мы должны спасти нашу страну и самих себя от унижения, мужественно взяв на свои плечи бремя нашей истории и собрав для этого всю нашу силу и всю нашу гордость»,—заявляет герой романа Гора—председатель «Индусского патриотического общества».

Противоположную группу интеллигенции составляет социально-религиозная секта Брахма-Самадж. Последняя возникла под сильным европейским влиянием в первой четверти XIX века, и в числе наиболее деятельных членов ее были как раз дед и отец Тагора. Учение секты представляет из себя реформированный индуизм: оно отрицает политеизм, со всеми его вторичными образованиями, восстает против кастовых ограничений, проповедует необходимость социальных реформ и проникнуто англофильским характером.

Борьба очерченных двух группировок индусской интеллигенции Индии и борьба внутри их и составляет содержание романа Тагора; не даром один из героев роняет фразу, что в нем происходит «борьба принципов с личными чувствами».

Значительный общественно - исторический интерес книги Тагора, к сожалению, сильно ослабляется ее художественными недостатками. Действительно, в романе мы нигде не видим личной драмы, отражения общественной борьбы в психологии тех или иных героев. Вместо этого мы встречаем на десятках, сотнях страниц бесконечные утомительные рассуждения о браке, о пище, идолопочитании, о власти общины и т. п. В этих прениях принимают участие все действующие лица вплоть до 15-летних девочек, произносящих одним залпом монологи в 2—3 страницы. Самая фабула романа до крайности проста: два индуиста влюбляются в двух девушек из общества Брахма-Самадж и после продолжительной дискуссии женятся на них. Развитие фабулы происходит скачкообразно, путем deus ex machina; ломается карета—и благодаря этому происходит знакомство двух главных действующих лиц; в критический момент, когда одна из девушек не может более оставаться в доме приемного отца, обнаруживается, что ей принадлежат в Калькутте три дома; Гора собирается совершить торжественное очищение, на которое он не имеет права, но в тот момент, когда он погружается в Ганг, гонец объявляет, что заболел его приемный отец, а затем выясняется, что он даже не индус, а англичанин, несмотря на весь свой квасной патриотизм.

Бесконечные разглагольствования при слабой фабуле придают роману большую монотонность. Молодые люди, «еще не успевшие приняться за регулярную работу», без конца ходят друг к другу, к девицам, предаваясь самоанализам, признаниям и т. п. Все их познания, как они сами признаются, исключительно «почерпнуты из книг». Чувствуя необходимость самооправдаться в своей

бесконечной болтовне, один из героев заявляет: «Вы не подумайте, что это я вам лекции читать задумал, как это делаю в других местах; может быть, я и привык говорить так, как будто я лекции читаю, но сейчас я этого вовсе не хотел». Природы в романе нет: действующие лица ее «не замечают, так как ум их постоянно занят собственными усилиями». Но, с другой стороны, этот перевес интеллектуальных моментов, конечно, чрезвычайно характерен для передовых кадров индусской интеллигенции, представляющих довольно большую аналогию с нашими западниками и славянофилами, с их бесконечными спорами, интеллектуальными драмами и т. п.

Язык романа не лишен слащавости и обычной тагоровской риторичности, например, «она переплывала взволнованное море своих трудностей, как хорошая испытанная лодочка» и т. д. Курьезной чертой романа является то, что герои его без конца принимают ванны, притом в самые драматические моменты. Десятки раз упоминаются утренние купанья, растиранья, купанье перед завтраком, натиранье маслом и т. п. Иногда эта забота о физической чистоте принимает какой-то таинственный, хотя и комический характер: «Лолита, наклонившись к отцу и обняв его одной рукой за шею, шепнула ему на ухо: папа, вода стынет, идите купаться.

«— Я пойду немного погодя,—подчеркнул Пареш-Бабу, намекая на присутствие Харана,—еще не поздно.

«— Не беспокойся, папа,—мягко настаивала Лолита,—мы займем Харана, пока ты будешь купаться...»

После этого происходит драматическое объяснение между девицей и отвергнутым женихом. К сожалению, все эти места слишком напоминают русскому читателю бессмертного Прутковского гидропата Амалиуса фон-Курцгалон, который «без обливания давно сошел бы в гроб».

Итак, роман Тагора имеет главным образом значение историко-литературного документа, при всех своих художественных недочетах делающих чтение его трудным для неспециалистов.

В. Кряжин.

F. SAVIÑON. El Azote de Roma. Tragedia in cinco actos. Barcelona.

Ф. САВИНЬОН. Бич Рима. Трагедия в 5 действиях. Барселона.

P. FREUDENTHAL. Resa till Uenus. Stockholm. 1923.

П. ФРЕЙДЕНТАЛЬ. Путешествие на Венеру. Стокгольм. 1923.

Оба произведения вышли почти одновременно—в 1923 г.—в двух разных углах Европы, в Испании и в Швеции. Совершенно различные по фабуле и по форме, они оба характеризуют, однако, одно и то же явление: растущую тягу к коммунизму среди европейской интеллигенции. И если нужно было б в двух словах дать оценку разбираемым произведениям, можно было б сказать: симпатия к коммунизму и непонимание коммунизма.

Авторы приходят к пролетариату со своей совершенно нетронутой, чуждой, интеллигентской и индивидуалистической идеологией. И это в значительной степени затушевывает ту революционность, на которую могли бы притязать авторы.

Первая книга—«Бич Рима»—посвящена «Николаю Ленину, освободителю». «Бич Рима», это—Нерон, и таковым он является в устах своих врагов—римских аристократов. В Нероне автор изображает Ленина. Ленина, каким, конечно, автор его воспринял.

Прежде всего, это Ленин без масс. Поскольку неопределенный «народ» и выступает временами на сцену, этот народ совершенно пассивен. Он с удовольствием принимает благодеяния Нерона, и этим его роль исчерпывается. Лишне говорить о том, насколько вообще удачна идея Савиньона перенести Ленина в древний Рим и обратить его в вождя, вернее, в благодетеля паразитического римского пролетариата.

У Савиньона, конечно, вся суть в самой личности Нерона. Он не щадит красок для ее приукрашения: светлый, идеальный, справедливый... И, чтобы еще больше оттенить эту душевную красоту Нерона, почти все остальные дей-

ствующие лица представлены совершенными мелодраматическими злодеями. Если пьеса едва ли выдерживает критику с точки зрения идеологии, то такая упрощенная конструкция, нисколько, конечно, не содействует и ее художественной ценности.

Чрезвычайно характерно то объяснение нероновского «большевизма», которое дает сам автор устами одного из действующих лиц:

«Этим (враждой Нерона) мы обязаны единственно Агриппине. Когда она убила его отца, она сделала из Нерона врага римского могущества. Он любил отца больше, чем империю. Из мести он ведет народ против правящего класса».

Корень всего для автора лежит, естественно, в личных переживаниях.

Любопытно также, до какой степени автор (или Нерон) проникнут уважением к законам, сознанием надклассовой, внеклассовой сущности законов.

«Я не выше закона, — говорит Нерон. — Хотя бы я изменил мудрости, я буду бороться законом, но не против закона».

Так, Нерон ссылает Юнию, свою сторонницу и невесту брата, ибо враги сумели доказать, что, согласно существующим исстари законам, она виновна.

О какой-либо исторической выдержанности говорить, конечно, не приходится. Лозунги самых разнообразных эпох смешаны в одну кучу. Борьба против христианства идет, например, под архисовременными лозунгами:

«Гражданин.—Какой чудесный бог для класса собственников—Христос.

Другой.—...Сожжем христиан с их лицемерием, похороним их с их ложью, чтобы они не могли наложить на грядущие поколения те цепи, от которых нас сейчас освобождает Нерон».

И это в то время, когда христианство представляло еще только религиозную секту, набиравшую главных своих сторонников среди рабов, травимую и преследуемую.

Красного террора автор, конечно, органически не приемлет:

«Быть в состоянии уничтожить это — привилегия к тому, чтобы простить — говорит Нерон».

Общее впечатление: пьеса надумана, нехудожественна. Революционность с пьесой органически не связана, искусственно вкраплена в шаблоннейшую канву из заговоров, интриг и убийств.

Книга Фрейденталя является сатирой на современное капиталистическое общество. Автор неожиданно попадает на Венеру, где застает те же условия, что и на Земле. Все, что автор здесь видит, описывается, как видимое в первый раз.

Для Фрейденталя, как и для Савиньона, как и для тысячи других интеллигентов, сочувствующих коммунизму, самое трудно-переваримое понятие, это — самодеятельность и активность масс.

Фрейденталь выводит рабочих под названием рабов. И это не только иносказание или метафора, как предполагает сам автор. Пролетариат у него оделен всеми чертами рабской психологии. Колоссальная нужда, безработица—и на-ряду с этим полная пассивность, смирение, непротивление злу. Пролетариат, как и в пьесе Савиньона, только объект—чужих забот, чужих мыслей, чужих действий. Фрейденталь хотя и приводит в своем романе обильнейшие речи и рассуждения о противоречиях империализма, о предстоящем перевороте и о грядущей роли пролетариата, но все это сбоку припеку, с пролетариатом, каким его изображает автор, совершенно не связано.

Роль пролетариата, оказывается, яснее всего сознает представитель крупного капитала. Автор рисует его с чрезвычайной симпатией:

«Это было мрачное лицо, и в то же время самое человеческое, которое я встретил. У него не было обыкновенного хищнического выражения. Взгляд был остр, но в то же время мягок, почти грустен. Весь облик его производил впечатление здоровья и гармонии».

Автор читает его мысли. Крупный буржуа великолепно отдает себе отчет в текущем моменте. Все его симпатии на стороне пролетариата. Весь его гнев

направлен против мелкой буржуазии, которая не понимает своих интересов и оттягивает наступление социальной революции. Представитель правящих классов кончает следующими словами:

«Они (мелкая буржуазия) теперь главные враги общества. Я умываю себе руки и жду того дня, который предсказал один из индустриальных идеалистов и экономических мистиков рабов,— того дня, когда общество отменит частную собственность...» и т. д.

Интересна для характеристики автора заключительная сцена, где проглядывает затаенная мечта о мелкой буржуазии, которая должна быть всем и которая—ничто. Действие происходит в трактире на Венере же. Разговор идет между двумя пьяными мелкими буржуа:

«Мы, мелкие буржуа, понимаешь, ты и я и все эти другие мелкие буржуа, которые сидят этой ночью здесь в кабаке и во всех других кабаках мира, мы, образованные и специально образованные, мы, разумные интеллигенты, понимаешь ты, мы, которые должны были бы больше всех понимать, мы понимаем меньше всего»...

С художественной стороны роман Фрейденталя вряд ли представляет больше интереса, чем с идеологической. Прием автора, состоящий в описании обыденных вещей необыденными словами, заимствован из «Островов блаженных» Стриндберга и применялся последним с несравненно бо́льшим мастерством.

В заключение я хотел бы все-таки отметить, что, несмотря на неприемлемость для нас разобранных вещей, для Запада они безусловно представляют интересное явление: яркое свидетельство растущих повсюду симпатий к Советской Революции.

М. Лейтейзен.

JEAN D'ESME. «Thi-ba», fille d'Annam, roman. La renaissance du livre. Paris.

ЖАН Д'ЭМ. «Ти-ба», девушка Аннама, роман. Возрождение книги. Париж. 270 стр. 40-я тысяча.

JEAN D'ESME. Les dieux rouges, roman. La renaissance du livre. Paris.

ЖАН Д'ЭМ. Красные боги, роман. Возрождение книги. Париж. 355 стр. 38-я тысяча.

Крупный успех, выпавший на долю обоих романов, помимо чисто эстетических достоинств, объясняется и тем, что оба принадлежат к типу т. н. «колониальных романов», типу, излюбленному современной читающей французской публикой со времен Лоти и Фаррера. Колониальный вопрос встает ныне перед империалистическими странами Европы во всей своей полноте и остроте; сознательные элементы западно-европейского общества как буржуазные, так и анти-буржуазные, каждые со своей точки зрения подходят к разрешению этого вопроса, а за ними идет масса, читательская масса, смутно, инстинктом сознающая важность проблемы и, на-ряду с этим, жадно воспринимающая «колониальную экзотику», как таковую. Отсюда литературный успех Лоти, Фаррера, Бертрана, бр. Леблан и Жана д'Эм.

«Thi-ba», лучший роман д'Эма, несложен по фабуле. Молодая девушка-аннамитка, пережившая сильную, но неглубокую любовную драму, попадает в город, делается сожительницей (женой-туземкой) молодого европейца, привязывается к нему и, когда тот уезжает на войну в Европу и там умирает, возвращается в родную деревню и, выбитая из колеи жизни, потерявшая свое старое, не найдя нового, потерявшая себя, бросается в озеро. Просто, несложно. И в то же время (в подлиннике) сильно своей простотой, законченностью, не вызывающей недоуменья. Чувствуется, что все произошло так, как должно было произойти: что-то ужасное по своей простоте и внутренней неизбежности.

Роман совершенен по стилю. Ничего лишнего, кричащего, бьющего на внеш-

ний эффект в содержании. Гармонична форма—миниатюрные законченные главы, простые, тонкие, изящные по языку, порой оставляющие впечатление маленьких стихотворений в прозе... На первый взгляд нет и экзотики, той навязчивой, бьющей в глаза... Порой кажется, как будто перед нами французская девушка, провинциалка, переживающая свой городской роман. Но экзотика другая, тонкая, глубокая сеть, и она-то и составляет главное содержание романа. Это противопоставление двух мотивов—Запада и Востока, двух глубоко различных культур, соприкосновение которых драматично по своим последствиям.

Невольно, пусть даже помимо воли автора, возникает вопрос: может ли одна культура, пусть высокая, сильная, в своем внешнем господстве так подходить к другой, подходить не по-братски, а как что-то внутренне чуждое и внешне навязчивое. И этическое чувство читателя, пробужденное большим художником, категорически говорит: «нельзя!».

В этом глубокий смысл произведения, и достоинство его в том, что автор, избегая внешнего кричащего драматизма, исключительных типов и положений, сумел выявить идею во всей ее простоте, а потому и с большой силой.

Другой роман того же автора: «Les dieux rouges» отчасти дополняет впечатление первого (если только оно нуждается в этом). Иной по стилю. Здесь идея и внешне выявляется с достаточной ясностью. Здесь происходит внешнее вторжение европейцев вглубь страны, в неизвестную таинственную область Аннама, где их ждет катастрофа. Они встречают религиозную секту, за которой скрывается сознательное интеллигентское руководство движением, секту с определенным политическим оттенком, ведущую борьбу, яростную, беспощадную борьбу со вторжением европейцев. Здесь мы видим уже и экзотику, как таковую, экзотику внешнюю, сказывающуюся с первых страниц романа (курильня опиума) и далее на всем протяжении, особенно к концу, где развитие фабулы отчасти напоминает пресловутую «Атлантиду» Бенуа,—но более выдержанную и связанную с общей идеей,—противопоставление европейцев-завоевателей и отстаивающих свою самобытность и внешнюю независимость туземцев.

Роман заканчивается трагически, с ультра-экзотической развязкой. Впечатлением грусти веет со всех страниц романа, а под конец даже глубокого отчаяния. Автор молчит, как художник, ни одним штрихом не высказываясь против туземцев, за европейцев, за колонизацию вообще: может быть, ему еще нехватает мужества сказать прямо то, что подсказывает ему его художественное чувство — по отношению ко всей колониальной, цивилизаторской системе (но, конечно, не к отдельным лицам, являющимся, в свою очередь, неизбежными жертвами той же самой системы).

Второй роман гораздо слабее первого. Автор здесь гонится за внешними эффектами, что и дешево и... неоригинально.

Восток-Аннам он знает и понимает, но как-то в целом, в общих чертах, не воспроизводя деталей, частностей быта, с яркостью, присущей Лоти и Фарреру. Социальной картины нет. Психологически его туземцы — полуфранцузы, и лишь общий дух, общее настроение, внутренняя экзотика подлинного Востока сглаживает впечатление. Оба романа выходят в свет на русском языке.

А. Стариков.

ИСКУССТВА.

1. В. ГАУЗЕНШТЕЙН. Опыт социологии изобразительного искусства. *Федоров-Давыдов.*— **2. ГЕОРГ ВОЛЬФ. Математика и живопись.** *В. Гливенко.*—**3. Dr A. SIDOROW. Handzeichnungen alter Meister in Moskau. I. Die Handzeichnungsammlung des Museums der schönen Künste der Moskauer Universität.** *Проф. Н. Романов.*—**4. «China». B. I. E. FUHRMANN. China, das Land der Mitte. B. II. B. MELCHERS. China, der Tempelbau, Folkwang-Verlag in W. 1922.** *М. Достоевский.*—**5. Проф. А. НЕКРАСОВ. Древние подмосковные.** *А. Греч.*—**6. КАЗАНСКИЙ МУЗЕЙНЫЙ ВЕСТНИК, № 1, 1924 г.** *Н. Щербаков.*—**7. ROMAIN ROLLAND. Musicalische Reise ins Land der Vergangenheit (Übersetzt von L. Andro). Rütten und Löning. Frankfurt-am-Main. 1923.** *Е. Брауде.*—**8. МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. Ежемесячник.** *Антон Углов.*—**9. Проф. Н. ПАШКОВ. Декламационная хрестоматия.** *С. Бугославский.*—**10. Д-р КОНРАД ЛАНГЕ. Кинематограф в настоящем и будущем.** *С. Беляева-Экземплярская.*

ВИЛЬГЕЛЬМ ГАУЗЕНШТЕЙН. Опыт социологии изобразительного искусства. Перевод с немецкого Е. В. Александровой, с предисловием проф. В. М. Фриче. «Новая Москва». 1924. Стр. 80 in 8°.

Изданная в русском переводе отдельной брошюрой статья Гаузенштейна из «Archiv für Socialwissenschaft» представляет собою некоторую квинтэссенцию социологических воззрений Гаузенштейна на искусство. Сконденсированность мыслей, их афористичность если и делают его брошюру удобной для ознакомления с сущностью его воззрений на задачи и методы социологии изобразительных искусств и с выведенными им ранее в более обширных исследованиях ее законами, то вместе с тем требуют от читателя значительного напряжения и основательного знания истории искусства. Любовь к стилистической игре, быть может, унаследованная от Мейер-Грефе, не слишком способствует ясности изложения. Брошюра вообще требует не столько чтения (в ней всего 54 маленьких странички), сколько размышлений по поводу отдельных положений ее автора. А таких размышлений она может вызвать много,—очень ценных и серьезных,—и в этом ее главное положительное качество.

Проф. В. М. Фриче снабдил ее обширным предисловием, равным по величине половине статьи Гаузенштейна. В нем он излагает эволюцию эстетического мировоззрения Гаузенштейна на его пути к марксизму и разбирает те отголоски идеализма и формализма, которые еще остались в его воззрениях на искусство и которые не позволяют считать содержание его статьи действительно равнозначущим ее заголовку. Такими отголосками старого В. М. Фриче считает эстетство и формализм Гаузенштейна, вытекающее из них стремление не только к анализу, но и?! вкусовой оценки, его религиозное определение искусства и т. п. Кроме того, он отмечает целый ряд недостатков в социологической концепции Гаузенштейна и некоторые незатронутые им проблемы.

Обширность и тщательность предисловия В. М. Фриче ставят в неловкое положение рецензента, которому как будто бы не о чем писать. Но отсутствие в марксистской критике твердо установленной оценки Гаузенштейна, как социолога, в частности, в плане его «формализма», и невозможность в каком угодно тщательном обзоре остановить внимание на всей массе затронутых этой брошюрой вопросов, указывают рецензенту его задачу—своей рецензией дать некоторое дополнение—частью поправку—к оценке книги предисловием.

Так, прежде всего относительно «формализма». Нам кажется, что такая квалификация Гаузенштейна, да и его собственное утверждение, что «так как искусство есть форма, то и социология искусства, в конце концов, только тогда заслуживает этого названия, когда она является социологией формы» (стр. 27)—

в достаточной мере являются недоразумением. Оно имеет своей основой терминологическую путаницу, главным образом смешение терминов «содержание» и «сюжет». В самом деле, В. М. Фриче в предисловии сопоставлением цитат доказывает, что Гаузенштейн в этом отношении сам себе противоречит, то разделяя форму и содержание, то утверждая их единство, то уверяя, что форма раскрывается в содержании эпохи, то—наоборот. По существу же все противоречие лишь в том, что в определенных местах под термином «содержание» надо мыслить—«сюжет». Это ясно из того, что, заверяя в начале, в что «социология... содержания есть... общая социология и относится скорее к гражданской, чем к эстетической истории общества», Гаузенштейн далее свой «Опыт» делит на две части—социологию содержания и социологию формы, при чем уже само деление содержания изобр. искусств на «орнамент, изображение человеческой фигуры, изображение животного, изображение пейзажа и изображение натюрморта» (стр. 31—32) совершенно определенно указывает, что перед нами деление искусства не по содержанию, а по сюжетам. Так же точно ясно это и в замечании: «Мы ни в коем случае не протестуем против тенденциозного содержания самого по себе, а только против литературных манифестаций в плохой художественной форме» (стр. 29), и в утверждении относительной истинности обеих знаменитых точек зрения на искусство, «искусство для искусства» и «утилитаризм» и т. д.

Что касается до «религиозного уклона» Гаузенштейна, то здесь можно полностью согласиться с В. М. Фриче, что Гаузенштейн совершенно произвольно играет термином «религиозный», вкладывая в него самый различный смысл. И это, разумеется, сильно вредит ему в его анализе отдельных эпох и родит немало противоречий. Вся эта игра с «религиозностью» нужна Гаузенштейну для того, чтобы оправдать и объективировать свои личные вкусы, свое субъективное предпочтение искусства так называемых «синтетических» эпох, т.-е. искусства, характеризуемого своей условностью, символичностью, всем тем, что можно противопоставить реализму и натурализму. Для этого ему нужно выставить эти стили единственно подлинными в искусстве, а это возможно, лишь привлекши сюда нечто со стороны, а именно—какое-то мнимое величие способности к трансцендентальному мышлению, способности видеть в реальности лишь символы, при чем он наивно не замечает, что «зависимость от вещей» в различные эпохи имеет различные корни, так же как и свобода от вещей. В одном случае символичность и метафизичность есть рабство, а в другом—известная свобода. Символизм искусства аграрного коллективизма далеко не та же «религиозность», что и мятущийся порыв Барокко. Лишь софизмы позволяют ему выпутаться из противоречия факта буржуазного натурализма XIX века его тезису, что «религиозность»—результат материального благосостояния общества. Эта же игра «религиозностью» не позволяет ему правильно оценить и натурализм позднего Ренессанса и вносит путаницу в блестящий сам по себе анализ Барокко и Рококо, как двойственных стилей промежуточных культур. Здесь выходит, что организующая жизнь буржуазия иррелигиозна, т.-е. не обладает хозяйственно - организаторскими талантами, а феодально-помещичий разваливающийся класс, вопреки всякой историчности, оказывается материально-могущественным.

И как раз здесь, в этой игре «религиозностью» и прорываются отголоски идеализма, сказывающиеся в наличии у Гаузенштейна категории оценки. Для Гаузенштейна «религиозность» искусства с формальной стороны заключается в его символичности, в которой искусство ирреально. Ирреальность же искусства превозносится им потому, что ее можно противопоставить природе, т.-е. провозгласить старую идеалистическую точку зрения, что прекрасно то, чего *нет в жизни*, что истинным искусством является лишь то, которое воздействует *вопреки* реальности, что в сложности эстетического переживания подлинно-эстетическим моментом является момент, лишенный ассоциаций, момент «незаинтересованности». Это проскальзывает у него в оценке натуралистической эро-

тики в искусстве, где он замечает, что это изображение относится к искусству, в сущности, лишь в той мере, в какой оно, вопреки стремлениям своего создателя, все же не вполне реально. «Но если эротика никогда не может обойтись вовсе без эстетического достоинства, все же стремление этого примитивного изобразителя в сущности противно эстетике. Это стремление просто натуралистично» (стр. 70). Под этой фразой могли бы подписаться и Кант, и Шиллер, и Спенсер.

Не останавливаясь более на недостатках брошюры Гаузенштейна, которые достаточно выявлены В. М. Фриче, отметим то, что в ней содержится положительного. Это, главным образом, опыт социологии сюжета, правда, слишком схематичный, но в этом виде лишь еще больше подчеркивающий, насколько важен этот вопрос для общей истории изобразительных искусств и насколько он тесно связан с вопросами эволюции художественных форм. В частности, здесь весьма интересен анализ пейзажа, как одного из видов «вещного» отношения к миру. Он заставляет подумать о необходимости внести серьезную поправку в социологическое объяснение любви к пейзажу реакцией на утомление городской жизнью. Утверждение, что «изо всего предметно - субстанциированного искусства натюрморт меньше всего находился под гнетом предметного» (стр. 78), заслуживает серьезного внимания и, заставляя вспомнить интересное исследование по натюрморту Б. Виппера, к сожалению, лишенное всякой социологичности, наводит на мысль о весьма важных выводах в плане вопроса о диалектике искусства, которые могут получиться, если социологически исследовать всю эволюцию натюрморта. Здесь, однако, надо заметить, что это утверждение Гаузенштейна в достаточной мере противоречит его делению искусств на «формальные» и «неформальные» (стр. 55).

Также весьма ценным следует признать и указание на возможность—необходимость по-нашему — социологии художественных приемов и трактовок изображения (перспектива, раккурс и т. под.). Дополнение этому дается В. М. Фриче в его предисловии. Социология эволюции художественных трактовок объекта вместе с социологией художественной техники, а также социология сюжета искусства—вот истинное содержание той «формальной» социологии, которая должна существовать, как часть общей социологии искусства, как идеологии, и за которую так ратует и сам Гаузенштейн.

Федоров-Давыдов.

ГЕОРГ ВОЛЬФ. Математика и живопись. Перевод с немецкого Е. А. Хариной. Научное книгоиздательство. Л. 1924. Стр. 96. С 10 табл. и 31 рис. в тексте.

В связи с увлечением классицизмом во Франции и в Италии математические вопросы изобразительной техники стали для значительной части западной живописи актуальными. Мы еще мало знаем об этих новых веяниях романского искусства, но несомненно, что у нас будут и знать, и говорить о них. С этой стороны скромная популярная книжка немецкого профессора приобретает неожиданный современный интерес.

Сам Вольф об этом не думал. Цель его—изложение общих черт развития центральной перспективы в европейской живописи. Рассчитывая на совершенно неподготовленного читателя, Вольф показывает на примерах, что такое центральная перспектива, каковы ее существенные черты и как обнаруживается элементарными средствами перспективное строение картин. После этого он дает несколько примеров перспективного построения в их исторической последовательности.

Выполнено это настолько отчетливо и просто, что безо всякого труда дает ряд весьма ценных результатов. Книжка написана не скучно, а кто внимательно ее прочтет, для того, без сомнения, многое «мертвое» в живописи станет живым и интересным. Благодаря осторожному объективному подходу автора к своему предмету, отнюдь не создается впечатления, что центральная перспектива—это абсолютный канон. Скорее наоборот, прежде всего становится понятным, как возможны и естественны другие способы видеть пространство. А на этом фоне, в свою очередь, выясняется вся значительность вековой разработки системы

изображения, лежащей в основе той живописной культуры, на которой, в сущности, мы воспитываемся. Помогая развитию восприятия пространства в живописи, книжка Вольфа ценна для каждого. Но и историк искусства найдет в этой книжке краткие, но ясные указания на экспериментальный путь, следуя которому можно значительно обогатить наше знание о творческом сознании других эпох и народов. Как бы ни была популярна книжка Вольфа, она все-таки безусловно дает понять, чего не сделано до сих пор хотя бы по отношению к древне русской иконе и что именно должно быть сделано. Наконец, сам автор прав, говоря, что «эта книга может быть полезной и начинающим художникам». В этом отношении полезна, между прочим, глава, посвященная связи перспективы и эстетической композиции, глава опять-таки краткая, но хорошо направляющая мысль.

Перевод в общем хорош.

В. Гливенко.

HANDZEICHNUNGEN ALTER MEISTER IN MOSKAU. I. Die Handzeichnungsammlung des Museums der schönen Künste der Moskauer Universität. Herausgegeben von Dr. A. A. Sidorow. Professor für neuere Kunstgeschichte an der Staats-Universität, der Kunst-Technischen Hochschule u. a. in Moskau. Staats-Verlag. Moskau—Petrograd.

Arbeiten des Instituts für Archäologische und Kuntwissenchaftliche Forschung der I Staats-Universitat. Moskau. I.

РИСУНКИ СТАРЫХ МАСТЕРОВ В МОСКВЕ. I. Собрание рисунков Музея изящных искусств при I М. Г. У. под редакцией А. А. Сидорова, профессора истории новейшего искусства в I Моск. Гос. университете, ВХУТЕМАС'Е и др. ГИЗ. М.—П. 2-я Моск. Фабр. Заготов. Госуд. Знаков. Тираж 500 экз.

Работы института археологии и искусствоведения I М. Г. Ун-та. Москва. I.

Изящная папка с 12-ю воспроизведениями старинных рисунков, в сопровождении научного текста, представляет едва ли не первую попытку выполнить силами русских ученых и русских печатников в репродукциях facsimile научное издание хранящихся в Московских музеях рисунков старых западных мастеров. Первый выпуск посвящен рисункам из собрания Музея Изящных Искусств в Москве. Научный текст издания дает выводы из рефератов, прочитанных и обсужденных группой молодых историков искусства под руководством проф. А. А. Сидорова на организованном им семинарии по изучению рисунков старых мастеров в Институте Искусствознания и Археологии при I Московском Университете. Несмотря на участие нескольких авторов (М. Алпатова, Е. Каптеревой, Е. Гольдингер, В. Лазарева, А. Вульфграм, В. Масленниковой, Н. Брунова, В. Загоскиной, Е. Зеленецкой, Т. Буткевич), во всех 12-ти описаниях строго выдержан единый план и метод. Как это принято в научных изданиях такого рода, каждый рисунок описан точно и сжато, с указанием его главных составных частей в смысле содержания и композиции. Цель подобных описаний—научить смотреть рисунок, замечать его подробности, помочь прочувствовать его, как эстетическое целое. Краткие замечания о технике и основания, подтверждающие подлинность рисунка и имя автора, а также указания о степени сохранности листа дополняют описание каждого рисунка.

Необычайно выдержанный и продуманный характер всех текстов говорит не только о твердо и ясно проведенной руководителем семинария основной методологической линии, но служит также интересным показателем того высокого уровня академической подготовки и техники, которой достигался в русских университетах в специальной области искусствознания в течение последних лет. Любой историко-художественный научный институт Запада не отказался бы признать своим описанное здесь издание, настолько его цели, общий дух и метод близки западной науке.

Проф. А. А. Сидоров, рядом счастливых приобретений значительно пополнивший в течение последних лет ценное собрание рисунков в Музее Изящных Искусств, напал на плодотворную в научном отношении мысль сделать старинные

западные рисунки, которых насчитывается до 2000 листов в московских музеях, предметом коллективной научной обработки, чтобы постепенно познакомить с ними посредством воспроизведения и описания лучших образцов и широкие круги рядовых читателей, и ученый мир Западной Европы. Эта работа, служа для молодых ученых хорошей школой и пробою их крепнущих сил, представляет в то же время в ее конечном результате, каким является настоящее издание, лучший путь для эстетического воспитания широких масс и их ознакомления с красотой старого искусства. Нельзя не быть признательным проф. А. А. Сидорову за осуществление этой мысли, нельзя не воздать должного его изощренному вкусу, верному чутью и педагогическому такту.

К наиболее замечательным листам 1-го выпуска относятся: рисунок, приписанный Альбертинелли, ландшафтный набросок верхне-итальянской школы XVI в., рисунки Дж. Б. Тьеполо, Ван-Дейка, Рембрандта, Грёза. Все эти листы в высшей степени характерны для их авторов и эпохи.

Наименее убедительным среди листов 1-го выпуска нам кажется рисунок, приписанный Пармеджианино; вялость и рыхлость его линий заставляет скорей думать в данном случае о копии с оригинала Пармеджианино.

Естественно, что подобное издание может достигнуть своей цели только при одном условии, а именно—безукоризненно точном воспроизведении рисунков и всех особенностей техники материалов и внешнего вида оригинала. И нельзя не признать, что данное издание представляет образец самых высших достижений современной печатной техники, переходящей в этом случае уже в настоящее искусство. Художественное отделение Гознака, где печаталось издание и выполнялись репродукции, может справедливо гордиться этим образцом своей работы. Некоторые листы (Рембрандта, Каро, Ван-Дейка) воспроизведены настолько близко к оригиналам, что при сопоставлении с последними, репродукцию часто ошибочно принимаешь за оригинал. До полного обмана передан характер материала (перо, карандаш, сепия), поверхность и характер бумаги, пятна и следы разрушения от времени. Издание рисунков Музея Изящных Искусств, исполненное Гознаком, показывает, что традиции высоко-художественного печатания, которыми славилась бывшая экспедиция заготовления Государственных Бумаг, не затерялись в Советском Гознаке, но любовно культивируются и совершенствуются работниками его художественного отдела.

Пятьсот экземпляров этого издания отпечатаны с немецким текстом, остальные с русским. Что касается немецкого текста, то подбор шрифтов отличается большим изяществом, выдержанным стилем и простотой (изданий с русским текстом нам не привелось еще видеть).

Любуясь этим превосходным образцом полиграфического искусства, нельзя, однако, не пожалеть, что размеры репродукций в некоторых случаях значительно уменьшены сравнительно с оригиналами.

Это уменьшение размеров листа, вероятно, объясняется мотивами отчасти техническими и особенно экономическими, но, разумеется, являясь в сущности искажением оригинала (при условии facsimile), оно не может не ослабить силы художественного впечатления от рисунка.

Проф. Н. Романов.

CHINA. 2 Bände. Folkwang-Verlag in W. 1922 год. B. I. E. Fuhrmann. China, das Land der Mitte. (Стр. тек. 42+146 табл.) B. II. B. Melchers. China, der Tempelbau. Die Lochanoon Ling Jän-Si, ein Haupwerk buddhistischer Plastik. (Стр. тек. 46+137 табл.).

КИТАЙ. 2 тома, изд. Фольквanг. 1922. Т. I. Э. Фурман. Китай, срединное царство, 42 стр.+12 табл.; Т. II. Б. Мельхерс. Китай. Деревянное зодчество. Лохана Линг-Иен-Си, главнейшия произведение буддийской пластики. Стр. 46+137 табл.

Архитектура Китая—искусство древнейших традиций, закономерности и обилия декоративных элементов. Палитра художника и глаз архитектора еще недостаточны для верного ее понимания. Наконец, китайская архитектура, это—

та заповедная область, в пределы которой вступает далеко не всякий западный ученый и где китайцы оставили менее всего теоретических документальных данных. В этом, пожалуй, можно видеть причину сравнительно небольшого числа специальных и научно-популярных изданий по вопросам китайской архитектуры, поступающих на международный книжный рынок.

Известное своими изданиями немецкое издательство «Folkwang-Verlag» в своей Schriften Reihe: «Geist, Kunst und Leben Asiens» выпустило двухтомную работу Fuhrmann-Melchers под общим заглавием «China» и под общей редакцией D-r K. With'a. Инициатива опубликования ее принадлежит, повидимому, d-r Melchers'y, долгое время жившему в северном Китае и, судя по предисловию, усердно занимавшемуся китайской архитектурой. Ему же принадлежат и большинство снимков всего издания (часть первого тома и весь второй).

Текст первого тома написан Fuhrmann'ом. Литературно-философские и историко-лингвистические экскурсы, разбросанные на всем протяжении 42 страниц, переносят автора, хорошо знакомого с историей, в отдаленное прошлое Китая, лежащее далеко за пределами литературных и материальных памятников его культуры. Единственной связью между автором и доступным нашему изучению Китаем является язык, точнее его отдельные иероглифы и звуки. Излагая духовную культуру Китая, написанную, кстати сказать, довольно трудным языком, Fuhrmann считает иероглифы графическим воспроизведением древнейших воззрений и понятий и толкует их в смысле, чуждом даже самим китайцам. Тщательный филологический разбор иероглифов приводит автора к необходимости посвятить особую главу работы Даосизму, его главным представителям и последователям. Всеми силами Fuhrmann старается доказать, что основы китайского мировоззрения во многом согласуются с европейскими и даже взяты из него. Речь идет, конечно, о теориях, имеющих пока мало общего с исторически-действительной картиной и едва ли осуществимых в настоящее время. В изложении своей гипотезы Fuhrmann не обходится без сильных натяжек и противоречий. Судить о письменности или словообразовании в конечном итоге может лишь языковед. Но всякий, имеющий хотя бы слабое понятие о китайском языке, поймет, что постоянное объяснение иероглифов путем астрономических или земных сопоставлений должно неминуемо привести к колоссальным ошибкам. Наблюдения над природой, с которой тесно связана китайская архитектура, должны в подобных объяснениях играть также не малую роль. Так поступают сами китайцы, но не так, видимо, поступает Fuhrmann, забывающий, что знание языка и мифологии имеет существенное значение в деле изучения духовной культуры и социального устройства китайцев.

Таково в нескольких словах содержание первой части работы Furhmann'a, «введения» в непосредственную тему Китая, как «Страны Срединного Государства».

Не мало противоречий встречается и в изложении материальной культуры. Говоря о теории расселения китайцев с Запада на Восток, Fuhrmann преподносит уже готовую культуру, что не мешает, впрочем, ему через несколько страниц позволить первым пришельцам жить на подмостках среди деревьев леса и даже строить верхние этажи, почти не встречающиеся в Китае. Лес и воспоминание о нем создали, по мнению Furhmann'a, китайцам пагоду («ТА»). В каждом монастыре обязательно оставлялось по одному дереву, как прообраз позднейшей изящной постройки. Трудно допустить, чтобы автор не знал, что пагоды явились в Китае вместе с буддизмом и что их этажи символически выражают висящие одни над другими небеса, наполненные ботисатвами.

К несомненным достоинствам работы Fuhrmann'a принадлежит смелая и широко проводимая автором попытка поставить общую китайскую проблему в тесную культурно-историческую связь с Западом.

Многочисленные снимки составляют, пожалуй, лучшую и самую интересную часть всей работы. Автору блестяще удалось осветить в них все стороны социальной и художественной живни Китая и под-

метить трудно уловимые черты пестрой китайской действительности. Не преследуя специально архитектурных задач, Fuhrmann дает ряд интересных бытовых картинок, стараясь в то же время оттенить какую-нибудь выгодную подробность: серию костюмов, узорных тканей или вышивок, массу пестрых и красочных орнаментных деталей и изображений мифологического характера и т. д.

B. Melchers свою работу посвящает исключительно архитектуре и рассматривает строительные памятники северного Китая, а в «Приложении» скульптуры Лохана, знаменитого буддийского монастыря Лин-Юань-Си в Шандунской провинции. «Введение» подробно говорит об истории и общей культуре Китая, как основе его строительного искусства. Затем автор разбирает отдельные храмовые постройки, триумфальные арки, жилые помещения и пагоды, при чем здесь можно найти не мало интересных мыслей автора о климате и его влиянии на архитектуру, о формах крыш и самих зданий. Описания памятников, впрочем, даны очень не равномерно и, к сожалению, изобилуют повторениями и противоречиями, чего нельзя не поставить в связь с китайскими источниками, которые очень охотно цитирует Melchers. В дальнейшем он останавливается на религиозных воззрениях китайцев и на символике их, при чем замечает, что религиозная культура имела сравнительно ограниченное влияние на развитие китайских построек. Много места уделяет он и ландшафту, как фактору развития китайской архитектуры. Строительное искусство Китая, особенно религиозное, является единением формальных и религиозно-философских, эстетических и ландшафтных достижений, которые в отдельных частях можно рассматривать как произведения до-буддийского искусства.

Первая публикация Лохана Лин-Юань-Си, несомненно, будет иметь громадное значение. Melchers взял на себя не легкую задачу соединить в ней архитектуру и пластику Китая и показать все выдающиеся произведения китайского искусства, собранные в этом святилище. Вид громадных фигур сидящих буддийских апостолов производит, действительно, жуткое ошеломляющее впечатление, проходящее лишь в прохладной тени близлежащего буддийского кладбища. Необычайно трудная в силу световых условий съемка этих фигур удалась блестяще. Melchers, изучив относящиеся к монастырю китайские источники (впервые переведенные Lessing'ом), дает исчерпывающие изображения типов Лохана, исследуя критически порядок и стиль статуй. Несколько находящихся здесь пагод, имеющих большое значение в истории китайской архитектуры и орнаментики, впервые опубликовываются здесь Melchers'ом. Пользуясь случаем, автор попутно знакомит с проблемами религиозной скульптуры Китая, вообще не оставляет открытым вопрос датировки скульптор данного монастыря. В своих суждениях Melchers проявляет присущую ему большую осторожность, скептически отнесясь даже к мнениям такого тонкого знатока китайской архитектуры, как Boerschmann. По Boerschmann'у самый монастырь основан в IV веке, изящная кружевная пагода его при Танской династии в 742—756 г.г., а скульптуры Лохана изваяны Лю-Фаном в 1506—1522 годах.

Еще несколько слов о снимках. Они являются ядром всей работы и не нуждаются в специальном разборе. Техника их безукоризненна. Mechers'у удивительно удалось передать в них дух китайской архитектуры, одновременно искренной и ясной, фантастичной и монументальной. Великолепно иллюстрируя текст обоих томов, они вместе с тем служат и превосходным альбомом, нужным и полезным всякому, кто интересуется вопросами дальне-восточного искусства.

Высокая цена издания служит, к сожалению, большим препятствием его широкого распространения.

Милий Достовский.

Проф. А. И. НЕКРАСОВ. Древние подмосковные (Александровская слобода, Коломенское, Измайлово). Издательство Т-ва «В. В. Думнов насл. бр. Салаевых». Москва 1923. 68 стр. (20 илл. в тексте) in 8°.

Есть книги, выход которых в свет остается незамеченным исключительно по чисто внешним условиям. К их числу принадлежит разбираемая нами работа проф. А. И. Некрасова.

Снабженная дешевенькой типографской обложкой, напечатанная неряшливо, на более чем посредственной бумаге, с очень нечеткими воспроизведениями, она не бросается в глаза, мало привлекает к себе внимание. Но под этой «серенькой» внешностью скрывается крайне интересное содержание. Оно не вполне соответствует заглавию; не описание царских подмосковных дано автором, а эволюция стиля московского зодчества в пределах XV—нач. XVIII в.в., по памятникам, так счастливо сгруппировавшимся в трех усадьбах—Александровской слободе (кон. XV—XVI в.в.), Коломенском (XVI—перв. полов. XVII в.в.) и Измайлове (кон. XVII—нач. XVIII в.в.). И не даром, повидимому, остались неотделенными в главы страницы, посвященные каждой из них, страницы, образующие связанный очерк, дающие новые вехи в истории развития московского строительства. Именно новые данные, исследовательская работа, произведенная автором на местах, его оригинальные точки зрения делают эту работу крайне важной и интересной. Действительно, ведь почти ничего еще не появлялось в печати из того, что за последние годы усердно изучалось рядом ученых, в том числе проф. А. И. Некрасовым. До сих пор для «непосвященных» создавалось впечатление, что со времен «Истории Русского Искусства» Грабаря, все основоположения в области древне-русского зодчества оставались незыблемыми и раз навсегда установленными. Чуть ли не впервые мы находим в книжке А. И. Некрасова «новое слово» о старых памятниках, и в круг научного изучения входят до сих пор не замеченные и не обследованные произведения русского искусства.

И вот оказывается, что на переломе XIV—XV веков вокруг Москвы возникает ряд каменных храмов постройки кн. Юрия Звенигородского, не только в удельном соименном городе, но и к северу от Москвы—в Сергиево-Троицкой Лавре и в Александровской слободе (Троицкий собор), оказывается, что в этих храмах, помимо их суздальской основы, есть элементы новгородского искусства. Выясняется, что в том же Александрове, в церкви Покрова, находим древнейший из сохранившихся каменных храмов и что здесь, кроме очевидного родства с деревянными формами русского строительства, видны привходящие иноземные немецкие мотивы, нашедшие свое выражение в новгородской часовне (перв. полов. XV в.), сообщившей, в свою очередь, свой башенный характер ряду зданий, в том числе и церкви Покрова (стр. 17). Это сооружение как бы исходный пункт в цепи шатровых построек, кульминационной точкой которых является ц. Вознесения в с. Коломенском.

Однако, прежде чем перейти к ней, автор указывает еще на находящуюся в Александрове столпообразную, крайне гармоничную в своих чертах колокольню, тоже прототип подобных зданий в Москве, и на каменную часть сохранившихся хором Иоанна Грозного, как известно избравшего Александрово своей резиденцией. Именно в установлении первоначального усадебного характера места, затемненного позднейшими монастырскими перестройками, заключается заслуга проф. Некрасова в произведенном им «раскрытии» Александровской слободы.

Переходя к Коломенскому, автор делает очень подробный анализ архитектурных форм Дьяковской и Вознесенской церквей. Связывая происхождение их форм с деревянным зодчеством, проф. Некрасов указывает и на ряд итальянских и германских влияний, пришедших из Москвы и Новгорода. И, действительно, нельзя не согласиться с наличием последних: налет готики сказывается в ц. Вознесения, как в идее стремящегося в высь храма, так и в деталях, например, в стрелах, украшающих грани шатра. По сохранившейся модели.

рисункам и чертежам, по остаткам каменных построек, пытается автор восстановить гражданские сооружения, знаменитые царские хоромы, это причудливое сочетание всего, «что выработал русский национальный гений в области зодчества» (стр. 44).

В этом отношении гораздо более «западной» рисуется измайловская усадьба с ее мостом, с ее башнями, воротами, церквами и покоями, носящими уже характер «западно-европейского дворца на русской почве» (стр. 56). Собор с его изразчатой декорацией и барочная церковь Иосифа Царевича заканчивают здесь эволюцию форм московского строительства.

Богатый архитектурный материал отвлек автора от более детального описания памятников живописи и прикладного искусства, сохранившихся в указанных трех подмосковных, повидимому, более всего в Александрове. Та же причина повлияла, должно быть, и на слишком мало разработанную бытовую сторону. И то, и другое включает общий заголовок книги, метод территориального описания памятников старины и искусства.

Полагаем что дополненная с этих сторон, а также снабженная библиографическим указателем, который отсутствует в настоящей книжке работа проф. А. И. Некрасова выйдет в свет с более подобающей ей внешностью.

Д. Греч.

Казанский Музейный Вестник. № 1-й. 1924 г. Издание комбината издательства и печати ТССР. Казань 1924 г. Стр. 140. с 14-ю рис. в тексте + 1 вкалдная таблица. Тираж 500 экз.

Несколько запоздавший выходом первый номер «Вестника» за текущий год любопытен не только с одной точки зрения, как освещающий культурно-историческую и художественно-археологическую стороны края. Научное достоинство статей дает, как увидим ниже, некий повод к выводам довольно примечательным Всякий сборник—своего рода цепь гор неодинаковой высоты. Так и здесь отдельные вершины встречаешь, но их мало. Первые места бесспорно принадлежат статьям не местных научных сил, а преимущественно москвичей. Определенно выделяется большая (стр. 2—22) статья А. Н. Свирина «Лицевая персидская рукопись XVI века из собр. Ю. А. Олсуфьева»; написанная с пониманием сущности художественно-формального анализа, знанием литературы, статья может служить удачным примером правильного подхода к опубликованию памятника искусства, особенно миниатюры, столь слабо еще разработанной в русской специальной литературе. Интересна, но немного не завершена статья Ю. Анисимова о Ф. С. Рокотове (стр. 69–77), этом «душеписце»; думается, что прослежение национальных традиций допетровской и петровской живописи, с коими как-то связан Рокотов, помогло бы ярче уловить творчество последнего. Отметим статью П. Корнилова (стр. 59–68) об арзамасском художнике Р. А. Ступине, из портретов кисти которого более десяти сохранилось в Казани; для провинции Р. А. Ступин, как и его отец А. В. Ступин, оба обучавшиеся в Академии Художеств, сделали многое, как насадители и проводники строгих принципов подлинного искусства. Достаточно интересны разыскания В. Егерова (стр. 40—48) об авторе (Ф. Емельянове) ныне сильно искаженного Гостиного Двора в Казани и очерк Зайковского (стр. 49—54), на основании монетного материала определяющего положение Нового Сарая в окрестностях бывшего раньше г. Царева (при р.р. Ахтубе и Кальгуте). Со вкусом и горячей любовью к истинным культурным ценностям написана изящная заметка (стр. 87—90) А. Н. Греча «Изучение русской усадьбы». Из остальных статей (М. Худяков—«Деревянное зодчество казанских татар», Е. Чернышев—«Охрана рукописных памятников народов Востока», Э. Голлербах—«Новый историко-бытовой музей», Н. В. Некрасов—«О задачах собирательства П. М. Третьякова», Б. Адлер—«Д. Н. Апучин», С. С. Розанов—«Памяти О. Е. Клера», Г. Губайдуллин—«Заметка по поводу одного инструмента» (шайдак), С. Д.—«О музейном деле в Америке» и «Выставка картин русских художников

в Америке», П. М. Дульского—«Русское современное искусство в Америке») только воспоминания Н. В. Некрасова (стр. 78—86) искренностью и теплотой чувства к памяти великого москвича остановят внимание читателя, все же остальное—до такой степени безотрадно-уныло, согбенно-бесцветно, что можно и должно ограничиться лишь перечнем авторов и заголовком их писаний. Эти писания своей сумеречностью, закатностью и вялостью производят тяжелое впечатление, но, очевидно, не вина авторов, что выбор тем—так узок, изложение—робко и смущенно, что в них только чад эпигонства. Явно сказываются, во-первых, отлив, недостаток научных работников, во-вторых, отчуждение, оторванность от глубинных истоков действенной культуры.

Издан «Вестник» вполне прилично, на хорошей бумаге, иллюстрации приемлемы. Опечаток мало: на стр. 68 вместо «В левой руке держит розу» надо читать «В правой руке...»; на стр. 126, правый столбец, «Б. Н. Терловца» следует исправить на «Б. Н. Терновца». Хроника музейной и научно-исследовательской жизни Москвы не всегда отвечает действительности (весьма перепутано сообщение, что под картины отводятся будто бы все залы первого этажа Музея Изящных Искусств, а доклад Ф. И. Шмита «Мозаики собора в Никее» прочитан был не в Академии Художественных Наук, но в Институте Археологии и Искусствознания). В заметке об юбилее проф. Д. В. Айналова (стр. 130, правый столбец), не может не вызвать, по адресу редакции, улыбки и некоего удивления следующая фраза: «Родился он 8 февраля 1862 г. и был прикомандирован к Петербургскому (ныне Ленинградскому) Университету для приготовления к профессорскому званию». И все же «Вестник» можно приветствовать, ибо в нем слышны движения научной жизни и борьба за жизнь культуры.

Н. Щербаков.

ROMAIN ROLLAND. Musicalische Reise ins Land der Vergangenheit (übers. von L. Andro). Rütten und Löning. Frankfurt am Main.

РОМЭН РОЛЛАН. Музыкальное путешествие в страну прошлого (перевод Л. Андро). Рютген и Лёнинг. Франкфурт-на-Майне. 1923. Стр. 260.

Музыканты имеют все основание гордиться тем, что один из замечательнейших художников слова вышел из их среды. Как известно, Ромэн Роллан начал свою общественно-научную деятельность лектором по истории музыки в Сорбонне. Его первая работа по истории оперы XVII века—крупный и поныне не потерявший своей большой ценности вклад в науку о музыке. «Музыкальное путешествие в страну прошлого» (знакомое нам, к сожалению, лишь в немецком переводе, вышедшем одновременно с французским оригиналом)—сборник лекций и статей Р. Роллана о музыкантах блистательного XVIII века. Роллан подходит к своей задаче не как ученый исследователь, а скорей всего как романист, интересующийся в первую очередь сильными своеобразными личностями. Но вместе с тем он ясно сознает, что отнюдь не баловни истории, а зачастую скромные в тени оставшиеся деятели пролагают новые пути в искусстве. Отсюда стремление автора восстановить справедливость по отношению к «dii minores» (младшим богам) музыкальной истории. Кунац, Телеман, Гассе, Филипп - Эмануил Бах, чьи творческие заслуги известны только специалистам, в изображении Ромэна Роллана облекаются в живую плоть и кровь и становятся близкими и понятными читателю наших дней. Материалом для художественной «реконструкции» этих музыкальных деятелей служат, главным образом их воспоминания, дневники, автобиографические записки, для общей же характеристики музыкального духа XVIII века—дневник английского музыколога Бьёрнея, посетившего континент с целью точного выяснения, каковы условия существования музыки и музыкантов в 1770—1772 годах.

В общем сборник Ромэн Роллана при удивительном умении автора конкретно представлять себе весь музыкальный

антураж прошедших веков—одна из интереснейших книг историко-музыкального содержания, вполне доступная не специалисту.

Евг. Браудо.

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. Ежемесячник. Музсектор Госиздата. М. 1924 г. № 1. Стр. 96.

На смену чисто академическому музыкальному журналу «К Новым Берегам» и в совершенно необходимую оппозицию вульгарной и некультурной «Музыкальной Нови» появилась «Музыкальная Культура». Объединивши ряд крупных московских и ленинградских имен, этот журнал обещает быть квалифицированным по своему содержанию и вполне «современным» в широком понимании этого термина.

Все наши музыкально-художественные писатели и критики—пионеры в марксизме, из которых одни идут по его пути уверенными, хотя бы иногда рискованными шагами, другие сочувственно «упражняются», комбинируя марксистский метод со своей эрудицией, третьи, не становясь в ряды марксистов, более или менее успешно «попутничают».

Первый, очень интересный, серьезный и вместе с тем остро и тонко-полемический номер отражает все эти разновидности направлений. В целом он несомненно «лев», т.-е. художественно прогрессивен, но все главные статьи проникнуты научным историзмом, всюду данная, переживаемая нами эпоха мыслится как неизбежный этап развития звуковых элементов и форм творчества,—этап, зависящий по своему специальному содержанию от предыдущего периода и служащий лишь предварительной ступенью для отдаленной эпохи будущего обще-человеческого искусства.

Передовица считает главной задачей журнала «всемерную помощь пролетариату в его стремлении овладеть одной из областей мировой культуры—областью музыкального искусства». Но, делая это, журнал будет «бороться со всякими попытками сбить пролетариат с его «культурнического» пути на путь раболепного пресмыкания перед пресловутым «святым», «высоким», «чистым» и т. д. искусством, или же на путь беспочвенных, распыляющих физические и моральные силы потуг на строительство какого-то отвлеченного специфического музыкального искусства». Такова позиция против академизма.

Вторая задача рисуется как «задача выявления элементов, возникающего в наше время «искусства революции» в его музыкальном преломлении — выявлении, осознании и фиксации этих элементов на предмет определения характера и стиля музыки наших дней, «музыки революции», рождающейся из сознания нового революционного человека. Мы знаем, что и в этой области нашей работы нам предстоит борьба со спекулятивными попытками подмены истинного ложным, с реакционной тупостью и мещанской узостью мнений». Такова позиция против скудной идеологии «ассоциации пролетарских музыкантов».

Содержательная статья Л. Сабанеева о современной музыке дает вполне точное определение весьма распространенному, но разно понимаемому термину «современности» в музыке. Под музыкальной современностью разумеется та, которая «в настоящий момент выражает наиболее ярко технический прогресс в звуковом отображении и одновременно и неминуемо и те идеологические и эмоциональные сдвиги, которые в этом прогрессе отображены». Однако автор отказывается причислить музыкальное искусство к «идеологии», как «не выражающее идей, не выражающее «логических» построений».

Статья Игоря Глебова о современной музыкальной критике доказывает и настаивает на необходимости сосредоточить внимание критики на популяризации и разъяснении перед новым слушателем ценностей, быть может, трудно доступной, но по содержанию революционной музыки новых авторов.

Г. Конюс и Арс. Авраамов в небольших заметках излагают свои интересные опыты и исследования, первый в области анализа музыкальных форм, второй в проблеме новой темперации.

Чрезвычайно любопытна остроумная полемика, заключающая ряд верных

мыслей по вопросу о перспективах музыкального развития в статье Диалектика, бьющей по упрощенству «Музыкальной Нови».

Есть в номере и свежая заграничная информация.

Журнал достоин всяческого внимания со стороны широчайших кадров музыкальных работников.

Антон Углов.

Проф. Н. А. ПАШКОВ. Декламационная хрестоматия. Изд-во т-ва В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых. М. 1924. 175 стр. in 8°. Тираж 4.000 экз.

Правильнее было бы назвать книгу Н. А. Пашкова не хрестоматией, а руководством по декламации, так как в ней преобладают статьи (всего 103 страницы) над материалом для чтения (72 страницы). Книга является ценным пособием для школ II ступени, рабфаков, для чтецов, артистов, ораторов; ее появление в свет в наши дни,—когда московская живая речь деформируется под влиянием пришлого населения, когда, в связи с развитием общественности, чувствуется острая потребность научиться говорить так, чтобы приковать внимание аудитории,—очень своевременно.

Искусство декламации совсем молодо, и вполне понятно, почему в этой области нет еще необходимой дифференциации, нет резких методологических и методических границ между произнесением с трибуны на свой импровизационный текст (ораторская декламация), произнесением на сцене (актерская декламация), чтением стихов (музыкальная, скажем, декламация) и чтением прозы (рассказывание чужого текста в тонах живой речи); в последнем разделе нужно выделить особо рассказывание народно-поэтических образцов, требующих усвоения фонетики и интонации сказителя со всеми диалектологическими чертами его речи.

Эта нерасчлененность в области теории декламации сказалась и на работе Пашкова, который вносит в свою хрестоматию образцы из «Ревизора» (ведь на театре чтение—лишь один из равноправных элементов сценического искусства, наряду с прочими—жестами и движениями), а, с другой стороны, допускает жестикуляцию при нетеатральной декламации (см. басни). Особенно возражаю против неразделения «естественной разговорной речи» и декламационной. Первая лишь какою-то частью входит во вторую, которую сам Пашков безоговорочно признает «видом музыкального творчества», в то же время указывая, что «важнейшим источником тональных правил декламации» является «естественная речь». Ведь последняя в своем ритме и мелодии, динамике, темпе очень удаляется от норм декламации, близкой к музыке. Мелодика, ритмика, динамика и темп художественного чтения создаются не под влиянием соответствующих элементов разговорной обыденной речи, а формируются в области чисто художественной музыкальной интуиции чтецов. Создается художественная традиция декламации, которая обусловлена как общей эстетикой данного времени (реализм, импрессионизм, экспрессионизм и под.), так и строем читаемого произведения, т.-е. заложенными в нем мелодико-ритмическими элементами, и состоянием языка данного народа в данное время, и в значительной степени индивидуальной мелодикой речи самого чтеца. Теоретик декламации и должен разобраться в этом материале, найти общее, повторяющееся в декламационных формах данного времени. Он должен закрепить подлинно художественную традицию своей эпохи. Для этого ему в первую очередь нужно выработать приемы записи чтения; наиболее целесообразной будет, конечно, нотная система записи с приблизительной фиксацией высот и точной—ритма, метра, темпа. Цифровая система, использованная Пашковым, читается с трудом; в отношении ритмики она далеко не точна.

Как большинство новых русских работ по декламации, книга Пашкова (вотделе статей) лавирует между заданиями нормирующего руководства и исследованием живой речи. Второй род заданий выполнен слабее первого.

В работе не вполне отчетливо расчленены категории метра, ритма, динамики и темпа, а ведь это очень важно для декламатора-практика. Следовало упомянуть о том, что «ударение» делается не

только силой выдыхательного толчка (динамическое), но и повышением тона, и удлинением его. Эта оговорка позволила бы И. Л. Смоленскому, автору статьи «Несколько новых вопросов декламации», приложенной в конце хрестоматии, оставить тексты Пушкина без предлагаемых им поправок. Вообще приходится пожалеть, что в выдержанную работу Пашкова внесены ненужные и многословные домыслы этого диллетанта.

Сергей Бугославский.

Das Kino in Gegenwart ung Zukunft von. Dr. KONRAD LANGE ord. professor der Kunstgeschichte und Kunstlehre an der Universität Tübingen. XI+373. Stuttgart 1920. Verlag von Ferdinand Enke.

Д-Р КОНРАД ЛАНГЕ. Кинематограф в настоящем и будущем. Штуттгарт 1920. Изд. Энке. Стр. XI+373.

Несмотря на все более и более признаваемое значение кинематографа, до сих пор у него собственно нет своей эстетики. Отдельные вопросы, напр., об отношении кино к литературе и театру обсуждались у нас и за границей, однако в горизонт общей эстетики кинематограф пока не включался. Поэтому первая работа, рассматривающая его с этой обще-эстетической точки зрения, заслуживает быть отмеченной. Эта работа—книга К. Ланге, ординарного профессора Тюбингенского университета. К. Ланге известен в качестве автора теории о «сознательном самообмане», как основе художественного наслаждения. Его сочинения расходились с большим успехом, непривычным для такого рода литературы, но специалистами были встречены неприязненно, что, впрочем, автора ни в малой степени не огорчило, ибо Ланге стоит несколько особняком среди современных немецких эстетиков, очень низко ставит своих современных коллег и их неодобрение лишь укрепляет его уверенность в себе, как он об этом написал во 2-м издании своего главного сочинения. Своеобразие Ланге заключается в том, что он требует для художественной иллюзии признака сознательности—одновременного присутствия в сознании двух рядов представлений: одного—порождающего иллюзию, другого—задерживающего ее. Принцип сознательного самообмана кажется Ланге неизменно пригодным критерием. Он им пользуется при анализе отдельных искусств и, когда появляется какое-нибудь новое художественное явление, он всегда обращается к принципу сознательного самообмана. Где его применить нельзя, там нет и искусства. Точно так же и для решения вопроса об эстетическом значении кино он прибегает к своему принципу. Однако собственно эстетические вопросы занимают в рецензируемой работе не так много места. Ланге очень озабочен этической и общественно-политической стороной. Он принимал большое участие в издании Вюртембергского закона о кинематографических представлениях, уделяет много внимания новому общегосударственному германскому закону о кинематографе (12 мая 1920 г.). Все эти вопросы занимают большую часть работы, специально эстетической стороне отведено всего около трети книги. Это объясняется тем, что Ланге, не отрицая за кино эстетических возможностей, не считает его искусством. Ланге относится к «реформистам», недовольным современным кинематографом, но верящим в возможность этически и эстетически его улучшить. Сам Ланге называет себя «другом кино», но «врагом кино-драмы». И враг он непримиримый: требует, чтобы кино-драма преследовалась законом и даже вовсе была запрещена. К «натурфильмам»—снимкам действительных явлений с научной, педагогической или даже эстетической точки зрения—Ланге относится с безусловным сочувствием.

Так как кинематограф—не искусство, то для автора невозможно отделить его эстетическое значение от этического. Ланге и начинает с этического отдела. Протест против эксцессов кинематографа в Германии охватил широкие круги, и даже ряд юношеских организаций выражал свое возмущение, при чем не ограничивался моральным воздействием, а прерывал представления и разносил в клочья кинематографический инвентарь. Ланге собирает довольно

много материала, чтобы составить обвинение кинематографа и с интеллектуальной, и с гигиенической, и с этической точки зрения. Однако вся предосудительность содержания кинематографических лент не должна бы собственно волновать Ланге. В эстетике он защищает теорию «дополнения»: искусство дополняет жизнь, в нем мы переживаем чувства, которые в жизни для нас недоступны. Сюда включаются и чувства, доставляемые преступлением и недостижимой в жизни эротической свободой. Но это дополнение может иметь место лишь при условии сознавания нереальности, иллюзорности. А кинематограф дает все в грубой форме фотографированной действительности. При решении вопроса об эстетическом смысле кино, Ланге исходит из определения его, как «движущейся фотографии». Фотография не искусство, потому что в ней не отражается художественная личность, нет личного стиля, а есть лишь зарегистрированная действительность. Движущаяся фотография тем менее искусство, ибо действительное воспроизведение движения еще более приближает ее к реальности, лишая нужных «нарушающих иллюзию моментов»—лишая сознательности в самообмане (стр. 63). Стремление кино совсем приблизиться к природе, соединившись с граммофоном и раскрасившись хроматическими цветами, Ланге считает пагубным. В результате будет сама действительность без всяких нарушающих иллюзию моментов. И она столь же мало будет искусством, сколь зеркальное отражение действительного предмета (71). В таком виде кино может быть приемлемо лишь для грубо натуралистической эстетики. Если кино хочет уподобиться искусству, то оно прежде всего должно озаботиться выработкой своего собственного стиля. Это означает, что «его формы должны развиться из условий его техники» (79). Эти условия в кинематографе следующие: отсутствие слова, изображение чувства и хода действия лишь в видимом движении, наличность одних зрительных впечатлений. Вследствие этого кинематограф должен отказаться от сложных тем психологической и социальной драмы, которые могут быть понятны и художественны только в связи со словом.

На всех этих основаниях и строится позитивный идеал будущего кино. В настоящем же своем состоянии кино вызывает мало сочувствия у Ланге. Как будто весь кинематограф в целом он склонен отнести лишь к области цивилизации, а не культуры. «До открытия Эдиссона европейская культура стояла, наверное, выше, чем после него» (стр. 325). Современный кинематограф нечто вредное. Между тем его власть делается все больше и больше: доходит до самоубийств из-за запрещения его посещать. А что получает зритель? Порчу глаз и интеллектуальное и этическое загрубение. С этим необходимо бороться. Ланге перебирает все возможные средства: цензуру, налоги, законодательное упорядочение кино. Цензуры автор требует самой свирепой и с сочувствием цитирует цензурные строгости Англии и некоторых штатов Северной Америки, причем щепетильность последних, повидимому, его самого удивляет: в Пенсильвании запрещено изображать даже дам, «чрезмерно или демонстративно курящих». Однако никакая придирчивость не кажется Ланге достаточной. Ни налоги, ни законы, ни цензура не могут поднять всю кинематографическую промышленность на более высокий уровень. Это может сделать лишь коммунализация всех кино и социализация всей промышленности (243). Замечательно, что политика кино-капиталистов с их единственным критерием—наживой—заставила Ланге еще до революции предложить этот путь для реформирования кино. И теперь Ланге остается на прежней точке зрения, и в этом отношении, как сам отмечает, согласен с Кларой Цеткин, от которой политически он стоит так же далеко, как «небо от земли» (127 стр.).

Рассматриваемая книга заслуживает внимания, как серьезная попытка всесторонне оценить культурно-эстетическое значение кино. Она дает обстоятельное знакомство с работой «реформистов» в Германии. Кроме того, она чрезвычайно знаменательна своим появлением, показывая, что уж эстетика научного и философского порядка вынуждена считаться с кинематографом. К достоинствам

работы следует отнести знание автором фильм и еще в большей степени—знание кинематографической литературы. Хотя путь социализации кинематографа нами уже пройден, однако многие практические указания относительно организации промышленности имеют и для нас значение. На страницах, посвященных закону о кинематографических представлениях, можно найти достаточно поучительного. В книге много отдельных ценных и подчас оригинальных замечаний, как, например, относительно необходимости, эстетически градуировать черно-белый ряд снимаемых предметов, раз хроматические цвета не могут быть переданы. Несомненным недостатком является многословность и утомительные повторения.

Что касается до принципиальной стороны, то сейчас можно не затрагивать правильности или неправильности теории сознательного самообмана, ибо не она сыграла решающую роль для оценки кинематографа. Правда, удивительное понимание автором признаков истинного искусства, как нарушающих иллюзию моментов приводит к таким, напр., утверждениям, что изображение движения на фотографии художественнее, чем в кино, ибо в кино движение реально (с этой точки зрения изображение неподвижных предметов в кинематографе более художественно, чем на фотографии). Однако существо дела зависит от характеристики кино-искусства. Здесь уже самая постановка вопроса неправильна. Искусство ли движущаяся фотография? Это все равно, что спросить: искусство ли обтесанный мрамор? Вопрос заключается в том, может ли из движущейся фотографии быть создано произведение искусства? Тогда Ланге не испугало бы приближение к действительности, природность самого материала; ведь театру не мешает быть искусством то, что там играют живые, настоящие люди. Весь вопрос в том, создается ли из снимков действительности такое целое, которое имеет неисчерпываемое составными частями значение? Сам Ланге указывает на оригинальные эстетические моменты в трюковой ленте и сказочных постановках. Он только забывает эстетическое значение ритма ленты,—ритма, который отнюдь не может быть приравнен к снимкам ритмованных движений или к сокращенному масштабу времени в фильме. Примитивность изобразительных средств не предрекает безусловно примитивности содержания. Чуть не все зависит от таланта того, кто будет пользоваться этими средствами. Поэтому можно надеяться, что приговор Ланге не окончателен. Если «Принцесса устриц» заставила его уверовать, что на кино лежит миссия восстановить эстетическую честь карикатуры, как элемента стиля (105 стр.), то хорошая драматическая фильма, можно ждать, переменит его мнение о кино-драме.

С. Беляева-Экземплярская.

СССР.

Институт В. И. Ленина.

▫ В конце января Институт выпускает III «Ленинский Сборник», в который вошел ряд интереснейших материалов, писем и других публикаций. Из архивных материалов отмечаем относящуюся к эпохе «Искры» и «Зари»—переписку редакции «Искры» и «Зари» в 1900—1902 г. г., включающую письма *Ленина*, *Плеханова*, *Аксельрода*, *Мартова*—всего свыше 100 писем. К этой же эпохе относятся публикуемые в сборнике рукописи *В. И. Ленина*: предисловие к брошюре «Майские дни в Харькове» и «Аграрная программа русской социал-демократии»—первоначальный текст с замечаниями автора, *Г. В. Плеханова*, *П. Б. Аксельрода*, *В. И. Засулич*, *Ю. О. Мартова*. Материалы из этой эпохи публикуются с введением *Л. Б. Каменева* и со статьей *Н. К. Крупской* «1901—1902 г.г.».

Большой интерес представляют публикуемые с предисловием т. *И. Товстухи* тезисы, письма, наброски *В. И. Ленина* 1913—1916—1919 г.г., относящиеся к национальному вопросу и написанные в Кракове, Берне и Москве. Из других материалов отмечаем, публикуемые под редакцией и с примечаниями *Л. Б. Каменева*: Письма В. И. Ленина к Р. Люксембург, Л. Тышко, Ю. Карскому-Мархлевскому и А. М. Горькому. Представлены также в сборнике библиографический отдел и хроника Института.

Всесоюзное Совещание Пролетарских Писателей.

▫ 6 января открылось Всесоюзное Совещание Пролетарских Писателей, собравшее представителей пролетарских литературных организаций Союза. В порядке дня Совещания имеется ряд докладов: «Идеологический фронт и пролетарская литература», докладчик *И. Вардин* и содокладчик *С. Канатчиков*. «Творческие пути пролетарской литературы», доклады *Лелевича* и *Якубовского* «Рабкоры и пролетарская литература», докладчики: *Демьян Бедный*, *Ф. Раскольников* и представитель Ленинградской Ассоциации. *Ф. Гладков и Лебединский* докладывают «Быт и материальное положение пролетарской литературы». Т.т. *Нарбут*, *Безыменский* докладывают по вопросу «Издательства и пролетарская литература».

Первое заседание Совещания заслушало вступительную речь *Д. Бедного* и ряд приветствий.

Первое Московское Совещание Левого Фронта.

▫ 16 января состоялось Первое Московское Совещание Работников Искусств, выступавших под лозунгами «Лефа». На Совещании выступили с докладами *О. Брик* и *Н. Чужак*. В прениях по докладам участвовал ряд представителей различных групп «Левого Фронта». В том числе *В. Маяковский*, т.т. *Ган*, *Лавинский*, *Недоля*—последний является представителем «Юголефа»—организации Работников Искусств «Левого Фронта» в Харькове, Киеве и Одессе. Следует особо отметить выступление на Совещании т. *А. Гастева*, подвергшего резкой критике попытки бюрократической организации художников.

Выставка революционной литературы.

▫ Социологическое отделение Академии Худож. Наук, возглавляемое *Л. И. Аксельрод*, закончило работу по соби-

ранию революционной литературы. Цель этой работы—подвести итоги деятельности литературных организаций и отдельных писателей за годы революции, осветить этапы и выяснить то значение, которое имело для нашей художественной литературы выступление в искусстве новых социальных групп. Собранный материал составит предмет выставки революционной литературы, открывающейся в январе 1925 г., в двадцатую годовщину революции 1905 г., в связи с которой будет устроен ряд докладов и дискуссий по вопросам рабоче-крестьянского творчества. В организации выставки принимают участие ВАПП, «Кузница», «Твори», Всеросс. Союз. Крестьян. Писателей, «Прибой», «Радуга», коллектив им. *Неверова*, литгруппа при Институте им. *Либкнехта* и др. пролетарские литературные организации и объединения. Естественно, что в центре выставки будет стоять рабоче-крестьянское творчество. В связи с тем, что эта работа—первая из больших работ социологического отделения этого года, которая получит свое показательное выражение, следует отметить доклад *Г. А. Санникова*. В докладе была прослежена жизнь пролетарских литературных организаций с 1917 до 1924 г. При обсуждении выяснились вопросы о комфутуризме и революционном реализме, о создании материалистической эстетики и др. К весне 1925 г. социологическое отделение организует ряд дискуссий на тему «Литература и политика», под общим руководством проф. П. С. Когана.

Московская Ассоциация Драматургов.

▫ В Московской Ассоциации Драматургов прочитаны следующие пьесы: *Новиков*, «Ярмарка», *Левидов*, «Костяк», *Файко*, «Учитель Бубус», *Бромлей*, «Король квадратной республики», *Глоба*, «Нос президента», *Зак*, «Праздник Иоргена», *Волькенштейн*, «Маски».—На очереди *Ромашев*, «Воздушный пирог», *Оленин*, «Шпана», *Глоба* и *Масс*, «Правосудие» *Бромлей*, «Тилль Уленшпигель».

▫ Австро-германское театральное издательство «Эгис» приступило к переводу и печатанию серии новейшей русской драмы. В настоящее время представителем и переводчиком издательства *Д. Уманским* подготавливается к печати ряд пьес Московской Ассоциации Драматургов, в том числе пьесы: *В. Волькенштейна*—«Паганини», перев. Гальперн; «Калики перехожие», перев. Г. Руофф; «Маски», перев. Уманского. Пьеса *А. Глобы*—«Венчание Хьюга», перев. Д. Уманского. Приняты к переводу одноактные пьесы *А. Глобы* и его же комедия «Нос президента». Пьеса *Б. Масса* — «Авантюра» переведена И. Гроссманом и Д. Уманским. Последним переведены, кроме того, пьесы «Нечаянная доблесть». Кроме пьес, Московской Ассоциацией Драматургов приняты к переводу пьесы: *Замятина* «Блоха» и «Островитяне», *Слезкина* «Пиковая дама» по Пушкину, пьесы *Евреинова* и *Новикова*.

Союз писателей.

▫ За последнее время состоялся ряд исполнительных собраний союза писателей, посвященных чтению членами союза новых произведений. Из состоявшихся в конце 1924 г., отмечаем,—вечера чтения: *Ан. Белым*—глав из нового романа «Слом», *Леонидом Леоновым* — глав из повести «Барсуки», *Всеволодом Ивановым* — рассказов и глав из романа «Северосталь», *С. Клычковым* — глав из романа «Сахарный немец».

▫ В конце октября исполнительное собрание было посвящено памяти *Вал Брюсова*, на этом собрании читали свои воспоминания о В. Я. *Л. П. Гроссман*, *Георгий Шенгели*, стихи Брюсова прочел *Б. Пастернак*.

▫ Союзом организуется библиотека, в основание которой положено книжное собрание *А. А. Андреевой* и *К. Д. Бальмонта* на 7 языках.

▫ Организуется также литературный музей. В музее предполагается собрать литературные и архивные материалы, имеющиеся в распоряжении членов союза.

▫ Подготовляется также издание словаря членов союза.

Вечера поэзии.

▭ Состоялся первый вечер поэзии современного Запада (в Академии Художественных Наук) 20 декабря, с чтением переводов из французских, немецких и итальянских поэтов наших дней: унанимистов, кубистов, дадистов, футуристов, экспрессионистов и революционных и пролетарских поэтов.

Там же 16 декабря ряд съехавшихся в Москву, по случаю конференции по краеведению, фольклористов имел в секции беседу о собирании произведений народной словесности, вступительное слово к которой сказал акад. *С. Ф. Ольденбург*. В тот же день для членов конференции был устроен этнографический концерт-лекция, где были исполнены песни русской деревни без так наз. аранжировок, а в «сыром» виде, как они действительно поются на местах. Исполнял песни недавно сорганизовавшийся крестьянский коллектив—*О.* и *М. Ковалевы* и поэты *Василий Наседкин* и *Родион Акульшин;* вступительное слово сказал проф. *Б. М. Соколов*.

Доклады.

▭ Акад. *Ф. И. Шмит* сделал три сообщения актуально-дискуссионного значения на темы «Теория стиля», «Диалектика развития искусства» и «Искусство и общественность» (17, 18 и 20 декабря). Эти три доклада задуманы в целом, как материалистическая теория истории искусств.

21 декабря состоялось чествование 80-летия со дня рождения *Репина*, с участием *А. В. Луначарского*, *В. А. Никольского* и *Н. Е. Машковцева*.

▭ В Музыкальной секции Академии исключительный интерес вызвал доклад *В. М. Беляева* о заграничной поездке. Кроме ряда сведений о музыкальной жизни за границей, докладчик подробно сообщил о концертах современных русских композиторов, организованных им в Вене, которые были первой попыткой в этом направлении за 7 лет. На двух концертах с большим успехом исполнены камерные произведения *Гр. Крейна*, *Павлова*, *Половинкина*, *Сабанеева*, *С. Фейнберга*, *Шеншина*, *Борхмана*, *Гнесина*, *Гречанинова*, *В. Ширинского*, *Мясковского*, *Евсеева*, *Александрова*, *Рославца*, *А. Крейн* и *Катуар*.

▭ В конце 1924 г. состоялись три доклада о современных достижениях полиграфической техники. Два из них — т.т. *Катловкера* и *А. Л. Вейса* о поездке за границу с целью закупки печатных машин для СССР. Оба доклада были обильно иллюстрированы чертежами машин, фотографиями и печатными произведениями Германии, Англии и Швеции. В докладах было подробно сообщено о громадных достижениях в отношении ускорения и удешевления печатания. Общее впечатление, повидимому, таково, что Запад подошел к коренной ломке печатного дела в направлении перехода от набора к фотографическому печатанию. Третий доклад—*К. С. Вахрамеева*, 18 декабря, был посвящен современным русским изобретателям полихромной печати.

Дом Печати.

▭ К началу 1925 года «Дом Печати» окончательно реорганизовался в Центральный Профессиональный Клуб Работников Печати. В течение ноября и декабря при «Доме Печати» начал работать ряд кружков, библиотека-читальня и др. По мере развития работы при «Доме Печати» создаются секции, объединяющие и массовую и кружковую работу. На ближайшее время наметилось шесть секций—политическая, профессиональная, производственная, секция культуры, искусства и быта, общеобразовательная и клубно-методическая.

▭ Из ряда вечеров, докладов, лекций и диспутов, устроенных в «Доме Печати» в конце 1924 года отмечаем: вечер *В. В. Маяковского*, чтение произведений *В. Каменского*, вечер группы «Октябрь». Состоялись также собрания памяти *В. Брюсова* и *Анатоля Франса*. Из литературных дискуссий отмечаем состоявшееся собеседование «О героях «Конармии» *Бабеля*. В дискуссии, состоявшейся под председательством *В. Ц. Полонского*, участвовали представители

большинства литературных групп и течений, ряд писателей критиков и журналистов. Из других дискуссий, состоявшихся в «Доме Печати», отмечаем собеседования о советских сатирических журналах, в которых принимали участие *Иванов-Грамен, Галицкий, Саянский, Глебов, Урицкий, Том* и др.

Маяковским была прочитана поэма «Ленин». По окончании чтения состоялось собеседование. В выступлении группы «Октябрь» участвовали: *А. Безыменский, А. Жаров, Колосов, Доронин* и др. На вечере памяти *Анатоля Франса* выступали *А. Луначарский*, французский поэт *Лакост, Г. Лелевичи* др.

Отмечаем также доклады о заграничном книжном производстве т. т. *И. Ионова* и *Конара*.

Выставка советской карикатуры в Париже.

Редактор парижского журнала «Новая Европа» («L'Europe Nouvelle») передал в Наркомпрос предложение французской художественной группы «Паук» («L'araignée») устроить в Париже выставку советской карикатуры (рисунка и графики). Предложение принято, и 15 декабря с. г. Научно-художественная секция Гус'а утвердила положение о выставке, которое и было санкционировано коллегией Наркомпроса. ИЗО Гус'а выработало список художников, долженствующих принять участие в выставке, ответственная же ее организация возложена на особую комиссию Российской Академии Художественных Наук, в составе т. т. *Сидорова, Тугендхольда* и *Эттингера*, которая соединяет материалы для просмотра их особым комитетом, включающим представителей комиссии заграничной помощи при ЦИК СССР, Худож. отд. Главнауки, Гус'а Наркоминдела, ЦК, Губрабиса и партийных органов.

Выставка включает в себя рисунки и гравюры на бумаге, имеющие самостоятельную художественную ценность и являющиеся отражением современного быта и общественно-политического положения СССР—с целью ознакомления французских друзей Советской России с достижениями социально-сатирической графики РСФСР. По техническим парижским условиям, выставка может быть только небольшой (одна зала, 60—100 экспонатов).

В настоящий момент комиссия при Российск. Акад. Худож. Наук разослала приглашения художникам, привлекаемым к участию в выставке, с тем, чтобы материал был предоставлен не позже 15 января с.г. Пересылку экспонатов и их охрану берет на себя Комиссия Заграничной Помощи при ЦИК СССР.

I Всероссийский Библиографический Съезд.

В происходившем 2—8 декабря п.-г. в Москве I Всероссийском Библиографическом Съезде принимало участие свыше 200 библиографов Москвы, Ленинграда и провинций, кроме того, с правом совещательного голоса 10 представителей Белоруссии и Украины. Программа работ Съезда обнимала ряд важнейших вопросов, касавшихся теории и практики библиографического дела.

На пленуме были заслушаны и обсуждены доклады: о децимальной системе—*Б. С. Боднарского* и *Н. В. Русинова*, об унификации каталографии—*Б. С. Боднарского* и *Е. И. Шамурина*, о титульном листе—*А. И. Малеина, А. Д. Торопова* и *Е. И. Шамурина*, о создании библиографического репертуара—*Н. К. Никольского*, о координировании научно-библиографических работ различных учреждений—*М. Н. Куфаева*, о связи теоретической и практической библиографии—*Л. Н. Троповского* и ряд других.

В секциях были заслушаны доклады: *В. Б. Аршинова*—«Об издании отдельных оттисков статей из периодической печати», *Б. М. Городецкого*—«Библиографические достижения провинции в последние годы», *Н. В. Здобнова*—«Основные вопросы краевой библиографии», *А. И. Малеина*—«Библиография инкунабулов», *Н. К. Никольского*—«Об описании славяно-русских инкунабулов», *М. И. Щелкунова*—«Классификация библиологии», *Н. Ю. Ульянинского*—«Основные предпосылки к построению курса русской библиографии».

Вопросы библиографии чисто теоретические, как видно из перечня докла-

дов, не доминировали на Съезде. По докладам *Н. В. Ульянинского* и *М. И. Щелкунова* была вынесена резолюция, признавшая необходимость в интересах библиографической практики установления точной терминологии в книговедении вообще и в библиографии в частности, определения грани отдельных книжных дисциплин в интересах их системы и научного развития, всестороннего теоретического изучения вопросов книги и построения теории общего и частного книговедения.

Наибольшее внимание пленума было посвящено вопросу о децимальной системе классификации; прения о ней носили весьма оживленный характер, критика ее была очень ожесточенной, и Съезд, установив ее отсталость от современной науки и особенно советской действительности, признал необходимым ее пересмотр, создав для этого орган, с участием представителей Гус'а, Коммунистической Академии, Российской Академии Наук, Центральной Российской Книжной Палаты и др. библиографических и библиотечных учреждений. В связи с этим, Съезд постановил просить Главполитпросвет не считать применение десятичной системы единственно обязательным, лишь признав допустимым ее применение в тех библиотеках, где она в ходу; что касается индексации произведений печати в «Книжной Летописи», то Съезд признал ее необходимой, но с применением следующих условий: самым умеренным использованием определителей, помещением помимо полного индекса еще второго сокращенного, присоединением к кратким индексам предметных слов.

Столь же актуальным, как вопрос о десятичной системе, оказался вопрос о каталографии. Учитывая вред, проистекающий от отсутствия установленных правил для библиографического описания произведений печати, Съезд признал необходимым приступить к выработке проекта нормальной общероссийской инструкции по библиографическому описанию произведений печати, создав для этого при Российский Центральной Книжной Палате комиссию из специалистов с участием представителей заинтересованных ведомств и учреждений. Съезд выразил пожелание, чтобы работы Комиссии велись самым интенсивным образом, и выработанный ею проект был представлен на обсуждение ближайшего II Библиографического Съезда или Библиографической Конференции.

Привлек внимание Съезда незначительный, казалось бы, вопрос о титульном листе. Заслушав доклад о нем *А. И. Малеина* и *А. Д. Торопова*, а также доклад *Е. И. Шамурина* «О мерах к стабилизации титульного листа», Съезд признал необходимым составление и издание от имени Российской Центральной Книжной Палаты инструкции о составлении титульного листа и обложки и рассылки таковой по всем издательствам, типографиям и учреждениям; Съезд признал необходимым, чтобы Р. Ц. Кн. Палата добилась помещения на книгах данных о месте издания, издателе, типографии, выходной дате и тираже издания.

Из других постановлений и резолюций Съезда необходимо отметить принятые по докладам *М. Н. Куфаева*, и *Л. Н. Троповского*. Первая, подчеркивая вредность, с одной стороны «кустарничества», с другой стороны параллелизма в работах различных библиографических организаций и учреждений, признает необходимым скорейшее создание научно-библиографического центра, в который входили бы и с которым были бы связаны, с целью взаимной информации о деятельности, представители научно-библиографических учреждений и организаций РСФСР; резолюция указывает на желательность создания подобного же центра при Главполитпросвете для библиографии, преследующей политико-просветительные цели, и на установление связи между этими двумя центрами. Научно-библиографическим центром резолюция предлагает считать Совет Российск. Центр. Кн. Палаты, организующийся на основании ее «Положения». Резолюция по докладу *Л. Н. Троповского*, устанавливая тесную связь между библиографией научной (описательной библиографией, теорией и методологией библиографии) и практической (рекомендательной), признает необходимым создание при Наркомпросе РСФСР единого, координи-

рующего все виды библиографической работы, центра.

Как приведенные, так и остальные резолюции Съезда по заслушанным на нем докладам свидетельствуют, что российская библиография выросла в дело большой научной и общественной важности, что без правильной, организованной его постановки не могут обойтись ни наука, ни просвещение широких масс населения Республики. Не по всем поставленным на Съезде вопросам были вынесены определенные решения, но уже то обстоятельство, что все волнующие и библиографов и библиотечных работников вопросы были на Съезде поставлены,—большое достижение для российской библиографии.

«Труды Съезда», которые он признал необходимым издать в кратчайший срок, послужат отправной базой для последующей работы библиографической мысли, работы, которая окристаллизуется в решениях уже следующего II Всероссийского или, быть может, I Всесоюзного Библиографического Съезда.

НА ЗАПАДЕ.

ГЕРМАНИЯ И АВСТРИЯ.

Художественная литература.

▫ В изд. S. Fischer вышли три новых романа известных немецких писателей: *Якова Вассермана*—«Faber oder die verlorenen Jahre». Роман этот, трактующий послевоенные проблемы, является четвертым томом в серии под общим заголовком «Der Wendekreis». Предыдущие томы этой серии—сборники рассказов «Der unbekannte Gast» и «Oberlins drei Stufen» и роман «Ulrike Woytich»; *Гергардта Гауптмана*—«Die Insel der grossen Mutter oder das Wunder von Isle des Dames», роман представляет собой сатирическую утопию; *Томаса Манна*—«Der Zauberberg» роман в 2 томах.

▫ Из числа вышедших за последнее время романов и рассказов отметим кроме того: Aage Madelung «Das unsterbliche Wild» (изд. S. Fischer, Берлин). Книга содержит ряд охотничьих рассказов из жизни животных. Поэтесса Irene Forbes-Mosse, известный автор многочисленных рассказов, опубликовала недавно первый свой роман «Gabriele Alweyden» (изд. Deutsche Verlagsanstalt). Внимание критики обращает на себя утопический роман Döblin'a «Bergen, Meeren und Giganten (изд. S. Fischer, Берлин). Вышел также новый роман R. H. Bartsch'a «Die Salige». (L. Staackmann, Берлин) и роман E. Wolzogen'a «Sem der Mitbürger» (изд. Brunnen-Verlag, Берлин).

▫ Известный австрийский писатель Emil Ertl выпустил недавно в изд. L. Staackmann повесть «Der Halbscheid», эпизод из послевоенной жизни австрийской деревни, и исторический роман времен падения Карфагена «Karthago, Kampf und Untergang».

▫ Густав Мейринк приступил к изданию (в изд. Rikola-Verlag, Вена) серии фантастических («магических») романов. Первым томом вышел роман F. Spunda «Das aegyptische Totenbuch.

▫ В ряде рецензий отмечается интересная книга рассказов Alber Daudistel'я «Die lahmen Götter», изданная в Берлине изд-вом «Die Schmiede». В книге помещены два рассказа Даудистеля, написанные им во время тюремного заключения. Автор—немецкий коммунист, участник восстания.

▫ Вышел последний дополнительный том юбилейного издания *Гергардта Гауптмана* под заглавием «Ausblicke», содержащий стихи, рассказы, драматические сцены частью опубликованные в разных периодических изданиях, частью нигде не публиковавшиеся.

▫ Вышел десятый том ежегодника Гетевского общества под редакцией M. Hecker'a (Jahrbuch der Goethe-Gesellschaft, Weimar, Verlag der Goethe-Gesellschaft).

▫ Из числа книг стихов, вышедших в этом сезоне, можно отметить следующие:

Опубликовано несколько новых книг стихов поэта R. Borchard'a. В изд. Ro-

wohlt (Берлин) вышли его «Schöpfung aus Liebe» и «Vermischte Gedichte». Заключенная в последнем томе поэма «Klage der Daphne» вышла также отдельным изданием (изд. Rowolht und Pöschel) для участников съезда библиофилов в Дармштадте. Вышла также, одновременно в изд. Rowohlt и Verlag der Bremer Presse, Дантовская Божественная Комедия в переводе *Борхарда* (3 тома).

В изд. Deutsche Verlagsanstalt вышел том стихов E. Lissauer'a «Flammen und Winde».

A. Petzold выпустил том стихов «Gesicht in den Wolken» (изд. Deutsch-Oesterreichischer Verlag).

Книга стихов Hatzfeld'a «Jugendgedichte» вышла в Rheinland-Verlag, в Кельне.

Собрание стихов Iwana Goll'a вышло в изд. «Die Schmiede» под названием «Der Eiffelturm» с иллюстрациями Delaunay и Léger. В том же изд. вышел том драматических произведений W. Hasenclever'a («Dramen»).

▫ Критика отмечает недавно вышедшую книгу стихов молодого поэта F. Schnack'a «Das blaue Geisterhaus» (изд. I. Hegenez Hellrau).

▫ В Берлинском Burgtheater с октября ставится новая пьеса *Артура Шницлера* «Komödie der Verführung». Последнее действие пьесы происходит 1 августа 1914 года, в день объявления войны. Пьеса носит обычный для Шницлера эротический характер.

▫ В Берлинском изд. «Die Schmiede» вышел новый роман *Карела Чапека* «Das Absolutum oder die Gottesfabrik».

▫ Вторым изданием в немецком переводе (изд. Interterritorialer Verlag «Renaissance» (Erdtracht). Wien — Berlin — Leipzig—New-York) вышла очень любопытная книга турчанки Chalide Edib «Das Flammenhemd». Автор, жена проф. математики, преподавательница при университете, принимала активное участие сперва в женском движении, а затем примкнула к революционному. В качестве простого солдата она вступила в ряды армии Мустафа Кемаль-паши. В книге своей она рассказывает о виденном и пережитом. (Книга переведена также на английский язык и вышла в изд. Duffield в Нью-Йорке.)

▫ В изд. K. Vowinkel вышла книга афганца Gulam Rassul Galwan'a, представляющая большой интерес. Galwan в течение многих лет служил проводником караванов научных экспедиций, и книга его заключает рассказ об этих путешествиях в обществе европейцев. Книга носит название «Als Karawanführer bei den Sahibs».

Переводы.

▫ Из числа переводных романов, появившихся за последнее время, отметим: *Клода Фарера* «Новые Люди» (Die Neuen Menschen), вышедший в изд. Interterritorialer Verlag «Renaissance», Берлин; *Ж. Дюамеля* «Полуночная исповедь» (Mitternächtliche Beichte) изд. Newa-Verlag, Берлин.

Том статей *Г. Честертона* «Was unrecht ist an der Welt» вышел в изд. Musarion-Verlag, Мюнхен. В изд. A. Langen (Мюнхен) вышло собрание сочинений *Сельмы Лагерлеф* в 10 томах. Перевод P. Kaliber.

Изд. Buchenau und Reichert (Мюнхен) приступило к 12-томному изданию произведений шотландского писателя *Р. Л. Стивенсона*. Перевод M. и K. Thesing. Пока вышли 4 тома. Musarion-Verlag (Мюнхен) издает собрание сочинений *Диккенса* в переводе Густава Мейринка. К новому году вышло четыре тома.

Переведена недавно также поэма *Эдгара Ли Мастерса* «Toten von Spoon River» (Deutscher Verlag, Мюнхен).

▫ Немецким поэтом Franz'ом Rosenzweig'ом выпущен перевод стихов старого еврейско-испанского поэта Iehuda Halevi «Sechzig Hymnen und Gedichte des Iehuda Halevi» (изд. O. Wohrl. Konstanz). Критика отмечает тщательность и художественность перевода, а также ценность примечаний и вступительной и заключительной статей.

▫ Автобиография Марка Твэна, опубликованная, согласно его желанию, по истечении почти 15 лет после его смерти, вышла в немецком переводе.

Мемуары, письма.

▫ Известный журналист H. Gerlach выпустил книгу автобиографических заметок под названием «Erinnerungen eines

Junkers» (изд. Verl. der Welt am Montag), в которой описывает свое превращение из «юнкера» в политика левого толка и атеиста. Попутно *Герлах* описывает свои встречи с целым рядом выдающихся людей.

▫ В изд. E. Matthes в Мюнхене вышли мемуары Ludwig'a Schemann'a, известного переводчика немецких поэтов на французский язык, издателя переписки Шопенгауэра, биографа La garde и Cherubini. Мемуары интересны упоминаниями о многих выдающихся людях конца прошлого и начала текущего столетия.

▫ Вышли две книги писем и воспоминаний известных немецких художников. Первая «Erinnerungen» *Морица Оппенгейма*, популярного художника средины прошлого столетия, содержащая ряд интересных упоминаний о поэтах и писателях той эпохи. Изданы воспоминания внуком художника E. A. Oppenheim'ом и вышли в изд. Frankfurter Verlagsanstalt. Вторая книга заключает письма *Швинда* под редакцией O. Stoessl и вышла в изд. Bibliographisches Institut в Лейпциге.

▫ Эмиль Анрио дает в «Тан» интересные сведения о собрании неизданных писем Генриха Гейне, которые готовит к печати Фредерик Гирт, и приводит некоторые отрывки этих писем.

▫ В изд. Nikola-Verlag (Вена—Лейпциг—Мюнхен) вышел том писем датского писателя *Германа Банга* к его другу Peter'y Nansen, писанных в скитальческий период жизни Банга в конце прошлого столетия. Письма эти дают очень интересный биографический материал. Том носит название «Herman Bang. Wanderjahre».

▫ В изд. G. Müller'a вышли в 2 томах письма поэта *Ведекинда* под редакцией F. Strich.

Книги по искусству.

▫ В изд. Klinkhardt und Biermann в Лейпциге под редакцией Ernst'a Gall'a вышел первый ежегодник (за 1923 год) по истории и теории искусства (Jahrbuch für Kunstwissenschaft). В числе участников этого ежегодника Waetzoldt, Wölfflin, Wiegand, Goldschmidt, Gall, M. J. Friedländer, G. v. Lücken, H. Beenken, G. Ring, K. Gerstenberg и др. Книга интересна не только по содержанию, но и своим тщательным типографским выполнением.

▫ Известный искусствовед H. Beenken выпустил новую работу, посвященную романской скульптуре в Германии XI и XII веков. Книга эта, под заглавием «Romanische Skulptur in Deutschland», снабженная большим количеством иллюстраций, вышла в изд. Klinkhardt und Biermann (Лейпциг) в серии «Handbücher der Kunstgeschichte», редактируемой G. Biermann'ом.

▫ Отметим из ряда вышедших за последнее время несколько книг, свидетельствующих о повышенном интересе к восточному искусству.

Под редакцией G. Biermann'a вышел первый том ежегодника, посвященного искусству Азии («Jahrbuch der Asiatischen Kunst» изд. Klinkhardt und Biermann в Лейпциге. В сборнике статьи Grosse, Sarre, H. Cohn, H. Glueck и др.

Из числа более популярных изданий, снабженных большим количеством иллюстраций, упомянем C.Glaser «Ostasiatische Plastik» (B. Cassirer, Берлин) и E. Fuchs «Tangplastik» (A. Langen, Мюнхен).

▫ В средине октября в Берлине открылась ежегодная осенняя выставка Академии Искусств. Особое место (Sonderausstellung) предоставлено художникам Philipp'y Franck'y, Olaf'y Gulbransson'y, Arthur'y Kampf'y, и Edward'y Munch'y. Кроме того на выставке представлены Liebermann, Engel, Kollwitz, Zille, Baluschek, Pechstein, Dix, Kokoschka и много др. В отзывах отмечается большое количество пейзажей и портретов, что рассматривается как «возвращение к природе».

▫ В октябре в Вене состоялась выставка изданий известного лейпцигского издательства Insel-Verlag по случаю 25-летия его существования. Выставка дает любопытную картину развития книжного искусства в Германии.

▫ К исполнившемуся в конце октября 60-летию известного немецкого историка литературы и искусствоведа Oskar'a Walzel'a был издан, по установившемуся в Германии обычаю, специальный том

статей «Festschrift» под редакцией проф. J. Wahle, директора веймарского архива Гете и Шиллера, и проф. V. Klemperer'a. В сборнике приняли участие R. Unger, R. Petsch, J. H. Scholte, J. Körner, Ch. Bühler W. Worringer и много др.

▫ В изд. Propyläen-Verlag вышла богато иллюстрированная монография о Максе Либермане, составленная M. Friedländer'ом.

▫ B. Glossy и известный венский критик и историк музыки R. Haas выпустили в венском изд. A. Schroll und C⁰ сборник старых венских песен, взятых из популярных в свое время комедий. Сборник носит название «Wiener komödienlieder aus drei Jahrhunderten».

Книги по философии.

▫ За последнее время вышли след. книги по философии: В изд. Guelle und Meyer две книги: A. Riehl'a «Philosophische Studien aus vier Jahrhunderten» и «Führende Denker und Forscher». Работа C. Siegel'a «Grundprobleme der Philosophie» вышла в изд. W. Braumüller в Вене. Брошюра H. Driesch'a «Relativitätstheorie und Philosophie» (изд. G. Braun, Карлсруэ) является 14 выпуском серии Wissen und Wirken.

▫ Упомянем еще серию «Bausteine zu einer Philosophie des «Als-Ob», выходящую в изд. Rösel und C⁰ в Мюнхене. Недавно опубликованными 8 и 9 выпусками являются R. Koch «Das Als-Ob im ärztlichen Denken» и A. Wenzl «Das Verhältnis der Einsteinschen Relativitätslehre zur Philosophie der Gegenwart».

▫ Опубликована новая трехтомная работа философа H. Cohen «Jüdische Schriften», которая под редакцией B. Strauss'a и с предисловием F. Rosenzweig'a вышла в изд. Schwetschke und Sohn в Берлине. Отдельные тома носят следующие названия: I. Ethische und religiöse Grundfragen; II. Zur jüdischen Zeitgeschichte; III. Zur jüdischen Religionsphilosophie und ihrer Geschichte.

▫ Большой интерес вызвали в Германии три новые книги молодого философа-кантианца Kurt'a Sternberg'a, обратившего на себя внимание несколько лет тому назад своей книгой о Г. Гауптмане. Первые две книги—«Die politischen Theorien in ihrer geschichtlichen Entwicklung (изд. S. Selmann, Берлин) и «Staatsphilosophie (изд. Pan-Verlag, Берлин)—будучи каждая законченной работой, представляют одно целое и посвящены философии государства. В третьей книге *Штернберг* собрал и изложил взгляды Вальтера Ратенау на вопросы государства, попутно давая им критическую оценку «Walter Rathenau, der Kopf» (изд. W. Rothschild, Берлин).

▫ 15 октября в архиве имени Ницше в Веймаре состоялось чествование памяти Ницше по случаю 80-летия со дня его рождения. На чествовании, устроенном сестрой Ницше, основательницей и хранительницей архива Dr. Förster-Nitzsche, Освальд Шпенглер прочел доклад на тему «Ницше и его век».

Научные издания.

▫ Один из виднейших немецких египтологов Adolf Erman опубликовал новую работу—перевод фрагментов египетской художественной литературы, стихов, рассказов, учебников третьего и второго тысячелетия до н. эры Бóльшая часть материалов, помещенных в этом обширном (400 стр.) томе, переведена впервые и представляет собой необычайную ценность. Книга носит название «Die Literatur der Aegypter» и вышла в изд. J. C. Hinrichsche Buchhandlung в Лейпциге.

▫ В издаваемой изд. Eugen Diederichs'a в Иене серии Sagen-und Märchenbücherei вышла новая книга *Л. Фробениуса* «Dämonen des Sudan. Allerhand religiöse Verdichtungen. Zugleich Band VII der Atlantis, Volksmarchen und Volksdichtungen Afrikas».

▫ В Мюнхенском изд. I. Bergmann в серии Grundfragen des Nerven-und Seelenlebens вышла книга K. Birnbaum'a, трактующая некоторые проблемы культуры с точки зрения психопатологии. («Grundzüge der Kulturpsychopatologie»).

▫ A. Kronfeld выпустил книгу, посвященную вопросам сексуальной психопатологии, «Sexualpsychopatologie», изд. F. Deuticke, Вена.

▫ Недавно вышла любопытная книга проф. H. Krukenberg'a «Der Gesichtsaus-

druck des Menschen» (изд. E. Fnke, Штуттгарт), в которой автор с научной точки зрения рассматривает «человеческое лицо», выразительность и причины многообразия выразительности с биологической точки зрения. Книга снабжена 300 интересными фотографиями-портретами и представляет, по словам рецензента, ценный вклад в биологию.

▫ Философским основам теории вероятностей посвящена книга E. Czuber'a «Die philosophischen Grundlagen der Wahrscheinlichkeitsrechnung», вышедшая в изд. B. G. Teubner (Лейпциг).

▫ Очень интересный коллективный популярный медицинский труд—справочник для не-специалиста издает под редакцией H. Meng и д-р K. A. Fiessler изд. Wagnersche Verlagsanstalt в Штуттгарте (A. Bippl). Работа ставит себе целью дать в доступной форме последние данные медицины, сведения о профессиональной гигиене, социальном страховании, судебной медицине, руководства к составлению домашней аптеки, подаче первой помощи и т. п. В составлении этой работы принимал участие ряд врачей всех национальностей, в том числе и русские, и всех медицинских школ. Несмотря на разнообразие материала, книга сохранила единство благодаря удачной распланировке. Пока вышел лишь первый том, снабженный таблицами и иллюстрациями (около 200). Общее заглавие этой работы «Das ärztliche Volksbuch».

▫ Изд. Gebrüder Borntträger (Берлин) приступило к изданию серии книг по физической геологии под названием «Sammlug geophysikalischer Schriften» и под редакцией C. Mainka. Mainka же принадлежит первый выпуск, посвященный физическим законам землетрясений «Physik der Erdbebenwellen».

Книги по общественным вопросам.

▫ К 70-летию К. Каутского друзьями его выпущена книга статей под названием «Der lebendige Marxismus». В числе участников — Макс Адлер, Отто Бауэр, А. Брауналь и др. Книга подразделена на четыре отдела (всего свыше 600 стр.): 1) К экономической теории послевоенного времени; 2) Путь к социализации; 3) Политика и История; 4) Новое в историческом материализме. (Thüringer Verl.-Anstalt und Druckerei. Иена.)

▫ В изд. C. A. Schwetschke вышла биография Масарика, составленная I. Armes («Massaryk»).

▫ Недавно вышли три книги, посвященные погибшему на войне лидеру южно-немецких (баденских) соц.-дем. Ludwig'y Frank'y. Первые две, содержащие статьи, речи и письма Франка, вышли под редакцией и со вступительными статьями H. Wachenhem в изд. Verl. für Socialwissenschaft (в Берлине) «Ludwig Frank Aufsätze, Reden und Briefe» и «Ludwig Frank — ein Vorbild der deutschen Arbeiterjugend». Третья книга—биография Франка, составленная S. Grunbaum'ом, вышла в изд. Unterbadische Verlagsanst. в Гейдельберге («Ludwig Frank. Ein Beitrag zur Entwickelung der deutschen Sozialdemokratie»).

▫ Небольшую работу, характеризующую условия женского труда в Германии, выпустила A. Geyer в изд. Thüringer Verlagsanstalt und Druckerei (Иена).

▫ В Берлине вышла книга статей ряда авторов, освещающая экономическое положение Германии и Франции в 1923—1924 г.г. В сборнике, озаглавленном «Deutschland und Frankreich—ihre Wirtschaft und ihre Politik 1923—24» принимают участие Brentano, Delaisi, Cohen, Sastroh, Landsberg, Lemercier, Renaudelt, Wissel и мн. др. (Herausgegeben von Kuszynski. Berlin 1924).

ROSSICA.

▫ Недавно в изд. Bibliographisches Institut в Лейпциге вышла история русской литературы, составленная A. Luther'ом (Geschichte der russischen Literatur). Автор поставил себе целью показать последовательное развитие русской литературы и дать иностранному читателю цельную картину роста и условий существования нашей литературы. Недостаток в такой книге сильно ощущался в Германии за последнее время ввиду огромного количества переводов с русского. Большинство до сих пор появившихся историко-литературных исследований относилось к отдельным ли-

цам и эпохам, и потому книга *Лютера* встречена читающей публикой с большим интересом. Книга снабжена большим количеством иллюстраций (портретов, факсимиле, оригинальных рисунков и пр.).

▫ Число переводов с русского в Германии непрерывно увеличивается. Перечислим вышедшие в течение этой осени новые переводы и переиздания.

▫ В мюнхенском изд. Allgemeine Verlagsanstalt вышли на немецком языке «Аэлита» («Aëlita, ein Marsroman») *Алексея Толстого* и «Tut-ench-amon auf Kreta» Д. *Мережковского*. Оба перевода выполнены А. Элиасбергом.

▫ В мюнхенском же изд. A. Langen вышли в двух томах избранные повести *Гоголя*, в которые вошли: первая часть «Мертвых Душ», «Ревизор» (под странным заглавием «Der Revident»), «Нос», «Шинель», «Портрет», «Вий», «Страшная месть», «Ночь под Рождество», «Тарас Бульба» и некоторые др. Перевод выполнен Korfiz Holm'ом.

▫ В изд. Art. Institut Orell Füssli в Цюрихе вышел перевод произведения *Л. Толстого* «Ein Schicksall, erzählt von einer russischen Bäuerin. Durchgesehen und verbessert von Leo Tolstoi» Перевод этой вещи на английский язык нами уже отмечался.

▫ Изд. B. Cassirer в Берлине выпустило новый дополнительный том к изданному им собранию сочинений *Толстого*. В томе этом заключается «Детство, отрочество и юность», а также «Первые воспоминания» (из автобиографических заметок).

▫ Отдельным изданием выпущена изд-вом I. Kösel и F. Pustet (Regensburg) «Метель» *Пушкина*, носящая в переводе название «Die Hochzeit im Schneesturm».

▫ Мюнхенское издательство Buchenau und Reicher только что выпустило двухтомное собрание повестей и рассказов А. С. Пушкина в немецком переводе, которое по полноте своей должно быть признано первым в этом роде среди многочисленных немецких изданий Пушкина.

В первый том издания вошли: «Повести Белкина», «Пиковая дама», «Кирджали,» «Арап Петра Великого», «История села Горохина», «Рославлев», «Египетские ночи» со всеми четырьмя повторительными отрывками, все эпические и драматические фрагменты прозой. Второй том целиком заполнен «Дубровским» и «Капитанской дочкой». В дальнейшем издательство намерено выпустить еще письма Пушкина, его дневники и заметки и «Путешествие в Арзерум», чтобы таким образом дать немецкому читателю действительно полное собрание пушкинской прозы, исключив из него лишь чисто исторические произведения.

▫ Для полноты должно еще указать, что «Пиковая дама», в переводе Феги Фриш, уже раньше появилась в том же издательстве в отдельном иллюстрированном издании, украшенном 24 автолитографиями Курта Верт. Этот томик составлял седьмой выпуск серии так называемых «Фантазус-Друкке», в которой, впоследствии из русских сочинений, вышли «Игрок» *Достоевского*, с иллюстрациями Отомара Штарке, и в текущем году гоголевский «Ревизор», иллюстрированный художником Лео Пазетти. Оба иллюстратора отмечались в нашем журнале (1924 г.).

▫ В изд. Ладыжникова в Берлине вышли на немецком языке воспоминания *Горького* «Erlebnisse und Begegnungen». Книга *Горького* «Фома Гордеев» в переводе E. Boehme опубликована изд. K. Wolf в Мюнхене.

▫ Роман *Мережковского* «Петр и Алексей» вышел в Мюнхене в изд. Piper und C⁰. Перевод А. Элиасберга.

▫ Роман *Мариэтты Шагинян* «Приключения дамы из общества» вышел в переводе M. Einstein в изд. Malik-Verlag (Берлин) под заглавием «Abenteuer einer Dame».

▫ В «Frankfurter Zeitung» д-р A. v. Löwis of Menar дал целый ряд переводов из «Козьмы Пруткова». Эти впервые появившиеся переводы встречены с большим интересом.

▫ В литературном приложении к венской газете «Neue Freie Presse» от 19 октября напечатаны два рассказа *Чехова*: «Женщина без предрассудков» и «Хитрец». Оба рассказа входят в собрание рассказов Чехова, в скором времени выходящее в изд. «Rhombus».

▫ В издаваемой мюнхенским изд. Allgemeine Verl. Anstalt популярной се-

рии «Die Groschenbücher» вышел под № 9 рассказ *Лескова* «Запечатленный ангел» (Der versiegelte Engel).

▫ В серии Insel-Bücherei, выпускаемой Лейпцигским изд. Insel-Verlag вышли следующие переводы с русского: № 365 *Достоевский* «Aus dem Leben des Staretz Sosima» и № 369 *Боборыкин* «Am Herde».

▫ Изд. R. Piper und C°, приступившее к опубликованию на немецком языке неизданных материалов Ф. Достоевского, выпустило каталог, иллюстрированный рядом факсимиле Достоевского. Репродукция одной из этих иллюстраций в сопровождении небольшой заметки помещена в «Berliner Tageblatt» от 30 ноября.

▫ Книга *Льва Шестова* «Достоевский и Ницше» вышла в изд. Markan-Verlag в Кельне.

▫ Книга *Лукомского* о русском фарфоре (Russisches Porzellan) вышла в Берлине в изд. E. Wasmuth.

▫ Лейпцигское издательство Госсе и Боккер заканчивает этой зимой выпуск 18-томного собрания сочинений Достоевского и трехтомного Максима Горького.

Издательство «Малик» в Берлине выпускает «Мемуары террористки» Веры Фигнер.

▫ Намечены к изданию в ближайшем будущем «Русский кризис» К. Крамаржа, «Das Phenomen Dostojewscy's» Карла Нетцеля, в изд-ве «Сибиллы», Дрезден.

▫ Издательство Вильгельма Река выпустило диссертацию Карла Фусса «Untersuchungen über Alexander Puschkin als Politiker und Historiker».

▫ Литературный отдел народного драматического театра (организация Volksbühne) издал в серии общедоступных книг о театре брошюру Артура Голитчера «Театр в революционной России».

▫ В изд. Frommannsche Buchhandlung W. Biedermann в Иене вышла книга H. Rimscha «Der russische Bürgerkrieg und die Emigration 1917—1921», в которой автор пытается осветить роль эмиграции. В связи с этой книгой на ту же тему в воскресном приложении к «Deutsche Allgemeine Zeitung» «Welt und Werk» от 26 октября помещена статья K. Notzel'a, автора книги «Die soziale Bewegung in Russland» (изд. Deutsche Verlagsanstalt). Статья носит заглавие «Die russische Emigration».

▫ Отчет процесса Савинкова с комментариями К. Радека вышел на немецком языке в изд. Neuer Deutscher Verlag в Берлине «Der Prozess gegen Sawinkow».

▫ Книга П. Аршинова «История махновщины» (?) выпущена берлинским изд. «Der freie Arbeiter» в переводе W. Hold'a с предисловием Волина.

▫ В переводе на немецкий язык вышел еще до появления его на русском первый том исследования Сибири, *проф. В. К. Арсеньева*. Критика отмечает необычайное богатство собранных этнологических, геологических и пр. данных, могущих лечь в основу изучения Сибири. Предисловие к немецкому переводу, носящему название «In der Wildnis Ostsibiriens», написано *Фритиофом Нансеном*.

▫ Alfred Nawrath выпустил книгу «Im Reiche des Medea», в которой описывает свое путешествие по Кавказу уже после революции. Книга снабжена 86 иллюстрациями и вышла в изд. Brockhaus'a.

▫ В ряде номеров немецких периодических изданий помещены следующие статьи о России, русской литературе и искусстве: Эрнста Фридрихса «Гете и Толстой» в «Königsberger Hartungsche Zeitung» № 373; «Последний год жизни Толстого», по дневникам А. Гольденвейзера в «Frankfurter Zeitung», № 650; «Бегство Л. Н. Толстого» Франца Фарга в «Basler Nachrichten», № 34; «Горький и Ленин» Р. Мюллера в «Prager Presse», № 34; в октябрьском номере ежемесячника «Die Literatur» находится обстоятельное «Русское письмо» Владимира Астрова с изложением судьбы эмигрантских издательств и краткой характеристикой русской литературы за последние годы. В выходящем в том же издательстве ежемесячнике «Die Musik» помещена статья бывшего московского музыкального критика и музыкального писателя Оскара Риземана «Новые материалы к биографии Чайковского», написанная на основании появившихся в 1920 году в сборнике «Из прошлого русской музыки» воспоминаний Н. Д. Кашкина, касающихся женитьбы творца «Патетической симфонии».

▫ В опубликованном списке лекций, читаемых в германских, австрийских и швейцарских высших учебных заведениях, указаны следующие лекции о России и русской литературе: в Базельском университете—профессора Малера: «О Тургеневе и жизни и творчестве Достоевского»; в Бреславле—проф. Грюнталя: «Русская литература в XIX столетии»; в Фрейбурге—проф. Глезера о «Борисе Годунове» Пушкина; в Грейфсвальде—проф. Брюске: «Обломов» Гончарова; в Гамбурге--Проппер (на русском языке): «Из истории русского романа» и проф. Саломон: «О Достоевском и его времени»; в Гейдельберге — проф. Эренберга: «О Шекспире, Гете и Достоевском» и Бубнова: о Достоевском; в Киле—проф. Келлера: «Русская народная поэзия» и о «Борисе Годунове» Пушкина; в Лейпциге—проф. Базлера: «История древней русской литературы от ее начала до XVIII века» и «Пояснения к произведениям русских поэтов XIX века»; в Мюнхене—проф. Босслера «Материалы к истории русской литературы», «Пушкин и его время», проф. Гюльденштубе «О повестях Лескова».

▫ В последних номерах иностранных периодических изданий помещены следующие статьи о России, русской литературе и искусстве: Мартин Рэль: «Ницше и Достоевский» в Berl. Börsen-Zeitung Kunstbeilage № 487; П. Шутяков: «Новейшая литература в сов. России», Kölnische Zeitung. Literarische Beilage № 768; Иосиф Мельник. «Голос о А. С. Пушкине» в Berliner Börsen-Kurier № 479, М Шварц: «Достоевский, как религиозный мыслитель» в Frankfurter Zeitung № 761; отрывки из дневника Анны Достоевской помещены в Berliner Tageblatt № 498; Тим Клейн: «Дм. Мережковский» в Münchener Neuester Nachrichten, № 286; Петр Пильский: «Валерий Брюсов» в Prager Presse Dichtung № 42; А. Ефимов: «Валерий Брюсов» в Berl. Börsen-Kourier № 489; Яков Гандшин: «Об одной биографии А. К. Глазунова и воспоминаниях о Листе» в Schweizerische Musikzeitung № 22 и 23; Виктор Беляев: «Русская симфоническая музыка и симфония Мясковского» в The Chesterian № 41; Horace Shipp: «Павлова и русский балет» в The Sackbuth, № V, 3; А. Н. Римский-Корсаков: «Музыкальная жизнь в сов. России», там же № V, 3; Иван Вышнеградский: «Четвертитонная музыка» в La Revue Musicale, № 11; в декабрьской книге Die Musik помещена статья русского артиста Иосифа Яссера (в переводе Анны Эль-Тур): «Ритмическая структура китайской мелодии»; в № 47 Allgemeine Musikzeitung находим статью Р. В. Э. «Опера в сов. России», Ноябрьская книга издающегося в Праге на немецком языке журнала «Der Auftakt» посвящена почти полностью жизни и творчеству Игоря Стравинского; Карл С. Унес, А. Эйнштейн, Э. Хорнбостель, Г. Шнорю, В. Чупик и Эрвин Шульгоф анализируют в своих статьях творчество Стравинского и стремятся осветить его музыку, как продукт и отражение эпохи 1905—1924 годов.

СЛОВАРИ, СПРАВОЧНИКИ, РАЗНОЕ.

Нобелевские премии.

▫ В ноябре состоялось присуждение нобелевских премий за 1924 г.

По медицине премия присуждена проф. Лейденского ун-та Wilem'y Einthoven'y, изобретателю электрокардиографии (Electrokardiographie),— способа графически изображать при помощи очень тонкого гальванометра электрические волны, образующиеся деятельностью сердца; первая работа проф. Эйнтговена — «Ueber die Form des menschlichen Elektrokardiogramms» вышла в 1895 году.

Премия по химии и физике за 1924 г. предоставлена не будет.

Литературную премию получил польский писатель Владислав Реймонт, за 4-томный роман из жизни польского крестьянства «Мужики». Роман этот был написан в 1904 году и переведен на несколько европейских языков. Из других его романов пользуется популярностью «Комедиантка» (1896), «Дрожжи» (1897) «Обетованная земля» (1898).

▫ В изд. L. Friederichsen und C⁰ в Гамбурге вышел первый полный немецко-китайский словарь, составленный W. Rüdenberg'ом. Словарь заключает перевод 6.400 китайских знаков, и отличительной его чертой является большое количество новых, современных ки-

тайских слов, недавно укоренившихся в китайской печати, преимущественно в газетах.

▫ Léon Freich выпускает в издании G. Grés в Париже серию любопытных альманахов, в которых приводит выдержки и содержание всех статей, заметок, сообщений, относящихся к литературе и появляющихся в европейской, преимущественно французской прессе. Альманах выходит четыре раза в год, и каждый том содержит свыше тысячи страниц. До сих пор вышли два тома, представляющие собой отличные справочники.

▫ Любопытные данные дает библиография переводов с немецкого на английский язык, составленная проф. Bayard Guiney Morgan («Bibliography of German Literature in Englisch Translation» 16-й том серии University of Wisconsin Studies in Language and Literature, выходящей в Madison). Библиография охватывает период, начиная с XVI века и кончая 1917 г. и содержит свыше 6.500 номеров. Книга дает также ряд статистических обобщений.

▫ Секретарь аргентинской Академии Наук д-р Enrique Sparn выпустил работу о всех мировых библиотеках, имеющих свыше 50.000 томов, при чем рассматривает библиотечное дело с историко-культурной точки зрения. Книга снабжена большим количеством таблиц и карт и дает исчерпывающую картину роста библиотек в отдельных странах и эпохах.

(«Las Bibliotecas con 50.000 y mas Volumenes y su Distribucion Geografica sobre la Tierra Una Contribucion a la geografia general de la Cultura». Cordoba 1924).

▫ Чешские газеты сообщают о скором выходе в свет книги воспоминаний Массарика «Мировая революция» во время войны и в войне 1914—1918 г. г. Книга выходит одновременно на чешском, немецком, английском языках в Праге. Автор посвящает ряд глав русской революции (Февральской и Октябрьской), революции в Германии и т. д.

▫ 22 ноября в возрасте 60 лет умер голландский писатель Hermann Hejermans. В период расцвета натурализма пьесы Гейерманса пользовались большим успехом. Последнее время Г. руководил театром в Амстердаме. Г., благодаря своему левому политическому настроению, стоял в оппозиции к голландскому обществу, которое его бойкотировало, и мог существовать лишь помощью друзей.

▫ Известный датский писатель Иоганес Иенсен предпослал недавно появившемуся популярному изданию своих произведений следующую своеобразную автобиографию:

«Темный, очевидно вендийского происхождения. Со стороны отца связи со всеми ютскими, северными, англосаксонскими, готскими традициями; кровью матери связан с монголо-малайским, азиатским и индийским миром инстинктов. Историко-литературная платформа: разрыв с царившим в конце девятнадцатого века гальским направлением, обращение под влиянием англо-саксонского вкуса и стиля далеко назад к северным мотивам—расширение горизонта как в географическом отношении, так и в области биологии и истории. Жизнепонимание раз навсегда определено Дарвиным: эволюция. Духовная родина: Род и Время».

ИЗ АМЕРИКАНСКИХ ИЗДАНИЙ.

▫ Интересную картину литературной жизни Америки конца прошлого столетия дает книга L. F. Tooker'a: «The joys and tribulations of an Editor». Автор в течение 40 лет был одним из редакторов «The Century Magazine», в свое время передового органа, в котором печатались все молодые художники. История этого журнала и служит основной темой книги (изд. The Century C⁰, Нью Йорк).

▫ Интересный роман, дающий жуткую картину жизни негров в Южных Штатах С.-А. С. Ш., вышел недавно в изд. A. Knopf. Автор W. F. White, сам негр, взял центральной фигурой романа негра-интеллигента, врача, борющегося как с косностью своих соплеменников, так и с ненавистью белых, жертвой которой он в конце концов становится.

▫ В изд. Century C⁰ вышла новая книга Конрада Берковичи, которая называется «Вокруг Света в Нью-Йорке»

(«Around the world in New-York»). В книге этой Берковичи рисует жизнь иностранцев, живущих в Нью-Йорке, группируя их по национальностям. Б. удалось дать живую картину положения иностранцев в Америке, социальных условий их существования и взаимоотношений с американцами.

▫ В ноябрьском номере журнала «The Century Magazine» помещены воспоминания о Катерине Менсфильд A. R. Orage, ее издателя. В воспоминаниях приводится целый ряд бесед с писательницей незадолго до ее смерти. К. Менсфильд переживала в то время большой перелом в своем творчестве и потому беседы эти представляют большой интерес.

▫ Вышел первый том перевода романа Владислава Реймонта «Мужики», который в четырех томах издается изд. A. Knopf. Первый том носит название «Autumn»

▫ Из романов, вышедших в течение осени, отметим:

«Unity» I. D. Beresford'a (изд. Bobbs-Merrill C⁰); «The crooked Mile» молодого писателя B. de Voto (изд. Minton, Balch).

«The dark Cloud T. Boyd'a (Scribner's Sons) роман из жизни на Миссисипи; «Tappan's Burro» Z. Grey (изд. Harpen). Первый том рассказов автора ряда популярных романов.

▫ В изд. Boni and Liveright вышла новая работа по истории религии R. H. Lowie «Primitive Religion». В своей книге Lowie рассматривает национальные и психологические основы религии и полемизирует с европейскими учеными Tylor'ом, Frazer'ом и Durkheim'ом.

▫ Кризис буржуазного парламентаризма все обостряется, и все увеличивающийся в связи с этим абсентеизм при выборах привлекает к себе серьезное внимание. Этому вопросу посвящена книга Ch. E. Merrian'a и H. F. Coswell'a, вышедшая недавно в изд. Чикагского ун-та («Non-voting, causes and methods of control»). Интересны приводимые в книге статистические данные о социальных условиях, вызывающих абсентеизм.

▫ Вышел новый том статей известного американского критика A. Burrell'a: «More Obiter Dicta» (изд. Scribner's Sons).

▫ В изд. Harper and Brothers вышла посмертная автобиография *Марка Твэна*, чрезвычайно интересная как по содержанию, так и по форме. Твэн писал свою биографию в течение многих лет не ведя систематического рассказа, а записывая лишь то, что ему вспоминалось. С 1906 года записи эти регулярно, почти ежедневно, диктовались стенографу. Марк Твэн распорядился об опубликовании биографии лишь по истечении известного числа лет после его смерти и надеялся, что автобиография его «будет служить образцом в течение многих столетий». Автобиография занимает два тома и снабжена вступительной статьей друга и биографа Твэна A. B. Paine («Mark Twain's Autobiography»).

СПИСОК КНИГ, ПОЛУЧЕННЫХ РЕДАКЦИЕЙ ДЛЯ ОТЗЫВА.

Государственное издательство Москва — Ленинград.

И. Наумов.—В дни Октября.

Как не нужно писать историю Октября. По поводу книги т. Троцкого «1917 год».

З. Лилина.—Советская власть и трудящиеся женщины.

З. Лилина.—Красный календарь в трудовой школе. Методические статьи, инструктивный материал и библиография.

З. Лилина.—Школа и трудовое население

З. Лилина.—Педагогические методы Ленина.

П. Лисовский.—Ленин в свете иностранной печати.

Проф. Е. Николаи. — Лекции по теоретической механике. Ч. III. Вып. I. Динамика.

И. Мушкетов.—Физическая геология. Т. I. Общее свойство и состав земли. Вулканизм, тектоника, землетрясения.

И. Бронштейн.—Хрестоматия по истории материальной культуры.

Г. Зиновьев.—Мировая партия ленинизма.

Г. Зиновьев.—Пролетарская революция и учительство.

Падение царского режима. Стенографическ. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезв. Следств. Комиссией Временного Правительства. Под ред. П. Щеголева. Т. I.

Л. Красин, Э. Голлербах, И. Фомин, Л. Ильин, Я. Тугендхольд.—О памятнике Ленину. Сб. статей.

И. Луппол.—Ленин в борьбе за диалектический материализм.

Н. Ленин.—Аграрный вопрос и марксизм.

В. Маяковский.—Война и мир.

В. Поляков. Солнышко. Букварь. Изд. IV.

В. Чадаев.—В гуще повседневности. Бытовые очерки.

Проф. К. Покровский.—Краткий учебник космографии.

К. Федин.—Города и годы. Роман.

Революционное юношество 1905 — 1917 г.г. Сб. 1-й.

С. Аржанов.—Земля и человек. Очерки физической географии.

Э. Кресси.—Современная машина.

А. Гейльборн.—Развитие человеческого организма.

З. Лилина.—Школа и трудовое население.

Проф. Н. А. Макринов.—Молоко и молочное дело.

М. Салтыков - Щедрин. Письма 1845—1889 г. Труды Пушкинского дома при Росс. Акад. Наук.

Л. Волкенштейн.—Из тюремных воспоминаний.

В. Шишков.—Ватага (роман). 1924 г.

Андр. Белый. Одна из обителей царства теней.

Н. Касаткин.—Тяпа.

Г. Лофтинг.—Д-р Айболит. Для маленьких детей пересказал К. Чуковский.

И. Грацианский и *И. Кавун.*—Сб. арифметических задач для первого года обучения в 2 частях. Ч. I — книга для ученика и ч. II—книга для учителя.

Проф. И. Мещерский.—Курс теоретической механики. Ч. II.

А. Большаков и *И. Рожков.*—Хрестоматия по истории хозяйства России. Вып. I и вып. II.

Д. Зернов.—Прикладная механика.

М. Вебер.—Предрассветное. Картинки трудовой жизни XIX века.

Б. Титлинов.—Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи и духовных и средних учебных заведений 1860—1905 г.г.

К. Радек.—Девять месяцев английского рабочего правительства.

Б. Субботин. — Метод практических работ по химии на основах самодеятельности учащихся.

Л. Аксельрод (Ортодокс).—Этюды и воспоминания.

А. Гольцман.—Реорганизация человека.

Проф. Д. Кашкаров.—Рефлексы у человека и животных.

Проф. Ф. Холуянов.—Альтернаторы и преобразователи переменно-постоянного тока.

А. Пинкевич.—Естествознание, педагогика и марксизм.

Макс Дорту.—Строители.

П. Амп. — Песнь песней. Кн. 1.

Ж. Дюамель.—Отрешенные.

Ю. О. Ниль.—Волосатая обезьяна. Комедия древности и современности в 8 сценах.

Просвещение. — Сборник педагогических и методических статей. № 4.

Рудольф Гильфердинг.—Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма.

П. Гуров. — Тринадцатый съезд РКП (б.) и крестьянство.

П. Гуров. — Лесной кодекс РСФСР в вопросах и ответах.

Л. Каганович.—Улучшение работы Советов в деревне.

А. Халатов.—К поднятию производительности труда. Материалы для агитатора.

А. Гуревич.—О производительности труда и заработной плате.

К. Лебединцев.—Счет и мера. Ч. I. Арифметика в связи с начатками геометрии для труд. школы и самообучения.

Проф. И. Егоров, В. Виноградов и *А. Виноградов.* — Сельско-хозяйственный анализ. Удобрения.

Дж. Бьюкенен.—Мемуары дипломата. Со статьей А. Керенского: Временное Правительство и царская семья.

С. Покровский.—Мпацу—мать термитов.

Н. Лукин.—Революция и церковь.

Л. Троцкий.—Вопросы быта эпохи «культурничества» и ее задачи.

А. Рыков.—Основные вопросы хозяйственной политики СССР. (Доклад на VI Всесоюзном Съезде Профсоюзов.)

М. Гремяцкий.—Как возникла и развилась жизнь на земле.

И. Новиков.—Полный ковш. Стихи для детей среднего возраста.

Новиков-Прибой.—В бухте «Отрада».

А. Вышинский.—Очерки по истории коммунизма. Ч. 1.

За единство мирового профдвижения. Вопросы профдвижения на V Конгрессе Коминтерна.

А. Пионтковский.—Уголовное право РСФСР. Общая часть.

Н. Игарышев.—Современная теория растворов.

Проф. С. Чаплыгин. — Механика системы. Ч. 2. Динамика системы.

Ф. Красиков.—Пыль и ее значение в жизни природы и человека.

А. Крашенинников. — Сибирская язва у домашних животных и человека.

В. Михайлов.—Заразные болезни лошадей.

Б. Завадовский.—Невидимые друзья земледельца.

Агр. М. Цыганков.—Амбарный долгоносик.

В. Степанов.—Наши четвероногие работники.

В. Явицкий.—История человеческого жилища.

В. Герд.—Строение и жизнь человеческого тела.

Д-р К. Бари.—Бешенство.

Г. Лофтинг.—Приключения д-ра Дулитля.

Борис Соколов.—Сказители.

В. Владимирский.—Шахта изумруд. Рассказ для детей.

М. Мишев.—Сокровище ходов. Повесть из жизни чешских крестьян.

М. Гремяцкий.—Как наше тело питается и переваривает пищу.

И. Скворцов.—Разведение свиней.

П. Ростовцев.—Картофель.

И. Иванов-Даль. — Как делать колеса.

И. Иванов-Даль.—Как гнуть дуги.

Л. Иозефович.—Овес.

П. Ростовцев.—Сушка овощей, зелени и грибов.

П. Гуров.—Сельское хозяйство СССР. Аграрный кризис и задачи РКП в деревне.

И. Астухов и *И. Мартыненко.*—Программы Гуса и массовая школа. Опыт построения учебно-производственных планов на основе программ Гуса и применение данных программ в массовой школе.

Г. Зиновьев.—Как большевики строят государство рабочих и крестьян, по отчету Центр. Комитета XIII съезду РКП (б.).

И. Добровольский.—Свободные силы природы и их использование.

Проф. И. Смирнов и *проф. А. Степанов.*—Аналитическая химия и качественный анализ.

Г. Лавров.—Мир кристаллов.

И. Степанов.—Мысли о религии.

Анри Барбюс.—Речи борца.

Артуро Кароти.—Нини и Чикка. Против фашистов.

Мультатули.—Саид и Адинда.

Н. Огнев.—Яшка из кармашка. Сказочка.

В. Рожицин.—Золотая легенда. Книга о святых мучениках.

Я. Резвушкин.—Суд над богом. Антирелигиозный сборник.

М. Шейнман.—Огнем и кровью во имя бога.

Проф. А. Богомолец.—Патологическая физиология. Т. II.

А. Луначарский.—На фронте просвещения. Доклад о народном просвещении на второй сессии ВЦИК 9 октября 1924 года.

К. Озол-Преднек.—Дни памяти В. И. Ленина в школе II ступени.

В. Удольская.—Немецкая хрестоматия для строительных, технических учебных заведений.

С. Семковский.—Этюды по философии марксизма.

В. Евгеньев-Максимов.—И. А. Гончаров.—Жизнь, личность, творчество.

Ю. Стеклов.—Революция 1848 года во Франции. (К 75-летней годовщине).

И. Мотылев.—Хрестоматия избранных отрывков русской литературы 1917—1924 г.г.

П. Амп. — Больная промышленность.

Л. Крицман.—Героический период великой русской революции.

Вильгельм Оствальд.—Научные основы аналитической химии в элементарном изложении. Под. ред. Н. Шилова.

С. Виноградов.—Основания теории детерминантов.

А. Шестаков (Никодим). Капитализация сельского хозяйства России. Под ред. Лященко.

Б. Горев. М. А. Бакунин.

Н. Нелидов.—Виктор Павлович Ногин (тов. Макар).

Л. Троцкий.—Вопросы культурной работы.

Д. Овсянико-Куликовский—Собр. сочинений. Т. VIII. История русской интеллигенции. Ч. II от 50-х до 80-х годов.

Ф. Самойлов. — Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении 1903—1905 г.г. Ч. I.

Ф. Фридлянд и *Е. Шальт.*—Практическая программа русского языка. Ч. I. Звуки, ритм, интонация.

П. Яровой.—Повесть о человеке.

П. Коваленко.—Книжка политической грамоты.

Г. Зиновьев.—Профсоюзы и наши задачи.

Е. Ярославский.—Учебник политграмоты для деревни. (Что должен знать каждый общественный работник в деревне). Ч. I.

Ю. Юрьин.—Советский чорт (комедия в 3 действиях.)

П. Хлебников. — Кага—японский мальчик.

Р. Киплинг.—Маленький Тумай. (Рассказ для детей.)

К. Ушинский. — Как рубашка в поле выросла.

Неизлечимый. По рассказу Глеба Успенского.

В. Степанов.—Чем богата наша страна.

Агр. Подъяпольский.—Божья воля или агрономическая наука.

В. Богданов и *И. Воробьев.*—Парижская коммуна.

Д-р А. Архангельская.—Для чего доктора делают операции.

М. Конопницкая.—Печальница горя народного. Ее жизнь и избранные стихи.

К. Рудаков. Почему нужно пахать землю.

Е. Мишустин. Как нужно пахать землю.

П. Яровой. Маленькая повесть о яслях.

Е. Ростовцева.—Выбор молочной коровы.

Агр. П. Грацианов.—Борьба с сорными травами.

П. Логинов.—Рассказ о том, как кооперация мужиков из болота вытащила.

В. Молотов.—Об уроках троцкизма.

Сванте-Аррениус.—Химия и современная жизнь. Кн. II.

В. Катаев.—Остров Эрендорф. (Роман с приключениями.)

Уптон Синклер. — Кипящий горшок. Комедия в 4 действиях.

Государственное издательство Украины.

А. Миртов.—Начатки правописания в связи с развитием речи. Вып. 3.

Кузнечные и слесарные работы. Вып. 7.

М. Дашкевич.—Строительное искусство.

К. Бархин.—Творческая работа по родному языку. Методическое пособие для преподавателей. Ч. I.

К. Бархин.—Алые зори. Первая после букваря книга для чтения. Пособие для классных работ.

Я. Столяров.—Общая теория механизмов и машин. Ч. I.

Проф. И. Александров.—Электрификация Днепра.

Проф. Д. Третьяков.—Биология и биологи.

А. Машкин.—Пути марксистской литературной критики.

Ленин.—От блокады до признания. С предисловием А. Шлихтера.

М. Левин. — Природоведение. Ч. I. Воздух, вода, земля.

Проф. П. Мульцер.—Сифилис кожи и слизистых оболочек.

Н. Лебедев.—Размножение.

Новое в медицине. Сборник третий.

Проф. Е. Хотинский. Сущность химических явлений.

Проф. Т. Усенко.—Что нужно знать кочегару.

М. Езерский.—Разбитые цепи. Сборник революции для юношества.

Д. Мамин-Сибиряк.—Рассказы.

Программы школ политграмоты, школ передвижек, сокращенных школ и кружков по изучению ленинизма. Вып. 1-й.

Чистка. Проверка партии и Госаппарата. Под. ред. и с предисл. Д. Лебедя.

О. Водолажченко и *М. Езерский.*—Октябрь. Сборник для детей и юношества.

Южно-Российский союз рабочих. Сборник статей и материалов под ред. Н. Осиповича.

Инж.-техн. А. Спах.—Инструментальное дело. Краткий курс, читанный в школе мастеров при заводе «ВЭК» в Харькове. С приложением атласа чертежей.

Пьер Л'Эспаньоль.—Мировая борьба за нефть.

Андре Марти.—По тюрьмам французской республики.

Издательство «Московский Рабочий». Москва.

Л. Б. Каменев.—«Почему необходимо поднять производительность труда».

В. Сарабьянов.—Исторический материализм.

Национальный и колониальный вопрос и РКП (б.). Материалы и статьи под ред. Г. Бройдо.

Ф. Михалевский.—Начальный курс политической экономии.

П. Китайгородский.—От рабства к национальной независимости. Со вступ. статьей М. Павловича.

Путь к Октябрю. Вып. IV. (Материалы по истории Московской окружной организации РКП (б.) Сборник воспоминаний, статей и документов 1904—1918 г.г. под ред. С. Полидорова.

Н. Ленин.—Тактика РКП и международное положение.

Н. Ленин.—1) Внешнее и внутреннее положение и задачи партии. 2) Доклад о политической деятельности РКП (б.).

Н. Ленин.—Третий Интернационал и его место в истории.

В. И. Ленин.—О земле и крестьянстве.

П. Гуров.—Об очередных задачах работы в деревне.

Н. Чужак.—Фетишизм культуры.

Э. Магарам.—Китай.

А. Фридрих.—Генри Форд. Автомобильный король и владыка человеческих душ.

С. Бессонов.—Современная фабрика.

Государственное военное издательство. Москва.

А. Зайончковский.—Мировая война 1914—1918 г.г. Общий стратегический очерк.

А. де-Лазари.—Атлас схем к труду Зайончковского.

И. Подшивалов.—Гражданская война на Урале. 1917—1918 г.г.

С. Венцов и *С. Белицкий.*—Красная гвардия.

Ф. Энгельс. — Статьи о войне 1870—1871 г.г. с предисл. Л. Троцкого.

А. Верховский.—Общая тактика.

А. Верховский.—Исторические примеры к курсу общей тактики.

Б. Таль.—История Красной Армии.

Б. Доливо-Добровольский. — Тихоокеанская проблема. Со вступит. статьей М. Павловича: «Борьба за Тихий океан».

В. Готовский.—Эскадрон новой организации.

В. Германиус, К. Голубинцев, В. Григорьев и *С. Кремков.*—Артиллерия и ее боевая работа. Сведения для комсостава всех родов войск.

Г. Гирс.—Методика обучения красноармейца военному делу.

А. Корда.—Мировая война. Операция на суше в 1918 году.

М. Павлович-Вельтман. Перед угрозой будущих войн.

П. Тихомиров.—Уроки болгарского восстания. (Сентябрь 1923 г.)

А. Жабин.—Борьба в Китае.

А. Иорданский.—Китай в прошлом и в настоящем.

А. Певнев.—Конница по опыту мировой и гражданских войн.

Н. Какурин.—Современная тактика.

В. Дембо. Бессарабский вопрос.

Н. Бородачев.—Защита тыла.

М. Кульчак.—Новая организация местного военного управления.

А. Кадышев.—Что должен знать молодой красноармеец.

Г. Рогинский.—Завоевание Октябрьской революции.

Д. Митяев.—Союз Советских Социалистических Республик.

Ф. Габер.—Пять речей по химии.

Г. Гандовский.—Основные понятия коллоидной химии и ее применение к биологии и медицине.

В. Кемпферт.—Первая книга радио-любителя. 1) Основные принципы радио-телефонии и 2) Как самому построить радио-приемник.

Д-р химии Я. Фишман.—Химическое оружие.

Д-р химии Я. Фишман.—Химия в народном хозяйстве и обороне.
А. Фрайс и *К. Вест.*—Химическая война.
Д. Попов.—Химия в мирной жизни и на войне.
Кап. Гейер.—Химическая война. (Из сборника под ред. Шварте «Великая война 1914—1918 г.г.»)
Е. Смысловский и *Е. Баташев.*—Военно-химическое дело.
И. Яцук.—Авиация и химия.
Г. Угрюмов.—Мирное применение боевых отравляющих веществ.
Средства газовой борьбы и защиты от газов.
Г. Угрюмов.—Доброхим на службе у лесного хозяйства.
Доброхим. Сборник материалов для бесед, лекций и самообразования. Со вступ. статьей и под ред. В. Ипатьева.
В. Новиков.—Конница. Учебник по тактике для нормальных военных школ.
Л. Троцкий.—Вопросы гражданской войны.
А. Ильинский-Блюменау.—Сказка-быль о Марье Храброй, незаморском Добром Химе и Заморской Саранче.

Издательство «Молодая Гвардия». Москва.

М. Колосов.—Комсомольские рассказы.

Издательство «Комун. Ун-та им. Я. Свердлова». Москва.

В. Попов.—Очерки политической географии Западной Европы.
А. Залкинд.—Революция и молодежь. Сб. статей с предисл. М. Лядова.
Г. Боньe.—Звенья живой природы. Введение в изучение естественной истории.
Н. Ванаг.—Финансовый капитал в России накануне войны.
А. Сольц.—О парт. этике.
М. Лядов.—Вопросы быта.

Издательство «Мосполиграф». Москва.

Н. Ляшко.—Повести.
В. Вересаев. — Аполлон и Дионис (О Ницше).

Издательство «Вопросы труда». НКТ. Москва.

М. Лукомский.—Рабочая медицина.
Н. Быховский.—Страхование рабочих в СССР на случай увечья.
А. Вишневецкий.—Обеспечение инвалидов труда.
Н. Быховский.—Работница и страхование.
Н. Быховский.—Страхкасса.
М. Фабрикант.—Социальное страхование по советским законам.
Проф. Н. Виздорчик.—Что такое инвалидность и в чем заключается экспертиза инвалидности.
Б. Михайлов.—Социальное страхование в иностранных государствах.
Китай. Под ред. и с предисл. В. Виленского-Сибирякова.
М. Рудаков.—Учетно-плановая система управления.
И. Штильрейн.—1) Методы прикладной психологии в послевоенный период. 2) Лаборатория промышленной психотехники при Нар. ком. труда.
А. Исаев.—Безработица в СССР и борьба с нею.
Примерные программы и конспекты лекций для губернских курсов по охране труда.
Сборник важнейших узаконений и распоряжений по труду РСФСР и СССР по 1 июля 1924 г.

Издательство МГСПС «Труд и Книга». Москва.

П. Мытник.—Охраняйте труд.
М. Чечановский.—На пути к профграмоте.
М. Чечановский. Ткач Петр Анисимович Моисеенко. Историко-биографическ. очерк. 1852—1923 г.г.
Х. Диамент.—Рабочий профессиональный клуб.
М. Лейзеров.—Вечера профагитации в рабочем клубе.
С. Айнзафт.—Рабочее движение в России до 1905 г.
А. Штейнберг.—Социальное страхование.
М. Бухов.—Что нужно знать фабрично-заводскому ученику о своих правах.
Против бога, попа и чертей.—Инсценировка, песни, декламации и игры к комсомольскому рождеству. Под ред. М. Розен.
Шорох ремней. Рассказы и стихи поэтов-рабочих.

Издательство «Земля и Фабрика». Москва.

Дж. Лондон.—Мартин Идэн (роман).
Дж. Лондон.—Северная Одиссея.
В. Синайская-Филькенштейн.—Нерасцветшая. Под ред. Н. Чуковского.
В. Бахметьев.—Маленькие рассказы о большой жизни.
Г. Нотари.—Три вора. (Роман.)
Оскар-Мария-Граф.—Пережитое.
А. Демидов.—Жизнь Ивана. Повесть.
Е. Тараховская. — Тит - полетит (Сказка.)
В. Катаев.—Приключение паровоза. Повесть.
Дж. Конрад. Рассказы о непокое.
Э. Дрезен.—В поисках всеобщего языка. С предисл. В. Невского.
Герои морских берегов. Рассказы под ред. В. Попова.
Пастушонок Уля и др. рассказы. Под. ред. В. Попова.
Проблемы поэтики. Сб. статей под ред. В. Брюсова.

Кооперативное издательство». Москва.

А. Рыков.—Письма в деревню. Письмо первое: О недороде.

Издательство «Новая Москва». Москва.

Венок Белинскому. Сб. под ред. Н. Пиксанова

Издательство «Сабашниковых». Москва.

Пантелеймон Романов. Русь. Кн. 2.

Издательство «Современные Проблемы» Н. А. Столяр. Москва.

Люис Синклер.—История одной американки (роман).
Шелом-Алейхем. Сквозь слезы.
Л. Сейфуллина.—Путники. (Роман.)
Л. Сейфуллина. — Преступление. (Рассказы.)
Л. Сейфуллина. Виринея. (Повесть.)
Проф. Цигеи.—Душевная и половая жизнь юношества.

Издательство «Мосздравотдела». Москва.

Я. Кац.—Москва. Ее санитарное и эпидемиологическое состояние.
С. Гуревич.—Москва, ее благоустройство и роль трудящихся.
Москва в санитарных очерках.
Оздоровление труда и революция быта. Сб. трудов Института МОЗ по изучению профессиональных болезней. Вып. IV—V. 1. Труд и быт рабочих текстильной промышленности.
Д-р Карниловский. Берегись игрушек.
Ж. Дюкло.—Коллоиды.

Парт. Издательство «Октябрь». Москва.

Г. Лелевич.—На литературном посту. (Статьи и заметки.)

Издательство «Экономическая Жизнь». Москва.

Г. Сокольников.—Бюджет и валюта.

Издательство НКРКИ СССР. Москва.

Н. Русинов.—Десятичная классификация документов.
Э. Дрезен.—Организация промышленных торговых и административных учреждений.
М. Аронович, П. Зецерман, Ф. Масленников, В. Папернова, проф. С. Чахотин, Л. Шухгальтер.—Стандартизация в промышленности и торговле.
Вопросы организации и управления. Сб. статей.
Очередные вопросы госторговли и кооперации.— Руководство по изучению и обследованию в соответствии с тезисами XIII съезда РКП (б.).

Издательство «Прометей». Москва.

П. Стучка.—Ленинизм и государство.
Ж. Лонге и *Г. Зильбер.*—Террористы и охранка. С предисл. Ж. Жореса.

Изд-ство «Научная ассоциация востоковедения при ЦИК». Москва.

В. Гурко-Кряжин.—Ближний Восток и державы.

Издательство «Право и Жизнь». Москва.

Проф. Н. Гернет.—В тюрьме. Очерки тюремной психологии.

Издательство «Т-во Мир». Москва.

Н. Бродский, С. Дзюбинский, П. Мирский, В. Цветаев. Текстильщик. (История, быт, борьба.)

Издательство «Academia». Москва—Ленинград.

А. Луначарский. Толстой и Марко.
А. Луначарский. Беседы по марксистскому миросозерцанию.
Е. Бертельс. Персидский театр.
Карл Гагеман. Игры народов. Китай. Африка. Вып. 3.
Мишка Медвежонок. Рассказ для детей Марии Тургеневой.
Творения Платона. Т. IX.
Вопросы литературы и драматургии. А. В. Луначарского 26 мая 1924 г.
Проф. Ф. Левинсон-Лессинг.—Землетрясения и меры борьбы с ними.
В. Твердохлебов.—Государственный кредит. Теория и техника.
Карл Гагеман. — Игры народов. Индия.
Арнольд Шеринг.—История музыки в таблицах.
Урбан Гад.—Кино.
Анри де-Ренье. — Необыкновенные любовники.
А. Васильев.—Падение Византии.
Проф. Б. Казанский. — Метод театра. Анализ системы Н. Евреинова.

Издательство «Книга». Москва—Ленинград.

Будь готов! Сб. рассказов, кн. I и II. Под ред. А. Насимовича.
А. Руссель Бонд. Непобедимые строители.
Э. Пименова. Один среди дикарей. Путешествие Н. Миклухи-Миклая.
Я. Бруксон. Театр Мейерхольда.
С. Коллатц. Радио для всех.
Уптон Синклер. И воцарились на тысячу лет. Millenium. Комедия 2000 г. в 3 частях.
М. Беер. Всеобщая история социализма и классовой борьбы. Новейшее время до 1920 года.
М. Осипов. Октябрь и профпечать.
Н. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Том. X. Разложение старого порядка в России в первой половине XIX века.
Лео Колиш.—В стране будущего. Мои скитания.
А. Богданов.—О пролетарской культуре 1904—1924 г. г.
П. Олиг.—Слесарь.
М. Яковлев.—Лермонтов, как драматург.
Виллиам Кент.—Новейшая система управления промышленным предприятием.
Карл Мейер-Лемго.—Путешествие на луну.
Рабиндранат Тагор.—Гора. (Роман.)

Издательство «Круг». Москва—Ленинград.

С. Есенин. Стихи 1920—1924 г.г.

Издательство «Френкель». Москва — Ленинград.

Рихард Мюллер.—Мировая война и германская революция.
Всеволод Иванов.—Сопки. Повести. Т. I.
Ф. Юнг. Пролетарии. Красная неделя. Повести.
В. Кириллов. Стихотворения. Кн. I.
М. Герасимов.—Стихи.
С. Обрадович.—Винтовка и любовь. Стихи.
Клара Фибих.—Железо в огне. Роман из времен революции 1848 года.
Дж. Гельсуорси. — Человек-собственник. Роман.
Джемс Уэлш. Подземный мир. Повесть из жизни шотландских углекопов.
В. Львов-Рогачевский. — Новейшая русская литература.
Э. Коршельт.—Продолжительность жизни, старость и смерть. Вып. I. Растения, животные и человек. Вып. III. Омоложение, рост, размножение, общие выводы.
От вольтерьянца до марксиста.—Художественные страницы по истории русской культуры Т. I. Под ред. М. Бродского и Н. Сидорова.

Издательство Сев.-Зап. Обл. Отд. Гл. конторы «Известий» ЦИК СССР и ВЦИК. Ленинград.

Инж. М. Васильев.—Поднимем производительность промышленности.
В. Эфрон.—23-й год. Пьеса по В. Гюго.
Ада Чумаченко.—Восстание рабов. Пьеса.

Издательство «Колос». Ленинград.

В. Соколов.—Систематический указатель юридической литературы. Январь—1923 г. Июль 1924 г.
Н. Рубакин.—Что такое библиологическая психология.
Н. Орлов.—Библиография и библиотековедение за годы революции. (1917—1924 г.г.)
Письма Леонида Андреева.—Предисловие и послесловие В. Чулкова.
А. Горнфельд.—Боевые отклики на мирные темы.
Неизданные письма Ф. Энгельса.
В. Энгельгард.—Александр Николаевич Веселовский.
Аристофан.—Богатство. (Плутос.) Комедия.
Н. Бродский, Н. Гусев, М. Сидоров.—Русская устная словесность.
Г. Ричер.—Человек-муравей. (Роман.)
И. Попов.—Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Сибирь и эмиграция.
П. Витязев.— Библиографические материалы о кооперативном книгоиздательстве.
Кооперативное книгоиздательское т-во «Колос» 1918—1923 г.г.

Рабочее издательство «Прибой». Ленинград.

Спутник ленинца. Пособие для сокращенных партшкол.
Н. Маторин.—Культурная смычка с деревней.
Л. Троцкий.—Вопросы гражданской войны.
Н. Карпов и М. Флиднер.—Хрестоматия по ленинизму. Пособие для совпартшкол, кружков ленинизма и самообразования. Ч. I.
П. Лященко.—История экономических учений.
К. Шелвин.—Рабочий класс и его партия. История РКП. Вып. 2.
С. Канатчиков.—Рабочая партия и крестьянство.
Г. Сафаров.—Троцкизм или ленинизм.
В. Беренштам.—В тисках ссылки.
Проф. В. Завич.—Основы поведения человека. Анализ поведения человека с точки зрения физиологии центральной нервной системы внутренней секреции.
Литературно-Художественный альманах для всех. Книга I.
Д. Четвериков.—Сытая земля.
Уптон Синклер. Юг и Север.
В. Гепферт.—Сельское хозяйство СССР.
Г. Уэллс.—Сон.

Ред. издательский отдел военно-морских сил СССР. Ленинград.

М. Белецкий.—Перископы и компрессора. Курс школы подводного плавания.

Издательство «Буревестник». Краснодар.

Г. Гордеев.—Теория земельной ренты Рикардо. Под ред. проф. С. Членова.
С. Куниский.—Очерк истории английской революции.
С. Гоникман.—Ленин, как философ.
Ф. Дингельштедт.—Деньги и денежное обращение.
А. Леонтьев.—Проблемы марксовой теории капитализма. Тенденция к понижению нормы прибыли.
А. Никольский.—Экономическая география Юго-Востока.
П. Минченко.—Дальтоновский лабораторный план.
Н. Сутырин.—Своими средствами.
Н. Сутырин.—Водяной бой.
Д. Дмитриевич.—Двуногие овцы.
Д. Дмитриевич.—Как крестьяне кулаку пай вносили.
Д. Дмитриевич.—А ему и засуха не страшна.
Спутник юного пионера.

Изд-ство «Пролетарий». Харьков.

Н. Ленин.—Уроки революции.
Н. Ленин.—Задача пролетариата в нашей революции.
Н. Ленин.—1) Большевики должны взять власть. 2) Марксизм и восстание.
Н. Ленин.—Три источника и три составных части марксизма.
Н. Ленин.—Октябрь. Сборник статей и речей.
Л. Троцкий. От Октября до Бреста.
Г. Рожин.—Фейербах и Маркс (о философских источниках марксизма).
С. Моносов.—История революционных движений (1789—1871 г.г.).
А. Панов.—Тайны творения. Попул. очерк происхождения мира.

Издательство «Червоний шлях». Харьків.

П. Тичина. Вітер з України. Стихи.

Издательство «Рабочий Донбасса». Артемовск.

Б. Ольховый.—Против искажений ленинизма.
Г. Зиновьев.—Большевизм или троцкизм.
Э. Квиринг.—Троцкизм—смесь левой фразы с практическим оппортунизмом.
Очередные задачи коммунистического детского движения. Пионерский отряд в осенне-зимний период.

Издательство «Уралкнига» г. Свердловск (Екатеринб.).

В. Варгин.—Девятиполье на смену трехполью.

Ф. Эйхе.—Доменная печь и чугунолитейное производство.

А. Шубин.—Памятка о льготах маломощному крестьянству по советским законам.

Ю. Колосов.—Главнейшие вредители полей Урала.

К. Семенов. — Лесное хозяйство Урала.

Крестьянский календарь на 1925 год.

С. Карманов.—Химическая переработка дерева.

Д. Бобылев.—Экспортное хозяйство Урала, как экономическая проблема.

Инж. П. Саухат.—Ископаемые богатства Урала и их использование.

Т. Онуфриев.—Гражданская война на Урале.

А. Жабров.—Авиация на войне и в мирном строительстве.

Ленинизм или троцкизм.—Сб. статей и речей.

Н. Ленин.—Об отношении к специалистам.

Н. Ленин.—Буржуазная демократия и диктатура пролетариата.

С. Подьячев.—Предупредили. (Сборник рассказов.)

В. Быков.—Свердловск — столица Урала. Справочник-путеводитель.

Разные:

М. Григаин.—Основы философии марксизма. Киргизское госиздательство.

Пять лет рабочего факультета рабочего университета им. В. И. Ленина. Казань.

Дальистпарт. Сборник материалов по истории рев. движения на Дальнем Востоке. Кн. 2. Владивосток.

Издательство Акц. О-ва «Книжное Дело»

С. Малышев.— Нижегородская ярмарка 1924 г. Изд. Нижег. Ярмарочного К-та. Нижний-Новгород.

Проф. Лебедев. — Полеты птиц и насекомых. Изд. Укрвоздух. путь. Харьков.

В. Павлов.—Крылья победы. Вып. 5 и 6. Изд. Укрвоздухпуть. Харьков.

Цішка гартны. Трэскі на хвалях апавяданьні. Беларускае Кааперацыйна-Выдавецкая Таварыства. Савецкая Беларусь. Минск.